Таинственный древний меч – единственная надежда людей...

Элдон Томпсон

Век Дракона

Алый Меч

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Королевство Олсон постигла беда. Король погиб от руки убийцы, посланного могущественным чернокнижником, возмечтавшим о троне. Столица — в кольце осады. Наступает время железа и крови. Время, когда вырывается из многотысячелетнею заключения чудовищная королева демонов Спитахера.

А за повелительницей возвращается на землю рать ее подданных, несущих гибель всему живому…

И единственная надежда олсонцев на спасение — таинственный Алый Меч Азахиля, при помощи которого эльфы, в союзе с людьми, однажды уже повергли силы Тьмы. Но где искать его?

И с кем придется схватиться за право им обладать?

Принц Олсона Джером и его друзья — меткий лучник Эллайен и непревзойденный мастер боевых искусств Килак — еще не знают этого. Они знают только, что путь к загадочному сокровищу будет долгим и смертельно опасным…

- Элдон Томпсон
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Эпилог

Элдон Томпсон
«Алый Меч»

Глава 1

Полуночный лес наводнили удивительные тени и диковинные существа, порожденные лунным светом, что струился сквозь густые кроны дубов, заросли ольшаника, сосны и ели, через кружево папоротников и ползучих вьюнов. Темные силуэты появлялись на усыпанной иголками и листьями земле, принимали все новые и новые формы, стекаясь в глубокие лужи у стволов и пней, бесшумно плескались в воде и поднимали на поверхности рябь, вторя неторопливому движению ветвей, которые нежно покачивал ласковый летний ветер.

На краю одной из таких лужиц мышка, пробегавшая в лучах серебряной луны, подняла голову и принюхалась к наполненному ароматами лесному воздуху. Усики-ниточки быстро зашевелились, ловя ночные запахи. Сердце бешено стучало в крохотном тельце. Мышь осмотрелась по сторонам и опустила глаза на зажатое в лапках зернышко. Зверек несколько раз попробовал надкусить находку, ловко переворачивая ее из стороны в сторону. В конце концов мышка выбросила обглоданный кусок и потянулась за следующим.

Внезапно сверху упала тень. Зверек взвизгнул от страха и удивления, когда острые когти пронзили податливую плоть. Грызун не успел набрать воздуха — в следующую секунду косточки хрустнули, и мощные крылья подняли добычу в воздух.

Сова бесшумно унесла свой теплый ужин, проскользнув в полете сквозь лабиринт ветвей и сучьев.

Из укрытия Тень наблюдала за птицей, не упуская ни единого шороха, ни малейшего движения темного леса. Атака совы была совершенна. Ночной ветер мгновенно проглотил мышиный визг, не оставив даже эха, а обитатели ночного леса принялись за свои дела, тотчас позабыв о маленькой трагедии. Тень позволила себе улыбнуться. Идеально.

Она бесшумно покинула укрытие. Лесным жителям показалось, что полоска коры отстала от ствола березы. Низко присев, Тень оглянулась на север, потом на юг, но движение ее осталось незамеченным и безответным, и она двинулась в путь, проскользнув, словно лунный луч между качавшихся деревьев. Как лесная сова, бесшумно летела она среди листвы на крыльях смерти. Грызуны разбегались в стороны, деревья вздрагивали в порывах ветра. Страх охватил лес, его обитатели попрятались по кустам и норкам, дожидаясь исчезновения темного призрака.

В ночном лесу Тени все казалось нереальным, преувеличенным, она даже отрешилась от своей сущности,

вообразила себя созданием сверхъестественной природы и силы, искусным убийцей среди беспомощных детей, безжалостным, словно сама смерть.

Беспрепятственно проскользнула она в небольшую рощицу на самом краю леса. На расстоянии менее сотни шагов к югу на склоне небольшого холма в белесом лунном свете появились очертания стены. Твердый камень, словно нежную кожу, изъели мох, плесень и вездесущий вьюн. Известка как сухой песок просыпалась сквозь старую кладку. Несмотря на потрепанный вид, каменная конструкция величественно возвышалась над окружающим ландшафтом. Тонкий ручеек, чуть больше сточной канавы, огибал основание башни и направлялся к протекавшей неподалеку Королевской реке. Лишь одинокий часовой стоял на карауле в крепости, но он на удивление преспокойно дремал, опершись на ржавое копье.

Без промедления покинула Тень свое укрытие и погрузилась в луговую траву, росшую на склоне холма. Низко пригнувшись, в мгновение ока проскользнула через открытое пространство, пересекла грязный ручей и прильнула к ледяному камню крепостной стены. Лишь легкий ветерок выдал стремительный маневр, так что не было необходимости останавливаться и проверять, не заметил ли кто-нибудь ее движения. Привычка к осмотрительности защищала Тень, как тяжелые доспехи оберегают солдата, хотя и сковывают движения тела. Их невозможно снять в одиночку. Нельзя упускать ни единого мгновения битвы, пока не одержана победа. Осторожность предохраняет от чрезмерной самоуверенности, которая слишком часто приводит к непростительным промахам. А в нынешнем сражении одна-единственная ошибка могла стать ключом к воротам в царство смерти. И Тень не допустила ошибки.

Армия кузнечиков наполнила ночной воздух звонкой песней. Сова ухала в глубине далекого леса. У подножия холма зловонная вода плескалась о песчаные стены канавы. Прильнувшая к холодному камню Тень осталась незамеченной.

Убедившись в этом, Тень обернулась лицом к неприступной стене и вытащила из-под широкой накидки аккуратно свернутую тонкую веревку с привязанным на конце крюком. Три стальных зубца были завернуты в мягкую тряпицу, чтобы заглушить звук удара и скрыть блеск металла. Тень ловко запустила крюк к самой вершине зубчатой стены, на высоту девяноста футов. Бросок оказался точным. Эхо приглушенного удара прилетело с порывом ветра. Крюк пересек край стены и словно змей впился в твердый камень.

Тень продолжала терпеливо ждать у подножия стены с

коротким луком в руках, готовясь поразить стрелой первого же любопытного солдата. И снова осторожность оказалась излишней. Лишь громкий храп нарушал безмолвную тишину ночи.

Лук исчез, и его место заняла пара кинжалов. Повертев оружие в руках, Тень зажала клинки в зубах. Приготовившись к вторжению, она несколько раз потянула за тонкую веревку перед опасным подъемом.

Тень быстро карабкалась по гигантской стене, упираясь ногами в камень и подтягиваясь на руках. Добравшись до вершины, она ловко юркнула между поросшими мхом зубцами и взяла в руки кинжалы. Через секунду оба клинка по самые рукоятки вонзились в горло ничего не подозревавшего стражника. Часовой бесшумно опустился в темную глубину, тихо погрузившись в сон, от которого ему уже не суждено было пробудиться.

Остановившись на миг, чтобы перевести дыхание, спрятать веревку и кинжалы, Тень помчалась вдоль крепостной стены по заросшим лишайником ступеням вниз к спящему городу.

В окнах торговых лавок не мелькнуло ни огонька. Тень миновала ночной рынок, безошибочно выбрав путь через деловую часть города в обход кварталов, которые в поздний час облюбовали пьяницы, шлюхи, воры и прочий сброд. И хотя вся эта братия была Тени гораздо ближе, нежели прочие граждане, сейчас ей предстояло важное дело.

Рваная пелена облаков закрыла луну и звезды. Уличные фонари в этой части города попадались редко, и обойти их стороной не составляло труда. Как и всегда внимательно следя за темными улицами и аллеями. Тень ускорила шаг.

Через считанные секунды из-за угла дощатого здания возник высокий кованый забор королевского дворца. У металлической решетки хохотали двое стражников, пересказывая очередной нелепый слух о ее королевском величестве. Притаившись в темноте улицы, Тень наблюдала, не без интереса прислушиваясь к разговору охранников. В любом другом государстве подобные слова означали бы для болтуна неминуемую смерть, но в Олсоне добрую половину слухов о королеве Эллибе распускал сам король Сорл — судя по всему, стражников рассмешила как раз одна из таких небылиц.

Пожалуй, такое было возможно только в Олсоне, где страсть короля к грязным байкам и безудержным кутежам давно стала легендой. Утверждали, что ни одному правителю в истории не удавалось с таким размахом удовлетворять все желания и прихоти собственной персоны и своих драгоценных гостей. Правя обширной и богатой землей, обустроенной трудами его отца,

король никогда не заботился ни о цене, ни о последствиях. И, хотя Олсон с каждым годом все более и более приходил в упадок, Сорл регулярно требовал выплат из королевской казны, чтобы утолить растущие аппетиты. Наследство же отца пополнял он за счет непомерных налогов и грабежей.

Богатства своего король не стыдился, нанимая профессиональных воинов для охраны сокровищ.

Когда солдаты в очередной раз от души расхохотались. Тень бесшумно подступила к ним. Клинок засверкал раньше, чем жертвы успели сообразить, что случилось. Тень мягко опустила тело второго стражника на землю и заглянула в его небритое, застывшее в изумлении лицо.

— Ты труп. — Шепот убийцы прозвучал будто ветер, несущий сухие листья по мостовой.

В горле солдата хлюпнуло, и из раны хлынула черная кровь. Тень вытерла кинжал, после чего ловко поднялась по кованым воротам и бесшумно спрыгнула на землю с другой стороны. За забором высилось гигантское сооружение, по сравнению с которым все прочие здания в городе казались крохотными.

Несмотря на размеры, резиденцию короля Сорла никак нельзя было назвать строением величественным. В прежние времена башня эта считалась самым великолепным сооружением во всем Олсоне, гордым символом своей земли и государя. А теперь, потрескавшаяся и постаревшая, она скорее нависала над землей, чем взмывала в ночное небо. Казалось, если бы не обвивавший башню плюш, она давно бы рассыпалась в прах.

Тень осторожно прокралась вдоль округлой внешней стены, направляясь к входу для прислуги. Однако на пути оказалось слишком много народу: пьяницы, торговцы, наркоманы тащились домой или попросту шатались по улице в поисках ночных приключений. Все они были слишком пьяны и не обратили на Тень никакого внимания. Уличные шлюхи визгливо хихикали и томно вздыхали, бросали на прохожих похотливые взгляды или опускали глаза с притворным целомудрием, приглашая запоздавших покупателей воспользоваться последним шансом. Был тут народ и трезвый: горничные вывозили тележки с мусором еще до того, как хозяева начинали лениво потягиваться в своих постелях; сутенеры расхаживали по улице, собирая мзду. Трое стражников показались в пестрой толпе, и Тень решила найти другую дорогу.

Не теряя времени, Тень вернулась к фасаду башни, где широкая лестница вела к главному входу. Бледная луна и уличные фонари залили каменные ступени тусклым светом, будто дразня ночного гостя и подзадоривая его показать, как

умеет он превращаться в невидимку.

Тень еще раз замерла и прислушалась. Судя по всему, риск был минимальным.

Поднявшись по ступеням, она осторожно попробовала толкнуть гигантские двери, которые моментально ответили легким ударом о засов с внутренней стороны. Тень быстро скользнула в темноту дверной арки. Но внутри было тихо, и она принялась за замочную скважину кованой решетки, защищавшей тяжелые дубовые двери. Довольно скоро замок податливо щелкнул. Открыв металлическую решетку, Тень потянулась между прутьями к дверному молоточку.

* * *

Кэррус застонал во сне. Осознав, что источником неприятного шума служат древко копья и его собственный шлем, он очнулся и замахал руками.

— Какого черта?..

Термин даже хрюкнул от удовольствия и убрал копье. Стражник расплылся в улыбке, выставив напоказ все зубы. Кэррус спросонья тщетно пытался разобраться, что же происходит с его шлемом.

— У нас гости.

— Что? — Кэррус наконец-то победил шлем и с удивлением посмотрел на напарника. Тот молча указал на двери просторной прихожей.

— Давно выставил бы всех к дьяволу! Меня на кой будить?

— Так положено, — напомнил Термин, чья ухмылка выдавала единственную цель — позлить собрата по оружию.

Кэррус продолжал недовольно ворчать, а Термин, посмеиваясь, направился к двери, распахнул узкое окошко и заглянул за прутья решетки.

— Что такое? — спросил Кэррус.

— Э-э, старик… — Термин захлопнул окошко и направился обратно. Не успел он сделать и двух шагов, как снова раздался стук в дверь. Стражник резко развернулся. За решеткой кто-то свистнул.

Проворчав нечто невнятное. Термин снял засов. Кэррус довольно посмеивался у него за спиной.

— Ну вот. Термин, так и положено.

Термин проигнорировал замечание и двинулся к выходу. Стоило только дверям открыться, как металлическая решетка загрохотала, и стражник согнулся пополам. Кэррус перестал

смеяться и успел заметить мелькнувшую во тьме тень. В широко раскрытых глазах отразился блеск стали, но стражник не успел издать ни звука. Два кинжала перерезали ему глотку. Он изо всех сил вцепился в убийцу, но пальцы сжали лишь пустоту. Кэррус чувствовал, как вздрогнули и застыли мышцы, как кровь вязкой струей потекла из горла, а мир вокруг начал таять.

* * *

Яркий свет факелов бил в глаза. В обычных условиях риск мог стать неоправданным, но миссия на Поверку оказалась довольно простой, и, соблюдая должные меры безопасности. Тень не отказалась бы от удовольствия слегка пощекотать себе нервы. Усадив обоих стражников в позу сладкого сна и убедившись, что путь свободен, Тень проскользнула мимо предательского факела и укрылась перед лестницей, ведущей в основную залу. Спустя мгновение Тень оказалась на верхней ступени и свернула в один из боковых проходов, заканчивавшихся новыми лестницами.

Бесшумно и уверенно продолжала Тень свой путь сквозь лабиринт коридоров и ярусов королевского дворца, поднимаясь к верхним этажам. Труда это не составило, вскоре удалось разыскать и покои Сорла. Коридоры оказались совершенно пусты. На вершине башни Тени приходилось ориентироваться только на звуки храпа одинокого стражника, охранявшего сон короля. Бедолага в шлеме полусидел, полулежал у стены. Недопитый кувшин эля наклонился в руках, грозя пролиться нерадивому солдату на штаны. Над головой весело потрескивал горящий факел, отбрасывая диковинные, но совершенно безобидные тени, среди которых одна смертельно опасная проскользнула невидимкой. Из королевских покоев не доносилось ни звука.

Кинжал убийцы бесшумно выскользнул из ножен, но часовой не заметил сверкания клинка. Не видел он и того, как близко лезвие остановилось у его горла. Тень отвела кинжал в сторону, решив на этот раз не проливать крови. Интересно, как незадачливый страж станет оправдываться поутру. Ему сто раз захочется провалиться под землю, когда он окажется перед своим капитаном. Пускай живет и проклинает милосердие убийцы.

Тень с усмешкой играла со страхом и смертью, подобно тому, как прочие бросают кости. Полузакрытые двери настежь распахнулись перед нежданным гостем. Не оглядываясь больше на спящего стражника, Тень ворвалась стремительным порывом ветра в покои Сорла, короля Олсона.

Двери тихо затворились. В уютной комнате, уставленной

мягкими креслами, горел камин. Одежды и кубки, кувшины и подносы с остатками обильного ужина загромождали бархатный пейзаж королевских покоев. Слева за аркой открывался вход в опочивальню самого Сорла.

Проскользнув вдоль стены, Тень снова вынула кинжал и небольшой лук. Теперь без труда можно было разглядеть силуэт спящего короля, похожий на вздымавшуюся гору в смятых простынях. Удивительно, но король ночевал в одиночестве под роскошным балдахином на четырех бронзовых столбах кровати. Занавеси были отдернуты.

В одиночестве, если не считать кота.

Животное подняло голову сразу же, как только Тень пересекла порог королевской спальни. Один глаз кота сверкал, а на месте второй пустой глазницы красовался застарелый шрам. Он медленно и грозно зашипел. Когда невидимый гость двинулся вперед, кот подскочил и через грудь хозяина юркнул под кровать.

Вздрогнув, король проснулся и уселся на постели. — Кто здесь? — прохрипел он.

Крошки от королевского ужина застряли в спутанной черной бороде. Сорл разглядывал пустоту опухшими, заплывшими глазами. Судя по всему, его королевское величество изволили почивать во вчерашних одеждах, испачканных подливкой и напитками и пропахших дымом факелов торжественной залы.

Ответа не последовало. Тень стояла неподвижно. Наконец Сорл пришел в себя и протер сонные глаза в поисках источника тревоги. Через несколько мгновений Сорлу все-таки удалось разглядеть Тень. Грузное тело короля затряслось, когда он заметил оружие, направленное точно в цель.

— Что… Что тебе надо…

— … то я и получу, — прошептала Тень.

Лицо Сорла побледнело, а взгляд бешено заметался по комнате. Тень продолжала следить за королем, упиваясь его страхом. Самым забавным казался тот факт, что жители Олсона скорее всего поблагодарят убийцу за оказанную услугу.

Люди по природе своей недальновидны и глупы.

Осознав свой приговор, Сорл издал последний крик о помощи. Но вопль этот оборвала навсегда острая стрела, вонзившаяся в горло короля и приковавшая его тело к спинке кровати.

Разбуженный шумом стражник вскочил на ноги и бросился из коридора в королевскую спальню. Сорл лежал в постели, и солдат не заметил крошечной стрелы, торчавшей в неподвижном теле. Он растерянно огляделся вокруг. Стражник готов был поклясться, что видел, как неизвестный человек спрыгнул с подоконника.

Чувство долга звало его к открытому окну, и стражник высунулся навстречу теплому ночному воздуху, чтобы рассмотреть безлюдную улицу. После нескольких минут бесплодного поиска стражник покачал головой. Наверное, королю спьяну что-то привиделось во сне. А может статься, весь переполох родился в его собственном воображении.

Стражник сладко зевнул, закрывая ставни, запутался с засовом и еще раз помотал головой, чтобы разогнать странный сон. Он задержался на мгновение и вытер штаны, на которые вылил в спешке весь эль, бросившись на помощь королю. Когда он, выругавшись, направился к выходу, за спиной раздалось странное бульканье. Солдат незамедлительно повернулся и с низкими поклонами попятился к выходу, принося извинения за потревоженный сон его величества, кошмар ли стал тому причиной или нет.

— Прошу прощения, мой господин. Показалось… просто тень.

Глава 2

Земля дрогнула, над ней волною прокатился раскатистый гром. Почва вздыбилась, камни заплясали, покачнулись деревья. Крестьяне и торговцы, застигнутые бурей врасплох, в замешательстве подняли глаза к безоблачному чистому небу. День стоял теплый и безмятежный. Но гул и дрожь земли не вызывали сомнений. Разрушительный ураган приближался, настигая беззаботных путников.

Стоя на юго-восточной стене крепости Кринуолла, Вэгримелл с недоумением всматривался в горизонт. Шум неумолимо нарастал, и растерянность уступила место тревоге. В любой другой день он вряд ли позволил бы страху и сомнениям столь быстро овладеть сердцем. Но вести о смерти Сорла ставили судьбу страны под угрозу. Если отбросить личные чувства, Сорл все-таки был королем, основой, на которой держалось правительство, город и, в конце концов, жизни людей. Одна-единственная ночь перевернула все, вдребезги разбив надежды, нарушив привычный образ жизни, превратив твердое будущее в смутные и туманные перспективы. Голова до сих пор шла кругом от мыслей о неожиданной потере и о последствиях для семьи и близких. Стражник смотрел в этот день на все происходящее с особым волнением.

Закрыв глаза рукой от лучей полуденного солнца, Вэгримелл присмотрелся к черному облаку, которое низко нависло над землей и стремительно приближалось. Тень его окрасила почву цветом пролитых чернил. Стражник нахмурился, прищурив глаза. В считанные минуты темное облако принимало новые очертания, превращаясь из грозовой тучи в армию всадников, наводнившую холмы и луга, стремительно надвигающуюся на город.

Преодолев замешательство. Грим обернулся и подал условный знак. Его голос эхом подхватили другие, и сигнал тревоги моментально прокатился по крепости. Грим повернулся к горизонту, молясь о том, чтобы собственные глаза обманули его.

Второй взгляд лишь подтвердил уже виденное. Те немногие, кому было позволено торговать за пределами городских стен в этот роковой день, теперь спешили в укрытие, оставив нагруженные товаром телеги. Их испуганные крики смешались с голосами дозорных, командами военачальников и стуком солдатских сапог. Но гул наступающей армии поглотил голоса обитателей Кринуолла. Черные полчища накрыли землю, словно бегущие морские волны, в воздух поднялись облака пыли. Небо померкло, затмение неотвратимо приближалось к воротам

города.

Примерно десять тысяч, рассудил Грим. Сила значительная, хотя и недостаточная, чтобы обратить войско в бегство. В особенности, если учесть, что гарнизон Кринуолла численностью в пятнадцать тысяч бойцов расположился под надежной защитой городских стен. На открытом поле шансы были бы не в их пользу. Кавалерия и пехота подготовлены и вооружены плохо. Армия оказалась очередной жертвой безрассудного расточительства короля. Сердцем полков Кринуолла всегда оставался Легион Стрелы, отряд тысячи лучников, командиру которого удалось убедить Сорла постоянно поддерживать войско в полной боевой готовности.

И все же от взгляда стражника не ускользнуло выражение страха и ужаса на лицах тех, кто стоял теперь на стенах славного города Кринуолла, столицы королевства Олсон. Как удалось многочисленным вражеским силам неожиданно оказаться на пороге крепости? Армия противника приближалась, похоже, нисколько не смущаясь отсутствием лестниц, башен и прочих осадных орудий. Тревожное ощущение охватило Грима: под ложечкой чувствовалась тяжесть, заныла шея, а в сердце укрепилась холодная уверенность, что настал роковой час.

Стражник вынул из-за пояса подзорную трубу, поднял ее к глазам и внимательно всмотрелся в ряды наступающих полчищ. Мгновение спустя он понял, что его так встревожило. Сердце отважного Грима замерло при виде незнакомца, который плыл, возвышаясь над черным потоком неприятельского войска.

Казалось, будто на гнедом коне к Кринуоллу приближается сама смерть. Длинные белые волосы развевались на ветру, а узкие глаза сверкали ненавистью и торжеством. В самом вытянутом силуэте его фигуры, облаченной в доспехи цвета ночи, казалось, таился вызов неприступному городу. Бледные жилистые пальцы сжимали эбеновый посох с такой силой, что дерево чуть не треснуло в его руке. Посох венчала готовая к броску змеиная голова с распахнутым капюшоном. Длинную цепь на шее украшал металлический череп, который ухмылялся, подражая своему хозяину.

* * *

Когда ранним утром обнаружили тело Сорла, королева Эллибе почувствовала некоторое облегчение, даже радость. Тиран и прелюбодей, приведший ее родину в упадок, негодяй, которому отдала она большую часть жизни, наконец-то покинул этот мир.

Королеве казалось, что полная боли и слез жизнь закончилась. Больше не придется соотечественникам страдать от тщеславия и жадности безжалостного деспота, а королеве терпеть бесконечные унижения, из-за которых морщины раньше срока избороздили ее лицо. После долгих лет молитвы ее были услышаны.

Однако счастливая эйфория скоро уступила место тревоге за родную землю. Со смертью короля страна становилась желанной мишенью для любого мало-мальски жаждущего власти правителя. И даже когда казна и природные запасы заметно оскудели по причине бездумного и подчас немилосердного расточительства, Олсон продолжал оставаться плодороднейшим и богатейшим королевством на островном континенте Пентании. В отсутствие прямого наследника королевская корона должна была по праву достаться князю Кордскому. Однако родной дядя Сорла слыл человеком слабым и вряд ли решился бы взвалить на себя такую ответственность. Княжеские дочери, по общему мнению, не были способны заручиться поддержкой народа. В такой ситуации трон Олсона становился желанной добычей для любого барона Пентании. Правители крупных королевств не упустят возможности вторгнуться в страну. Появление претендентов оставалось лишь вопросом времени.

Еще больше тревоги вызывал характер смерти Сорла. Король погиб от руки опытного наемного убийцы. Услуги подобного рода стоили чрезвычайно дорого. Но кто-то всё же решился на рискованный шаг и выложил солидную сумму. Вот только кто? Принимая во внимание, что явного претендента на корону не существовало, трудно было вычислить злоумышленника. Да и настоящих врагов в окружении Сорла не нашлось бы. Эллибе вынуждена была признать, что Сорл умело подкупал приближенных и тем самым держал их в узде. Кому бы из олсонской знати пришло в голову прекратить бесконечную череду оргий и пиршеств?

Значит, покушение организовал чужак, не принадлежащий к иерархии власти. Возникает вопрос: кто и зачем? Вероятно, скрытый враг задумал столкнуть королевство в пекло гражданской войны. Либо другое королевство рассчитывало таким образом ослабить и раздробить силы Олсона, а затем осадить столицу. Эллибе горько усмехнулась. Несмотря на легенды о неприступной кринуоллской крепости и легионе лучников, защищавших ее, Олсон вовсе не славился своей регулярной армией. Да и сам Сорл никогда не был ни воином, ни полководцем. Даже более скромное по численности и вооружению войско при осаде Кринуолла захватило бы город независимо от воли короля. В действительности безопасность

Олсона зависела по большей части от дипломатических отношений с могущественным южным соседом — королевством Куурии. Если убийство — тактический шаг перед вторжением, зачем понадобились лишние расходы?

Не исключено, что враг пытался загодя устранить все возможные препятствия. Разгромить ослабленного противника не сложно, а вот удержать власть в борьбе с могущественными соседями, которые непременно оспорят права победителя — задача потруднее. И если бы Сорлу каким-то образом удалось избежать гибели от вражеского меча при нападении на Олсон, то свергнутый, но живой король непременно стал бы препятствием для нового правителя. Вероятно, начнется затяжная борьба за корону, а олсонские бароны скорее разорвут друг друга на части, чем станут под одним флагом.

Тем не менее, хотя смерть Сорла и могла устранить трудности в будущем, погиб он в результате явного и неприкрытого покушения. Таким образом, любой, кто объявит свои претензии на корону слишком рано, будет обвинен в чудовищном заговоре. Зачем идти на такой риск?

Эллибе задавалась бесконечной чередой вопросов в попытках распутать паутину заговоров и махинаций. Поиск ответов грозил затянуться на недели. Тем временем необходимо было готовиться к любым возможным последствиям. Продолжая ломать голову над причинами и следствиями смерти Сорла, королева Эллибе призвала главного военного советника и предложила взять власть в оставшемся без правителя городе в свои руки. Но советник, прочитав пламенную лекцию о месте женщины в проблемах государственного характера — не говоря уже о делах военных, — демонстративно покинул залу и отправился собственноручно командовать приготовлениями к теперь уже неизбежной осаде. Впрочем, ожидавшая именно такой развязки королева, не теряя времени, направила усилия свои в другое русло — в частности, занялась подготовкой собственного бегства.

По прошествии нескольких часов королева удалилась в свои покои с тяжелым сердцем и головной болью после тщетных усилий понять смысл происходящего. Когда гром достиг слуха Эллибе, она очнулась, тихо встала и вышла на балкон спальни. Яркий солнечный свет ударил ей в глаза. Некогда прекрасная, а ныне усталая, полная печали и тревоги женщина смотрела на обветшавшие улицы Кринуолла с высоты королевской башни. Эллибе увидела на горизонте подступающую к городу армию. Сердце ее замерло, и кровь застыла в жилах.

С первого взгляда она поняла, что не будет ни переговоров, ни заявлений о праве на корону. Враг пришел взять Кринуолл

силой, установить свою власть огнем и мечом. Оставался только один вопрос — смогут ли они выжить в предстоящей битве.

Эллибе сама удивилась тому безразличию, с которым встретила она приближение чудовищной угрозы. Королеве следовало бы разделить чувства народа, которому была уготована страшная участь. Возможно, она просто переживала последствия испуга и потрясения. Вероятно, королева находила утешение в том, что народ ее, и без того порабощенный, давно ко всему привык. А может быть, причиною такого равнодушия стало то, что он никогда по-настоящему не был ее народом.

Эллибе задумчиво разглядывала толпы горожан на улицах, тянувшихся от самого основания королевской башни до главных ворот. Скорее с любопытством, нежели со страхом смотрела королева на стремительно надвигавшуюся вражескую армию, словно наблюдала за волною, что накатывает на берег. В молчании встретила она неприятельские полки, когда те остановились, подняв облака пыли. Дорогу войску преграждал глубокий ров с тяжелым подъемным мостом. Безучастно следила Эллибе с вершины своей башни за тем, как разворачивались события.

По команде легионы лучников на городских стенах выпустили град стрел по рядам неприятеля. Грим одобрительно кивнул, разделяя радость боевых товарищей. Ликование его, однако, тут же сменилось ужасом. Черный полководец широким взмахом руки провел перед собою посохом, и сотни стрел посыпались на землю, так и не поразив цели.

Несмотря на первое потрясение, командиры, не теряя ни секунды, отдали приказ к новой атаке. Вторая туча стрел с яростным свистом разрезала воздух, и, описав дугу, смертельным дождем обрушилась на неприятельское войско. Некоторые солдаты, не совладав с собой, дрогнули и отпрянули назад. Но волшебник и во второй раз выпустил на волю порыв ураганного ветра, который рассеял поток стрел.

Защитники городских стен замерли в оцепенении. Не тратя впустую стрел на третью атаку, они опустили луки в ожидании ответного хода противника. Бледные губы колдуна зашевелились, прозвучал о заклинание. В тот же миг волшебный туман, на котором восседал грозный предводитель, развеялся, оставив его на земле. Ветер отплясывал дикий танец в полах черного плаща.

Пугающая тишина опустилась на землю, и все взгляды устремились к черной фигуре. Заскрежетали доспехи и зазвенели мечи, тысячи могучих коней нетерпливо перебирали копытами, фыркая и поднимая пыль. Глаза колдуна медленно раскрылись, он обратил взор на тяжелый подъемный мост, преграждавший

вход в город. Ветер срывал с его бледных губ слова древнего языка, унося с собою лишь зловещее эхо. Колдун поднял над головой посох и ударил им о землю.

Мост заскрежетал и начал медленно опускаться, а решетчатые ворота со скрипом поползли наверх.

Каким-то чудом привратникам удалось собраться с духом, и под командованием храброго капитана целый отряд стражников бросился к засовам и рычагам в отчаянной попытке заклинить механизм, который управлял мостом и воротами. Однако усилия их остались тщетными. Шестерни продолжали неумолимо вращаться, перемалывая, словно щепки, деревянные копья и металлические прутья, разбрасывая смельчаков в разные стороны. Рука одного несчастного застряла в спицах махового колеса, и ее мгновенно оторвало по локоть. Душераздирающий крик бедняги не остановил ни скрипучего движения цепей, ни размеренного вращения колес и шестерней.

Когда мост приблизился к земле, враг устремил холодный взгляд на войско Кринуолла, укрывшееся за городскими стенами и готовое дать отпор неприятелю. Сердца и тела воинов сковал ужас. Поле предстоящего сражения, окутанное жуткой тишиной, казалось страшным сном, который рассеется, стоит лишь открыть глаза. Но от иллюзии не осталось и следа, когда подъемный мост с глухим ударом упал на землю.

В отчаянии смотрел храбрый Грим, как волна за волною отряд всадников ворвался в город, сметая на своем пути солдат, словно великан, который топчет нежную полевую траву. В считанные мгновения кринуоллская армия была разделена на две половины, и всадники повернули коней, чтобы безжалостно напасть на поверженное войско. Лучники на городских стенах возобновили атаку на колдуна и его несметные полчища. Однако мастерство их и меткость оказались бессильны перед ухмылкой черного колдуна, который невидимой рукою отбрасывал на землю тучи острых стрел. Один за другим лучники обращались к хаосу, воцарившемуся в городских стенах. Они поднимали оружие в попытках поразить врага, но порой просто беспомощно смотрели, будучи не в состоянии отличить соратника от неприятеля. Когда наступающие солдаты ворвались в крепость, лучники потеряли последний шанс изменить ход битвы. С криками падали они со стен, чтобы встретить смерть на мощеных улицах родного города.

Вскоре ураган битвы достиг башни, на которой стоял Грим. Стражник опустил подзорную трубу и обнажил короткий широкий меч. Солдаты и гонцы с обезумевшими от ужаса глазами проносились мимо, сталкиваясь, словно галька в волне

камнепада, отчаянно ища укрытия. Грим не думал спасаться вместе с остальными, понимая, что минуты эти станут для него последними. Жена и дочь будут гордиться отцом семейства, не сдавшимся и не оставившим поста. Может быть, тогда божества Кейлхай сжалятся и пошлют им спасение. В этот черный день лишь они оставались для Грима единственным лучиком света.

* * *

Нападение началось так стремительно, что Эллибе осознала происходящее лишь минутой позже. Кринуолл пал, побежденный быстрее, чем служанка наполняла водой ванну. Никогда еще королеве не доводилось слышать о столь молниеносной и безжалостной битве. Если неприступная столица королевства пала так скоро, что оставалось говорить об остальных городах и селениях? Угрожает ли опасность другим землям Пентании?

Ответ на ее вопросы мог дать лишь день грядущий. Вздрогнув, королева очнулась от тяжких дум, нетерпеливо выискивая глазами колдуна. Заметив черного волшебника у подъемного моста, она невольно содрогнулась. Казалось, тот повернулся и посмотрел в ее сторону, прямо на королевскую башню Кринуолла.

Дрожа всем телом, Эллибе оторвала взгляд от мрачной черной фигуры и стремглав помчалась прочь с балкона, через королевские покои, вниз по ступеням, сквозь запутанный лабиринт коридоров. Вслед доносился грохот битвы и крики солдат. Вокруг стояла кромешная тьма, и сердце было готово вот-вот выпрыгнуть из груди. Легкие жгло, стало невозможно дышать. Потаенный коридор остался единственным путем спасения для Эллибе. Если добраться до него раньше, чем неприятель успеет захватить город, верный конь унесет королеву от преследователей в мгновение ока.

У нее еще оставалось время рассказать правду.

С божьей помощью этого может оказаться достаточно.

* * *

Джером поднял лук и натянул тетиву. Он долго прицеливался, щурясь от яркого солнечного света, проникавшего сквозь листву. Юноша задержал дыхание, чтобы как следует сосредоточиться. Рука успокоилась, и Джером отпустил тетиву. Стрела со свистом разрезала воздух и поразила мишень, грубо

начерченную на коре гигантского дуба шагах в тридцати от лучника. Опустив оружие и прикрыв глаза от солнца свободной рукой, он напряг зрение, чтобы оценить результаты выстрела. Среди полудюжины стрел, которые торчали из древесного ствола, Джером высмотрел дрожащее древко, остановившее свой полет в верхнем левом секторе центрального кольца.

В награду стрелок позволил себе гордую улыбку.

— Не хуже самого Эллайена.

За спиной раздался громкий смех, и юноша раздраженно обернулся.

— Забавно, Джером, — заметил Эллайен, проворно спустившись по усыпанному иголками склону с южной стороны небольшой прогалины. Длинные волосы его были завязаны в хвостик, карие глаза весело поблескивали.

— А, Эллайен. Я тебя ждал. — Джером сунул лук в руки подошедшему приятелю. — Удиви-ка меня.

Улыбнувшись с сознанием собственного превосходства, Эллайен низко раскланялся. Джером снова подал ему лук. В ответ охотник выпрямился в струнку, словно сконцентрировавшись в одной точке. Быстрым уверенным движением он сжал древко двумя пальцами, плавно натянул тетиву и выстрелил. Со звонким пением снаряд врезался в самый центр мишени.

Пока стрела дрожала, высокомерие и заносчивость Джерома улетучились, уступив место уважительному преклонению перед мастерством друга.

— Занимайся своими мечами, друг мой, — усмехнулся Эллайен. — Грубоват ты для такого утонченного искусства.

Джером улыбнулся, собравшись было парировать выпад приятеля каким-нибудь остроумным замечанием…

Его прервал неожиданный звук. Друзья перестали улыбаться и удивленно переглянулись. Заржала лошадь, что само по себе было редкостью в этих местах. Странным казалось то, что животное, судя по всему, спасалось от беды. Какое-то мгновение приятели всматривались в чашу, настороженно прислушиваясь к шуму леса. В тишине отчетливо послышался близкий стук копыт. Лошадь снова заржала, а следом раздался женский крик.

Джером опомнился первым. Юноша схватил за кожаную лямку колчан, валявшийся у его ног среди одежды, и сунул его Эллайену, который все еще продолжал сжимать в руках боевой лук. Бросив остальные вещи на поляне, друзья кинулись через лес.

Ветви цепляли юношей за рубахи и волосы, коренья и кусты трещали под ногами. Но молодым людям не впервой доводилось совершать столь быстрое путешествие по лесу, а уж местность они

знали назубок. Они легко преодолевали препятствия, ловко проскальзывали под низкими ветками и прорывались сквозь густые заросли, перепрыгивали через неровности почвы и кочки, где любому другому ничего не стоило переломать ноги.

В считанные минуты друзья миновали чащу и выскочили на тенистую дорогу, которая на западе уходила в лес, а с противоположной стороны вела в деревню. Джером осмотрелся. Эллайен стоял рядом. С запада на расстоянии примерно сотни шагов на них летели всадники.

Не теряя ни секунды, Джером затолкал приятеля в густые кусты, стеной росшие вдоль дороги. Оба спрятались, чтобы перевести дух после лесной пробежки и оглядеться. Впереди четко обозначился силуэт женщины, низко пригнувшейся на полном скаку к шее богато снаряженной лошади. Всего всадников было пятеро. Четверо неслись следом и уже нагоняли ее. Судя по виду, преследователи были солдатами, хотя Джером впервые видел подобные гербы и черные с серебром доспехи. Под незнакомыми накидками их руки и ноги защищала кольчуга. Кони тоже были закованы в броню.

Несмотря на тяжелую ношу, солдатские кони неумолимо настигали женщину. Пыльные и порядком выбившиеся из сил всадники уже предвкушали скорый конец погони. С победным кличем пришпорили они коней, выстраиваясь для захвата. Лошадь дамы вновь отчаянно заржала. Но женщина даже не оглянулась. Ужас и отчаяние исказили ее лицо.

Преследователи догнали ее, обступив с обеих сторон и заставив лошадь остановиться. Все случилось в считанные секунды в дюжине шагов от укрытия Джерома и Эллайена. Один из солдат взял кобылу под уздцы, второй схватил даму за волосы и стащил с седла. Двое других остановились поодаль, отрезав беглянке всякий путь к спасению. Группу всадников окутало облако пыли и сухих листьев.

Солдат, сбросивший женщину с седла, спешился и подошел ближе. Усмехнувшись, он снова схватил ее за волосы и поднял на колени.

— Вставай, стерва.

Женщина скорчилась от боли, пытаясь ухватиться за руку в кожаной перчатке. Солдаты рассмеялись, а мучитель на мгновение отвлекся, чтобы насладиться заслуженной похвалой своих товарищей. В эту секунду женщина приподнялась, схватила потерявшего бдительность противника за руку и укусила. Взвыв от боли и неожиданности, тот отпрянул и наотмашь ударил ее по лицу.

Джером внезапно выпрыгнул из укрытия, пронесся мимо

женщины и набросился на мерзавца. Минута замешательства прошла, трое солдат, переглянувшись, обнажили мечи.

Джером схватился с обидчиком несчастной и попытался уложить его. Противник оказался сильнее. Но и Джером был крепким парнем, к тому же куда проворнее соперника. Немалую роль сыграла неожиданность нападения. Солдат, задыхаясь и кряхтя, перекатился на бок. Джером отпустил его и, встав на ноги, схватил первый попавшийся сломанный сук.

К тому моменту товарищи поверженного воина, пришпорив коней, направились на помощь. Джером встретил их холодным взглядом, пока его противник корчился на земле. Всадники не приблизились и на полдюжины шагов, когда первый из них резко согнулся в седле и, захрипев от боли, уставился на окровавленное древко стрелы, торчащее из груди. К тому времени, как остальные сообразили, в чем дело, вторая стрела вылетела сзади и вонзилась в спину еще одного солдата. Задыхаясь и отчаянно пытаясь справиться с безжалостными стрелами, оба повалились с лошадей на землю.

Тем временем главарь поднялся на ноги, явно намереваясь завершить бой одним ударом. Его тяжелый меч очертил в воздухе широкую дугу. Джером отступил, парируя случайной веткой яростные удары противника. Это до того разозлило солдата, что он сорвался с места и бросился на юношу. Джером среагировал, инстинктивно увернулся в сторону и огрел нападавшего палкой по бородатому лицу. Удар пришелся так метко, что шлем со звоном отлетел в сторону, солдат рухнул в канаву, а меч упал к ногам юноши.

В это мгновение третий из всадников устремился к Джерому с мечом наперевес, намереваясь снести с плеч его несчастную голову. Однако стальной клинок просвистел над самой макушкой Джерома. Одним движением юноша отбросил палку и потянулся за валявшимся на земле мечом. Всадник остановился и развернул коня, но Джером был уже готов к встрече с противником. Всадник ударил шпорами в бока жеребца и с пронзительным криком ринулся на юношу. Джером не двинулся с места, позволив противнику разогнаться. В самый последний момент Джером бросился под копыта коня, выскочил с противоположной стороны и нанес всаднику удар сзади. Солдат вскрикнул от боли и, взмахнув руками, откинулся назад на круп лошади. Не останавливаясь, конь понесся дальше.

Джером взглянул на последнего всадника и почувствовал движение за спиной: потерявший меч солдат с окровавленным лицом выбрался из ямы и бросился на своего обидчика с обнаженным кинжалом. Джером ловко увернулся, втянув живот, и

кончик лезвия полоснул по воздуху рядом с его телом. В это мгновение в лесу зазвенела тугая тетива. С глухим ударом стрела настигла жертву. Солдат, не издав ни единого звука, широко раскрыл от удивления глаза. Стрела вышла у него прямо из горла. Он пошатнулся и рухнул на землю.

Джером всмотрелся в кустарник в поисках Эллайена. Приятель вышел из лесу в дюжине шагов от места битвы, сжимая в руке охотничий лук. Тела солдат в черных доспехах бились на земле в предсмертных судорогах. Кони грелись в солнечных лужах тенистой дороги, похрапывая и тяжело дыша после погони. Спасенная женщина стояла на коленях среди груды человеческих тел.

Приятели обменялись взглядами, а затем направились к женщине. Тяжело дыша, она подняла на незнакомцев испуганные глаза. Одежда ее была изорвана, волосы растрепаны и спутаны. Джером и Эллайен еще раз переглянулись. Друзьям дама была незнакома, хотя внешний вид одежд не оставлял сомнений: она принадлежала к знатным особам. Джером заметил, что ее взгляд прикован к лезвию меча, по которому струился ручеек алой крови.

Юноша отбросил оружие в сторону и, опустившись на корточки, заглянул незнакомке прямо в глаза. Пот выступил у юноши на лице, но сердце уже билось ровно, а дыхание пришло в норму.

— Вы в порядке?

Женщина смотрела на Джерома, словно загнанный зверь. Казалось, беглянка пока еще не осознавала, где находится и что привело ее сюда. Наконец она взяла себя в руки, быстро окинула взглядом Эллайена и снова посмотрела на Джерома.

— Вы из Дилна? — спросила незнакомка.

Джером немного замялся.

— Да…

— Отведите меня в совет деревни.

Джером удивленно посмотрел на женщину, но та ответила на немой вопрос лишь бесстрастным взглядом, будто дальнейших разъяснений вовсе не требовалось, а ее разумное требование должно быть немедленно исполнено.

Джером оглянулся на Эллайена, но тот лишь пожал плечами и помог даме подняться на ноги.

Глава 3

Причудливое кружево яркого солнца и тенистых крон, словно легкая и слегка побитая молью шаль, укрыло деревню. Легкий ветер разносил трели лесных певцов, живописные пестрые пташки порхали с ветки на ветку. Проворные белки летали вверх и вниз по стволам, прыгали по сукам и корням деревьев. На мгновение из куста появился заяц, заблудившийся в поисках пищи. Казалось, здешним обитателям и дела нет до того, что происходит у них под носом, а уж тем более где-то далеко в огромном мире — так поглощены они своими повседневными заботами.

Примостившись на деревянных ступеньках здания совета, Джером безмятежно посматривал вокруг, поглощая всем своим Существом знакомые звуки и запахи. Он слился с окружающим миром, потому что именно этому его учили всю жизнь. Когда имеешь дело с первозданной дикой природой, отвлекаться надолго не стоит. Но сегодня Джерому что-то никак не удавалось сосредоточиться.

Почему так долго? Юноша быстро обернулся и посмотрел на тяжелые двустворчатые двери, закрывшие вход в здание совета старейшин и запертые изнутри. Джером испытал странное и неприятное чувство, когда его выдворили на улицу во время совещания, на котором он бы при прочих условиях председательствовал. В конце концов, именно он обнаружил и спас от преследователей незнакомку. По просьбе дамы Джером сопроводил ее в деревню и собрал старейшин. И самое главное, Джером и никто другой носил мантию Фейзона и титул Щита Деревни, защитника Дилна. На его плечи возложены обязанности по охране спокойствия и безопасности постоянных обитателей деревни, заезжих господ и простых гостей. Разумеется, он первый должен присутствовать на закрытых совещаниях совета старейшин. А сегодняшнее намеренное исключение казалось просто смехотворным.

Поначалу Эллайен придерживался того же мнения. Однако он первым примирился с положением вещей. Эллайен вообще редко оспаривал решения тех, кто был наделен властью. И все же он удивился не меньше Джерома, когда старейшины попросили их удалиться, выслушав рассказ о событиях и поспешив встретиться с незнакомкой. Эллайен только пожал плечами и согласился подождать, пока его не позовут.

Тем не менее лучник с удовольствием был готов поделиться своей незатейливой историей с любым, кто согласился бы ее выслушать. Он взгромоздился на скамейку шагах в десяти от

Джерома и, красочно жестикулируя, пересказывал события недавнего прошлого ватаге ребятишек, которые слушали его с разинутыми ртами.

— Вдвоем против четверых? — восхищенно взвизгнул восьмилетний веснушчатый мальчуган с копной непослушных светлых волос.

— Да они еще были верхом! — добавил Эллайен, и слушатели восхищенно ахнули. Рассказчик поднял над головой лук Джерома. — Ну и, само собой, мне досталась основная часть работы.

Джером только улыбнулся. Эллайен действительно застрелил троих солдат. Хотя в одиночку Эллайену вряд ли удалось бы уложить всех, а тем более помешать им перерезать жертве горло. Джером отвлек на себя внимание солдат и тем самым спас женщине жизнь. Пускай Эллайен рассказывает, что ему вздумается. Восхищение ребятни волновало Джерома не более чем похвалы стариков. Гордость его коренилась не во мнении окружающих, а в собственном чувстве выполненного долга. Джером был доволен собой и благодарен Эллайену за отлично выполненную работу.

Джером удивленно покачал головой, вслушиваясь в историю, полную опасностей и душераздирающих эпизодов, которые ему никак не удавалось припомнить. Красочное выступление лучника предназначалось для детей, чья фантазия редко находила такую яркую искорку в безопасной и тихой лесной деревушке. Эллайен старался скорее для самого себя. Здесь и сейчас охотник оказался в самом центре внимания, купаясь в лучах своих подвигов, словно ребенок, ожидающий похвалы.

Джером давно вырос из этого возраста или, по крайней мере, предпочитал так думать. Неизбежное следствие назначения хранителем деревни. Хотя эта должность имела скорее церемониальное значение — в маленькой общине порядок подвергался угрозе крайне редко. Те, кто предпочел жить и трудиться в лесах восточного Калгрена, сделали свой выбор, разделяя одни и тс же цели и идеалы. Многие соседи успели породниться. О политических интригах здесь и не слыхивали. Как и в любой семье, время от времени возникали споры, которые решались быстро и мирно, а необходимость в помощи Джерома в качестве хранителя порядка возникала крайне редко.

Несмотря ни на что, это была священная обязанность, доверенная ему уже более года назад, в восемнадцать лет — ранее никому звание Фейзона не доставалось в столь раннем возрасте. Джером не мог обмануть доверия людей. Он прилагал все силы, чтобы оправдать и превзойти ожидания односельчан, но

в душе оставался скромным деревенским парнем, что и мешало ему устроить такой грандиозный спектакль, который с непревзойденным талантом разыгрывал перед сельскими ребятами его лучший друг.

В увлекательном представлении Эллайена не было ничего постыдного, просто характером он отличался от приятеля. Охотник ярко и откровенно играл на публику, что для Джерома было неприемлемо. В каком-то смысле молодой хранитель деревни предпочел бы видеть себя на месте друга. Джером, без сомнения, был человеком открытым и доброжелательным в компании близких друзей, но в присутствии большой аудитории он обычно замолкал, становился замкнутым и сдержанным, опасаясь сказать что-либо обидное или неловкое. Однако частенько у него возникало желание просто плюнуть на все и расслабиться.

Может быть, тогда обстоятельства, не подвластные его воле, доставляли бы Джерому меньше беспокойства.

Юноша вздохнул. Он встал и немного прошелся, не зная, как скоротать время. Старейшины не посчитали необходимым истолковать свое решение, а Ригдон, отдавший приказ ждать снаружи, был необычно резок с друзьями. Джером ждал объяснений. Первый старейшина, отец Джерома, стоял в дальнем углу комнаты и вполголоса убеждал в чем-то незнакомку. Старейшина поднял глаза, но холодный уклончивый взгляд не дал никакого ответа. Он слабо кивнул и подал сигнал Ригдону. Вот и все, что удалось разглядеть юному защитнику. Ни один из собравшихся на совет не посмотрел больше в его сторону.

Джером тщетно пытался понять, что вызвало столь странное поведение совета, в особенности его отца.

Он взглянул в сторону Эллайена, туда, где была привязана лошадь спасенной дамы. Рослая кобылица спокойно щипала траву, совершенно оправившись после недавней погони. Джером еще раз подивился искусно расшитой попоне и богато украшенной упряжи, которые теперь висели на заборе — верные признаки того, что лошадь принадлежала очень богатому хозяину.

Но кому именно? Завораживало что-то особенное в этой женщине. Мысль не давала Джерому покоя, словно юркий зверек, которого никак не удается схватить. То было нечто большее, чем неожиданное и тревожное появление незнакомки, чем молчаливый отказ поведать своим спасителям правду о себе или своем положении. Что-то необычное проглядывалось в ее внешности и осанке, в том, как Ома внимательно изучала своих спутников на пути в деревню. Дама посматривала украдкой на

Джерома и Эллайена, словно стараясь увидеть и разгадать их тайны. И, безусловно, это странное ощущение было связано с повелением старейшин при появлении спасенной женщины. Ведь они оставили его, Фейзона поселения Дилн, вянуть и гнить, как упавшее яблоко.

Джером перевел взгляд с лошади на крону деревьев, на голубое небо, и карусель его мыслей повернулась в сторону окружающего мира. Деревня расходилась от площади концентрическими кольцами. Кроме здания совета, перед которым сидел Джером, в центре Дилна находились еще с дюжину разных домов, служивших общественным нуждам деревенских жителей. Незамысловатые бревенчатые строения надежно защищали от непогоды. Здесь располагались скромные здания кожевенной лавки, кузницы, склада, небольшой школы, постоялого двора, таверны. Некоторые строения использовались для общественных целей, например, пристроенный к кузнице и обнесенный высоким частоколом сарай, в котором содержали нарушителей порядка. Для арестантов жар и гул кузницы служили хорошим поводом тщательно обдумывать свои поступки в будущем. Многие из этих домов практически не использовались, их поддерживали в пригодном состоянии на тот случай, когда они могли пригодиться. Не менее примечательным местом была рыночная площадь, где жители и приезжие выменивали товары и предлагали услуги.

В стороны от центра разбегались и прятались в ближайших деревьях тропинки. Дорожки были протерты пешеходами и колесами телег, так что кустарник и трава отступили к зарослям. Узкие пути вели к жилым домам и огородам, разбросанным между деревьями. Поселение расположилось под укрытием лесных великанов: вечнозеленых елей, сосен и лиственниц, под кронами кленов, дубов и берез. И все это природное царство спуталось и переплелось, словно лоскутное одеяло рощ, чащоб и полянок, которое тянулось на многие и многие мили.

Дилн был удивительным поселением. Многие его жители сейчас собрались в центре. Большинство направлялись в лавку с корзинами грибов, трав или специй — тех редких видов продуктов и лекарств, которыми славилась деревня. Прибытие незнакомки мало отразилось на обыденной жизни. Джерома это нисколько не удивило. Легкое любопытство и не более отличало нравы его односельчан. Тревожные слухи и пересуды никогда не нарушали обычного распорядка. Мирные земледельцы, мужчины, женщины и дети, проводили свой век в нелегком труде. Такие люди не любят беспокойства и интриг. Другие, как правило, покидают Дилн и направляются на север в Глендон или на юг в

Иртвин, навсегда оставляя уединенный и самодостаточный народ, которому мало дела до остального мира.

Осторожными и быстрыми движениями к крыльцу, на котором расположился Джером, прискакал воробей. Птица не успела приблизиться, как Джером услышал движение за дверью. Подняли засов. Когда юноша повернулся, одна из дверей отворилась, и на пороге появился Ригдон, второй старейшина Дилна.

— Джером.

Фейзон мгновенно поднялся на ноги, изучая лицо старейшины, которое больше походило на камень с глубоко врезанными под густыми седыми бровями впадинами серых непроницаемых глаз.

Джером бросил взгляд на Эллайена. Приятель отчаянно пытался отбиться от ребятни. Ригдон приоткрыл дверь шире, ясно давая понять, что друзья приглашены внутрь. Джером вошел и оглянулся на Эллайена. Тот уже стоял на пороге, волоча за собой настырного мальчугана. Но как только Эллайен подошел к дверям, Ригдон остановил его, отрицательно покачав головой. Эллайен нахмурился, но Ригдон просто закрыл за собой дверь и опустил засов.

Джером вошел внутрь и замер в ожидании. Помещение, где собирались старейшины общины, представляло собой просторную залу, по периметру которой располагались закрытые двери небольших комнат. В центре стоял низкий дубовый стол, за ним сидели старейшины и темноволосая незнакомка. В специальных нишах под занавешенной сценой, которая использовалась в дни общих праздников, хранились складные столы и стулья. При необходимости зал вмещал все население деревни, около трехсот жителей, и места вполне хватало.

Джером подошел ближе, а Ригдон занял место в кругу старейшин. Остальные поспешили завершить приглушенную беседу и выпрямились, обратив к Фейзону серьезные сумрачные лица. Джером встречался со старейшинами бесчисленное множество раз, но сейчас от их взглядов ему стало не по себе, словно тот зверек, который грыз его с самого начала приключения на дороге, снова проснулся. Стараясь изо всех сил подавить тревогу, юноша поднял глаза и с поклоном обратился к главному старейшине.

— Отец.

Это было привычное приветствие. Старейшин, да и самого Эзаиса мало заботили формальности, особенно в тесной, почти семейной обстановке. Позже Джером вспомнил о незнакомой даме, в присутствии которой ему, вероятно, следовало бы выбрать

более подходящее приветствие.

— Джером, — тепло ответил Эзаис, не обращая внимания на подобные мелочи, — присядь с нами.

Юноше предложили занять кресло рядом с незнакомкой, сидевшей по левую сторону от Эзаиса. Все в комнате неотрывно следили за Фейзоном. Немного смущаясь от такого внимания, он направился к указанному месту. Усевшись, он немного расслабился, но тут же краем глаза заметил, что женщина дрожит и в любую минуту готова расплакаться. Джером повернулся в ее сторону, но дама отвела взгляд, сделав вид, что поправляет непослушную прядь волос. Не зная, что сказать, Джером нахмурился, разглядывая усталое лицо незнакомки. Сгустившуюся тишину нарушил решительный голос Эзаиса.

— Молодой Джером, — начал речь главный старейшина. Он выдержал паузу, с трудом подбирая следующую фразу. В голосе отца, всегда мягком и сдержанном, Джерома поразила тревога, которую не удалось скрыть старейшине. — Я верю, что ты возмужал достаточно, чтобы выслушать и принять то, что мы поведаем тебе.

Джером молча кивнул, хотя и не совсем понял, был ли ему адресован вопрос или утверждение. Безусловно, он готов выслушать.

— Наступают тяжелые времена, — продолжал Эзаис, и слова его постепенно набирали вес и силу. — Пришла пора рассказать тебе правду.

Джером снова озадаченно нахмурился.

— Правду?

— Имею честь представить тебе нашу гостью, ее королевское величество Эллибе, владычицу Олсона.

Джером замер от удивления. Он вновь взглянул на даму, и холодная стена подозрений растаяла перед чувством неловкости за свою бестактность. Эллибе посмотрела прямо на юношу, в ее глазах заблестели слезы, но на этот раз она не стала их скрывать.

— Ваше величество, — прошептал Джером и поклонился. — Я не догадывался. Я не хотел оскорбить…

Эллибе тихо всхлипнула. По щеке побежала слеза.

Джером повернулся за помощью к Эзаису, но его опередил второй старейшина Ригдон.

— Те солдаты, — грозно проговорил старейшина, — служили в армии, которая держит в осаде Кринуолл. Король Сорл мертв.

— Боги, но кто…

— Мы не знаем, — вмешался главный старейшина Эзаис, смерив Ригдона суровым взглядом. Он смягчился, обратившись к Джерому, но тревога по-прежнему звучала в его голосе. — Мы

знаем наверняка только одно: наша королева просит у тебя помощи.

— Помощи у меня? Но почему?

— Сегодня ты уже показал, на что способен, — ответила королева Эллибе. Ее сердечная улыбка успокоила юношу. Все замолчали, ожидая продолжения. — Кроме того, ты — наследник королевского трона.

Усыпленный первой фразой, Джером не сразу осознал значение второй. Через некоторое время смысл произнесенных королевой слов поразил Фейзона, словно молния, слепящая и яростная, несущая за собой раскаты оглушительного грома.

И тем не менее когда первое удивление прошло, Джером недоверчиво усмехнулся.

— Но наследников нет. Всем известно. — Он по очереди посмотрел на старейшин, неотрывно следивших за ним. — Принц Сорик отправлен в ссылку, а принц Торин погиб еще ребенком.

Заметив, что ни один из старейшин не одобрил его замечания, Джером повернулся к незнакомке, объявившей себя Эллибе, королевой Олсона.

— Нет, сын мой, — тихо произнесла женщина. — Не погиб. Мы пошли на хитрость и спрятали его, чтобы королевство и народ получили, наконец, достойного правителя.

Она замолчала, остановив на юноше удивительно нежный взгляд. В этот момент Джером ощутил, что какая-то часть его души, неведомая или забытая много лет назад, вновь ожила. Он взволнованно искал помощи в глазах старейшин — своих родичей, соседей и друзей — но встречал лишь мрачные суровые лица. У Джерома закружилась голова, он схватился за край стола, чтобы устоять на месте.

— И вы предполагаете… — Он попытался, но не сумел закончить фразу. Язык неожиданно распух, в горле пересохло. — Я…

— Ты, — уверенно произнесла Эллибе, — мой сын, принц Торин, и после кончины твоего отца — король Олсона.

Джером попытался ответить, но не смог. Ему стало дурно, словно неведомый зверь каким-то чудом проник в его тело и теперь отчаянно пытался вырваться наружу. Отец оказался прав. Сказанное никак не укладывалось у Джерома в голове. Главный старейшина обратился к Эллибе.

— Может быть, вы расскажете все с самого начала, — предложил Эзаис, обменявшись взглядами с Ригдоном. — Нам будет проще отвечать на вопросы.

Джерому отводилась роль третьей стороны, словно он и вовсе не присутствовал на собрании. Да и на тот момент такое

положение вещей оказалось самым подходящим, потому что рой сумасшедших мыслей совершенно затуманил молодому Фейзону голову, дух его будто отделился от тела и наблюдал со стороны за удивительнейшим советом старейшин, который ему приходилось видеть. На секунду ему показалось, что стоит только оттолкнуться, и он пролетит сквозь крышу навстречу солнцу и небу. Хотя, вероятно было бы лучше забиться в глубокую пору в собственном сознании, до которой еще не успел добраться этот странный сон, и отсидеться там спокойно до утра. Погруженный в раздумья он не сразу почувствовал на себе напряженный взгляд Эллибе, ожидавшей знака, чтобы продолжить рассказ. Как бы то ни было, следовало довести начатое до конца. Не без усилий вернувшись к действительности, Джером молча кивнул.

Эллибе медлила, собираясь с мыслями. Казалось, она тоже не знает, с чего лучше начать историю, как подобрать нужные слова. Наконец она осторожно приступила к повествованию.

— Я сделала все, что могла, — сказала королева, словно защищаясь и принося извинения. — Я говорю о Сорике. Наверное, я была слишком молода. Мне казалось… — Она покачала головой. — Сорик — мой первенец, я любила его безмерно и вновь обрела цель жизни, которую потеряла так давно. Ослепленная счастьем материнства, я решила положить все сил на его воспитание. В один прекрасный день мой сын должен был стать королем, и я хотела подарить своей земле лучшего из всех властителей.

Эллибе тяжело вздохнула, и нежный восторг, с которым, она начала рассказ, улетучился, уступив место тоске и боли.

— Увы, мои самые лучшие намерения столкнулись с подлостью и жестокостью Сорла. В конце концов Сорик озлобился на весь мир, погряз в роскоши, что и привело его к предательству и ссылке. Сердце мое опустело. В глубине души я понимала, что не в силах ничему помешать, и все же меня терзало чувство собственной вины.

Джером опустил глаза, но продолжал чувствовать на себе горящий взор Эллибе. Возможно, она ожидала его реакции, но Джером пока не был готов высказаться.

— Горе поглотило меня. Однако оставался долг, долг перед собою и моим народом. Сорла совершенно не интересовали ни наследники, ни будущее подданных. Все заботы легли на мои плечи. С течением времени я утвердилась в одной мысли — не позволить Сорлу уничтожить меня, разрушить последнее, что составляло смысл моей жизни. Поначалу то были лишь беспомощные чувства, но по прошествии месяцев решимость моя сделалась прочнее закаленной стали.

Эллибе наклонилась вперед, стараясь поймать взгляд Джерома. Фейзон Дилна упорно продолжал сидеть, словно статуя.

— Я была готова пойти на что угодно, лишь бы получить второй шанс. Неустанно приносила молитвы божествам Кейлхай. Торжественно поклялась: если небо дарует мне второго сына, я сделаю все, чтобы он стал королем. Дала обещание, что ошибка с Сориком не повторится, и я не позволю Сорлу развратить еще одного ребенка. Я понимала, что необходимо оградить дитя от влияния отца. Только не знала как. В конце концов, когда Красная Смерть принесла страх и ужас в наши земли, созрел отчаянный план. Я встретилась со старейшинами в этой деревне, где выросла сама. Только заручившись их поддержкой, я принялась убеждать Сорла в необходимости появления на свет наследника. С моей стороны потребовалось немного хитрости, неимоверное количество целебных настоек, и, в конце концов, я добилась успеха.

Она снова прервала рассказ в ожидании отклика Джерома, однако в ответ лишь раздраженно закашлял Ригдон, призывая королеву продолжать.

— После своего рождения Торин прожил лишь два месяца, став жертвой Красной Смерти. При помощи одного аптекаря, отца которого несправедливо казнили по высочайшему указу, мне удалось убедить Сорла и все королевство, что наследника унесла страшная чума. На похоронах вынесли гроб, в котором лежал заколотый поросенок. Его предали земле, а я забрала младенца из укрытия и привезла сюда, как и было решено.

Эллибе отвернулась от Джерома и перевела усталый взгляд на Эзаиса. Между ними словно промелькнуло какое-то чувство, глубокое и потаенное. Сперва Джером удивился этому открытию, но тут же передумал и решил не вмешиваться.

— Я знала, что здесь мой сын будет огражден от разврата и мерзости. Я лелеяла надежду, что, повзрослев в этом нетронутом мире, он вырастет настоящим мужчиной, добрым и справедливым. Старейшины Дилна заверили меня, что позаботятся о мальчике, а имя его останется в тайне. Вот так Торин, принц Олсона, превратился в Джерома, сына Дилна.

И снова Джерома охватило ощущение, что он не является частью происходящего, и говорят не о нем, а о ком-то другом, существовавшем в ином месте в иное время. Юноше искренне хотелось, чтобы так оно и было. А Эллибе страстно впилась в него взглядом, ожидая, как ему казалось, немедленного ответа.

Молодой Фейзон упорно хранил молчание, что заметно тревожило королеву. Она снова устремила взгляд на главного

старейшину, взывая о помощи. Наконец Эллибе прямо обратилась к Джерому, но слова ее показались юноше горькими и несправедливыми.

— Я поклялась, что, если суждено мне будет увидеть смерть Сорла, я вернусь в Дилн, чтобы сообщить о твоем предназначении и праве по рождению. Если нет, я могла полностью довериться старейшинам…

Но Джером к тому моменту перестал слушать. Он отказывался принять еще хоть одно слово. Почему старейшины ничего не рассказали раньше? Почему ему пришлось прожить во лжи столько лет? Негодование охватило его. Все собравшиеся в зале люди вызывали неприязнь. Эта незнакомка Эллибе, столь искусно изображавшая безмерную заботу, в один миг перевернула всю его жизнь с ног на голову. А старейшины, которых он искренне уважал и любил, внесли свою лепту в чудовищный обман. Даже отец. И теперь, судя по всему, они не только пытались отнять у него привычную размеренную жизнь, единственную реальность, которую он знал, но и хотели выбросить его в совершенно новый, полный опасностей мир, готовый задушить его погребальным саваном.

Эллибе продолжала, а Джером с удивлением разглядывал давно знакомых людей самого разного возраста, избранных лидеров общины Дилна. Бэнон, всегда предпочитавший слушать, а не расточать слова; Люк, чья простодушная улыбка скрывала острый ум; Оленн, однажды спасший Джерома от дикого кабана; Хиди, которую он всегда считал красавицей и стеснялся признаться в этом; Тайа, чей прекрасный язычок ни разу не проронил ни единого бранного слова; Вал, заменившая ему мать; непреклонный Ригдон — оплот надежности и уверенности; наконец Эзаис, никогда не жалевший для Джерома ни сил, ни времени. Только сейчас юноша начал понимать, что все они замешаны. Иначе и быть не могло. Все, за исключением Хиди, Люка и его ровесников, которые выросли с той же ложью, что и он сам. Но старшее поколение…

Джером представил себе, как жители деревни собираются на закрытый совет и приносят торжественную клятву унести тайну заговора в могилу. Разве могло случиться по-другому, если все вокруг рассказывали одну и ту же историю? Даже среди такой небольшой общины скрывать истину было не так-то просто. Говорили, что его мать умерла от лихорадки через несколько лет после рождения сына. На самом деле никто и не знал ее по-настоящему. Эзаис привез невесту из дальнего путешествия. Застенчивая и нелюдимая девушка большую часть времени проводила дома. Эзаис никогда не рассказывал о жене, говорил

только, что не перестанет любить ее и не сможет разделить жизнь с другой женщиной. Сам Джером не вдавался в подробности. Господи, у него даже не осталось ни одного портрета. Эзаис сказал как-то, что всякое напоминание о жене не принесло бы ему ничего, кроме боли, и все уничтожил. Ложь. Как и все, во что Джером привык верить. Слой за слоем складывался искусно выдуманный обман, скормленный ему с рождения с каждой ложкой каши.

— Вся моя жизнь просто выдумка, — с трудом проговорил Джером. Он осуждающе взглянул на Эллибе. — Именно это вы пытаетесь мне объяснить?

Не находя слов, королева опустилась на стул.

— Сынок, я…

Когда слова ее погасли в тишине, Джером вызывающе повернулся к совету.

— Чушь какая-то! Я могу быть Фейзоном, но я вовсе не король.

— Неправда, сынок, — не унималась Эллибе. — Ты король. — Она хотела коснуться его плеча, но хмурый взгляд Джерома заставил ее убрать руку.

— У тебя есть долг по рождению, — вмешался Ригдон. — И то, что ты узнал об этом только сейчас, не умаляет его.

Не веря своим ушам, Джером уставился на второго старейшину.

— А что, интересно, подумают люди?

— Сын мой…

— Есть хоть какие-нибудь доказательства вашей сказки? — не унимался Джером. — Достоверные свидетельства? Как вы собираетесь убедить народ Олсона в том, что я король?

Эллибе печально покачала головой. Ничего удивительного.

— А вы не забыли об армии, захватившей столицу? — продолжал юноша, повернувшись к Ригдону. Он старался убедить себя, что все происходящее всего лишь ужасная и глупая ошибка. — Я думаю, у нее есть предводитель. И вам кажется, что воинственный князь отправится восвояси, когда я расскажу вот эту смехотворную историю? И зачем? Думаю, он вдоволь посмеется, прежде чем вывесить меня на корм стервятникам.

И вновь ответом Джерому стала тишина. Вероятно, старейшины просто не хотели спорить. Или не могли. Юношу все больше раздражали их спокойные взгляды.

— Допустим, он согласится. Соберет солдат, оружие и уйдет. Что потом? Разве я знаю, как управлять королевством?

Тревога Эллибе росла, она в отчаянии взглянула на первого старейшину. Эзаис сидел тихо и спокойно. Королева молчала,

беспомощно озираясь вокруг.

— Все происходящее — чудовищная ошибка! — Джером запинался, пытаясь выбросить из своего сознания мысли, сумасшедшим вихрем наполнившие его бедную голову.

— Торин, сын мой, — наконец выговорила Эллибе. У бедняги Джерома мурашки по спине пробежали от ее голоса. — Я знаю, это непросто, но…

— Непросто? Ушам своим не верю.

— Я никогда не пыталась… Я просто хотела…

— Меня не интересуют ваши намерения. И мне все равно, чего вы все от меня ждете. Я хочу забыть об этом разговоре…

Джером вскочил на ноги. Стул с треском полетел на пол.

— Джером, — раздался суровый голос Ригдона. — Сядь и веди себя как мужчина!

Юноша словно не слышал слов второго старейшины и напоследок грозно посмотрел на первого. Собравшиеся застыли на своих местах, не проронив ни слова, пряча глаза.

Джером покачал головой и направился к выходу. Он в ярости откинул засов и распахнул тяжелые двери. Эллайен, освободившись от повисших на нем довольных ребятишек, вгляделся в лицо друга.

— Эй, что там случилось? Я…

Джером спустился по ступеням и пролетел мимо, проигнорировав Эллайена и детей, которые сразу же набросились на молодого охотника. Джером направился прочь из центра деревни. Кое-кто из жителей с легким любопытством посмотрел ему вслед, но юноша не обращал ни на кого внимания. На первой же тропинке Джером повернул в лес и растворился в тени деревьев.

* * *

Эллибе с грустью смотрела вслед Джерому. Горькие морщинки появились на ее усталом лице. Малыш давно вырос. С тех пор, как они виделись в последний раз, прошло девятнадцать лет. И вырос он, без сомнения, именно таким, как хотела королева. Но при первой же встрече они стали друг другу безвозвратно чужими. Не об этом мечтала Эллибе. Несмотря на смятение и замешательство первой встречи, она все же рассчитывала, что воссоединение с сыном станет счастливым событием для обоих. Теперь, когда все осталось позади, радоваться было нечему. Эллибе безумно хотелось вырваться вслед за Джеромом, признаться, как ей жаль, какую боль

принесла ей самой нелегкая исповедь, сказать, что она любит сына и хочет стать ему настоящей матерью. Но Эллибе не двинулась с места и вместе с уходом Джерома частичка ее души умерла.

— Вы не рассказали о своих подозрениях, — донесся до ее сознания голос Ригдона.

Эллибе отвернулась от распахнутых дверей, поняв, что вопрос адресован именно ей.

— Колдун, — объяснил второй старейшина. — Джером должен знать.

Эллибе снова тоскливо посмотрела на двери.

— Должен? — сказала она в пустоту. — Но разве это укрепит его решимость?

— Юноша примет свою судьбу, — прозвучал уверенный голос Эзаиса.

В том-то все и дело, подумала Эллибе. Лучше бы Джером отказался. Она хотела броситься вслед и убежать вместе с сыном от ужасов и опасностей его доли. Но эгоистичные мысли и желания королева отбросила еще до прибытия в Дилн. Слишком многое зависело от решения Джерома, и ее личное благополучие отступало на второй план.

— Да, — выговорила Эллибе, — я надеюсь.

С этими словами силы покинули ее, и королева разрыдалась. Старейшины молча сидели, не нарушая тишины, пока горькие слезы катились по ее щекам. Через некоторое время Эллибе покачала головой, словно разгоняя остатки кошмарного сна, и поднялась.

— Я должна идти, — твердо сказала королева. Усталость и боль уступили место холодной решимости. — Благодарю вас за помощь. За все.

— Ваше величество возвращается в Кринуолл? — В голосе Эзаиса отчетливо прозвучала тревога.

— Я должна знать.

— Вы рискуете жизнью. — Первый старейшина нахмурился. — Вы лучше послужите народу и своему сыну, если станете посланником их воли.

Улыбнувшись, королева покачала головой.

— Вы уверены? — В глазах Эзаиса сверкнула немая мольба. Эллибе могла еще передумать.

Королева остановилась, посмотрев сначала на него, потом на дверь, и кивнула головой.

Глава 4

Камешек запрыгал по глади ручья и скрылся в сверкающей воде. Джером потянулся за другим осколком гальки и с досадой швырнул его в воду. Камень пролетел над кристальной поверхностью, оставляя рваные круги на блестящей змеиной шкурке лесного ручья, совершая сначала долгие и неспешные, а потом короткие и быстрые прыжки. На этот раз снаряд пролетел дальше предыдущего, и вот уже следующий исчез из виду.

Над головой оглушительно каркнула ворона. Джером даже не вздрогнул. За его спиной на травянистом берегу устроился Эллайен. Он сидел, опершись спиной о ствол плакучей ивы и обхватив руками колени. Джером не только не пригласил охотника к разговору, но прямо намекнул, чтобы друг оставил его в покое. Эллайен отказался, но спорить не стал и молча занял позицию под ивой, ожидая, когда Джером успокоится. Джером только стиснул зубы, но не проронил ни слова.

Встреча с королевой Эллибе и советом старейшин казалась ему уже событием прошлого. Воспоминанием, которое могло принадлежать любому другому человеку. И каждый утонувший камень уносил его дальше и дальше, возвращал душу и разум юноши в тот безмятежный мир, в котором он обитал еще так недавно. В тихом укрытии лесного ручья легче было притвориться, будто вовсе ничего не произошло.

Самообман, безусловно. Джером не рассчитывал скрыться от реальности, покинув тех, кто решился о ней заговорить. Можно не согласиться с обычным приказом, оспорить или проигнорировать отношения, складывающиеся у Фейзона с односельчанами. Но на сей раз речь шла о его жизни.

В этом-то и заключалась проблема.

Какой из него король? У Джерома не возникало никакого желания надевать корону. Да, он грезил о приключениях, но совершенно иного свойства. Свое место Джером знал твердо: он родился и вырос крестьянином, собирателем лесных даров, играющим свою маленькую, незаметную роль в великой игре жизни. Джерому не хотелось ничего менять в существующем положении вещей.

Наверное, именно это его на самом деле беспокоило. Называйте, как хотите — деревенщиной, Фейзоном, королем — не имеет значения. Больно осознавать, что твой дом — лишь временное пристанище, а семья и друзья, которых ты любил всю жизнь, никакого отношения к тебе не имеют. И если все же верить старейшинам, а, несмотря на всю немыслимость их истории,

основательных опровержений не находилось, Джером оказывался чужаком, ребенком, выброшенным родителями в чужой мир, к которому он не принадлежал. Теперь, когда пути назад не было, своего угла в жизни у него не осталось.

Сзади послышался треск веток, Джером и Эллайен обернулись. Из-за деревьев вышел Эзаис, человек, которого все эти годы Джером считал отцом. Эзаис едва заметным движением руки попросил Эллайена оставить их с сыном наедине. Эллайен поначалу воспротивился, вскочив на ноги и скрестив на груди руки. Джером заметил печаль в лице отца. Когда, черт побери, кто-нибудь расскажет, что же тут происходит? Эзаис нахмурился. Лицо его приобрело выражение, по сравнению с которым самая суровая гримаса Ригдона показалась бы наивной младенческой улыбкой. Эллайен взглянул на Джерома и с напускным безразличием удалился.

Лучник ушел, а Джером снова взялся за камни. Эзаис подошел ближе, но юноша, как и прежде с Эллайеном, упорно уклонялся от беседы.

Оба долго молчали. Джером пытался отвлечься и сосредоточиться на физическом упражнении, но в итоге сдался.

— Ты мне лгал. Столько лет. — Джером даже не взглянул на отца, запустив камень в бесконечно бегущий поток.

— Так было нужно.

Первый старейшина говорил тем же спокойным отеческим тоном, твердым и ровным, как и всегда. Невероятно. Джером больше не мог сдерживать негодование. Гнев и отчаяние охватили его.

— Нужно? Зачем? Кому? — Сжав в руке камень, юноша впился глазами в отца, человека, который предал его.

— Мы выполнили настоятельную просьбу королевы. Сделали то, что считали необходимым.

Не веря ушам, Джером смотрел на Эзаиса. Как можно столь хладнокровно рассуждать о его жизни, будто о погоде или направлении ветра? Зачем королеве Эллибе понадобился такой изощренный план? Но больше всего Джерома взбесило то, что человек, которому он безоговорочно доверял, помог ей все это осуществить. Старейшина должен раскаиваться и на коленях просить у сына прощения за ложь, за предательство, за обманутое доверие, за правду, которую утаивал годами.

— Ты обязан был рассказать мне все. — Но Эзаис сидел неподвижно, не глядя на сына, и Джером снова уставился на воду. — Дьявол! — выругался он. — По крайней мере ты мог признать, что я подкидыш. Проще было бы теперь проглотить всю эту дребедень.

Фразу эту Джером сочинил давно. В конце концов, в душе каждый сирота лелеет надежду, что он — потерянный сын королевской крови, наследник богатого царства с хороводами прекрасных служанок, сундуками золота и толпами верных подданных — и вот в один прекрасный день все это становится реальностью. Мечта о побеге. Только Джерому вовсе не хотелось покидать свой мир, а откровения последнего дня стали не воплощением снов и мечтаний, а ночным кошмаром, поглотившим его жизнь. Глупая детская сказка, банальная и истертая до дыр.

— То, что ты подкидыш, скрыли, потому что приемные дети рано или поздно начинают интересоваться своим происхождением, — объяснил Эзаис. — В любом случае, не мы принимали решение. Твоя мать…

— Мать? — усмехнулся Джером, с силой отбросив камень. — У меня нет матери.

Эзаис наконец повернулся к юноше, и настала очередь Джерома отводить взгляд.

— Твои слова причинили бы ей боль. Подумай о той жертве…

— Жертве? — Джером резко повернулся, и их глаза наконец встретились. — Ты призываешь меня отречься от друзей, семьи, от себя самого ради человека, которого я даже не знаю, да и не хочу знать!

— Джером, — тихо произнес Эзаис, глядя юноше в глаза, — ты тот, кем всегда был. Друзья и семья останутся с тобой.

Они довольно долго молчали, но Джером не выдержал первым.

— Все, что мне рассказывали, ложь, — продолжал он, отведя глаза.

— Нет, сын, не все.

Джером встрепенулся в негодовании.

— Почему же?

— Моя любовь к твоей матери была настоящей. — Что-то в голосе Эзаиса заставило Джерома подавить усмешку, и хотя он намеревался только посмотреть на старейшину, вдруг почувствовал, что не в силах отвести глаз. — Я сохранил это чувство навсегда. Хочешь услышать правду о том, как Эллибе стала королевой?

Старик пробудил любопытство Джерома. Такую историю действительно хотелось услышать — изредка о ней упоминали, но рассказчикам был известен лишь тот простой факт, что уроженку маленькой деревни Дилн могущественный король Сорл избрал своей невестой. Событие, которым сельчане могли с полным правом гордиться. Подобные истории обсуждались

открыто, люди с удовольствием пересказывали их любому встречному, готовому слушать. С королевой Эллибе дела обстояли иначе. Те, кто действительно что-то знал о ней, предпочитали молчать.

Наконец Джером кивнул.

— Тридцать семь лет. Я любил твою мать вдвое дольше, чем ты прожил на свете. Мне тогда исполнилось семнадцать, меньше, чем тебе. А Эллибе была на год младше. Наши семьи испокон веку жили в Дилне, и мы, само собой, дружили с детства. Никто и не удивился нашему решению пожениться. Да тогда даже казалось, что мы последними до этого додумались.

Взгляд Эзаиса устремился к небу, словно кроны деревьев открыли ему двери в прошлое.

— Когда в нашей жизни появился Сорл, он был еще принцем, а король Сиррус находился в добром здравии. Однажды Сорл ворвался в Дилн с бандой своих дружков-разбойников, вымотавшись после продолжительной охоты. Они остались и провели ночь в неуемном, диком веселье, возбуждая себя сильнодействующей смесью из лесных плодов и трав. Еще раньше он заприметил Эллибе. Девушка приглянулась ему, впрочем, она нравилась всем заезжим. К этому я привык. Только вот среди залетных гостей мало принцев королевской крови. Сорл пригласил Эллибе на вечеринку. Я вспылил и оставил их наедине. Позже, когда все уснули, я прокрался, чтобы проследить за ними. Сорл покинул друзей и увел Эллибе за собой. Ослепленный желанием, принц напал на нее.

Эзаис говорил, напряженно стиснув зубы.

— Я успел вовремя, и Эллибе отделалась парой синяков и порванным платьем. Сорлу повезло меньше. Когда остальные проснулись и оттащили меня, наследник короны Олсона находился на волосок от смерти.

Эзаис немного расслабился. Судя по всему, подвиг прошлого еще давал ему какой-то повод для гордости.

— А на рассвете началась страшная неразбериха. Сельчане из Дилна — люди уважаемые. Наши отцы, мой и Эллибе, были старыми и верными поставщиками самого короля Сирруса. Мало кто усомнился бы в наших словах, да и сам Сорл, вероятно, понимал, что изрядно запутался. Стремясь избежать скандала и пересудов, принц объявил, что той ночью Эллибе согласилась стать его невестой, их любовное приключение было лишь порывом безрассудной молодости, а мое нападение — следствием ужасного недопонимания.

— Но почему же ты не…

— Перед тем как сделать это заявление, — продолжал Эзаис,

угрожающе взглянув на собеседника, — Сорл поставил Эллибе перед выбором. Либо она соглашается выйти за принца и тем самым спасает его честь, либо меня повесят за нападение, а девушку всенародно объявят шлюхой. В конце концов, к услугам негодяя была целая армия свидетелей. Эллибе пришлось против воли отправиться в Кринуолл. Она не пыталась оспорить историю Сорла о помолвке, и долгое время даже я оставался в неведении.

Эзаис замолчал и горестно вздохнул, словно ноша, с которой он давно свыкся, новой тяжестью легла ему на плечи.

— Спустя годы Эллибе все же рассказала мне правду. В одиночку приняв решение, она горько пожалела. Это признание она сделала уже после ссылки Сорика, когда задумала родить второго ребенка. При жизни Сирруса существование ее оставалось еще вполне терпимым. Но несчастье постигло короля уже через два года после прибытия молодой невесты в Кринуолл. К тому времени Сорл, почувствовав свободу, начал издеваться над женой, но тем не менее не отпускал, опасаясь бесчестия. Он удерживал королеву, точно охотничий трофей, удовлетворяя свою похоть на стороне. Единственной целью Эллибе с тех пор стало подарить Олсону наследника, который бы не имел ничего общего с Сорлом. В этом она видела свое право на отмщение. Но после того, что случилось с Сориком… Ты был ее последней надеждой. Я не мог отказать Эллибе или позволить совету чинить препятствия. Я поддержал ее решение и поклялся вырастить ребенка как собственного сына.

Джером молча слушал, а Эзаис смотрел на него спокойным бесстрастным взглядом, способным усмирить самый яростный шторм негодования и злобы. Может быть, Джером слишком поспешил, думая только о себе и пренебрегая переживаниями других. Только теперь, после рассказа Эзаиса юноша ощутил глубину и силу чувств, которые таким удивительным образом перевернули его жизнь. Как тяжело было матери расставаться с сыном, который стал единственным смыслом ее жизни. Что чувствовал Эзаис, потеряв любимую женщину по ошибке и недоразумению? Он так никогда и не попытался заполнить эту пропасть, но нашел в себе силы взяться за воспитание ребенка, зачатого от ненавистного соперника.

Однако Джером не испытывал угрызений совести. Юноша искренне жалел мать и приемного отца, понимая, на какие жертвы и боль они в свое время пошли. И все же они сделали свой выбор сами, а ему судьба досталась, как кинжал в спину. Несмотря на заботу о сыне, родители не доверили ему принять решение самостоятельно.

— Послушай меня, Джером… Торин. — Услышав имя,

Джером покачал головой, но не отвернулся. — Я твой отец и всегда им останусь. Я горжусь тобой, пусть в твоих жилах течет и не моя кровь. Ты умен, предан и самоотвержен, что отличает настоящего мужчину. Сердце, разум и сила дают тебе право быть настоящим королем.

Слова почти не задевали сознания Джерома, но в глубине души все же родилось ощущение, что совет старейшин, и особенно Эзиас, давно готовили юношу к этому дню. С самого раннего детства честность и верность долгу преподносились ему, как истины непреложные и неоспоримые. Еще мальчиком Джерому всегда уступали место лидера среди сверстников, не захватчика и завоевателя, а человека, к которому идут за помощью и советом — словно роль первого старейшины сельской общины. А звание Фейзона позволило юноше на практике опробовать принципы справедливости, сострадания и порядка. Джерома всегда поддерживали даже в тренировках с мечом — занятии, которого мирные члены лесной общины, как правило, сторонились. Раньше он ни о чем таком не задумывался, но теперь многое начинало приобретать смысл. И пусть Джером не был согласен с первым старейшиной в столь лестной оценке собственных качеств, невозможно отрицать усилий, приложенных Эзаисом и остальными к их развитию.

— Но я не хочу быть королем, — слабым голосом грустно проговорил Джером, устав от тщетного сопротивления.

— У тебя нет выбора. Как сказал Ригдон, ты рожден для трона. Дело не в твоем личном желании. Вопрос заключается в том, как ты поступишь дальше, будучи королем.

Джером покачал головой.

— Это не так-то просто, верно? Даже если я и король, никто не уступит мне трон.

Эзаис вздохнул. Старик редко выдавал свои чувства, ведь столько лет приходилось хранить тайну.

— Джером, — наконец ответил старейшина, — судьба Одеона зависит от тебя. Судьба нашей деревни зависит от тебя. Вспомни о друзьях и семье. Кто кроме тебя, поможет им?

— Я не понимаю. Ты говоришь так, будто один факт рождения дает мне силу или влияние. Мне так не кажется. Королевская власть — это нечто большее.

Эзаис медлил.

— Мы не могли всего предвидеть, — согласился старик. — Мы ждали подходящего случая, чтобы вместе с Эллибе представить тебя в качестве короля. Учитывая ее и наши свидетельства, а также рассказ помогавшего Эллибе аптекаря, оставалось только предъявить останки из могилы Торина. Мы

предполагали, что после первого замешательства народ примет правду.

Джером подумал о себе, но не решился высказаться вслух. Судя по всему, вопрос о том, примет ли правду он, даже не ставился, как нечто само собою разумеющееся.

— Сегодняшним утром войска, осаждавшие столицу, возглавлял колдун, — сменил тему разговора Эзаис.

Джером вздрогнул от удивления. Камень выскользнул из его рук и с громким плеском упал в воду.

— Колдун?

— Так его назвала королева, — пожал плечами Эзаис. — Черный маг. Мы не знаем, действует ли он в одиночку или выполняет чьи-то приказы, но твоя мать уверяет, что силы его невероятны и ужасающи.

Джером потерял дар речи. До сих пор магов он встречал только среди иллюзионистов и трюкачей на городских ярмарках. Говорили, что самые искусные из них демонстрируют свое мастерство перед королевским двором. Но Джером никогда не имел дело с настоящим колдовством, о котором повествовалось в легендах минувших веков.

— В любом случае, — продолжал первый старейшина, — отразить нападение целой армии очень трудно. Старейшины Дилна призывают тебя отправиться на юг в Куурию и предстать перед императором Деррегом и его советом. Если королева права и силы врага так велики, тебе необходимо заручиться помощью войска достаточно сильного, чтобы противостоять врагу.

Джером рассмеялся.

— Неужели ты рассчитываешь, что император милостиво окажет военную помощь безродному грибнику из неизвестной деревушки?

— Я верю, что ты найдешь способ убедить его в своей правоте. Если нет, несчастье постигнет нашу землю и наш народ.

Джером быстро пробежался по новой цепи рассуждений. Не лишено смысла, но юноша был настроен скептически.

— Не лучше ли графу Кордскому или баронам юга отправиться с посольством? Может статься, император охотнее прислушается к ним?

— Не исключено, — согласился Эзаис. — Но мне сдается, как только весть дойдет до графа или баронов, они немедля пошлют собственных гонцов в поисках могущественного союзника. Кто же тогда будет защищать наши интересы? Разве можно доверять баронам?

Помолчав минуту, Джером продолжил:

— Но если императорские войска освободят Олсон, Деррег

все равно пожалует корону одному из них — если вообще от нее откажется.

— Кто наденет корону, покажет будущее. — Эзаис смотрел прямо в глаза Джерома. — Прежде необходимо подумать о спасении наших жизней и земель, пока еще не слишком поздно.

Всё верно, подумал Джером. Каждый рассматривает самый вероятный исход событий и строит свои планы в соответствии с ситуацией.

Юноша медленно и тоскливо вздохнул.

— Почему я?

Джером чувствовал, как рушится крепость его сопротивления. И все же внутреннее смятение неумолимо терзало его вихрем сомнений и страхом неизвестности. Эзаис, должно быть, понял это по лицу Джерома и попытался утешить юношу.

— Сын, я не смею гадать, почему перед каждым из нас лежит тот или иной путь. На это способны лишь единицы, если такие вообще есть. Но я верю, что судьба дается нам не случайно, во всем есть свой смысл.

Джером следил за бесшумно скользящей водой, за алыми бликами отраженных лучей заходящего солнца.

— И запомни. В конце концов человек сам выбирает дорогу. Прежде чем упрекать богов за несправедливость, имей в виду, что окончательное решение всегда остается за тобой. Выберешь ли ты путь Торина, короля Олсона, или Джерома, найденыша из Дилна?

Джером без труда уловил скрытое значение слов старейшины. Эзаис всю жизнь руководствовался двумя бесхитростными и неоспоримыми правилами. Первое — простой принцип человечности: поступай с другим так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Второе — непоколебимая вера в то, что жизнь есть не безусловное следствие обстоятельств и событий, а скорее отношение человека к ним. Именно таким и никаким другим образом дарована человеку воля писать собственную историю на свитке жизни. Первое из двух учений далось Джерому легко, а вот второе оказалось проще выговорить, чем претворить в жизнь.

Джером оторвал взгляд от ручья и, встретившись глазами с отцом, неизменным верным наставником и советчиком, ощутил новую уверенность в своих силах, осознав, что его решения ждут старейшины Дилна, а с ними и все жители селения. Осознание это подарило ему чувство спокойствия, и Джером впервые всерьез задумался о предстоящем выборе.

— Одно предостережение, — добавил Эзаис. — Твой ответ может повлиять на судьбу многих людей. Когда-нибудь ты увидишь, что бремя решений ложится не только на твои плечи, но

и на плечи других.

С выбором покончили, сухо подумал Джером.

Но гнев и негодование иссякли. Несмотря на заговор и все ухищрения, в которых принимал участие отец, юноша не мог отрицать, что даже теперь он до конца доверяет этому трудолюбивому человеку, растившему его с младенчества. Эзаис никогда не обращался с просьбой к сыну, не будучи уверенным в том, что тот сумеет взять на себя ответственность и выполнить задание. И вот теперь Джером мог разрушить эти отношения. Почему сейчас должно быть по-другому? Если отец решил положиться на него, то только с полной убежденностью в здравомыслии и способностях Джерома даже в таком безумном и непредсказуемом приключении. Джерому придется оставить сомнения. Юноша и сам понимал, что отчасти уже готов принять свою новую долю, необходимо лишь свыкнуться с этой мыслью.

Джером угрюмо признал, что вынужден сражаться за то, чего никогда не просил.

— Королева, — осторожно проговорил Джером, стараясь не нарушать почтительного тона, — я полагаю, она поедет со мной?

Эзаис отрицательно покачал головой.

— Она возвращается в Кринуолл, чтобы встретиться лицом к лицу с неизвестным захватчиком.

— И ты отпустил ее? Одну? Разве это не опасно?

Первый старейшина ответил не сразу.

— Джером, твоя мать много лет не знала ничего, кроме горя, она упивается болью и идет в ее объятия, потому что больше у Эллибе ничего нет.

Джером ожидал упреков за то, как обошелся с Эллибе, ведь ее отъезд мог быть вызван поведением сына. Однако в глазах отца вместо осуждения он увидел лишь грусть и печаль, едва заметные под привычной маской непроницаемого спокойствия.

— Боюсь, королева уже не способна на другие чувства, и это может привести ее к гибели.

Джером погрузился в размышления, и сознание его, как лесной ручей, закружилось в бесконечном хороводе бликов и отражений.

— Обещай мне, — наконец заговорил юноша, — если я соглашусь сыграть роль мальчика на побегушках ее величества, и все пойдет не так, как ты хотел, обещай, что позволишь мне вернуться домой и жить спокойно. — Джером смотрел отцу прямо в глаза, чтобы тот не ускользнул от ответа.

— Джером, если что-то пойдет не так, у тебя скорее всего не останется дома, куда ты сможешь вернуться.

Глава 5

Под ногами разверзлась голодная пасть ущелья. Лисса всем телом ощутила ее жадное дыхание. Рука соскользнула с выступа на отвесной каменной стене. Задыхаясь от ужаса, девушка отчаянно впилась ногтями в камень, чтобы не сорваться навстречу верной смерти. Но предательская скала упорно отказывалась остановить ее падение, с холодным безразличием насмехаясь над своей жертвой. Девушка почувствовала, как вырвавшийся крик обжигает легкие.

Внезапно борьба прекратилась, пальцы нащупали едва различимую трещину, а правой рукой девушка надежно уцепилась за небольшой выступ. Левая нога продолжала болтаться над пропастью, зато правая прочно утвердилась на гранитной ступеньке. Девушка еще долго не решалась перевести дыхание, хотя в легких болезненно не хватало кислорода. Лисса просто застыла на месте, растянувшись и прильнув к холодной стене.

Сердце немного успокоилось и перестало лихорадочно биться. Лисса решилась открыть глаза. Девушка с трудом различила в мрачной темноте мерцание фонаря брата, хотя ей, собственно, и не требовалось освещения, чтобы почувствовать, как шипит от злости голодная пустота, прощаясь с ускользнувшей добычей. Она поблагодарила богов за милость и, не теряя ни секунды, начала подъем на каменный уступ, с которого еще недавно сорвалась. Справившись с дыханием, она вернулась на прежний путь — оставалось преодолеть еще одну ступень перед тем, как совершенно остаться без света.

Страх и неуверенность движений, не говоря уже о сложном и незнакомом рельефе, сделали подъем мучительно долгим. Наконец все вокруг поглотила абсолютная тьма.

Выбора не осталось, и Лисса позвала брата.

— Ретт, — робко проговорила она, опасаясь, что пропасть лишь усмехнется ее отчаянной мольбе.

Спутник не ответил, и Лисса окликнула снова, на этот раз громче.

— Ретт!

— Скорее, Лисса! — раздраженно отозвался из темноты брат. — Я кое-что нашел! — Девушка прислушалась к звукам, причудливо отражавшимся от стен пещеры. Она успокоилась, обнаружив, что старший брат находится где-то рядом.

— Мне нужен свет, — взмолилась девушка, стараясь придать голосу спокойствие.

Через мгновение луч фонаря осветил обрыв под ногами девушки.

— Давай, — процедил Ретт сквозь стиснутые зубы. — Быстрее.

Быстрее? Невероятно. Голос брата звенел в сознании Лиссы, пока она карабкалась дюйм за дюймом по скале, шепча слова молитвы. Вообще-то девушка не испытывала никакого желания в очередной раз выслушивать от брата упреки. Каждый раз, когда Лисса просила Ретта взять ее собой, повторялась одна и та же история. У нее не хватит силы и ловкости, она станет ненужной обузой в опасном походе, твердил брат. Честно говоря, обычно так и получалось. Но они вместе исследовали пещеры, сколько она себя помнила — так же, как отец и дед. Поэтому девушка не хотела оставаться в стороне только потому, что Ретт более искусен в преодолении рискованных уступов и обрывов вроде того, с которым Лисса сражалась теперь. По ее мнению брат и сестра должны были оставаться командой. Несмотря на жалобы и недовольство, в душе Ретт ценил спутницу, с которой разделял восторги опасность подземных приключений. Пускай спорит, но то, что он вернулся, лишь доказывало правоту Лиссы.

Казалась, прошла вечность, и Лисса, миновав предательски узкую расщелину, выбралась на широкую ровную поверхность. Ретт ждал, высоко подняв фонарь в руке. В какой-то момент, стряхивая с себя пыль и каменную крошку, Лисса хотела сказать брату, что уходит, а первый восторг от открытия новых пещер только что с грохотом исчез в пропасти за ее спиной. На первый день пройдено достаточно, девушка проголодалась и устала. Но, подняв голову, Лисса моментально передумала.

Глазам ее предстал вход в пещеру. На первый взгляд ничем не примечательный мрачный тоннель звал, манил девушку. Вглядываясь в темноту, она пыталась понять, что произвело на нее такое впечатление. Зазубренное неровное отверстие, совсем небольшое по сравнению с теми, что встречались им обычно. Вот только слишком округлый вход, на удивление хорошо сформированы края. Лисса за свою жизнь видела достаточно пещер и тоннелей, чтобы понять — не только силы природы приняли участие в появлении этого отверстия в недрах земли.

Она забыла о недавнем столкновении со смертью, об усталости, царапинах и синяках, о пробиравшем до костей холоде на просторах безветренного подземного царства. Лисса выбросила из головы строгие наставления отца, требование непременно вернуться до заката. Ее уже не страшил родительский гнев по поводу того, что они снова ускользнули от старого наставника Паладиуса. Лисса взглянула на Ретта и поняла, что в

их головах промелькнула одна и та же мысль. Подобное приключение ждать не может. Пещера влекла и дразнила юных путешественников. Темнота оставалась единственным препятствием между ними и тайнами каменных сводов.

Гаретт и Эльвонисса Кульмарил, принц и принцесса трона Суариса, обменялись улыбками в предвкушении нового приключения. Еще ни разу за время путешествий по бесконечным тоннелям в недрах горной цепи Тенстрок не представало перед ними столь волнующее зрелище — пещера, вырезанная под землей руками смертных, без сомнения, представителями одной из древних рас — эльфами, или, может быть, гномами. В любом случае впереди ждала невероятная находка, и брат с сестрою собирались первыми раскрыть ее тайны.

Не медля ни секунды, Ретт отправился в путь, а Лисса последовала за ним. Обоих поглотила густая тьма, готовая задушить слабый дрожащий луч фонаря. Света, однако, оказалось достаточно, чтобы разглядеть каменные стены коридора. Удивительно, но в тоннеле было совсем мало пыли и прочих следов времени. Чем дальше продвигались путешественники, тем более зачаровывала их загадка подземелья. Тоннель оказался лишь преддверием громадного лабиринта, целого комплекса коридоров, на сотни миль изрывших землю.

Вскоре Ретт и Лисса обнаружили, что путь их озаряет странное мрачное сияние, приглушенный свет, не имевший никакого явного источника. Не блеск минералов, выросших среди горных пород, не мерцание отдаленного факела, а ровное изумрудное свечение. Зачарованные невиданным зрелищем, брат и сестра шли, по дороге заглядывая в глубину многочисленных переходов, разбегавшихся в разные стороны от основного тоннеля. Через некоторое время в пещере подул легкий ветерок, напоминающий теплое влекущее дыхание. Лисса замедлила шаг и заглянула брату в лицо. Почувствовал ли он? По его взгляду девушка рассудила, что Ретт тоже ощутил веяние и удивился не меньше. Откуда мог исходить поток воздуха? Юноша хмыкнул и поспешил вперед. Есть только один способ разгадать секрет.

Тоннель наконец закончился, и Лисса задержала дыхание. Коридор вел в гигантскую пещеру, покрытую лесом каменистых остроконечных выростов, которые поднимались от пола или свисали с потолка, зачастую срастаясь в замысловатые формы. Свод утонул в черной мгле, а вдоль округлых стен выстроилась колоннада бесчисленных статуй, изображавших ужасающих, немыслимых существ. Все фигуры были обращены к центру пещеры на небольшое спокойное озеро, откуда, по всей видимости, и исходило зеленоватое свечение. Бассейн окружало

невысокое каменное кольцо, на котором были вырезаны маленькие фигурки, в точности повторявшие изображения монстров, выстроившихся вдоль стен.

— Ах, Гаретт! — восхищенно прошептала Лисса.

Брат молча кивнул. Они не решались сделать шаг и пересечь порог пещеры, чтобы не тревожить дивное зрелище и вдоволь наглядеться на него.

Но, осмотревшись в пространстве пещеры, Лисса заметила нечто необычное. У дальней стены за каменным лесом и мерцающей водой висел в паутине странный кокон. Он держался на растянутых между естественными колоннами нитях, располагаясь в нескольких дюймах над острыми камнями. Объект напоминал высохший панцирь насекомого, попавшего в сети паука, и одно это сходство заставило Лиссу остановиться.

Не разглядев гнездо, либо попросту не обратив на него внимания, Ретт с нетерпеливой улыбкой сделал смелый шаг и направился исследовать находку. Не успев сообразить, что делает, Лисса ухватила его за руку и попыталась остановить.

Ретт с досадой обернулся.

— Что?

— Уверен, что здесь безопасно? — Девушка чувствовала, что поступает глупо.

— Конечно, безопасно, — раздраженно объявил Ретт, вырвав руку. — Не будь ребенком.

Лисса промолчала, но осталась на месте. Ретт сделал с полдюжины шагов вглубь пещеры и приблизился к первому каменному монстру с клювом и руками. Чудище отдаленно напоминало ястреба в два человеческих роста. Ретт несколько мгновений разглядывал фигуру в свете фонаря, изучая уголки и изгибы каменного тела, а затем обернулся к сестре.

— Ты идешь?

Лисса открыла было рот, но передумала и покачала головой.

— Чего ты испугалась?

— Вовсе не испугалась, — возразила Лисса. Брат рассмеялся, но девушка не стала вступать в споры. Ее взгляд метался по пещере, она настороженно всматривалась в каждую тень, в каждый камень, словно опасаясь, что они вот-вот оживут. — Уже поздно, Ретт. Вернемся завтра. Отец…

Ретт рассмеялся еще громче.

— Тогда отправляйся одна, малышка Лисса. Но запомни, я разрешил тебе увязаться за собой в последний раз.

Лисса нахмурилась. Дежурную угрозу она выслушивала всякий раз, когда они отправлялись в поход. Девушку больше тревожило, что брат забыл об осторожности. Между тем пещера

очень напоминала королевские могилы, расположенные под их собственным городом и скрытые в подземных тоннелях. Несмотря на необъяснимо теплый воздух, Лиссе стало холодно, у нее закружилась голова. Девушке начало казаться, что они нарушили границы священного места. Последствия такого поступка не сулили ничего хорошего. Не следует ли молодому принцу быть немного осмотрительнее?

Словно ей в ответ, Ретт неожиданно вскрикнул. Сердце Лиссы замерло, и она испуганно посмотрела на брата, за секунду до этого водившего ладонью по каменному телу статуи. Теперь юноша пригнулся, схватившись за руку и скорчившись от боли.

— Ретт! — вскрикнула Лисса.

Ретт снова рассмеялся и весело помахал сестре. Его глаза довольно заблестели, а лицо девушки исказилось от гнева.

— Да провались ты, Гаретт!

Ретт покачал головой и отправился на обход пещеры, тихо посмеиваясь и рассматривая статуи. Какое-то время Лисса наблюдала, как теплый шар фонаря уплывает все дальше и дальше, оставляя девушку одну в лучах зеленого сияния удивительной воды. Наверное, она действительно еще ребенок. И хотя ей не хотелось признавать правоту брата, юную принцессу одолевала буря сомнений. Лисса просто не могла заставить себя войти в запретное место. Что-то словно приковало ее ноги к каменному полу. Рассудительность, а, может быть, обычный страх. Отец всегда учил дочь доверять собственным предчувствиям, а мать рекомендовала прислушиваться к себе и не следовать слепо за другими. Сейчас она полагалась на советы обоих.

Лисса медленно осмотрела пещеру, размышляя о ее происхождении и назначении. Скорее всего каменная зала действительно некогда принадлежала давно ушедшей цивилизации. Но какой? В истории нет упоминаний о забытых или исчезнувших расах, когда-либо населявших эти горы. Если здесь находилось жилье, то в чем тогда назначение самой комнаты? Кто вырезал статуи? Откуда появляется причудливое свечение? Какая-то магия? А весь подземный лабиринт? Какие еще тайны поджидают в неизведанных глубинах?

Очнувшись от раздумий, Лисса стала искать глазами брата, но не нашла. Тревога переросла в панику. Через несколько секунд девушка увидела вдалеке бледный свет фонарика. Ретт стоял прямо под паутиной с коконом и глазел на него с разинутым ртом. Лисса испуганно взвизгнула, но ей оставалось только беспомощно следить за тем, как брат подошел ближе к древнему праху и поднял фонарь, чтобы лучше разглядеть.

— Ретт! — зашипела Лисса. — Что ты делаешь?

Не обращая на сестру внимания, Ретт протянул руку и к ужасу Лиссы прикоснулся ладонью к кокону.

— Ого! — Ретт обернулся к сестре, расплываясь в улыбке. — Теплое!

Лисса вздохнула. По какой-то причине она была почти уверена, что пойманные в паутину останки оживут, и отвратительное создание накинется на ее легкомысленного брата. Однако ничего не произошло. Лисса признала смехотворность напрасных страхов и немного расслабилась.

Но уже через мгновение ужас охватил девушку. Улыбка исчезла с лица Ретта, он с удивлением взглянул на свою руку и слегка потянул, пытаясь высвободиться. Рука запуталась в липких волокнах и не поддавалась. Ретт приложил все усилия. Беспокойство его нарастало с каждым движением. Нити растягивались, но не отпускали.

О боги, Ретт, подумала Лисса, закрыв рукой рот. Что ты наделал?

Из-под ладони Ретта пролился ручеек зеленоватого света, который вскоре тонкими нитями распространился по всей поверхности кокона. Ретт прекратил борьбу с ловушкой и остановился, наблюдая, как волшебное свечение разливается по паутине, словно кровь по сосудам, которые расширялись, одновременно загораясь ярким сиянием. Юношу начало трясти, он отчаянно пытался вырваться, уронил фонарь, и тот вдребезги разбился о каменный пол. Пламя расцвело, пожирая пролитое масло, и так же быстро погасло. К тому времени кокон целиком наполнился пульсирующим зеленым светом, затопившим всю пещеру жутким призрачным огнем.

Мощная вспышка зеленого пламени мгновенно превратила в пепел паутину, окутывающую кокон. Лисса зажмурилась от ослепительного света. Открыв глаза, она увидела освободившегося из ловушки и скорчившегося на каменном полу брата. Кокон исчез. На его месте появилась женщина, темнокожая и невероятно красивая. На обнаженном теле, совершенном и стройном, оставалось лишь несколько нитей паутины. Ее лицо… ее лицо было изумительным, молодым, с идеальными чертами, на нем горели подобно драгоценным камням лишенные зрачков глаза — бледные рубины вспыхнули, превратившись в бесценные изумруды.

Лисса не посмела двинуться с места. Даже при желании она не смогла бы пошевелиться. У противоположной стены пещеры странная пара стояла, утопая в чудном свете, лившимся теперь из озера — брат, скованный страхом и восхищением, и женщина,

которая, казалось, еще не до конца поняла, где находится.

Вдруг взгляд женщины упал на Ретта. Прекрасные изумрудные глаза несколько раз моргнули, она посмотрела на свои пальцы, ладони. Незнакомка снова обратила взор к Ретту, и прекрасные губы нежно улыбнулись.

— Ахк каис йен вроах. — радостно произнесла женщина. От ее сладкого голоса холод пробегал по спине.

Лисса никогда ранее не слышала подобного наречия, но мгновенно и ясно поняла незнакомку, будто та говорила на ее родном языке. Слова эхом зазвенели в сознании девушки: «Наконец-то я свободна!»

Ретта охватил трепет, и, заметив это, женщина сжала его дрожащие ладони. Юноша вздрогнул, но рук не отдернул. Женщина осторожно помогла ему подняться на ноги и заговорила на своем удивительном языке. Слова и теперь каким-то магическим образом были понятны.

— Я должна поблагодарить тебя, — прошептала она смелому молодому принцу. — Я хорошо укрылась, не правда ли? Но ты все-таки нашел меня.

Слегка нагнувшись, женщина притянула юношу к себе, с материнской нежностью коснулась губами его лица. Пелена белесых нитей обвила их тела, опустившись до самого пола. Ретт стоял неподвижно. Окаменев от страха или восторга, принц не сопротивлялся, когда зеленоглазая женщина приникла к самому его уху, будто желая прошептать какую-то тайну.

— Я хочу поцеловать тебя.

Она с улыбкой склонилась к шее Ретта. Лисса прищурилась, стараясь рассмотреть происходящее. Вдруг из груди Ретта вырвался ужасающий, леденящий душу крик и эхом полетел по пещере, превратившись в оглушительный вопль боли и страха. Лисса пошатнулась, еле устояв на ногах, а раскатистые отголоски кинжалами впились в ее сознание и сердце.

В исступленном ликовании ведьма терзала свою добычу. Фонтан крови хлестал из открытой артерии. С силою, не свойственной столь хрупкому телу, она подняла дрожащего принца над залитой кровью землей и подбросила вверх, словно младенца. Через мгновение струи энергии с оглушительным треском вырвались из ее протянутых рук, жадно впившись в тело несчастного юноши. Лисса, замерев, наблюдала, как молнии разорвали ее брата на куски плоти и осколки костей. Стоя под багровым дождем и купаясь в крови жертвы, женщина откинула назад голову. Хохот громогласными раскатами пронесся под сводами пещеры.

Не помня себя от страха, Лисса бросилась прочь от жуткого

места. Почти на ощупь, спотыкаясь, неслась она по коридору подальше от зеленого света и бегущего за нею хохота. Содрогаясь от рыданий, девушка пробиралась в темноте. Она знала только одно: ничего на самом деле не произошло. Нужно только вернуться домой. Родители ждут ее и Ретта. Если поспешить, еще можно успеть до заката, тогда ни Паладиус, ни отец не станут особенно усердствовать с нравоучениями перед ужином.

— Подожди, Ретт! — позвала она. — Подожди меня!

Отказываясь верить собственным глазам, Лисса карабкалась в темноте. Брат ушел слишком далеко вперед и унес фонарик. Страх гнал девушку, заставлял ноги двигаться. Ретт конечно же слышал, что сестра зовет его, но по привычке не обращал внимания. Ничего, он вернется. Всегда так было. Может быть, позвать снова? Нет. Он слишком обрадуется. Придется добираться до дома самой. Лисса почти…

В конце тоннеля поджидала голодная бездна.

Лисса последний раз вскрикнула, сорвавшись вниз навстречу смерти.

* * *

Джером молча ожидал ответа Эллайена. В вечерних сумерках раздавалось стройное гудение насекомых, аппетитные запахи жареного мяса и горячего хлеба доносились из деревни. Джером вдруг понял, как он голоден. Он уже хотел предложить вернуться домой и отказаться от схватки с бесполезными призраками прошлого, но Эллайен еще не успел переварить рассказ друга и никуда не собирался того отпускать, пока сам не разберется во всех деталях услышанного. Со своей стороны Джером решил добиться от Эллайена окончательного ответа на свой вопрос и убедить лучника в собственной правоте.

Эллайен упорно хранил молчание. Джером, отвернувшись, наблюдал за парой водомерок, скользивших по зеркальной поверхности ручья. Сколько юноша себя помнил, он приходил сюда, чтобы поразмышлять, поделиться с Эллайеном своими мечтами, тревогами или надеждами по поводу последней деревенской красотки, завладевшей его сердцем. Должно быть, целые годы провели они у лесного ручья в разговорах о воображаемых приключениях и о секретах абсолютного счастья. Теперь все изменилось. Знакомые и родные места казались чужими и далекими. Декорации и действующие лица остались неизменными, но новый диалог не имел ничего общего с прежними благодушными беседами. Еще не приняв свалившуюся

ему на голову новую долю, Джером начинал понимать, что жизнь его изменилась навсегда.

— Ты будешь мелкой пешкой в игре, — наконец заговорил Эллайен. — А если объявишь о своем праве на трон, то нарвешься на верную погибель.

На этот раз Эллайен стоял над бегущей водой, а Джером сидел на мягкой траве под огненно-красным тополем, который собственными руками посадил еще мальчишкой. С тех пор дерево выросло и теперь возвышалось над лесом, раскинув на голубом небе остроконечные листья и слегка склонившись у ручья. Джером провел на своем любимом месте почти целый час, поведав за это время другу о совете старейшин и о своем новом призвании. Эллайен поначалу сидел, но потом вскочил на ноги, эхом повторяя каждое сказанное Джеромом слово. Неужели все это правда? Как собирается поступить Джером? Если он не готов принять корону, да и не хочет править целой страной, зачем ему вмешиваться в такое опасное дело? И что еще за рассказы о колдуне?

Джером терпеливо выслушал каждый довод приятеля, одобрительно кивая головой. Он согласился рассказать обо всем Эллайену в тайной надежде, что друг рассеет его сомнения и убедит отказаться от безумной миссии. Но чем больше усердствовал Эллайен, тем прочнее становилась решимость Джерома выполнить свой долг. Он никогда не просил подобной доли, но отвергнуть ее не мог. Мотивы рассуждений отца нельзя игнорировать. Глупо притворяться, что никакого нападения колдуна не было или перекладывать на других тяготы борьбы с врагом. Словом, ему оставалось принять единственное решение.

Но вспыльчивый Эллайен, получив отпор, продолжил свою атаку. В конце концов Джерому пришлось прибегнуть к единственному аргументу, который друг никогда не сумел бы оспорить. Если бы они поменялись ролями, и Эллайена попросили совершить путешествие в Куурию, как бы он поступил?

Как и следовало ожидать, Эллайен надолго умолк, поначалу притворяясь, что не слышал вопроса. Он слегка поежился, отвернулся, обдумывая ответ, и выдал, наконец, последнее замечание, которое Джером потону и значению расценил, как безоговорочную капитуляцию.

— А кто говорит о претензиях на королевский трон? — ответил Джером, покачав головой. На его губах заиграла снисходительная улыбка. — К тому же, если я и заявлю о своих притязаниях, сопернику достаточно лишь усомниться в моей истории или опыте. Кто станет тратить время на то, чтобы меня убивать?

— Все может случиться, — сурово предостерег Эллайен. Джером ценил заботу лучшего друга, но решение нужно было принимать здесь и сейчас. Через минуту юноша отвел взгляд, задумчиво погрузившись в созерцание стволов и крон, окутанных вечерними тенями.

— Я не знаю, — наконец уступил лучник. — Они тебя за горло схватили и просят невозможного. Допустим, ты прав. Но в таком случае тебе предстоит тяжелейшее испытание.

— Думаешь, я не понимаю? — воскликнул Джером. — Конечно, ответственность велика. Если колдун действительно так силен и безжалостен, кто-то должен предупредить другие королевства. Тогда это будет их война, не моя. И все же я не считаю, что задача невыполнима. По сравнению с тем, что поставлено на карту…

— Вот как? Что ты имеешь в виду? Джером сделал удивленное лицо.

— Наши жизни, Эллайен. Незаметные, тихие жизни. Или ты действительно считаешь, что мы так и будем продолжать беззаботное существование, когда нашу родину и народ покорит беспощадный и жестокий король?

— Сдается мне, мало что изменится. Прежний властитель тоже не отличался добротой.

Джером погрустнел. Эллайен залился краской, неожиданно вспомнив, что намекает на человека, который долгие годы правил Олсоном и оказался отцом Джерома. На самом деле юношу ничуть не заботила родственная связь, которая никогда и не существовала. Расстроила же его не шутливая реплика друга по поводу личных качеств Сорла, а упорное отрицание Эллайеном новой действительности.

— Разница состоит в том, что Сорлу не было до нас никакого дела. Он заботился только о собственной персоне. Мало надежды на то, что король, пришедший захватить землю, станет относиться к нам с тем же безразличием.

— Я не то хотел сказать.

Джером отмахнулся от извинений, решив воспользоваться завоеванным преимуществом.

— Не знаю, как ты, но если несчастье случится с нашим домом и семьями, я никогда не прощу себе того, что не воспользовался шансом предотвратить беду.

Эллайен внимательно посмотрел на друга, обдумывая ответ. Джером уже приготовился отразить новый удар, но Эллайен расслабился и глубоко вздохнул.

— Твоя правда, — признал Эллайен. — Что до меня, я согласился бы сыграть роль посланника. Разрази меня гром, да не

так уж я и занят. К тому же, если жизнь под властью колдуна станет невыносимой, то чем дальше мы сбежим, тем лучше.

— Значит, идем вместе? — Джером не собирался звать Эллайена с собой, даже не задумывался над подобной возможностью. Но такой поворот событий заметно прибавил ему уверенности: никому он не доверял больше и ни с кем не разделил бы так охотно все опасности путешествия, как с лучшим другом.

— Конечно. Думаешь в одиночку искать приключений на свою голову? — Лучник лукаво улыбнулся. — Когда-то мы мечтали заняться этим вдвоем.

Джером покачал головой.

— В двенадцать лет, наверное. А теперь все оказывается не так весело, как я воображал.

— Чушь. Не вешай раньше времени носа. Джером неуверенно усмехнулся.

— Итак, — спросил лучник, — когда ты скажешь старейшинам?

— Сейчас, наверное. Нет смысла тянуть время, а то еще передумаю.

Эллайен кивнул и молча уставился на Джерома.

— Что?

Эллайен продолжал с любопытством разглядывать приятеля детства.

— Торин, ха! — Он несколько раз пробормотал имя, словно пробуя его на вкус.

— Не беспокойся, — с досадой вздохнул Джером, — я не расстроюсь, если ты не станешь меня так называть.

— Слишком поздно, — ехидно улыбнулся Эллайен. — Пошли, Торин, поболтаем с твоим папой.

* * *

Хтома неторопливо шел по пустому каменному коридору. Кожаные сандалии мягко поскрипывали на твердом полу. Белые развевающиеся одежды укутали худую сутулую фигуру. Седые волосы, словно белый туман обрамляли лицо, изборожденное глубокими морщинами. Подойдя к открытым дверям залы, он пригладил несколько прядей иссохшей костлявой рукой.

Внутри рогатый зверь родом из горных шахт ревел от ярости и размахивал огненным кнутом. Существо окружили соратники Хтомы, учителя и ученики. Зверь хлестнул кнутом одного из своих мучителей, юношу с обнаженной грудью, но тот поднял

руку, отразив удар щитом из ослепительно белой плазмы. Не мешкая, он собрал энергию плазмы в сияющий луч, и не успел враг приготовиться ко второму удару, как петля сдавила ему шею. Остальные присоединились к схватке, и множество белых нитей потянулись к чудовищу, издававшему отчаянный рев в тщетных попытках вырваться на свободу. В считанные секунды существо оказалось скручено по рукам и ногам.

Еще мгновение Хтома молча наблюдал за движениями братьев, затем едва заметным движением руки закрыл дверной проем каменной стеной, заглушившей крики отвратительного зверя.

Пройдя дальше по коридору, старик достиг другого портала, ведущего к обсерваториям верхнего уровня, и снова заглянул внутрь. Барви и Совенсон пристально изучали звездную россыпь и черный вихрь, образовавшийся на небесном своде. Хтома задержался, и Совенсон, заметив его, молча кивнул. Хтома ответил на приветствие и двинулся в путь.

Достигнув конца коридора, Хтома остановился перед закрытым порталом, куда, собственно, и направлялся. От легкого движения руки каменная дверь распахнулась, и немного погодя старик вошел внутрь.

— Что скажешь?

Прежде чем ответить, Хтома плотно закрыл входной проем. Убедившись, что все в порядке, он прошел в середину комнаты, где за массивным рабочим столом склонился над листом пергамента седовласый Мавентроу. Хтома надолго задумался, затем глубоко вздохнул и сказал:

— Спитахера на свободе. Пробудилась ото сна, как и гласит пророчество. А Торин?

Мавентроу напряженно вглядывался в развернутый на столе пергамент, быстро делая пометки уверенной и опытной рукой.

— Торин, — отвечал старик, не отрываясь от работы, — отправится вскоре к императору Куурии.

Хтома приблизился к столу, и ему навстречу словно по мановению руки выдвинулся стул. Хтома удобно расположился, намереваясь продолжить беседу.

— Успеет ли Ранункулус в срок добраться до Иртвина?

— Если поспешит.

Наступила тишина. Мавентроу продолжал работать под пристальным взглядом Хтомы.

— Ты уверен, что Торин разыщет Меч? — спросил Хтома.

— Не сомневаюсь. У них нет иного выхода.

— Но в чем истинная суть твоего замысла? Если бы тебя заботила королева, куда проще было не допустить детей

Кульмарил до логова Спитахеры. Опасный путь ты выбрал, Мавентроу.

Мавентроу наконец отложил перо и поднял на собеседника голубые глаза, сиявшие из глубины морщин. Он встретил взгляд своего брата-древина, и на губах его заиграла странная лукавая улыбка.

— Допустим. Но ты, Хтома, тоже мечтаешь воочию увидеть Меч. Миновало столько лет, и мы нашли человека, которому достанет решимости и силы отыскать и принести нам реликвию — а с нею и недостающий ключ к утерянному прошлому.

— Как убедиться, что мы не ошиблись? Ты сам говорил, что юноше предстоит отстоять свое право по рождению.

— Его происхождение мало связано с нашим делом. Вера в существование Меча и страсть поддержат Торина на его нелегком пути.

— В любом случае я ставлю под вопрос необходимость самой затеи, — тихо продолжал Хтома. — Спитахера? Меч Азахиля? Мы играем с могущественными силами. Переживет ли мир столкновение, которое становится неизбежным?

— Позволь человечеству самостоятельно принимать решения, и оно себя уничтожит.

— Да, но не торопим ли мы события?

Мавентроу потер усталые глаза, а потом уверенно посмотрел в лицо собеседника.

— Общий враг есть лучший способ отвлечь внимание от этих земель, объединить людей и предотвратить их преждевременное исчезновение.

— Цель ясна, — усмехнулся Хтома, — однако вряд ли стоит забывать о риске, которому мы себя подвергаем.

— Да, но без человечества во многом потеряем и мы собственное назначение.

Трудно было не согласиться. Что за польза от пастуха, если нет стада? Хтома отвел глаза, и хриплое эхо повторило его глубокий вздох.

— И тем не менее трудно смириться с тем, что мы совершенно не знаем исхода игры.

— Согласен. Но ты в ней не пешка, так же, как и я. Мы будем переставлять фигуры до тех пор, пока партия не завершится.

— А если ситуация выйдет из-под контроля? — язвительно спросил Хтома, подняв бровь.

Мавентроу встал с едва заметной улыбкой на устах и отряхнул длиннополые шелестящие одежды. Затем старик скрутил пергамент и сжал сверток в кулаке.

— Куда ты направляешься? — поинтересовался Хтома.

— На встречу с твоим молодым королем, — ответил Мавентроу. — Сеять жажду приключений на пустыре его разума.

— Значит, менять решение слишком поздно?

— Спитахера откажется тихо вернуться ко сну.

— Можно попробовать убедить ее.

— Дадим человечеству шанс, — предложил Мавентроу. — Если придется, мы сами разберемся со Спитахерой. Позже.

— Я запомню твое обещание, — сказал Хтома вслед быстро удалявшемуся древину.

Когда смолкло гулкое эхо шагов, Хтома погрузился в долгие размышления, стараясь проникнуть в мрачное и все же изменчивое будущее Пентании.

Глава 6

Джером провел бессонную ночь, ворочаясь в постели, пробираясь сквозь густую чащу мыслей и чувств. Большую часть времени он просто лежал с открытыми глазами, разглядывая дремлющие тени комнаты. Остаток ночи поглотило беспокойное забытье, наполненное кошмарами и ужасами неведомого будущего. Почти неразличимые меж собою надежды и страхи вихрем закружили бедный рассудок юноши, и только темнота оставалась его неизменным и верным спутником. Терзаясь предчувствием скорых перемен, Джером ворочался и крутился под одеялом, как бабочка в коконе.

Временами, уже ближе к рассвету, юноша вдруг начинал ясно представлять себе как происшедшие, так и предстоящие события. Впрочем, в остальные минуты он не вспомнил бы даже собственного имени. Лавина обмана и правды обрушилась на Джерома, душила его. Прошлое, настоящее и будущее смешались в головокружительном танце. Он просил у неба подсказки, как встретить грядущий день, а в следующий миг воспаленное сознание вновь переживало детство и юность среди друзей и семьи в маленькой деревне у кальмирского леса. Все, что казалось подлинным, обернулось ложью. Истина не имела ничего общего с действительностью.

В какой-то момент, пока Джером блуждал среди видений подлинных и воображаемых, перед глазами его пронеслось воспоминание из прошлого, отбросившее прочь все остальные мысли и заботы. Он ясно видел отчетливые силуэты и ослепительно яркие цвета. Нежданный сон требовал полного внимания, и Джерому оставалось только сосредоточиться.

Холодным зимним вечером в Дилн в поисках укрытия забрел усталый путник, назвавшийся Даринором. Жители деревни радушно приняли незнакомца, и вскоре восьмилетний Джером жался у огня рядом с другими детьми и многими взрослыми. Все они с разинутыми ртами слушали завораживающие сказки путника о героях, драконах и древних талисманах.

Самой чудесной была история о Мечах Азахиля, легенда, близкая к мифам о рождении вселенной. Она восходила к самому началу времен, когда Кейлхай — великие создатели — собрались вместе, чтобы сотворить этот мир и его обитателей. Тогда и были выкованы и освящены одиннадцатью богами Мечи, рассказывал Даринор. В их изготовлении приняли участие великие Ха'Раша, помогавшие родиться этому миру, поведшие за собою стада существ, впоследствии населивших землю. Владея

божественными талисманами и абсолютным знанием сил и энергий природы, они взяли на себя роли наставников и хранителей древнего мира и его рас.

Подобно своим олирианским отцам, могущественные Ха'Раша, хозяева Мечей, во многом различались между собою. Вследствие раздоров Мечи семь тысячелетий назад попали в руки смертных, когда эльфы древней Финлории возглавили восстание людей против напавших на них драконов. И хотя сами Кейлхай держались в стороне от битвы, великие вмешались, передав эльфам божественные талисманы — оружие в неравной борьбе. Противостоять неслыханной силе Мечей противник не мог. Армии бога драконов были истреблены, а эльфы одержали славную победу.

Враг был повержен, а Мечи остались, и с их помощью финлорианцы правили империей на протяжении тысячелетий до тех пор, пока, как и все великие цивилизации, не превратились в легенду. Вместе с финлорианцами один за другим исчезли и Мечи. Последний из божественных талисманов сгинул в недрах истории примерно три тысячи лет назад.

Джером слушал, затаив дыхание. Наконец рассказчик завершил повествование, и мальчик спросил, существуют ли еще Алые Мечи, или они подобно эльфам древней Финлории исчезли навсегда. Даже теперь Джерома охватил тот же детский восторг, когда Даринор ответил:

— Да, малыш, сила Алого Меча существует.

* * *

Сон внезапно прервался, и Джером подскочил в кровати. Он выпрямился и, моргая, неуверенно посмотрел на мягкий лунный свет, лившийся в комнату через окно. Воспоминание начинало таять, четкие и ясные образы постепенно растворялись в глубине подсознания. Но каким реальным казалось видение! Неужели всего лишь сон?

Пока юноша мучился немыми вопросами, взгляд его скользнул по коллекции мечей, развешанных на стенах чердака. Бесчисленное множество стальных клинков с деревянными и кожаными рукоятками. Коллекция, безусловно, служила лишь украшением, но собирание мечей давно стало любимым увлечением юноши. Одни экземпляры отличались красотой отделки, другие привлекали удобством в обращении. Теперь ни один из них не представлял особого интереса для Джерома. Взор его был устремлен на гобелен в центре стены — изображение

меча, окутанного языками пламени. Даже вышитый на полотне клинок затмевал блеск металла. То был не обработанный кусок железной руды, а выплавленный в огне Олириума талисман. Осколок божественной силы.

Меч Азахиля.

Неужели это правда? Существуют ли Мечи до сих пор? Есть ли шанс разыскать их? Волшебные талисманы остались только в сказках бродячих поэтов да менестрелей, предупредил отец после разговора с Доринором — именно это и имел в виду путник. Но было уже слишком поздно. Зерно пустило корни, и с тех пор началось увлечение Джерома мечами, только усилившееся с годами. Вскоре он объявил, что однажды найдет Мечи Азахиля и вернет реликвию миру людей. Все, конечно же, рассмеялись, но разубеждать не стали, расценив его слова как детские фантазии, безобидные мальчишеские мечтания, которые сегодня выдержат огненное дыхание дракона, а завтра отступят перед разумом и степенностью.

Старшие в целом оказались правы, но в чем-то и ошиблись. После нескольких лет бесплодных поисков и расследований Джером расстался с идеей отправиться в путешествие и найти древнее оружие. Но он ни разу не усомнился в его существовании, беззаветно веря в легенду о Мечах — правдивую историю, а не миф, как считали многие. Он никогда не отказывался от мысли, что Мечи можно разыскать. Пусть не он найдет их, но кто-то другой. А впрочем, почему бы и не он?

В сумерках спальни Джером покачал головой. Странно, что воспоминание ожило именно сейчас, но времени упиваться детскими мечтами больше не осталось.

Тяжело вздохнув, юноша откинулся на набитую перьями подушку и заложил руки за голову. Он еще долго не мог заснуть.

* * *

Наступило утро в сверкании огненного великолепия позднего лета. Джером проснулся с ощущением страха и боли. Мир его изменился бесповоротно. Ночь не успокоила ни сердце, ни разум перед предстоящим приключением. Те слабые уверенность и решимость, которые юноша с таким трудом отыскал в душе вчера, к утру совершенно выветрились, оставив лишь пустоту сомнений. Джером невольно начал обдумывать все с самого начала в надежде, что еще не слишком поздно.

Джером выскользнул из-под одеяла и остановился у окна, окунувшись в лучи утреннего солнца, струившиеся сквозь

покрытое пылью стекло. Он потер слипшиеся веки и размял затекшие шею и спину. Неожиданно на глаза снова попалось изображение Алого Меча на стене, искусно выполненное художником. Что за сон промелькнул в голове прошлой ночью? В памяти всплыла фигура Даринора и непокорная мечта завладеть легендарным оружием. Джером потряс головой, стараясь обуздать полуночный полет фантазии, который однажды показался судьбоносным, а теперь походил на глупое ребячество.

Надев широкую рубаху, штаны и жесткие, но удобные кожаные ботинки, Джером по лестнице спустился из своей спальни на чердаке в общую комнату дома, где жил с отцом. На обеденном столе лежали фрукты и записка от Эзаиса. Кусая яблоко, Джером быстро пробежался глазами по бумажке. Накануне старейшины приготовили провизию и все необходимое для похода. Джером не давал совету много обещаний. Он объявил только, что направится в Куурию, как уже договорились, и попытается сделать все возможное, чтобы убедить Деррега и имперский совет оказать им помощь перед лицом смертельной угрозы. Старейшины одобрили решение Джерома и намерение Эллайена сопровождать друга и немедленно взялись собирать приятелей в дорогу, отправив самих путешественников отдыхать. Джером привязал веревку к мешку с едой, маслом, целебными травами и другими необходимыми в дороге вещами и повесил его за спину.

В дверь постучали. На пороге появился Эллайен, облаченный в походные одежды из кожи и шерсти. Через плечо он перекинул лук и колчан со стрелами, а на поясе висел охотничий нож.

— Привет, — с натянутой улыбкой поздоровался Эллайен. — Похоже, ты выспался лучше моего.

Джером доел яблоко и взял в руки широкий меч в ножнах, висевший у двери. Пускай оружие и не отличалось изысканной отделкой, как некоторые из клинков на чердаке, но этот меч был удобнее и практичнее.

— Сомневаюсь, — ответил Джером. Эллайен посмотрел на выбранный другом меч.

— Как думаешь, удастся им воспользоваться?

Джером удержался от ответной колкости. Он понял, что Эллайен не шутит, а замечание его разумно и справедливо. Джером заигрался в путешественника и короля. Он отправлялся в путь, таивший множество опасностей, даже не зная до конца, сумеет ли за себя постоять. Всю сознательную жизнь Джером старательно и усердно учился основам боя на мечах. Читал рукописные пособия и расспрашивал всех приезжих, кто мог поделиться знаниями. Проводил долгие изнурительные часы,

оттачивая мастерство боя, осваивал сложные приемы методом проб и ошибок. Но когда дело доходило до реального столкновения, техника отступала на второй план перед опытом, которого Джерому так недоставало. Страстная преданность тренировкам сделала юношу самым искусным фехтовальщиком в деревне, но на деле это ничего не значило.

Почувствовав неловкость. Эллайен поспешил сменить тему.

— Твой отец еще здесь?

Джером покачал головой, припоминая лежавшую на столе записку.

— Ушел рано утром. Но мы остановимся по пути у совета старейшин и еще поговорим с ним.

Эллайен кивнул.

— Ну что готов? — неуверенно спросил Джером, проверив свою ношу.

Лучник фыркнул и, пробормотав что-то саркастическое, вышел. Джером молча последовал за другом.

С тоскливым вздохом юноша запер за собою дверь. Лучи утреннего солнца лениво ласкали землю, дул свежий утренний ветерок, и Джерома захлестнула волна печальных воспоминаний о жизни в Дилне.

— Пошли, — позвал Эллайен. — Мои родители хотят попрощаться с тобой. А мне не терпится послушать, какой же совет нам приготовили старейшины на прощание. Да и путь будет долгим.

Взглянув напоследок на родной дом, Джером не говоря ни слова, спрыгнул с крыльца. Спутники направились к площади в центре лесной деревни.

Земля на равнинах Равакоста пропиталась кровью. Повсюду лежали брошенные тела с раздутыми животами, скорчившиеся в предсмертных муках. На лицах застыло выражение ужаса и изумления. Горы трупов лоскутным одеялом покрывали луга и пригорки, наполняли впадины и ущелья. В лучах жаркого солнца блестело забытое оружие, тут же валялись отрубленные конечности и головы.

Вокруг бушевала битва. Никто не смел наклониться к убитым и умирающим, рискуя пасть жертвой вражеского меча. Время считать потери, искать погибших товарищей и заботиться о раненых придет позже. Еще до наступления следующего дня настанет час похорон и стенаний, клятв мести. Но сейчас для воинов с оружием в руках не существовало ничего, кроме ожесточенного и безжалостного боя.

Стоя на возвышенности, где расположился командный пункт армии, генерал партанского западного легиона Коратэль, опустив

подзорную трубу, наблюдал за жестокой резней, развернувшейся у подножия холма. Его солдаты хорошо поработали сегодня, отбив отчаянную попытку отрядов Мензо вернуть потерянные накануне окопы и пробиться дальше. Однако успех дался ценою тяжелых потерь, а поредевшая армия рисковала попасть в окружение. Сегодняшняя победа могла обернуться завтрашним поражением. Но в упорной борьбе за каждый клочок земли Коратэль не собирался упускать ни единой возможности.

— Посыльный! — Герольд вытянулся в струнку, приготовившись выслушать распоряжения командира. Пот ручейками стекал по его лицу. — Передайте мой приказ. Генералу Ледрику прекратить наступление и удерживать позицию на Ферретских холмах. Генералу Джейзину перевести часть войск на укрепление западных склонов. Генералу Райнару выдвинуться с Аспским батальоном, батальонами Хорнегских и Васпских лучников на восточный рубеж. Жду отчета от каждого.

— Слушаюсь, сэр, — салютовал герольд.

Когда посыльный ушел, Коратэль, прищурившись, посмотрел на небо.

— Воды. — Повар незамедлительно подал генералу полный кувшин, тот сделал два небольших глотка, облизнул губы и вернул сосуд.

Тяжелый денек для тех, кто оказался на передовой. Наверное, поэтому его хорошо подготовленные воины смогли так далеко продвинуться. В застойных низинах вязкие потоки крови блестели в лучах солнца. Лишь легкий ветерок — заблудший скиталец — изредка разгонял запах гниющей плоти. По просторам равнин разлетался звон и лязг оружия. Генералу казалось, что голова вот-вот расколется от несмолкающего шума. Отчаянные крики умирающих и бесконечные стоны раненых, непрерывный скрежет металла и громовые голоса командиров…

Вдруг вдалеке земля угрожающе задрожала.

Коратэль не устоял, когда почва затряслась и ушла из-под ног. Дома и палатки дрожали, в испуге начали метаться животные. Люди что-то выкрикивали и указывали на восток. Главнокомандующий обернулся к горизонту и затаил дыхание.

Ожесточенная битва постепенно замирала. На поле боя воцарилась пугающая неестественная тишина. Противники стояли бок о бок, внимание их сковало грозное и ужасающее зрелище.

На памяти отцов и дедов сражающихся бойцов гора Краккен столетиями покоилась в безмолвии, свидетелями ее гнева остались лишь забытые седые века. Но сейчас каждый понял, что ярость Краккен наконец вырвалась из ущелий Скуллмарских гор.

Во всей Пентании, даже среди могучих вершин, перед которыми цепенело сердце, не было горы равной Краккен. На востоке страны от Скуллмара до Уистлкрага стар и млад, человек и зверь узрели мощь Краккен. Вздрогнула и загудела земля, гигантское черное облако поднялось из недр, затмив солнце.

На какое-то время гора завладела вниманием всего живого. Люди с восхищением любовались небывалым зрелищем, какие бы беды и ненастья оно ни предвещало. Затем дрожь успокоилась, гул стих, и единственным напоминанием пробуждения Краккен осталось ее пепельно-серое дыхание.

Коратэль медленно выпрямился и обернулся, следуя примеру остальных. По полю боя пробежал ропот, разогнав невероятную тишину. Противники опомнились. Битва на равнинах Равакоста возобновилась, словно вобрав в себя силу грозного зрелища. Гнев хлынул на землю, заронив семена безумия в благодатную почву. Вековая война между Мензо и Партой разгорелась с новой силой.

* * *

— Что происходит? — Джером взглянул на Эллайена, почувствовав, как задрожала почва под ногами.

Эллайен пожал плечами.

— Похоже, землетрясение. Ничего особенного.

Джером так не считал, но предпочел промолчать. О земле и ее недрах нельзя рассуждать свысока. Небольшие эпизоды действительно ничего не значат. Но до Джерома дошли слухи, что настоящая катастрофа похоронила далекий Гейперон под тоннами камней и обломков, отрезав единственный путь в Куурию. Точно так же эта легкая дрожь могла оказаться предвестником сильного землетрясения.

Эллайена, судя по всему, природные катаклизмы мало беспокоили. Да и Джером понимал, что от них вряд ли многое будет зависеть, если дела пойдут хуже. Друзья не могли повернуть назад, не удостоверившись, что проход закрыт. Не удастся и найти укрытие, если беда настигнет их в открытых лесах. Скорее всего Джером опасался преград, которых вовсе не существовало.

Природа, казалось, соглашалась с ним. Шумная лесная жизнь, не потревоженная волнением земных недр, продолжала течь своим чередом. Осень быстро надвигалась, вынуждая лесных обитателей поторопиться. Лисицы готовили зимние норы, белки запасались орехами. Троица белохвостых оленей щипала траву, а неподалеку разбрелось все стадо. Солнце еще светило довольно

ярко, но и это последнее напоминание уходящего лета растворялось в запутанном кружеве ветвей. Под сенью высоких вечнозеленых соседей низкорослые деревца уже начинали терять листву, вплетая первые бледно-золотистые волокна в пестрый осенний ковер.

Джером глядел на деревья и внимал лесным звукам, словно в первый раз. От пьянящих ароматов щемило грудь. В этот час лес казался удивительной и редкой сокровищницей.

Джером печально вздохнул, удивившись нахлынувшим чувствам. Юноша всегда считал себя благодарным сыном лесного края, но только теперь осознал, как тесно связан он с родной землей. То был его дом. Какое значение имеет родство с королем и королевой? Привычные леса и поляны дороже великолепия дворцов, а добрый и простодушный народ Дилна ближе любой венценосной семьи.

Джером невольно вспомнил о матери, королеве Эллибе, и раздражение вновь охватило юношу. Слава богу, королева уехала накануне путешествия, избавив Джерома от необходимости прощаться с нею. И все же Джерома не оставляло чувство вины, словно именно его неразумное поведение заставило Эллибе бежать из Дилна. Как будто он солгал, а не наоборот.

Угрызения совести не давали покоя, и перед отъездом Джером предпринял попытку помириться с Эзаисом. Осторожно избегая слов оправдания, юноша с неохотой признал, что приемный отец и старейшины поступили, руководствуясь самыми лучшими намерениями. В любом случае менять решение было слишком поздно.

Эзаис молча выслушал сына. Джерому пришло в голову, что не мешало бы первому старейшине и королеве Олсона возобновить совместную жизнь, которую у них отняли обманным путем так давно. Отец кивнул, устало улыбнулся и благословил Джерома в путь. Юноша покинул деревню разочарованный разговором с Эзаисом, волоча вместе с рюкзаком глухое и ноющее чувство сожаления.

По крайней мере, думал Джером, я поступаю правильно.

Неумолчный стук дятла рассеял печальные мысли, которые разлетелись, словно щепки под клювом работящей птички. Джером с радостью распрощался с ними. Что проку от подобных раздумий? Какое имеет значение, простит его мать или он ее? Пора на время забыть о привязанности к родной земле, к ее лесам, преодолеть нежелание покидать Дилн. Значение теперь имела лишь дорога вперед, узкая изрытая полоса земли и выжженной солнцем травы, тянувшаяся от Дилна к южному городу Иртвину. И Джером шагал по тропе, забыв о жалобах и

спорах.

В походе путники обходились своими силами. Жители Дилна вообще редко использовали лошадей. От ближайших центров цивилизации, Глендона на севере и Кринуолла на западе, Дилн отделял лишь день пешего пути. Даже до Иртвина можно было добраться за два дня быстрым шагом. Но члены лесной общины Дилна редко совершали дальние путешествия. В основном отправлялись с товаром на городской рынок. А поскольку редкостные и почти невесомые продукты из Дилна и в малом количестве приносили хороший доход, вьючных животных не требовалось. Селянин, возвращавшийся домой с тяжелым грузом, мог всегда нанять телегу и лошадей в городе. К тому же рельефы северного Калгрена не благоприятствовали содержанию крупных животных. Лошади в Дилне были и неудобны, и не нужны.

Однако ускорить путешествие в Куурию представлялось вполне возможным. На поясах путников позвякивали полные кошели монет. Деньги предназначались для покупки коней и пополнения запасов продовольствия по прибытии в Иртвин. Привыкнув к седлу, Джером и Эллайен быстро наверстают время на пути к южным границам Пентании, где…

Где что? Джером внезапно задал себе этот вопрос и тут же отмахнулся от него. Бессмысленно волноваться о будущем сейчас. Джером выполнит задание старейшин, пусть на первый взгляд совершенно бессмысленное, вернется домой и постарается забыть о неприятной истории.

Слабая надежда наконец-то заставила его улыбнуться.

* * *

Ночью Джером вновь грезил о Дариноре и Алом Мече, о драконах и эпических сражениях, образы которых с пугающей ясностью проносились в его снах. Джером видел великий бой крылатых титанов и эльфов древней Финлории. Погибли тысячи. Огненные реки вздымались к облакам, небо полыхало вместе с землею. Собственными глазами видел он ликование тех, кто был призван владеть Мечами Азахиля — волшебными талисманами, в которых заключено негасимое пламя. Он ощутил их страсть и разделил с ними праведный гнев, осознав, что и на его долю выпадет однажды испить из того же кубка.

* * *

Сон долго не выходил у Джерома из головы. Он решил пока ничего не рассказывать Эллайену. В общем, новый день прошел лучше предыдущего. Солнце приветливо сверкало сквозь лесную листву. Чирикали и свистели птицы, белки и кролики беззаботно сновали между кустами и деревьями. Родные звуки и ароматы окутали Фейзона и охотника теплым одеялом, рассеяв мрачные мысли.

Однако ночное видение не давало покоя, и Джером затосковал. Юноша никак не мог вычеркнуть из памяти пьянящую фантазию, в которой он, как и древние финлорианцы, был обладателем легендарных Алых Мечей. Джером усмехнулся: осталось лишь найти реликвию. Тогда он завоюет всеобщее уважение. С таким талисманом удастся поднять и повести в бой любую армию, и Джерому не понадобится помощь императора Куурии, чтобы доказать свое право по рождению. Заручившись силой Мечей, он навсегда изгонит полчища колдуна с берегов Пентании и наконец определит собственную судьбу. Не важно, станет ли Джером благородным королем или скромным селянином — он сделает свой выбор, заслужив любовь и признание народа.

Пока Джером предавался мечтам, в душе его укрепилась уверенность, что сны осуществимы. Это, должно быть, случилось постепенно, потому что юноша не мог припомнить точно момента, когда соображения здравого смысла отступили на второй план, а зерно веры пустило первые ростки. Если бы нежные листочки появились чуть раньше, он, несомненно, давно растоптал бы их. Недолго думая, Джером пересказал Эллайену вчерашний сон и историю о Дариноре. Эллайен подозрительно прищурился.

— Мне показалось странным, — признался Джером, — что снится одно и то же две ночи подряд.

Эллайен пожал плечами.

— Мне тоже много чего приснилось прошлой ночью.

— Да, но мой сон заставляет задуматься.

— Да?

— Ну, сам посуди. Если сказания о Мечах не лгут, а их сила даже вполовину меньше той, о которой повествуют легенды…

— Это просто легенды, — ответил Эллайен. — Мифы, друг мой.

— А если нет? Ты представляешь, что означает один такой Меч!

— Я не понимаю. — Эллайен заглянул другу в лицо. — Так теперь ты хочешь стать королем?

Джером нахмурился. Вопрос глупый, и Эллайен сам это знал.

Причем тут король? Джером готов пожертвовать собою ради безопасности и свободы народа. Но правление — дело совершенно иное, власть над людьми его никогда не привлекала.

— Я хочу надеяться, что все благополучно закончится, и мы заживем по-старому.

— И чем же тебе помогут старинные басни?

— В каждой басне есть изрядная доля правды, — упрямо возразил Джером.

— Шутишь. — Эллайен сначала рассмеялся, но затем обратил внимание на серьезное выражение лица Джерома. — Тогда ты просто сумасшедший. Лишился рассудка после всех этих сказок.

— Я не предлагаю сворачивать с пути, — защищался Джером. — Доберемся до Иртвина, заглянем в библиотеку и еще разок изучим легенды. Если найдется ключ к местонахождению Меча Азахиля, стоит потратить какое-то время на его поиски.

Эллайен снова рассмеялся.

— Джером, ты уже каждую пылинку пересчитал в библиотеке. Ты знаешь там каждую букву. Разрази меня гром, неужели ты все эти книжки и свитки еще наизусть не выучил?

— Должно быть, я что-то пропустил. Или, наверное, — возбужденно добавил Джером, — там появилось нечто новое.

Лукаво посмеиваясь, охотник покачал головой.

— Отлично, — наконец согласился он. — Заглянем в библиотеку. Просто, чтобы ты знал: по-моему, твоя затея — сплошное безумие. Ты же не собираешься бродить по Пентании с картой сокровищ, которая тысячу лет собирала пыль в библиотеке. Даже если ты разыщешь достоверные сведения, откуда тебе знать, что кто-то уже не нашел талисман?

— Пока никто, — поспешил заверить приятеля Джером. — Ты слышал хоть об одном обладателе Алого Меча за последние три тысячи лет?

— Я не слышал и о тех, кто владел Мечом раньше, — возразил Эллайен.

Джером не ответил. Эллайен просто издевался над ним, стараясь вывести друга из себя, хотя не хуже его помнил легенды. Окутанные тайной предания об Алых Мечах до определенной степени признавались в народе правдивыми. Как, например, имя обладателя и местонахождение последнего из Мечей Азахиля. Считалось, что легендарный клинок три тысячи лет назад принадлежал славному королю Сабаоту, лорду эльфов Финлории, правившему в древнем Трак-Симбозе, столице Тритоса. А Тритосом, безусловно, называлась в старину Пентания, самый большой остров Финлорианского архипелага. О самом Трак-Симбозе не было известно ничего, кроме того, что некогда

могущественный город погиб в страшной катастрофе, после которой, предположительно, финлорианцы покинули родину. Для Пентании наступили дикие, темные столетия, завершившиеся приходом людей.

Если предположить, что король Сабаот вместе с Мечом погребен в эльфийском городе, то оставалось только разыскать и перекопать руины Трак-Симбоза. Задача предстояла очень серьезная. Даже если меч действительно находился среди развалин древней столицы, карт Тритоса, по которым можно было определить местонахождение города, не сохранилось. За исключением, пожалуй, древинов, мифических хранителей легенд и преданий, отгородившихся от мира в своей тайной крепости Уитлоке, все остальные знали лишь, что Трак-Симбоз располагался на островном континенте Пентании, довольно обширном районе для поиска единственного поселения, пусть даже и овеянного славой магического прошлого.

Немногочисленные ключи к разгадке вызывали сомнения в их подлинности. Джером знал это не хуже других. Только самые отчаянные фантазеры решились бы отправиться на поиски легендарного оружия с таким запасом сведений. Но Джером был убежден по меньшей мере в трех вещах. Во-первых, наверняка кто-то уже пытался найти талисман. Предания звучали заманчиво, а три тысячи лет — слишком долгий срок, чтобы никто не отважился пуститься даже в столь безрассудное приключение. Второй постулат Джерома заключался в том, что должна существовать дополнительная информация. Если меч действительно пробовали искать, следовательно, что-то все-таки обнаружили, а факт находки зафиксировали, оставив тоненькую путеводную ниточку для остальных. Джером с самого детства выслушивал от друзей и родных, что его страсть граничит с безумием. Пусть так. При верном подходе безрассудство становится источником силы. Джером считал себя человеком способным, если представится случай, добиться успеха там, где сдавались другие. Или даже не смели пытаться.

Со смешанными чувствами друзья продолжали путь. Каждый погрузился в собственные мысли. Слегка озадаченный фантазиями Джерома, Эллайен начинал ощущать приток радостного волнения, обычно сопровождавший любое большое приключение. Он шагал широко и энергично, насвистывая беззаботную мелодию. Искоса поглядев на приятеля, Джером усомнился, что ему по дороге с этим легкомысленным молодым человеком.

Джером испытал определенное чувство облегчения, поделившись в Эллайеном своими соображениями относительно

плана действий и тем самым приблизив воплощение его в жизнь. Впервые он и сам поверил, что предприятие их может действительно завершиться успехом. Наверное, просто настроение. Джером опасался, что к вечеру, когда путники доберутся до Иртвина, или самое позднее к рассвету, энтузиазм его разобьется о суровую реальность. Однако до тех пор он собирался вдоволь насладиться красочными и яркими мечтами.

Присутствие лучшего друга было воистину незаменимо. Возражая Джерому во всем — как, собственно, обычно и получалось — Эллайен воплощал рациональное начало. Они не разлучались большую часть жизни. Доходило до того, что некоторые сельчане и даже собственные родители путали их время от времени. И причиной тому была не схожая внешность. Опытный охотник Эллайен был определенно выше и стройнее. Благодаря постоянным тренировкам с мечом Джером возмужал и накопил недюжинную силу. У него были недлинные каштановые, а темные, коротко стриженные волосы, глаза его напоминали скорее безоблачное небо, нежели сырую землю. Различить друзей труда не составляло.

Очевидными казались другие черты сходства, вроде искренней преданности однажды выбранному призванию или грубоватого юмора, ловко скрывавшего самые теплые чувства друг к другу. Когда-то в детстве оба верили, что вместе сумеют справиться с любыми трудностями. Джером всегда знал, что невзгоды, поджидавшие его в жизни, он преодолеет невредимым, если лучший друг будет рядом. Но это время давно прошло. Заботы взрослой жизни имеют свойство отодвигать на второй план прежние мечты и стремления. Джером начал замечать, как поблекли их детские фантазии за последние годы. Возможно, новое приключение возвратит друзьям то, что было им так дорого.

Если все обернется именно так, то страхи и несчастья, решил для себя Джером, будут пережиты не напрасно.

С легким сердцем Джером отбросил заботы и бодро зашагал по залитой солнцем дороге к скрытому во мраке будущему.

Глава 7

По ночному небу рассыпались яркие звезды, залившие всю землю ровным голубоватым светом. Луна в короне призрачного ореола молчаливо наблюдала с высоты. Мягкое нежное сияние заменило теплый дневной свет тем, кто продолжал дела в прохладные и тихие ночные часы.

Прибыв в Иртвин, Джером и Эллайен остановились на знакомом постоялом дворе у северной окраины города. С хозяином местной конюшни, лысоватым человеком неопределенного возраста, односельчане Джерома вели дела с тех пор, как юноша себя помнил. Удивительно, но тучный мужчина еще с порога узнал путешественников, встретив их добродушной улыбкой и мозолистым рукопожатием. Справившись о здоровье путников, хозяин выслушал их пожелания и привел пару сильных и рослых коней, которые быстро и без проблем доставили бы друзей на юг и даже дальше. На расспросы хозяина путники отвечали честно, не скрывая, что покинули родную деревню и отправились в дальнюю дорогу с новостями о нападении колдуна. Умолчали лишь о невероятной истории рождения Джерома. Неудивительно, что слухи уже успели далеко распространиться благодаря тем, кому удалось спастись из Кринуолла, и целой сети посыльных по всему королевству, не смыкавших глаз ни днем, ни ночью. Услышав, что Джером и Эллайен собираются предстать перед императором, хозяин добродушно усмехнулся.

— Расслабьтесь, ребята. Каждый город и селение, каждое баронство уже отправило посольство на юг. Не сомневайтесь, император скоро узнает о бедах Олсона.

Джером кивнул. Он тоже видел мало смысла в своем предприятии, кроме исполнения наказа старейшин. Юноша поблагодарил хозяина, щедро расплатился и подарил немного продуктов нового урожая из Дилна, что тот охотно принял. Привязав сумки и оружие к седлам, друзья тронулись в путь. Хозяин конюшни сердечно распрощался с гостями и пожелал удачной дороги.

Через несколько минут друзья, ведя под уздцы коней, вышли по чистой дороге в город. Оживленный торговый центр Иртвин располагался на южных окраинах того же леса, что и Дилн, но имел мало общего с северным соседом, где обитало небольшое сельское сообщество тихих и миролюбивых людей. Крепостной стены в Иртвине не имелось. Главной достопримечательностью города был рынок в форме подковы, открывавшейся на запад. Внутри этого полукольца размещались жилые дома и

общественные сооружения. Благодаря выгодному положению в самом сердце Пентании на границе четырех крупнейших из пяти королевств, Иртвин процветал даже в годы всеобщего обнищания Олсона. Большой и шумный по сравнению с лесным Дилном, город всегда оставался чистым, красивым и уютным. Славился Иртвин также радушием и гостеприимством жителей.

Почти все лавки на рынке к вечеру закрылись. Ремесленники и торговцы спрятали товары под надежные замки и отправились по домам или трактирам. Лишь через некоторое время путникам удалось найти хозяйку, торгующую съестным. На прилавке лежало достаточно хлеба и сыра, фруктов, орехов и вяленого мяса, чтобы пополнить израсходованные за два дня припасы и загрузить дорожные сумки на предстоящие несколько суток.

Не замедляя шага, друзья покинули рынок, с некоторым сожалением оставив позади развлечения ночного города. Путь Джерома и Эллайена лежал к городскому центру мимо парков и школ, где стайки ребятишек проворно увертывались от родителей, старавшихся заманить их домой. Эллайен не переставал сокрушаться, что вечер можно было посвятить удовольствиям и как следует отдохнуть перед дорогой. В нелегкой борьбе с другом и собственными желаниями Джером упорно держался до боли знакомого пути в лучшую библиотеку во всей северной Пентании.

* * *

Ранункулус неспешно ехал по заброшенной дороге в холодном свете серебряной луны, вслушиваясь в глухие удары копыто мягкую землю. В привязанных к седлу кожаных мешках лежали четыре тяжелые книги, специально отобранные для этого путешествия самим Мавентроу. Под толстыми переплетами дремали записи историй и предсказаний, открытий и наук, так или иначе относящихся к расе людей и земле, на которой они обитали.

Мудрость, которая, по мнению сопровождавшего ее в этот час древина, никогда не должна покидать сводов Уитлока.

Ранункулус плотнее укутался в серый плащ и нахмурился. Настроение было неважное. На севере сквозь стволы сосен промелькнули огоньки Иртвина. Дорога проходила несколько в стороне, и до путника долетало лишь приглушенное эхо шумного города. Более века ни один древин не покидал стен Уитлока, и Ранункулус без особой радости первым нарушил это уединение. Уже более двух дней находился он в пути, избегая любопытных

путников и глотая дорожную пыль.

Ранункулус не видел никакого смысла в своем странствии. Он отправился в путь против воли, чтобы встретиться с неким молодым человеком в Иртвине, который должен был, по словам Мавентроу, проезжать через город. Согласно инструкции, древин представится ученым, готовым поделиться с юношей, Торином, частичкой истории, болтавшейся у него под седлом. И тогда сны, с некоторых пор мучившие парня, начнут казаться ему правдоподобными — достаточный повод, чтобы дурачок, очертя голову, отправился на поиски приключений, которые приготовили ему Мавентроу и остальные.

Многим не понравилось это решение, но голоса их, в конечном счете, остались незамеченными. Сам Ранункулус яростно выступал против плана и не намеревался принимать в нем участие. К черту все. Весь замысел — плод ошибок и сомнений. С чего древинам волноваться о несчастном роде людском, который скоро сам себя уничтожит? Кроме людей, существуют и другие расы, достойные править миром.

Ветер переменился и теперь дул с севера. Ранункулус раздраженно фыркнул. Пожалуй, воздух в этом городе немного чище, чем в других, но он насквозь пропах человеком и его цивилизацией. Несносная вонь заставила древина задуматься о смысле собственного существования. Дома за стенами Уитлока, погрузившись в занятия науками, так легко забыть обо всем ненавистном в человеке. Но здесь, среди тех, кому он обязан служить и указывать верную стезю, попутно думая о том, как не свалиться с лошади, Ранункулусу было трудно отрицать незначительность своего призвания. Как смехотворно вести хроники и направлять судьбы столь незрелых существ, прозванных людьми. Девять столетий Ранункулус и его предшественники исполняли свой долг, последовав за человеком из тех мест, где присматривали за ним с первых дней творения. И ради чего? Наблюдать, как человек приручил дикую природу, воздвиг могущественную цивилизацию для того лишь, чтобы разрушить ее своими же руками. Если не сегодня, то завтра. Если не завтра, то очень скоро.

Так повелось с самого начала времен. Бесконечный круговорот миров, покинутых богами и оставленных роду древинов, которые наблюдали за падением цивилизаций. Незавидная судьба. Временами Ранункулусу хотелось превратиться в одного из своих подопечных, стать смертным, не замечать ничего, кроме собственных желаний, запутавшись в паутине себялюбия и успеха.

Подул холодный ветерок, и путник поежился под серым

плащом. Ранункулуса мучила та же самая загадка, что и его братьев во все времена. Один из немногих вопросов, на которые они, вероятно, никогда не найдут ответа. Знание их есть дар или проклятие? Проклятый дар. Ранункулус уже почти нашел компромиссное решение, но на беду лошадь споткнулась о колею, и ему едва удалось сохранить равновесие. Где бы ни таился ответ, он далеко отсюда.

Звезды скрылись за черным облаком и сплетением ветвей. Ранункулус въехал в сосновый лес. Укрывший голову капюшоном путник не мог ни видеть, ни слышать приближающейся опасности. Вместе с тем он ощущал каждое движение теней.

Ранункулус насторожился. Более дюжины теней притаились вокруг одинокого странника, который спокойно продолжал путь, ни одним движением не выдав, что знает об их присутствии. Древин ощущал их взгляды, напряженные мышцы, даже рокот их желудков. Бывалые разбойники, безжалостные, словно дикие звери, сомкнули петлю вокруг своей жертвы. Присмотревшись к добыче, они заметили набитые мешки под седлом. Ранункулус продолжал двигаться. Возможно, здравый смысл победит, и ночные охотники пропустят древина.

Вдруг одна из теней вышла из зарослей и преградила путнику дорогу. Ранункулус натянул поводья, и лошадь остановилась.

— Доброй ночки. — Разбойник сложил на груди руки, — По какому делу путешествуете, старина?

— Смею заверить, дело мое вас не касается. Пропустите.

— Ах, но сперва нужно уплатить дорожный налог, друг мой, — лукаво улыбнулся разбойник, будто невзначай положив руку на меч.

— Вижу я, молодежь так и не набралась ума за последнюю сотню лет, — проворчал Ранункулус.

Напускная улыбка покинула лицо разбойника.

— Платить отказываешься? Моим ребятам это не понравится.

Словно по команде кусты зашелестели, и сталь зашипела, выползая из ножен. Древин пригнулся к лошадиной шее, сосредоточенно нахмурившись.

Ранункулус дожидался того момента, когда негодяй сообразит, что путник не намерен торговаться. И случилось это совершенно внезапно. Стоило только разбойнику щелкнуть пальцами в кожаных перчатках, как вся шайка мгновенно выскочила из укрытия со слаженностью и ловкостью опытных ночных грабителей. Главарь остался стоять позади, его жадное лицо расплылось в самодовольной улыбке.

Едва разбойники сделали первый шаг, из невидимого облака

в землю с грохотом ударил столп огня. Через мгновение взрыв отбросил восьмерых разбойников, их тела корчились на дороге в агонии. Воздух наполнился стонами и запахом горелой плоти. Ранункулус довольно улыбнулся, ожидая, что остальные обратятся в бегство после такого внушительного зрелища.

Не тут-то было. Пятеро уцелевших разбойников лишь на секунду замешкались. Нападение было столь стремительным и ожесточенным, что они не смогли бы остановиться, даже если бы захотели. Негодяи набросились на древина со всех сторон, готовые на месте прикончить свою жертву. Ранункулус понял, что недооценил их мастерство и решительность, и это ему дорого обойдется.

Путника стащили на землю, шею его сдавила удавка. Остальные бандиты набросились на лошадь. Острым ножом перерезали веревки под седлом, и на землю посыпались припасы и книги. В это время второй кинжал рассек артерию на шее беззащитного животного.

Удавка на шее крепко держала Ранункулуса, и главарь шайки выступил вперед, рассматривая пораженных магией древина разбойников. Они постепенно приходили в себя и начинали подниматься на ноги, тряся головами. От одежды поднимались тоненькие струйки дыма.

Бандит ехидно хлопнул в ладоши.

— Какое представление! Уличная магия, что ли? Мой папаня такие же штуки выделывал, правда, до тебя ему далеко.

Двое разбойников, перерывшие сумки Ранункулуса, показали главарю лишь книги да провизию — ничего ценного. Бандит разочарованно взглянул на ограбленного путника.

— Так-так, старик. Надо понимать, что платить тебе нечем?

Глаза древина вспыхнули ярко-синим фосфорическим огнем. Вор в страхе отшатнулся. Ранункулус захрипел, его бородатое лицо побагровело. Разбойник быстро пришел в себя и вздохнул.

— Жаль. — Он презрительно махнул разбойнику, сжимавшему веревку, и зашагал прочь. Удавка затянулась. Огни, словно искры, загорелись в глазах древина. Ранункулус почувствовал, что в легких не осталось больше воздуха.

Внезапно ночная тишина раскололась от резкого крика. Разбойники оглянулись и увидели пораженные ужасом глаза товарища. Безжалостная удавка обратилась блестящей змеей, ядовитые зубы глубоко впились ему в руку. Незадачливый разбойник не успел осознать приближение собственной смерти. Вены раздувались и чернели, следуя стремительному движению яда. У несчастного пошла ртом пена, тело окоченело, он пошатнулся, захрипел и последний звук вырвался из его легких.

— Сдохни, колдун! — бешено вращая глазами, завопил главарь банды, и что-то блестящее со свистом полетело в пытавшегося подняться древина. Нож по самую рукоятку вошел Ранункулусу сзади в шею. Но чуть раньше молния, вновь с треском вырвавшись из невидимого облака, ударила в толпу разбойников, собравшихся на месте, где только что лежал старик. На этот раз ослепительно-белый столп света оставил в земле черную воронку, обратив семерых бандитов в пепел и убив на месте еще двоих.

Выказав удивительную для старика силу, Ранункулус отшатнулся от пепелища и схватился за лезвие, торчавшее у него из горла. Четверо уцелевших разбойников бросились на него сзади, древин развернулся, но тут же опустился на колени. Его ждала неминуемая гибель, но в следующую секунду в воздухе просвистели невидимые кинжалы, и двое грабителей повалились замертво. Двое других обернулись навстречу новой опасности.

— Ты! — зашипел главарь невезучей шайки.

— Ну-ка, червяк. Сразись с тем, кто может постоять за себя.

Бандит замешкался на мгновение, затем с проклятиями бросился навстречу таинственному врагу. Они схватились, но незнакомец увернулся. Далее ни один из противников не пытался возобновить столкновения. Ничего не понимая, Ранункулус наблюдал за удивительным сражением. Незнакомец, казалось, просто отступал в сторону, уклоняясь от атаки разбойника, не совершая резких движений, даже не поднимая кинжала для защиты. Через секунду все стало ясно. Шатаясь, разбойник повернулся. Кровь хлестала на грудь из разорванного горла. Он захрипел, посмотрел на древина безумными, беспомощно удивленными глазами и рухнул на землю.

Не только Ранункулус был поражен стремительной переменой. Оставшийся в живых грабитель ошеломленно таращился на тело главаря, пока незнакомец не хлопнул его плашмя кинжалом по плечу. Тот инстинктивно поднял короткий меч, неуверенными движениями пытаясь поразить противника. Не успел разбойник взмахнуть мечом, как опустился на колени, сжимая в руках собственные кишки, чтобы те не высыпались на дорогу из распоротого живота.

На короткий миг глаза древина встретились с глазами спасителя. Быстрым движением руки он вырвал торчавший из шеи кинжал. Теплая кровь полилась под одежду. Двигаться стало трудно, и ночную дорогу поглотила чернота. Ранункулус запомнил лишь крепкие руки юноши, помогавшего несчастному встать с земли.

* * *

Восседая перед хрустальным зеркалом, Хтома наблюдал за своим собратом. Когда битва завершилась, и Ранункулус остался лежать без сознания на дороге, Хтома горько вздохнул и легким движением руки рассеял призрачные образы.

Обернувшись, древин увидел Мавентроу. Тот по обыкновению подкрался незаметно. Хтома даже не пытался скрыть отвращения.

— Похоже, придется довольствоваться твоими снами, — проворчал он.

— Возможно, — безразлично ответил Мавентроу. — Хотя на сцене появился замечательный персонаж.

— Молодой Кронус?

— Лучшего проводника не сыскать.

Хтома покачал головой.

— У него нет веры.

Голубые глаза Мавентроу сверкнули в полутьме.

— Увидим.

* * *

— Да, остановка оказалась совершенно бесполезной, — огорченно пробормотал Джером, захлопнув и опустив на стол пыльную книгу.

Шум разбудил Эллайена, безмятежно дремавшего на соседнем стуле. От неожиданности лучник схватился за свой мешок и чуть не свалился на пол. Стол был завален свитками и книгами. Разочарованно покачивая головой, Джером уносил их и расставлял по полкам.

— Не повезло? — зевнул Эллайен.

Убрав последние книги, Джером взял свои вещи и вышел.

— А я предупреждал, — проворчал Эллайен, поднимаясь вслед за другом.

Джером только стиснул зубы и промолчал. Совсем не обязательно напоминать о глупой затее. Но у него не было оснований сердиться на друга. Эллайен посмеивался над приятелем, но все же позволил в очередной раз обыскать библиотеку. Хотя мог бы поспорить и отказаться отлипшей траты бесценного времени. Что на самом деле заставило Джерома поверить, будто городская библиотека Иртвина прячет тайны, так манившие его и остальное человечество, было секретом даже для самого исследователя. Он просто доверился на короткое время собственным мечтаниям. Решительно направившись к выходу, он

про себя поклялся, что в будущем подобного не допустит.

Эллайен не был столь непреклонен и подбодрил друга, положив руку ему на плечо:

— Не забывай: если бы разгадка лежала на поверхности, Меч давно бы обнаружили.

Джером кивнул и поспешил избавиться от руки Эллайена.

В скором времени друзья покинули холодную и тихую библиотеку и вновь отправились на окраины Иртвина. Наполненный душистыми ароматами вечерний воздух дурманил и манил уставших путников. Джером внимательно следил за Эллайеном, которому явно не терпелось с головой окунуться в городскую ночь. Охотник из Дилна прямо-таки светился, смакуя благоухания Иртвина под мерный стук лошадиных копыт. Приближалась полночь, лавки и рынки давно закрылись. Зато в тавернах и притонах всевозможного рода жизнь только закипала, именно туда в этот час отправлялись все искатели развлечений.

Первоначально путешественники собирались разбить лагерь на юге за городом, но остановка в библиотеке отняла больше времени, чем планировалось. Поэтому Джером вовсе не удивился, когда Эллайен предложил самое разумное, на его взгляд, решение.

— Эй! — толкнул он в бок Джерома, проезжая мимо самой шумной таверны. — Не лучше ли остаться на ночь в городе? — Эллайен театрально зевнул для достижения драматического эффекта.

Джером покачал головой.

— Мы должны экономить деньги. К тому же надо торопиться.

— Мы не пожалели долгих часов, чтобы обыскать библиотеку, — язвительно заметил охотник.

— Значит, времени осталось еще меньше.

Эллайен нахмурился.

— Ну же! Давай расслабимся немного, — не унимался охотник, жадно пожирая глазами таверну. — Вдруг это наш последний шанс?

Джером усмехнулся, и Эллайен начал злиться.

— Что?!

— Жажда развлечений тебя погубит.

Эллайен снова повернулся лицом к таверне, откуда пулей вылетел перебравший посетитель. Приятели молча наблюдали, как он пересчитал ступени и приземлился в грязь, бормоча что-то нечленораздельное.

— Да там, кажется, безумно весело, — сухо заметил Джером. — В любом случае, я бы не волновался. Чем раньше мы тронемся в путь, тем лучше. Ручаюсь, скоро мы наткнемся на

развлечения, какие тебе и не снились.

Эллайен не слушал и только рассеянно кивал, всматриваясь в дорогу. Вдруг он развернулся.

— Знаешь, наверное, там что-нибудь слышали о падении Кринуолла, — предпринял Эллайен последнюю попытку. — Это может оказаться полезным.

Джером медлил. Новое предложение было не лишено смысла.

— Нет, — принял окончательное решение Джером, одним ударом разбив надежды спутника. — С нас хватит и того, что мы уже знаем. Бессмысленно забивать себе голову лживыми слухами.

— Все понятно, — простонал Эллайен. — Слухи о божественных талисманах, которые разносят сумасшедшие бродяги, конечно же, не лгут. А все, о чем народ толкует в тавернах, пустая болтовня.

Джером нисколько не удивился.

— Королева сказала, что все должны узнать о колдуне. Давай поторопимся и доставим ее послание тем, кому суждено встретиться с врагом лицом к лицу.

Если у Эллайена и нашлись новые доводы, он предпочел оставить их при себе. Джером порадовался наступившей тишине и сосредоточил все внимание на дороге.

Городские постройки постепенно редели, вскоре Иртвин остался позади. Путники выехали на лесную дорогу, где еще можно было встретить редких прохожих, направлявшихся по своим делам. Затем исчезли и последние горожане, а огни и шум Иртвина растворились в усыпанной звездами тишине. Земля тихо дремала под звонкое стрекотание многоголосого хора кузнечиков. Стройное пение насекомых располагало к мирным размышлениям.

К югу от города потянулись густые рощи. Спутанные ветви и сучья укрывали дорогу от ясного взора луны, расчертив землю черными тенями. Вдалеке виднелся просвет в конце лесного тоннеля. Заросли становились все реже и реже, уступая место широким лугам южного Олсона. Друзья ехали молча, отпустив поводья и доверившись лошадям, неспешно шагавшим по дороге.

Внезапно лошадь Джерома захрапела и отпрянула назад. Джером резко натянул поводья, стараясь успокоить напуганное животное. Лошадь послушно остановилась, но продолжала бить копытами, отказываясь двинуться на юг.

— Эй, приятель, — воскликнул Джером, погладив лошадь по шее. Он взглянул на Эллайена, также пытавшегося унять коня.

— Они что-то почуяли, — сказал охотник. — Их встревожил незнакомый запах.

— Что будем делать? — спросил Джером.

Конь не унимался и беспокойно ерзал под седоком.

— У тебя нет никакой мази, чтобы втереть лошадям в ноздри?

Джером кивнул.

— Думаешь, хорошая затея?

— Они не заметят запаха, который их так напугал.

— Знаю. Но если животные насторожились, нам тоже не помешает проявить внимание.

— Может, тогда повернем обратно? — раздраженно ответил Эллайен.

Джером молча опустил руку в сумку и исследовал ее содержимое. Отыскав то, что нужно, он осторожно слез с седла, крепко сжимая в руке поводья.

— Ну, спокойно, — мягко заговорил Джером, став перед лошадью.

Обернув поводья вокруг пояса и аккуратно держа лошадь под уздцы; он взял из крошечной металлической баночки немного прозрачной мази с легким приятным ароматом. Шепотом успокаивая животное, Джером осторожно нанес состав на ноздри. Конь не сопротивлялся, с любопытством принюхиваясь.

— Держи! — Джером кинул Эллайену баночку с мазью. Эллайен поймал сосуд и проделал такую же процедуру.

Джером следил за занятием охотника, поглаживая лошадь по шее. Вскоре животные успокоились.

— Отлично, — сказал Эллайен и передал мазь Джерому. Когда лошадь немного пришла в себя, он вскочил в седло. — Теперь поедем осторожнее.

Джером оставил замечание друга без внимания, вскарабкался в седло и развернул коня на юг. На этот раз животное лишь неохотно фыркнуло и более не сопротивлялось. Джером неспешно тронулся в путь и обернулся на Эллайена. Убедившись, что приятель следует за ним, юноша сосредоточился на темной дороге.

Роща, казалось, неестественно притихла, путники напряженно вглядывались в тени, кусты и деревья. Страхи Джерома начинали оживать в воображении. Эллайен внезапно остановился и указал на темный силуэт впереди на дороге.

— Похоже на лошадь, — прошептал охотник.

Друзья медленно и осторожно двинулись вперед. Любопытство Джерома нарастало с каждым ударом подков о мягкую землю. Подойдя ближе, они различили неподалеку еще несколько силуэтов. На этот раз тени оказались человеческими телами, и Джером резко остановился, потянувшись за мечом.

Стало понятно, что на дороге произошла стычка, которая уже

разрешилась, хотя и совсем недавно. Ручейки загустевшей крови еще вытекали из ран животного и четверых людей. Обугленные остатки других девяти слабо дымились. Джером поморщился и принялся рассматривать почерневшие трупы, удивляясь, какая сила смогла так поразить их.

— Как будто молния, — выдавил он, задыхаясь от зловония. Лошадь под седоком фыркала и испуганно била землю копытом.

Эллайен тем временем спустился на землю и, закрыв нос и рот рукой, внимательно изучал тела.

— Разбойники, — заключил он. Эллайен с отвращением разглядывал трупы, превратившиеся в пепел. — Немного же от них осталось.

Эллайен нагнулся над кровоточащим телом, а Джером слез с лошади.

— Зачем убили коня? — удивился юноша, обернувшись к мертвому животному.

За его спиной Эллайен хмыкнул от удивления.

— Как ни странно, они оставили деньги.

Эллайен поднял небольшой кожаный кошелек, набитый монетами. Джером сделал шаг навстречу другу, но его внимание привлекло что-то блестящее под тушей несчастной лошади. Протянув руку, он обнаружил толстую в кожаном переплете книгу, торчавшую из седельной сумки. Лунный свет тускло мерцал на золотых буквах неизвестного Джерому языка.

— Эллайен, ты только посмотри!

Охотник не сразу отозвался, занятый собственными находками. Джером открыл толстую книгу. Пергамент был сплошь заполнен письменами. Надежный и прочный переплет скрывал потрепанные полуистлевшие страницы. Джером заворожено разглядывал книгу, шрифты и узоры, покрывавшие желтые листы. Кое-что ему удавалось прочесть, но основной текст он разобрать не мог.

Наконец Эллайен присоединился к другу, взглянув на находку через его плечо.

— Посмотри! — вновь воскликнул Джером, переворачивая страницы.

Эллайен смотрел молча. Им никогда не доводилось видеть подобных книг. Старинный том будоражил воображение.

У Джерома перехватило дух, когда он открыл следующую страницу. Он обернулся на приятеля, и их глаза встретились. Тот тоже заметил рисунок. Джером наткнулся на изображение великолепного меча. Рукоять с замысловатым узором была усыпана драгоценными каменьями. Как завороженные смотрели друзья на алые языки пламени, обвившие клинок сверху донизу.

Джером сразу узнал на картинке Алый Меч. Обнаружив, что понимает надписи под иллюстрацией, юноша начал читать. Через мгновение стало понятно, что следующие несколько страниц содержат бесценную информацию о силе и истории божественного оружия…

И карту.

Едва сдерживая волнение, Джером жадно пожирал глазами карту Тритоса, древнего мира из забытых времен. Он чуть не вскрикнул, заметив в южной части Скуллмарской горной цепи название Трак-Симбоза. Выцветшие чернила и причудливые древние письмена не обманули Джерома — Трак-Симбоз, сердце могущественной империи Финлории, город, расположенный на морском побережье в юго-восточной части современного королевства Парты.

Джером не поверил собственным глазам и несколько раз зажмурился, чтобы развеять иллюзию. От волнения у него тряслись руки.

— Трак-Симбоз! Эллайен, это Трак-Симбоз!

Эллайен нагнулся ближе к пергаменту, внимательно изучая место, на которое указывал Джером.

— Здесь главная дорога и все остальное!

— Дороги меняются со временем, — с сомнением напомнил Эллайен.

Но Джером был слишком возбужден и не прислушался к возражениям. Он поспешно огляделся вокруг в поисках владельца книги. Убедившись, что друзья одни, Джером вернулся к сокровищу.

— Никак не могу поверить. Словно дар небес. Подумай только…

Он в изумлении замолчал. Таинственная находка до такой степени разожгла воображение Джерома, что он совершенно не заметил, как письмена постепенно начали меняться. Теперь он с ужасом и отчаянием наблюдал, как слова побледнели, пока совершенно не исчезли со страниц. Карта, старинное предание, рисунок — все растаяло на глазах.

— Нет! — воскликнул Джером, склонившись над древним пергаментом.

— Что за колдовство? — спросил Эллайен, пока Джером отчаянно перелистывал страницы.

Наконец Джером остановился, взял себя в руки и принялся обдумывать происшедшее. Очевидно, владелец книги хотел сохранить ее содержание в тайне. Чары, должно быть, возымели силу, как только книга открылась или, вернее, оказалась в чужих руках. Лицо Джерома неожиданно просияло.

— Древины.

— Что? — возмутился Эллайен. — Не говори глупости.

Но догадка, поначалу казавшаяся робкой попыткой понять происшедшее, теперь стала для Джерома единственным убедительным объяснением. И чем больше он думал, тем больше убеждался в собственной правоте.

— А кто еще в наше время мог написать такую книгу? — защищался Джером. — На карте обозначены земли эльфов Финлории!

Эллайен покачал головой.

— Джером, древины такой же миф, как и Мечи. Даже если древины существуют, каким образом они или их книги очутились здесь?

Окончательного ответа Джером не находил, но в голове его шумел рой предположений и догадок. Определенно, магическая защита книги предполагала вмешательство древинов, таинственной касты, послухам происходившей от самих Ха'Раша, первых великих. Эллайен вправе возразить, что книга может принадлежать кому угодно — ученому, собирателю антиквариата, странствующему менестрелю, но для Джерома никакой другой ответ не имел смысла. Его больше волновал вопрос, почему книга, принадлежавшая древинам, появилась на дороге в Иртвин? Был ли фолиант украден? Тогда почему Джером первым задействовал магическую защиту? Возможно, груз везли в библиотеку Иртвина. Весьма разумное объяснение. Только зачем отправлять туда книгу, содержание которой никому, кроме древинов, невидимо? И еще одно удивительное совпадение — сокровище должны были доставить в Иртвин одновременно с приездом Джерома.

Постепенно зародилось подозрение, суть которого юноша не смел высказать вслух. Вместо того он еще раз осмотрел окрестности и изучил следы страшной схватки. Окажись они в роще чуть раньше, возможно, удалось бы расспросить участников тех ужасных событий. Бесчисленные вопросы и предположения вскружили бедняге Джерому голову, но одна мысль, четкая и ясная, будоражила разум. Древин. Древин из Уитлока. Здесь, неподалеку от Иртвина. И они разминулись с ним на какой-то час!

С трудом вырвавшись из урагана мыслей, Джером закрыл книгу, прижал ее к груди и постарался припомнить содержание страниц.

Через минуту он улыбнулся.

— Это меняет все.

Энтузиазм Эллайена моментально улетучился.

— Подожди-ка, — заявил охотник, — что ты задумал? Джером ничего не ответил, но посмотрел на друга сияющими глазами.

— О нет, — простонал Эллайен, — мы только что с этим покончили!

— Эллайен, ты же сам видел карту. Карту!

— Я видел бестолковый набросок. Чернильную кляксу в дальнем углу Пентании. Точку, которой нет на свете уже три тысячи лет!

Джером больше не мог справиться с огнем, охватившим его сердце.

— А что, если, Эллайен?! Мы найдем Трак-Симбоз и тайник, где спрятан Меч… Эллайен, если мы разыщем последний Алый Меч…

Джером не закончил фразы. Манящее видение продолжало парить в воздухе. Однако Эллайен только покачал головой.

— Охлади свой пыл, Джером. Воображение у тебя разыгралось не на шутку. Все «если да если» и никаких гарантий.

— Меч находится именно там, — упорно настаивал Джером. — Я знаю, он ждет, чтобы его нашли.

— С чего ты взял? — недоверчиво поинтересовался Эллайен. — Ты уверен, что книга принадлежит древинам. Отлично. Если они так долго хранят эти сведения, то почему не разыскали Меч еще лет триста назад?

Юноша беспомощно искал ответа, но Эллайен был прав. Утверждения Джерома не основывались на знании как таковом. Он руководствовался лишь предчувствиями, эфемерными и призрачными словно дым, и своей детской верой. Броситься на поиски Меча Азахиля, вооружившись одними лишь мечтами, выглядело настоящим безумием. И все же ощущение того, что разгадка близка, никак не рассеивалось, и даже ветер разума оказался не в силах справиться с ним.

— Неужели ты не видишь? — отчаявшись, Джером решился высказать свои подозрения. — Сначала сны, а теперь книга. — Юноша потряс находкой для пущей убедительности. — Это не простая случайность.

Эллайен молчал, и Джером заметил, что он тоже взволнован необычным совпадением. Друзья только что покинули библиотеку, где искали именно такую книгу. А теперь она прямо перед ними. Не важно, кому принадлежит том и откуда он взялся, само его появление невероятно и подозрительно. Самым рациональным казалось объяснение, что некто рассчитывал именно на подобный поворот событий: Джером и Эллайен должны были найти книгу. Но кто? Друг или враг? Эллайен начал

озабоченно оглядываться по сторонам. Нахмурившись, охотник высматривал того, кто сыграл с ними странную шутку.

— Слушай, — наконец заговорил лучник, — откуда бы ни взялась здесь книга, нам лучше держаться подальше. К тому же дела сейчас такие, что заниматься фантазиями не время.

Джером нахмурился. Надежда переубедить друга таяла на глазах. И снова нечем было подтвердить свою уверенность. Ни один довод не выдерживал критической проверки самой простейшей логикой. Джером поднял глаза, встретившись с суровым взглядом Эллайена. Выражение лица лучника осталось непреклонным.

— Послушай, — спокойно заговорил Эллайен, — я с уважением отношусь к твоему врожденному чувству долга. Но то, что ты предлагаешь, неприемлемо. Мы должны заняться своим делом и выполнить решение старейшин.

Джером раскрыл книгу и молча уставился в нее, перелистывая пустые страницы.

— Наверное, ты прав, — наконец согласился он.

Эллайен облегченно вздохнул.

— Конечно, я прав, — сказал он, направляясь к лошади. Охотник подвязал рядом со своим мешком кошелек с деньгами убитых разбойников, поднялся на стремя и вскочил в седло. — Поехали, — добавил он, осторожно озираясь вокруг. — Не хочу оказаться здесь, когда городские власти обнаружат это безобразие.

Тяжело вздохнув, Джером закрыл толстую книгу и, подержав ее еще немного в руках, бросил на землю. Эллайен одобрительно кивнул и пришпорил коня.

Когда охотник отъехал на приличное расстояние, Джером взялся за поводья. Он уже поставил ногу в стремя, но затем снова опустился на землю. Бросив печальный взгляд в сторону Эллайена, Джером поднял книгу и положил в седельный мешок. В тот момент он и сам до конца не понимал, почему поступил так. Возможно, в глубине души, доверяясь не разуму, а слепой интуиции, он был готов пойти на отчаянный и решительный шаг. Еще недавно Джером поклялся не предаваться мечтам и вот уже нарушил обещание. В любом случае тяжелый том еще сослужит свою службу — либо станет ключом к осуществлению детских мечтаний, либо заставит впредь держать их под замком.

Вскоре Джером пришпорил коня и, поднимаясь на стременах, поспешил за Эллайеном. Дорога вела друзей на юг в Куурию.

Глава 8

Эллибе, королева Олсона, уверенно и с привычным достоинством держалась в высоком седле. Казалось, на ее хрупкие плечи обрушился целый мир тяжелой ношей стыда и жертвы, предназначенной ей божествами Кейлхай. Любая другая женщина давно склонилась бы под столь нелегким грузом. Но в отличие от обычной женщины Эллибе была непобедимым воином, готовым преодолеть самые невообразимые тяготы жизни. Королева никогда еще не отступала перед трудностями. Не намеревалась и на этот раз. Покинутая семьей и друзьями, забытая даже богами, она твердо решила встретить судьбу с высоко поднятой головой.

Даже на пути к гибели.

Эллибе повторяла эти слова снова и снова, готовясь к предстоящему испытанию. Всю свою жизнь она посвятила служению другим, раздавая себя по капле, пока больше ничего не осталось. А ее не признавали, не жалели, не любили. Что ж, если такова судьба, пусть она свершится. Приняв тяжкое бремя без единого упрека, она подаст пример, которому люди будут следовать после ее смерти. Если справедливой награды нет в этой жизни, значит, она ждет на небесах.

Решение уехать из Дилна после встречи со старейшинами и Торином далось нелегко. Эллибе чувствовала себя изнуренной и несчастной, словно с нею обошлись несправедливо. И хотя старейшины — особенно Эзаис — настойчиво уговаривали ее провести в Дилне ночь, отдохнуть и все обдумать, они получили категорический отказ. Увещевания их, искренние или притворные, были тщетны. Старейшины так до конца и не поняли ее. Эллибе покинула Дилн, отправившись на северо-запад. Перед возвращением в осажденный город она решила заночевать в уединенном охотничьем домике, который Сорл держал на краю леса.

Наступил рассвет, а королева еще не покидала своего укрытия. В душе боролись противоречивые чувства. Эллибе терзали сомнения. Однажды она решила беспрекословно исполнить долг перед народом Олсона, но после отъезда из Дилна королеве стало казаться, что, возможно, она слишком жестока к себе. Сорл мертв. Власть узурпирована неприятелем. Эллибе наконец свободна и может вернуться к прежней жизни, к Эзаису, хранившему верность ей все эти годы, и к Торину. Поначалу к новой жизни придется привыкать, но постепенно она обретет счастье, в котором ей до сих пор было отказано. Не пора

ли подумать о себе?

Два дня провела королева в нерешительности, укрывшись в сторожке или прогуливаясь по соседнему лесу. Навязчивые мысли не давали покоя. В минуты ясности и просветления дорога к счастью открывалась перед нею, ведь она заслужила лучшей участи за годы горя и унижений. Но темные ветра сомнений нашептывали, что истинное ее предназначение в жертвенности и мученичестве. Счастье — лишь обман и соблазн, к которому нет пути, если ищешь вечного спасения на полях Олириума.

На третье утро после отъезда из Дилна Эллибе приняла решение. Судьба диктует свои правила. Королева отправится в Кринуолл и выполнит свой долг, поставив нужды народа превыше собственных. При благоприятном стечении обстоятельств Эллибе еще вернется к дорогим ей людям, на этот раз со спокойной совестью. А пока дело не завершено, необходимо следовать долгу, а не желаниям.

На рассвете третьего дня королева отправилась в дорогу. Лучи восходящего солнца повели ее на запад. Путь лежал через заброшенные земли Олсона. Стремительное и жестокое порабощение Кринуолла заставило население покинуть обжитые места на десятки миль вокруг. На дороге валялись кучи забытых и потерянных вещей, в спешке оставленных хозяевами. Фермы и пастбища, деревни и придорожные рынки пустовали, словно жители в один миг попросту исчезли. Остались лишь мародеры, свирепые разбойники, рыскавшие по заброшенным постройкам и разбегавшиеся, будто тараканы, при приближении Эллибе. Казалось, землю опустошила чума, и выжили лишь насекомые.

Поначалу Эллибе старалась сосредоточиться, чтобы вновь не потерять контроль над собой. Шли часы, и напряжение понемногу отступило, мысли пришли в равновесие. Королева глядела на родную землю… Еще несколько дней назад она бежала из Кринуолла тем же самым путем, но времени присмотреться и задуматься тогда не было. Теперь, неспешным шагом возвращаясь по своим следам, королева не переставала удивляться, как же сильно тосковала она по знакомым местам.

Не так давно Олсон славился по всей Пентании самой плодородной землей, богатыми рудниками, земледелием, скотоводством и торговлей. Природа сыграла в этом немалую роль. Много сил приложил и король Сиррус, отец Сорла, сильный и волевой человек, поставивший целью жизни создание могущественной и процветающей империи. Тяжелым трудом и усердием добился он своего, не располагая ни средствами, ни поддержкой родственников. Основатель королевского рода Сиррус провел отрочество и юность в среде военных и

воспитывался как кадровый гвардейский офицер. В последующие годы будущий король стал купцом и скопил немалое личное состояние, честно зарабатывая торговлей на родине и за ее пределами. Взойдя на трон, Сиррус сохранил верность принципам и правилам, на которых держался его собственный успех, и руководствовался ими в управлении королевством. Сиррус славился своей способностью тонко чувствовать баланс между возможностями и желаниями. Вскоре процветающий Олсон и его народ стали завидным примером для остальных королевств Пентании.

Сорл же, напротив, никогда не понимал простейшей истины: овцу можно стричь всю жизнь, но забить лишь однажды. Новый король жаждал наслаждений и потакал малейшему своему желанию за счет государства и народа. Он брал все, что хотелось, ничего не отдавая взамен. В считанные десятилетия ему удалось пустить по ветру богатства Олсона. Эллибе догадывалась о происходящем, но запертая в дворцовых палатах королева слабо представляла себе, насколько далеко все зашло. И теперь с болью и негодованием глядела она в лицо правде. Еще совсем недавно процветавшие селения разорялись и разваливались на глазах, превращаясь в трущобы, населенные призраками обедневших и голодающих людей. Повсюду она видела лишь брошенные рудники, вырубленные леса и голые поля. Изнемогая под непосильной ношей, народ обратился к воровству и душегубству. А некоторые, не вынеся жутких условий, спасались от голода каннибализмом. Сорл же до последнего дня жизни заботился лишь о завтрашней пирушке и очередной девке, побуждая придворных следовать своему примеру, потворствуя всем их причудам, чтобы оправдать собственные фантазии.

По щеке Эллибе покатилась горькая слеза. Место Сорла занял хищный и безжалостный враг, но может ли положение дел еще ухудшиться?

Временами Эллибе жалела Сорла, который вовсе не родился безжалостным деспотом. Ему просто не дали шанса стать кем-либо иным. Мать умерла, подарив сыну жизнь, а король практически не замечал мальчика. Сиррус всегда мечтал о роли заботливого отца, но после смерти любимой жены ребенок стал лишь скорбным напоминанием о потере. Отец был глух ко всем попыткам сына добиться его внимания. В конце концов Сорл нашел себе компанию среди дворцовой молодежи, самодовольных распутников, водивших дружбу с принцем из-за его положения и превративших будущего короля в тупое и эгоистичное животное.

В какой-то короткий период времени Сорл действительно

подавал надежды как хороший муж и король. Через два года после смерти Сирруса Эллибе родила Сорлу первенца, Сорика. К великому удивлению Эллибе, Сорл искренне обрадовался и проявлял к сыну любовь, которой никогда не знал сам. Поначалу он был заботлив и внимателен к мальчику и королеве — эти несколько месяцев запомнились Эллибе как самое счастливое для нее время.

Перемена в поведении мужа была непродолжительным эпизодом, а вовсе не началом новой жизни. Быстро пресытившись отцовством, Сорл вернулся к своим неизменным удовольствиям. Королева пыталась образумить мужа, объяснить опасность дурного примера для сына. Но Сорл ничего не хотел слушать. Напротив, он требовал от окружающих выполнения любой прихоти ребенка. Мальчик признавал лишь собственные капризы, учился на опыте отца, не зная ни раскаяния, ни сожаления. Мать же всеми силами старалась воспитать сына похожим на деда, научить его добиваться уважения и признания людей добротой и справедливостью.

В нелегкой битве победил Сорл. Несмотря на природный ум и добродушие, Сорик предпочел удовлетворение сиюминутных желаний кропотливому и подчас бесплодному честному труду. Еще не возмужав. Сорик начал походить на Сорла, следуя во всем его примеру, пока наконец не настал печальный день, когда сын превзошел отца в безжалостности и нетерпимости.

Эллибе вздрогнула при одном воспоминании. Она бы с радостью выбросила его из головы, да слишком поздно. В возрасте двенадцати лет, накануне празднования своего совершеннолетия Сорик пытался отравить короля. Предательство раскрыл тот самый аптекарь, который помогал Сорику, но в последний момент испугался и решил сознаться. Тогда же Сорл приказал казнить его, дав сыну шанс опровергнуть обвинения. Но Сорик тщеславно заявил, что преступление от начала до конца задумал именно он. Он назвал Сорла старым набитым дурнем. Принцу надоело смотреть, как отец проматывает его наследство. Настала его очередь занять престол.

Эллибе умоляла мужа сохранить сыну жизнь. Выслушав ее, Сорл согласился пощадить Сорика и отправил его в изгнание. Принца продали работорговцам, и он в кандалах покинул берега Пентании, отправившись в Олоронское море, чтобы никогда больше не вернуться.

После предательства Сорика король впал в настоящее неистовство, предаваясь безудержному разгулу. Уделом же Эллибе стали печаль и уныние. Она так по-настоящему никогда и не оправилась от горя.

Словно вторя ее мыслям, небо затянули свинцовые тучи. Темные облака нависли над горизонтом и скрыли солнце. Эллибе снова вздрогнула. Впереди под черной грядою туч, укрывшись за холмами и пригорками, лежал город. Еще шаг, и путь назад будет отрезан.

Королева закрыла глаза и глубоко вздохнула. Скоро все закончится.

Внезапно ветер переменился, и ее накрыло зловонной волной, запахом разлагающейся плоти. Эллибе покачнулась в седле и обхватила лошадиную шею. Животное недовольно захрапело, но женщина держалась крепко. Опомнившись, она начала рыться в сумках, привязанных под седлом. Эллибе достала надушенный платок и, прикрыв рот и нос, сделала несколько осторожных вдохов. Немного придя в себя, она с трудом проглотила скопившуюся во рту горькую слюну. Над сухим руслом реки королева заметила мостик. Помедлив в нерешительности, Эллибе все-таки пересекла мост и направилась по грязной изрытой дороге мимо высокого холма. Возвышенность осталась позади, и глазам ее открылась ужасающая, леденящая кровь картина.

За бескрайними лугами на вершине холма раскинулся Кринуолл. Зловещие черные тучи нависли над городом. Тысячи мертвых тел усеивали бесплодную землю. У Эллибе перехватило дыхание, ее душили слезы. Наездница сжала в руках поводья. Повсюду лежали солдаты Кринуолла. Вместо того чтобы сжечь или похоронить, людей выбросили словно мусор, словно падаль на съедение стервятникам. Так новый хозяин обозначил границы своих владений.

Королева с трудом сдерживала приступы тошноты, проезжая мимо гниющих трупов. Некоторые застывшие тела остались практически неповрежденными, лишь омертвевшая кожа вздулась и обгорела на солнце. Других же до самых костей обглодали грифы и вороны, жуки и мухи, черви и муравьи. Завидев человека, грязные птицы разбредались в стороны от своей трапезы, с пронзительными криками поднимались в небо и кружили над полем. Насекомые липкими тучами слетелись к несчастной женщине, не отличая живой плоти от мертвой. Среди солдат Эллибе заметила горожан — мужчин, женщин и даже детей, восставших против врага и сметенных безжалостной волной. Она продолжала путь, прикрыв рот платком. Собравшись с силами, королева отвернулась от погибших горожан и устремила взгляд на Кринуолл.

Эллибе ощущала всем телом зловещую волю, захватившую Кринуолл, словно ей противостояло живое существо. Город что-то

шептал, предостерегая ее. Но она не испугается. Не сейчас. Пусть враг упивается своей жестокостью. Огромная птица уставила на всадницу жадные глаза. С острого клюва капала кровь. Королева не обращала на стервятника внимания. Эллибе надеялась найти утешение в другом краю и никогда не возвращаться в Кринуолл. Глупо было надеяться, что она сможет начать новую жизнь. Теперь королева ясно поняла, что место ее рядом с народом Олсона на этой истерзанной земле.

Наконец перед Эллибе выросли железные ворота малого восточного портала, Королева открыто направилась к входу. Прежде она собиралась тайно проникнуть в город, чтобы получить шанс добраться до цели, но изменила решение, когда собственными глазами увидела поверженный и растоптанный Кринуолл. Королева не станет пробираться в свой город тайком, подобно призрачной тени, даже если ей не суждено достичь справедливости. Эллибе не уподобится ненавистному врагу.

Бессмысленно забавляясь звериной жестокостью, захватчики не ограничились полем боя. Враг возвел в Кринуолле новые декорации. Зубцы городских стен украшали черепа и человеческая кожа. Эллибе через силу вглядывалась в искаженные ужасом лица, стараясь различить кого-то из горожан. Изуродованные головы и тела были неузнаваемы. Кроме одного.

Тело выпотрошили, но лицо сохранилось, защищенное, по всей видимости, специальными маслами и бальзамическими составами. Часовой нес караул у останков. Бородатую голову венчала корона — после смерти, как и при жизни, корона Сорла, владыки Олсона.

Эллибе в замешательстве отвернулась. Сердце бешено стучало. О чем она только думала? Чего хотела добиться, возвратившись в Кринуолл? Как могла допустить такую нелепую ошибку?

Слишком поздно. Перед ней высились городские ворота, а коня окружили с полдюжины таких же солдат, что гнались за нею на восток три дня назад. Они встретили ее суровыми грозными взглядами. Некоторые удивленно посмеивались. Шанс бежать был потерян. Оставалось только молиться, что Кейлхай не оставят ее.

Эллибе замедлила шаг и остановилась перед опущенными воротами. Но один из стражников махнул рукой привратнику на башне, и решетка со скрипом поползла вверх. Командир услужливо поклонился, нарочито демонстрируя любезность. Остальные смотрели хмуро или глупо скалились. Ни один не остановил королеву. Никто не проронил ни слова. Солдаты расступились, и Эллибе, с трудом сдерживая волнение, проехала в ворота.

Оказавшись за городской стеной, королева озадаченно оглянулась, Кринуолл опустел. Она направилась по главной дороге через рыночную площадь, где обычно было не протолкнуться среди купцов и лоточников, карманников и всевозможного люда, спешившего по своим делам, законным и не очень. Сейчас тишину нарушал лишь стук копыт одинокой лошади, разлетавшийся по разбитой мостовой и пустым лавкам. Куда пропали торговцы и скоморохи? Где шумные толпы покупателей и нищих? Несомненно, укрылись в жилищах, где им казалось безопаснее. Прав был тот, кто решил стать как можно незаметнее и старался не попадаться на глаза новым правителям. Эллибе не имела такой возможности.

Вопрос о том, ожидает ли Олсон более печальная судьба, теперь звучал смехотворно. Правление Сорла, расточительство и запустение, казались легкими невзгодами. Даже если узурпатор ограничится одной столицей, мир и свобода останутся лишь воспоминанием. За более чем тридцать лет Эллибе насчитала совсем немного дней, когда жизнь народа, оправившегося от подвигов Сорла, начинала медленно возвращаться в нормальное русло. Более всего королева желала, чтобы мирное время наступило раз и навсегда, и ей довелось бы присутствовать при этом. Теперь все усилия оказались тщетными, и с глубоким чувством печали и сожаления похоронила она последние надежды.

С опустошенным сердцем ослепленная горем королева проезжала по мертвым улицам Кринуолла. Порывы ветра, словно псы, растаскивали по мостовым мусор. В тревожной тишине Эллибе временами казалось, что за ней наблюдают — вероятно, патрульные солдаты или испуганные горожане, прятавшиеся по домам. Ей чудились их взгляды, полные надежд и ожиданий, которым не суждено сбыться. Эллибе с трудом сдерживалась, чтобы не закричать, не расплакаться от несправедливости. За что такое испытание?

Вскоре перед нею вырос королевский дворец. Зрелище потрясло ее. Эллибе показалось, что она падает в ледяную воду и неотвратимо погружается на дно. Лишь через несколько секунд удалось вырваться на поверхность, где ее накрыла новая волна тошноты и отвращения.

Королевская башня преобразилась до неузнаваемости. Кирпич и цемент превратились в скользкую слюдяную массу. Черная поверхность поглощала слабые солнечные лучи, пробившиеся сквозь толщу бронзовых облаков. Стройные очертания здания исказились, стены, поднимавшиеся к небу, обрушились внутрь. Там, где раньше разрастались плющ и

лишайник, жизнь погибла, отравленная грязной смолой, сочившейся из камня и стекавшей вниз. Густой зловонный туман скрывал основание башни.

Эллибе оцепенела. Страх сковал ее тело. Она вновь осознала, что возвращение было роковой ошибкой. Все увиденное казалось иллюзией, кошмарным сном, чудовищной выдумкой безумца. Земля, усеянная трупами, черепа и содранная кожа, заколдованная башня — деяния не грозного воина, а отвратительного душегуба из страшных сказок. Неужели подобный злодей существует в действительности?

Лошадь замедлила поступь, и Эллибе отвела взгляд от башни. К ее удивлению, дворцовые ворота остались позади, а перед ней лежали широкие ступени королевской резиденции. Стражник опустился на колено перед королевой.

— Позвольте сопроводить кобылицу в конюшни, ваше величество. — Наглец даже не пытался скрыть усмешку.

Не дожидаясь ответа, солдат крепко схватил поводья. Лошадь храпела и сопротивлялась, но выбора у нее не было. Королева спустилась на землю, упорно не глядя на стражника. Эллибе мягко погладила шею животного и что-то шепнула на ухо. Посмеиваясь, стражник удалился.

Эллибе посмотрела вслед, мысленно прощаясь с верным спутником. Когда она обернулась, навстречу уже спешили двое стражников. Королева поправила одежды и направилась в сопровождении солдат по ступеням черной башни. В слюдяной стене не оказалось никакой двери, но при приближении эскорта поверхность начала мерцать, и через мгновение перед королевой и стражниками возникла открытая арка, тонувшая в черной бездне.

Создавалось впечатление, будто перед ними разверзлась пасть дракона. Эллибе глубоко вздохнула. Что бы ни случилось, по крайней мере ей откроется истина.

Стражники подтолкнули королеву к проходу. Она возмущенно обернулась, но от попутчиков ее отделяла стена. Не веря своим глазам, она провела рукой по непроницаемому черному стеклу. Стена выглядела внутри так же, как и снаружи. Не доставало лишь сочащейся из камня смолы.

Эллибе осмотрелась. Внутри башня изменилась совершенно. Просторная зала превратилась в тесный коридор. Узкая лестница поднималась из темной сырой комнаты. Жуткий белесый свет, не имевший явного источника, концентрировался под потолком. Эллибе вздрогнула, ощутив себя запертой в могильном склепе. Тяжелый сырой воздух теснил грудь. Женщина не сразу решилась двинуться с места, ожидая, что кошмар рассеется. Оставался

только один путь. Королева медленно начала подниматься по черным ступеням.

Лестница выходила в пустую комнату, которая странным образом оказалась больше, чем зала первого этажа. Оглянувшись, королева обнаружила на месте ступеней лишь черную пропасть. Лишнее напоминание, что дороги назад нет.

В углу комнаты Эллибе разглядела новую лестницу, освещенную тусклым неестественным сиянием. Покинув пустое помещение, она решительно направилась по ступеням к сердцу башни. Не стоит удивляться дешевым трюкам колдуна, успокаивала она себя.

Шесть раз Эллибе поднималась в пустые залы, каждая из которых оказывалась больше предыдущей. Шесть раз темнота поглощала путь к отступлению. Наконец она добралась до верхнего этажа заколдованной башни. В помещении не было ни факелов, ни свечей, но сам воздух мерцал магическими бликами. Многочисленные столы и стенные полки были завалены грудами книг и свитков, пузырьков и флаконов с экзотическими смесями. Неглубокая бронзовая чаша располагалась на треноге в самом центре залы. Из нее поднимались, извиваясь подобно змеям, струи красного дыма.

Эллибе сделала шаг в сторону сосуда, и внезапно раздалось шипение. Она вздрогнула, словно по коже царапнули холодными когтями.

— Здравствуй, мама.

Пытаясь обнаружить источник голоса, бывшая королева медленно обернулась. Дыхание перехватило от ужаса. Прямо перед ней возник колдун, уставивший на несчастную желтые змеиные глаза. Высокую фигуру в кожаных одеждах окутал черный плащ. В одной руке он держал черный посох с изображением змеи, а другую протянул ладонью вверх, приветствуя королеву.

Эллибе довольно быстро взяла себя в руки.

— Тебе запрещено появляться в Кринуолле под страхом смерти.

— Дражайшая матушка, — соскользнуло шипение с бледных, тонких губ колдуна, — так ли приветствуют сына после долгой разлуки?

Сохранять хладнокровие стоило Эллибе больших усилий. Голос колдуна, будто ядовитое насекомое, забрался под кожу, заставляя бешено колотиться сердце в попытке изгнать опасного врага.

— Мой сын мертв.

Королева успела заметить гримасу, исказившую лицо

колдуна.

— Я слышал, — ответил он, опустив руку. Приветствие его осталось безответным. — Стал жертвой Красной Смерти, я прав? Приношу свои соболезнования.

Колдун рассеянным жестом указал на дальний угол залы. Слова его смутили Эллибе. Что еще ей предстоит увидеть? Наконец она рискнула подойти и тут же отшатнулась. Грязный, слишком маленький для взрослого человека гроб стоял посреди кучи мусора. Крышка лежала в стороне.

— Странно, не правда ли? — продолжал колдун. — Могильный камень гласил: «Принц Торин, второй сын короля Сорла». Но в гробу моего несчастного брата лежали лишь свиные кости. Расскажи, матушка, куда ты так спешила после моего прибытия?

Эллибе не смела вздохнуть. Взгляд волшебника впивался в ее плоть и разум. Он ждал признания. Эллибе молчала. В голову никак не приходило ответа, способного развеять подозрения.

— Ах, вот оно что, — прошипел колдун, будто угадав по выражению ее лица то, что давно знал. — Невинная хитрость отчаявшейся матери. Средство укрыть ребенка от влияния дурного отца. Чтобы теперь он похитил мое право по рождению, которого отец пытался меня лишить.

Королева не удивилась легкости, с которой рассыпалась ее тайна. Она думала лишь о том, чтобы спастись, предупредить Торина об опасности, подстерегавшей юношу по ее вине. Не успела она ответить, как колдун завел другой разговор.

— Не важно. — На лице его появилась притворная улыбка. — Ведь я даю тебе шанс искупить предательство и доказать верность своему первенцу.

— О каком шансе ты говоришь? — удивленно спросила Эллибе.

— Объяви во всеуслышание о моей коронации. Пусть народы страны узнают правду. Я — истинный наследник.

Несмотря на бурю эмоций, занимавших ее разум, бывшая королева рассмеялась.

— После всего, что ты сделал?

— Я лишь вырезал заразу, пожравшую эту землю, освободил ее народ.

— Освободил? Так ты называешь… убийство невинных людей?

— Невинных? Умоляю тебя, матушка. Мы всего лишь звери, готовые загрызть и разорвать любого за место на земле. Ты должна гордиться, что дала жизнь дракону, а не трусливому мышонку.

— Я стыжусь, что принесла зло в этот мир.

— Зло? — На бледном лице колдуна отразилось изумление. — Прошу, ответь: сколько зла несет в себе крошечный жаворонок? Тебе он дарит радостную песню. Но спроси червя, которого он ест. — Его зубы скрипнули. — Ты виновна в смерти всех этих людей не меньше меня. Ты не помогла мне свергнуть отца в тот момент, когда была возможность.

Королева покачала головой, но возражать не стала. В его словах прозвучала доля истины.

— Ты не должен здесь находиться. — Эллибе отчаянно старалась удержать себя в руках. — По приказу короля ты лишен права…

— Я помню слова отца, — перебил колдун. Он сделал шаг к несчастной женщине, глаза его зловеще сверкали. — А ты помнишь? «Еще раз попадешься мне на глаза, умрешь». Увы, отец трагически скончался еще до моего возвращения. Таким образом, условия ссылки утратили силу, а захват мною земель Олсона имеет законное основание.

Эллибе умолкла, осознав бесполезность своих слов. Неожиданно вспомнились первые часы после обнаружения тела Сорла, растраченные на бесполезные раздумья и догадки о вероятных мотивах убийства. Сколь смехотворными выглядели теперь эти попытки. Не война или дипломатия стала целью покушения, а строгое соблюдение Сориком условий ссылки. Колдун и вправду верил, что вернувшись и не нарушив указа Сорла, он узаконит свое восхождение на трон.

— Королевства Пентании, — с трудом выдавила из себя Эллибе, — никогда не признают тебя владыкой Олсона.

Тонкие губы растянулись в зловещей улыбке.

— Признают, так или иначе. А ты?

Они долго смотрели друг другу в глаза. Королева, казалось, лишилась дара речи, и колдун подступил к ней.

— Не лги, матушка, ни себе, ни мне. Ты рада, что его нет более на свете. Жизнь, полная стыда и страха, закончилась. Эта смерть — мой дар тебе. — Колдун сделал еще шаг, и длинная тень тяжелым плащом укрыла Эллибе. — Я готов защитить тебя, мама. Мы снова станем семьей, как могли быть все эти годы. Ты, я и даже ребенок, который должен был занять мое место. Я лишь прошу тебя вернуть то, что принадлежит мне по праву. Ты еще можешь заслужить прощение за свое предательство. Стоит лишь попросить.

Он торжественно поднял бледную руку, ожидая ответа. Эллибе с дрожью смотрела на него. Разве не этого она так долго желала? Жизнь для себя и детей, избавленная от гнета чужой

воли?

Вместо того бывшая королева вновь покачала головой.

— Твой отец когда-то тоже не жалел сладких речей. Теперь меня не соблазнят даже кровные чувства.

Колдун задумался, потом с отвращением фыркнул и отвернулся. Он сделал два шага к центру залы и остановился, не оглядываясь.

— Матушка, — спросил Сорик, — ты все еще любишь меня?

Эллибе медлила. Ей хотелось сказать «да», но боль сожаления не отпускала ее. Сколько ни старалась, несчастная женщина не могла узнать мальчика, которого родила и вырастила, в отвратительном жутком обличии. Перед ее глазами промелькнули опустошенный город, порабощенный народ и Сорл — даже Сорл, который, возможно, заслужил и худшей доли. Как примириться с тем, кто способен на подобные злодеяния?

Затаив в сердце тоску и боль, королева с достоинством ответила:

— Я никогда не смогу полюбить зверя, в которого ты превратился.

Колдун не дрогнул, не двинулся с места.

— Я тот, кем ты меня родила, матушка. Кем всегда был. — Закончив разговор, он махнул рукой.

Темный силуэт направился к чаше в центре залы, а Эллибе почувствовала, как вихрь мыслей и переживаний покинул ее разум. На душе стало легко. Вдруг она упала на колени и схватилась за голову, тщетно силясь преодолеть невыносимую боль. Казалось, вся жидкость из тела хлынула в мозг. Давление росло, словно в череп проник рой взбешенных пчел. Кровь стучала в висках, вены и артерии вздулись под кожей. От страшной боли Эллибе не могла даже вскрикнуть. Ее тело бесконтрольно билось в агонии. Кровь из лопнувших сосудов носа и ушей струилась по лицу. В конце концов голова раздулась и взорвалась. Кровавая плоть разлетелась через отверстия в черепе.

Все это время колдун стоял, согнувшись над чашей, погрузив взгляд в кипящие воды, и не обращал никакого внимания на муки матери. Неожиданно один из остатков плоти ударился о внешнюю стенку чаши.

— Сука, — пробормотал колдун, вытирая котел.

Глава 9

— Граница закрыта.

Джером вежливо кивнул, стараясь казаться дружелюбным, не обращая при этом никакого внимания на предостережения. Друзья не раз слышали эту фразу от раздосадованных путников, которых остановил куурианский патруль. Чем ближе посланники из Дилна подходили к постам, тем чаще раздавались возмущенные возгласы беженцев. Поток людей сдерживали у границы, будто паводок у плотины. Большинство попросту делились новостью с теми, кто спрашивал, и продолжали свой путь. А некоторые, вроде собеседника Джерома, пытались излить свое горе любому, кто готов был прислушаться.

— Можете разворачиваться, — настаивал мужчина, подталкивая перед собой двоих сынишек. — Там никого не пропускают.

Джером стиснул зубы. В искренности случайного собеседника сомневаться не приходилось. Проведя несколько часов в седле на пыльной горной тропе, друзья достаточно близко подошли к границе и видели не только толпы возвращавшихся беженцев, но и солдат, курсировавших вдоль дороги с требованиями поворачивать обратно в родные земли. Но у Джерома не было выбора. Проделав долгий путь, юноша не собирался сдаваться только потому, что так поступали другие. Он всегда ощущал себя овцой в стаде. Но на этот раз возложенная на его плечи ответственность не позволяла ему последовать за остальными. Закрыты границы или нет, необходимо отыскать дорогу.

— Ха! — возмутился мужчина. — Всю ночь там просидите как ослы. Слишком важные персоны, чтобы простаков вроде меня слушать, леший вас побери.

Эллайен не выдержал первым, но Джером успел поймать его руку и остановить. Он оглянулся вслед незнакомцу с детьми, который наконец-то, бормоча себе под нос, двинулся в путь.

— Я всего лишь хотел пожелать ему доброго вечера, — невинно заметил лучник.

— Так я и подумал.

Джером отпустил руку Эллайена и посмотрел на запад. В одном незнакомец был прав. Солнце завершало свой небесный путь и неумолимо клонилось к закату. Если не ускорить шаг, можно и в самом деле проторчать на границе всю ночь.

Утром этого дня друзья отправились в дорогу в удивительно хорошем расположении духа, не вспоминая о событиях предшествующей ночи по молчаливому обоюдному согласию. И

это несмотря на то, что Джерому вновь пригрезился старик Даринор и Алые Мечи — в третий раз за последние дни. Но он решил больше не попадаться в одну и ту же ловушку и ни словом не обмолвился о сне с Эллайеном. Друзья находились в трех днях пути от Моритила и уже готовились к аудиенции у императора Деррега. Джером сосредоточился на этой мысли, стараясь развеять туман сомнений и неуверенности. Через два дня все само собою прояснится. А до того момента вопросы можно отложить в сторону.

Ни Джером, ни Эллайен никогда не заезжали южнее Иртвина. Но широкие и оживленные дороги в Куурию должны были привести путников на юг к Тенстрокским горам, служившим естественной границей между королевствами Олсона и Куурии. Некоторое время путешественники из Дилна ехали вдоль берега реки Калгрен Форк, где свежий ветер разносил над водой прохладные и бодрящие туманы.

В конце концов путь их разошелся с рекою, которая свернула на запад. Друзья беседовали, делились воспоминаниями, надеждами и мечтами, крепко заперев смутные страхи под замок. Иногда разговоры заходили и о будущем, но собеседники осторожно обходили стороною опасные темы. Пару раз Эллайен размечтался о том, как бы их семьям перебраться в столичный дворец, а ему исполнить давнишнюю свою мечту и стать командиром Легиона Лучников. Джером же заверил друга, что никогда бы не позволил Эллайену сопровождать его в Кринуолл, а тем более вербоваться в армию, пока его родители выступают против.

Время летело, а друзья продолжали шутить на серьезные темы и обсуждали скорое будущее, избегая острых углов и опасных поворотов. День близился к полудню, друзья пребывали в прекрасном расположении духа. Вскоре на горизонте показались вершины Тенстрокских гор как напоминание о суровой действительности мира. Однако друзья смеялись и радовались, хотя и не знали, когда в следующий раз судьба позволит им улыбнуться.

Они встретили нескольких путников, направлявшихся на север. Обычно люди торопились, поспешно бормотали слова приветствия или не здоровались вовсе. Многие двигались на юг, волоча за собою все нажитое добро. И каждый раз Фейзон и охотник из Дилна замедляли шаг, вслушивались в рассказы о битвах, надеясь разузнать что-нибудь полезное, помочь или утешить. Они много раз останавливались на пути, стороной объезжали тех, кто не хотел видеть ничего кроме собственных обид и горя, и задерживались с теми, кто не отчаивался и не

унывал. Джером не переставал удивляться тому, как по-разному люди воспринимают несправедливости жизни. Зачастую меньше всего скорбели и стенали те, кто пострадал более прочих. Каждый раз, когда Джером встречал людей, испытавших истинную боль и муки, но отказавшихся склониться на колени, его собственное уныние казалось ему пустым и смехотворным.

За исключением случая, когда Джером и Эллайен долго помогали молодой семье починить сломанное колесо телеги, день закончился без происшествий. К обеду спутники добрались до горного перевала, именуемого Гейпероном. Кроме водных путей, этот естественный проход между хребтами Тенстрока и Аспадельскимн горами являлся единственной дорогой в земли Куурии. Вдоль ущелий и безводных ландшафтов, поросших шалфеем и кустарником, среди одиноких сухих деревьев и огромных валунов пролегала главная артерия, связавшая Куурию с остальными королевствами Пентании. К вечеру стало прохладнее, чему Джером и Эллайен искренне обрадовались после жаркого дня. Прежние опасения Джерома насчет сильного землетрясения не подтвердились, и им не встретилось ни одного оползня.

Однако, проделав три четверти пути, Джером и Эллайен были вынуждены остановиться. Дорогу преградила толпа людей и животных, вереница телег и тачек со всякого рода пожитками, тянувшаяся миль на пять к югу. Эллайен предложил пробиться сквозь толпу, но Джером настоял на необходимости сохранять терпение. Люди прибыли раньше. Необходимо дождаться своей очереди.

Выбор оказался не самым удачным. Очередь была гораздо длиннее, чем друзья предполагали, а ожидание стоило им драгоценного времени. Даже если удалось бы пробраться сквозь пограничный заслон, на следующий день предстояла утомительная скачка. Неподвижно просидев несколько часов в седле, Джером и Эллайен стали раздражительными и неразговорчивыми. Приходилось топтаться на одном месте в дорожной пыли, отбиваться от напиравшей сзади толпы людей, пропахших потом и грязью. Последние остатки терпения Джерома иссякли. Он боялся, что если еще какой-нибудь малый начнет его допекать, он просто вытащит меч и отрубит тому голову.

Не только терпение Фейзона подходило к концу. Напряжение росло, нервы у многих не выдерживали, особенно ближе к границе, когда людям становилось ясно, что дальше дороги нет. Многие отказывались развернуться и, отчаявшись, пытались доказать солдатам, что им некуда больше идти. Противостояние неизбежно перерастало в конфликты. Джером не раз стал

свидетелем того, как куурианские пехотинцы силой растаскивали беженцев. Особой заботой стало обеспечение безопасности купеческих караванов с провизией и другими товарами, направлявшихся в южные земли. После тщательного досмотра торговцев пропускали. Некоторые, однако, с большим трудом пробивались к границе — изголодавшиеся беженцы зачастую восстанавливали силы за счет купеческих запасов. Куурианские военные не медлили с ответом, высылая специальные сопроводительные отряды. Но это почти не приносило результатов.

Таким Олсон встретил третий день после нападения колдуна.

В конце концов толпа расступилась в стороны, словно накатившие на берег волны, и Джером оказался перед главным кордоном. Многочисленные солдаты, выстроившиеся вдоль пограничной линии, направляли людей по тому или иному пути, но чаще приказывали поворачивать назад. Джером подал знак Эллайену и рысью припустил коня, заметив брешь в рядах пограничников. Друзья пробивались в военный лагерь, чтобы разыскать офицера, уполномоченного принимать решения в отличие от рядовых, выставленных на передовую.

Среди куурианских солдат, облаченных в незнакомую Джерому форму, он довольно быстро приметил тщательно выбритого молодого офицера. Он раздавал приказы полудюжине солдат, занятых постройкой заградительного сооружения. Офицер уверенно командовал, собственноручно помогая солдатам вместо того, чтобы устраивать разнос подчиненным. Вероятно, капитан, подумал Джером. Во всяком случае, он казался справедливым и рассудительным начальником — именно такой человек требовался Джерому.

— Прошу прошения, сэр, — приветствовал офицера Джером. — Хотел поинтересоваться, с кем я могу поговорить по поводу…

— Граница закрыта, — ответил капитан, связывая веревкой заостренные колья.

Джером замешкался, а офицер продолжал заниматься своим делом, даже не взглянув на незнакомца.

— Мы послы из Олсона, — объяснил Джером, — направляемся к императору Куурии.

Капитан, снова не поднимая глаз, ответил:

— Император получил сообщение о ваших бедах и принял известия к сведению.

Джером нахмурился. Видно, не умеет он разбираться в людях. С таким же успехом можно вести переговоры с булыжником. Эллайен тоже помрачнел.

— Что-нибудь изменится, если я скажу, что мой друг — король Олсона?

Такое заявление по крайней мере заставило капитана поднять голову. На лице его не отразилось ни удивления, ни даже простого любопытства.

— Да плевал я, будь он хоть моей родной бабушкой. У меня приказ. Если не хотите просидеть ночь в клетке, проваливайте немедленно.

Капитан отдал команду, и солдаты выстроились в шеренгу, готовые выполнить приказ. Джером быстро оценил свои шансы. По его наблюдениям, около сорока солдат патрулировали в тот момент северную границу. Несомненно, другие отряды находились на ближайших подступах. Даже пробившись сквозь кордоны, друзья вряд ли сумеют оторваться от куурианских всадников и добраться до Моритила. В любом случае, по прибытии в столицу нарушителей ожидает тюрьма. При таком раскладе Джерому не удастся выполнить поручение старейшин.

— Мы заплатим за проход, — предпринял юноша последнюю попытку.

— Сержант! — решительно скомандовал офицер. Дюжий вояка вытянулся в струнку. — Сдается мне, ребятам не терпится переночевать за решеткой.

— Да, сэр! — ухмыльнулся сержант.

— Отставить, сержант, — разочарованно вздохнул Джером и взглянул на капитана. — Мы как раз собирались уходить.

Эллайен развернул коня и последовал за другом. Джером остался доволен уже тем, что они не заработали по шее за свою самонадеянность. Обернувшись, он заметил, что капитан и солдаты занялись более важным делом.

— И что теперь? — поинтересовался Эллайен.

Джером покачал головой. Не найдя другого выхода, друзья отправились в обратный путь на север, пробиваясь сквозь толпы беженцев.

* * *

Ночью, когда Эллайен уснул, Джером сидел у костра и размышлял о дальнейших действиях. Вариантов не много. Путь на юг закрыт. Эллайен предложил договориться с одним из караванов, пообещав купцам защиту в обмен на проход в Куурию. Но даже если план сработает, как добраться до императора? Ясно, что правитель Куурии наслышан достаточно о вторжении колдуна. Пожалуй, за исключением невероятной истории своего

появления на свет, Джером не сумел бы рассказать императору Деррегу ничего нового. Охотник говорил, что нужно преодолевать трудности по мере их появления. Сначала попробовать прорваться через границу, а уж насчет императора волноваться по прибытии в Моритил. Но Джером не сомневался, что на этом пути друзей ждет тупик. Любая попытка добиться аудиенции у Имперского совета станет бесполезной тратой драгоценного времени.

Так что же делать дальше? Вернуться домой? Эллайен уверял, что это самое разумное решение. Друзья сделали то, о чем их попросили, приложив все усилия. Творить чудеса они пока не научились. Джером не спорил, но до конца согласиться не мог. Возвращение домой сейчас ничего не даст, Опираясь на собственные чувства и сомнения, Фейзон Дилна счел такое решение неприемлемым.

Пока друг крепко спал под ветвями древнего платана в стороне от большой дороги, Джером молча сидел у костра наедине с ветром и огнем. Юноша знал, что новый сон уже ждет его. Воспаленное воображение порождает мучительные иллюзии, позволяющие лишь на время ощутить ту безграничную силу и могущество, которых Джерому никогда не достичь. Ответ напуганного, загнанного в тупик сознания на все вопросы. Ложь. Или нет?

Джером бросил взгляд на сумку, в которой лежал том, обнаруженный в окрестностях Иртвина — удивительная книга, принадлежавшая, по всей видимости, древинам. Джером потянулся к кожаному мешку и вытащил находку, осторожно поглядывая на Эллайена. Положив раскрытую книгу на колени, он пристроился за стволом дерева, под которым спал лучник. Джером тихо перелистывал пустые страницы, стараясь вспомнить их содержание. Карту Тритоса и древний финлорианский город Трак-Симбоз. Историю Алых Мечей и место погребения последнего из божественных клинков. И это сокровище лежало посреди грязной дороги под боком мертвой лошади, словно дожидаясь, пока он, отчаявшись разыскать такой же клад в иртвинской библиотеке, не проедет мимо.

Подозрения родились сразу, как только появилась книга. Поначалу Джером не упоминал о своих догадках, но теперь они настойчиво требовали внимания. Неужели легендарные древины замешаны в событиях последних дней? Странные сны, такие ясные и живые. Книга. Стоит ли за необычайными совпадениями нечто большее, чем бурная фантазия Джерома? Хотят ли древины, чтобы юноша из Дилна разыскал Меч? Может быть, за всем происходящим скрывается сила еще более могущественная?

Судьба?

Итак, путь Джерома предопределен. Перед ним лежала одна дорога — на восток, через полные опасностей южные земли Парты к подножию Скуллмарских гор. Путь, ведущий к древнему городу и божественному талисману, похороненному в его руинах. Но если посольство к императору Деррегу обернулось бесполезной тратой времени, во что может вылиться новая авантюра?

Должен существовать другой ответ. Джером угадывал его, чувствовал всем своим существом. Истинный путь лежал не на юг в Куурию, не на север в Дилн, не на восток в Парту.

Тропинка шла где-то рядом, до поры прячась в высокой траве. Что толку от правителя, который хочет остаться неизвестным, просит аудиенции у императора и возвращается домой с пустыми руками. Или, того хуже, бросается исследовать белые пятна на карте в поисках древних руин. Какое деяние ему предназначено совершить? Что-то должно устранить противоречие, или по меньшей мере подсказать ответы, которые позволят…

Джером неожиданно замер перед чистым книжным листом, словно заметил то, что ускользало от него раньше. Решение очевидно. И как он сразу не догадался? Следовало задуматься раньше, тогда не пришлось бы целый день бессмысленно толкаться в толпе. Эллайен может возразить, но…

Джером поднял глаза к темному, усыпанному звездами небосводу. Воздушный океан, будто зеркало отразил ясность его мыслей — Джером улыбнулся давно забытому чувству.

* * *

Эллайена разбудила многоголосая песня: целая стая птиц укрылась в ветвях могучего платана. Он беспокойно поворочался под одеялом. Даже с закрытыми глазами охотник чувствовал, что утро еще не наступило, но невидимые певцы не давали покоя. В конце концов он уселся, недовольно потирая припухшие глаза.

Когда сон отступил и зрение немного прояснилось, охотник осмотрелся. Уже светало. Он решил разбудить Джерома и определиться с дорогой. Вечером он обещал поразмыслить, но мгновенно уснул, так что голова его наутро была совершенно пуста. Эллайен вздохнул. Может, Джером что-нибудь надумал.

Эллайен потянулся. Рядом тлели угольев, на западе журчал небольшой ручей, у которого друзья разбили лагерь. Сквозь редкие деревья Эллайен заметил свою лошадь. Привязанное к ветке животное тянуло за поводья, стараясь достать до

выжженной солнцем травы под ногами. Эллайен равнодушно наблюдал за этой картиной, пока его не поразила одна мысль. Еще вчера рядом было вторая лошадь.

— Джером? — нахмурился Эллайен.

Охотник окончательно проснулся. Его вещи лежали у ствола платана там, где он их оставил, но сумки Джерома пропали. Ни лошади, ни одеяла, ни самого Джерома нигде не было видно.

— Джером!

* * *

Сорик, король Олсона по праву перворожденного, расположился среди горы подушек на полу верхней залы королевской башни. Он сидел неподвижно с закрытыми глазами, скрестив руки и ноги. Колдуна окружало кольцо свечей, от которых поднимались струи разноцветного дыма. Он глубоко вдыхал тщательно подобранную смесь ароматов, погружаясь в себя в поисках энергий, внутренних и вселенских, и черпая в них силу. Сферы магии раскрывались перед Сориком одна задругой, предлагая гостю свои тайны, сулившие исполнение всех желаний.

«Малкут, сефира земли, сефира тела. Постоянство формы. Та, которую можно заставить дрожать и ломаться…»

Прошло двадцать лет, но казалось, лишь вчера Сорик произнес свое первое заклинание. Немудреный стишок, после чего он неделю провалялся без сознания и очнулся в луже рвоты на дне самого глубокого склепа башни, в которой жил с тех пор, как ужасный шторм погубил корабль. Работорговцы вместе с судном отправились на дно Олоронского моря, оставив юного принца на забытом, отрезанном от мира острове.

«Чилкут, сефира воды, сефира крови. Текучесть формы. Та, которую можно изменить…»

Он нашел заброшенную башню, оставшуюся с древних времен, когда человек решил раскрыть секреты Ха'Раша. Сорик понял, что тоже может владеть и повелевать энергиями, из которых создана вселенная и, пользуясь ими, править людьми. В подземельях древней крепости вместе с останками прежних обитателей принц обнаружил склеп и сокровищницу свитков и книг, талисманов и реликвий, хранивших вечное знание.

«Незва, сефира воздуха, сефира дыхания. Изменчивость формы. Та, которой можно придать форму…»

Годы ушли на перевод древних манускриптов и еще два десятилетия невыносимого одиночества — на оттачивание мастерства. И даже теперь колдуну многому оставалось научиться

— тому, что скрывалось за элементарными сферами.

«Ретва, сефира огня, сефира духа. Сознание формы, сознание мысли и страсти. Та, которая идет к свету или падает во тьму, создает или разрушает…»

Но нестерпимые муки, душевные и физические, были не напрасны. Теперь он вернулся и забрал то, что по праву ему принадлежало. Земли. Свободу. Страх и уважение.

— А, Ксариус Тализар, — прошипел колдун.

Он открыл глаза. Тень бесшумно выплыла из темноты и скользнула через порог.

— Вы звали меня, — прошептал ветер.

Колдун усмехнулся. Тень ревностно охраняла свою тайну, отказываясь даже в присутствии повелителя выдать собственную внешность. Широкие одежды цвета ночи окутали фигуру. Капюшон прятал черты лица. Перчатки скрывали следы и запахи, которые могла оставить рука. Даже голос затаился за маской бестелесного шепота. Дом? Имущество? За исключением оружия Тализар не признавал никакой материальной собственности и оставался невидимым призраком.

Неплохая идея, если твоя работа — отнимать жизни у других.

— Выследи младшего сына Сорла и приведи его ко мне.

— Живым или мертвым? — Убийца сделал упор на последнем слове, выказав свое предпочтение.

— Живым, если получится. — Заподозрив ухмылку под черным капюшоном, колдун добавил: — Если это вообще возможно. Отряд солдат готов отправиться с тобой.

Ледяной ветер скользнул мимо ушей колдуна.

— Я работаю в одиночку.

— А я плачу, и приказы отдаю тоже я. Ступай. Ты должен быть в пути, пока роса еще на траве.

Тень кивнула и, словно туман, растворилась в темноте. Колдун вернулся к медитациям, не растрачивая более времени на своего таинственного собрата. Убийца выполнит все указания хозяина. Нет следопыта опытнее, чем Ксариус Тализар. Нет человека страшнее. Если Торин не обладает магическими способностями брата, ему не заметить Тени, пока нож не окажется у его горла. Словно сову, убийцу несли бесшумные крылья смерти…

Глава 10

Разбитый и усталый, Джером зевнул и размял затекшие ноги. Золотисто-алый восход, будто река лавы, медленно растекался по горизонту. Ясная ночь вновь уступила дорогу славному рассвету, дарующему силы телу и духу.

Джером знал, что силы ему понадобятся. Прошлой ночью он принял решение отправиться на поиски тайного города древинов. Внезапная вчерашняя мысль подарила новую надежду, новую цель, а сегодня осталось лишь урчание в животе, как после плохо переваренного ужина. О чем он только думал? Неужели вознамерился и в самом деле потратить недели, месяцы или целые годы, рыская по пещерам и ущельям огромного горного хребта в поисках места, в существование которого многие не верили?

Джером сел. На глаза ему попался кожаный мешок, лежавший на траве неподалеку. Молодой путешественник вновь ощутил неприятное жжение под ложечкой. Необходимо доподлинно узнать, досталась ли ему книга по чьему-то умыслу, что до сих пор выглядело единственным объяснением. Все остальные догадки опирались лишь на необъяснимые и странные стечения обстоятельств. Предстояло отправиться на поиски Уитлока и вернуть книгу владельцам. Тогда Джером наконец-то узнает правду.

Масла в огонь подлил приснившийся Джерому последней ночью сон. Таинственное видение, живое и ясное, перенесло деревенского юношу в леса Скуллмарских гор, через которые пролегал путь к руинам Трак-Симбоза и Алому Мечу. Его сопровождал Эллайен и новая странная фигура, неуловимая и безликая — незнакомец в широких одеждах. Даже не разгадав сути сновидения, Джером принял его как знак своей правоты.

Единственный путь, заметил Джером, который не ведет к поражению. Единственный, дарующий надежду и не лишенный смысла. Предания гласили, что Уитлок располагался на восточных склонах Аспадельских гор, недалеко от того места, где остановились путники из Дилна. Если книга принадлежала древинам и они действительно подсказали Фейзону дорогу, логично предположить, что в окрестностях обители легендарные наследники великих сами разыщут Джерома. Он отказывался принять во внимание вероятность того, что собьется с пути и будет обречен до конца дней блуждать в горах, решив довериться древинам — или прочим судьбоносным силам, — которые этого не допустят.

Джером поднялся на ноги и вдохнул полной грудью свежий утренний ветерок. Юноша чувствовал себя неловко, ведь он ни слова не сказал Эллайену. Ему просто не хотелось снова затевать споры. Лучник никогда бы не согласился отправиться к древинам. Он предложил бы выбросить из головы очередные иллюзии и вернуться в родную деревню за указаниями старейшин. Эллайен всегда слушался старших, даже если приходилось отказаться от собственной мечты. И, конечно, охотник станет убеждать Джерома поступить таким же образом.

В любом случае Эллайену достанет ума понять, что произошло. Сначала он непременно выругается и пошлет Джерома ко всем чертям, а потом вернется в Дилн с вестями о случившемся. Что ж, зато Эллайену досталась самая безопасная дорога.

Прокрутив в голове длинный список самооправданий, Джером остался доволен своими выводами. Откровенно говоря, большинство из них были лукавы и неискренни. Истинная же причина заключалась в следующем: после обнаружения таинственной книги Джером просто обязан узнать, сбудется ли его детская фантазия вернуть миру Алый Меч. Такой шанс даруется только раз в жизни. Если его не использовать и не приложить сию минуту всех сил на поиски последнего Меча Азахиля, то, видят боги, с мечтой можно распрощаться навсегда.

За ночь Джером пересек Гейперон и находился в четырех часах пути от места, где остался Эллайен. Уйма времени, если им правильно распорядиться. Лучник может броситься вдогонку — этого-то Джером и намеревался избежать. Еще одна причина двинуться в путь.

Около девяти часов утра Джерому встретился купеческий караван, довольно смело направлявшийся на север к Иртвину. Купив немного припасов, Фейзон присоединился к торговцам, рассказывая свежие байки, чтобы скоротать время. Купцы развесили уши, и Джером провел с ними несколько часов. Их пути разошлись на развилке, где извилистая тропа убегала от основной дороги на северо-восток. Глава каравана предложил Джерому свернуть к Аспадельским горам именно здесь — по равнине пробираться пришлось бы слишком долго. Джером поблагодарил купцов за гостеприимство, предупредил об осторожности и, пожелав удачной торговли на северных рынках, двинулся к Аспадельским горам.

На пути Джерому не встретилось ни души. Как и говорили купцы, безлюдная дорога вела между широкими полями и бескрайними лугами на юго-восток, где пересекала возвышенности севернее Аспадельских гор. Там и проходила

граница между Олсоном с запада и Партой с востока. Великолепные горные ландшафты, изумительные пейзажи, растянувшиеся на мили и утопающие в прозрачном горизонте, напоминали Джерому о том, сколь велик и безграничен мир — в такие моменты его всегда переполняла тоска по дому. Земля полна богатств, жаждущих открытий, но у Джерома уже было все, что ему нужно. Если жизнь есть поиск покоя и согласия с самим собой, то юноша с радостью отдал бы все сокровища на свете, лишь бы сохранить то, что имел.

Джером ехал уже несколько часов по горной дороге. Из-за очередного поворота появилась скромная деревушка, уютно расположившаяся в неглубокой долине. Небольшие домики словно вырастали среди безбрежного моря высокой травы, которому не давал покоя непоседливый ветер. Крытая семейная повозка, раскачиваясь, выбиралась из низины на дорогу. Лошадьми правил бородатый старик, а рядом с ним сидела несравненной красоты девушка, вероятно, его дочь. Конь Джерома сменил галоп на неспешный шаг. Проезжая мимо, юноша не мог оторвать глаз от шелковых каштановых волос и очаровательной улыбки. Джером кивком приветствовал крестьян в надежде, что они остановятся поболтать, но, заметив улыбку дочери, мужчина насупился и грозно поглядел на юного путника. Он прикрикнул на лошадей, хлестнул поводьями, и телега поспешила своей дорогой.

Джером обернулся в надежде, что девушка подарит ему последний взгляд. И она подарила, выглянув из-за накидки и застенчиво улыбнувшись. Отец толкнул девушку в бок, а та смутилась и скрылась из виду. Джерому оставалось лишь смотреть вслед телеге, которая продолжала карабкаться на холм. Будь у него в руках Алый Меч да корона Олсона на голове, замечтался Джером, встреча могла бы обернуться совсем по-другому.

Из воображаемого мира в реальность путешественника вернул неожиданный шум: громкое конское ржание и озлобленные крики. Одинокий всадник сломя голову мчался по дороге и перепугал крестьянских лошадей. Телега опасно накренилась на крутом повороте. Всадник тут же притормозил и рассыпался в извинениях, но, заметив Джерома, быстро покинул негодующего сельчанина. Он слетел с холма и резко осадил коня перед самым носом Джерома, подняв облако пыли.

Эллайен.

Тяжело дыша после стремительной погони, лучник замер в седле, а Джером печально взглянул через его плечо вслед повозке, откуда ему погрозили кулаком. Поводья щелкнули, и

телега увезла прекрасную крестьянку прочь. Только когда сельчане скрылись за поворотом, Эллайен смог выговорить:

— Ты пропустил поворот на север.

Джером нахмурился и ничего не ответил. Похоже, он недооценил настойчивость друга.

— Встретил твоего приятеля Гарма. Он-то мне и показал, куда ты поехал. Может, объяснишь, что происходит?

Джером только развел руками. Он и не думал рассказывать случайным попутчикам про Эллайена, говорил купцам, что путешествует один и везет лечебные травы в отдаленную деревушку, расположенную где-то на восточных склонах Аспадельских гор. Собственно, не так уж далеко от правды. Вероятно, надо было предупредить купцов о тех, кто может последовать за Джеромом, и попросить Гарма и остальных помалкивать. А теперь, вместо того чтобы прикрыть его, торговцы по доброте душевной выдали Джерома Эллайену.

Джером повернулся к югу, где на горизонте выросли вершины Аспадельских гор.

— Возвращайся домой, Эллайен. К тому моменту, как ты привезешь в Дилн вести об императорской блокаде, я разыщу Уитлок.

— Уитлок! — раздраженно повторил лучник. — Погоди, у меня есть отличная идея. Давай наймем какого-нибудь эльфийского кузнеца, пускай изготовит совершенно новый Алый Меч, твой собственный!

Джером выдернул из седельной сумки книгу и сунул в лицо Эллайену.

— Это принадлежит древинам. Книга — мой ключ к вратам Уитлока!

Эллайен скептически покачал головой, словно с самого начала знал, что друг спрятал книгу:

— Доверчивость когда-нибудь сведет тебя в могилу.

— Тогда я просто избавлю колдуна от лишней проблемы.

Джером еще больше нахмурился в ответ на угрюмый взгляд лучника. Эллайен вытер грязный пот, струйками стекавший по щекам, взгляд его смягчился, но сдаваться он не собирался.

— Ты можешь сколько угодно рыскать по скалам в поисках мифических мечей и городов, но войну этим не остановить.

— Тогда скажи, что мне делать?

Эллайен замолк, обезоруженный внезапным и яростным нападением друга. Но Джером с легкостью читал все его мысли: он сошел с ума, спятил, как и старик, от которого впервые набрался диких фантазий. В самую точку. Чем сложнее становилась задача, тем прочнее воспоминание о Дариноре

укрепляло его веру в судьбу, даруя, пусть слабую, но надежду. В легендах и преданиях обладатель Алого Меча представал непобедимым воином. Лишь сила древнего талисмана поможет поднять армию и изгнать колдуна из Олсона. Только тогда народ признает в нем короля, если Джерому доведется занять место на троне. Юноша устал от собственной беспомощности. Он ничего не мог поделать, а люди ждали освобождения. Эллайен заблуждался, считая его безумцем. Тщательно и трезво обдумав все варианты и приняв во внимание происшествия последних дней, Джером выбрал наиболее разумный план действий.

Джером посмотрел на книгу, а потом устремил взгляд на север, вспоминая улыбку прекрасной крестьянки.

— Послушай. У тебя есть выбор, а у меня нет.

— Джером…

— Если мне суждено разыскать Меч, я приложу к этому все силы. Возвращаться сейчас бессмысленно.

— А как же Куурия?

— А что Куурия? — передразнил его Джером. — Императору известно о колдуне. Самые убедительные наши речи не изменят его решения. Что толку ехать в Моритил?

— Но ведь мы не выполнили задание.

— Ну что ж, планы изменились. — Джером снова пожалел, что вступил в спор с Эллайеном. — Я уверен, что с помощью книги смогу найти Уитлок. Это моя судьба, я должен хотя бы попытаться. С тобой или без тебя, я отправлюсь на поиски.

— Я поеду с тобой, — наконец смирился лучник, — но обещай, если мы не обнаружим Уитлок, ты прекратишь это безумие.

Джером внутренне улыбнулся. Преодолев первое смятение, Эллайен понял, что нужно готовиться к самому неожиданному повороту событий. Или попросту страсть к авантюрам взяла верх. Встреча с древинами и Алый Меч — самая заманчивая наживка для искателя приключений.

Джером хмуро посматривал на приятеля, ясно давая понять, что он не собирается идти на уступки. О вероятном поражении юноша предпочитал не думать. Он не видел никакого смысла в попытке пробиться в Моритил или в возвращении в Дилн независимо оттого, сможет ли он вернуть книгу древинам.

— Да послушай, — простонал Эллайен, — я согласен участвовать в твоей сумасбродной затее, но ты тоже должен принять мои условия. Если мы не найдем крепость или узнаем, что книга не принадлежит древинам, сразу закончим бесполезные поиски и отправимся в Куурию или прямиком домой.

Джером задумчиво провел ладонью по кожаному переплету

таинственной книги.

— Ладно.

— Отлично, — облегченно вздохнул Эллайен, закончив спор с небольшим преимуществом. Он ждал ответа Джерома, но тот молчал, и тогда лучник выдавил из себя кривую улыбку. — Давай, что ли, трогаться. Ничего, скоро я приду в чувство и выбью из тебя всякие глупости. Это просто вопрос времени.

Джером отбросил подальше сомнения и улыбнулся в благодарность другу за поддержку. Даже в таком отчаянном предприятии лучник не бросил его. По крайней мере Джером теперь знал, что он не один.

— Хорошо, — наконец ответил Джером, спрятал книгу в сумку и застегнул крышку. — Значит, снова вместе.

* * *

Невик, наследник графства Дракмар, утомленный многочасовым заседанием совета, устало откинулся в мягком кресле с парчовой обивкой. Бесконечные мнения сталкивались и рассыпались на осколки, а решение никак не рождалось. Четыре дня назад пришли первые известия о падении Кринуолла. Бесчисленные гонцы разлетелись по соседним землям. Бароны Дракмара и Палладура поспешно собрались для обсуждения самого важного вопроса — как защитить собственные земли. Граф Кордский, первый претендент на трон Олсона после смерти Сорла, также получил приглашение на совет, но посланный за ним гонец вернулся ни с чем. Корд пал.

Ситуация сложилась чрезвычайная. Стало очевидным, что если Корд и Кринуолл сдались за считанные дни, ни Дракмару, ни Палладуру не отразить неизбежного нападения. Четыре укрепленных города Олсона не продержались и нескольких дней, что уж говорить о деревнях и небольших поселениях.

Отец Невика Нор предложил использовать последний, по его мнению, шанс.

Барон потребовал немедленно приступить к осаде Кринуолла. Окружить бастион, прежде чем колдун успеет начать новую атаку. Некоторым участникам совещания план показался безумным. Большинство же приняли его, как единственный логически верный путь. Вскоре вопрос о том, осаждать ли Кринуолл, превратился в обсуждение деталей похода.

Заручиться поддержкой извне было жизненно необходимо. Если Олсону удастся убедить соседей, что им грозит серьезная опасность, для массированной атаки соберется достаточно сил.

Однако барон Нор наотрез отказался принять помощь от Мензо или Парты. Единственной причиной, по которой оба королевства до сих пор не вторглись в Олсон, являлось их многолетнее и ожесточенное противостояние. Даже если удастся растащить их и натравить на колдуна, они вновь сцепятся после войны на землях Олсона, словно два бульдога у свежего куска мяса. Другие же советники утверждали, что без помощи могущественных соседей осада Кринуолла обернется самоубийством, и при необходимости готовы были пойти на уступки, чтобы заполучить их в союзники.

Общее одобрение получила идея направить посольство в Куурию, страну, которая, без сомнения, располагала наиболее значительными вооруженными силами. Имперская армия являлась самой большой по численности во всей Пентании. Гарнизона любого из трех крупнейших городов — Моритила, Суариса или Стралька — было достаточно, чтобы захватить трон. Однако Имперский совет медлил с окончательным решением. Жители Куурии провели долгие годы в борьбе с дикими расами, населявшими когда-то ее берега. С тех пор надежно защищенная страна вела политику изоляции. Уверенные в обороноспособности правители не желали вмешиваться в конфликты соседей. Тем не менее Куурия оставалась ближайшим союзником Олсона, и гонцы немедленно отправились к императору. Барон Нор призывал не тратить время на разъезды послов. Осаду необходимо начать немедленно с надеждой, что помощь прибудет уже после начала кампании.

Совет никак не мог сдвинуться с мертвой точки. В сотый раз выслушивал Невик бесплодные пререкания. Необходимо готовиться к длительной войне и эвакуировать население в одно из соседних государств или немедленно начинать осаду, как предлагал Нор. Юный барон не понимал, почему остальные тратят столько времени, пытаясь подвергнуть сомнению стратегию отца и очернить его имя. Нора называли поджигателем войны, рвущимся в бессмысленный бой. Однако барон твердо стоял на своем и рассчитывал получить одобрение земляков.

Полосы сумрачного света падали в залу сквозь высокие окна родного замка Невика, сверкая на кольчугах благородных баронов Дракмара и отражаясь в доспехах лордов Палладура. Внезапно Невик заметил, что в зале воцарилась тишина, и глаза собравшихся нетерпеливо обращены к нему.

— Мы ожидаем твоего голоса, юный Невик, — усмехнулся Саталлион, самопровозглашенный лорд Палладура.

Невик очнулся и, нахмурившись, поглядел на говорившего. Холеный и лукавый, Саталлион всегда напоминал ему хорька.

— Я отправляюсь в Кринуолл, — твердо ответил юноша, и

отец одобрительно кивнул ему.

— Решено, — раздался громовой голос Нора, и первый барон Дракмара поднялся со стула. — Саталлион, возвращайся в свою крепость и готовь войско…

Саталлион презрительно махнул затянутой в перчатку рукой. Темнобородый великан замолчал.

— Поменьше слов, мой брат барон. — В голосе Саталлиона не прозвучало ни нотки уважения. — Я согласен принять решение большинства, но осаду крепости колдуна считаю самоубийством. И ничто не заставит меня изменить свое мнение. Если не будет найдено иного выхода, я и мои лорды вернемся в Палладур и приготовимся к обороне.

Ропот пробежал по рядам палладурских лордов, голосовавших за осаду.

— Если они, конечно, хотят остаться лордами Палладура, — повысил голос Саталлион.

Тревожная тишина поглотила залу совета. Все взоры обратились к Нору, который в тот момент мог взглядом испепелить Саталлиона.

— Ты и твои лорды, — прогремел его голос. — Очень хорошо. Убирайтесь из моего замка. Спрячьтесь за своими дряхлыми стенами и сдохните, как собаки!

Саталлион потянулся к мечу, и в считанные секунды зала ощетинилась железом и сталью. Невик встал в ряд с остальными, сжав в руках булаву. Сердце бешено колотилось. Только Нор остался неподвижен, словно камень, понимая, что если он позволит гневу вырваться наружу, случится беда. Почувствовав это, Саталлион вспомнил, что находится в крепости противника. Выдержав мучительную паузу, лорд Палладура спрятал в ножны блестящий клинок, и саркастическая улыбка заиграла на его губах.

— Как пожелаете, барон.

Он повернулся и зашагал прочь из залы, окруженный свитой лордов, не выпускавших из рук оружия. На пороге Саталлион остановился и уже без тени усмешки произнес:

— Когда все закончится, один из нас станет королем Олсона.

Саталлион снова улыбнулся и покинул замок, оставив Нора наедине с его гневом.

Глава 11

Вечер — усталый путник — прилег на землю, опустился на холмы и долины, и, почувствовав, что задремал, натянул на плечи одеяло сумерек. Солнечный свет угас, унеся за собою на запад дневной зной и оставив мир утопать в серых призрачных тенях. В воздухе повисла тишина, лишь изредка нарушаемая звоном кузнечиков или криком ночного хищника. На безбрежных диких просторах и высотах воцарился покой.

Джером знал, как обманчиво это безмолвие, но облегченно вздохнул вместе с остальным миром, когда на подножия Аспадельских гор опустилась безмятежная ночь. На пути друзья более не встретили никого и ничего, что препятствовало бы их планам. Даже погода стояла приятная и умиротворяющая.

И только Эллайен никак не желал успокоиться. Он беспрестанно выпытывал у Джерома все подробности его плана, стараясь натолкнуться на брешь, которая, будучи обнаружена, обрушит затею путешествия в Уитлок до самого фундамента. Учитывая, что никто не бывал в тех местах ранее, охотник сразу же предсказал, что они не смогут ориентироваться по тропам, а уж тем более не найдут прямого пути к тайному убежищу древинов. Можно годами прочесывать горы и вернуться с пустыми руками.

На что Джером поспешил заметить, что он и сам не рассчитывал отыскать место, в которое, по слухам, не заходил ни один чужак. Но он готов биться об заклад, что древины догадываются, где находится сокровище, и сами предпринимают поиски. Вместе с книгой они найдут и его. Вот тогда Джером и узнает, чего они от него ждут. А от друзей требуется лишь обогнуть восточные склоны, двигаясь с севера на юг, и приготовиться к неизбежной встрече.

Джером изо всех сил старался скрыть собственные сомнения и казаться уверенным, терпеливо отвечая на любые вопросы Эллайена. Вера в сновидения, книгу и Меч была тверда, и Джером просто отвергал возможность того, что он понапрасну тратит свое и чужое время. Конечным пунктом поисков юноша по-прежнему считал Скуллмарские горы на востоке и уже обдумывал новое путешествие. Даже если Меч действительно похоронен среди руин Трак-Симбоза, а древний город еще можно разыскать, дорога туда лежит непростая. Путь к Скуллмарским горам проходил через центральную Парту, где меньше всего хотелось оказаться Джерому. Или через южную Парту, где обитали дикари джунглей Восгеса, от одной мысли о встрече с которыми волосы

вставали дыбом. Как всерьез рассчитывать найти Меч, если даже до руин Трак-Симбоза не добраться живым?

Лишь древины обладали ответами на вопросы Джерома и могли провести его через все опасности и преграды к заветной цели. Нужно верить. А если вся эта история с древинами — правда, бессмысленно забивать себе голову пустыми размышлениями и заботами.

И все же бесконечные жалобы Эллайена, будто заноза в мягком месте, мешали удобно устроиться в седле. К ночи, когда лучник неожиданно прекратил мучить друга расспросами, у Джерома даже разболелась голова. Черпал ли Эллайен силу у солнца, или попросту устал от собственного нытья, но Джером наконец-то получил передышку. Вскоре путешественники разбили лагерь. Может быть, к утру тучи между ними рассеются.

Завтра начнется путешествие.

* * *

В воздух поднялась рука в черной перчатке с требованием остановиться. Отряд замер на месте за спиною предводителя. Ветви трещали, листва раскачивалась и шелестела. Тень нахмурилась. До сих пор наемники, посланные на подмогу, вели себя послушно — отличное качество для пушечного мяса. Но солдатам не доставало изящества, ловкости и хитрости — мастерства, незаменимого в щекотливом деле. Мысленно послав колдуну проклятие за лишнюю обузу, Ксариус Тализар бесшумно соскользнул с седла. Словно марионетки, солдаты последовали его примеру. Убийца резко развернулся и бросил в их сторону холодный злобный взгляд. Будто кто-то перерезал нити кукловода, и наемники, как груда поленьев, замерли в седлах. Жестом Ксариус приказал остолопам сидеть тихо и скрылся в ночном лесу.

Оставшись один среди таких же теней, как и он, Ксариус почувствовал облегчение и с легкостью растворился в призрачном мире ночи. Следуя по пути королевы Эллибе, отряд натолкнулись на небольшую лесную деревеньку, обозначенную на карте как Дилн. Бывшая королева даже не пыталась скрыть следы своего стремительного путешествия. Столь отдаленное поселение вряд ли могло стать местом случайной остановки. Несомненно, именно сюда направлялась Эллибе. Здесь и нужно начинать поиски принца Торина.

С отточенной ловкостью Тень скользила по естественным и рукотворным тропкам беспечно дремлющей деревушки. В столь

поздний час во всем поселении мерцали лишь несколько огоньков, остальные окна, темные и холодные, будто пустые глазницы, слепо взирали на таинственного незнакомца. Судя по всему, в деревне не было ни стражников, ни патруля, ни часовых. Изредка на залитых лунным светом тропинках попадались одинокие сельчане, которые тихо насвистывали что-то себе под нос и не замечали присутствия Тени. Ночь стояла безветренная и спокойная. Убийца вышел на охоту, предчувствуя обилие дичи.

Ксариус рано осознал бессмысленность жизни. Мальчика вырастили дядька и тетка, нищету и убогость существования привыкшие скрашивать выпивкой, похотью и нескончаемой бранью. К четырнадцати годам Ксариус устал от постоянных унижений. На преступление его толкнула не ненависть, а стойкое чувство отвращения.

Мальчик не ожидал, что убийство принесет ему такое наслаждение. Именно так он нашел свое призвание и способ возвыситься над чернью. Подвиги Тени переживут всех, он оставит после себя страх и ужас, жуткую сказку, которой родители будут пугать непослушных детей. Выдающиеся подвиги и великие имена в конечном итоге забываются. А он станет живой легендой.

Одна попытка — одно убийство.

Обойдя деревушку по внешнему периметру, Ксариус направился к центру. Вскоре он добрался до небольшой поляны, похожей на рыночную площадь с дюжиной торговых палаток. Как и маленькие домики на окраине, здания здесь, казалось, пустовали или служили только для ночлега. Даже напоминавшее постоялый двор или таверну строение было закрыто. Более тоскливое существование трудно себе представить.

Взгляд убийцы привлекло центральное здание, самое большое на площади. Очевидно, что-то вроде деревенского совета. Окна растворились в теплом свете факела. Некоторое время Ксариус Тализар наблюдал за дверью. Никто не нарушал тишины. Под покровом темноты Ксариус наконец направился к строению, осторожно ступая по ковру иголок. Еще раз осмотревшись, убийца подпрыгнул и ухватился за низкий край карниза. Он осторожно подбирался к окошку в крыше, распахнутому навстречу прохладному ночному ветру…

— Я устал от ночных собраний, Эзаис, — жаловался мужчина с каменно-серым лицом. — Мы и так потратили уйму времени.

— С этим мы все согласны, Ригдон, — устало вздохнув, ответил Эзаис. — Но ничего другого не остается, пока мы не решимся на конкретные действия.

Тень осторожно проскользнула в открытое окошко и,

незамеченная, притаилась среди стропил. В дальнем углу комнаты собрание сельчан продолжало полуночный спор. Всего убийца насчитал восьмерых жителей, мужчин и женщин разного возраста.

— Тогда давайте решим задачу раз и навсегда, — настаивал человек по имени Ригдон. — Давно пора увести народ в Дракмар или Палладур. Наше время когда-нибудь закончится.

— Да, закончится, — согласился Эзаис. — Но неужели ты надеешься, что графства устоят, если даже Кринуолл пал?

— Тогда отправимся дальше на юг, на восток. В любом случае нельзя сидеть без дела и ждать возвращения Джерома.

Пожилая женщина с густыми темными волосами попыталась вмешаться.

— Ригдон…

— Вы все ведете себя так, будто мальчишка — великий спаситель, посланный самими богами, — разошелся Ригдон. — Джером — или Торин, как бы его там ни звали — замечательный юноша, смею вас заверить. Хотел бы я, чтобы сыновья мои хоть немного походили на него. Но с чего вдруг императору выполнять его просьбу, даже если Деррег убедится, что перед ним наследник Сорла?

Женщина покачала головой.

— Опасность для деревни не велика. Мы не представляем никакой угрозы.

— Мы у колдуна под боком и обязательно привлечем его внимание, — настаивал Ригдон. — А защитить Дилн мы не в состоянии.

— Проще всего оставаться на месте и держаться подальше от опасности, вместо того чтобы лезть в самое пекло.

Поднялся ропот, и многие из собравшихся выразили согласие с мнением женщины. Когда шепот стих, и воцарилась тишина, все глаза устремились к Эзаису, очевидно, лидеру совета.

— Вал права, — подвел он итог. — Дождемся возвращения Торина и Эллайена из Куурии. Нет необходимости трогаться с места, пока этого не сделает император.

— Но… — хотел возразить Ригдон.

— По возвращении друзей мы сможем лучше оценить ситуацию и определить наше будущее здесь, на родине.

— У нас нет будущего на родине, — сказал Ригдон. — Если хотим выжить, нужно уходить немедленно.

Эзаис закрыл глаза и снова вздохнул.

— Ты вправе поступать по-своему, друг мой. Я же пока не готов оставить все, что построил здесь, из-за смутного страха, который пока не превратился в явную угрозу.

Все одобрительно закивали, и Ригдон с каменным лицом уселся на стул, признав поражение, ставшее, должно быть, привычным ночным ритуалом.

Когда собрание уже подходило к концу, юноша, на вид слишком молодой, чтобы участвовать в деревенском совете, прокашлялся и заговорил:

— Может быть, нам установить предельный срок, после которого ждать не стоит. Ригдон во многом прав. Если Торин вернется слишком поздно или вообще…

Далее убийца слушать не стал. Спор, как и следовало ожидать, возвращался на круги своя. По крайней мере Ксариус услышал все, что требовалось. Предполагаемый наследник Торин, известный также под именем Джерома отправился на юг в Куурию в сопровождении некоего Эллайена. Убийцу не интересовали планы обороны Олсона и защиты от армий колдуна. Пускай и те, и другие хоть к чертям провалятся. Его забота — найти заказчика на свое редкое ремесло. Преданность — лишняя обуза, товар, который покупается и продается, как свинья на рынке. На данный момент Ксариус верен колдуну Сорику, но лишь при исполнении особых задач. Сегодня у него свое дело. Остальное — пустая трата времени.

На пару с одной из ночных теней Ксариус Тализар выбрался через окно на крышу и бесшумно соскользнул на землю. Внезапно в темноте жадно заметались огни, и тишина вздрогнула от диких неистовых воплей.

— Дурачье! — выругался Ксариус и растаял во мгле. В следующий миг на рыночную площадь ворвались всадники с факелами в руках.

* * *

Эзаис замер. Первый старейшина взглянул на остальных, а в особенности на Ригдона, услышав, как началась страшная суматоха. Раздались кровожадные крики, предвещавшие опасность и смерть. Страх стиснул Эзаиса за горло. Ригдон нахмурил брови, в глазах блеснула немая угроза. Круг советников внезапно разлетелся на осколки, и старейшины бросились на улицу. На крыльце они остановились, оцепенев от ужаса, не веря своим глазам.

Деревня полыхала. Солдаты сломя голову носились по лесу, бросая пламенеющие факелы в дома, сараи и во все, что могло загореться. Лето выдалось сухое, и пожар распространялся стремительно. Ночь рвалась от криков ужаса и боли. Мародеры,

словно стая жадных хищников, кружили по деревне, топча участки и сады, где играли ребятишки и работали крестьяне. Женщины, мужчины и дети умирали, не успев встать с постели. Когда старейшины вышли к торговой площади, солдаты сновали между деревьями, преследуя свои жертвы. Некоторые пытались дать неприятелю отпор, большинство же бежали. Застигнутые врасплох люди гибли.

Эзаис, словно каменная статуя, неподвижно стоял на крыльце и смотрел на резню, будто на ночной кошмар, рожденный в горячке и забытьи. Как и предсказывал Ригдон, колдун пришел в Дилн. Но такой подлости и жестокости никто не мог предположить. Все, ради чего трудился Эзаис, чему посвятил целую жизнь, полыхало и рассыпалось в золу у него на глазах. Жар огня и раскаленный пепел обжигали глаза. По щекам текли слезы. Те из старейшин, кто был помоложе, бросились на помощь семьям, но их путь остановили меч и пламя. Ригдон и Вал, жившие в Дил не со дня его основания, стояли рядом с Эзаисом и, пораженные, смотрели, как гибнет их родина. Старейшины слишком хорошо понимали, что произошло: их место — среди народа Дилна, а народ обречен. Смерть пришла на мирную землю.

Люди плакали, кричали, падали, охваченные огнем. Один из всадников заметил старейшин на крыльце совета. Подав знак ближайшему солдату, он ринулся к ним, сжимая в руке окровавленный меч. Эзаис продолжал стоять неподвижно, даже когда холодная сталь разорвала ему плечо и шею. Первый старейшина, словно во сне, глядел, как кровь хлынула на семейку белых грибов, проросших из-под крыльца. Ригдон схватился со вторым солдатом. Эзаис упал на колени. Перила мелькнули перед глазами, и он ухватился за них рукой. Что же Эллибе навлекла на них? Эта внезапная мысль поразила Эзаиса. Как Торин сможет теперь прийти на выручку? Теплая кровь хлынула налицо, острый клинок раскроил старику череп. Сердце Эзаиса остановилось.

* * *

Еще до того, как стих стон первой жертвы, Дилн обратился в пепел. Ксариус Тализар наблюдал за картиной из центра деревни. Вой огня заглушал крики обреченных на смерть людей. Языки пламени хищно пожирали деревянные постройки рыночной площади. Наемники колдуна хоть и были неуклюжи, но действовали весьма эффективно. Мало кому удалось пережить бойню. Убийца чувствовал присутствие уцелевших людей,

забившихся глубоко в холодный темный лес. Их сердца охватил огонь, а разум и чувства поглотила ночь. Большинство, без сомнения, погибли. Выжженная, пропитанная кровью земля была усыпана обугленными останками тел. Когда наемники, покончив с деревушкой, съехались вместе, убийца заметил, что отряд колдуна не понес ни одной потери.

Капитан наемников оторвал взгляд от тел Эзаиса, Ригдона и Вал и пересчитал своих людей. По лицу его расплылась самодовольная кривая ухмылка. В тот же момент капитан заметил убийцу, возникшего перед полыхавшим зданием совета. Победно скаля зубы, солдат пришпорил коня.

— Вот так-то лучше. А то ползаете, как таракан под полом. — Капитан с бравым видом оглянулся на отряд наемников, которые наградили его хором ликующих возгласов.

Ксариус выжидал. Наконец самодовольная улыбка покинула лицо капитана.

— Так что же вы разузнали о сыне Эллибе?

Капитан нахмурился. Кто-то из наемников робко усмехнулся. Тогда разъяренный капитан спустился с коня, быстрым шагом подступил к Тализару, поднял перед его глазами широкий меч и провел пальцем в кожаной перчатке по окровавленному лезвию. Угрожающе посмотрев сверху вниз на убийцу, наемник облизал палец.

— Он мертв.

Солдаты одобрительно взревели, и на изуродованном шрамами лице капитана расцвела кровожадная улыбка.

— Тогда кто это? — прошипел Ксариус.

Капитан обернулся, а убийца в ту же секунду вытащил из-за пояса тонкий кинжал и всадил лезвие под кольчугу в пах опрометчивой жертве. Капитан взвыл, и испуганные лица наемников вновь обратились к Ксариусу. Обреченный солдат тщетно пытался зажать руками артерию и остановить хлынувшую кровь. Его тело глухо ударилось о землю.

— Кто отдал приказ атаковать?

Наемники стояли неподвижно с такими же бледными каменными лицами, что и их капитан.

— Лейтенант, отвечайте! — прошипел убийца. Один из солдат поднял глаза. Губы его дрожали.

— Вас… Вас очень долго не было… Мы не знали…

— Это он отдал приказ?

— Д-да, сэр.

Ксариус вытер кинжал платком и бросил его на скорчившееся от боли тело капитана.

— Замечательно, — прошептал он, спрятав оружие под

складками плаща. — Вы, лейтенант, теперь будете командиром. Надеюсь, вы будете вести себя разумнее, чем ваш предшественник.

Наемник проглотил ком в горле и кивнул. Удовлетворенный ответом, убийца добавил:

— Подать мне коня. — Ксариус пришпорил лошадь и отправился к южной дороге в Куурию, которая должна была привести его к следам Торина.

Поиски не отняли много времени.

* * *

Джером внезапно проснулся. Его глазам открылось безоблачное ночное небо. Капельки пота замерзли на лице под ледяным ветром, гулявшим по горным тропам. Кошмарные образы еще на мгновение задержались в сознании и рассеялись. Джером сделал глубокий вдох и прислушался. Невероятно живой и леденящий кровь сон был не более чем игрой воображения. И все же юноша не смел двинуться с места, уверенный, что жуткий вой, разогнавший и кошмар, и сон, родился именно в этом мире.

Через несколько минут Джером решил, что, вероятно, дикий рев послышался ему во сне. Внезапно он почувствовал движение. Сердце замерло и забилось так сильно, будто пыталось вырваться из груди. Джером осторожно вынул меч из ножен и разбудил Эллайена.

— Что такое? — недовольно буркнул охотник.

— Там кто-то прячется, — прошептал Джером. — За скалами.

— Наверное, разум покинул тебя, а теперь вот возвращается, — проворчал Эллайен, однако, прищурившись, принялся разглядывать камни.

Поначалу казалось, что путники одни среди голых скал. Вскоре они услышали неясный шум, а потом глазам их предстало зрелище, от которого замирало сердце: гигантская тень, сопя и рыча, показалась из-за дальнего валуна.

— Горный волк, — предположил Эллайен. — Здоровенный.

Джером оцепенел, наблюдая, как огромный черный силуэт скользит в темноте. Рукоятка меча, которую сжимала рука юноши, стала скользкой от пота.

— Ну, и что теперь?

— Понятия не имею, — признался Эллайен. — Надеюсь, до нас ему дела нет. Не вижу остальных. Обычно эти звери гуляют стаями.

Джером тревожно оглянулся, напуганный такой новостью.

— Убить его? Бежать? — Джером внезапно осознал, что он охвачен страхом. Испугался обыкновенного волка? Зверю не подобраться и на пятьдесят шагов, как Эллайен уложит его на месте.

— Успокойся. Один волк не причинит нам вреда. Но я не хочу привлекать внимания всей стаи.

— Тише, — зашипел Джером. — Он может услышать.

Эллайен не сдержал усмешки.

— Эй! С чего ты вдруг так струхнул?

Джером вздрогнул, увидев, что волк навострил уши и повернулся в их сторону. Зверь принюхался, зарычал и внезапно бросился на людей.

Джером вскочил на ноги, приготовив меч.

— Стреляй!

На этот раз охотнику было не до споров. Он отыскал лук, стрелу и моментально натянул тетиву. Но вместо выстрела Эллайен опустил оружие и испуганно пробормотал:

— Гром и молния…

Вместо обычного горного волка перед друзьями возник чудовищный зверь, существо из ночного кошмара. По всей длине позвоночника торчали острые шипы. Мощные мышцы вздувались под лоснящейся черной шкурой. От когтей до холки зверь был ростом не меньше четырех футов. Глубоко посаженные, лишенные зрачков глаза светились неестественным и жутким зеленым огнем.

Эллайен спустил тетиву. Одна за другой две стрелы впились в толстую шкуру. Рассвирепев, существо зарычало, поднялось на задние лапы и бросилось вперед.

Джером оцепенел. Гигантские когти рвали ночной воздух в шести или восьми футах над землей. Даже на двух лапах монстр не сбавил скорости, и скоро Джером разглядел сверкающие клыки и пену у оскаленного рта.

Наконец третья стрела свалила зверя всего в десяти шагах от добычи, пробив грудную клетку и разорвав сердце. Монстр взвизгнул и безжизненно повалился на землю. Для верности Эллайен пустил четвертую стрелу животному прямо в голову. Зверь не шевельнулся. Лучник обернулся на друга и вынул охотничий нож. Настала очередь Джерома, который осторожно приблизился к туше. Эллайен шел следом.

Мертвым монстр казался еще ужаснее, чем живым. Шерсть, явно короче волчьей, не могла скрыть глубоких шрамов, исполосовавших толстую шкуру. Конечности — длинные и жилистые с почти человеческими когтистыми пальцами — мало напоминали короткие и крепкие лапы волка. Несоразмерно

крупная голова лежала в стремительно растущей луже пены и крови. Язык упрямо дрожал и бился в предсмертных конвульсиях. Глаза… погасли, застыли, из ярких изумрудов превратившись в тусклые красноватые огоньки.

Джером недоумевал. Не только в жизни, но и ни в одной легенде не встречал он описаний подобного невероятного создания. Даже бездыханное тело зверя заставляло юношу содрогаться от ужаса. Может быть, предпринятое путешествие действительно было ошибкой. Казалось, эта встреча есть предупреждение людскому роду держаться подальше от тех, чьи дела лежат за пределами человеческого понимания. Знак, что пора возвращаться, пока не поздно.

Сморщившись от омерзения, Джером полоснул мечом по жилистой шее зверя. Понадобилось четыре удара. Наконец отрубленная голова откатилась в сторону, а Джерома стошнило.

Эллайен тоже отвернулся с гримасой отвращения. Лучник положил руку на плечо друга, успокаивая и его, и себя.

— Откуда он взялся? — спросил Джером, когда приступы тошноты улеглись.

Эллайен открыл было рот, но не смог вымолвить ни слова и просто покачал головой.

— Прости, — выдохнул Джером.

Эллайен кивнул и, взяв себя в руки, повернулся к туше. Джером остался сидеть, обхватив колени руками. Лучник вдруг ахнул от удивления.

Джером стремительно повернулся в ожидании очередного опасного сюрприза. И хотя юноша приготовился взглянуть страху в лицо, от увиденного зрелища у него перехватило дыхание.

Он напряженно всматривался в темноту, не веря собственным глазам.

На месте, где мгновение назад лежала туша, осталась лишь лужа похожей на деготь крови.

* * *

Спитахера вышла из кокона и грациозной походкой направилась к купальне в центре пещеры. Сияние воды усилилось. Прозрачные шелковые одежды струились вокруг прекрасного тела. Она наклонилась над каменным выступом, заглянула в пенные воды и нежно улыбнулась, заметив статуэтку волка.

— Мой милый Лобак, — запела Спитахера. — Что случилось с тобою?

Воды успокоились, сияние угасло. С материнской нежностью Спитахера протянула тонкие изящные руки и подняла из воды тяжелую фигурку демона. Взгляд ее внимательно скользил по свежим царапинам на каменной поверхности, особенно по одной — вокруг шеи.

— Милый Лобак, — вздохнула Спитахера. — Кто же так жестоко обошелся с моим любимцем?

Она поднялась и отнесла фигурку на место в ряду статуй, выстроившихся вдоль стен пещеры. Еще долго нежные тонкие пальцы ласкали неподвижное изваяние.

— Расскажи, милый Лобак, — нежным шепотом полились древние слова. — Что ты видел?

Глава 12

Эллайен недовольно поморщился и тяжело вздохнул. В очередной раз он подвернул лодыжку. Джером приготовился выслушать неизбежный поток замечаний.

— Вот пропасть! И как я только дал себя уговорить? Джером ничего не ответил, понимая, что друг быстрее успокоится, если помалкивать. Любое слово лишь подольет масла в огонь. А на споры нельзя тратить ни сил, ни времени.

— Да здесь же ничего нет кроме волчьих берлог да камнепадов. Нет, мы все равно пойдем вперед. По скалам, по бездорожью в город, которого нет!

Джером прихлопнул мошку, зудевшую над ухом, и размазал насекомое по взмокшей шее. Положа руку на сердце, он и сам разделял скептицизм Эллайена. Юноша был готов заново пересмотреть всю затею. Смелость и решимость развеялись к утру, утекли, словно вода сквозь песок, спрятались на самом донышке сердца. Только на этот раз вместо привычной неуверенности и растерянности появилась настоящая причина отказаться от поисков.

Прежде всего, необъяснимая встреча с монстром. После ночного нападения ни один из приятелей так и не сомкнул глаз. После продолжительного разговора они сошлись на мысли, что столкнулись с доисторическим зверем, существовавшим еще до прихода человека и чудом выжившим в пустынных краях. Правда с тем же успехом можно было поверить и в то, что удивительная книга, обнаруженная друзьями в Иртвине, не имела лично к Джерому никакого отношения. Юноша предпочел промолчать. Джером решил не давать Эллайену лишнего повода усомниться в целесообразности путешествия.

Второй причиной дня тревоги стал кошмарный сон, разбудивший Джерома перед появлением монстра. С того момента как друзья покинули Дилн, сны его впервые приняли угрожающий и мрачный характер. Джером бежал через темный лес, спасаясь от зловещего призрака. Ни одного знакомого лица или ориентира. Безусловная опасность. Или бессмыслица. Но, принимая во внимание то, какую роль в его путешествии сыграли сны, глупо и необдуманно сразу отвергать новое видение.

Друзья решили по очереди спать и нести караул. Но обоим так и не удалось сомкнуть глаз. День складывался неудачно с самого начала. Раздраженные и усталые приятели за завтраком говорили мало, пряча друг от друга свои страхи. Несмотря на все опасения, Джером твердо решил держаться прежнего курса.

Сомнения порождаются бездействием. Как только волнения улягутся и обратятся в пыль, все пойдет своим чередом, и дорога станет им союзником.

Природа, однако же, не теряя времени даром, опровергла все аргументы Джерома. Солнце, которое еще вчера протягивало дружескую руку, сегодня обернулось жестоким предателем. Целый день жгучие лучи безжалостно терзали бесплодную землю и одиноких путешественников, тащивших за собой измученных лошадей. Прохладный ветерок остался гулять по равнинам, а они, беззащитные, столкнулись с адской жарой и роями насекомых, готовых высосать последние соки из своей несчастной добычи.

Дорога скоро превратилась в настоящую пытку. Путники, скрипя зубами и волоча ноги, шагали по нескончаемым холмам. Они заглядывали в каждую пещеру и расселину, обыскивали ущелья и трещины. Пока что самой волнующей находкой стало логово волчицы со щенятами. Встреча, которая чудом обошлась мирно, послужила лишним напоминанием о событиях прошедшей ночи. Кроме этого, как заметил Эллайен, путникам встречались лишь тупики, пустые тропы да оползни.

Джерому вновь и вновь приходилось оправдываться и доказывать необходимость путешествия. До Куурии оставалось лишь пересечь горную гряду на востоке, напомнил Эллайен. Именно туда им и следовало направляться. Друзья давно бы уже добрались до Моритила, а император готовил бы войско к походу на север и освобождению Олсона от захватчиков. В любом случае, такая перспектива была более вероятна, чем обнаружение места, существовавшего лишь в легендах да сказках.

Джером соглашался со всеми доводами Эллайена. С разумной точки зрения предприятие их казалось просто смехотворным. Но он и не пытался рассуждать, следуя строгим законам логики. Юноша и сам не мог объяснить, почему, но был твердо убежден: его поступок вернет жизни людей в нормальное русло, спасет их будущее, родину, дом. В общем, судьба заставила, а чувства убедили Джерома пуститься в рискованное путешествие.

И Джером принял вызов, взял на себя ответственность. Он выслушивал жалобы друга, преодолевал собственные сомнения и тревоги. Кивал, пожимал плечами, поеживался от каждой новой колкости Эллайена и продолжал шагать. За спиной остались сутки пути, и бессчетные дни ожидали впереди. Приятели шли со стертыми в кровь ногами, пересохшими глотками и распухшими от жажды языками, на каждом повороте и утесе, у каждого ущелья молясь, что вот-вот их глазам предстанет Уитлок или встретятся древины — одним словом, что путь их скоро найдет свое

завершение, осмысленное и небесполезное.

Трудности не испугали Джерома. Напротив, как никогда он стремился к успеху. С каждым шагом, с каждым новым синяком, с каждой каплей пота сокровище древнего города становилось дороже. Слишком гордый и уверенный в своей правоте юноша отказывался признавать поражение, а лишения и борьба лишь разжигали его стремление к победе.

Итак, в очередной раз Джером молча и терпеливо оглянулся на Эллайена, который выругался и пнул сухой ком земли. Даже в такой момент он сохранял оптимизм — Уитлок, а с ним и конец путешествия, был близок, как никогда. А как, черт возьми, можно рассчитывать найти древнюю крепость в первый день пути? Взглянув на книгу, болтавшуюся в мешке под седлом, Джером мысленно представил себе награду, ожидавшую смелых путников. Уитлок. Встреча с древинами. Тайные, мистические знания, которые откроют дорогу к Мечу Азахиля. И все это рядом — достаточно протянуть руку. Если Джерому и Эллайену хватит смелости завершить путь, сокровища будут всецело принадлежать им.

Только не сегодня. Путники продолжали идти после захода солнца и последнюю милю преодолели при свете звезд. Опасаясь пропустить в темноте какой-нибудь важный знак, они остановились и разбили лагерь около невысокого кустарника. Совсем недавно засушливый день и горячее солнце жгли и душили, а сейчас холодный хищный ветер рвал одежду, царапал кожу, пробирал до костей. Пот высох, мышцы начинали неметь. У путешественников не осталось сил развести огонь. Привязав коней, они молча поужинали куском пресного черствого хлеба, сыром и собранными по дороге ягодами. Первый день тщетных поисков тяжелыми кандалами опутал их усталые ноги. Укутавшись одеялом, Джером свернулся калачиком на земле и шепотом пообещал, что завтра наступит фантастическое будущее.

Несмотря на боль в измученном теле и холод, Джером вскоре почувствовал, как трава, горы и лошади растворились, уступив место снам и грезам.

* * *

Лемм прекратил работу и поднял голову. К конюшням подъехала группа всадников. Всего шестнадцать человек, походивших на солдат военного патруля. Предводительствовал воин, с ног до головы укутанный в черный плащ. Нахмурившись, хозяин конюшни положил щетку на стул, похлопал по спине

дремавшую лошадь и вышел из денника поприветствовать настойчивых гостей.

— Вечер добрый, господа. Чем могу служить?

— Мы ищем кое-кого, — заговорил незнакомец в черном плаще.

— Да?

— Двое из деревушки на север отсюда. Пришли пешком и взяли лошадей, чтобы продолжить путь на юг.

Лемм нахмурил брови и вытер пот с лысой макушки. Почему незнакомец говорит шепотом?

— Здесь много народу проходит. Знаете, куда они поехали?

— В Куурию.

— Все теперь, кажется, едут в Куурию, — усмехнувшись, заметил хозяин.

— Они проехали дня три назад. Двое молодых людей. Один называет себя Эллайеном, второй путешествует под именем Джерома или Торина. Припоминаете?

— К сожалению, нет.

— В таком случае проверьте книгу посетителей, может быть, там сохранились их имена?

— Я не веду записей, — солгал Лемм и постучал пальцем по лысине. — Память не подводит.

— И все же двоих путников из Дилна, направлявшихся в Куурию, вы не помните.

— Должно быть, прошли другой дорогой.

Лицо незнакомца, неподвижно сидевшего в седле, скрывалось под капюшоном.

— Ваши кони, похоже, устали, — заметил Лемм. — У меня и на половину из вас места не хватит, а вот старик Фэррон, сдается мне, счастлив будет поставить ваших скакунов в свою конюшню на ночь.

— Фэррон?

— Поезжайте по дороге в город. Большое здание на улице Фартинг. Не промахнетесь. Может быть, ваши парни там побывали.

Незнакомец, казалось, хотел еще что-то добавить, но затем, ни слова не говоря своим спутникам, развернулся и галопом припустил коня. Солдаты сурово посмотрели на хозяина, прежде чем последовать за ним. Лемм бесстрастно встретил их взгляды и прокричал вслед:

— Эти ребята в какую-то беду вляпались, да?

Один из солдат обернулся.

— У нас для них письмо.

Лемм кивнул, а солдат отправился вдогонку за своими

спутниками. Когда незнакомцы скрылись из виду, хозяин покачал головой. Опасные люди. Настоящее чудо, что отделаться удалось так легко. Лемм, конечно же, знал и Джерома, и Эллайена. Странно только, что Джером вдруг назвался другим именем. Может, парень по глупости что-то натворил? В любом случае Лемм не собирался сдавать мальчишек первым встречным бандитам, не зная, кто они такие и что на самом деле приключилось. К законной власти запоздавшие гости явно не имели никакого отношения, а на манеры да приличия и вовсе плевали. А этот шепот, который просто до костей пробирал? Шестнадцать вооруженных здоровяков везут письмо? На правду, черт возьми, не похоже.

Лемм снова взялся за щетку и принялся скрести ею жеребца, хозяин которого отбывал рано утром. Со временем монотонное и ритмичное занятие оттеснило тревожные мысли о недавней встрече в дальний пыльный уголок. Не его забота. Лемм сделал все, что мог, чтобы выиграть для друзей немного времени. Джером и Эллайен смекалистые ребята. Головорезы вряд ли их найдут. В любом случае парни и сами о себе позаботятся.

На пороге конюшни показалась тень, и в тот же миг облака налетели стаей на сонное солнце. Когда Лемм нагнулся, чтобы в последний раз пройтись по конской шкуре, замок денника скрипнул. Он обернулся, но не успел сделать и вздоха, как черная тень набросилась на него, и рука зажала ему рот. Он отчаянно потянул носом воздух и почувствовал резкий удушающий запах. Ноги подкосились, огни растаяли.

* * *

Лемм очнулся от нестерпимой боли и от собственного крика. В голове глухо стучало. В следующее мгновение жгучая боль стихла, но сердце продолжало бешено колотиться. Открыв глаза, Лемм скоро понял, что произошло.

Хозяин был заперт в собственной конюшне, связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту. Он сидел на скамье в дальнем деннике, откуда не услышать ни криков, ни шума борьбы. Дверь была закрыта, и в узком проходе выстроились вооруженные солдаты, которых сразу же узнал несчастный. Запах крови смешался с потом и навозом. Лемм посмотрел под ноги, где пол устилала красная от крови солома. Он боялся поднять глаза, и когда сделал это, онемел от ужаса. Руки его были привязаны к деревянной колоде. Большой палец правой руки лежал в липкой красной луже.

Лемм заорал. Но звук лишь тупой болью отозвался в его голове. Дыхание участилось, легкие отчаянно пытались справиться с комком в горле. Несчастный бессмысленно уставился на обрубок. Тем временем к Лемму приблизился человек в плаще с капюшоном. На черной ткани сверкнул окровавленный кинжал. Мрачный свет, сквозь грязные окна пробивавшийся в конюшню, зловеще мерцал на холодной стали.

— А теперь, — прошипел незнакомец, — расскажи о путниках из Дилна…

* * *

Наклонившись над очередной трещиной в скалах и опираясь рукой о камень, Джером всматривался в темноту. Расположившаяся под навесом валунов и кустарника расселина явно не желала делиться своими тайнами. И тем не менее странная эта пещера пока что казалась самой занимательной находкой с начала экспедиции в Уитлок. По всем признакам вместо обычной дыры в земле друзьям наконец-то удалось обнаружить туннель, ведущий в обитаемую пещеру. Если это так…

Суровая реальность довольно скоро развеяла надежды и мечты. Моментально заснув, Джером еще долго и беспокойно боролся с холодным ветром, твердой каменной постелью и хороводом демонов в собственной голове. Он не только не отдохнул, но проснулся еще более изможденным, нежели в начале пути.

За день настроение улучшилось лишь немного. Утреннее солнце рассеяло мрак ночных сомнений и укрепило веру Джерома в свое предназначение. Однако усталость упорно напоминала о себе. Глаза распухли от пыли и ветра. Мышцы ныли и отказывались шевелиться. Ступни ног покрылись невыносимо болезненными мозолями. В горле пересохло, распух язык. Джером лишь изредка перебрасывался словом с Эллайеном, который тоже не торопился нарушить тягостное молчание. Новый день приятели встретили угрюмо и неприветливо.

В дурном расположении духа приятели пребывали до тех самых пор, пока не обнаружили следы. До этого редкие признаки жизни на голой бесплодной земле не имели ничего общего с родом людским. Однако новые следы были явно оставлены человеком. Или людьми, не преминул поправить Эллайен, обнаружив отпечатки еще трех или четырех пар ног.

Со смешанным чувством нетерпения и тревоги друзья

отправились на поиски. Задача оказалась не из легких, потому как во многих местах твердая каменная поверхность была лишена мягкого слоя почвы или растительности, лучше всего сохранявших отпечаток. Но кое-какие признаки оставались, и Эллайен, опытный охотник, то и дело замечал то изменение цвета, то царапинку. И хотя в горах было мало мест, похожих на тропы, друзья скоро научились находить естественные пути, более или менее пригодные для двуногих существ. Они обнаружили, что следы вели по тем же самым природным изгибам рельефа.

Вот уже несколько часов тропинка уводила путешественников все выше в горы на северо-запад. Через некоторое время появились новые следы. Похоже, оправдывалась теория существования целого человеческого племени, которое спускалось с высот небольшими рассеянными группами. Лишения и страхи начинали забываться. Джером чувствовал, что они на пороге открытия.

В конце концов друзья оказались у входа в пещеру. Истертый камень на пороге наводил на мысль, что помещение служило по крайней мере временным жилищем.

— Ну?

Джером кусал губы, стараясь сдержать волнение.

— Отсюда плохо видно, — ответил он. — Надо зайти и посмотреть. — Джером обернулся к Эллайену: — Давай поищем факел.

Друзья быстро выбрали подходящую сухую ветку и подожгли ее с помощью смолы, куска кремня и стали. В считанные минуты они вернулись к подозрительной пещере. Джером шел впереди и нес дымящийся факел.

— Осторожнее, — предупредил Эллайен и вытащил охотничий нож.

Джером вынул меч из ножен.

Путешественники окунулись в поток прохладного воздуха, чему Джером искренне обрадовался. Свет от факела отражался от клинка, и тени друзей боязливо крались по щербатой стене пещеры. Узкий туннель извивался словно змея. Каменный пол под ногами оказался неровным и ухабистым. Даже с факелом в руке Джером часто пробирался вперед на ощупь. Если это и был ход в Уитлок, то явно не к парадным воротам.

Уже начинало казаться, что коридору нет конца, когда Джером соскользнул с горки и оказался в крошечной пещерке. Юноше пришлось согнуться под низким потолком. По всему периметру пещеры расположились многочисленные трещины и естественные норы, в которых, свернувшись калачиком, могли

спать люди. Илистый осадок, покрывавший каменный пол, был сплошь изрыт и истоптан, хотя других признаков жизни, припасов или кухонной утвари не обнаружилось. Жилище казалось покинутым.

— Смотри.

Джером оглянулся на Эллайена, склонившегося над одной из нор. Сбоку от пустой дыры лежала небольшая кучка камней и гальки. Джером нахмурился и вопросительно посмотрел на друга.

— Воры, — пояснил охотник. — В норках прятали добычу. Посмотри на остальные.

Джером точно не знал, как это определил Эллайен, но приглядевшись, обнаружил еще несколько подобных отверстий. Эллайен презрительно фыркнул.

— Снова тупик, друг мой.

Джером покачал головой. Они проделали долгий путь не для того, чтобы вот так остановиться.

— Должен быть другой ход, — не оставлял надежды юноша, — еще глубже.

Эллайен принял самостоятельное решение. Пока Джером обыскивал пещеру, он сел на плоский камень, снял ботинки и начал растирать мозоли.

Джером еще некоторое время скрипел зубами и не замечал его, но в итоге вернулся к лучнику ни с чем.

— Закончил? — поинтересовался Эллайен.

Джером повернулся так резко, что воздух засвистел от горящего факела, и побежал к выходу, ни разу не посмотрев, следует ли за ним друг. Джерому претило признавать поражение и возвращаться к знойному удушливому солнцу, но юноша хотел как можно скорее оставить очередную неудачу позади. Драгоценное время до заката уходило, будто вода сквозь пальцы. С каждой минутой таяли шансы разыскать Уитлок до наступления темноты. Пускай Эллайен чешет пятки, пока пальцы не отвалятся. Если охотник предпочитает воспользоваться моментом и отдохнуть, это его выбор. Пока поиски не завершатся успехом, Джером не собирался расслабляться.

* * *

После целого дня пути на юг во главе своры наемников у Ксариуса от стука копыт разболелась голова. Трудности предыдущего дня несколько задержали их. Группа тронулась в путь незамедлительно после беседы с хозяином конюшни, продавшим Джерому и Эллайену лошадей. Покинуть Иртвин,

однако, оказалось задачей не из легких. Городские власти перекрыли все южные дороги в поисках преступников, замешанных в дерзком убийстве, совершенном недалеко от поселения.

В одиночку Ксариус миновал бы все кордоны без труда. Но освобождение солдат потребовало продолжительных переговоров и некоторой суммы из его собственного кошелька, которую — по завершении дела — он собирался затребовать обратно.

Оказавшись на свободе, Ксариус Тализар и банда наемников отправились вдоль течения реки Калгрен Форк по следам принца Торина и его спутника. Преследователи пустились в погоню, пытаясь наверстать упущенное время. Зная, куда направились друзья, убийца не собирался пропускать ни единого знака. Вскоре группа оказалась на южных окраинах Гейперона, у порога Куурии.

Они находились среди легионов беженцев. Невыносимая вонь била в ноздри. Тысячи и тысячи людей, словно гадкие крысы, кишели в лагерях и на дорогах. Судя по всему, император не горел желанием принимать на своей земле толпы изголодавшегося люда. Закрытые границы охраняли целые батальоны солдат. Войска хорошо справлялись со своей задачей, преграждая путь беженцам и организуя лагеря для их размещения. Некоторые усилия предпринимались по обеспечению людей продовольствием, но Имперский совет явно рассчитывал, что люди, изнуренные тяжелыми условиями, рано или поздно вернутся домой. Ведя свой отряд к линии блокады под любопытными и голодными взглядами тысяч грязных и вонючих беженцев, убийца не раз пожелал, чтобы силы юга и войска колдуна сошлись на этом самом месте, а беженцев передавили, будто мошек.

— Стой! — раздался голос патрульного, когда отряд приблизился к границе. — Куда идете?

Ксариус остановился. Наемники ерзали в седлах, разминая затекшие мышцы.

— Мы ищем путь в Куурию.

— Все дороги, — заявил патрульный, — закрыты по указу императора.

— Все?

— Без исключения.

Убийца вытянул шею и через плечо солдата взглянул на баррикады.

— Давно?

— Простите?

— Как давно закрыты границы?

— Никто не пересекал границ Куурии за последние два дня.

Убийца нахмурился. По его оценкам, Джером и Эллайен опередили преследователей примерно на три дня.

— А раньше?

Патрульный отвлекся на обтрепанного беженца.

— Когда именно?

— Три дня назад. Возможно, кто-то пересек границу три дня назад?

— Пропускали только поставщиков продуктов по запросу купеческой гильдии. — Солдат снова прервался и приказал назойливому беженцу вернуться в свой лагерь.

— Вы уверены?

Разрываясь между упрямым оборванцем и любопытствующим незнакомцем, патрульный начинал терять терпение.

— Быть уверенными — наш долг. Кого бы вы ни разыскивали, скорее всего его отослали обратно, как и остальных. Я бы вам посоветовал сделать то же самое, пока…

Угроза не дошла до адресата. Не дослушав, убийца резко развернул лошадь, так что хвост хлестнул патрульного по лицу. Ксариус сжался, как пружина, приготовившись к ответному удару. Но как только рассвирепевший солдат приготовился броситься на обидчика, беженец ринулся к баррикадам. Долг службы возымел верх над личной обидой, и он последовал за глупцом, сбив того на землю и выместив на нем свою злость.

Под крики и стоны несчастного беженца убийца отправился на север. Он проехал между наемниками, не отдавая приказа следовать за ним. Ксариус давно перестал утруждать себя излишними распоряжениями. С момента нападения на Дилн и после расправы над капитаном солдаты вели себя безукоризненно и, закрыв рты, выполняли все пожелания убийцы. Словно свора послушных псов, наемники развернулись и последовали за вожаком.

К сожалению, приходилось принимать решение. Несмотря на уверенность патрульного солдата, оставалась небольшая вероятность, что Джерому и Эллайену удалось пересечь границу Куурии еще до полной блокады. В противном случае Джером и Эллайен скорее всего развернулись бы назад и встретились им на пути. Вопрос в том, куда могли они направиться, если не прорвались через кордоны? Вернулись домой или пошли другой дорогой?

В спешке добираясь до Куурии, убийца совершенно потерял след жертвы, что значительно усложнило поиски. Тем не менее вариантов было не много. Самый простой ответ, как правило, оказывался верным. Даже если Джером пробрался в Куурию или отправился в другое место, он обязательно вернется с известиями

на север. Поэтому Ксариус решил вернуться тем же маршрутом — на этот раз с предельным вниманием и аккуратностью, — если потребуется, до самого Дилна. Как показывала практика, существуют более эффективные методы разыскать человека, нежели по конским следам на грязной дороге.

Оставив за спиной толпы несчастных беженцев, убийца повел своих псов на новую охоту.

До конца дня отряд возвращался по своим следам. Ветер дул им в спины. Солнце стояло высоко над головой. Наемники славно провели время, допрашивая встречных путников, которых заметно поубавилось. Похоже, все, кто намеревался бежать из опустошенных войной земель северного Олсона, это уже сделали, а остальные укрылись на родине. Мало кому хватало храбрости или безрассудства появляться на открытой дороге.

Однако смельчаки все же оставались. Когда день клонился к закату, убийца и банда наемников встретили довольно большой купеческий караван, направлявшийся с северных рынков на юг. Ксариус по обыкновению начал расспрашивать торговцев о двух молодых людях. На удивление путешественники эти отличались беззаботным нравом и простодушием. Довольно быстро убийцу представили предводителю купцов, который оказался даже чересчур словоохотлив в отличие от хозяина конюшен.

— Прекрасно помню этих парней. Полдня ехали вместе с Джеромом. Он отправился на восток искать какую-то там деревушку. Если не ошибаюсь, повез лекарства. Другого звали Эллайен, он приехал позже. Искал друга. Так и не знаю, догнал ли. Отличные ребята. Встретите их, не забудьте передать — они задолжали старику Гарму по стаканчику. Кстати, ваших людей, похоже, жажда замучила. Не пропустить ли нам по чарочке моего собственного первосортного эля? Ха! Да это все равно, как воров на обед звать. Обещайте только никому не болтать, что вы за это заплатили. Моя женушка мне никогда не простит. Ха! Была б у меня хоть одна! Давно бы гнил в каком-нибудь деревенском сарае, заборы чинил, ставни красил и прочей ерундой маялся. Нет уж, помилуйте!

Так и продолжался разговор. Убийца искренне смеялся, поражаясь невероятной встрече. Значит, Джером и его приятель не попали в Куурию и направились на восток к Аспадельским горам. Лекарства? Вот это вряд ли. Но Джерому хватило бы и половины ума, который ему приписывали старейшины, чтобы не сболтнуть правды такому языкастому дурню. Но куда он все-таки направлялся? И почему Эллайен догонял его? Ухмылка Ксариуса стала только шире. Разногласие в рядах противника. Превосходно.

Веселье длилось недолго. Уже через несколько минут Ксариус готов был вышибить из болтуна дух, лишь бы прекратить нескончаемый поток слов. Но тогда придется перерезать весь караван. Непростительная задержка, ведь добыча ускользает с каждой минутой. Наконец убийце удалось вырваться, разыграв приступ кашля, пока Гарм остановился передохнуть. Когда купец поинтересовался, в чем дело, Ксариус объяснил, что очень болен и нуждается в лекарственных травах Джерома. Юноша должен был давно вернуться со снадобьем. Отчаявшись, Ксариус отправился на поиски. Новость заставила Гарма отодвинуться. Расстояние между ними значительно увеличилось, когда Ксариус сообщил, что болезнь заразна. Поблагодарив и извинившись, убийца и его спутники развернулись на юг и опередили караван. Снова к делу.

Скоро охотничья свора колдуна свернула на восток. Убийца хорошо знал дорогу, которую указал легкомысленный купец. Он знал и более короткий маршрут. Если повезет, им удастся перехватить путешественников, а не просто наткнуться на следы.

На второй день после отъезда из Дилна Ксариус порядком устал и соскучился по настоящей работе. С каждым широким шагом коня ему все больше хотелось покинуть солдат и выполнить задание, как и следовало — в одиночку. Но убийца никогда бы не достиг такого уровня мастерства, не научившись сперва терпению. Теперь, когда он почуял жертву, успех был предрешен. Конец близится. Можно и подождать.

Наступил вечер. Когда отряд добрался до дороги, убийца скомандовал остановиться. Бесшумно спрыгнув с коня, он склонился к земле и прислушался. Затем, не проронив больше ни слова, растворился в темноте.

* * *

Солдаты стояли неподвижно. Они привыкли ожидать от своего вожака чего угодно и не смели возразить, опасаясь, что убийца уже прячется за спиной, готовый вырезать первый непослушный язык. Поэтому наемники замерли в седлах, укрывшись в тишине и ожидая возвращения Ксариуса.

— Следы сворачивают с дороги и уходят в горы немного впереди.

У каждого солдата мурашки по спине пробежали, когда раздалось шипение. Но речь стихла, и они смогли различить в мрачном сумраке тень, которая, как ни в чем не бывало, поднялась на коня.

— Они ведут лошадей за собой, похоже, что-то ищут.

Солдаты неуверенно переглянулись, не зная, нужно ли отвечать. Убийца ни к кому определенно не обращался, словно пересказывая известия самому себе. Он задумался и посмотрел вперед, а потом объявил:

— Заночуем здесь. Следам два дня. Если они будут идти пешком, мы нагоним их завтра. Самое позднее послезавтра.

Убийца со столь очевидной радостью сообщил последнюю новость, что каждый наемник в душе поклялся держаться подальше от этого существа, а главное, во что бы то ни стало избегать встречи с ним лицом к лицу.

* * *

Несмотря на жару, приходилось идти в верхней одежде, чтобы спастись от солнечных ожогов. Джером вытер пот со лба насквозь промокшим рукавом, уже не пытаясь найти сухое место на ткани. Легче не стало. Соленая влага попадала в глаза, мешая как следует осмотреться.

На третий день пути Джером и Эллайен вплотную подошли к Кальмирскому лесу, огромному массиву вековых елей и сосен, который обозначил южную границу их поисков. Аспадельская горная гряда, безусловно, тянулась дальше до самого Ниввианского залива. Но, по всем расчетам, Уитлок располагался севернее Кальмира. Так утверждали охотники и рудокопы, заявлявшие, что видели древинов на пути в таинственный город. На это указывали и возникавшие время от времени рассказы тех, кто получил укрытие в крепости древинов во время сильной бури. Счастливчиков, конечно же, высмеивали. Рассказы считали иллюзиями или враньем. Никто не пытался предпринять поход в указанное место. Однако Джерому оставалось полагаться лишь на сказки и легенды.

К сожалению, Кальмирский лес стал скорее символом поражения, нежели успеха. Если Уитлок не будет найден до приближения к границе леса, оставалось только возвращаться на север и прочесывать высокогорные тропы в поисках иллюзорного пути, который приведет к городским воротам. В противном случае Джерому придется сдаться и по требованию Эллайена прекратить безрассудное путешествие и вернуться домой. Ни одна из перспектив не вселяла надежды.

Эллайен брел в нескольких шагах от Джерома, с кислым лицом пережевывая сорванные с пыльного куста ягоды. Сегодня друзья разговаривали еще меньше, чем вчера. Учитывая

складывающиеся обстоятельства, охотник вел себя еще великодушно. С каждым шагом Фейзон все яснее сознавал, что путешествие было ошибкой, и не нуждался в напоминаниях.

Пока Джером разглядывал очередную тропку, Эллайен неожиданно оступился. Лучник отвернулся, чтобы выплюнуть горькую ягоду, и неосторожно подошел слишком близко к краю крутого обрыва. Сначала одна нога, потом вторая соскользнули по осыпавшимся камням. Джером не успел сообразить, что произошло, когда Эллайен сорвался вниз.

Джером выпустил поводья лошади и бросился на помощь другу. Эллайену чудом удалось удержаться. Джером схватил охотника, который отчаянно цеплялся за землю и уздечку своего коня. Животное недовольно храпело и вырывалось, низко нагнув шею и упираясь копытами. С каждым движением лошади вспотевшие руки Эллайена все ниже скользили по кожаному ремню.

— Держись! — закричал Джером, хватая друга за шиворот. Эллайен задыхался от испуга и набившейся в рот пыли, но отказывался выполнять команду и принять помощь Джерома. Он крепче вцепился в поводья, стараясь восстановить равновесие. Вскоре Джерому удалось с трудом вытащить несчастного охотника на тропинку, где он в относительной безопасности мог отдышаться и прийти в себя.

Джером уселся рядом, закрыв глаза и с ужасом представляя себе, что могло бы случиться. Какое-то время никто из них не двигался. Взглянув на друга еще раз и убедившись, что тот жив, Джером попытался было заговорить, но передумал. Упрек? Шутка? И то, и другое — плохая идея. Тут не только вина Эллайена.

Тогда он стал ждать, пока заговорит лучник. Что бы ни сказал Эллайен, Джером заслужил обвинения. Нельзя было позволять охотнику сопровождать его в путешествии. Более того, и самому не стоило пускаться на безумную авантюру и рисковать жизнями ради необъяснимой уверенности и легкомысленного эгоистичного желания.

В конце концов Эллайен отвернулся и вскочил на ноги, даже не взглянув на Джерома. Лучник осмотрел новые синяки и царапины, подхватил поводья и пошел вперед, на этот раз держась на безопасном расстоянии от края обрыва.

Джером горько покачал головой. Такой реакции он никак не ожидал. Любой ответ был в порядке вещей, пусть даже обвинения и досада. Возможно, Эллайен решил, что раскрывать рот и спорить с Джеромом — бесполезная и пустая трата времени. А Джерому, вероятно, тоже лучше было бы подняться и молча

продолжать путь, пока вся эта пытка не закончится.

Тяжело вздохнув, Джером встал, отряхнул пыль, взял под уздцы лошадь и уныло потащился вслед за Эллайеном.

Остаток дня друзья провели в пути. На сердце у обоих было неспокойно. И хотя мили скалистой поверхности могли таить в себе ключи и подсказки, никаких усилий по их поиску более не предпринималось. Падение Эллайена положило конец попыткам Джерома выследить тайное убежище древинов. Усталость и уныние преградили путь к Уитлоку. Город не найти. Джером хотел лишь добраться до Кальмира и разбить лагерь. Ни Эллайен, ни он сам не хотели ночевать среди голых камней. Зато отдых под сенью лесных деревьев — а может статься, кролик или олень на ужин — сослужил бы хорошую службу.

Однако друзья шли медленно, и горные тропы сменились туманным теплом зарослей лишь после наступления ночи. Густой зеленый лес, словно армия бородатых стражников, вырос перед гостями. Друзья пробирались мимо скрюченных стволов и сплетенных ветвей, ступая по хрустящему мягкому подлеску. Теперь Уитлок, без сомнения, остался позади. Надежда на то, что его обитатели почувствуют близость утерянной книги, растаяла. Они могли попросту отказаться от нее. Джером твердо знал лишь то, что больше не получит подсказки со стороны и не найдет Алый Меч — единственное средство защитить себя и родину. Пережив столько испытаний, Джером оказался ни с чем.

Друзья остановились на небольшой прогалинке, мало-мальски напоминавшей поляну, и принялись поспешно расседлывать коней. Джером дернул дорожную сумку, ремешок выскользнул, и книга выпала на землю. Джером посмотрел на находку. Была бы возможность, он бы запустил ее в ближайший колодец. Вместо этого Джером удовлетворился пинком по кожаному переплету и потянулся за постелью.

Эллайен не стал заниматься обустройством ночлега. Он просто уселся под деревом и закрыл усталые глаза. Джером последовал примеру друга, примостившись под одеялом на прохладной, усыпанной иголками земле. Все волнения и страхи быстро остались позади, и друзья погрузились в глубокий сон.

Глава 13

Небо заполонили драконы, скользившие на воздушных волнах, будто гигантские черные корабли. Чудовища кружили смертоносной бурей в вихрях широких крыльев, изрыгая пламя и сотрясая землю оглушительным ревом. Черные силуэты купались в алом и золотом море. Казалось, само небо охватил тысячеголовый пожар и окутал долину жадными огненными языками.

Войско финлорианских эльфов бросилось врассыпную, спасаясь бегством. Воины кинулись к горам, где укрывались в расщелинах и трещинах, припадали к склонам, взбирались на вершины холмов. Одни безуспешно пытались поразить крылатых титанов стрелами и копьями, крики других тонули в оглушительно ревущем пламени, кожа таяла на костях, а кости обращались в пепел. Жадные зубы и острые когти рвали сталь и плоть, словно тающий воск.

Укрывшись от страшной битвы за огромным валуном, Эллайен наблюдал издалека. От поля сражения его отделяла широкая изрытая канавами долина. Эльфы сражались самоотверженно, но были обречены на поражение. Охотник еще никогда не становился свидетелем столь великого сражения. Казалось, что стая хищных птиц, ястребов или соколов разворошила муравейник. Финлорианцам не суждено было выстоять, как и зиме не прийти на смену весне в круговороте жизни. Беззащитным эльфам оставалось лишь надеяться на милость врага, не знавшего ни жалости, ни пощады. Даже слепой понял бы это по запаху горелой плоти и душераздирающим крикам.

И вдруг среди финлорианского войска зародился странный звук, который мощной волной подавил и утопил рев и гул огненной атаки. Грохот привлек внимание Эллайена и заставил его опасливо выглянуть из-за валуна. Охотник раскрыл рот от изумления. С дальнего склона ввысь устремился поток алого пламени, поразив крылатого змея, подлетевшего слишком близко. Огонь поглотил плоть и стальную чешую, в считанные мгновения обратив зверя в тлеющие уголья, со свистом посыпавшиеся на землю.

Новые столпы пламени вырвались из одной точки, словно притягиваемые монстрами. И каждый раз итог был неизменен. Крылатые змеи горели словно бабочки, не способные противостоять огненным нитям.

Эллайен не верил своим глазам. Ход битвы претерпел

изменения. Неустрашимые драконы приготовились атаковать источник угрозы, но один за другим были сметены с небес. Оставшиеся чудовища замерли в нерешительности. Постепенно монстры повернули хвосты к ненавистному огню, и мощные крылья унесли их прочь.

Буря ликования не утихала. Эллайен всматривался в скалы в поисках источника таинственного пламени. На каменистом уступе появились девять эльфийских генералов. Они сжимали в руках легендарные Мечи Азахиля, из которых и струились потоки алого огня. Спасители обращали в пепел монстров, отказавшихся отступить. Сила мечей казалась безграничной. Эллайен с восторгом глядел на неиссякаемый источник божественной энергии, способной, как гласили легенды, сотворить мир.

Захваченный волной всеобщего ликования, Эллайен поднялся на ноги. Всмотревшись в лица спасителей, он неожиданно оторопел от изумления. Джером! Джером один из них! Нет, не ошибка, не галлюцинация. Его друг стоял в ряду эльфийских воинов. Оружие Джерома поразило еще одного монстра. Но в пылу битвы юноша не заметил, как за его спиной на землю бесшумно опустилась тень. Не заметили и другие воины. Лишь Эллайен из своего укрытия видел, как мстительный призрак подкрался, чтобы унести с собою жизнь противника. В это мгновение дракон зарычал, и окровавленные когти сверкнули в солнечных лучах…

Джером с удивлением смотрел на приятеля, который вел себя очень странно. Сначала он беспокойно ворочался, потом долго таращился в темноту, испуганный видением, растаявшим вместе со сном. Лучник неуверенно озирался, крутил головой.

— Плохой сон?

Эллайен не сразу обернулся на голос друга.

— Не уверен.

Джером решил больше не расспрашивать и вернулся к парочке перепелок, которые жарились на небольшом вертеле.

— Завтракать будешь?

Эллайен задумался, но потом потянулся к огню. Джером убрал вертел и подал лучнику птицу на кинжале. Некоторое время приятели молча грызли горячую дичь. Наконец Эллайен нарушил неловкое молчание.

— Ты хорошо спал?

Джером искоса поглядел на охотника.

— Нормально, — пробормотал он, не переставая жевать, и пожал плечами. — А ты?

— Бывало и лучше.

— Болит что-нибудь?

— А-а, пройдет.

Джером снова умолк, не зная, что говорить дальше. Юноша не спешил возобновлять беседу, чтобы не нарваться на возможные последствия. С другой стороны его молчание позволяло Эллайену самому выбирать тему, чего Джерому не больно-то хотелось. Он дожевал, проглотил кусок и кашлянул.

— Не понимаю, — признался Джером, — зачем понадобилось подкидывать мне книгу, а потом уклоняться от встречи?

Эллайен покачал головой и отвечал с набитым ртом:

— Ты не знаешь, чья это книга, не говоря уже про желание с тобой встречаться.

Джером про себя усмехнулся. Ему все-таки удалось направить мысли друга в нужную сторону.

— Тогда это судьба.

— Судьба?

— А что еще? Если бы древины хотели передать мне знания из книги, они пришли бы за нами. Но они не появились. Значит, за этим стоит иная сила — книга, сны. Я отказываюсь признавать, что случившееся — простое совпадение.

Эллайен казался подавленным и необычно задумчивым.

— Наверное, — нехотя согласился лучник. У Джерома челюсть отвисла от удивления. — Если и совпадение, то очень тревожное. Но я настаиваю, что это может быть все что угодно.

— Например?

— Ну, не знаю, — промямлил охотник. — Думаю, ты видишь только то, что хочешь видеть. Теперь ты поверил, что не древины, а судьба ведет тебя? Отлично. Я лишь пытаюсь разобраться в причинах.

Эллайен посмотрел в лицо Джерому, но тот сразу же потупил глаза.

— Ты не собираешься возвращаться. — Охотник был уверен в собственной правоте. — Хочешь в одиночку разыскать Трак-Симбоз.

Джером разворошил палкой угли.

— Я не прошу тебя идти со мной.

Эллайен устало вздохнул, словно всю ночь не смыкал глаз. Джером еще никогда не видел его таким унылым.

— Гром и молния, кто-то же должен. Иначе я никогда не узнаю, что с тобой сталось.

Джером поймал себя на том, что в изумлении смотрит на приятеля. Он тут же поспешил скрыть растерянность.

— Эллайен, если с тобой что-то случится по моей вине…

— А ты не считаешь, что я могу и сам отвечать за свои поступки?

— Но тебе бы и в голову не пришло…

— Да, не пришло бы, — согласился Эллайен. — Но, похоже, переубедить тебя не удастся.

— Ты уверен? — колебался Джером.

Эллайен рассмеялся.

— Нет, не уверен. Откровенно говоря, я считаю тебя сумасшедшим. А от твоего безумия и мне становится нехорошо. — Лучник покачал головой и с сомнением посмотрел на Джерома, словно не узнавая его после долгой разлуки. — И опять же, если я ошибаюсь… Если есть хоть малейший шанс найти Меч, свершится такое, о чем сотни, тысячи лет никто и мечтать не смел. Тогда риск оправдан.

Джером с подозрением покосился на приятеля.

— Как же Куурия? Как же Дилн и твоя семья?

— А, семья сама о себе позаботится.

— Эллайен…

— Самое страшное — не найти Трак-Симбоз или Меч. А дома подождут.

Эллайен трещал, не давая Джерому и слова вставить, и тот смотрел на охотника с настороженным скептицизмом.

— Слушай, мы сейчас на полпути. Если больше нам делать нечего, следует продолжить поиски. К тому же, ты ни за что не расстанешься со своей легендой, пока окончательно не убедишься, что это ложь.

— А если легенды окажутся правдой?

— Тогда что-то мне подсказывает, жизнь наша переменится самым невероятным образом.

Джером был обескуражен. Он ожидал от Эллайена битвы, яростных нападок на свои глупые и безрассудные выдумки. Джером не понимал, почему Эллайен так резко изменил свою позицию. Он приготовился самоотверженно держать оборону, а противник сдался без боя. Еще одно чудо в череде совпадений. Знак судьбы следовать уже выбранному пути?

Друзья продолжали смотреть друг на друга, и каждого тревожили неясные и смутные мысли. Решение было принято без слов.

Завтрак завершился в тишине. Друзья не спешили покидать уютную поляну. Шепот деревьев наполнял душу тоской полому, оставляя сладкий с горчинкою привкус. Джером был рад оставить труднопроходимые горные тропы и окунуться в прохладу тенистого леса, в шелест листвы, в ароматы трав и цветов.

Друзья шагали по мягкому подлеску, купаясь в лужицах солнечного тепла и прохладных теней, плечом к плечу с озорником-ветром. Джером приободрился. Крепкий сон и добрый

завтрак разогнали вчерашнюю усталость, а новый огонек надежды прибавил сил. Теперь, когда было принято решение разыскать Меч, юноше больше не требовалось отстаивать собственные убеждения. Джером чувствовал, что гора свалилась с плеч. Впервые за долгое время он начал делать что-то полезное. Неожиданная уверенность и легкость, с которой началось путешествие, развеяли уныние и разогнали заботы.

А их оставалось немало. Одолеть все трудности разом невозможно. Теперь перед друзьями лежала туманная и неопределенная дорога, и Джером боялся, что необходимость сделать решительный выбор положит конец их перемирию. Проще идти по северным дорогам. Но, учитывая постоянную войну между Партой и Мензо, любой путешественник, не предоставивший убедительных объяснений, признавался шпионом и имел весьма небольшие шансы избежать мучительной смерти. Джером, конечно же, всегда мог рассказать правду, в которую и сам с трудом верил. Такая история вряд ли убедила бы подозрительных чиновников Парты в его невиновности.

Оставалось только держаться прежнего курса и двигаться вдоль южных окраин Кальмирского леса. Путешествие сквозь густые заросли грозило затянуться на неопределенное время. К тому же друзьям предстояло вплотную приблизиться к юго-восточному полуострову Восгес — земле топей и болот, населенной лишь племенами муукла'аянцев, известных людоедскими наклонностями и кровожадными обычаями. Не имея ни малейшего желания быть съеденным заживо, Джером давно принял решение и шагу не ступать на земли аборигенов.

Однако более безопасного пути друзья не находили. Можно нанять лодку, чтобы обогнуть полуостров Восгес. Но ни денег, ни времени на это не было, даже при условии, что удастся найти храбреца, который отважится причалить у скалистых берегов Скуллмара. Поразмыслив, Джером пришел к выводу, что единственный путь лежит через Кальмир. Узкая полоска между воинственными партанцами на севере и кровожадными муукла'аянцами на юге земли обещала подарить приятелям из Дилна самое захватывающее приключение в их жизни.

Значит, так тому и быть. Настоящее путешествие началось, и куда бы ни привела Джерома дорога, юноша твердо намеревался пройти ее до конца, преодолев все опасности и невзгоды.

* * *

Ксариус Тализар опустился на усыпанную иголками землю,

приняв позу полной боевой готовности. Наемники столпились где-то за деревьями, там, где убийца оставил их. Их присутствие ставило под угрозу все расследование, чего Ксариус не мог допустить, так близко подобравшись к жертве.

Ксариус, однако, порядком удивился, что ни один из подручных колдуна до сих пор не попытался избавиться от него. Страх удерживал солдат на коротком поводке. Но трусость рано или поздно толкает на отчаянные поступки. Удар ножом во время сна или, скажем, стрела в спину. Поэтому даже сейчас, оставшись наедине с безмятежным лесом, убийца не упускал из виду ни одну тень, ни один шорох или запах.

Лагерь пустовал. Ксариус понял все еще задолго до того, как выбрался на поляну. Но лагерь определенно был. Трава примята и вытоптана. Кое-где на коре остались следы от веревок, которыми привязывали лошадей. На месте небольшого кострища, выложенного камнями, чернела земля. В иголках валялись остатки завтрака — перья, косточки, потроха птицы. Убийцу в первую очередь интересовало время трапезы.

Он поднес ладонь к кострищу, а затем ткнул пальцем в перчатке в золу. В глубине зола еще оставалась теплой, и угольки сразу же замерцали, перед тем как погаснуть. Ксариус поворошил пепел, в последний раз осмотрел место ночлега и, определив направление, поднялся на ноги.

Охота близилась к концу. Вечером.

* * *

Путешественники из Дилна передвигались внимательно и осторожно, чтобы не привлекать к себе внимания. Тихий и дикий лес стал надежным укрытием от назойливых людских глаз. Не встретив ни тропинок, ни следов, Джером и Эллайен прокладывали свои дорожки, пробираясь сквозь тенистый подлесок. Вокруг кипела жизнь. Лесные обитатели, крупные и помельче, прыгали с ветки на ветку, торопливо перебегали по стволам, копошились в густых зарослях. Любопытные звери и насекомые ни на минуту не отставали от путешественников, выдавая свое присутствие в основном звуками и шорохами, и лишь изредка показывались на глаза.

К вечеру Джером и Эллайен перешли вброд западное русло Изумрудной реки и оказались в старой хвойной части леса. Дубы и кустарники уступили место древним елям — седобородым гигантам, которые без зазрения совести расталкивали соседей, чтобы прикоснуться к лучезарному светилу. Густые тени

сплетенных ветвей затопили лес, словно холодное болото. Из земли торчали мощные корни, а мох и папоротники покрывал ковер из иголок и шишек. Воздух сгустился, наполнился запахами смолы, мха и гниющей древесины.

Друзья неспешно преодолели несколько миль до наступления сумерек. На закате небо вспыхнуло и так же стремительно погасло, уступив место ночи. Тронулись они в дорогу довольно поздно, и не чувствуя особенной усталости, решили не останавливаться и продолжить путь. Глубокой ночью добрались они до восточного русла великой Изумрудной реки. Договорившись отложить переправу до утра, Джером и Эллайен остановились на ночлег. Расположиться решили на поляне возле бегущей реки.

— Я разведу огонь, — объявил Джером, не успев еще спрыгнуть с коня. — А ты раздобудь что-нибудь поужинать.

Эллайен кивнул и, поправив тетиву, скрылся в зарослях.

* * *

Ксариус Тализар напряженно всматривался в ночную мглу. В глазах убийцы таилось предвкушение добычи. Небольшая рощица отделяла его от освещенной огнем поляны. Одинокая фигура склонилась над костром. Человек подбрасывал ветки в огонь. Второго видно не было. Убийца нахмурился. Подождать? Ксариус находился в пути пять дней и наверстал упущенное. Обнаружив следы Джерома на севере Аспадельских гор, он решил, что нагонит жертву в ближайшее время. Прошло двое суток, пока он наконец-то добрался до цели. На рассвете пойдет восьмой день с тех пор, как Джером покинул свой лесной дом. Терпение убийцы заканчивалось.

Однако же, как узнать, кто стоит у костра — Джером или Эллайен? Самый верный способ — схватить обоих. Но нападение на одного может встревожить другого.

Убийца взвесил свои шансы. Желание колдуна заполучить Торина живым только усложняло дело. Ксариус не желал вступать в драку со связанными руками. Самой большой ошибкой неопытного убийцы является схватка с человеком, чьи силы и мастерство неизвестны, а уничтожить которого нельзя. Именно такая ситуация сложилась теперь. Ксариус считал наемников в лучшем случае ненадежными союзниками. Вероятно, настало время испытать солдат колдуна. При таком раскладе вариантов развития событий становилось больше.

Решение Ксариус принял за считанные секунды.

Следуя указаниям убийцы, наемники оставили лошадей в лесу и тихо окружили поляну. Ксариус наблюдал за солдатами из укрытия и контролировал каждое движение, предоставляя им время занять позиции. Убедившись, что все замерли на местах, он вышел к лагерю поприветствовать свою жертву.

Юноша — Джером или Эллайен — собирал ветки, повернувшись спиной к убийце. Ксариус не тревожил его, позволив завершить начатое. С полными хворосту руками сложнее вытащить меч. Убийца остановился у костра и ждал. Наконец молодой человек обернулся, онемев от удивления.

— Не тебя ли называют Торином, принцем Олсона?

Поначалу юноша изумленно взирал на незнакомца.

— Ты кто? — недоверчиво спросил он. Трудно сказать, что удивило его больше, осведомленность незваного гостя или же его внешность.

Внезапно из зарослей вырвались солдаты и набросились на юношу. Он бросил хворост и схватился за меч. Но не успел юноша дотянуться до рукоятки, как его повалили лицом на землю с крепко связанными за спиной руками.

Убийца приблизился к пленнику и опустился на колено.

— Имя.

В ответ молодой человек выплюнул изо рта грязь, вырываясь из рук нападавших.

Ксариус уперся ногой в горло жертвы. Золотистый свет костра блеснул на лезвии кинжала, который через мгновение впился в кожу под левым глазом несчастного.

— Спрошу еще раз, останешься без глаза.

— Джером! — прохрипел тот, прекратив сопротивление. — Не знаю никакого Торина!

— А где твой друг?

— Я иду один, — буркнул Джером. — Дьявол, да кто вы такие?

Ксариус сделал вид, что не расслышал вопроса. Убийца задумчиво рассматривал струйку крови, побежавшую по лицу жертвы. Джером. Торин. Как бы он ни называл себя, юный принц попался. Похоже, допрос закончен. Колдун не упоминал о спутнике Торина. Эллайен не присутствовал при поимке Джерома, а, значит, нет смысла искать его.

Все же убийце не хотелось оставлять в живых кого-либо, кто мог бы затеять погоню на обратном пути в Кринуолл. Охота продолжалась слишком долго, чтобы столь стремительно и просто завершиться. Убийца изголодался по добыче, которая бродила по ближайшему лесу. Может быть, колдун закроет глаза на время, потраченное на поиски пропавшей половинки славного

дуэта. Как он узнает?

Узнает, быстро поправился убийца. В конце концов он колдун, а чародеям с их фокусами доверять не следует. Да и солдаты состряпают собственный отчет об охоте. Если только убийца не позаботится о них, что вновь потребует нежелательных объяснений. Любые действия нуждались в справедливом оправдании.

Ксариус посмотрел на Джерома. Мальчишка утверждал, что путешествует один, но убийце было известно, что он лжет. Ксариус усмехнулся под капюшоном. И впрямь, откуда ему знать, что перед ним Джером? С тем же успехом это может быть Эллайен, солгавший, чтобы защитить друга. И обман стоит раскрыть до прибытия в Кринуолл.

Зачем только тратить время на розыски? Ясно, что друзья преданы друг другу. Приятель Джерома скоро объявится сам. Вместо того чтобы мчаться в Кринуолл сломя голову и отрываться от возможной погони, Ксариус отправится неспешным шагом и позволит второму путешественнику из Дилна догнать себя.

— Утихомирьте его.

Солдаты послушно заткнули кляпом рот жертве, которая почти перестала сопротивляться. Подав знак рукой, убийца покинул поляну. Псы отправились следом, утащив с собой Джерома.

Глава 14

Эллайен пробирался по густым, льнувшим к земле зарослям, обходя предательские вьюны и корни. Конь волочил тушу молодого оленя, мяса в которой было больше, чем они с Джеромом смогли бы съесть. Выбрасывать излишки не входило в привычки охотника, и друзьям, если они решились пуститься в безрассудное путешествие, необходимо было нечто более существенное, чем корешки да ягоды. Оставалось только взять то, что предлагали лесные кладовые. В прохладном ельнике можно засолить и высушить достаточно мяса на несколько дней. А что останется, даром не пропадет. Будет чем поживиться стервятникам.

Несмотря на то, что сам он считал поиски Меча откровенной блажью, охотник пребывал в прекрасном расположении духа. Путешествие по незнакомой и дикой земле, где выживание зависело лишь от сноровки и чутья, придавало бодрости. Ночью Эллайен почувствовал себя намного лучше, чем за все прошедшие дни. Волнение отступило, и он оживился. Не находя своим чувствам объяснений, Эллайен принимал их и доверял им всецело.

Беззаботно посвистывая, он вел за собой коня с тяжелой ношей по той же узкой звериной тропе, которая и привела охотника к добыче. Призрачный свет звезд струился сквозь лесную крышу, разбавляя серебром густую тьму. Невидимые за деревьями речные воды напоминали о себе ровным гулом и журчанием. Скоро Эллайен оторвал взгляд от тропинки и заметил блеск огня сквозь сплетение ветвей — верный признак, что рядом поляна, где у костра ждал Джером. Ускорив шаг, Эллайен повернул на свет.

Торжествующим кличем Эллайен возвестил свое появление на поляне, указывая на оленью тушу.

— Надеюсь, приятель, ты проголодался, потому что…

Человек у костра поднял голову. Эллайен застыл с улыбкой на лице. Поленья ворошил кто угодно, только не Джером. Окинув взглядом поляну, охотник осторожным движением снял с плеча лук и потянулся за стрелой.

Не успел он занести руку, как стрелу выбил камень. Эллайен изумленно уставился на незнакомца.

— Ну-ну, — пропел тот, как ни в чем не бывало. — Еси хош увидеть сваво друга опять, лучшее те со мной сначала познакомиться, а потом стрелять.

Эллайен потер ушибленные пальцы и подозрительно

поглядел на фигуру, но угрозы на время оставил. Незнакомец в серо-зеленом плаще сидел неподвижно, откинувшись на ствол гигантский ели. Затем он поднял руки и убрал капюшон, открыв охотнику изящное загорелое лицо. Темно-русые непослушные волосы падали на плечи. Карие глаза встретились с взглядом лучника. Лукаво улыбаясь, незнакомец с любопытством ожидал, что тот предпримет.

Эллайен остолбенел. Мальчишка какой-то! Не старше шестнадцати, а камнем только что так… Лучник не без труда справился с неожиданно нахлынувшим желанием запустить стрелу в самодовольную физиономию у костра. Но он не посмел. После такого обмена любезностями следовало сначала услышать от незнакомца обо всем, что случилось в его отсутствие.

— Хорошего зверя приволок. Можно мне тож поужинать?

Эллайен с трудом верил своим ушам. Да кем себя возомнил мальчишка?

— Где Джером? — потребовал ответа лучник.

— Жером? А, да. Друг твой. Они его увели совсем недавно.

— Кто?

Парнишка пожал плечами.

— Не знаю еще. Хотел разнюхать про всю вашу заварушку сначала.

— Откуда знаешь, что его увели?

— Наткнулся на парочку солдафонов вон тама, — сказал парень, кивнув в сторону кустов на краю поляны. — Они тя ждали. Сказали, у них приказ тя отвести, куда друга тваво отвели.

Эллайен с подозрением выслушал, пытаясь сложить все кусочки воедино. Очевидно, людей, о которых говорил парень, больше здесь не было.

— А ты кто такой? Не один ли из них? С чего они станут тебе докладывать?

— Кто я такой, тя не касается, — возразил паренек. — Одного я убить, а другому грозил язык отрезать.

Эллайен снова с любопытством посмотрел на кусты, куда указал паренек.

— А что ты сделал с тем, кто заговорил?

— Убить. Язык, конечно, оставил. Сходи, пожалуй, посмотри.

Эллайен отрицательно покачал головой.

— Куда они пошли? — спросил лучник, решив отделаться от наглеца и отправиться наконец за другом.

— У тя вопросов больше, чем ответов, — заметил паренек. — Хотел бы я, чтоб ты мне кой-чего пообъяснил.

— Куда? — повторил Эллайен.

— На запад. Только мне сказали, что их четырнадцать да

двое, которых я прирезал. По-любому, ты ж на дюжину не пойдешь с луком.

У Эллайена руки зачесались показать нахальному юнцу, как стреляет его лук. Но в словах нового знакомого была доля истины. Если паренек вообще сказал хоть одно правдивое слово.

— Я б те помог, знаешь, если обещаешь потом угостить олениной.

— С чего мне тебе верить?

Паренек усмехнулся.

— Еси я б хотел убить тя или тваво друга, вы б давно померли.

Эллайен нахмурился. Судя по всему, парень не шутил.

— Ну? Чо скажешь?

— Скажу, что времени больше тратить не собираюсь, — прорычал охотник. — Не откажусь от помощи. Надеюсь, ты хоть наполовину так хорош, как тебе кажется.

Парень улыбнулся и, бесшумно и легко подпрыгнув, моментально оказался на ногах. Эллайен даже вздрогнул от удивления.

— Килак Кронус, — представился паренек и тут же перешел на внятную речь. — Ремеслом — бродяга. Рад знакомству.

— Эллайен, — ответил охотник, неожиданно смутившись.

Килак добродушно улыбнулся.

— Давай-ка повеселимся!

Вдвоем они покинули поляну и отправились по заметному следу, скрывать который большой отряд даже не собирался. Шли под покровом молчаливой ночи, оставив коня на поляне. Охотник, всегда гордившийся своей способностью оставаться невидимым, был потрясен мастерством нахального мальчишки. Казалось, тень Эллайена шелестит листьями, ломает ветки и топчет иголки громче, чем физическое тело Килака. Самым необъяснимым образом парень совершенно исчезал из виду, когда опережал охотника всего на несколько шагов вперед. Серо-зеленый плащ сливался с листвой, словно кожа хамелеона.

Вскоре Килак жестом приказал спутнику остановиться. Эллайен повиновался, всматриваясь в паутину ветвей. На расстоянии двадцати шагов он заметил человека в черной кольчуге, который плюнул на грязную дубину с острыми шипами и принялся ее полировать. Эллайен обернулся к притаившемуся рядом Килаку, но на его месте остались лишь дрожащие листья папоротника. Охотник вздрогнул, уверенный в предательстве паренька, и взволнованно оглянулся в поисках пути к отступлению. Через мгновение он увидел, как зазевавшийся солдат опустился на колени. Из его горла хлынула кровь. Килак

бесшумно опустил тело на землю и в следующую секунду очутился рядом с Эллайеном. Не проронив ни слова, мальчик лукаво улыбнулся и вытер изящный кинжал небольшим черным платком.

Эллайен отвернулся, пряча изумленную улыбку, и заметил второго стражника в тридцати шагах справа. Не дожидаясь новых подвигов от молодежи, охотник вынул стрелу и натянул тетиву.

— Нет, — зашипел Килак, предугадав намерение Эллайена.

Поздно. С глухим ударом стрела впилась в горло жертве, пробив трахею. Захлебываясь кровью, солдат повалился на землю. Эллайен довольно улыбнулся Килаку, тот в ответ почтительно кивнул.

Подобным образом парочка обогнула поляну и отправила на тот свет еще четверых караульных. К концу обхода каждый заручился уважением товарища. Килак никогда еще не видел столь искусного обращения с луком и даже попросил Эллайена обучить его меткой стрельбе. Эллайен в свою очередь был искренне поражен мастерством Килака. Мальчишка, словно точный инструмент, не допускал ни малейшей ошибки. Неуловимые движения опережали время, и в мгновение ока новый противник отправлялся к праотцам. Эллайен никогда не поверил бы, что человек способен проявлять такие чудеса скорости и ловкости, если бы не видел Килака собственными глазами. И охотнику не терпелось обучиться этим приемам. Но сначала спасти Джерома.

Караул был обезврежен, и спутники беспрепятственно пробрались во вражеский лагерь. Семеро солдат спали вокруг затухающего костра. Неподалеку в ряд стояли привязанные лошади, среди которых Эллайен разглядел коня Джерома. Самого Джерома, однако, нигде не было.

— Джером? — отчаявшись, прошептал лучник.

Килак пожал плечами и указал на спящих наемников. Ответить он не мог, но знал, у кого спросить.

Охваченный тревогой, Эллайен еще раз огляделся и последовал за Килаком. В темноте блеснули лукавая улыбка и тонкий кинжал, и паренек принялся за дело. Но, нагнувшись над жертвой, он моментально отскочил назад, едва увернувшись от меча.

— Проклятый убийца! — заревел солдат. — Знал, что тебе доверять нельзя.

Наемник вскочил на ноги и в изумлении остановился, разглядев нападавшего. Килак тем временем скинул плащ и приготовился к бою. На нем были свободные штаны и рубаха того же серо-зеленого цвета. В левой руке он держал кинжал, а в

правой вдруг оказался длинный меч необычного экзотического вида с тонким изогнутым клинком и гардой причудливой формы.

Солдат пришел в себя и бросился в атаку с мечом в руках. Одним движением Килак уклонился от нападавшего и нанес серию ударов с разворотом вокруг собственной оси. Словно капли дождя, лезвия легко впивались в доспехи. В конце концов, сквозь спину меч поразил сердце солдата. Солдат бросил на неуловимого противника последний отчаянный взгляд.

Тело его обмякло, ноги подкосились. Килак повернулся и поприветствовал шестерых солдат, обнаживших оружие.

— Спрячься за мной! — приказал он.

Сам не зная почему, Эллайен повиновался. Мальчишка против шестерых солдат? И тем не менее охотник укрылся за спиной юного воина, приготовившись выпустить парочку стрел до того, как…

Придя в себя и не тратя времени даром, опытные солдаты, как один, ринулись в атаку. Три меча, два копья и топор против легко вооруженного юнца. Но Килак стоял неподвижно. Несколько неуловимых движений, и двое с копьями оказались на земле. Кольчуга вновь не спасла от клинков.

Будто танцуя, Килак перемещался вперед и назад. Клинки без остановки резали воздух. Еще двое солдат упали, третий взвыл, когда меч его оказался на земле, а кулак продолжал сжимать рукоятку. Сил калеке придала ярость, и он вновь и вновь поднимал меч против своего юного противника. И каждый раз меч отступал перед безупречной защитой Килака. Под каким бы углом ни атаковал клинок солдата, кинжал готов был встретить удар, а тонкий меч озорно щекотал противника в бока, распаляя его гнев. Через некоторое время солдат захрипел и повалился на землю. Ручейки крови струились из сотни крошечных порезов, быстро наполняя лужу под его телом.

Килак обернулся к потрясенному охотнику.

— Так себе драка, — чуть отдышавшись, усмехнулся паренек.

— Отличная работа, — прошептал в ответ Эллайен.

Лучнику пришлось вновь внимательно приглядеться. Вскоре он убедился — глаза его не обмануты игрою света и тени, перед ним человеческая фигура. Черные одежды, кроем напоминавшие плащ Килака, превратили ее в невидимку. Но за костром действительно притаился человек, согнувшийся над крепко связанным Джеромом, который лежал на животе. Кончик кинжала неспешно скользил вдоль позвоночника пленника. Эллайен прицелился.

— Отпусти его, Тализар, — спокойно потребовал Килак, прищурив глаза. Перемена тона и позы не ускользнула от

Эллайена. Беззаботный юноша словно притих, узнав бесформенную тень и приготовившись к суровому бою.

— Это дело тебя не касается, Кронус, — прошипел убийца. Не спуская глаз с Килака, он обратился к Эллайену: — Меня удивило твое мастерство, лучник. Я видел, как ты расправился с моими увальнями. Если шевельнешься, твой друг умрет.

Эллайен напрягся. Джером застонал, прижатый коленом, и с мольбой посмотрел на охотника, будто пытаясь закричать, предупредить, но ему мешал кляп. Эллайен оценил обстановку и медленно опустил лук.

— Глупец, — выпалил охотник. — Как ты собираешься уйти без своих солдат?

— Напротив, благодарю тебя за оказанную услугу.

— Отпусти его, — повторил Килак, — и ступай своей дорогой.

Убийца Тализар, даже не поморщился.

— Они мои, Кронус. Лучше тебе не вмешиваться.

Эллайен смотрел то на одного, то на другого. Оба замерли без единого движения. Видно, ребята давно что-то не поделили. Эллайену было ужасно интересно, но он предчувствовал столкновение, от которого лучше держаться в стороне.

Вдруг Эллайен поглядел в сторону Джерома и оцепенел от ужаса. В какой-то момент Джерому удалось высвободить руки. И теперь, когда убийца отвлекся на своего юного противника, позабытый Фейзон по всей видимости собирался совершить страшную глупость.

«Джером! Нет!»

Может быть, убийца прочел мысли Эллайена. Или давно чувствовал неладное со стороны Джерома. Когда Джером вывернулся, чтобы схватить кинжал, Тализар загнал клинок ему в спину. Килак Кронус, почувствовав движение столь же быстро, как и убийца, устремился на врага. Упустив момент для смертельного удара, Тализар вынужден был пустить в ход оружие для зашиты от Килака.

— Нет! — заорал Эллайен, прицелившись в убийцу. Слишком поздно. Две тени слились в смертельном танце, один не отделим от другого.

— Нет! — снова в отчаянии взвыл охотник. Отбросив в сторону бесполезное оружие, он бросился к Джерому, который корчился и барахтался на земле, отчаянно пытаясь дотянуться до кинжала в спине.

Эллайен взглянул на кинжал, на муки друга.

— Не шевелись.

Не тратя ни секунды, охотник вырвал кинжал. Джером

захрипел, захлебываясь. Эллайен вынул кляп, но слишком поздно. Глаза Джерома закатились, тело вздрогнуло и замерло.

Сердце Эллайена едва не вырвалось из груди, пока он нащупывал пульс и осматривал тело. Кровь быстро наполняла рану, оставленную кинжалом. Клинок вошел достаточно глубоко, чтобы повредить легкое и, может быть, задеть сердце. Если внешнее кровотечение еще удалось бы контролировать, то остановить внутреннее было невозможно.

Растерявшись от страха и не веря в случившееся, Эллайен крепко сдавил рану в надежде спасти друга от смерти.

А в это время разгоралась удивительная, завораживающая битва. Эллайен подозревал, что видит лишь продолжение, но не начало. Ни один из воинов на первый взгляд не имел преимущества. Каждый казался скорее совершенным механизмом, нежели живым человеком, способным отступить от заданной цели. Схватка кипела подобно неуемной буре, и ярость битвы росла, словно каждый удар подливал масла в огонь. Противники закружились в бесконечном танце, который набирал силу с каждым новым выпадом и взмахом.

Затуманенными от гнева глазами Эллайен следил за сражением, с радостью встретив удар Килака в грудь убийцы. Но вскоре понял, что не различает в вихре клинков оружия друга и врага. Оставалось рассчитывать только на собственный лук. Стоит Тализару победить, и в мгновение ока стрела пробьет убийце череп. Джерома это не спасет, но гореть Эллайену в аду, если убийца друга уйдет безнаказанным.

Неожиданно битва завершилась так же стремительно, как и началась. Тализар оказался на спине, сжимая в руке изящную рукоять сломанного клинка. Не успел он коснуться земли, как Кронус навалился сверху и, выбив ногой обломок оружия, приставил меч к горлу соперника.

— Ты проиграл, Тализар! — с усилием прохрипел победитель.

— Я еще дышу, — отказался признать поражение убийца. Килак замер в нерешительности, словно не знал, что делать дальше.

— Убей его! — подсказал Эллайен, недоумевая, почему Тализар еще жив.

Килак, словно не замечая Эллайена, впился взглядом в лицо поверженного убийцы. Между ними продолжался безмолвный поединок. Внезапно ликование Килака отступило, и убийца зловеще улыбнулся. Гневное пламя в его глазах потухло, оставив лишь холодный блеск.

— Твой отец будет недоволен, — усмехнулся Тализар. — До

новой встречи?

Килак нахмурился. Взглядом он пронзал убийцу насквозь, проникая в самую душу. Без предупреждения клинок оторвался от горла и оставил на руке Тализара глубокий след от локтя до запястья. Убийца скорчился, но не издал ни звука. Он поднялся на ноги и отшвырнул остатки меча. Держа оружие наготове, Килак отступил на шаг.

— Когда мы встретимся в следующий раз, — глаза Тализара мерцали, словно угли, — исход решит не оружие! — Тализар бросил на прощанье проклятие и скрылся между деревьев.

Стрела поспешила убийце вслед. За нею следующая разрезала воздух. Эллайен в третий раз натягивал тетиву, когда Килак вырвал лук из его трясущейся руки.

— Ты дал ему уйти! — взвыл Эллайен.

— Я сделал все, что мог, — напомнил Килак, взглянув через плечо охотника на неподвижное тело Джерома. — Твой друг жив?

— Едва ли, в отличие от проклятого убийцы, — прорычал Эллайен, с трудом сдерживая слезы.

Килак внимательно рассмотрел кинжал, который Эллайен вытащил из спины Джерома.

— Клинок скорее всего отравлен, — неспешно заключил паренек.

— Что?

— Он знает свое дело.

Эллайен вздрогнул, борясь с отчаянием. Отравлен клинок или нет, судьба Джерома решится через несколько минут. Лучник подавил гнев. Необходимо искать выход.

— Что же делать? Я даже не могу остановить кровь, о противоядии и говорить нечего.

— Неподалеку есть одно местечко, — сказал Килак и посмотрел на лошадей. — Его нужно отвезти туда. Немедленно.

Не задавая лишних вопросов, Эллайен бросился за лошадью. Килак искусно обработал и перевязал рану Джерома, в очередной раз удивил охотника. Наконец они вдвоем погрузили бесчувственное тело Джерома на лошадь. Эллайен уселся в седло рядом с другом, а Килак отпустил остальных животных. Одного коня парень оставил себе и, не теряя времени, прыгнул в седло. Спутники пришпорили коней и помчались сквозь лес.

Всадники неслись сломя голову, практически вслепую. Насколько мог судить Эллайен, они скакали без дороги и тропы, и тревога тяжелым грузом легла на сердце охотника, словно безжизненное тело Джерома на конскую шею. И все же охотник доверял новому знакомому. Приходилось доверять. Изо всех сил подгоняя коня, Эллайен следовал за Килаком, который уверенно

и точно пробирался сквозь деревья, будто тысячу раз путешествовал по этому маршруту.

Отчаяние Эллайена возрастало с каждой ускользавшей минутой. Джером вздрагивал и стонал в лихорадке, не приходя в сознание. Воспоминания волной нахлынули на охотника. В сознании проносились отрывки из жизни, где Джером всегда занимал добрую половину. Смерть друга детства казалось невозможной, невероятной. Все случилось слишком быстро, слишком неожиданно. Лучник не мог представить себя без Джерома. Но кошмар неотвратимо превращался в реальность. Джером умирал. И воображение Эллайена было бессильно помочь ему.

Несмотря на все усилия, Эллайен никак не мог отогнать от себя мрачные мысли. Лучник сосредоточился на фигуре впереди, вглядываясь сквозь хлещущие ветки и густой кустарник в удалявшийся силуэт Килака. Серо-зеленый плащ вздувался и вился на ветру, словно разорванный парус. Кто этот паренек? Откуда пришел? Почему помог им? Он без колебаний убил солдат. Но почему оставил в живых Тализара?

Внезапно лес расступился, и всадники оказались у Изумрудной реки. Килак припустил еще быстрее. Он не замедлил хода даже на илистом вязком берегу и на всем скаку влетел в ледяную воду. Река мгновенно поглотила его, и мощные воды понесли всадника вниз по течению. Эллайен чувствовал, как напрягались и расслаблялись мышцы коня, когда он боролся с потоком, устремившись к противоположному берегу. Джером застонал. Эллайен подхватил друга за шиворот, удерживая его голову над водой. Килак уже приближался к суше, а конь Эллайена храпел и выгибался под тяжкой ношей. Эллайен не сразу сообразил, что его конь выберется на берег далеко от Килака. Животное теряло силы, уносясь ниже по течению, и начинало тонуть, поддаваясь холодному потоку. Вода поднималась выше и выше и уже доходила Эллайену до груди. Когда тело Джерома чуть не соскользнуло, лучник отчаянно позвал на помощь.

— Килак! Помоги!

Паренек резко повернул голову и заметил, что спутникам угрожает опасность. Килак погнал коня вперед. По всей видимости, он решил сначала добраться до берега, а уж потом помочь. Эллайен не на шутку встревожился. Расстояние скоро увеличится так, что ни одна веревка не достанет. Времени не оставалось.

Лучник уже собирался вновь окликнуть Килака, когда тот, по всей видимости, рассудил точно. Паренек вытащил из воды

веревку, привязал ее к седлу и, взяв в руки свободный конец, скрылся в бурлящем потоке. Килак быстро плыл к друзьям по течению. Поток ускорялся, приближаясь к одной из развилок на пути к Ниввианскому заливу. Холод сковал тело Эллайена. Мышцы онемели и отказывались слушаться. Когда Килак подобрался к ним, лучнику приходилось стискивать зубы, чтобы они не стучали.

— Держись! — Голос Килака перекрывал шум потока.

Эллайен повиновался. Оцепеневшими непослушными руками он поймал веревку и привязал к седлу. Вскоре веревка потянулась вслед за первой лошадью, которая плыла к берегу, таща остальных на буксире. Ее усилия вовремя вытянули коня Эллайена из мрачной ледяной глубины. Животное возобновило борьбу. Эллайен продолжал надежно удерживать почти безжизненное тело Джерома. Килак плыл рядом. Они упорно двигались через реку и в конце концов сначала один конь, а за ним и второй, спотыкаясь, выбрались на сушу.

Эллайен остановился в ожидании Килака. Охотник закрыл глаза, дрожа от холода и усталости. Джером еще стонал — хороший знак, насколько мог судить Эллайен. Лучник быстро отвязал мокрую веревку и оглянулся на Килака, который как раз вылезал из воды.

Внезапно Эллайен увидел диковинное существо.

— Сзади! — закричал он.

Килак, должно быть, все понял по его лицу раньше, чем услышал предупреждение — столь молниеносная последовала реакция. Стоя по колено в воде, он перевернулся с кинжалом в руке в тот момент, когда к нему потянулось извивающееся щупальце. Незамедлительный удар заставил щупальце отпрянуть и свернуться в клубок. Эллайен затаил дыхание, ожидая, что парень сейчас бросится к своей лошади. Однако вместо того Килак вынул второй клинок. Восхищенному боевым настроем паренька охотнику оставалось только с раскрытым ртом следить за невероятной картиной, развернувшейся на его глазах.

Из воды на высоту пятнадцати футов поднялось самое уродливое и жуткое создание, какое когда-либо видел Эллайен. Толстая слизистая чешуя покрывала тело гигантского червя. Клочья черных волос пробивались сквозь чешую, гривой спускаясь по шее и хребту ниже змеиной головы зверя. Языка у червя не было, а из разинутой пасти струями лилась мутная пена, заставляя воду бурлить и кипеть. Ноздри раздувались. Остроконечные уши угрожающе встали торчком. Зеленые глаза без зрачков сверкали. Чудовище вытянулось, раскинув толстые щупальца. На каждом отростке кровожадно щелкали зубами

маленькие челюсти. Две драконьи ноги с пугающей силой выбросили существо из воды. Закругленный на конце, словно палица, хвост ударами поднимал в воздух фонтаны воды.

Эллайен побледнел. Мощь и ярость жуткого зверя не испугали Килака. Он остался на берегу.

— Уходи! — приказал Килак.

Каблуки еще не успели пощекотать конские бока, а перепуганное животное уже бросилось прочь от хищного чудища. И вовремя. Стоило только лошади выбраться с берега, как отвратительное щупальце рванулось следом. В то же мгновение меч Килака нанес стремительный и точный удар, и из глубокой раны в воду брызнула черная жижа. Не веря своим глазам, Эллайен смотрел, как чудовище, взвыв от боли, спрятало поврежденный отросток. Клинок, который резал кольчугу как теплое масло, едва поцарапал демона! Но Килак и не думал отступать, приготовившись к Сражению.

— Беги! — прокричал Эллайен, пытаясь удержать напуганного коня.

Килак обернулся на него, жадно сверкая глазами. На разгоряченном лице играла зловещая улыбка.

— Уходи! — повторил он. — Дорога на восток. Скажи, я тебя послал!

Эллайен хотел возразить, но стон Джерома напомнил ему о том, что важнее в данный момент. Оторвав взгляд от сражения, лучник развернул коня на восток и скрылся в глубине леса.

* * *

Когда Эллайен удалился на безопасное расстояние, Килак Кронус переключил все внимание на противника. Поздно. Юноша не успел увернуться, и в него со страшной силой врезался хвост чудовища. Выронив оружие, он попятился и, шатаясь, повалился в высокую траву. Черная волна засосала его. Словно предчувствуя легкую победу, зверь направился к своей жертве.

Килак откатился и поднялся на ноги, поспешно выхватив из-за пояса еще один короткий меч. Крючковатое щупальце вновь жадно потянулось за добычей. На этот раз Килак в последний момент всадил меч прямо в щель между щелкающими зубами и рванул вверх. Кровь хлынула из раны, монстр заревел и попятился прочь. Не медля ни секунды, Килак выдернул из сапога кинжал и метнул в голову чудовища. Раздался жидкий хлопок, и лезвие проткнуло левый глаз. Мутная оболочка лопнула, выбросив струю черной густой жижи.

Не успел кинжал достигнуть цели, а Килак оказался в воде, подобрал потерянное оружие и сбросил с головы остатки паутины. Уверенно и спокойно ожидал он действий врага, помня, что способен победить любого противника, ведомого слепой яростью.

Килак напряженно следил за чудищем. Оно перестало выть и с шумом втянуло в себя воздух. В следующий момент из пасти гада вырвалась струя зловонной жидкости. К счастью, оставшийся без глаза демон промахнулся, и Килак успел отскочить в сторону. Кислота мгновенно выжгла траву, оставив лишь кусок безжизненной земли.

Неустрашимый Килак просчитывал ход дальнейших действий. От смертоносной кислоты нельзя уклоняться вечно. В конце концов демон сумеет точно прицелиться или ему просто повезет. Чтобы победить врага, необходимо прежде нейтрализовать его оружие.

Хриплое дыхание предупредило Килака о новой атаке. Незамедлительно парень выдернул из-за пояса кинжал и метнул в глотку противника. Клинок по самую рукоять застрял чуть ниже отвратительной пасти. Дикий рев превратился в визг, зверь стал захлебываться и разбрызгивать слюну во все стороны. Капли кислоты выжигали все, даже покрытую слизью шкуру.

Килак не преминул воспользоваться неожиданным открытием. Пока существо ревело и металось в слепой ярости, он вплотную подбежал к нему. На столь близком расстоянии оружие демона бесполезно. Нельзя поразить противника, не причинив вреда себе. Но злобного зверя это не сломило. Могучие щупальца набросились на человека, стараясь раздавить, размозжить его.

Килак полагался на свое мастерство и тренировку и строил другие планы. Словно искусный танцор, он проворно кружил вокруг чудовища, увертываясь от мощных щупалец, острых клыков и тяжелого хвоста. Лезвия со смертоносной точностью поражали цель. Стоя по колено в грязи и пене, Килак, словно ураган, рвал, вертелся, ускользал, используя любое средство одолеть противника.

Сотни ручейков густой черной крови потекли по чешуе. Атаки демона начали ослабевать, а танец Килака только набирал силу и скорость. Напоследок юноша с победным кличем несколько раз вонзил острый меч в глубокую рану и отсек монстру хвост. Демон попятился и, потеряв без хвоста равновесие, повалился в черную от крови реку. Килак набросился на тонущее чудовище и проткнул ему глотку. Черная жижа брызнула фонтаном, и победитель отпрянул назад, с безопасного расстояния наблюдая за предсмертной агонией поверженного

чудовища. Оно пыталось подняться, но силы покинули безобразного червя. Вскоре судороги прекратились, и только вздрагивающие щупальца давали понять, что существо некогда двигалось.

Опустившись у края реки на колено, Килак наблюдал, как волны плещут рядом с бездыханной тушей. Ярость битвы улеглась, и его тело неожиданно охватила дрожь, пробиравшая до костей. Лунный свет серебром заливал реку, прорезавшую себе путь сквозь вековые леса. В мрачном сиянии сцена жестокого поединка казалась еще более жуткой и невероятной. Откуда взялось такое чудовище? И что делало оно в Изумрудной реке?

Внезапно вода вокруг начала бурлить и вскипать, и Килак понял, что тело идет ко дну! Он стремглав бросился к морде чудища и успел выдернуть из горла кинжал, пока туша не скрылась под водой.

Последним, что он видел, было бледное красноватое сияние единственного чудовищного глаза.

Глава 15

Слипшиеся веки с трудом открылись, в глазах кололо и щипало. Джером очнулся. Он зажмурился от яркого света. Когда зрение понемногу восстановилось, Джерому показалось, что он все-таки умер. Вместо обычного мира он словно очутился в раю, недоступному человеческому воображению.

В новом мире его встретила самая прекрасная богиня или по меньшей мере фея. Лазурные глаза светились тепло и ласково. Локоны золотых волос ласкали нежную белую кожу, падая на плечи и спину. Солнечные лучи путались в завитках. Взгляд Джерома скользнул от ясных глаз к тонким изящным губам и к пленительно-нежной улыбке.

Воздух зазвенел от нежного голоса.

— С возвращением.

Мелодичные звуки показались Джерому самой сладкой соловьиной трелью. Сердце юноши затрепетало от легкого прикосновения ее руки. Джером попытался сесть, но резкая боль пронзила спину, и он повалился на кровать.

— Осторожно, — пропел голос, и заботливые руки уложили юношу в постель. — Ты пока не в том состоянии, чтобы вскакивать с кровати и разгуливать, где захочется.

От боли Джером стиснул зубы и зажмурил глаза. Через несколько секунд осталось только ноющее чувство под левой лопаткой.

— Твои друзья волнуются.

Неожиданно на бедную голову Джерома обрушились воспоминания. Имя… путешествие… похищение… битва с незнакомцем в черном плаще…

— Где я? — Собственный сухой и хриплый голос неприятно поразил Джерома.

— Ты в Левеллинской общине Феверрута, — ответила женщина, — в доме самого мастера Нимбруса.

Джером озадаченно нахмурился. Левеллин. Феверрут. Нимбрус. Ни одно из имен не было знакомо юноше. Заметив смущение больного, женщина не удивилась.

— Мало кто о нас знает, — объяснила она, поднося к губам Джерома чашку неприятно пахнущего отвара. — Наша община живет уединенно, посвящая больше времени изучению, нежели врачеванию за деньги. — Чашка наклонилась, и больной проглотил немного жидкости. — Вам повезло наткнуться на Килака.

Джером проглотил снадобье. Вкус оказался еще хуже запаха.

— Килак?

— Добрый друг нашей общины. Он нашел вас с приятелем и привел сюда после твоего ранения. Они сами расскажут лучше меня.

Девушка поставила пустую чашку на столик у кровати, поднялась и грациозно скользнула к двери.

— Я приведу твоих друзей, — предложила она. — Они будут рады увидеть тебя.

— Подожди.

Девушка остановилась, обратив к больному прекрасное лицо.

— Кто ты? — спросил он, смущенный такой услужливостью и заботой.

— Мариша Валур, ученица Левеллина.

— Ты меня вылечила?

— Нет, — поспешила ответить девушка и мелодично рассмеялась. — Я всего лишь ученица. Твоя рана требовала внимания самых искусных лекарей Феверрута. Мы все ждали, затаив дыхание. — Мариша нежно улыбнулась. — Ты нас здорово напугал. Но ты поправишься. Надо только расслабиться и немного отдохнуть.

Джером кивнул, и Мариша ушла, оставив больного наедине с его мыслями. Удивительно, но он совершенно не помнил времени, о котором говорила Мариша. Времени, когда его вылечили. Воспоминания обрывались в лесу. Джером пытался предупредить Эллайена и предпринял отчаянную попытку спастись. Сколько времени прошло? Несколько часов? Дней? Должно было остаться хоть какое-то воспоминание об этом отрывке вечности. Но в сознании Джерома витали лишь клочки сновидений, потерянные и лихорадочные ощущения борьбы и боли. Он вспомнил, как ледяные воды тащили его на дно, вспомнил жгучий зной и пробиравший до костей холод. Где он очутился, едва не покинув этот мир? И почему не мог вспомнить?

Джером выбросил из головы тревожные размышления. Что бы ни случилось, он жив и в сознании. Лучше сосредоточиться на реальности, чем на вопросах без ответов.

Джером оглядел причудливую комнату — маленькую, уютную и чистую. Стены напомнили юноше родной дом. На них опирался наклонный потолок, облицованный лакированными деревянными панелями — зеркальное отражение пола. В помещение струился теплый солнечный свет. Рядом с открытым окном в углу стояла кровать и столик — единственная мебель.

Легкий ветерок скользнул в комнату, приподняв занавески. Повеяло ароматами сосны и можжевельника. В листве звенела птаха. Джером заложил руки под голову и с удовольствием

потянулся. Восхитительное место. После дома — самое лучшее место на земле, решил юноша.

Стук отвлек его внимание от окна. Дверь отворилась, и в комнату вошел Эллайен, расплываясь в радостной улыбке. За спиной лучника показался молодой незнакомец с веселыми блестящими глазами, помогавший Эллайену в спасении Джерома.

— Так, так! Мы вовремя! — воскликнул Эллайен. Лучник крепко схватил протянутую руку Джерома и потряс изо всех сил. Джером даже зажмурился от такого усердия.

— Я думал, ты уже на полпути к дому.

— Да вот все боялся, не придется ли возиться с тобой, — улыбаясь, ответил Эллайен.

Только через какое-то время Эллайен догадался представить своего нового друга, о котором, казалось, совсем позабыл.

— А, Джером, это Килак Кронус.

Присмотревшись поближе, Джером вдруг подумал, что уже где-то встречал этого невероятно знакомого паренька. Но Джером отбросил в сторону мимолетную мысль как осадок той последней ночи в лесу. Больной с любопытством рассматривал смуглое лицо и спутанные волосы гостя, и тот подмигнул в ответ.

— Я слышал, что обязан тебе жизнью, — наконец сказал Джером.

— Чепуха. Мине за собой-то глядеть времени нету.

Джером внутренне улыбнулся скромному ответу. Юный путешественник явно начинал ему нравиться.

— Любопытный говор, — заметил Джером. — Ты откуда родом?

— Отсюдова и оттудова, — пожал плечами Килак.

— Я многое должен тебе рассказать, — нетерпеливо вмешался Эллайен. Радостно сияя, лучник отодвинул чашку, вазу с цветами и взгромоздился на столик. — Ты нормально себя чувствуешь? Разговаривать можешь? Ну, или хотя бы послушать?

— Все в порядке, — заверил друга Джером.

— Еще бы, — лукаво заметил Эллайен, — тебя же тут выхаживали целую неделю.

— Что? — подскочил Джером. — Неделю?

— Пять дней, — поправился Эллайен, как будто Джерому от этого стало бы легче.

— Пять дней?

— Да ладно, не переживай ты так, — нахмурился лучник. — Ничего уже не вернешь. Тебе надо поправляться. А это не скоро случится, если будешь попусту волноваться о потерянном времени.

— Но Олсон…

— Вполне вероятно, уже полностью захвачен колдуном, — закончил за друга Эллайен. — И нам этого не изменить. В любом случае все известия сходятся на том, что наша родина пока в безопасности. Бароны, кажется, взялись охранять свои земли. Либо так, либо колдун решил повременить. Мы точно не знаем, какие территории Олсона захвачены.

Джером продолжал внутренне протестовать. Пять дней? Как можно потерять пять дней, даже находясь без памяти? Не важно, где именно он был, но за это время, подозревал больной, можно пересечь Кальмир и даже добраться до Скуллмарских гор. При таком стечении обстоятельств времени терять нельзя. Пять дней!

Джером попытался подняться, но застыл на полпути. Новый приступ боли напомнил о цене опрометчивого поступка. Эллайен прав. Злость и досада — плохие советчики. Надо признать — в теперешнем состоянии он беспомощен. Взгляд Джерома упал на Килака, который за все время ни разу не сдвинулся с места и не сменил простодушного выражения лица.

Неожиданный вопрос промелькнул в голове Джерома, и он посмотрел на Эллайена, который понял его и ответил вслух:

— Нет причины что-либо скрывать от него или от остальных, — сказал лучник. — Все знают, кто ты и что мы ищем. Хочу только предупредить, что все они, так же как и я, считают тебя безумцем. Даже Килак, хотя он и вызвался составить нам компанию.

— Твой приятель задолжал мне оленя, — добавил парень, словно другого объяснения и не требовалось.

Джером лишь сильнее нахмурился, не очень обрадованный тем, что друг решил посвятить в их тайну незнакомцев. Впрочем, Джером никогда не бывал в здешних местах и не мог предположить, что именно толкнуло Эллайена на откровенность. Но идти на попятную поздно. Вместо того чтобы растрачивать силы на давно проигранную битву, лучше принять существующие условия и двигаться дальше.

— А есть хорошие новости? — простонал больной. Эллайен замешкался, обдумывая, с чего начать.

— Ну, во-первых, неплохо было бы обсудить ту ночь, когда тебя ранили.

Джером кивнул. Странно, что этот вопрос раньше не пришел ему в голову. Многое хотелось узнать: не только подробности происшествия, но и его причины.

Прочитав в глазах Джерома немой вопрос, Эллайен продолжил рассказ о событиях той злосчастной ночи шестидневной давности. Лучник начал с удивительной встречи с Килаком на лесной поляне и закончил приездом в Феверрут.

Кинжал убийцы не был отравлен, и Эллайен не преминул заметить, что, сложись все иначе, сейчас бы друзья уже не разговаривали.

Килак молчал, пока речь не зашла о столкновении с речным чудовищем. И даже тогда паренек попытался ускользнуть от разговора, будто боролся всего лишь с заурядным явлением природы. В конечном итоге, по настоянию Эллайена он все же в подробностях поведал Джерому обо всех поворотах сражениях. Джером жадно проглотил каждое слово невероятной истории. И хотя он едва мог представить себе такого зверя или силу, способную его одолеть, но от всей души восхищался мужеством и мастерством юного воина. Джером искренне пожалел, что не стал свидетелем невиданного происшествия.

— Сдается мне, — вмешался Эллайен. — что колдуну о тебе уже известно, вот он и подослал к нам солдат и чудище.

Джером медленно кивнул. Ом пришел к похожему выводу. Нападавшие на них носили точно такие же доспехи, что и погибшие недалеко от Дилна солдаты.

— Но как? — произнес Джером вслух. — Как мог колдун узнать… — Джером умолк. Мысли и подозрения выстроились в стройную цепочку. — Эллибе!

— Что?

— Эллибе. Отец говорил, что королева собирается вернуться в Кринуолл. Человек, который напал на меня, убийца, произнес имя Торин. Насколько мне известно, только Эллибе и старейшины знали правду. — Неожиданно ужас сдавил юноше горло. Он глубоко вздохнул и проговорил: — Эллайен, если они выследили меня, путь их, вероятно, лежал через Дилн.

Эллайен замахал руками, будто пытался развеять тревогу друга.

— Колдун от кого угодно мог узнать правду. Твой отец умен и находчив. Я уверен, что с ним и с остальными все в порядке.

Эллайен старался приободрить Джерома, но в глазах лучника была та же тревога за родной дом, за близких и друзей.

От невыносимой мысли, что его миролюбивый народ оказался под угрозой истребления, у Джерома разболелась голова. Если бы он мог, то прямо сейчас выпрыгнул бы из простыней и на животе пополз бы в Дилн. А вдруг войска колдуна добрались… Джером покачал головой. Слишком много предположений. Что делать? Броситься назад и попасть прямо в лапы колдуну? Если это спасет хотя бы одну душу, то да. Но Джером слишком многого не знал. Перед тем как что-либо предпринять, необходимо дождаться вестей от гонца. Какой еще выбор у прикованного к постели?

— Во всяком случае, пока все тихо. Возможно, после встречи с Килаком он решил отстать от тебя.

— Какое ему дело? — наконец спросил Джером, мысленно перебирая все возможности того, что колдун охотился именно за ним. — Я не представляю для него угрозы.

— Пока нет, — согласился Эллайен, — но, вполне вероятно, скоро будешь.

— Этого он не знает.

— Джером, можно только гадать, что он знает, а что нет. К тому же мы не имеем ни малейшего понятия, что он замыслил.

Джером печально вздохнул, вновь признав правоту друга и внутренне содрогаясь от мысли, что за ним охотится человек, которому служат существа вроде демонического волка, речного чудища или убийцы…

— А что насчет убийцы? — неожиданно спросил Джером и посмотрел на Килака. — Почему ты не покончил с ним?

Эллайен нахмурился, давая Джерому понять, что подобная беседа между смелым юношей и охотником уже состоялась, и друг его остался недоволен услышанным.

Килак медлил, словно обдумывая, чем можно поделиться.

— Ксариус Тализар был учеником гильдии бойцов в школе моего отца.

— Гильдии бойцов или убийц? — с неподдельным удивлением переспросил Джером.

— Не то что бы гильдия в полном смысле этого слова. Хотя очень похоже, даже больше, чем ты думаешь. Организация существовала несколько веков. Просто мой отец сейчас является великим мастером.

Джером взглянул на Эллайена. Тот задумчиво покачал головой.

— Так ты убийца, получается? — Джером попытался говорить по возможности более равнодушно.

— Я убиваю, когда необходимо. Но ради денег — никогда.

— И все же этому тебя обучали.

— Меня с рождения обучали драться, — поправил Килак. — И я преуспел лучше всех, кого вы когда-либо встречали. Но цель я выбираю себе сам. Я не служу ни одному человеку. Ни отцу, ни кому-то другому.

Джером медленно кивнул, стараясь вникнуть в слова парня.

— А Тализар?

— Ксариус Тализар был лучшим учеником отца, его гордостью и отрадой. Мы провели вместе около десяти лет. Вдвоем тренировались и боролись каждый день, каждый час.

— Так вы были друзьями? Килак рассмеялся.

— Вряд ли. Этому человеку — если он действительно человек — дела нет ни до кого на свете. Я никогда не был таким, не имеет значения, чего хотел мой отец. И учтите, я без колебаний разрублю любого злодея пополам. Только я не верю, что один человек что-то выиграет от смерти другого. Потому-то я и ушел. Отправился на все четыре стороны три года назад, когда выучил все, что можно — по крайней мере то, что мне было нужно. С тех пор не возвращался.

Переварив услышанное, Джером вернулся к изначальной постановке вопроса.

— Так если вы не были друзьями, почему ты дал ему уйти?

Паренька, казалось, ничуть не смущала настойчивость Джерома.

— Во-первых, Тализар похож на паука: охотится за насекомыми. Простые люди, как правило, только выигрывают, когда Тализар и подобные ему выполняют свою работу.

— А во-вторых? — Джером прищурился.

— Вы будете смеяться, но с тех пор как я покинул гильдию, Тализар остался для меня единственным достойным соперником. Он превратил меня в то, что я есть. Если я прикончу Тализара, мне попросту не на кого будет равняться.

Сначала Джерому показалось, что он понял слова паренька, но, передумав, он взглянул на Эллайена, который также пожал плечами.

— Я бы смеяться не стал, — заключил Джером. — Надеюсь только, что твой выбор никому больше не причинит вреда.

— Согласен, — кивнул Килак. — Не сомневайтесь, если еще раз увижу, что Тализар не дает покоя добрым людям, мне будет, чем прихвастнуть.

— Во всяком случае, — вздохнул Джером, — я благодарен тебе. Если я когда-нибудь смогу отплатить…

— Покажи ему свои мечи, — сказал вдруг Эллайен. Джером вопросительно посмотрел на друга.

— Ты должен увидеть его кинжалы.

Джером перевел взгляд на Килака, который бесшумно вынул блестящее оружие длиною около трех футов, подобного которому Джером никогда ранее не видел. Это был явно меч, но с необычно тонким, заостренным по одному краю лезвием, обтянутой кожей рукоятью и небольшой гардой причудливой формы.

— Удивительно, — отозвался Джером. — На вид не слишком прочно.

— Покажи, — не унимался лучник. Глаза его загорелись. Килак отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что мы достойно отблагодарим хозяев за

гостеприимство, если порубим кровать на дрова.

Джером посмотрел на толстую ножку кровати, а потом на Эллайена, который разочарованно отвернулся.

— Он серьезно?

— Абсолютно, — ухмыльнулся лучник. — Эти мечи кольчугу режут, будто ее вообще нет.

— Из какого материала они изготовлены?

— Не знаю, — признался Килак. — Я расспрашивал кузнецов, но ни один не смог мне ответить.

— Откуда они у тебя?

— Нашел.

— Нашел?

— Больше двух лет назад. В одной из бухт в северных Скуллмарах.

— Знаешь, что они мне напоминают? — вмешался Эллайен. — Иглы дикобраза.

Килак недоверчиво посмотрел на охотника.

— А ты где видел дикобраза такого размера?

— Северные Скуллмары? — не отрывая взгляда от Килака, переспросил Джером. — На побережье?

— Именно.

— Но я слышал, что добраться туда невозможно.

— Говорят так. Но я забредал в такие места, о которых вы даже не слыхали.

Джером задумался, но возразить было нечего.

— Они вот так просто валялись? Сколько?

— Тысячи. Некоторые размером с копье. Но когда я их нашел, они выглядели по-другому. Я рукоятки сделал и отполировал клинки. Острые, будто солнечный луч. С тех пору меня целое собрание. Мечи и кинжалы. До сих пор удивляюсь — за все время на лезвиях ни щербинки, ни царапины.

Джером настороженно и внимательно рассматривал безупречную поверхность клинка. Однако сомнения не покидали его.

— Думайте, что хотите, — пожал плечами Килак, пряча оружие в глубине широких одежд. — Никогда не променяю на широкий меч.

— Что думаешь? — Эллайен потребовал от Джерома ответа. — Не хуже твоего Алого Меча, а?

— Против одного врага, возможно, — признал тот. — Но воин, пусть даже с мечом, прокалывающим сталь, ничто против целой армии — или колдуна.

— Тогда что ты думаешь о походе за Мечом Азахиля?

— Слушай, Эллайен, ты прекрасно помнишь легенды.

Обладая силой Меча…

— Знаю, знаю, — отмахнулся Эллайен. — Просто хотел проверить, вернулись ли к тебе силы. Судя по всему, наше пребывание здесь скоро закончится.

Джером глубоко вздохнул и успокоился.

— Надеюсь, ты прав.

Эллайен кивнул, и вдруг глаза его загорелись от неожиданной мысли.

— Ах да! Кое-что еще. Помнишь, мы нашли книгу недалеко от Иртвина?

— К чему ты клонишь? — с неподдельным любопытством отозвался Джером.

— Кажется, Килак тоже побывал там. Лошадь принадлежала старику, на которого напали разбойники. Килак помог расправиться с бандитами, а потом привез его вместе с вещами сюда, чтобы залечить раны.

— Это был древин? — едва сдерживая эмоции, выпалил Джером.

— Точно не знаем. Но по тому, что видел Килак, старик действительно не так прост.

— От таких ран он должен был умереть, — подтвердил парень. — Но они почти зажили, пока мы добрались до Феверрута. Спал всю дорогу. А когда проснулся, поднял суматоху, что одна книжка пропала — та, которую вы нашли.

— Ушам своим не верю! — досадовал Джером. — Второй раз разминулись с этим приятелем!

— Древин или нет, а если оставите у себя книжку, ждите его в гости.

Джером довольно улыбнулся. Значит, он был прав. Древин! Но Килак сказал, что старик был зол, и он не успокоится, пока не найдет их с Эллайеном… Джером припомнил девять обугленных трупов, которые они обнаружили в сосняке недалеко от Иртвина — жареные куски мяса, которые некогда были людьми, разозлившими древина. Вероятно, встреча с ходячей легендой обернется не самым приятным образом.

— Ну вот, — нарушил воцарившуюся в комнате тишину Эллайен. — Нас просили долго тебя не беспокоить. Попросить что-нибудь тебе принести?

— Вообще-то, да. Я вспомнил, что страшно проголодался.

— Будь спокоен, — обещал Эллайен, спрыгнул со столика и последовал за Килаком к двери.

— Эллайен!

Лучник мигом развернулся на месте, весь обратившись во внимание.

— Спасибо. Тебе, Килаку и левеллинцам… за все.

Эллайен улыбнулся и вышел из комнаты следом за бесшумно шагающим Килаком Кронусом. Оставшись один, Джером попытался разобраться в том, что услышал во время короткой встречи с друзьями. Но пока не принесли обед, он успел немного вздремнуть и — несмотря на все заботы и тревоги — встретиться в мечтах с парой лазурных глаз в лучах золотых волос.

* * *

— Где этот чертов принц? Где мальчишка?

Ксариус Тализар стиснул зубы, проглотив с дюжину неподобающе резких фраз, промелькнувших у него в голове. Убийца стоял в верхней зале башни колдуна и докладывал о своем самом унизительном поражении. Встречу ему удалось отложить на два дня уже после возвращения в стан колдуна. В первые часы после неудачной схватки с Килаком Кронусом убийца сгоряча решил броситься вслед за проклятым щенком. Но в итоге возобладало благоразумие. На тот момент Ксариус был не в состоянии справиться с мальчишкой, а заставлять колдуна ждать, пока заживут раны и он обзаведется новым оружием, убийца не мог. В любом случае Ксариус не спешил с отчетом о провале и всеми средствами оттягивал встречу с колдуном.

Ксариус еще раз пожалел, что не отложил ее на завтра.

— Вероятно, он мертв.

— Вероятно? — Колдун оставил дымящуюся чашу, откинул широкий капюшон и нехотя заглянул в лицо убийцы. Скрытному и нелюдимому Ксариусу почему-то очень не нравилось, что колдун не снисходит даже смотреть на своего наемника, словно тот недостоин его внимания.

— Я хотел убедиться.

— Я просил привести его живым. Ты не только не выполнил задание, но не можешь даже убедить меня в его смерти? Ты разочаровал меня, убийца.

Ксариус прикусил язык, сдерживая досаду и раздражение. Колдун смотрел на него, будто на непослушного мальчишку, потом неожиданно принюхался.

— Ты ранен. Покажи мне.

Ксариус медлил. Ему показалось приятным, что колдун искренне удивился. Наверное, сама идея об уязвимости бесценного убийцы никогда не приходила ему в голову. Хотя признавать свои ошибки неприятно. Еще больше Ксариусу не хотелось представлять тому физические доказательства.

— Покажи! — повторил колдун, и желтые глаза сверкнули в темноте.

Ксариус повиновался и распахнул полу плаща, закрывавшую правую руку. Он не сводил глаз с колдуна и внимательно следил за его реакцией при виде глубокого пореза, грубо заштопанного лекарем, который давно стыл в придорожной канаве.

Колдун еле слышно ахнул.

— Какое зрелище! Я и не верил, что какой-нибудь смертный может одолеть тебя.

Ксариус запахнул плащ, спрятав обезображенную плоть.

— Не может.

Но колдун не слушал.

— Кажется, я недооценил моего выскочку братца.

— Это был не он. Ему помогли. Из моей гильдии.

— Твоей гильдии? Но я полагал, что ты лучший в своем роде.

— Мне нужен новый меч, — сквозь стиснутые зубы прошипел убийца.

— Это подождет, — отмахнулся колдун. — У меня для тебя другое задание. Более «выполнимое», я бы сказал.

На мгновение убийца позабыл о своем позоре.

— Демоны?

— Мне необходимо знать, правдивы ли слухи. А если так, то в чем причина.

Убийца кивнул. На обратном пути он только об этом и слышал. По всей стране распространились сплетни о существовании омерзительных противоестественных существ, демонов и бесов, обитателей преисподней, пришедших на земли Пентании. От осторожных пересудов на кухнях и в тавернах до предсказаний гибели и проклятий на городских улицах. Чудовищ называли предвестниками великой кары, постигшей людской род. Одни приписывали их появление ненавистному магу, так стремительно и бесповоротно завладевшему Олсоном. Другие заявляли о вмешательстве темных сил, не подвластных ни одному смертному. Третьи же предпочитали закрывать глаза на тревожные вести, считая их очередными небылицами.

Убийца относился к молве скептически — он не встретил на своем пути ни одного подобного чудища. Но в любых слухах, как правило, есть доля правды. На столь частые рассказы не стоит сразу закрывать глаза. Судя по последнему приказанию, колдун также понимал это. Теперь Ксариус мог по крайней мере отвергнуть самое распространенное предположение. Если колдун проявлял такое любопытство к сверхъестественным существам, следовательно, он вряд ли был повинен в их появлении.

Ксариус выслушал приказ и поклонился. Внутренне же он

ликовал, вновь ощутив себя самим собою. Колдун не просто спрашивал, он встревожился. Зачем иначе откладывать победу? Еще задолго до прибытия в город-призрак под названием Кринуолл убийца знал, что войска колдуна остановились, не предпринимая никаких действий для расширения своих владений. Дракмар к югу и Глендон к северу, Палладур к западу и Иртвин к востоку были нетронуты. И даже города Олсона войска не занимали, не говоря уже о соседних королевствах, с нападением на которые колдун мог повременить до того, как сможет развернуть полномасштабную атаку на их территории. Убийце не давал покоя вопрос, почему колдун медлит. И теперь он, кажется, знал.

Колдун вернулся к дымящейся чаше, и Ксариус Тализар удалился. Наверное, он раскроет тайну. А может быть, и нет. У Ксариуса есть время на решение задачи.

Время затянуться ранам.

Время родиться мести.

* * *

— Простите, господин мой, но, по-видимому, Нор прав…

— Нор неотесанный чурбан! — воскликнул Саталлион. — Он желает лишь власти над Олсоном или нашей «славной» погибели в последней битве! Я отказываюсь принимать участие в этом безумии!

— Но нам не одолеть колдуна.

Саталлион, шагавший вдоль украшенного орнаментами коридора, остановился у одного из высоких, прямо от пола окон, выходивших на бескрайние западные луга. За арочным проемом пятнистое покрывало полей и лугов с фермами и стадами развернулось до самого побережья, утопая в красном зареве вечернего солнца.

Девять дней прошли в подготовке со времени совета в Дракмаре, и Нор со своим войском выступил утром, намереваясь осадить Кринуолл. Саталлион, верховный лорд Палладура, получил вести о походе ранее вечером, и все еще не мог поверить упрямству других баронов. Безумное кампания не сулила ничего, кроме смерти и страдания. До сих пор войска колдуна не напали ни на Дракмар, ни на Палладур. Зачем вмешиваться в чужую драку?

Война, без сомнения, пришла в Олсон. Но Саталлион не был столь наивен, чтобы верить в безопасность своих земель перед лицом нараставшего противостояния. За те девять дней, пока Нор

готовился к атаке, войска Саталлиона выполнили обещание своего верховного лорда и в полном вооружении поднялись на защиту его крепости. Хотя перспектива обороны казалась не более привлекательной, чем осада — истина, которую должен был признать даже верховный лорд.

— Согласен, вратам Палладура не устоять там, где пали врата Кринуолла.

— Тогда каков наш выбор? — настаивал советник. — Некоторые в вашем собственном совете полагают, что Кринуолл пал лишь по причине смерти Сорла, а колдун воспользовался внезапностью своего появления. С нашей помощью барон Нор мог бы действительно добиться победы и захватить город.

Саталлион погладил аккуратную бородку, продолжая рассматривать горизонт. Он многое успел совершить за свою жизнь. Под его правлением возвысился Палладур. Кринуолл ослабел еще задолго до прибытия колдуна. Став сильным и могущественным соперником Дракмара, владыка Палладура мог возглавить монархию и занять трон Олсона. И теперь Саталлион чувствовал, как власть и величие ускользают сквозь пальцы, когда он почти добрался до вершины. Из-за малейшей неосторожности можно потерять все.

— Милорд, если Нор захватит Кринуолл без вашей поддержки, народ провозгласит его королем.

Саталлион усмехнулся. Должен существовать какой-то выход, средство сохранить богатство и спасти величие. Нор идет на большой риск, ставя все на карту. Если проклятый дурень готов на все, так тому и быть. Занять трон куда легче без лишнего конкурента. Но как стать королем, когда более могущественный соперник уже заявил о своем намерении?

— Милорд?

Не обращая внимания на советника, Саталлион погрузился в раздумья. Есть лишь один способ пережить войну. И этот путь необходимо пройти. Как же он не догадался раньше? Губы верховного лорда скривились в ухмылке, но смех звучал недолго.

— Прошу прощения, милорд, но я не вижу причин веселиться.

Лорд распрямил плечи. Новая возможность будоражила кровь. Саталлион улыбнулся советнику, который смотрел на лорда тревожным и растерянным взглядом.

— Не бойся ничего, друг мой. Я знаю, что надо делать.

Глава 16

Следующее утро после пробуждения в Левеллинской общине Феверрута Джером провел, как и накануне — в постели, над которой маячили радостные лица Килака и Эллайена. Наконец-то он сумел сесть самостоятельно без особенной боли. Благодарить за это собственный организм или же снадобья левеллинцев Джером не стал, но принял улучшение за верный знак того, что он идет на поправку.

На этот раз говорил в основном Джером, а Эллайен и Килак внимательно слушали. Растрезвонив Килаку, а заодно и всей общине о цели их экспедиции, Эллайен все же умолчал о подробностях путешествия. Охотник успел поведать о невероятном происхождении Джерома со слов королевы Эллибе, о нападении колдуна, о намерении Джерома возвратить последний из Мечей Азахиля, талисман, обладая которым он осуществит свое фантастическое предназначение и освободит народ Олсона. А Джерому осталось только объяснить свое решение — а именно, почему он уверился в успехе своей миссии.

Джером не до конца разобрался в причинах, пробудивших словоохотливость Эллайена. Может быть, охотник надеялся, что на свежую голову приятель осознает нелепость собственных иллюзий. И теперь Килак с Эллайеном сосредоточенно слушали рассказ не желавшего становиться королем Фейзона о Дариноре и легенде, о Мечах и желании, овладевшем сердцем, и, наконец, о повторяющихся снах, подтолкнувших его на поиски. Все это, а также вторжение колдуна, необходимость поднять войско на защиту Олсона, книга древина и отсутствие другого плана, превратили безумный полет фантазии Джерома в ясное и твердое решение.

Джером боялся, что такие откровения подорвут его уверенность, ведь приходилось объяснять непостижимое. Удивительно, но, чуть не расставшись с жизнью, он только укрепился в правоте сделанного выбора. Лишь страх за родных и любимых временами не давал Джерому покоя и звал домой. Он мог воплотить в жизнь свою мечту. Должен был. Перед ним лежала прямая дорога, а все остальное теряло смысл.

Окончив рассказ, Джером замер в ожидании ответа Килака. Самому же Фейзону во время его пламенной и мучительной речи казалось, что любое открытое сердце загорится и почувствует то, что ощущает он сам. Ответа он не услышал.

Мысли вихрем кружились в голове Джерома. Что еще добавить? Как заставить их понять? Он взглянул на Эллайена,

который со скептической ухмылкой ждал реакции Килака. Юноша откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. Загорелое непроницаемое лицо освещали солнечные лучи, проникавшие в комнату через открытое окно. Джерому не удалось уловить никаких эмоций.

Когда Джером уже был готов закричать от отчаяния, на помощь ему подоспела красавица Мариша, которая вошла в комнату с фруктами и дымящейся чашкой. Ее улыбка обезоружила Джерома. Девушка прогнала Эллайена и поставила поднос на столик. Она не помешала беседе и занялась своим делом — насыпала в чашку трав из небольшого мешочка. Взгляд Джерома еще немного задержался на ее прекрасном лице, а потом он неохотно вернулся к разговору с Килаком.

— Сказка какая-то, — задумчиво пробормотал паренек. — Боги, драконы, оружие невероятной силы. — Он озадаченно почесал подбородок.

Джером украдкой еще раз взглянул на Маришу.

— Итак, ты согласен к нам присоединиться?

— Ты взаправду веришь, что можешь его найти?

Да, хотелось сказать Джерому. Он должен. Без Меча он ничто. Без Меча он бессилен помочь тем, кто надеется на него. Вместо этого Джером просто кивнул.

— Ну, тогда, — плутовато улыбнулся паренек, — я не упущу такой возможности.

К кровати подошла Мариша с чашкой горячего настоя.

— Все, хватит, ребята. Скоро он встанет с постели, и вы вместе отправитесь гоняться за чудищами.

Она нагнулась, передавая чашку Джерому, и тот успел слегка прикоснуться к ее пальцам.

— Спасибо.

— Не за что, — ласково улыбнулась Мариша.

Он вдруг смутился и через ее плечо посмотрел вслед выходившим из комнаты друзьям. Эллайен и Килак оглянулись и принялись со смехом о чем-то перешептываться.

Джером покраснел. К счастью, Мариша вовремя отвернулась и не обратила внимания на шутку. Больной поспешно отхлебнул из чашки, а девушка подала ему полную миску фруктов.

— Они уже перестали веселиться?

Джером подавился. Мариша только улыбнулась.

— Не смущайся. Килак вечно старается найти мне кавалера. Проголодался?

Джером откашлялся и кивнул. Отодвинув стул, Мариша уселась на край кровати. Она достала из миски кусочек дыни, и Джером с готовностью открыл рот. Проглотив душистую мякоть,

он спросил:

— А тебе все равно?

— Не знаю. Может быть, когда будет больше времени. Обучение занимает все дни. — Она протянула Джерому вторую дольку дыни. — А тебе?

— Наверное, я тоже пока занят.

Она улыбнулась, словно подразумевала не то, что сказала.

— Алый Меч. Почему ты решил, что сумеешь разыскать его?

— У меня нет выбора, — нахмурившись, ответил Джером.

— Ты действительно веришь в легенды?

— Тебе кажется, что я спятил. — Джером отвел глаза.

— Всем так кажется, — напомнила Мариша. — Но тебе все равно, не так ли?

— Нет, — признался Джером. Он снова встретился взглядом с Маришей, и девушка удивила его. Любопытство? Просьба?

Лазурные глаза опустились к миске фруктов. Странный взгляд исчез со следующим кусочком дыни.

— Это чудесно.

Джером искал насмешку в ее лице. В конце концов, девушке удалось сбить его с толку. Он никак не мог решить, можно ли Марише доверять.

Проглотив дыню, Джером подумал, что, вероятно, не стоит спешить с выздоровлением.

* * *

Невик устало шагал вдоль палаток и спальных мешков. Сапоги шлепали по мокрой, истоптанной глине. Из лекарских шатров раздавались стоны умирающих и эхом разлетались в морозном вечернем воздухе. Казалось, зловещее знамение нависло над лагерем. Гряда тяжелых туч опустилась совсем низко, грозя дождем обрушиться на землю.

Шел только четвертый день осады Кринуолла дракмарским войском, а многие солдаты Нора почти пали духом. За все время они так ни разу и не увидели колдуна, убить которого пришли — это давно давало Невику и его людям повод для растущего беспокойства. Чего дожидался захватчик? Почему позволил отрезать город от внешнего мира? Находится ли он в крепости, или войска тратят время и силы, пока враг разоряет их беззащитный дом?

Общая тоска возникала, вероятно, от вынужденного бездействия. Солдаты Нора маршировали с холодной решимостью в сердцах и блеском в глазах, предвкушая битву,

равной которой они никогда не видали. Но настоящий бой до сих пор не разразился. Армии Дракмара не спешили начинать наступление на вражеские войска, запертые в городских стенах. Нор намеревался отрезать снабжение города, рассчитывая в ближайшие дни построить дополнительные осадные машины. Вскоре к основным силам должно было подтянуться подкрепление. Тем временем враг, казалось, вовсе не замечал дракмарских полков, разбивших лагерь у него под боком. Небольшие стычки то и дело случались, когда врагу хотелось развеять скуку и поразмяться стрельбой излука. Но кроме кратковременных набегов и подготовки к осаде все было спокойно. По истечении четырех дней тоска и тревога начинали одолевать храбрых воинов Дракмара.

Невик шагал среди товарищей, склонив голову под тяжестью свинцового неба и теней черных башен Кринуолла. Хриплые голоса приветствовали барона. Воины сидели вокруг костров, укутавшись в плащи от дождя и ветра. В поисках слов, которые бы подбодрили людей, Невик добрел до самого большого шатра в лагере. Над шатром развевалось родовое знамя Невика — голова вепря на острие боевой секиры. Не замедляя шага, он прошел под скользкую от дождя завесу.

— Присоединяйся. — Нор указал на пустующее место в кругу людей, сидевших на земляном полу. Невик молча поприветствовал собрание командиров. На лицах присутствующих отражалось все то же уныние. Когда отсыревший пол окончательно промок, его отец поднялся и начал совет.

— Возвратился последний гонец. Имперский совет решил остаться в стороне. Помощи не будет.

Он тяжелым взглядом окинул собрание и выдержал паузу, давая командирам время осознать услышанное.

— Наше время пришло. Выступим сейчас или никогда. Среди собравшихся поднялся ропот.

— Без подкрепления? — поинтересовался капитан Имз, высокопоставленный офицер дракмарской армии.

Нор взглянул на капитана и кивнул.

— Нет смысла дожидаться помощи, которая не подойдет.

— Но без подкрепления… возможно, нам и вовсе не стоит начинать атаку, — предположил лейтенант Хеман.

Нор внимательно посмотрел на офицера.

— Мы пришли сюда с определенной целью. И цель эта — не разбить лагерь вокруг стен колдуна и несколько дней послужить мишенью вражеским лучникам. Наш план — схватить колдуна до того как он достаточно окрепнет и нападет на наши земли.

Имз поспешил отвлечь внимание разгневанного

военачальника от лейтенанта.

— Простите, барон, но мы были уверены, что после начала осады подоспеет помощь.

— Капитан, — отрезал Нор, его низкий голос звучал угрожающе, — теперь ясно, что не поспеет. Так что, вернемся домой ни с чем? Или сразимся? Я не считаю, что мы достойно отомстили за кровь, пролитую в эти четыре дня.

— Что будет с нашими семьями, если мы потерпим поражение? — спросил Имз.

— Кратчайший путь к поражению — отсутствие решимости, — дал отпор Нор.

Невик оторвал взгляд от пола и молча присмотрелся к лицам товарищей. Честно говоря, у него не было никакого желания начинать безнадежную атаку, и он быстро понял, что не одинок в этом мнении. И все же никто, похоже, не собирался открыто перечить барону. Пока командиры молчали, потупив глаза, Невик заметил устремленный на них суровый взгляд отца. Чувство неловкости охватило Невика и он решил избрать кратчайший путь.

— Идем в атаку, — сказал он.

Взгляды обратились на Невика, и Нор триумфально улыбнулся. Несмотря на страх и горечь в глазах товарищей, Невик почувствовал облегчение и спокойно взглянул на капитана, стараясь не думать о том, что выражало его лицо.

— Двое в пользу осады, — объявил Нор, глядя на Имза.

— Да, — согласился капитан, не отрывая взгляда от Невика. — Мы атакуем.

— Решено. На рассвете, пока враг еще спит. И пусть их сон станет последним!

Слова эти Нор произнес с улыбкой, стараясь зажечь огонь в сердцах воинов. Поначалу командиры отвечали неохотно, но с нарастающим пылом, словно ободряя себя перед лицом неизбежного.

Пока члены совета спорили, чей голос громче, Невик игнорировал испытующий взгляд Имза и поглаживал бороду, борясь с неприятным чувством под ложечкой.

По его мнению, решение было принято безрассудное. Имз это знал. Невик знал. И только Нор, казалось, нет.

* * *

Шесть дней после пробуждения показались Джерому целой вечностью. Забота и искусство левеллинских лекарей быстро

вернули юноше силы. Сновидения продолжали настойчиво преследовать его. Поэтому-то Джерому не терпелось снова пуститься в дорогу. Но Эллайен запретил другу отправляться куда бы то ни было, пока левеллинцы не признают его готовым к путешествию, так как любое преждевременное движение могло лишь помешать выздоровлению и отсрочить экспедицию. Джером день и ночь проводил в кровати под одеялом, ворочаясь от нетерпения.

У постельного режима нашлись, однако, и свои преимущества. Друзья время от времени заглядывали в комнату больного поздороваться и убедиться, что Джером идет на поправку, а потом оставляли его в покое. Большую же часть времени он проводил с Маришей. Джером немного стеснялся, но в душе был в восторге от такой прелестной компании.

Оказалось, просто смотреть на нее — необыкновенное удовольствие. В конце концов Джером встречал девушек, о которых можно сказать то же самое. Но в ее ласковом внимании, неподдельной заинтересованности было нечто большее. Каждый раз Мариша просила Джерома рассказать еще что-нибудь о своей жизни и о Мечах. Юноша почувствовал в ней родственную душу. Вполне естественно, учитывая природу их отношений и часы, проведенные вместе. И все же оставалось еще что-то. Джером заметил настойчивость, скрывавшуюся за прелестной улыбкой. Он не мог объяснить своих ощущений, и каждый раз, когда пытался рассмотреть это неуловимое что-то, оно ускользало. Задавая множество вопросов, девушка иногда смущалась, становилась застенчивой и уклончиво отвечала, когда речь заходила о ней самой. Время от времени казалось, что она вот-вот поведает какую-то мучительную тайну, но Мариша тут же прятала ее подальше, смехом отвечая на все просьбы Джерома.

Джером не знал, как толковать эту загадку, которая, вероятно, имела некоторое отношение к нему. Определенно юноша из Дилна знал только одно — Мариша единственная, кто ему верит. Открыто девушка ничего не говорила, но ни разу не назвала его сумасшедшим и не предложила сменить тему. Ее молчаливая доверчивость заполнила в сердце пустоту, которой Джером раньше не замечал. Он испытывал странное чувство при мысли о расставании — боль, причиной которой не был кинжал убийцы.

Джером собрал все силы, чтобы справиться с новой проблемой. Не время лелеять пустые фантазии. Но с каждой минутой, проведенной рядом с Маришей, все отчетливее и яснее становилась мысль, что когда-нибудь они будут вместе. Многое хотелось рассказать Марише — о доме, о семье. И еще больше

хотелось узнать о ней. Если только судьба позволит.

В тот же вечер, шестой после воскрешения юноши, мастер Нимбрус навестил Джерома и без промедления объявил юношу здоровым и способным отправляться в путь, когда заблагорассудится ему и его спутникам.

От новости остался горьковатый привкус. Джером готов был вскарабкаться на самую вершину горы Краккен, если потребуется — так не терпелось ему в путь. И все же выздоровление наступило слишком скоро. Встретившись в тот же вечер с Эллайеном, они решили тронуться в путь на рассвете. Джером сам признал, что нет причин задерживаться. Но когда лучник вышел и вернулась Мариша, он ясно осознал, что скорее всего это их последние минуты вместе.

— Видела сегодня Килака?

Мариша опустилась на край кровати, чтобы снять бинты стела Джерома. Как обычно, они остались одни. Раньше Джером всегда наслаждался такими мгновениями. А теперь юноша вдруг разволновался.

Может быть, девушка заметила его неловкость, но сжалилась и не подала виду.

— Он снова отправился на поиски. Я уверена, он скоро вернется.

— Сторожить, ты хотела сказать?

За последние несколько дней он практически не видел Килака Кронуса. Когда бы Джером ни спросил о юноше, спасшем ему жизнь, ответ был один. Секрета из этого не делали. И хотя паренек выглядел спокойно, появление чудовищного существа в Изумрудной реке, несомненно, поколебало его представления о природном равновесии. Джером и Эллайен единодушно решили, что демоны были посланы за ними колдуном, но Килак оставался более сдержанным в своих суждениях. Откуда бы ни пришли чудовища, Килак взялся патрулировать окрестности. И хотя за несколько спокойных дней угроза перестала казаться столь серьезной, Килак Кронус, при всей своей беззаботной наружности, соблюдал бдительность и готов был действовать в любое мгновение.

Джером знал ответ на свой вопрос еще раньше, чем успел его задать. Но что-то необходимо было сказать, чтобы нарушить тишину и снять напряжение.

— Знаешь, вы ему не безразличны, — сказала Мариша.

Девушка оторвалась от работы. Джером почувствовал тепло ее близости. Хотел бы он знать, что скрывалось за этими ясными глазами.

— Я имела в виду, все мы.

Джером кивнул, а Мариша поспешно, как ему показалось, вернулась к работе. Или просто воображение его разыгралось? Джером закрыл глаза, наслаждаясь нежным ароматом ее волос.

— Что ты про него знаешь? — поинтересовался Джером.

— Не много, — призналась Мариша. — Его трудно вызвать на откровенность.

— Может быть, он стесняется?

— Не исключено.

Мариша продолжала снимать повязки. Девушка почти обнимала его, когда приходилось перекладывать аккуратно свернутый кончик бинта из одной руки в другую у него за спиной. С каждым оборотом Джером тайком надеялся, что вот-вот Мариша завершит движение. Девушка работала медленно, и он наслаждался каждой секундой, зная, что все закончится слишком скоро.

— Он не верит, что чудовища посланы колдуном?

— Нет, — ответила Мариша. — Ходят слухи, что чудовищ встречали и в других местах далеко отсюда. Они появляются и исчезают, и лишь изредка показываются на глаза людям, словно наблюдают за нами.

— Вероятно, ищут кого-нибудь.

— Вероятно. Но Килак говорит, что появляются они слишком уж случайно и в самых разных землях. Колдун, должно быть, примерно знает, где ты можешь находиться. Так почему не ограничить район поисков?

— Но кто кроме колдуна, способен управлять подобными существами?

— Даже задумываться об этом не хочется.

Последние бинты отделились от кожи, повеял прохладный воздух. Джером немного расстроился, когда Мариша закончила работу.

Но девушка осталась сидеть на кровати, повернув Джерома к свету и осматривая шрам на его спине.

— Как там?

— Мастер Нимбрус и другие лекари прекрасно выполнили свою работу, — уклончиво ответила девушка, слегка дотрагиваясь до раны.

— Другими словами, не довели ее до конца, — рассмеялся Джером.

— Заживет со временем, — заверила Мариша. Девушка отстранилась, и Джером озабоченно нахмурился.

— Когда мы уйдем, ты будешь в безопасности?

— О да. Со мной все будет в порядке. А вам лучше позаботиться о собственной персоне. Загляни к нам на обратном

пути, когда закончится путешествие. Обещаешь?

Какая приятная мысль.

— Обещаю.

Они долго смотрели друг на друга. Наконец обоим стало неловко. Мариша отвела взгляд первой.

— Лучше я пойду, — сказала она, собрав в охапку бинты. — Тебе нужно готовиться.

Девушка повернулась к выходу, и Джером поднялся, словно хотел остановить ее.

— Мариша, я…

Мариша повернулась к Джерому. Лицо ее выражало… любопытство? Надежду?

— Не знаю, как тебя благодарить.

— Ты и не должен. Я рада знакомству с тобой, Джером. Спасибо Килаку за то, что привел тебя к нам.

Джером задумался над подходящим ответом, но слов не находилось. Мариша направилась к выходу, а он опустился на кровать, тоскливым взглядом провожая девушку.

У самых дверей она снова обернулась.

— Никогда не сдавайся, — подбодрила она Джерома с очаровательной улыбкой. — То, что ты ищешь, существует.

Джером лишь смущенно глядел на нее. Пока он собирался с мыслями, Мариша вышла из комнаты.

* * *

Как и было решено, на следующее утро пришло время отправляться в путь. После пробуждения Джерома прошла целая неделя, и двенадцать дней со времени его прибытия в Феверрут. Спина еще до конца не зажила, но левеллинцы заверили юношу, что рана вряд ли потревожит его, если он будет осторожен. Когда первые солнечные лучи робко пробрались в лес, пришло время прощаться с друзьями из Феверрута.

Объятия, на которые так надеялся Джером, не заставили себя ждать. С трудом скрывая нетерпение, встретил он Маришу.

— Верь, — сказала она Джерому. Именно это услышал он от Мариши накануне вечером, когда им наконец удалось встретиться после разговора в спальне. Она, кажется, намекала на таинственный Алый Меч. Если желание его так сильно, а вера крепка, он станет обладателем талисмана. Джером задумчиво посмотрел на девушку и хотел задать какой-то вопрос, но очаровательная улыбка сбила его с толку.

— Верю, — сказал он девушке, сжимая ее в своих руках.

Она порывисто обняла, а потом отстранилась, чтобы попрощаться с Эллайеном и Килаком.

С остальными раскланялись достаточно быстро. Джером сердечно поблагодарил левеллинцев, спасших ему жизнь. Лекари Феверрута в очередной раз не согласились взять плату за работу. Мастер Нимбрус и остальные наотрез отказывались от вознаграждения за помощь, оказанную друзьям Килака Кронуса. Так что Джерому оставалось лишь благодарно кивнуть и еще раз выразить свою признательность. Эллайен и Килак распрощались с левеллинцами, путники вскочили на коней и тронулись в путь, на прощание помахав друзьям рукой.

Вскоре Феверрут скрылся за паутиной ветвей, и путешественники остались наедине с извилистой лесной тропой.

Когда Джером и его друзья покинули Феверрут, Мариша вернулась к своей работе. Правильно ли она поступила? Впервые встретился ей человек, которому хотелось рассказать все. Но девушка была рада, что не сделала этого. Ее терзали глухая боль и тоска, но Мариша выполнила волю отца и сохранила тайну.

Кажется, она упустила единственную возможность, и это тревожило ее. Выяснилось, что о своем предназначении Джером знает слишком мало. Наверное, требовалось нечто большее, чем просто поддержать юношу на его пути. В такое невероятное время наконец появился тот, кто верил. Марише не были близки рассуждения Джерома о судьбе, и ей оставалось лишь дивиться тому, что их пути пересеклись. Хотя они совсем немного успели друг другу рассказать.

Мариша покачала головой. Легенды и сказки говорили, что многие храбрецы отправлялись на поиски Меча Азахиля и раньше. Просто он был единственным, который встретился Марише, и девушке полюбились его самоотверженность и упорство. Джером умел в одиночку противостоять насмешкам. Но если приключение завершится неудачей, он ничем не поможет Марише.

Девушка верила, что, если Джером разыщет Меч, она узнает об этом, и тогда, наверное, все расскажет ему. Они поймут друг друга.

Девушка складывала чистые простыни в опустевшей комнате. Отложив работу в сторону, она подошла к окну и огляделась вокруг. Убедившись, что поблизости никого нет, Мариша осторожно вынула из складок платья заветный кулон. Встретит ли она когда-нибудь снова Джерома?

* * *

Сквозь полог дождя Невик уныло следил за железными воротами, которые устояли под очередной атакой тарана. Дюжина ударов оставили лишь царапины на почерневших створках. Тучи зажженных стрел сыпались на войска противника. Бойцы со стонами падали на землю. Под хриплые крики их души покидали страшную сцену битвы. Невик наблюдал за осадой, по приказу отца стоя рядом с ним за линией основных сил, где жадно завывали ветра. Таран обрушился точно на щель между створами южных ворот. Снова безуспешно.

— В сторону! — голос Нора возвысился над оглушительным шумом битвы. — Ворота прокляты!

Солдаты по команде оставили таран, установленный на огромной телеге, и побежали к барону в ожидании нового приказа.

— На осадные башни! — проревел Нор. — Готовьте лестницы! Поднимемся на стены!

К крепостной стене подкатили четыре массивные, неповоротливые башни. Оси скрипели и стонали под тяжестью, а колеса оставляли глубокие траншеи в грязной земле. Солдаты карабкались к верхушкам осадных сооружений по веревкам и опорам, чтобы вступить в бой за родную землю. Битва началась. Лестницы ударились о камни городских стен, и бойцы устремились вверх по ступеням под прикрытием стрелков. Кровь загорелась в жилах Невика. Он ощутил гордость за свое войско.

Враг встретил дракмарскую армию бешеным сопротивлением. Невик вздрогнул. Не от холодного дождя и пронизывающего до костей ветра, а от охватившей сердце ярости. Юному барону не терпелось оказаться на передовой. Бойня, которую по большей части вела одна сторона, не облегчала его лихорадочной дрожи, а напротив, была отвратительна ему. Невик сосредоточенно пересчитывал павших, чтобы отплатить врагу вдвойне, когда отец позволит ему вступить в бой. Казалось непостижимым, как один человек, не говоря уже о целом войске, мог быть столь уверен, что способен завоевать весь мир, и столь беспощаден, идя к своей цели. Люди эти заслуживали смерти, а долг его — убедиться, что они получили по заслугам.

Уже более получаса яростно сражались противники. Упорно поднимавшиеся на вершину крепости дракмарские воины вынуждены были отступить. Кипящее масло и деготь смертельным дождем лились со стен. Сначала одна, а за нею и вторая осадные башни загорелись, превратившись в угли и пепел. У подножия стен Кринуолла лежали горы обугленных, изуродованных тел. Неглубокий и узкий ров наполнился кровью.

Нор не собирался давать своим людям передышки. Суровый и

непреклонный барон мог одним взглядом поднять поверженного бойца из грязи на ноги. Невик восхищенно наблюдал за отцом, надеясь однажды стать ему достойным соратником. Люди боялись Нора и восхищались им. Страсть и отвага его страшили врагов и придавали силы верным друзьям. Нор верил, что способен на все, и уверенность его была заразительна. Лидер и победитель был рожден, чтобы выигрывать битвы, и не знал поражения.

Так случилось и на этот раз. Несмотря на многие неудачные попытки прорвать оборону наемников, укрепившихся на крепостных стенах, солдаты Нора нашли брешь. Свежие силы под командованием лейтенанта Хемана пробили проход в крепость с помощью одной из уцелевших осадных башен. Солдаты колдуна бросились затыкать прореху, но, похоже, храбрые воины Дракмара побеждали. Если значительному отряду удастся проникнуть внутрь, подумал Невик, появится шанс. Колдун так и не обнаружил себя, а без помощи его дьявольских чар наемникам не отстоять Кринуолл. Но нужно действовать быстро. Необходимо использовать представившуюся возможность и развить успех. Еще одно отступление, и день потерян.

Отец, должно быть, почувствовал то же самое, и когда Невик в сотый раз повернулся к нему, приказал:

— Невик, бери два резервных отряда и спеши на помощь лейтенанту Хеману. Пускай пробирается к воротам.

Вот и все. Ни прощаний, ни пожеланий успеха — не говоря уже об объятиях или рукопожатиях. Через мгновение отец отвернулся и проревел хриплую команду очередному гонцу, как он и делал целый день, управляя каждым солдатом в бою из своего командного пункта. Но уже настал момент для решительных действий. Барон приказал своему личному отряду готовиться к атаке на городские ворота, как только лейтенант Хеман откроет их изнутри.

— Невик, — рявкнул отец, удивленный тем, что сын все еще стоит рядом. — Ты получил приказ? Шевелись.

— Да, барон, — отдал честь Невик.

В следующие мгновения все закружилось вихрем. Действия были почти неосознанными, сказалась выучка и тренировка. Солдаты выстроились в линию, держа оружие наготове. Невик отдал приказ и бросился впереди колонны вверх по изуродованному холму к осадной башне Хемана. Он, не медля ни секунды, вскарабкался по канату, останавливаясь на каждом пролете, чтобы не потерять связь со своими людьми. Невик подобрался к третьему ярусу, на этаж ниже вершины зубчатой стены. Сын барона собрался с духом. Шум битвы нарастал, доски

затряслись над головой, и он спросил себя вдруг, во что он ввязался.

Невик приготовился к бою, и солдаты, пришедшие за ним, сделали то же самое. Отлично обученный тактике и стратегии войны молодой наследник никогда не принимал участие в битве серьезнее потешных сражений. А теперь предстояло иметь дело не с деревянными мечами и обернутыми тряпкой пиками. Его вновь охватила дрожь. Невик взялся за рукоять булавы, висевшей на поясе, и громким криком прогнал прочь и свой, и чужой страх. Единственный путь узнать, готов ли он к бою — это действовать. Стиснув зубы, Невик подал пример товарищам, ухватился за веревку и приготовился подняться навстречу бушевавшему над головой урагану.

Внезапно через открытую сторону башни, обращенную на юг, юный барон увидел приближающееся войско.

— Отец! — закричал Невик, хотя Нор никак не мог услышать его. Он остановился в нерешительности, а затем обратился к одному из своих соратников. — Капрал, — скомандовал он, разгоряченный от волнения. — Исполняйте приказ. Я догоню.

Не дожидаясь ответа, Невик спустился по канату так быстро, что кожа сгорела на ладонях. Он поморщился от боли, но не замешкался ни на мгновение и вскочил на ноги, едва коснувшись земли. То ли несясь, то ли скользя по окровавленной грязи и залитым смолой трупам у основания стены, Невик устремился к отцу, который срывающимся голосом отдавал команды и посылал солдат в бой.

— Отец! — задыхался Невик. — Подкрепление… с юго-запада… войско Палладура!

Нор тотчас повернулся в направлении, которое указал Невик, и нахмурился. Даже сквозь шум битвы он слышал стук сотен конских копыт, но не выказал особого восторга.

— Что случилось? — спросил Невик.

— Назад, — сурово ответил отец. — Прикажи им отступать. Невик с трудом подавил в себе страх и бросился на передовую с приказом. Отступать? Зачем терять выигрышную позицию? Теперь, с прибытием подкрепления, не воспользоваться преимуществом? Невик оставил при себе все вопросы, доверяя решениям отца. В считанные минуты войско Дракмара начало организованное отступление. Когда Невик вернулся к отцу, капитан Имз стремительным шагом подошел к своему барону.

— Что случилось?

Невик молчал, наблюдая за бароном и капитаном с нарастающей тревогой.

— Приближается Саталлион.

Испачканное грязью лицо Имза стало пепельно-бледным.

— Готовиться к обороне на два фронта?

От изумления Невик разинул рот. Этого не могло быть.

— Думаю, да. Мы не имеем права рисковать.

Имз уже отдавал новые приказы.

* * *

По мокрой и скользкой лестнице Траск поднимался к командному посту, перешагивая через ступеньки вдоль внешней стены. Толпа потрепанных и измотанных наемников расступилась при его приближении. Некоторые прикрывали кровавые раны, другие просили помощи у товарищей. Не обращая внимания на стоны и нестройные приветствия солдат, Траск решительно шагал вперед, чтобы собственными глазами увидеть неожиданную перемену на поле боя.

— Что случилось? Почему они отступили?

— С юго-запада приближается войско, командующий. Судя потому, что наши друзья занимают оборонительную позицию, это их враг.

Траск потер подбородок перчаткой, нахмурил брови и прищурился. В общем, колдун оказался прав. Люди этих земель не способны оказать сопротивление, они сами превратили королевство в лакомый кусочек для захватчиков. Колдун обещал Траску и его солдатам легкую победу, и поначалу все шло по плану. Корабли наемников причалили на севере, вдалеке от портовых городов. Оставив обозы позади, войско устремилось на юг, двигаясь в основном под покровом ночи, подкупая, убивая или попросту обгоняя любого, кто мог бы поднять тревогу. Колдун обладал властью над ветром и землей, и никто не встал на их пути.

Позже, тем не менее, Траск и некоторые из младших офицеров разочаровались. Сначала неожиданная остановка наступления и необъяснимая перемена тактики. Потом осада, поначалу казавшаяся ерундой, но теперь приобретавшая довольно серьезный характер. Командующий никак не мог взять в толк, что происходит. Парочка хороших заклинаний давно покончили бы с этой комедией. Однако, заколдовав городские ворота, маг наотрез отказался вмешиваться дальше. Вместо того он укрылся в башне, словно в коконе, занятый делами, о которых Траск и остальные не смели даже догадываться.

Командующий устал от творящейся неразберихи. В данный момент он желал лишь получить остаток платы и возвратиться

домой с королевским выкупом. И этого не произойдет, пока жалкое сопротивление Олсона не будет раздавлено, включая червей, что собрались теперь под крепостными стенами. Окончательная победа, казалось, была практически у них в руках, несмотря на безучастность колдуна, и командующему не терпелось протянуть к ней руки. Но Траск, бывалый солдат, знал, что поспешность коварно подстерегает самого благоразумного. Колдун не потерпит ошибок. Если враг окажется столь же хитрым, сколь и упрямым…

— Не стоит торопиться, — заключил Траск. — Похоже, это ловушка. Приготовить два кавалерийских батальона и ждать моего сигнала.

— Да, сэр.

* * *

Невик плечом к плечу стоял рядом с отцом, сжимая в руке булаву. На противоположном фланге держался капитан Имз, бледный как смерть, но готовый с достоинством принять любой поворот судьбы. Возвышаясь среди соратников, словно вековой дуб. Нор поднял огромный боевой топор и хмурым взглядом приветствовал тройку всадников, остановившихся перед ним. Один из прибывших двигался на полкорпуса впереди остальных. Саталлион с величественным видом снял шлем и продемонстрировал свою неизменную ухмылку.

— Приветствую, мой друг барон. Как идет битва?

Барон Дракмара молчал. Невик взглянул на отца, грудь которого медленно и угрожающе поднималась, как у быка, приготовившегося к нападению.

— Зачем ты пришел, Саталлион? — с усилием спросил Имз.

— Кажется, капитан не в настроении?

— Вы сражаетесь с нами или против нас? — потребовал ответа Имз.

Холодный ветер пронесся над полем битвы. В ожидании смертного приговора Невик разглядывал верховного лорда Палладура, ища в его лице хоть малейшую подсказку.

Пришло время Саталлиона нахмуриться при виде страшной бойни — изуродованных тел, тлеющих башен и окровавленной земли. Взгляд его обратился к рядам вражеских солдат, выстроившихся на стенах Кринуолла.

— Я сражаюсь за собственную жизнь и жизни своих подданных, — ответил лорд Палладура.

Соперники-бароны, Нор и Саталлион, встретились взглядами.

За спиною каждого несколько сотен солдат напряженно и нетерпеливо ожидали знака от своего лорда.

— Глупец, — в конце концов прохрипел Нор.

— Я могу принять судьбу моей земли. Ты — нет.

— Сегодня ты умрешь, — прорычал Нор, проведя пальцем по щербатому лезвию топора. — Я собственной рукой сполна отплачу тебе за предательство.

Усмехнувшись, Саталлион вырвал меч из ножен. Когда меч опустился, войско его с боевым кличем ринулось на противника.

Теперь командующий Траск увидел все воочию. Битва под стенами Кринуолла — не уловка. Вновь прибывшее войско настроено враждебно и с появлением подкрепления положит конец осаде. Ради какой цели, оставалось только догадываться. Вероятнее всего, это попытка одного из олсонских баронов добиться расположения захватчика, потому что, насколько было известно Траску, союзников у колдуна не имелось. Траск улыбнулся. Если так, то оставалось только поблагодарить предводителя вновь прибывшей армии за желание уцелеть любой ценой.

Когда одинокий луч солнца пробился сквозь густую пелену облаков, командующий наемного войска колдуна подал сигнал. Главные ворота Кринуолла растворились, и волна всадников устремилась на поле боя. Улыбка командующего расплылась еще шире. Скоро, пересчитав денежки, он отправится домой.

У противника не осталось ни малейшего шанса.

Глава 17

Неспешным шагом друзья направлялись на восток, скрываясь от палящих солнечных лучей под густым занавесом ветвей. Тропинки, на которые лишь изредка забредал человек, то и дело тонули в подлеске. Беззаботный ветерок перешептывался с листвой, собирая ароматы кедра, сосны и бесчисленных трав в неповторимый букет. Шорохи и звуки движений невидимых зверей окружали путников. Но сами лесные жители лишь иногда поглядывали издали на невиданных существ, беспрепятственно забредших в дикое царство. Под их взглядами Джером ощущал себя лишь случайным путником, шагающим по чудесной нетронутой земле. Узкая призрачная тропа петляла среди вековых сосен и елей, тысячи лет царствовавших в северном Кальмире. Вечнозеленые гиганты безмолвно наблюдали за мимолетными и незначительными стремлениями и противостояниями людей.

Несмотря на веру в существование Меча и решимость, рожденную удивительными и странными снами, решение отправиться на восток далось нелегко. И Джером, и Эллайен, уверенные в том, что колдун преследует их, тревожились за близких и знакомых, оставшихся дома. Левеллинский гонец не вернулся из Дилна до их отъезда. Друзья долго спорили, не должны ли они ненадолго вернуться домой. В итоге они все же решили, что возвращение несвоевременно. Приспешники колдуна, вероятно, и не подозревали о существовании селения Дилн. Если же Эллибе выдала Джерома, по своей воле или нет, значит, она рассказала и о его плане отправиться на юг Куурии. В таком случае, нет смысла нападать на Дилн в поисках Джерома. Если самое страшное все же произошло и деревня подверглась вторжению захватчиков, ничего уже нельзя изменить. Нет причин полагать, что колдун станет чинить в Дилне расправу из чувства мести. Скорее всего жители попадут в плен, и поимка Джерома не освободит их. В конце концов, сельчане могли скрыться еще до прихода вражеских солдат. Если же опасность пока дело будущего, гонец из Феверрута заблаговременно предупредит совет старейшин.

Доводы в поддержку Джерома, хотя и с горьким привкусом вины и предательства, не были лишены здравого смысла.

Последним аргументом стало то, что друзья зашли слишком далеко. Оставалось лишь продолжить начатый путь, доверившись старейшинам, которые смогут обезопасить народ и продержаться до возвращения Джерома. Он вернется и освободит тех, кто

пострадал по его вине, или же отомстит за них. Оглядываясь назад, Джером понимал, что выбор был сделан в тот момент, когда он повернул на восток в поисках Уитлока. С последствиями этого решения ему придется столкнуться позже. Но до поры до времени тревоги и заботы, словно тяжелые якоря, не давали двинуться с места, а он отчаянно рвался вперед.

И все-таки перемена обстановки взбодрила путешественников. Впервые Джерома не преследовало ощущение, что он единственный тащит на своих плечах всю тяжесть предприятия. Даже после случая в Аспадельских горах, когда Эллайен согласился отправиться на поиски развалин Трак-Симбоза, Джерому казалось, что он все делает в одиночку. С появлением Килака все переменилось. Паренек с искренней радостью встретил этот вызов, и его воодушевление благотворно сказалось на отношении Эллайена к экспедиции. Вместе они поддержали Джерома, когда страх и вина почти заставили его поверить, что нужно повернуть назад. С искусным проводником и верным другом решимость Джерома крепла, и он начинал верить, что не только пройдет до конца трудный путь, но и достигнет заветной цели.

Путешественники продвигались колонной, и Джером, оставаясь в арьергарде, мог незаметно наблюдать, как между его спутниками крепла дружба. Экспедиция возобновилась, но все осталось по-прежнему, как и в Феверруте, где Джером не принимал участия в занятиях друзей. Когда парочка отправлялась на поиски демонов, чтобы обезопасить левеллинскую общину, частенько видели, как они тренировались и оттачивали свое мастерство. Килаку не терпелось овладеть всеми тонкостями стрельбы излука, и по слухам он быстро догонял Эллаейна в этом ремесле. В свою очередь лучник заявил, что за неделю выучился обращаться с мечом лучше, чем Джером за годы тренировок в Дилне. Джером только улыбнулся, уверенный, что приятель преувеличивает, но почувствовал себя, однако же, несколько не удел.

Теперь происходило то же самое. Килак шел впереди, осторожно и внимательно ведя спутников по невидимым лесным тропам. Эллайен неотступно следовал за пареньком. Оба беззаботно болтали и смеялись, будто знакомы были много лет. Джером же все-таки еще не получил от мальчишки прямого ответа относительно пути, по которому тот их вел. Еще в Феверруте Килак заверил его, что поход, по крайней мере до Скуллмарских гор, — дело плевое, и от Джерома требует только скорого выздоровления. И хотя ему не нравилось, что судьба путешествия решается без него, до сих пор не было причин

допрашивать Килака.

Джером немного отстал от спутников, прислушиваясь к их беседе и не пытаясь вмешаться. Действительно, нельзя сказать, чтобы он неуютно чувствовал себя при такой расстановке сил. Левеллинцы предостерегали юношу от любых волнений. А Джером всегда спокойнее чувствовал себя в компании собственных мыслей, чем в окружении людей. В любом случае, одинок он не был. Мариша, как и в Феверруте, оставалась рядом, ни на мгновение не оставляя его сердца. Несмотря на трудности и заботы нелегкого пути, прошлые, настоящие и будущие, было очень трудно сосредоточиться на них и не вспоминать о нежных пальцах, милой улыбке и теплых словах прекрасной целительницы, заворожившей юношу из Дилна. Словно сказочный дух, девушка неведомым образом проникла в его сознание и поселилась там так глубоко, что каждая мысль, каждое ощущение и чувство неизменно устремлялись к сладким воспоминаниям и грезам. И не было от них избавления. Да Джером и не стремился его найти.

Удивительно, но спутники ни словом не обмолвились о колдуне, пока узкая тропка петляла сквозь густой и пышный лес. Джерома неотрывно преследовал страх встретить нового демона. Он был уверен, что бдительный Килак и даже Эллайен разделяют его опасения, только не подают вида. Вероятно, им просто давно уже никто не встречался на дороге и они почувствовали себя в безопасности. Либо же похоронили страх среди прочих тревог, чтобы сосредоточить все силы на предстоящем пути. Впрочем, попусту растрачивать слова необходимости и не возникало.

Часы тянулись, усталость одолевала тело и разум Джерома. Нетерпение и страсть, с которыми он вновь продолжил избранный путь, начинали рассеиваться. Ко второй половине дня он ощущал себя, как и следовало ожидать — словно две недели томился в постели. Спина болела, мышцы ныли. Хриплый кашель то и дело нарушал дыхание, давало знать ранение в легком. От пота под мышками и на груди промокла рубаха, на лице выступила испарина. Он не раз подумывал предложить спутникам сделать передышку и по крайней мере вскипятить воды на чашку снимающего боль отвара, которым его снабдили левеллинцы. Однако гордость не позволяла просить отдыха. Джером не хотел задерживать экспедицию ни на секунду. Лучший способ одолеть стену усталости — упрямо идти вперед.

К вечеру Джером уже отставал от спутников на добрую сотню шагов. Лес, будто замысловатый лабиринт, неизменный в формах и тонах, прятал от путешественников все подсказки, по которым можно было бы отличить пройденный путь от предстоящего. По

правую руку Джерома в просветах древесных крон горели золотисто-алые огни, оставленные на прощание заходящим солнцем. Лишь они давали Джерому ощущение времени. Прищурившись, он поднял глаза навстречу тонким лучикам и улыбнулся. Приближалась ночь, и дневной поход завершался.

С новыми силами Джером вернулся к дороге, но его поразила внезапная мысль. Туман в голове исчез, словно подожженная паутина, и юноша пришпорил коня, чтобы догнать спутников. Лучи света падали на лицо с правой стороны, что означало одно из двух. Либо солнце изменило своему извечному пути и больше не садилось на западе, либо…

— Почему мы едем на юг?

Эллайен обернулся на Джерома так, будто вовсе позабыл о его существовании, а потом поднял глаза на небо, чтобы убедиться в правоте друга. Сам охотник явно не обратил на это внимания и теперь вопросительно взглянул на Килака.

Юноша даже не удостоил спутников взглядом.

— Не волнуйтесь. Все это часть плана.

Джером и Эллайен переглянулись. Килак намеренно так искусно переменил курс, чтобы никто не заметил. Чего еще мальчишка не договаривал?

— Я думал, что Скуллмарские горы лежат на севере-востоке.

— Да, но сначала надо идти в обход через Восгес.

Джерома дрожь пробрала от одного названия. Мысль о юго-восточном полуострове Пентании рождала в воображении леденящие кровь образы людоедов в боевой раскраске и картины бесчеловечных варварских обрядов.

— Могу ли я поинтересоваться, почему?

— Если думаешь, — пожал плечами Килак, — чо от этова те легче станет, валяй спрашивай.

Путешественники из Дилна снова обменялись беспокойными взглядами, после чего дружно уставились на ставшего подозрительно загадочным проводника.

— Ну?

— Вы что, правда верите, чо какая-то там божественная благодать отведет нас прямиком к парадным воротам этих ваших развалин и Меч покажет? — фыркнул Килак. — Без обид, но у меня идейка получше.

— Замечательно, — согласился Джером. — И какая же?

Наконец паренек обернулся к спутникам. Его веснушчатое лицо светилось лукавой улыбкой.

— Так получилось, что я знаю кое-кого, кто бывал там раньше.

* * *

Колдун Сорик в покое и тишине восседал в верхней зале своей башни. Тело, как в колыбели, покоилось в мягком кресле, а чувства дремали, окутанные густым ароматом ладана.

Колдун не испытывал удовлетворения.

На столе перед ним лежала гора свитков, извлеченных из недр архива, который вел монашеский орден в Кринуолле. По большей части манускрипты представляли собой бесполезные документы, переполненные суеверными предсказаниями и предостережениями святых братьев. Но в одном из последних свитков внимание колдуна привлекла запись — историческая хроника, над достоверностью которой он не преминул бы посмеяться при других обстоятельствах. Однако в свете недавних событий находка эта казалась ключиком к истине.

В бумаге говорилось об аватаре — воплощении демонического божества в образе женщины, призванной в земное царство теми, кто желал использовать ее в качестве оружия против своих врагов. Но потусторонние силы не терпят над собою власти. Словно дикий зверь, вырвавшийся на свободу, она обратила гнев свой и ярость против плениших ее и противостоявших ее воле. Ведомые местью и инстинктами, которых не постигнуть ни одному смертному, она и ее прислужники полностью покорили далекую землю Секулон около тысячи лет назад. И все же в конечном итоге она потерпела поражение и вынуждена была скрыться или встретила смерть — что доподлинно неизвестно — от рук аватар из рода людского. С тех пор никто о ней не слышал, но запись, как и любая религиозная хроника, служила предвестником тех событий, повесть о которых еще предстояло вырезать на камне.

Как утверждалось в легенде, существо это носило имя, встретив которое в веренице слов, колдун лишь усмехнулся нелепому предостережению, и прочитал его вслух.

— Спитахера.

Королева демонов.

* * *

Саталлион, прихрамывая, поднимался по черным ступеням заколдованной башни. Он непроизвольно улыбнулся и чуть не вскрикнул от боли. Попробовав языком треснувший уголок рта, он ощутил привкус крови. Верховный барон Палладура был с головы до ног перепачкан в грязи. Тело болело и ныло. Но он был

жив. Пережил этот день. И провел своих людей через смертельную битву. Лучшего исхода и желать нечего. Оставалось только забрать награду.

Саталлион не успел подавить усмешку, когда вновь представил себе «славное» поражение Нора. Нож в спину — барды станут слагать стихи и воспевать это вечно. Безусловно, если бы не лорд Огелот, клятва Нора была бы исполнена. Безоружный, лежал Саталлион на земле, и ни одна молитва не помогла бы отразить удар огромного боевого топора. Даже теперь верховный лорд вздрогнул, когда в памяти его сверкнуло широкое лезвие. Но так распорядилась судьба, что верный лорд вовремя проткнул дракмарского барона сзади. Пролилась кровь Нора, но не Саталлиона.

Саталлион продолжал поздравлять себя с редкой удачей, но путь его подошел к завершению. Лорд мало уделял внимания башне, пока поднимался по сумрачному проходу, и лишь теперь осмотрелся. Глазам его предстало владение колдуна, заполненное книгами, полками и столами, магическими растворами и смесями. Незнакомый едкий запах ударил в нос, и Саталлион постарался глубоко не дышать. Среди множества столов колдун занимал один, держа в руке свиток. Саталлион побледнел, когда он опустил измятый пергамент и, нахмурившись, уставил на гостя глаза, от которых дрожь пробирала до костей. Прочитанным документом или неожиданным вторжением был недоволен колдун, но от одного взгляда узурпатора каждой клеточкой тела верховный лорд ощутил свою смертность.

— Ты, должно быть, Саталлион.

Верховный лорд упал на колено и потупил взор. Надменное лицо, впалые щеки и желтые змеиные глаза нового властителя повергали Саталлиона в дрожь.

— Да, мой господин, пришел служить и доказать свою преданность королю.

— Значит, сопротивление подавлено?

— Да. Предводитель убит, солдаты разбежались.

— Скажи, что должен я тебе за услуги?

— Ничего, милорд, — с притворным удивлением заверил колдуна Саталлион. — Мое войско в вашем распоряжении.

— Вот именно, — подтвердил колдун ледяным тоном. — С моей стороны будет невежливо оставить тебя без компенсации за старания.

— Нет необходимости, милорд, — поспешил повторить Саталлион, пряча улыбку.

— Ах, но я настаиваю. Кажется, я должен тебе часть королевства. Меньшее, что я могу — предложить тебе половину.

— Милорд! — удивленно воскликнул Саталлион, в первый раз встретившись с колдуном взглядом. — Благодарность моя не знает границ!

— Не думай об этом более, — взмахнул рукой колдун. Саталлион захрипел, повалился на пол и отчаянно схватился за голову, которую будто разрывало изнутри.

— Как я уже сказал, — пробормотал колдун, возвращаясь к свитку, — это меньшее, что я могу сделать.

* * *

Джером мгновенно оживился. Кроме обнаружения древинов, о встрече с тем, кто действительно что-либо знал о легендарном Трак-Симбозе, он не смел даже мечтать.

— Что? — воскликнул он после слов Килака. — Это невероятно!

Эллайен согласился.

— Почему ты раньше не сказал?

— Спорить не хотелось, — ответил Килак, по традиции пожав плечами. — А потом, никогда не знаешь, кто может следовать за нами по пятам. Думал, лучше, если все поверят, что мы на восток двинем. Мы начали на юг сворачивать только час назад.

Мысли Джерома смешались, и злость на паренька уступила место волнующему предвкушению.

— Но сам ты бывал в тех местах?

— Нет.

— Но знаешь того, кто был.

Килак кивнул.

— И он живет в Восгесе? — с явным удивлением спросил Эллайен.

— Последнее, что я о нем слышал.

— Как далеко на юг нам придется зайти? — задал вопрос Джером.

— Пока не найдем его. Эллайен нахмурился.

— А как же дикари?

— Дикари? Думаю, ты говоришь о муукла'аянцах?

— А разве не они там живут?

— Со времен финлорианской империи.

Джером беспокойно оглянулся направо, потом налево. Эллайен проделал то же самое.

— А мы их встретим?

— Надеюсь. Мы же разыскиваем одного из них.

Джером чуть не подавился. В следующее мгновение все, что

он когда-либо слышал о племенах Восгеса, пронеслось у него перед глазами. В тавернах болтали, что муукла'аянцы происходили от древнего эльфийского клана. В последние века они обитали в Кальмире, даже после исчезновения финлорианцев и заселения людьми земель Парты. Насколько было известно, они никогда не покидали своей территории. Говорили, что главная страсть дикарей — человекоубийство. Охваченные страхом и недоверием партианцы вскоре начали планомерное истребление лесных людоедов. Однако им не удалось полностью искоренить непокорных дикарей, и от попыток пришлось вовсе отказаться. Развернулась ожесточенная война на севере против Мензо, и партианскому войску стало не до лесных жителей.

Насколько правдива народная молва, Джером не имел понятия. Но ужасающие истории о похищениях и убийствах, неизменно сопровождавшие все рассказы о племенах, производили впечатление. Джером он не горел желанием проверить истинность слухов. Партианцы, вероятно, научились благополучно избегать случайных встреч с муукла'аянскими охотниками, но отправляться на юг и самим их искать выглядело откровенным безумием.

— Где гарантии, что они с нас кожу не спустят в первую же минуту?

— Знаю, вы всяких историй наслушались. Только не все племена муукла'аянцев кровожадные людоеды, которые охотятся на беззащитных женщин и детей.

— Но они действительно пожирают людей.

— И уже довольно давно. Кто сказал, что это неправильно?

Отвращение промелькнуло на лице Джерома, и юноша простонал:

— Не говори только, ради бога, что ты с ними обедал.

Килак ответил лукавой улыбкой, оставлявшей Джерома наедине с собственными догадками.

— Мне-то казалось, что такие ребята, как вы, посочувствуете народу, изгнанному без причины из родных краев. Муукла'аянцы веками жили, никому не доставляя беспокойства, пока партианцы не начали вытеснять их. Похоже, это люди никак не могут поделить землю, а не наоборот.

— Прости, — неохотно согласился Джером. — Никогда не рассматривал историю с этой точки зрения.

— Нуда, лучше бы вы посидели у муукла'аянского костра, чем в таверне с жадными до денег сказочниками и запуганными глупцами, тогда и узнали бы правду.

— Если я тебя правильно понял, скоро у нас появится шанс.

— Доверься мне, — подмигнул Килак.

Эллайен задумчиво посмотрел на Джерома. Тот лишь пожал плечами в ответ. А был ли у них выбор?

— Расскажи нам про своего знакомого дикаря.

— Квинген Грол, вождь племени Повайи.

— Повайи?

— Самое большое племя из оставшихся муукла'аянцев.

— Как вы встретились?

— Спас дочку Грола прямо из зубов его соперника, вождя племени А'авари. Это те жестокие дикари, о которых вы всякого наслушались.

— У тебя вообще есть знакомые, которых бы ты не спасал?

— Остальных я убил.

Эллайен рассмеялся, а Джером только покачал головой, пожалев, что задал вопрос.

— Продолжим о Квингене Гроле. Как он оказался в Скуллмарских горах?

— Его наняли в проводники семьдесят или восемьдесят лет назад. Тогдашние охотники за сокровищами полагали, что потомок эльфов лучше всех знает, где искать древний город.

Несмотря на то, что история Килака захватила Джерома, он проникся подозрениями и не на шутку рассердился. В прежних разговорах парень ни словом не обмолвился о том, что кто-либо владел сведениями о Мече или руинах, в которых он был похоронен. Если мальчишка все это знал, почему не рассказал раньше?

— И что случилось?

— Судя по словам Грола, затея провалилась. Они нашли город и пробрались туда. А потом что-то произошло. Грол никогда не вдавался в подробности, сказал только, что он единственный вернулся обратно.

— Наверное, съел своих попутчиков, — съязвил Эллайен.

— Продолжай, — сказал Джером. — Говоришь, это случилось около сотни лет назад?

Килак кивнул.

— Век эльфов долог. Грол уже старик, но сил ему хватит, чтобы поделиться полезными знаниями. Очень надеюсь, что он согласится присоединиться к нам.

С одной стороны идея воодушевляла. Однако Джерому совсем не хотелось оказаться в окружении незнакомцев, тем более смертельно опасных. Килак однажды спас юноше жизнь, а теперь собирался рискнуть ею. Совместное путешествие с муукла'аянским вождем, пусть даже и другом Килака, — дело не простое.

— Думаешь, он согласится?

— Трудно сказать, — пожал плечами Килак. — Сначала нужно встретиться.

Джером сделал несколько неглубоких вдохов, поняв по опыту, что лучше поберечь легкие.

— Больше ничего не хочешь рассказать?

— Что именно?

— Теперь, когда мы здесь и обсуждаем новый план, у тебя больше никаких неожиданностей не припасено?

— Хотите знать, что вас ждет? — предположил Килак.

— Конечно.

— Даже если это обернется против вас?

— Не понял? — нахмурился Джером.

— Иногда лучше не задумываться о будущем, — объяснил паренек. — Планы хороши, но бывает так, что все идет вкривь и вкось. Хочешь выжить — учись реагировать.

— Отлично, — сказал Джером. — Прошу только об одном: дай знать, когда мы окажемся в смертельной опасности.

— В таком случае, — ответил Килак, — считай, что я тебя предупредил.

Путники шли до самого захода солнца. Без небесного светила лес стал черным, словно холодное подземелье, и даже самоуверенный юноша Килак Кронус решил не рисковать, чтобы не сбиться с дороги. Без лишних церемоний они очистили от подлеска небольшую площадку вокруг поваленной секвойи и устроились на ночлег. Путешественники собрались вокруг костра, потягивая затекшие мышцы и отгоняя тревожные мысли. За сытным ужином из обильных припасов завели речь о планах на завтра — несмотря на все недовольство, ранее высказанное по поводу идеи Килака. Джером многое узнал о таинственных диких народах, населявших земли, в которые они направлялись. Истории эти страхов его не развеяли. Килак в общих чертах описал внешность и обычаи аборигенов и заверил, что волноваться нет повода. Если приятели из Дилна будут держаться как можно тише и последуют за ним, все пройдет замечательно.

С заходом солнца заметно похолодало, и Джером, съежившись, придвинулся к огню. Костер без устали потрескивал, заглушая шорохи и песни ночного леса и окутывая усталых путников теплой пеленой. Тело наконец расслабилось, голод отступил, боль затихла под действием левеллинских снадобий, и Джером закутался в одеяло. Веки отяжелели. Тихий разговор Эллайена и Килака скоро убаюкал Джерома.

* * *

В дорогу тронулись рано поутру, как только лес окрасился нежными утренними красками. Для Джерома начало получилось не самым благоприятным. На заре его разбудил кошмарный сон, в котором он тонул в вязкой трясине. Друзья стояли где-то на берегу, но оставались невидимыми и не пытались помочь ему. А тем временем в глубине болотных вод чудовищный зверь охотился за ним…

Джером очнулся от сновидения в холодном, мокром от росы и тумана лесу. Все тело ныло, мышцы болели даже там, где их, кажется, никогда и не было. Осознание того, кто он и что здесь делает, пришло немного позже.

Не смея вновь сомкнуть глаз, Джером принялся разводить костер и готовить целебный напиток. Ко времени отъезда он почувствовал некоторое, правда, незначительное улучшение. В душе его оставался осадок неуверенности и тревоги. Джером никак не мог постичь цель предстоящего путешествия: забраться туда, где не ступала нога человека, в самую глубь диких болот Восгеса в поисках племени людоедов, которые якобы должны помочь им. Он даже не знал, чему отдать предпочтение: чтобы Квинген Грол отправился сопровождать их или же решил остаться дома. Оставалось надеяться, что в голове прояснится, когда придет время.

Вскоре лес начал меняться. Земля стала мягкой, а воздух спертым и влажным. Деревья росли все реже, стволы их теперь по большей части были хилыми и мшистыми, хотя травы и кустарники, напротив, процветали. Вместо сухих и душистых ароматов хвойного леса преобладали запахи сырости и гнили.

Джером держался по возможности ближе к спутникам, отчасти из-за того, что буйная растительность совершенно закрывала дорогу, отчасти по причине все возраставшего чувства беспокойства. Более недружелюбную местность трудно было себе представить. Земля недовольно хлюпала под конскими копытами, и чем дольше длился день, тем чаще приходилось сворачивать в сторону или даже возвращаться далеко назад, чтобы обойти бесчисленные болота и трясины солончаковых топей. Как Килаку удавалось держать направление, Джерому было неведомо. Солнце совершенно исчезло, укутавшись в кокон густого тумана, который поднимался от самой земли.

Никаких признаков муукла'аянцев не было видно. По крайней мере Джером ничего не замечал, а если остальные что-то и обнаружили, то предпочитали помалкивать. Если верить слухам, еще никто не заходил на юг так далеко. Неплохо бы знать, что они, собственно, ищут, подумал Джером. Какими знаками отмечали дикари свою территорию среди диких болот? Килак

пояснил, что племена ведут кочевой образ жизни и обитают не в деревянных домах, а в берлогах и норах. Встречная деревушка может располагаться на краю болота или в долине лесной речушки. В любом случае, заверил Килак, караул заметит их куда раньше, чем им удастся приблизиться к поселению муукла'аянцев. Дикари сами найдут путешественников, а не наоборот.

Джерому такой план показался безрассудным и непродуманным, и червяки сомнения, одолевавшие его, кажется, с этим согласились. Как собирался Килак обнаружить народ, само существование которого основано на природной скрытности? И все же паренек, как и всегда, источал абсолютную уверенность. По причине междоусобиц среди племен, рассказывал он, каждый народ обычно придерживается определенной территории в джунглях. Он помнил, по каким местам предпочитали скитаться Повайи, а каких старались избегать. Так что необходимо как можно тише пробираться вперед и ожидать подходящего момента.

После небольшого завтрака они продолжили путь. На весь день до самого захода солнца установилась знойная и душная погода. Жара заставляла страдать Джерома и Эллайена, и только Килак ехал, как ни в чем не бывало.

Перед закатом у Джерома появилось ощущение, что за ними следят. По спине бегали мурашки, неприятно чесалась шея. То и дело, украдкой поглядывая на заросли, он замечал, что листва слегка шевелится. Странно, учитывая безветрие и отсутствие обитателей болота, за исключением насекомых да птиц. Наконец Джером решил обратиться к Килаку.

— Кажется, нас преследуют, — шепнул Джером.

Парень едва заметно кивнул.

— Идут по пятам уже некоторое время.

— Почему не встретиться с ними? — нахмурился Джером.

— Потому что это не те, кого мы ищем.

Джерома сразу пробрал холод. Он старался дышать как можно тише и попробовал не оглядываться тревожно по сторонам.

— А'авари? — прошипел он.

Килак снова кивнул.

Взглянув на Эллайена, Джером понял, что оба они пришли к одному и тому же выводу. Охотник незаметно потянулся к луку, а Джером невзначай положил руку на меч.

— На вашем месте я бы так не поступал, — мягко заметил Килак.

Спутники оставили оружие.

— Что нам делать?

— А зачем мы пришли?

Глаза Джерома нервно забегали.

— Кажется, ты говорил, что они стараются держаться подальше от чужих земель?

— Обычно да.

— Обычно?

— Ну, за исключением периодов войн.

Джером увидел, как на глазах побледнел Эллайен.

— Когда ты приезжал сюда в последний раз?

— Года полтора назад.

Времени достаточно для самых неожиданных перемен, подумал Джером. Границы могли сдвинуться самым драматическим образом. Не исключено, что какие-нибудь племена — допустим, повайи — полностью стерты с лица земли. На такие упущения Джером исподволь намекал Килаку. Знали бы заранее, вероятно, не согласились бы отправиться в поход.

Своевременное предупреждение уберегло бы путешественников от ужасной глупости.

Но теперь уже слишком поздно. Нет смысла спрашивать, что могло бы случиться. В самой глубине запретных болот они окружены расой, привыкшей ненавидеть род людской. Оставался единственный вопрос — что же в такой ситуации предпринять.

Когда последние солнечные лучи покинули джунгли, Килак вывел спутников сквозь живую стену тростника и кустарника на голую и грязную землю. Перед путешественниками раскинулось обширное болото, туманный покой которого беспокоили лишь длинноногие и юркие водомерки. Джером впал в отчаяние. Они вышли на небольшую отмель. Поворачивать больше некуда. Похоже, путешествие подошло к своему печальному завершению.

— Вот и они.

Джером инстинктивно развернулся. Загоняя добычу в угол, дикари выступили из зарослей. Они бесшумно проскальзывали сквозь кусты, словно звери, ощетинившиеся многочисленными лезвиями и иглами. Забыв о предупреждении Килака, Джером потянулся за мечом. Моментально рой игл впился ему в руку и плечо. Стиснув зубы, Джером выдернул меч из ножен. Но не успел он замахнуться, как и меч, и рука сделались невероятно тяжелыми. Джером с ужасом наблюдал, как бесчувственные пальцы выпустили рукоять, и клинок упал в грязь возле конских копыт.

Эллайену повезло не больше. Каким-то чудом лучнику удалось натянуть тетиву еще до того, как дротики настигли его, но единственная стрела пролетела мимо цели. Или скорее жертва

избежала удара — не просто уклонившись от стрелы, а с невероятной скоростью схватив древко на лету. Лучник неуклюже, будто соломенная кукла, выскользнул из седла, пораженный в грудь дюжиной игл.

Джерома постигла та же судьба. Со всех сторон увидел он выбритые головы и стреляющие трубки, выкаченные глаза и надутые щеки. Он понимал, что происходит, но не мог ничего поделать. Сначала иглы вонзились в руку, державшую меч, а затем Джером ощутил укусы на лице и шее. Через мгновение он без чувств повалился на землю.

Приземлившись на ноги в зловонную болотную воду, Джером рухнул на бок. Шея вы вернулась так, что взгляд обратился в сторону Килака. Паренек остался в седле и, вытянув руки над головой, скрестил запястья, что, вероятно, служило жестом покорности. По всей видимости, это сработало, поскольку юноша избежал ядовитых иголок. Дикари обступили Килака, клокоча и чирикая на своем языке. Похоже, слова не сулили ничего хорошего. Пока Джером ждал, что же случится дальше, на сцене появилось ехидно улыбавшееся татуированное лицо. Заостренные зубы щелкнули, но не кровожадно, а, как показалось Джерому, самодовольно. Хотя значения это не имело. Джером успел разглядеть в ноздрях дикаря торчащие осколки костей, напоминавшие каменные выступы на склоне горы. Если потомок эльфов намеревался своим внешним видом вселять страх и ужас в сердца жертв, то цель была достигнута с лихвой.

Джером попытался заговорить, но язык не слушался. Дикари принесли деревянный шест, к которому кожаными ремнями привязали добычу за щиколотки и запястья. Двое подняли шест и погрузили на плечи. Джером с трудом приподнял голову и успел заметить, что Эллайена встретили с тем же гостеприимством. Килак тоже был связан, но по крайней мере стоял на ногах. Сзади в шею его упиралось копье, а руки оказались крепко-накрепко скручены. Через мгновение процессия с добычей, лошадьми и прочими пожитками тронулась в путь.

Коней они тоже съедят, подумал Джером. Интересно, кто вкуснее, он или его лошадь?

Глава 18

Действие яда оказалось кратковременным, что явилось, однако, слабым утешением для пленников. Джером даже горько пожалел, что его конечности обрели чувствительность вскоре после того, как муукла'аянцы покинули болото. Когда ядовитая преграда исчезла, боль завладела телом. Свежие синяки после падения, тугие кожаные ремни на щиколотках и запястьях и не успевшая толком зажить рана на спине разом дали о себе знать. Еще больше пугало полное неизвестности и страданий будущее. Собирались дикари освежевать, выпотрошить и зажарить пленников на костре или же сварить в кипящем котле, не суть важно. Пленникам предстояло умереть в нестерпимых муках.

Невеселая эта перспектива подстегнула Джерома, и он принялся отчаянно измышлять способы побега. Прежде всего он напряг зрение, всматриваясь в тени. Ближе всех шел Килак. Джером позвал его и хотел спросить, как, черт побери, им выбраться из этой передряги. Но не успел он собраться с мыслями, как заработал по макушке древком копья. Провожатый прикрикнул на него на незнакомом языке, но тоном, который он незамедлительно понял. Джером с трудом проглотил ком в горле и взглянул на Килака. Тому хватало ума смотреть только вперед и помалкивать — что он и продолжал делать.

После полученного урока Джером постарался вести себя разумнее. Килак беззаботно и расслабленно шагал, казалось, на деревенский праздник, а не на встречу с собственной смертью. Но Килак никогда не изменял своим привычкам. Затем Джером ухитрился вытянуть шею и за фигурами Килака и полудюжины дикарей разглядел Эллайена. Охотник попытался вырваться из веревок, за что незамедлительно получил взбучку. Побежденный пленник беспомощно повис на шесте. Джером отвернулся.

Юноша закрыл глаза. Нельзя впадать в панику и отчаяние. Должен существовать выход. Вероятно, можно как-то договориться с муукла'аянцами, предложить им что-нибудь ценное в обмен на освобождение. Джером покачал головой. Муукла'аянцы не походили на тех, кого привлекает блеск монет или драгоценностей. Впрочем, никакого подходящего для выкупа имущества у путников практически и не было. Судя по внешнему виду, дикари вели скромный образ жизни, довольствуясь самыми простыми вещами. Как сделать им подобное предложение? С другой стороны, что помешает дикарям сожрать пленников после того, как они завладеют выкупом?

Итак, все в этом мире перевернулось с ног на голову. Джером

и его спутники превратились в дичь, а выживание их зависело от милости охотников — или удачного побега. Ни то, ни другое не вселяло надежды.

Продолжая ломать голову над средствами освобождения, Джером детально изучил воинов, завладевших его жизнью. Зрелище не принесло утешения. Безволосая оливковая кожа была сплошь, с головы до пят покрыта отвратительными татуировками и многочисленными шрамами. Рисунки наподобие змей обвивали туловища и конечности, сливаясь в превосходный камуфляж. Джером вспомнил, как впервые увидел их ощетинившуюся кожу, и догадался, что тела муукла'аянцев усеяны крючками, иглами и зазубренными штырями, словно у вооруженных природою зверей. Скудная одежда из кусков шкур и материи крепилась к коже при помощи расщепленных костей. Джером боялся представить, каким образом невинный малыш из племени А'авари превращался во взрослого дикаря, и готов был рассмеяться, вспоминая нравоучения Килака о понимании и терпимости к обычаям и обрядам этой древнейшей расы. Судя по всему, леденящие кровь истории обретали реальные очертания.

Дикари изредка переговаривались между собой с помощью хриплых выкриков и гневных жестов. Быстрым шагом они решительно направлялись к своей цели сквозь туманные болота. Даже ночью воздух оставался душным и затхлым. Джером попытался определить направление, в котором двигалась процессия. Восток, хотя, может быть, и север. Вряд ли это имело значение. Джунгли простирались на все четыре стороны. Если друзьям и удастся бежать, им никогда не выбраться из болот раньше, чем дикари выследят их вновь.

Как долго им осталось жить? Никогда раньше не чувствовал себя Джером таким беспомощным. Юноша с трудом пошевелил затекшими конечностями. Невыносимо болела голова, в висках стучало от прилива крови. Перед глазами вспыхивали яркие круги и искры. Всем телом Джером ощущал каждую кочку и веточку под ногами дикарей, пробиравшихся по густым зарослям джунглей. Чем раньше достигнут муукла'аянцы цели, тем скорее закончится пытка.

Джером внезапно вспомнил о Марише. Он не думал о ней с тех пор, как друзья вступили на земли Восгеса. Джером был поглощен заботами об опасностях, поджидавших их на пути. А теперь, попав в лапы к самым кровожадным существам, Джером мысленно обратился к тому, что некогда покинул. Странно, но вместо дома, отца и друзей это место заняла очаровательная Мариша, ухаживавшая за юношей после ранения. Он так мало узнал о девушке и, наверное, больше никогда о ней не услышит.

Джером стиснул зубы. Думать надо о побеге. Жизнь друзей зависит от его способности соображать, а он даже толком сосредоточиться не может, растрачивая драгоценное время на страхи и уныние. Почему он не способен ничего придумать? Оставалось только надеяться, что Эллайену и Килаку повезет больше, хотя бы потому, что они не надеются на Джерома.

Лишнее напоминание, что на карту поставлена жизнь не только его собственная, заставила Джерома удвоить усилия. Все неправильно. Вместо того чтобы продумывать побег до самых границ Восгеса, необходимо решать проблемы последовательно. Начинать надо с первых шагов. Чему именно они противостояли? При бледном свете луны Джером принялся пересчитывать оружие и осматривать устрашающие силуэты врагов. В основном дикари были вооружены примитивными копьями, походившими на заостренные колья, и метательными трубками. Джером заметил несколько луков и пращей и около полудюжины ножей, напоминавших больше ручные топорики с лезвием в форме полукруга и деревянной ручкой с отверстиями для пальцев. Однако точно сосчитать количество муукла'аянцев пленнику не удалось. Худые и жилистые фигуры то пропадали, то вновь выныривали из зарослей, извиваясь, будто ветви на ветру. Ни один не оставался на месте достаточно долго, за исключением двух пар, несших пленников, и воина, охранявшего Килака. Джером не сдавался. Около дюжины или чуть больше, решил он.

На каждого из пленников приходилось от четырех до шести дикарей. Джером вздрогнул, оценив свои возможности и припомнив молниеносную реакцию муукла'аянца на выстрел Эллайена. Сумеет ли Килак противостоять в бою дикарям? У паренька все еще остались мечи. Оружие Джерома и Эллайена отобрали и погрузили вместе с остальными пожитками на оседланных лошадей. При удачном стечении обстоятельств можно сделать попытку прорваться к ним. Нельзя рассчитывать, что кони быстрее дикарей проберутся сквозь непроходимые джунгли. Внушительные размеры животных скорее всего станут помехой. Нет, чрезвычайно ловкие и зоркие муукла'аянцы, как свои пять пальцев знавшие здешние джунгли, несомненно, больше приспособлены к погоне по болотам Восгеса.

С какой стороны ни взгляни, а проблема выживания превратилась в задачу, которую Джерому решить не удавалось. Несмотря на то, что подсчет противников и оружия, пересмотр всевозможных вариантов событий помогли юноше отвлечься и заняться полезным делом, действительность осталась суровой и непреклонной. Скоро все они погибнут.

Они двигались долго и неспешно, и Джером искренне

удивился, когда процессия неожиданно остановилась. Трое из племени А'авари остановились впереди и о чем-то заспорили. Впрочем, любые разговоры их между собой походили на перепалку. Джером тщетно старался понять слова и жесты, одновременно оглядываясь по сторонам и рассматривая окружающие заросли. Словно черная змея в блеклом свете звезд, путь им перерезал узкий ров. По всей видимости, обсуждали вопрос, стоит ли яму пересечь или обойти стороной. Когда спор начал перерастать в ссору, лучик надежды в мыслях Джерома пробился сквозь мрак. Может статься, дикари разозлятся так, что перебьют друга, и пленникам удастся ускользнуть.

Скоро надежда угасла. Через минуту путь был выбран. Трое спорщиков разделились. Двое вернулись на места по обе стороны процессии и растворились в листве, а один остался ждать впереди. Жестами он подал сигнал. Колонна тронулась, чтобы пересечь ров.

Дикари выстроились плотнее, и пленники оказались в центре группы. Джером внимательно и напряженно следил за происходящим. С минуты на минуту что-то должно было случиться. Муукла'аянцы встревожились, нюхали воздух, будто звери, мышцы под оливковой кожей напряглись, они явно готовились к действию. Джером оглянулся, но ничего необычного не заметил. Процессия спустилась на дно рва. Он взглянул на Эллайена, но тот отвернулся, потом на Килака и с удивлением заметил, что парень украдкой смотрит на него. Когда их глаза встретились, Килак легонько кивнул.

Все произошло в мгновение ока. Первый из муукла'аянцев ступил на наклонное дно рва и внезапно исчез. Земля под ногами разверзлась, он вскрикнул и, отчаянно взмахнув руками, провалился вниз. Ветки и комья грязи посыпались вслед за несчастным дикарем, который, по-видимому, наступил на какое-то гнездо. Крик еще некоторое время раздавался из норы, а потом послышался глухой удар о дно. Джером поежился. Что бы ни было внизу, это явно не стог соломы.

Внезапно воздух наполнился пением необычайной птицы. Джером повернулся на звук, слетавший с губ Килака. В следующее мгновение парень бросился ничком на землю и соскользнул по склону ущелья. На долю секунды Джерому показалось, что один из стражников толкнул его в спину. Но тут же в деревьях зазвенела тетива, и стрела с древком около шести футов длиной насквозь пробила грудь изумленному дикарю, который оказался на том самом месте, где только что стоял Килак. Дикарь еще некоторое время рассматривал широко раскрытыми от удивления глазами вонзившуюся в него стрелу, а

потом повалился вперед. Душа покинула тело еще до того, как оно рухнуло на землю.

События развивались стремительно, брошенный носильщиками, Джером упал в грязь и почувствовал, что скользит вниз. Остановился он рядом с Килаком, в нескольких шагах от края ямы. Стрелы безжалостно рассекали воздух, а дикари, словно крысы, почуявшие пожар, бросились врассыпную в поисках укрытия. Среди деревьев показались незнакомые силуэты. Муукла'аянцы держали в руках огромные луки. Джером узнал их по описаниям Килака. Повайи!

— Пригнись! — шепнул Килак, когда отравленный дротик просвистел над головой Джерома. Он послушно прильнул к земле. — У меня на левой ноге спрятан кинжал. Достать сможешь?

Джером вывернулся, лежа в грязи и ветках, и перекатился на другой бок.

— Кажется, да, — сказал он, связанной рукой цепляясь за ногу Килака. Джером нащупал мягкий кожаный ботинок и в нем, чуть выше щиколотки… Джером ухватился за рукоятку и выдернул кинжал.

— Освободи меня, — приказал Килак. — Быстро!

От волнения и испуга Джером неловко манипулировал кинжалом и едва не выронил оружие. Наконец он справился с собой и, крепко сжав рукоятку, подполз к связанному Килаку. Внезапно коренья, до сих пор державшие его, оборвались и потянули юношу за собой к самому краю ямы. Голова повисла над пустотой, и Джером увидел озаренное мрачным лунным светом тело несчастного а'авари, распростертого среди острых камней на глубине двадцати футов. Кровь смешалась с болотной водой, просочившейся сверху, образовала темную пену вокруг трупа и окрасила почву.

— Скорее!

Джером зажмурился и глубоко вздохнул, забыв о поврежденном легком. Каждое движение причиняло ему боль, но он выпрямился и повернулся к Килаку. Извиваясь в грязи как змея, Джером подполз ближе и развернулся так, чтобы видеть связанные руки друга. Не успел он коснуться веревок, как рядом оказался один из дикарей. Взревев от ярости, а'авари поднял над головою копье и прицелился в спину Килака Кронуса.

Джером не задумывался. Он вовремя среагировал и с криком бросился под копье, чтобы своим телом заслонить паренька. Оставалось только надеяться, что копье не пробьет их обоих.

Джером приготовился к смерти и, не дождавшись рокового удара, осторожно приоткрыл один глаз. Воин а'авари, качаясь,

стоял на коленях. Кровь водопадом хлестала у него изо рта. Две стрелы длиною с копье поразили дикаря: одна в бок, другая в сердце. Стрелы уперлись в землю, будто приговорив эльфа вечно стоять на коленях, не ведая покоя смерти.

Джером все еще глядел в упор на труп, когда к нему подскочил воин повайи. С быстротой и ловкостью кошки дикарь выхватил клинок из рук Джерома и точным движением перерезал веревки — сначала его, а затем Килака. Эльф рывком поднял паренька на колени, что-то крикнул ему на ухо, а потом выпустил кинжал лезвием вниз в лицо Килаку. Килак поймал рукоятку, и острие остановилось в каком-нибудь дюйме от его носа. Килак взглянул на дикаря, и тот, вновь что-то выкрикнув и хлопнув паренька по спине, развернулся и отправился навстречу битве.

— Что это было? — спросил Джером, потирая красные полосы на запястьях.

— Оставайся здесь, — сказал в ответ Килак и выглянул изо рва.

Не успел Джером и рта раскрыть, как паренек со скоростью ветра бросился в заросли под градом стрел и дротиков, чтобы пробраться к месту, где развернулось сражение. В руках его сверкнули клинки — длинный и короткий. Лезвия взлетали из стороны в сторону, словно складки стяга, разрываемого свирепым ветром. Двое воинов а'авари преградили ему путь, он проскользнул мимо них, чтобы напасть на третьего. По крайней мере так показалось Джерому. Но когда Килак вырвал клинки из тела третьего, первые двое повалились замертво, поливая землю фонтанами крови из перерезанных глоток.

Джером отвел зачарованный взгляд от поля битвы и заметил Эллайена. Связанный и беспомощный, охотник валялся неподалеку. Джером последовал совету Килака и постарался держаться у самой земли. Он направился на выручку другу, не забывая о коварном рве. Джером не знал, насколько глубока яма, и не хотел испытывать судьбу.

— Не двигайся, — сказал он охотнику, который продолжал отчаянно бороться за свободу.

— Джером! Как ты вырвался?

— Не шевелись, — повторил Джером, вынул из-за пояса охотничий нож и перерезал веревки на руках и ногах Эллайена. В следующее мгновение лучник оказался на свободе, отбросил шест и вскочил на ноги.

— Давай выбираться, — скомандовал он.

— Подожди.

— Ждать? Чего? — изумился Эллайен. Он быстро осмотрелся и оценил обстановку. — Надо бежать, пока мы целы. Где Килак?

Джером указал в сторону, где в последний раз видел приятеля. Килак не стоял на месте, но держался неподалеку, сражаясь с вооруженным до зубов дикарем. Друзья из Дилна с разинутыми ртами наблюдали, как юный воин в щепки превратил массивное древко вражеского копья и разом всадил оба лезвия противнику в грудь.

— Что он делает? — прохрипел Эллайен.

— По-моему, здесь появились его знакомые.

— Ну, знаешь, с меня хватит. Он нас всех угробит!

Джером не спорил. Однако битва стихла так же внезапно, как и началась. Джером на скорую руку пересчитал дикарей. Около дюжины мертвецов из племени а'авари лежали на склонах рва, и судя по крикам, те, кто успел скрыться, не далеко ушли от преследователей. Стрелы и ядовитые дротики исчезли. Остались лишь муукла'аянцы, увитые ветками плюща, с причудливыми округлыми татуировками. Вместо шипов и крючьев мочки ушей и губы украшали серповидные деревяшки. Двое муукла'аянцев направились к друзьям, сжимая в руках огромные луки, заряженные длинными стрелами.

Эллайен неохотно поднял вверх руки. Не успел Джером последовать его примеру, как со склона стремительно спустился Килак, производя на свет какофонию причудливых звуков. Ловайи обернулись, и Джером понял, что паренек разговариваете ними, и еще больше удивился, когда дикари дружно опустили луки и что-то сказали в ответ. Один из муукла'аянцев защебетал и указал на край рва.

— Пошли, — позвал Килак, следуя за дикарями.

Джером старался не глядеть на изуродованные тела. Удивительно, но смерть дикарей, всего несколько минут назад намеревавшихся причинить ему неслыханные страдания, не доставила Джерому никакого удовольствия. Повайи собрались на склоне, осматривая трупы. Кто знает, что они замышляли. Мало кто из дикарей обратил внимание на недавних пленников. Выбравшись из ущелья, Килак направился к дикарю, который был выше остальных и стоял в окружении воинов.

Оглянувшись на спутников, он сказал:

— Присмотрите за конями.

Джером и Эллайен послушались и покинули растущую толпу муукла'аянцев. Несмотря ни на что, Джером глаз не спускал с паренька, пока вместе с лучником успокаивал перепуганных животных. Удивительно, но кони совершенно не пострадали — они находились в конце колонны и избежали бойни. К радости друзей свершилось маленькое чудо. Может статься, вызов смерти, брошенный путниками, которые вступили в запретные джунгли,

окажется не такой уж пустой затеей.

Из-за спин десятков воинов, столпившихся на краю рва, Джером продолжал настороженно следить за беседой Килака и вождя. Слабая надежда, озарившая, наконец, его душу, почти погасла. Обменявшись с вождем еще несколькими фразами, Килак нахмурился и в сопровождении воинов Повайи направился к своим спутникам.

— Извините ребята, — сказал он. — Похоже, мы зря потратили время.

От огонька надежды остался лишь едкий дым.

— Почему?

— Квинген Грол мертв.

Глава 19

Дальнейшее путешествие по топям Восгеса не принесло облегчения. Чудесным образом освобожденные от пут друзья вскоре почувствовали усталость. Они находились в пути уже полтора дня, и Джером крайне нуждался в отдыхе. Он вел за собою коня по топкой неровной земле и все чаще спотыкался. Ноги отяжелели, плечи опустились, а глаза закрывались сами собой. Горько было думать о том, что все — потраченные время, силы и даже жуткое столкновение со смертью — пошло прахом.

Килак заявил, что настоящая опасность им вообще-то не угрожала. Повайи следили за ними с самого начала, задолго до того, как путешественников заметили а'авари, по вине которых более дружелюбное племя не решилось показаться первым. Но повайи никогда не позволили бы соперникам совершить успешный набег на собственной территории.

Слова Килака мало убедили Джерома. Откуда ему знать, что повайи вмешались только ради них? Они ждали слишком долго. А'авари могли убить пленников гораздо раньше. В любом случае Джером не собирался прощать Килаку обман, пусть даже и непреднамеренный.

Джером чувствовал себя неуютно в окружении загадочных муукла'аянцев, число которых постепенно увеличивалось по мере их продвижения. Внешне дикари казались дружелюбными, но Джерому были неведомы их истинные намерения. Вместе с повайи путники могли прийти к тому же концу, что готовили им а'авари, только на этот раз добровольно. Зачем насильно тащить сопротивляющуюся жертву, когда она спокойно топает сама да еще тащит на себе аппетитный кусок мяса?

Поразмыслив, Джером все-таки отказался от своих выводов. Такого отношения повайи, конечно же, не заслуживали. Несмотря на суровый вид и поведение, народ этот спас ему жизнь, и подозрительность Джерома была несправедлива и необоснованна. То же самое можно было сказать о Килаке. Он согласился довериться пареньку как проводнику и защитнику. Пока что все обошлось. Путешественники живы, относительно невредимы и оставался даже небольшой шанс узнать что-нибудь стоящее при встрече с вождями клана повайи. Вместо того чтобы причитать над потерянным, наверное, следовало поблагодарить парня за помощь.

Тем временем Килак незаметно подошел к Джерому и положил руку ему на плечо.

— Килак. Ты меня напугал.

Паренек многозначительно посмотрел на него.

— Ты не думай, чо я позабыл то, чо ты для меня там сделал.

Джером озадаченно нахмурился.

— В яме. Против а'авари.

— Ты о чем?

— Ты мне жизнь спас, — пояснил Килак.

Джером припомнил, о чем говорил паренек. С его точки зрения событие выглядело иначе. Если бы не точный удар воина Повайи, они оба были бы мертвы.

— Думаю, тебе пока рановато на тот свет, — пожал плечами Джером.

— Я твой должник, — продолжал настаивать Килак.

Джером покачал головой.

— Ты мне раньше спас жизнь. Помнишь?

— Эт не то.

— Слушай, твой поступок тогда повлиял на результат, а мой — нет.

— Я ничем не рисковал.

Джером озадаченно взглянул на паренька. Куда он клонит?

— Ты рисковал своей жизнью, штоб меня спасти. Никто для меня еще этова не делал.

Джером рассмеялся.

— Не верится, что кому-нибудь хоть раз выпадала возможность.

— Я собираюся отплатить те.

Джером придержал вертевшуюся на языке шутку, заметив, что парень говорит серьезно.

— Килак, это замечательно. Но не нужно, правда…

— Мы на месте.

Джером не стал продолжать и обратил все внимание на дорогу. Повайи, нагнувшись, прошли под сплетенными ветвями двух деревьев — по всей видимости, из рода инжира или баньяна. Еще один воин остановился на пороге удивительной двери и прочирикал что-то Килаку.

— Кони подождут здесь, — перевел тот.

Джером и Эллайен переглянулись и отправились искать деревья, чтобы привязать лошадей.

— Оставьте их. С ними все будет в порядке.

Джером пожал плечами, что частенько делал, отвечая загадочному пареньку, и отпустил повода. Он шагнул в проход за Килаком. Эллайен следовал позади.

— Осторожно, — предупредил Килак, — растения около лагеря ядовиты.

— Какие именно? — беспокойно оглянулся Джером.

— Узнаешь, когда дотронешься, — ответил паренек. — Просто следи за руками и держись за мной.

Будто слепой нищий да пес-поводырь, подумал Джером, но промолчал. Хорошо, что вообще предупредили. Спрятав руки глубоко в карманы брюк, Джером последовал за Килаком под арку ветвей, бросив взгляд на воинов повайи, стоящих на страже по обе стороны входа.

Его глазам открылся удивительный мир. Кружево мелких речушек и заводей легло на пышный и неровный ковер цветущих растений. Жилища более походили на бобровые плотины или гнезда из бревен, сваленных у воды. Другие дома представляли собой норы, вырытые в земле, или дупла в крупных деревьях. Постройки эти, казалось, не способны были укрыть даже от небольшой грозы. Но если верить Килаку, муукла'аянцы собственными руками разрушали деревню раньше, чем это удавалось природе, и отстраивали ее на новом месте.

Дикари были повсюду. На земле, в воде, на деревьях. Многих Джером видел, остальные скрывались от глаз чужеземцев. И не только мужчины. Женщины и дети бросали свои занятия, чтобы изучить незнакомцев: первые с откровенным отвращением, вторые — с нескрываемым любопытством. Джером остановился, чтобы рассмотреть поселение как следует. Если и было на свете место, куда человеку ход заказан, то именно здесь, в святая святых муукла'аянского племени.

Звонкий крик пробудил Джерома от мечтаний. Предводитель отряда, сопровождавшего путешественников, выступил вперед и объявил об их прибытии. Женщины, похватав детей, исчезли в лесных лачугах. Трое воинов вышли из постройки, которую только с натяжкой можно было назвать домом. Конструкция в форме купола, увешанная звериными шкурами, располагалась на небольшой возвышенности. Насколько мог судить Джером, это была самая высокая точка во всей деревне. Воины приблизились к предводителю Повайи, приведшему чужаков. Эти муукла'аянцы старше, решил Джером, обратив внимание на огрубевшую кожу и выцветшие татуировки. Вожак группы почтительно опустился на колени и принялся непрерывно кланяться, пока не получил от старейшин приказ встать и одновременно, как показалось Джерому, резкое порицание. Вожаку дали слово, он поспешно принялся щебетать и щелкать, без остановки указывая на Килака. Когда он закончил, старейшины хмуро посмотрели в сторону Джерома. Наконец один из них издал стон, и все трое отвернулись.

Вожак вновь начал кланяться и, дождавшись, когда старейшины скроются в постройке, поднялся на ноги и подбежал

к гостям. Что-то сказав Килаку, он затрещал на своем птичьем языке и подал знак ближайшим дикарям, которые окружили чужаков.

— Что он сказал? — спросил Джером. Килак лукаво улыбнулся.

— Совет примет нас.

В окружении лучников Джером и его спутники направились к дому, из которого вышли трое старейшин. Джером изо всех сил старался не оглядываться по сторонам и держаться рядом с Килаком. Несмотря на неизменную уверенность паренька, дикари явно были не в восторге от прибытия незваных гостей и любой шаг в сторону с назначенного им пути терпеть не собирались. Оставалось только надеяться, что встреча пройдет без неожиданностей.

У самого входа в дом вожак отряда остановился и, как рассудил Джером, обратился к Килаку с последними наставлениями. Когда дикарь договорил, паренек повернулся к своим спутникам.

— Снимите обувь. Сначала пятимся задом. Когда скажут, разворачиваемся и становимся на колени перед собранием. Ждем в той же позе, пока нам не разрешат уйти.

Джером и Эллайен молча кивнули. Удивительно, что этот примитивный и суровый народ пользовался столь замысловатым церемониалом. Не вступая в пререкания, Джером сделал, как было сказано, снял обувь и ступил голыми ногами на влажную траву. Никто не предложил забрать вещи, и Джером просто оставил их там, где они лежали.

— И последнее, — объявил Килак, — если раскроете рты и начнете говорить, ни в коем случае не глядите на вождя. Не обращайтесь к нему прямо. Даже не смотрите в его сторону. Объясняйтесь с советом или со мной. А еще лучше, молчите. Поняли?

Джером снова кивнул. Он не собирался выполнять все указания, но рот на замке держать умел.

Повайи отодвинул одну из звериных шкур, и перед путешественниками открылся проход в стене небольшого домика. Повернувшись спиной, Килак зашел внутрь. Джером осторожно последовал за парнем, охотник за ним, и проход закрылся.

Гостей встретила тишина. Прошло какое-то время. Джером начал подозревать, что стал жертвой обмана и находится в пустой палатке. Помня, однако, слова Килака, он не поддался искушению обернуться и продолжал разглядывать деревянные шесты, образовавшие остов строения изнутри. В конце концов он услышал хлопок и почувствовал движение Килака. Оглянувшись

для верности, он последовал его примеру и развернулся.

Несмотря на предупреждение Килака о том, как следует выказывать почтение в племени Повайи, Джером сразу же уставился на вождя. Почтенный предводитель восседал на неком пьедестале — судя по виду, это был пень. Татуировками и украшениями он ничем не отличался от остальных членов племени, за исключением того, что вместо деревянного рога под челюстью в его нижней губе торчали две заостренные палочки наподобие бивней. На лысой макушке возвышалась корона из колышков, напоминавшая кольцо поставленных вертикально копий. Джером предположил, что сначала их воткнули в череп, а потом заточили. На лбу красовалось что-то вроде клейма, на щеках — живописные шрамы. Джером вдруг вспомнил о своем праве на трон и удивился, насколько мало привлекали его атрибуты и символы власти.

Взор его встретился с взглядом вождя, и Джером потупился, неожиданно смутившись. По правую руку от вождя сидели трое старейшин, встретившие путешественников. Килак назвал их «советом». Трудно было представить себе более враждебные взгляды. Не будь слишком поздно, Джером отказался бы от встречи немедленно и не тратил попусту время. Помощи не будет. По крайнее мере здесь.

Один из присутствующих подал знак. Килак опустился перед вождем на колени, смотрел он, однако, в сторону старейшин. Джером и Эллайен последовали его примеру. Путники сидели на ковре из звериных шкур — в тесном помещении не было никакой мебели — и ждали.

Наконец один из старейшин, указав на Килака, издал несколько резких и хриплых звуков. Юноша кивнул, но ничего не ответил. Через мгновение второй старейшина сделал то же самое. И снова Килак кивнул. Вполне предсказуемо третий член совета воспользовался своей очередью. Паренек повел себя, как и прежде, безмолвно выслушав. Наступила тишина.

Джером поежился. Не терпелось встать и размяться. Колени начинали ныть. Он устал и проголодался. Больше всего хотелось подремать где-нибудь, предпочтительно в Феверруте, в ожидании утреннего визита Мариши с подносом фруктов и хлеба. Они бы завтракали, смеялись и болтали без конца. Джером едва не улыбнулся.

Вскоре заговорил вождь. Джером инстинктивно посмотрел в его сторону, но вспомнил предостережение Килака и поспешно отвернулся. Поначалу он уставился в землю, потом поднял глаза. Один из старейшин смотрел на вождя — им, вероятно, это разрешалось. Второй — на Килака. А третий сурово глядел на

него.

Когда вождь закончил речь, старейшина обратился к Килаку и передал послание. Эллайен прошептал Килаку на ухо:

— Что они говорят?

— Хотят знать, зачем мы ищем Квингена Грола.

И Килак рассказал старейшинам. По крайней мере так решил Джером. Пареньку позволили беспрепятственно говорить в течение нескольких минут. Оживленное повествование было наполнено отрывистыми и резкими жестами, с помощью которых общались муукла'аянцы. Несколько раз парень указывал на Джерома, один раз помахал рукой у того над головой, в основном же толкал его в бок. Килак ни разу не отвел взгляда от тех, кому отвечал. Джером повел себя иначе. Он почувствовал на себе тяжелый взгляд вождя. Поначалу он старался не проявлять беспокойства и посматривал лишь украдкой. Но напряженный и упорный взгляд высокопоставленного лица завладел его вниманием. К концу рассказа Джером вовсю глазел на вождя и отвернулся только в тот момент, когда старейшины начали совещаться между собой.

— Что теперь? — спросил он.

— Они кое-что знают, — ответил Килак, — но не решаются рассказать нам.

— Про город?

Килак подтвердил.

— И про Меч. Какое-то предсказание. Неуверен…

Килака прервали яростная трескотня и рык старейшины.

Джером увидел, как один из присутствующих сделал жест, словно отмахиваясь от них.

— Нас просят уйти.

Джером всполошился.

— Как? Почему?

Килак кивнул в сторону совета.

— Гостеприимство не безгранично.

— Так просто?

— Двое высказались против. Здесь такие правила. — Килак поднялся на ноги и направился к выходу.

— Нет, — настаивал Джером. — Они должны рассказать нам.

— Оставь, — предупредил Килак, пытаясь удержать Джерома, который снова повернулся к совету.

— Пожалуйста, — умолял Джером.

Старейшины продолжали смотреть на него с нескрываемой враждебностью. Не раздумывая, Джером обратился к сидевшему молча вождю с отчаянной просьбой.

— Если вы что-то знаете, скажите!

Только потом Джером сообразил, что ни при каких обстоятельствах нельзя обращаться к вождю напрямую. Незамедлительно раздались пронзительные возгласы старейшин, и Килак настойчиво дернул его за руку. Но отступать было слишком поздно. Стражники, стоявшие снаружи, вошли в шатер, и Джером почувствовал, как сильные руки скрутили тело и шею. Любые попытки вырваться оказались безуспешными. Джером оставил сопротивление и вновь взглянул на вождя.

— Прошу!

Но предводитель обратил свой взор на Килака, который позволил повалить себя на землю без борьбы и пререканий. Как и Эллайен. Джером почувствовал угрызения совести. Друзья не должны страдать по его вине. Сцена сражения во рву вспыхнула в памяти Джерома, когда острие копья приблизилось к голове Килака. Только на этот раз он бессилен помочь.

— Нет!

Не его отчаянный призыв, а резкий и яростно-хриплый голос вождя моментально остановил потасовку. Старейшины с возмущенной трескотней обернулись к предводителю. Когда вождь поднялся, старейшины попятились, отвешивая поклоны. Он обратился к стражникам, и те, несколько помедлив, отступили. Они собрали оружие и исчезли, будто схлынувшая вода. Вождь выступил вперед и заговорил напрямую с Килаком. Старейшины возмутились, но вождь, вновь утихомирив их суровым взглядом, продолжил диалог с Килаком и помог тому подняться на ноги.

Килак что-то спросил на наречии повайи, и вождь ответил утвердительным жестом.

— Эй, рассказать кое-что?

— Что случилось? — спросил Джером, медленно и осторожно поднимаясь на ноги.

— Это Квинген У'уен, внук Квингена Грола. Когда-то я спас дочь Грола, выходит она — мать У'уена.

Джером еще раз выдержал паузу. Он хотел убедиться, что правильно понял слова Килака.

— То есть, он расскажет все, что знает?

Заговорил Квинген У'уен, все собравшиеся молча слушали. Даже Джером, не понимавший ни единого слова, но не желавший дожидаться перевода, напряженно вслушивался, стараясь разобрать смысл щелчков и щебетаний.

— Он согласился помочь, — подтвердил Килак, — если ты докажешь свою пригодность.

— И как я должен это сделать? — Джером поднял глаза на У'уена.

— Пройдешь испытание.

— Испытание? — с сомнением переспросил юноша. — Хорошо, я готов.

* * *

Белесая пелена тумана окутала ночные болота. Колючие кустарники цепляли Джерома за руки и за ноги, пока он пробирался сквозь густую мглу в сопровождении Повайи. На этот раз помимо отряда численностью в сорок воинов его сопровождали старейшины совета и сам вождь, Квинген У'уен. Впереди двигалась группа разведчиков, а Джером с Эллайеном и Килаком шли следом. Высокопоставленные муукла'аянцы держались на некотором удалении в сопровождении личной охраны. За кустами и деревьями прятались дикари из деревни, с нескрываемым любопытством следившие за процессией. Джерому показалось странным, что среди них вновь, несмотря на поздний час, были женщины и дети. Когда же этот народ спит?

По дороге Килак объяснял остальным, какие решения принял совет после аудиенции. У'уен знал то, что хотели услышать путешественники — о путешествии его деда в Трак-Симбоз около столетия назад. Рассказ о событиях прошлого по древней и почитаемой традиции муукла'аянского народа был передан ему устно. История эта особенно заинтересовала друзей. Килаку удалось кое-что подслушать из разговора старейшин, и он подозревал, что у муукла'аянцев существует давнее пророчество, касающееся возвращения талисмана Азахиля. По поверью отыщет его чужеземец, а поможет ему в этом муукла'аянское племя. Именно по этой причине Квинген Грол возглавил предыдущий поход. До него были и другие. До сих пор все попытки оканчивались неудачей или же трагедией, и среди муукла'аянцев начинали появляться такие, кто отказывался верить в пророчество. Страхи усиливались из-за напряженных отношений между повайи и а'авари, и старейшины выступали категорически против того, чтобы вождь даже ненадолго покинул племя ради обреченного на неудачу и бессмысленного путешествия.

Тем не менее, продолжал Килак, У'уен дал клятву. Если Джером выдержит назначенное испытание, вождь присоединится к экспедиции.

Звучало хорошо и красиво. Но оставалась проблема испытания. Вопрос, надо сказать, не пустяковый. Каким бы оно ни было, Джером не горел желанием преодолевать неведомые трудности.

Но права выбора им не предоставили. Развернуться,

устрашившись провала, значит провести остаток жизни в сомнениях. Лучше потерпеть неудачу, чем сдаться перед лицом опасности.

Наконец процессия остановилась на краю тихого озера, берега которого утопали в ночном тумане. Джером принюхался. Пахло гнилью и тлением. Начинал давить страх неизвестности. Неприятно тянуло под ложечкой — ощущение, к которому Джером в последнее время привык.

Приблизился предводитель племени в окружении стражников. Поравнявшись с Джеромом, Квинген У'уен отдал команду, и воины расступились. Вождь сделал шаг в образовавшийся проход, сжимая в руке церемониальное копье. Некоторое время он молча рассматривал юношу. Джером сумел выдержать пристальный взгляд. Костлявый палец протянулся к нему. Джером вздрогнул, но не двинулся с места и не проронил ни слова, пока У'уен щебетал на своем наречии.

— Он приказал отдать оружие и снять одежду.

Джером прервал визуальный контакт с вождем Повайи и угрюмо взглянул на юного переводчика.

— Как ты думаешь, зачем?

— Наверное, скажет, когда ты выполнишь приказ. Джером посмотрел в сторону насупившегося Эллайена. У'уен что-то буркнул и продолжал говорить. Джером сначала взглянул на него, потом на Килака.

— Вождь хочет напомнить, что мы по своей воле пришли к нему.

Джером кивнул. Без дальнейших пререканий он расстегнул ремень, на котором висел меч, и начал раздеваться. Через некоторое время юноша стоял в первозданном виде рядом с кучей смятых вещей и, не обращая внимания на множество любопытствующих зрителей, спокойно и терпеливо ожидал дальнейших указаний.

Вождь смотрел Джерому в глаза, казалось, еще несколько минут и только потом заговорил. Речь длилась довольно долго. Джером смутно догадывался, что слова предназначались не ему лично, а скорее являлись ритуальным обращением к собравшимся. Когда У'уен закончил, пришлось снова подождать, пока Килак поймет и сможет достаточно точно перевести.

— Они хотят, чтоб ты переплыл озеро, — наконец проговорил паренек. — Отсюдова и до таво берега.

— И все? — Джером ожидал более устрашающего задания. Будучи еще мальчишкой, он проводил много времени, купаясь в озерах и реках за пределами Калгрена, и считал себя опытным пловцом. Но в данный момент юноша чувствовал себя

неуверенно. Туманные воды скрывались в млечной дымке, и, не разглядев противоположного берега, Джером задумался, в силах ли он выполнить то, чего требовали Повайи.

Квинген У'уен возобновил речь, и Джерому снова пришлось ждать перевода Килака, который тоже нервничал и изъяснялся невнятно.

— Еси потонешь — ты не прошел. Еси тебя сожрет Ниитен — ты не прошел.

— Ниитен?

— Зверь какой-то. В озере живет.

Джером проглотил ком в горле и снова окинул взглядом недвижные воды. Трудно поверить, что в безмятежной мутной глубине обитал и охотился какой-то зверь. Но он с самого начала знал, что легко не будет. Пуститься вплавь, далеко или близко, дело не хитрое. А пересечь охотничью территорию водяного чудища, не имея против него никакого оружия — это уже больше походило на авантюру.

— А он не расскажет, как спастись от этого Ниитена?

Килак перевел слова Джерома У'уену и остальным. Расположившиеся в окружении охраны старейшины начали, кажется, посмеиваться. Переданный Килаком ответ вождя звучал удручающе.

— Судьба решит.

— Что-нибудь еще? — неуверенно спросил Джером, рассматривая спокойную гладь озера.

Килак обменялся репликами с вождем Повайи.

— Он говорит, чо еси ты тот, трусить нечего.

— Глупости! — выпалил Эллайен. — Остановись, Джером. Мы и без посторонней помощи обойдемся.

Джером бросил взгляд на лучника, а потом вопросительно посмотрел на Килака.

— Я б не привел нас сюда, еси б не считал, чо это необходимо.

— Ради чего рисковать жизнью? Может быть, не стоит? — не унимался Эллайен.

Джером улыбнулся. По-своему лучник прав. Не стоит умирать Эллайену. Не стоит умирать Килаку. Но именно в испытании — суть вызова. Муукла'аянцы проверяют его волю, силу и судьбу. При неудачном исходе только сам он будет отвечать за последствия. Если Джерому суждено погибнуть, он умрет один. Это было лучшее, на что он смел надеяться, чего хотел так долго.

— Последи за вещами, хорошо?

Эллайен глубоко вздохнул и покачал головой. Джером взглянул на Килака, потом на Квингена У'уена и решительно

кивнул. Вождь махнул рукой в сторону болота.

— Мы будем ждать на той стороне.

Любая задержка могла лишь породить новые сомнения, и Джером ринулся напрямик сквозь осоку и камыши, растущие по берегу озера. Грязь просачивалась сквозь пальцы ног, податливая мягкая почва отступала под стоячей водой. Джером озирался по сторонам в поисках каких-либо признаков Ниитена. Но черная поверхность озера хранила свою тайну. Ноги проваливались в иле. Вода оказалась холоднее, чем Джером предполагал, и по телу его пробежала дрожь. Когда вода дошла до пояса, юноша почувствовал, что земля резко уходит из-под ног. Задержавшись лишь для того, чтобы закрыть глаза и сделать глубокий вдох — и еще раз напомнить себе, что он готов ко всему, — Джером оттолкнулся ногами и устремился вперед.

От ледяной воды перехватило дыхание, но усталость рассеялась. Забылись часы без сна, голод и раны. Прошлые невзгоды утратили значение. Если разом не добраться до противоположного берега, ничто больше не будет иметь значения.

Он размеренно работал ногами и руками, делая основной упор на плечи. Вода оказалась мутная и зловонная. Время от времени Джером поворачивал голову и задерживал дыхание как можно дольше, чтобы сосредоточиться на скорости. Пловец сразу нашел нужный ритм и надеялся быстро добраться до намеченной цели.

Вскоре плечи, непривычные к таким нагрузкам, заныли. Поначалу Джером пытался не замечать усталости и не спеша перешел на более медленный и спокойный гребок на первом отрезке пути. И лишь потом он понял, что лишняя возня только привлечет внимание Ниитена. Пораженный внезапной мыслью, юноша замер на месте, чтобы оставленный им на водной глади след разошелся. Осмотревшись и не обнаружив никаких признаков опасности, он набрал воздуху и возобновил движение.

На этот раз Джером плыл как в детстве, по-лягушачьи, отталкиваясь руками и ногами в стороны, а затем подбирая их под себя. Получалось двигаться бесшумно и к тому же держать голову на поверхности. Так пловец мог вовремя заметить угрозу. Выходило медленнее, но безопаснее.

К сожалению, Джерому и подобным способом не удалось проплыть достаточно долго. Мышцы попросту отказывались выполнять бесконечное число повторений. Ритм движений приходилось то и дело менять, поворачиваясь на бок или ложась на спину. В таком случае не всегда удавалось оглянуться. Джером заплыл довольно далеко, и покинутый берег скрылся из виду.

Хотя, вероятно, просто туман сгустился. В любом случае обратного пути не было.

Джером еще некоторое время продолжал плыть, но несчастные его мышцы начинали молить об отдыхе. Густой болотный туман облаком повис над самой водой, не давая юноше разглядеть ничего дальше собственного носа. Тишину нарушал лишь плеск воды и его тяжелое дыхание. Несколько раз Джерому казалось, будто что-то грузное шлепнулось в воду, и тогда сердце его билось чаше. Но все было тихо и спокойно. Он успокаивал себя тем, что в просторном озере чудовище могло найти себе занятие и в другом месте.

Прошло еще несколько минут, и что-то большое ударилось ему в ногу. Джером встрепенулся, выплюнул болотную воду и как обезумевший начал крутиться на месте, мгновенно позабыв, зачем он здесь. На поверхности остались лишь его следы. Ни мохнатая шкура, ни блестящая чешуя не нарушили покоя водной глади. В ужасе Джером осматривался, ожидая, что в любую минуту пара огромных челюстей схватит его снизу. Однако ничего не произошло, и скоро юноша оправился, решив, что наткнулся на какой-нибудь обломок, бревно или небольшого зверька, который, скорее всего, перепугался еще больше.

Все еще пребывая в сомнении, пловец вынужден был продолжать. Силы быстро покидали замерзшее и изнуренное тело. Неожиданно осознав, что не знает, в каком направлении двигаться, юноша окинул взглядом темную воду в поисках ближайших признаков земли. Попытка окончилась безуспешно. Окутанное туманом озеро казалось безбрежным.

Вновь что-то врезалось в него, Джером инстинктивно вскрикнул и в страхе задергал ногами. Его поразило неожиданное воспоминание о ночном кошмаре, в котором за ним в таком же точно болоте охотилось невидимое чудище, пока друзья ждали на берегу.

Удивительно, подумал Джером, он видел во сне собственную смерть еще до того, как все случилось. А как же остальные сны? Многие были воспоминаниями о прошлом. А видения о будущем? Джером терялся в догадках. Появится ли у него возможность проникнуть в тайну?

Только в том случае, если он выдержит испытание, опомнился Джером. От Ниитена нет спасения. Нельзя даже увидеть зверя. Оружия против него нет. Путь один — доверяясь судьбе и следуя велению У'уена, переплыть озеро. Мысль эта вселила в него надежду. Неужели судьба так далеко завела юношу лишь для того, чтобы теперь покинуть?

Джером вновь осмотрелся вокруг. Пусть неуловимыми и

неспешными, но каждый водоем движим собственными потоками, дуновениями ветра и, как ни странно, перемещениями обитающих в нем существ. Джерому не удалось разглядеть никаких путеводных признаков. В конце концов, он решился и выбрал направление.

Пловец некоторое время двигался, сосредоточившись на движении и стараясь не замечать ужасов, таившихся в мрачной глубине. Может, чудовища и вовсе нет, а Квинген У'уен упомянул о звере, чтобы испытать решимость незваного гостя? Правды Джером знать не мог, но это было не менее вероятно, чем существование в жутком болоте хищника, кормившегося любым несчастным, заплывшим в его воды. Мысль эта внушала юноше надежду. А кроме надежды держаться было не за что.

Джерому начало казаться, что он плывет по кругу. Но, сражаясь с усталостью и онемением тела, он продолжал свой путь в темноте. Один гребок, один толчок. Так можно плыть целую вечность. И сколько еще осталось — не ясно.

Внезапно Джером заметил долгожданную цель. Приподняв голову, он рассмотрел группу темных силуэтов на берегу. Джером для верности смахнул с ресниц брызги. Силуэты, так же, как и окутанная туманом растительность, остались. Юноша едва мог поверить, что это происходит на самом деле. Только бы хватило сил. Джером почти добрался до цели.

Приободрившись. Джером рванулся вперед. Образ стал четче. Темными силуэтами оказались повайи. Странно, но, похоже, дикарей мало интересовало его появление. И лишь Эллайен искал его глазами, стоя на берегу отдельно от остальных. Вся же группа, включая Килака, собралась у кромки воды в камышах и что-то разглядывала. Джерома это не волновало, и он занялся своим делом, продолжая плыть к берегу.

Колени уперлись во что-то мягкое, и сердце замерло. Ниитен схватил его в самый последний момент, а выжидал все это время лишь по единственной причине — чтобы соблазнить свою жертву ложной надеждой на спасение. Теперь зверь прекратит игру и сожрет его.

И вновь опасность оказалась лишь игрой буйного воображения. Колени и локти уперлись не в слизистую кожу чудища, а в илистую землю. Он победил.

Джером пополз по усыпанному лилиями мелководью. Эллайен бросился другу навстречу и помог ему подняться на ноги. Джером трясся и стучал зубами от холода. Трава и водоросли прилипли к посиневшей коже.

— Я уж боялся, что ты утонул, — сердечно поприветствовав друга, сказал лучник. — Выходит, ты был прав.

Джером изобразил на лице подобие улыбки и посмотрел туда, где собрались остальные.

— Что случилось? Охотник развел руками.

— Сам посмотри.

Джером с недоумением взглянул на друга и зашагал по грязному илистому берегу. Повайи провожали чужестранца благоговейно-подозрительными взглядами. Джером не обратил на это внимания, будучи уверен, что дикари не рассчитывали увидеть его вновь.

Глазам его предстало чудовище.

Или то, что от него осталось. Наполовину съеденная туша, будто обглоданная сотнями крошечных хищников, покоилась в камышах. Гладкая коричневая шкура зверя была разодрана в клочья. Острые обломки костей торчали сквозь куски изуродованной плоти. Гигантское, не менее двенадцати футов длиной, животное напоминало Джерому помесь рыбы и саламандры.

— Это и есть…

— Ниитен, — договорил за него Килак.

По спине Джерома забегали мурашки. Мысль о том, что Ниитен — лишь уловка, чтобы его припугнуть, можно отбросить. Юноша поглядел на зловещие ряды зубов, пустую глазницу и вздрогнул, представив, чем могло бы обернуться его приключение.

Эллайен подошел сзади и протянул Джерому одежду, которую тот с благодарностью принял и незамедлительно начал натягивать, не спуская глаз с останков.

— Что могло убить его?

— Никто не знает. Они говорят, что Ниитен спокойно жил в озере более полусотни лет.

Джером тревожно посмотрел на Квингена У'уена, на старейшин и воинов повайи, которые переводили суровые и недоверчивые взгляды с Ниитена на его собственную дрожащую фигуру.

— Что это значит? — спросил он Килака.

— Муукла'аянцы народ суеверный. Они продолжают сомневаться. Но, похоже, все сходятся в одном: зверь умер, чтобы ты без помех пересек озеро.

Джером, недоумевая, смотрел в темноту. Должен ли он благодарить судьбу за этот неожиданный поворот? Килак бросил взгляд на вождя Повайи, а потом снова обратился к Джерому.

— Эт значит, — подмигнул паренек, — чо ты заимел проводника.

Глава 20

Друзья проспали около трех часов и вновь собрались в дорогу. Удачно выдержав испытание, Джером и его спутники вернулись в деревню повайи под монотонный гул опасливых перешептываний. Джерому показалось, что он научился понимать речь муукла'аянцев без помощи Килака. «Наконец он пришел. Тот, кто выдернет Меч Азахиля из прожорливой пасти забвения. Тот, кого поведет один из нашего племени к руинам ушедшей эпохи, чтобы завладеть древним талисманом и вернуть его эпохе настоящей. Тот, кто погрузит мир в темноту перед тем, как вновь привести его к свету».

Произнесенные слова показались Джерому бредом сумасшедшего. И тем не менее речь лилась в его уши, словно музыка. Резкими словами и гортанными звуками муукла'аянцы воспевали хвалу его деяниям. И хотя многое из того, что дикари превозносили, как неоспоримую истину, Джерому еще только предстояло совершить, перемена эта была радостной и бодрящей по сравнению с прежним отчаянием и неуверенностью.

— Еси хошь спросить меня, — украдкой сказал Килак, — то я б ответил, чо чудище наткнулось на одного из демонов, когда тот охотился. Те повезло. Ему не повезло.

Но Джерома его слова ничуть не разубедили. Какая разница, как все случилось. Если юноше и нужен был еще один знак, что он на верном пути, то смерть Ниитена — в самую точку.

Безусловно, не все остались довольны. Пока народ ликовал и радовался, что древнее пророчество свершится на их глазах, совет возражал. По дороге в деревню старейшины настойчиво убеждали вождя изменить решение. Джером не избранный, он самозванец. У'уен растратит драгоценное время и поставит чужую и свою жизнь под угрозу, если покинет свой народ. Они умоляли рассказать чужестранцу то, что он хотел услышать, и отпустить его с миром. Уговоры продолжались и по возвращении в деревню. Джером слышал, как старейшины спорили за стенами дома, в котором друзья разместились на отдых. Несмотря на все заверения У'уена, что путешествие начнется на рассвете, Джером, сильно нуждающийся во сне, никак не мог сомкнуть глаз, опасаясь, что утром вождь передумает.

Квинген У'уен остался верен своему слову. Когда Джерома разбудили, вождь предстал перед ним в полном вооружении. Путников ожидали отдохнувшие и снаряженные кони.

Последние приготовления и наставления относительно благополучия племени в отсутствие У'уена прошли в

предрассветные часы. Джерому и его друзьям оставалось только взобраться в седла и последовать за вождем повайи на север. Народ проводил путешественников радостными возгласами, старейшины — хмурыми взглядами.

Все утро чужестранцы неспешно ехали верхом, следуя за ловким и проворным Квингеном У'уеном, который шел пешком. Несмотря на некоторую неловкость и скованность, вызванную присутствием предводителя повайи, Джером не переставал удивляться выносливости и очевидной преданности вождя. До сих пор У'уен не рассказал ничего из того, что знал. Он поведает все, объяснил Килак, когда путники покинут пределы Восгеса и вступят в Кальмирский лес. А'авари повсюду. Проворность и тишина понадобятся, чтобы пробраться мимо. А до тех пор каждому лучше остаться наедине со своими мыслями и поверить, что он расскажет все, что необходимо, когда придет время.

Джером повернулся к Эллайену и закатил глаза, бессловесно вопрошая, когда же наконец отыщется проводник, который соизволит все-таки обсудить с ним предстоящий путь. Сначала Килак, потом У'уен. Временами создавалось впечатление, что Джерома и вовсе рядом нет.

Однако Джером благодарно встретил первый день пути, обошедшийся без приключений. К полудню духота и болотная вонь остались позади. Земля подсохла, растительность изменилась, появились более привычные звери и птицы Кальмира. Джером задумался над тем, с какими чувствами покидал У'уен родную землю, но потом решил, что его это должно мало заботить. Он наконец вырвался из проклятых болот в знакомые леса. Джером выжил на земле муукла'аянцев. Выживет ли У'уен на его земле?

Вождь разрешил развести небольшой огонь, и путники поужинали тушеным мясом. Джером заварил себе остатки левеллинского снадобья и откинулся на спину. Боль постепенно, отступила. Килак и У'уен тихо переговаривались между собой в стороне от своих спутников из Дилна. Джером и Эллайен не вмешивались в щелкающий и трещащий разговор и не обращали на него никакого внимания. Можно дождаться и утра.

— Покажи ему карту.

От неожиданного требования Килака Джером замер с полным ртом каши.

— Какую карту?

— Из книги.

— Но ведь ее там больше нет? — удивился Эллайен.

Четверо путешественников сидели вокруг костра, разогревая завтрак. Пока Джером и Эллайен уплетали за обе щеки, Килак и

У'уен, как и раньше, продолжали беседу. И вот внезапно пареньку потребовалось его вмешательство.

— С чего он взял, что у нас вообще есть карта?

— Потому что я ему сказал. Пока мы еще не вышли из деревни.

— Зачем?

Килак нетерпеливо вздохнул.

— В пророчестве говорится, что у нас будет карта. Как и у тех людей, которых повел его дед. Тогда я сказал ему, что у нас есть карта, но мы не можем ее прочитать.

— Ты обманул вождя? — подавился Джером, немного испугавшись. Не хотелось бы с самого начала ссориться с тем, кто должен показать дорогу к руинам.

Килак покачал головой.

— Я пытался объяснить ему насчет книги. Но у муукла'аянцев, по-моему, нет слова, что бы описать магию. Проще показать.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Эллайен. — Кто знает? Может быть, ему удастся прочитать.

Об этом Джером не подумал. Муукла'аянцы во главе с У'уеном представлялись ему загадочным и непредсказуемым народом. Не исключено, что дикарь знает, как вернуть исчезнувшие письмена.

Отставив миску в сторону, Джером направился к своим вещам и скоро выудил из походной сумки массивный том, сыгравший ключевую роль в его решении пуститься в путешествие.

Задумчиво взглянув на книгу, юноша пошел к костру, в сторону У'уена.

— Зачем ему карта? — подходя ближе, задал Джером вопрос Килаку. — Он же знает, как отвести нас на место?

Паренек кивнул.

— Он просто хочет сравнить.

— Это займет не много времени, — усмехнулся Эллайен.

Джером с треском раскрыл книгу, уверенный, что страницы совершенно пусты. Он перевернул том и показал У'уену чистый разворот.

— Записи исчезли, — пояснил он, помахав ладонью над пергаментом.

Дикарь, нахмурившись, взглянул на книгу и протянул руку. Но, едва коснувшись переплета, он отпрянул, будто обожженный огнем, и издал ужасный вой. Книга упала на землю. От удивления Джером попятился и едва не угодил в костер. В последний момент он увернулся и приземлился в кусты. Эллайен и Килак

были поражены не меньше. Охотник выронил миску с кашей и застыл на месте. Сидя на корточках, Килак приготовился атаковать и вынул оружие.

Квинген У'уен, не обращая на них никакого внимания, с ужасом уставился на свои ладони. Неожиданно он бросился бежать. На какое-то мгновение Джерому показалось, что вождь собирается напасть на него, но тот пронесся мимо и сунул руки прямо в костер. Джером вскрикнул от изумления, Эллайен скатился с бревна, на котором сидел, а Килак, спрятав мечи, бросился к вождю. У'уен прогнал паренька, корчась от немыслимой боли и еще сильнее прижимая ладони к раскаленным углям.

Через мгновение муукла'аянец вынул из костра изуродованные руки. От почерневшей плоти валил дым, а воздух наполнился отвратительным запахом. Капли пота выступили на лбу вождя, слезы текли по мертвенно-бледным щекам. Джером, Эллайен и Килак испуганно следили за происходящим.

Наконец муукла'аянец тихо заговорил и поднял руки, будто произнося молитву или заклятие. Он бросил взгляд на съежившегося Джерома, потом обернулся к Килаку. Тот вежливо начал просить объяснений. В ответ У'уен пнул ком грязи в сторону валявшейся на земле книги и яростно зашипел, а потом развернулся и отошел в сторону.

Проводив вождя взглядами, Джером и Эллайен осторожно поднялись на ноги. Килак не замечал их, он смотрел в спину удалявшемуся У'уену.

— Кажется, у муукла'аянцев все-таки есть слово для магии, — повернулся к Джерому Килак. — Они зовут ее «укусом дьявола».

Несмотря ни на что, Квинген У'уен не оставил друзей. Когда они разбили лагерь, Килак пояснил, что случай с огнем являлся неким очистительным обрядом. Паренек не был уверен насчет книги, но становилось очевидно, что муукла'аянский народ чувствует присутствие колдовства или проклятия и ощущение это не из приятных. Килак, однако же, заверил, что все в порядке. У'уен понял, что чужеземцы пытались рассказать ему о странном заклинании, связанном с книгой. Вождь Повайи не винил никого, в том числе и Джерома, за ужасное недоразумение.

Джером выслушал Килака скептически, но доверился его суждениям. Не более чем через час, когда трое путников догнали У'уена, случай этот стал казаться совершенно забытым. Не считая обугленных вздутых ладоней и мрачного равнодушия к спутникам — включая Килака — вождь не выказал никаких неприятных эмоций по поводу происшедшего. К счастью, дикарь не упоминал более ни о каких картах.

День прошел в напряженном молчании. Пока остальные усиленно делали вид, что ничего необычного не произошло, Джером не переставал думать о странном случае. Юношу тревожило поведение вождя. Почему он не реагировал? Почему не решил попросту развернуться и оставить их? Вождь угрюмо и неразговорчиво вел путников на север сквозь тесный лабиринт леса, но по сравнению с людским поведением реакция его показалась Джерому более чем мягкой. Опять же, напомнил себе юноша, Квинген У'уен не совсем человек — он потомок эльфов.

На первый взгляд безобидные раздумья вели в трясину более глубоких и зловещих мыслей. Что им в сущности известно об эльфе? Вероятно ли, чтобы дикарь втайне замыслил недоброе? Может быть, он рассчитывал обмануть их и украсть Меч? Почему нет? Зачем отдавать сокровище людям, у которых не больше прав, чем у него, тем более, что реликвия может защитить племя от кровожадных а'авари? Его дед, Квинген Грол, вернулся из предыдущего путешествия один. И У'уену еще только предстояло объяснить, почему. Что скрывал вождь?

Джером покачал головой. Никак не узнаешь. По крайней мере сейчас. И до тех пор, пока он не получит исчерпывающих объяснений, юноша намеревался глядеть в оба.

К началу следующего дня все обиды были забыты. Килак и У'уен возобновили разговор, болтали и смеялись, словно старые друзья. Им даже удалось обратить в шутку недавнее происшествие, когда У'уен предложил Джерому возить в сумках что-нибудь менее опасное, вроде змеиного гнезда или пчелиного улья.

Килак и У'уен возглавили неспешное путешествие, плечом к плечу пробираясь сквозь девственные заросли. Паренек объяснил, что коней не стоит перегружать, пока они не доберутся до Скуллмарских гор. Прохладный ветерок шуршал по ветвям, осыпая землю сухими иголками. Кроны деревьев-великанов затейливо преломляли солнечные лучи. Джером вновь с благодарностью встретил лес, сменивший южные топи. Ноги его больше не будет на землях Восгеса.

Разговоры в этот день велись самые невероятные. Муукла'аянец Квинген У'уен, воспользовавшись способностями Килака к языкам, делился со спутниками своими обширными познаниями в области примет, запахов и ароматов здешних мест. Начал он с некоторых растений и животных, мимо которых равнодушно прошли остальные — редких и удивительных созданий, обитавших исключительно в этих местах, где и человек, и эльф были гостями не частыми. Разговоры скоро перешли на Пентанию, ее прошлое и настоящее. Вождь поведал о народах,

населявших эти берега многие века, об их мифах и легендах, о сменявших одна другую цивилизациях. Джером с особенным любопытством выслушал историю о древних финлорианцах, эльфийском народе, который правил островами в течение тысяч лет и был вынужден уступить родные земли молодым сильным расам. У'уен не знал, существовали финлорианцы до сих пор или нет, в любом случае от них осталась лишь тень былого могущества.

О Мечах Азахиля вождь знал немного. Он наскоро пересказал общеизвестную легенду, о том, как оружие было выковано эльфами и освящено их богами сотворения земли, о его роли в войнах драконов и истреблении полчищ крылатых титанов, о последующем постепенном исчезновении Мечей. О Мече, владел которым великий эльфийский король Сабаот, вождь знал только, что, по слухам, он был последним.

То же касалось и Трак-Симбоза. Вождь рассказал о планировке и рутинной жизни города, но мало что мог поведать о катастрофе, разрушившей эльфийскую столицу. Падение империи оставалось исторической тайной, хранимой на устах и закрепленной письменами. За исключением муукла'аянского пророчества о возвращении Меча, древнюю реликвию окутывали секреты и загадки. И историю её приходилось открывать заново.

Джером, однако, надеялся выслушать рассказ об экспедиции деда У'уена — разговор, который вождь никак не начинал сам, а Джером еще не достаточно осмелел, чтобы потребовать ответа. Поскольку Килак доверяет дикарю, он будет поступать так же.

Погрузившись в беседы о прошлом, Джером мысленно совершил путешествие сквозь века, очутившись в ином времени. Под тенистыми сводами чужого леса юноша ощутил, что жизнь и дом его остались в другом мире. Солнечные лучи не касались поверхности земли, лишь слабый свет сочился сквозь тугое переплетение ветвей. Они стали странниками в незнакомой древней стране. Джером оказался среди эльфов и карликов, орков и троллей в мире, неведомом человеку. Там, где кончалась стена деревьев, раскинулись величественные цивилизации старинных рас. Он ожидал, что в любую минуту из-за ветвей выглянут мощные стены и развевающиеся стяги Трак-Симбоза, и сам король наконец покажет ему Алый Меч.

Очарование таяло и возвращалось, перемежаясь с тревожными мыслями и раздумьями. Одни словно стервятники неотвязно кружили в ожидании, нашептывая Джерому о причинах, побудивших У'уена сопровождать их, о темной и таинственной природе его снов, об опасности, угрожающей любимым и близким. Другие же будто свободные и непокорные

ястребы взмывали к солнцу — парящие видения, в которых он находил Меч, поднимал армию и прогонял колдуна из родных земель. Джерому грезился Феверрут и триумфальное возвращение к Марише Валур. Что бы сказала она ему?

Миновал полдень, и день плавно перекатился во вторую свою половину. Постепенно Джером стал замечать отдаленный гул — слабый звук, который не только слышался, но и ощущался телом. Звук и вибрации временами усиливались, а затем стихали. Путешественники ни словом не обмолвились об этом, зная, что слышат стоны беспокойной горы Краккен, расположенной более чем в тридцати милях на север от них. Вести о пробуждении вулкана быстро достигли тех, кому не случилось самим стать свидетелями этого события. Джером и Эллайен узнали от людей еще под Иртвином о том, что спящий Краккен ожил. Джером до сих пор не мог поверить, что скоро глазам его предстанет гигантская гора, и окажется, вероятно, куда ближе, чем юноша того желал.

Мысль эта пробудила в сердце Джерома тревогу, которой он поделился с Килаком.

— Ты уверен, что можно не волноваться насчет партианцев?

Паренек обернулся.

— У них на севере дел по горло с Мензо. Патрули редко забредают так далеко на юг.

— Да, похоже, сюда вообще никто не забредает, — заметил Эллайен.

— Мы приближаемся к Скуллмарским горам. Там редко кого-нибудь встретишь. Можете мне поверить, нас ждет уединенная дорога.

Несмотря на все заверения, Джером отметил, что Килак держатся крайне осторожно и сосредоточенно. Стороннему наблюдателю могло показаться, что парнишка так же безразличен ко всему, как дерево к плесени, произрастающей на его коре. Однако Джером знал Килака достаточно, чтобы понять — ничто не ускользало от него. Паренек ни на мгновение не расслаблялся, напрягая все свои пять чувств, оборачиваясь на каждый запах, шорох, на каждую шелохнувшуюся тень. Так уж его обучили, и Килак Кронус постоянно оставался начеку. И хорошо, рассудил Джером.

Джером с уважением наблюдал за уверенными и решительными движениями паренька, но внезапно им овладело волнение. Он вспомнил сцену из сна, привидевшегося ему, когда он оставил Эллайена и отправился на поиски Уитлока. Реальность в точности не повторяла видения, но Джером узнал в Килаке безликого незнакомца в широких одеждах, вместе с

которым он и Эллайен путешествовали сквозь вековой лес. Как и в кошмаре с озером, юноша видел миг этот раньше, чем он произошел. Вероятно, еще одно знаменование, что путь избран верный. Джером улыбнулся этой мысли, а потом нахмурился. Оставалось только надеяться, что не все виденные в последнее время сны обернутся реальностью.

* * *

Вытянувшись в светящейся воде, Спитахера разглядывала мерцающие изумрудные блики на сводах пещеры. Энергии пробуждались к жизни, обжигая вены. После тысячи лет сна силы ее возвращались.

Но она еще не готова выйти на свет. Поступить так было бы слепым безрассудством. Вопреки мнению смертных, населявших королевство, Спитахера не имела ничего общего с бесноватым демоном, вырвавшимся из хаоса. Она позволяла им думать так, пока это было выгодно. Смерть и насилие оставались для нее не страстью, а верным средством удовлетворить свои нужды.

Природный порядок в мире нарушился после появления Спитахеры, но не по ее вине. Призвали ее люди, надеясь использовать в качестве орудия своей воли. Сломив цепи порабощения, Спитахера все же осталась в западне. Такова плата за переход из одного мира в другой. Даже обладатель природных сил и энергий неспособен просто открыть портал и пройти сквозь него. Тебя должны толкать и тянуть, и никому Спитахера не доверяла возвращение свое в родное царство.

В любом случае, Спитахере понравился увиденный мир — мир услад и восторга чувств, и она решила использовать новую обитель для себя и своего потомства. В глазах людей они захватчики. В конце концов, она одна из Великих аватар, дочь Китрауля, не обязанная никому в царстве божеств Кейлхай. Разве у нее нет права бороться за выживание? За безопасность собственных детей, за роскошь и развлечения?

Вера тех, кто породил ее, давно заставила их порвать с творцами мироздания. Тем не менее она заслужила все блага и прелести бытия. Спитахера желала того же, что и каждое существо, и готова была использовать все средства для достижения своей цели. Тысячу лет назад попытки ее окончились неудачей. На сей раз она выбрала безопасный путь, посылая своих слуг разведывать, как изменился мир. Иногда они возвращались невредимыми и рассказывали, что мир, дикий и первозданный в те времена, когда Спитахера приговорила себя к ссылке,

покорился роду людскому. Сила людей, однако же, оказалась меньшей, нежели та, с которой Спитахера столкнулась века назад. Дети ее встретили мало преград, способных стать на их пути.

Да и на помехи они наткнулись лишь по причине собственного нетерпения. Итак, Спитахера оставалась в бездействии, накапливая внутренние силы, покоившиеся слишком долго, пока не заручилась поддержкой союзника, готового дать ей войско. Договор был заключен, и уже ничто в мире не могло остановить ее.

Похоже, боги, которым она служила, услышали мысли Спитахеры, и мягкие удары крыльев эхом пролетели по древним коридорам, ведущим в ее логово. Спитахера поднялась из воды, чтобы встретить пришельца.

Бесенок вихрем ворвался в пещеру, с одного взмаха кожистых крыльев взмыл под самые своды и затерялся среди лабиринта сталактитов. Увертываясь от грозных камней и устроив живое представление, заставившее Спитахеру улыбнуться, он камнем бросился с высоты и приземлился ей на плечо.

— Добро пожаловать домой, Мицб.

Крошечный демон замурлыкал, когда нежные пальцы погладили его шерстистую шею. Существо потерлось о ее палец, а потом яростно защебетало. Грудь демона гордо вздымалась, и Спитахера просияла от удовольствия.

Улыбаясь, Спитахера повернулась к своим каменным слугам.

— Войско готово. Наше время пришло.

* * *

Джером и Эллайен вели за собой коней по узкой, только что вырубленной просеке. Ветки и сучья трещали под ногами. Кинжалы Килака сверкали впереди, неустанно расчищая дорогу сквозь гущу зарослей. Даже вездесущему Килаку не приходилось посещать эти отдаленные районы Кальмира. Переплетенные кустарники, по большей части сухие и мертвые, заполнили каждый дюйм земли, словно жизнь еще никогда не нарушала их царствования.

Для Джерома путешествие скоро превратилось в пытку. Разгребая на каждом шагу колючие сучья и цепкие ветви, волоча за собою коня и задыхаясь в узком пыльном проходе, он все больше и больше отставал от Килака. Гибкие кусты то и дело хлестали его по лицу, шипы рвали одежду и кожу, царапины чесались и кровоточили. Жестокая боль в спине стала постоянным спутником Джерома, и не раз ему приходилось

останавливаться для передышки.

Страдал не только он. С каждым хлопком по лицу, с каждой колючкой и каждой царапиной шаг Эллайена становился медленнее и осторожнее. Но охотник молча сносил боль и страдания, не желая разочаровывать Джерома. Юноша был благодарен другу, но не знал, как отплатить ему за поддержку.

Квинген У'уен чувствовал себя среди колючих кустарников и омертвевших ветвей как рыба в воде. Ни шипы, ни щепки не мешали его босым ногам. Джером и Эллайен обливались потом, а на оливковой коже дикаря поблескивали лишь отдельные капли. Он проделал весь путь, не поморщившись и не почесавшись, а ведь Джером так ни разу и не застал муукла'аянца спящим. Эльф он или нет, а это уж казалось совершенно противоестественным.

То же самое можно было сказать про Килака. Словно безупречно отлаженная машина, он переносил любые тяготы и невзгоды, не замедляя шага. Либо паренек был от природы нечувствителен к усталости, от которой с каждым шагом тяжелели ноги и сгибалась спина у остальных представителей его расы, либо он нашел способ справляться с ее действием. Во всяком случае, Джером никогда не встречал подобных людей и хотел больше узнать о необычном пареньке.

Путники лишь изредка обменивались словами, пробираясь сквозь заросли и теряясь в лабиринтах собственных раздумий. Приближаясь к заветной цели, Джером сосредоточил все мысли на реликвии, ради которой приходилось вытерпеть столько страданий. Облизывая соленую корку на губах, кашляя и давясь пылью и опилками, набившимися в горло и легкие, упрямо переставляя ноги, Джером попытался вспомнить все о Мечах Азахиля. К сожалению, он совершенно ничего не знал о древней реликвии, и заданный Эллайеном в Феверруте вопрос относительно действия Меча породил в его воображении бурю мрачных размышлений. С чего он так уверился, что способен овладеть священным оружием? Если Меч и не испепелит его при первом прикосновении, встанет вопрос, каким образом использовать его силу? И как вообще победить с его помощью колдуна?

Мучимый сомнениями, Джером задумался о том, станет ли Меч достойным вознаграждением за перенесенные невзгоды — не говоря уже о спасении народа Дилна и освобождении родины.

Внезапный крик прервал размышления. Джером поднял глаза и увидел яркие отблески света. Наконец-то Килаку удалось пробиться сквозь сплошную стену растительности. Алые лучи вечернего солнца ласково обняли измученных путников. Они все-таки вышли из мира теней и призраков в царство света и истины.

Ощутив прилив сил, Джером и Эллайен, исцарапанные и изможденные, поспешили покинуть темный лес.

Глазам их открылась поразительная картина. Скуллмарские горы — колоссы в остроконечных снежных шапках — возвышались прямо над ними, словно насмехаясь над крошечными путниками, язвительно напоминая об их незначительности. Зубчатые вершины упирались в небо, разрывая облака, выставляя на обозрение вековые морщины и шрамы. Зачарованный взгляд Джерома блуждал по изломанным линиям, утесам и расселинам, обнаженным породам и ущельям, изрывшим и изуродовавшим древние склоны. Подобные чудеса природы бросали вызов небесам и господствовали над землей.

В самом сердце гряды над остальными пиками царственно возвышалась величественная гора Краккен.

Мучимое жгучей болью, ее каменное тело дрожало и стонало. Околдованный зрелищем, Джером замер. Будто дыхание дракона, в небо вырвалось облако дыма. Едкий серный запах пронзал ноздри. Огненные ручьи струились с вершины горы. Крадущиеся потоки расплавленной породы брали свое начало в гигантском бурлящем котле в недрах каменного великана и выжигали себе путь сквозь лед и скалы к долинам у подножия Краккен. Низкий гул сотрясал небесное и подземное царства.

— Краккен, — почтительно вздохнул Килак. — Благодарите свои книжки — к счастью, нам не придется туда идти.

Килак и У'уен начали поспешно совещаться, оставив Джерома и Эллайена восхищаться величественным и устрашающим зрелищем. Джером проникся сознанием величия силы, запертой в недрах вулкана, хотя крошечному смертному и не дано было постичь всей мощи грандиозного колосса.

— Эй, пошевеливайтесь, — закончив переговоры с У'уеном, скомандовал Килак, отвлекая друзей от завораживающего вида. — Скоро стемнеет.

Еще одно мгновение посвятив торжествующей стихии, Джером и Эллайен уселись на коней и последовали за Килаком. Им едва достало сил вскарабкаться в седла. Путники двинулись на восток.

— Мы у южного склона гряды, — пояснял Килак. — Где-то здесь, если верить твоей карте, находился Трак-Симбоз. У'уен считает, что вход, который мы ищем, на побережье, в нескольких днях пути отсюда. Мы пойдем на северо-восток и будем держаться у подножия. Соберитесь с силами, цель близка.

Джером рассеянно кивнул, старясь оторвать зачарованный взгляд от горы Краккен и сосредоточиться на опасностях предстоящего пути.

Новая дорога не давала передышки. В считанные минуты солнечное тепло, поначалу обрадовавшее всех, стало невыносимым. Жара безжалостно набросилась на путников, и скоро в поисках прохлады и облегчения они обнажили до пояса мокрые и блестящие от пота тела. Хуже того, на узких и полных опасностей тропах, даже у основания горы, путешественников подстерегали коварные обрывы и трещины, притаившиеся за низкорослыми соснами и сухими травами. Каждый шаг приходилось внимательно и осторожно рассчитывать. Отдаленный гул служил постоянным напоминанием о присутствии вулкана. В остальном же Джером совершенно забыл о горе, все усилия приложив к тому, чтобы ступать точно так же, как показывал Килак. Много легенд слагали о невероятной силе древнего талисмана, но Джером еще никогда не слышал, чтобы Меч Азахиля лечил сломанные шеи.

Они шли под предводительством У'уена еще два дня. Часы тянулись медленно, изнуренные путники пересекали горные склоны и высокие плато, двигаясь бесконечно повторяющимися кругами. Днем зной обжигал кожу, а ночью холод пробирал до костей. Лишь У'уен, несмотря на почти полное отсутствие одежды, кажется, совершенно не замечал перепада температур. Пронизывающий восточный ветер обдавал солоноватым запахом моря. Унылая и неприветливая природа казалась еще менее гостеприимной, чем непроходимые леса и удушливые болота, которые им пришлось преодолеть, чтобы добраться сюда. Голые высохшие скалы навевали мысли о том, каким станет мир, когда род человеческий исчезнет лица земли. Джерому начинало казаться, что путешествие никогда не закончится.

На исходе второго дня, проведенного в горах, они добрались до очередного коварного ущелья и пробирались над пропастью по извилистой тропинке, открытой хищным ветрам. Как и раньше, У'уен вел их с кропотливой осторожностью и точностью. Когда путники перебрались на противоположную сторону, глазам их предстал океан во всем своем непокорном величии. С края утеса Джером всматривался в бескрайнюю водную гладь. Темные волны уплывали за горизонт в бесконечность. Внизу расстилалась прибрежная долина, открытая с востока. Горные склоны плавно опускались к Олоронскому морю.

У'уен заговорил с Килаком.

— Это здесь.

Ночь распростерла свой холодный полог, и путешественники спустились со скалистых изломанных склонов в долину. Остановились они у потока талой воды, ручья, начинавшего свой путь на далеких снежных вершинах. Они утолили жажду и

напоили коней. У'уен покинул своих спутников, пожелав им спокойного отдыха и пообещав вернуться до рассвета. Трое друзей кое-как вымылись у края ручья, используя рубахи вместо мочалок. Никому не захотелось окунуться в ледяной поток или идти еще милю, чтобы искупаться в соленых волнах. Они ополоснули и накормили коней, а потом устроили их на ночлег среди больших валунов, вросших в бесплодную землю.

— Почему здесь так сухо? — спросил Джером, когда друзья принялись за ужин из вяленого мяса и фруктов. — Мне казалось, что рядом с морем должно быть больше растений.

— Запах не чувствуете? — после долгой паузы отозвался Килак.

Джером и Эллайен неуверенно переглянулись. Действительно, дул солоноватый ветерок.

— Какой запах? — поинтересовался Эллайен.

— Не только природа породила эти проклятые вершины. Стоит лишь взглянуть на Краккен. Вулкан питают силы, действующие и по сей день. Именно они превратили эту местность в обитель смерти.

Океанский гул показался вдруг жутким неустанным зовом, эхом разлетавшимся по утесам и скалам. Джером огляделся, принюхался к морскому воздуху. Неожиданно страшно зачесалась спина, и юноша потянулся через плечо, чтобы поскрести затягивающийся шрам.

— Как думаешь, почему Квинген Грол никогда не рассказывал тебе, что случилось с экспедицией?

— Не мое это дело, — пожал плечами Килак.

— Какую тайну он хранил?

— У всех есть своп секреты. Даже у эльфов. — Паренек с любопытством склонил голову. — Что тебя тревожит?

— У'уен, — признался Джером. — Считаешь, ему можно доверять?

Килак рассмеялся.

— А мне?

Джером хмуро взглянул на парня, давая понять, что говорит серьезно.

— Тута целая уйма народу, которому верить незя, но еси ты бушь так относиться к каждому, кто те встретится, далеко не уйдешь. Я прожил полгода с Гролом и его народом. Повайи — честные ребята.

Очень может быть, подумал Джером. Но когда в игру вступают пророчества и магия, начинают действовать категории более высокого порядка, чем дружба.

— А вдруг все это искусный заговор?

— Допустим. Ты недостаточно веришь в себя? Не готов к борьбе?

— Здесь? — покачал головой Джером. — Не знаю.

— Тогда я задам другой вопрос. У тебя есть выбор?

Джером промолчал. Океан окружал его с востока, Скуллмарские горы с запада. Он ощущал себя крошечным и ничтожным, со всей ясностью сознавая собственное бессилие. Беспокоить грозное величие природы пустой болтовней казалось богохульством, и юноша погрузился в раздумья, чтобы не нарушать сон бессмертных вершин эхом своих слов. Вскоре ужин был закончен, и Джером закутался в одеяло, приготовившись остаться наедине с беспокойной ночью.

* * *

Джером подскочил на рассвете, охваченный страхом. Эллайен и Килак пропали. Юноша обыскал место ночлега в поисках следов, пытаясь понять, куда исчезли его спутники. Вскоре на глаза ему лопалась чуть заметная пыльная тропинка, уходившая от опустевшего лагеря. Джером облегченно вздохнул, но через мгновение тревога возвратилась. Друзья оставили его одного в чужом и отрезанном от мира месте. Но почему? Только что пробудившееся солнце купало землю в бледных призрачных лучах, и Джером решил отправиться по следам. Очевидно, ответы на все вопросы ожидали в конце тропы.

Джером моментально натянул ботинки и застегнул ремень, на котором болтались ножны. Только тогда он заметил, что пропали лошади, и его конь тоже. Покинутый друзьями, юноша остался один среди скал и вершин самых неприступных гор во всей земле. Других следов не было — никаких свидетельств тому, что друзья ушли против воли. Все происходящее казалось бессмысленным.

Гонимый мучительными раздумьями и предположениями, Джером помчался через долину. Тропа уходила на север, петляя между скалами и ущельями, изрезавшими подошвы древних гор. Не замечая опасностей, юноша рвался вперед. Наконец он обогнул восточный пик у края долины. Зрелище, открывшееся его глазам, развеяло страхи и наполнило душу благоговейным трепетом.

Солнце поднялось над горизонтом и осветило алыми лучами грандиозное строение, расположенное у западной скалистой стены, окружавшей долину. Плющ и мох завладели древними зданиями, обвивая колонны и стены, произрастая из каждой

трещины, каждого шва. Серый мрамор столетиями упорно держал оборону против прибрежных ветров. То было самое потрясающее зрелище, виденное когда-либо юношей. Он мгновенно понял, что глазам его предстал легендарный дворец Трак-Симбоза.

На какой-то момент Джером усомнился. Может быть, это лишь мимолетный сон?

Оставленный друзьями след уходил прямо во дворец. Медленно, погруженный в мысли о великой истории древнего здания, Джером побрел по тропе, которая привела его к выбитым ступеням. Широкая лестница манила юношу сделать шаг и стать свидетелем прошлого, прикоснуться к наследию веков. Те же чувства, должно быть, испытывали и его спутники, Джером послушался этого зова и прошел между гигантскими колоннами, которые, словно седобородые стражники, охраняли вход.

Джером вышел во двор, утопавший в тенях окружавших его стен. Упавшие колонны и обломки валялись на голой земле.

Ветер кружил песок и пыль. Джером нашел следы друзей и, разглядывая двор, направился за ними в глубину здания. Благоговение уступило место страху, и юноше вдруг ужасно захотелось поскорее разыскать спутников и оставить дворец его духам. Он не знал, что именно так встревожило его, но решил прислушаться.

Держась в лучах света, Джером проскользнул через двор. Тени будто шевелились, кружились, наблюдали за ним. Юноша с облегчением окунулся в мрачную атмосферу залы, куда привел его след друзей.

Размеры утопающего в темноте помещения определить было невозможно. Но, заметив впереди мерцающий огонь, Джером поспешил на за ним. На стене висел факел, и задорный огонек плясал на обугленной головешке. Слабый свет не мог спорить с густой темнотой, но его оказалось достаточно, чтобы разглядеть следы. Джерому не терпелось догнать друзей, и он, сняв факел с подставки, пошел по тропе.

Через некоторое время юноша почувствовал, что его окутало могильное безмолвие. Ни разу ничто не шелохнулось в темноте — ни вездесущая крыса, ни крохотный муравей. Тишина, нарушаемая лишь отдаленным эхом его собственных шагов, тисками сдавила грудь. Джерому нестерпимо захотелось закричать и ослабить страшное немое напряжение, но он подавил в себе это желание, чтобы не разбудить какого-нибудь демона, притаившегося в глубинах дворца. Факел догорал, а коридору не было видно конца. Внезапно отчаяние набросилось на него из темноты, и юноша побежал, стараясь вырваться из его когтей. Туннель заворачивал вправо к воротам с торчащими шипами

поднятой решетки, и Джером, юркнув за угол, оцепенел.

Погоня внезапно окончилась. Перед ним лежала куча кровавых костей. Живот скрутило, к горлу подступила тошнота, и Джером через силу взглянул на изуродованные останки. Раскроенная шея переломилась, глаза и уши отсутствовали. Лишь разодранная одежда и обломки кинжалов позволяли узнать тело. Килак Кронус.

Не в силах более наблюдать жуткую картину, Джером отвернулся от безжизненного тела человека, который всего несколько часов назад был его спутником. Он вдруг вспомнил об Эллайене. Юноша начал лихорадочно оглядываться в поисках друга детства. Ледяные когти сдавили сердце, когда он заметил полоску крови, утопавшую в глубине коридора. Ослепленный ужасом, он бросился по туннелю. Далеко бежать не пришлось. В нескольких десятках шагов дорожка запекшейся крови заканчивалась у тела Эллайена.

Джерому не хватило сил крикнуть, разделить с миром свою боль, и в мучительных судорогах он рухнул на колени. Эллайен погиб. Кровавое месиво даже издали не походило на человеческое тело, но отрицать правду было бесполезно. Скорбь охватила все его существо, хватая за горло, превратив юношу в несчастный рыдающий комок, чувствительный лишь к собственной печали. Он уткнулся в землю с единственным желанием — поскорее умереть. Внезапно его заставил очнуться жуткий рев, эхом разлетевшийся по коридорам и острыми клыками впившийся в израненную душу.

Джером мгновенно понял, что этот звук связан с источником его страданий. Какой бы зверь ни испустил рык, он погубил его друзей, и, если юноша не поторопится, придет и за ним.

Что-то за пределами сознания и воли подняло Джерома на ноги. Отбросив тлеющий факел, он побежал. Чудовище пустилось вдогонку. Когти скрежетали о мраморный пол. Разъяренный рык сотрясал воздух, и в считанные мгновения жертва ощутила зловонное дыхание у себя за спиной. Джером чудом заставил себя двигаться быстрее, и гнавшаяся за ним тень начала отставать. Вероятно, зверь сыт. Может быть, он спасется.

В абсолютной темноте Джером несся вслепую и, не заметив перед собою преграды, с лету врезался в стену.

Джером упал, на него посыпались кирпичи и пыль. Голова закружилась, чувства и мысли понеслись вихрем. Стена обрушилась, и юноша оказался в небольшой комнате, освещенной алым сиянием. Он затряс головой. Неожиданно головокружение прекратилось. На алтаре в центре помещения лежала реликвия, ради которой погибли его друзья. Ослепительный блеск Меча

Азахиля превосходил все фантазии Джерома. Сила священного оружия струилась в его тело, ласкала душу, вселяла жизнь. Преодолевая боль, стряхивая слезы, он потянулся к Мечу.

Джером закричал, почувствовав, как ледяные когти сдавили его лодыжку.

Глава 21

Джером размахивал руками и ногами, крутился и орал, вырываясь из лап чудовища. Но безжалостные стальные оковы сдавили его лодыжку. Юноша вытянул руку, царапая пустоту в отчаянной попытке схватить сияющий меч…

— Джером! — раздался громкий голос. — Джером, проснись!

Веки разомкнулись, и юноша очнулся под куполом усыпанной звездами ночи. Рев Олоронского моря наполнил все вокруг, и Джером понял, где он находится. С трудом оторвав оцепеневший взгляд от мерцающих созвездий, он увидел не на шутку встревоженного Эллайена, который крепко сжимал его лодыжку.

— Ради всего святого, успокойся.

Джером заморгал, постепенно возвращаясь к действительности. Эллайен отпустил его.

— Ты в порядке?

Джером неуверенно кивнул. Глаза его блуждали по берегу и залитым лунным светом волнам, разбивавшимся о прибрежные скалы.

— Никогда не видел тебя таким напуганным, — заметил охотник. — Что стряслось?

Джером ответил не сразу. Страшный кошмар еще живо стоял у него перед глазами. Звезды сверкали над головой, будто серебряные иголки в подушечке искусной швеи. Неугомонный ветер дул с побережья, наполняя воздух туманом и запахом морской соли. Разбуженные возней лошади похрапывали в стороне. Постепенно дыхание Джерома пришло в норму, замедлился бешеный стук сердца. Вихрь образов и кошмаров в его сознании начал стихать, и реальность завладела чувствами.

— Похоже, это была не такая уж удачная мысль.

Эллайен застонал и повалился на свое смятое одеяло.

— Теперь до него дошло!

Джером поднялся и сел, хватаясь за обрывки сна, словно за нити липкой паутины. Юноша оглянулся.

— Где Килак?

Эллайен пожал плечами.

— Полагаю, отправился искать нашего муукла'аянского друга.

— Может, пойдем за ними?

— Ложись-ка ты спать, ладно? Еще даже солнце не встало.

— Ну и что?

Тяжело вздыхая, охотник заворчал себе под нос:

— У нас впереди целая вечность бесполезных поисков, а ему не терпится начать пораньше.

Джером невольно улыбнулся. Эллайен, конечно же, притворялся. Но и он был в чем-то прав: спутникам понадобятся все силы для предстоящих поисков — сначала руин, а затем и самого меча. Придя к такому выводу, Джером уступил требованиям Эллайена и улегся, намереваясь отдохнуть.

Попытка оказалась тщетной. Каждый раз, когда сон подхватывал юношу, его поджидали изуродованные останки друзей. Кошмар рассеивался, стоило только пробудиться, но Джерому начинало казаться, что ужасные образы отпечатались в его глазах. Веки неизбежно тяжелели, и кошмар возвращался. Сдавшись в конце концов на милость бессоннице, он оперся на локоть и поглядел в бескрайние просторы океана.

— Заснуть не можешь?

Джером обернулся на Эллайена, который неподвижно лежал с закрытыми глазами.

— Нет.

— Я тоже. — Охотник открыл глаза и, быстро осмотревшись, тоже обратил взор в море.

Друзья молча лежали несколько минут, купаясь в тишине таявшей ночи. В ранний предрассветный час все казалось призрачным и нереальным. Неведомые земли, необычайные приключения, их жизни — недавно размеренные и предсказуемые, — все перевернулось вверх дном. Что они делают здесь? Почему зашли так далеко? И что, небеса всемогущие, случится дальше? Вдвоем наблюдали друзья, как первые лучи солнца сверкнули над горизонтом, окрасив темную чешую океана золотой и серебряной рябью. Джером с радостью встретил наступление нового дня, обещавшего передышку от кошмарной ночи.

— Долго же еще придется искать? — спросил Джером, потирая опухшие глаза.

— Не имею представления, — удивительно бодрым тоном ответил Эллайен. — Пока нам везло. Вероятно, удача нас не оставит.

Джером вздрогнул и плотнее укутался в одеяло. Везло? Найденная под Иртвином книга оказалась совершенно бесполезной, Уитлок разыскать не удалось. Его самого на тот свет чуть было не отправил убийца колдуна, и они несколько недель потеряли в Феверруте. А путешествие в Восгес не дало ничего, кроме возможности самым близким образом пообщаться с людоедами и познакомиться с проводником, дед которого, вероятно, был повинен в смерти тех последних, кому достало

глупости пуститься на поиски Меча. И если уж считать, что им до сих пор везло, то Джерому не хотелось бы оказаться рядом, когда фортуна сменит благосклонность на гнев.

— Ты знаешь, — зевнул Эллайен, — конечно, мне не терпится поскорее разделаться с этими приключениями, но я совсем не спешу топать обратно по той дороге, по которой мы сюда пришли.

Джером снова внутренне негодовал. Поиски города среди скал и ущелий обещали стать еще менее приятными, нежели их прежние похождения. Даже на небольшой высоте отвесные скалистые склоны грозили обвалами и камнепадами. Оглядываясь назад, Джерому казалось, что только вчера он и Эллайен шагали по такой же земле в Аспадельских горах в поисках таинственного города древинов. Какими бы трудными и безнадежными ни были те поиски, будущее не предвещало ничего лучшего.

Джерома охватило неприятное и тревожное предчувствие. Время истекло. Ему предстояло столкнуться с горькой правдой — все его надежды обратились в прах. Еще несколько дней, и вся их решимость, да и запасы, иссякнут. И тогда его ждет обратный путь, полный разочарования. Неизбежное возвращение к исходной точке без малейшей надежды исправить положение.

Колдун будет по-прежнему править Олсоном. Оставался лишь вопрос, как далеко распространится его влияние. Окажутся ли под угрозой Мензо, Парта или Куурия? А Дилн? Они с Эллайеном избегали этой темы, но что делать, если не было другого дома, куда можно вернуться?

Если Эллайен и догадывался о переживаниях Джерома, то не подавал виду. Не делился он и собственными размышлениями. Пожалев, что однажды завел этот разговор, Джером молчал, встречая рассвет в тихом созерцании природы, времени, вечного и мимолетного — всего, за исключением безумных мечтаний, заведших его сюда. Между тем подкралась усталость, и юноша не заметил, как опустился на землю и задремал.

* * *

Когда Джером проснулся, солнце стояло уже высоко. Джером подпрыгнул в одеяле, испугавшись собственной тени, напомнившей ему о недавнем кошмаре — острые когти, кровавая оскаленная пасть.

Через мгновение страх разогнал знакомый нетерпеливый голос.

— Собирай свои пожитки, — сверкнул глазами Килак. —

Идем искать Алый Меч.

Джером едва сдерживал волнение, рассматривая небольшое отверстие в земле. Ничем не примечательная черная трещина скрывалась среди камней и валунов в полумиле от их лагеря. Когда же У'уен, опустившись на колено, потер край скалы, Джером заметил скрытую под пылью пеструю и гладкую поверхность гранита, обрамлявшего внутреннюю сторону щели. Они действительно стояли перед входом в Трак-Симбоз, а, значит, древний город находился прямо у их ног!

— Это единственный вход? — осторожно поинтересовался Эллайен.

Килак покачал головой.

— На горной стороне такие отверстия повсюду. Но для человека они узковаты.

— Тогда откуда нам знать, что здесь находится именно то, что нам нужно?

У'уен что-то отрывисто произнес, Килак кивнул и начал разматывать веревку, висевшую у него на плече.

— Проводник уверен в своих словах.

Эллайен был настроен скептически.

— Я сомневаюсь. Откуда нам знать, что это вообще Трак-Симбоз?

— Тебе известен в ближайших окрестностях другой город? Мог бы уж давно сказать.

— Все верно, — согласился Джером, задыхаясь от предвкушения.

Эллайен нахмурился. С одной стороны, Джером разделял сомнения друга. Никто не ожидал, что, пускай даже под предводительством У'уена, задача окажется столь легкой. Как ни крути, но дикарю менее чем за сутки удалось разыскать ход, которым его дед попал в Трак-Симбоз восемьдесят три года назад. Может статься, У'уен и сам бывал здесь раньше. Муукла'аянец скорее всего руководствовался не одним лишь описанием, а следовал неким знакам, скрытым от остальных. Джером подумал, что его друг-охотник, должно быть, втайне сетовал на себя за невнимательность.

Вера вновь пробуждалась в душе Джерома. Нечто большее, чем память и мастерство муукла'аянского следопыта привели их к заветному месту. Та же судьба, что заронила в его сердце зернышко мечты, теперь щедро осыпала их подарками. Все выглядело так, будто Джером случайно забрел сюда, но на деле привела его сила, стоящая за пределами понимания и не поддающаяся рациональным объяснениям. Юноше уже начинало казаться, что путешествию не будет конца. Но если судьба завела

его так далеко, значит, она укажет путь к Мечу Азахиля. Ведь только тогда его скитания приобретут смысл.

Килак занялся веревкой, по которой спутникам предстояло спуститься к руинам, а Джером погрузился в раздумья. Он опасался слепой веры и понимал, каким жестоким может стать разочарование, если его убежденность окажется необоснованной. Квинген Грол дошел до этой точки и даже дальше, но вернулся с пустыми руками. Последняя надежда и оправдание всех бед лежали под ногами.

Тем временем Килак сложил веревку в двойную петлю и закрепил вокруг одного из валунов. Несколько раз проверив прочность соединения, он передал свободный конец Эллайену.

— Тебе не терпится узнать, в ту ли дыру мы лезем? Милости прошу.

Эллайен покачал головой.

— Постарайся не споткнуться.

— Я пойду, — вызвался Джером. В конце концов, это его приключение. Если внизу поджидает опасность, он должен первым с ней встретиться.

Килак отвесил шутливый поклон и протянул ему веревку. Джером взял ее дрожащими от волнения руками, кожей чувствуя витые нити. Юноша по очереди посмотрел на спутников. У'уен держался спокойно и уверенно, Эллайен недовольно хмурился, а Килак весело подмигивал ему.

— Все готово.

Джером подождал еще мгновение и повернулся к пещере. Удерживая веревку ногами, он медленно опускался на руках сквозь пласты сгущавшейся темноты. Поначалу света, струившегося сквозь решето отверстий в потолке, было достаточно, но его быстро поглотили черные тени в глубине расселины. Вскоре Джерому пришлось двигаться на ощупь. Юноша замедлил движения, осторожно пробуя пустоту мыском ботинка. Он уже начал сомневаться, есть ли в пещере вообще дно, когда нога уперлась во что-то прочное и плоское. Уверенный, что добрался до твердой земли, он выпустил веревку и вынул факел из сумки, висевшей за спиной.

Светильник загорелся, и у Джерома перехватило дыхание. Боли и страдания были мгновенно забыты. Дрожь пробегала по спине, пока он разглядывал помещение. Он стоял в центре просторной залы. На выложенных растрескавшейся плиткой полах валялись металлические жаровни, глиняные и мраморные осколки. На глухих стенах висели кованые канделябры и прочие предметы дворцового убранства — оружие, знамена, истлевшие до неузнаваемости гобелены. Величественный коридор

расходился, насколько хватало глаз, на юг и на север от залы. Несколько полуразрушенных дверей располагались у центральных проходов. Сквозь трещины и щели в потолке солнечный свет пробивался внутрь, но слабые лучи таяли раньше, чем долетали до глубокого пола. Эти тонкие нити связывали мрачную залу и ее древнюю историю с внешним миром.

— Здесь безопасно, спускайтесь — позвал друзей Джером.

Первым к нему присоединился Килак, быстрее ветра съехавший по веревке. Затем появился Эллайен. Последним спустился У'уен. В считанные мгновения экспедиция вновь объединилась, изумленно разглядывая усыпанную обломками залу.

— Где мы? — спросил Джером. Жутковатое эхо разлетелось в мрачной пустоте.

Килак задал тот же вопрос У'уену.

— Зал торжеств, — перевел паренек.

Джером увидел осколки посуды и кухонную утварь под ковром сырой пыли и паутины.

— А где же столы? — поинтересовался Эллайен.

Килак ответил, даже не взглянув на него:

— Надо полагать, давно сгнили. Три тысячи лет… — Килак покачал головой.

Трое друзей молча следили, как У'уен осматривал залу, изучал стены и потолок, то и дело опускаясь на колени и ощупывая пол. Джером заметил, что муукла'аянец не пользуется факелом. Судя по всему, он ему не был нужен. Дикарь временами скрывался в полной темноте, но невозмутимо продолжал заниматься своим делом.

— Куда мы теперь? — шепнул Джером Килаку, не отрывая взгляда от удивительного убранства залы.

— У'уен говорит, что финлорианцы почитали своих правителей, как богов. Если Сабаот не погиб последним, его похоронили должным образом. — Килак внимательно рассматривал залу. — Скорее всего Меч погребен вместе с ним.

— Меч Азахиля, — задумчиво произнес Джером, — был гораздо важнее для финлорианцев, чем любой властитель. После катастрофы они непременно забрали бы его с собой.

— Ты же сам говорил, что Меч никогда не покидал руин, — возразил Килак.

— Если бы кто-то завладел Мечом после Сабаота, легенды не умолчали бы об этом, — согласился Джером.

— Муукла'аянцы считают, что не все древние жители погибли разом. У'уен настаивает, что Сабаота, вероятно, нашли либо выжившие финлорианцы, либо те, кто позже пришел к

разрушенному городу.

— Но зачем выкапывать его? — спросил Эллайен. — Почему не оставить могилу в покое?

— И доверить любому, кто придет следующим? — Килак язвительно взглянул на охотника, словно само их присутствие должно было стать ответом на вопрос. Судьба финлорианца в следующем перерождении зависела оттого, насколько хорошо он выполнял свои обязанности в этой жизни. Неизменным долгом было оказание почестей королю, и ни в коем случае Сабаота не оставили бы гнить среди обломков. Если король умер без достойного наследника, то клинок скорее всего остался с ним.

— Значит, нам придется обыскать катакомбы, — заключил Эллайен.

— Там остановились Грол и остальные, — рассказал Килак. — И у У'уена есть причины верить, что они были на правильном пути.

Джером задумался. Его не убедили рассуждения Килака.

— Я просто не могу представить, чтобы кто-либо оставил талисман без присмотра, особенно если до него можно легко добраться.

— Должно быть, он заколдован, — предположил Эллайен. — Финлорианцы оставили какую-нибудь ловушку для воров.

— Все возможно, — признал Килак. — Но пока мы не найдем других свидетельств, для У'уена Сабаот и Меч останутся единым целым. Остается только надеяться, что одна из находок приведет нас к другой.

Джером прислушайся к последним словам паренька. В конце концов муукла'аянцьг знали куда больше о древних обитателях города и их обычаях. До сих пор он тоже считал, что Меч находится рядом с остатками Сабаота, и по какой-то причине верил, что король и клинок покоятся в никем не найденном тайнике среди обломков. Но слова Килака не были лишены смысла. Вместо того чтобы перекапывать каждую гору мусора, как, по-видимому, поступали все остальные, в самом деле лучше поискать наиболее вероятное место, где могут таиться разгадки.

— Если мы знаем, куда идти, — спросил Джером, — чем занят наш проводник?

— Думаю, ищет следы деда. Грол шесть месяцев пробирался к катакомбам. Нет смысла повторять его ошибки.

Спутники терпеливо ожидали в темноте, обдумывая предстоящую задачу. Разглядывая обширную залу, Джером представлял себе, как выглядел Трак-Симбоз в минувшие дни королевского величия. Потрепанные знамена и потускневшее оружие превратились в его воображении в роскошные убранства

на сверкающих гранитных стенах. Тени от факела обернулись благородными лордами и дамами, которые восседали за столами, ломившимися от обилия блюд: жаркого, пирогов, овощей и фруктов. Пир был в разгаре. Джером отчетливо представил себе древний город во всем его великолепии. Юноше во что бы то ни стало хотелось проникнуть в историю его жизни и гибели.

Неожиданно в круге света, образованном факелом Джерома, из пустоты возник У'уен. Дикарь быстро заговорил. Хриплый и отрывистый голос разрушил тишину.

— Мы нашли вход в подземелье, но в комнате нет никаких примет, указывающих дальнейшее направление поисков.

— Мы уже заблудились? — усмехнулся Эллайен.

— Отсюда ведут два пути, — развел руками Килак. — и если мы ошибемся, остаток дня потерян. У'уен спрашивает, пойдем ли мы с ним, или подождем здесь, пока он не найдет дорогу.

— Следуем за вождем, — сразу ответил Джером. — Нет смысла терять время. К тому же не забывайте, судьба на нашей стороне.

Килак вопрошающе взглянул на Эллайена.

— Мы же сюда дошли, верно? — отозвался охотник.

Паренек мрачно улыбнулся.

— Осторожнее в дороге. Смотрите под ноги.

Они направились к южному коридору мимо многочисленных ниш и дверных проемов в стенах. Путешественники ступали медленно и тихо, оглядываясь по сторонам и дивясь сводчатым потолкам, потрескавшимся стенам, замысловатому узору покрытых пылью плит. Грязь и камни забили вентиляционные отверстия и шахты, но в воздухе, хотя и затхлом, недостатка не было, что являлось лишним свидетельством того, что они проникли в город через один из многих ходов, за долгие годы проделанных ветром и дождем. Сколько веков прошло с тех пор, как древнюю цитадель в последний раз посещали гости? Может быть, если не считать Квингена Грола, они первыми за три тысячи лет потревожили эти стены?

Путники добрались до арки на выходе из залы и погрузились во мрак. Огонь факела плясал и потрескивал, наполняя воздух едким запахом дыма. Полуразрушенные стены коридора покосились, потолок просел. Мир за дрожащим светом факела поглотила чернота, и Джерому казалось, будто он оскверняет священную землю.

Узкий коридор тянулся сквозь переплетение поперечных проходов. Путники преодолевали комнату за комнатой, большие и маленькие, все с голыми стенами и пустые. Подсказок, которые могли бы привести их к цели, нигде не было. У'уен уверенно

продвигался вперед, хотя Джером совершенно потерял направление. Джером напомнил себе, что потомок эльфов владел искусствами, о которых юноша из Дилна и понятия не имел, да к тому же еще пользовался опытом деда. Продолжая втихомолку сомневаться в способностях вождя, он все же был убежден, что У'уен не даст им заблудиться.

Минуя залы и вестибюли, путешественники плутали и поворачивали, пока не оказались в помещении, которое показалось Джерому смутно знакомым. То была самая большая зала из тех, что до сих пор им встречались. В центре высились огромные колонны, поддерживающие купол, который, должно быть, некогда украшали росписи. Основания колонн окружали статуи, пьедесталы и бюсты. Многие из них валялись на полу, некоторые оставались на местах. Внимание Джерома было приковано к причудливому помосту. На нем располагался ряд затейливо украшенных стульев из мрамора и золота. Один из них, особенно богатый и величественный, возвышался в центре. Джерома пробрала дрожь.

Трон Сабаота, легендарного короля Тритоса и Финлорианской империи.

Джером раскрыл рот от изумления. Каким ветром занесло его сюда? Он был лишь самозванцем, проникшим в недра истории, чтобы ограбить призрака, который при жизни мог уничтожить его одним словом, жестом, взглядом. Он пришел из другого мира, и никогда не будет принят здесь.

Тишину нарушил голос У'уена, и Джером вздрогнул.

— Вождь хочет извиниться. Он ошибся.

Никто не шевелился.

— Пора возвращаться.

Джером вздохнул и с трудом отвел взор от королевского трона. В глаза ему бросилось то, что он пропустил раньше. В стенах тронной залы располагались ряды оконных проемов, сквозь которые внутрь провалились горы обломков и грязи, повредившие диковинные доспехи и закрывшие доступ солнечному свету. Слой пыли был толще, чем в других местах, и поднятая ногами труха покалывала глаза и горло, будто живой зверь когтистыми лапками. В конце просторной залы Джером заметил пару массивных дверей, наклоненных и распахнутых оползнем из камней и земли.

Юноше вспомнился разговор с У'уеном в лесах Кальмира. Дикарь ничего не знал о катастрофе, погубившей империю. Но он слышал, что Трак-Симбоз погребен страшным оползнем, вызванным скорее всего землетрясением столь разрушительным, что половина гор была стерта с лица земли. На поверхности от

города не осталось ни единого следа. Так в чем же тайна? У'уен считал, что, несмотря на все свое могущество, Трак-Симбоз был лишь одним из городов, разрушение которого еще не означало гибели всей цивилизации. Даже серия землетрясений вряд ли могла привести к столь печальному концу. Увидев разруху собственными глазами, Джером засомневался. В тот момент ему показалось очевидным, что покинуть берега Тритоса финлорианцев вынудила сила, противостоять которой не мог бы даже Алый Меч. Империю погубил гнев самой земли.

Килак толкнул юношу в бок. Джером отвернулся от разбитых дверей и почувствовал удивленный взгляд приятеля.

— Все в порядке?

— Мы должны уйти отсюда, — сдавленным голос произнес Джером.

— Тогда пошли, — ответил паренек, показывая на У'уена и Эллайена, которые уже направлялись к выходу. Джером поспешил следом, проскользнув в боковую дверь, через которую путешественники проникли в королевскую залу. Стараясь не оглядываться на пустующий трон, юноша быстро покинул некогда величественную резиденцию тирана.

Глава 22

Путешественники покинули руины на закате, возвращаясь по собственным следам через превратившиеся в пещеры дворцовые коридоры и пиршественные залы. Ночевать среди развалин не хотелось, можно было с тем же успехом разбить лагерь на поверхности и возобновить поиски с рассветом. Джером благодарно согласился с таким решением. Только выбравшись по веревке во внешний мир, юноша избавился от охватившего его после открытия призрачного трона Сабаота чувства. На прохладном прибрежном ветру дышалось немного легче. Вечер друзья провели в разговорах у небольшого костра, и юноша вновь начал ощущать себя свободным от бесчисленных сомнений и тревог.

Впервые после судьбоносного визита королевы Эллибе в Дилн Джером не видел Меча во сне. На рассвете ему первым делом показалось, что он всю ночь не сомкнул глаз. Будучи несказанно рад первой спокойной ночи за целый месяц, юноша все-таки забеспокоился. Сны покинули его? Если так, то почему? Потому ли, что поблизости от цели в них отпала необходимость? Или же он слишком долго отвечал на их зов?

Отбросив тревожные мысли, Джером занялся утренними приготовлениями. Как сказал Эллайен, ему действительно повезло. Большой удачей была встреча с Килаком, клинки которого не раз спасали им жизни, а знания У'уена оказались неоценимыми. Учитывая их опыт, умение и его собственную решимость, Джером удивлялся, что им до сих пор не удалось достигнуть цели.

Эллайена, однако, убедить было не столь просто. Напрямую он ничего не говорил, но Джером чувствовал его настроение по неловким движениям и тревожным взглядам. Пару раз ему приходило в голову подбодрить лучника, но он передумал. Сомнения Эллайена были так же естественны, как и те, на которые предпочел закрыть глаза Джером. Любая попытка переубедить друга грозила пошатнуть его собственную уверенность.

К восходу солнца путешественники собрались у входа в разрушенный город, снаряженные оружием, факелами и сумками с провизией. В считанные минуты они вновь достигли исходного пункта. На этот раз без разговоров и задержек У'уен провел спутников по заваленному обломками полу в северную часть огромного коридора. День, в отличие от предыдущего, выдался напряженным и целеустремленным. Путь через Трак-Симбоз

начался.

Северный коридор беспрепятственно тянулся несколько десятков шагов и заканчивался аркой. На проржавевших петлях висели массивные двери. За аркой раскинулось просторное помещение, из которого две одинаковых мраморных лестницы поднимались на широкую террасу. Мебели, как и в большинстве комнат, которые они видели вчера, не было, пол покрывали груды обломков. Пойманный в западню воздух пропах гнилью и тлением.

У'уен зачирикал Килаку, показывая что-то обожженными пальцами.

— Зал развлечений, — перевел паренек. — Танцы и тому подобное. Пошли наверх.

Он протянул руку в направлении каменного балкона и двинулся за У'уеном. Джером и Эллайен не успели шагу ступить, как неожиданно Килак остановился и, хмурясь, напряженно прислушался. У'уен, почувствовав нерешительность паренька, вернулся назад, а на лицах приятелей из Дилна застыли непонимание и тревога.

— Что случилось? — шепнул Эллайен.

Килак не проронил ни слова. Он внимательно прислушался, потом заговорил с У'уеном на муукла'аянском языке и получил короткий ответ.

— Забудьте, — сказал паренек. — Идем.

Джером и Эллайен переглянулись. Паренек слишком легко отмахнулся. Но они не стали расспрашивать озабоченного Килака, который неотступно следовал за У'уеном. Джером и Эллайен решили не отставать и молчаливо и настороженно двинулись в путь, опасаясь лишний раз вздохнуть.

У'уен привел спутников к лестнице, затем поднял руку, подал знак остановиться и принялся изучать конструкцию без опор. Опустившись на колено, он потер обожженным пальцем ступеньку. Прикосновение обнажило мраморную поверхность. Судя по всему, он обрадовался и, пританцовывая, выпрыгнул на террасу. Бегло осмотревшись, проводник вернулся за остальными и жестом позвал их за собой. Килак пустился за дикарем, его движения были совершенны и стремительны, словно полет стрелы. Эллайен медленно и осторожно поднялся по полуразрушенным ступеням.

Когда пришла очередь Джерома, он недоверчиво взглянул на потрескавшийся камень и сделал первый шаг. Он осторожно переставлял ноги, и мрамор крошился в песок под его башмаками. Приближаясь к вершине, юноша ускорил шаг. Внезапно ступенька, на которой он стоял, исчезла в потоке

осколков и пыли. Сердце Джерома устремилось в пустоту вместе с обломками. Юноша отбросил факел, хватаясь за гнилой воздух.

Падение закончилось так же внезапно, как и началось. Крепкая рука схватила его за предплечье. Джером взглянул в карие глаза Килака Кронуса. Одна нога балансировала на треснувшем камне, но от падения в груду обломков его удерживала только рука паренька. Факел, шипя и выплевывая искры, полетел вниз. Джером задержал дыхание. Эллайен поспешил на помощь. В тот же миг обрушилась уцелевшая ступенька, и вторая нога Джерома провалилась в пустоту. Но охотник подоспел вовремя. Он схватил друга за руку и вместе с Килаком втащил его на террасу. Джером распластался на пыльном полу и лежал с закрытыми глазами, пока сердце не вернулось к обычному ритму.

— По-моему, мы квиты, — сказал Эллайен, обхватив колени и тяжело дыша.

Джером кивнул, вспомнив приключение охотника в Аспадельских горах. Он с трудом поднялся на колени и оглянулся на Килака.

— А мы с тобой в расчете?

Паренек протянул руку.

— И это все, чего стоит моя жизнь? Пары сломанных костей?

— Нет, конечно.

— Тада я считаю, чо в долгу перед тобой.

Джером принял протянутую руку и с помощью Килака встал. Юноша бросил прощальный взгляд на разрушенную лестницу, чье последнее дыхание еще теплилось в темноте пыльными клубами. Заостренные осколки мрамора на полу заставили Джерома серьезно усомниться в том, что он пережил бы падение. В любом случае, спорить он не собирался. Под пристальной охраной Килака он чувствовал себя в большей безопасности.

Обернувшись, Джером поймал на себе испытующий взгляд У'уена, достал из сумки новый факел и зажег его от огня Килака. Эльф еще некоторое время рассматривал путешественника из Дилна, затем резко повернулся, пересек галерею и направился в открытый дверной проем.

Примыкавшее помещение походило на приемную для гостей. Как и в зале торжеств, потолок был усыпан небольшими отверстиями, соединявшими дворец с внешним миром. Со своего наблюдательного пункта на террасе путешественники тщательно разглядели комнату, не найдя в ней ничего особенного. Балкон расходился в обе стороны, опоясывая помещение по периметру, а на противоположной стороне два лестничных пролета спускались на этаж ниже. Множество дверных проемов на верхнем и нижнем

этажах пустыми глазницами равнодушно встречали гостей.

У'уен провел спутников по кругу, останавливаясь у каждой арки на пару секунд, чтобы заглянуть внутрь. Всякий раз их глазам открывался мрачный коридор, и вождь проходил мимо, не проронив ни слова. В конце концов они достигли противоположной стороны залы, где обнаружили сравнительно большой портал. Одобрительно кивнув, У'уен нырнул в темноту, молчаливо призывая спутников последовать его примеру.

— Извини, что побеспокоил, — прошептал на ухо Килаку Джером, сделав несколько шагов, — но он вообще-то знает, куда нас ведет?

— Наверное.

— Как и вчера? — усмехнулся Эллайен.

Килак вспыхнул в ответ.

— Идить одни, еси хотить. Тока не думайте, чо мы за вами придем, когда вы потеряетесь.

Эллайен нахмурился, но язык прикусил и поглядел на Джерома, которому оставалось только развести руками.

У'уен уверенно вел экспедицию по лабиринту вестибюлей и комнат. Поначалу Джером пытался запечатлеть маршрут в памяти на тот случай, если они разделятся или вновь наткнутся на тупик. Но вскоре он вынужден был сдаться. Помещения мало чем отличались от предыдущих и последующих. К тому же вождь часто менял направление и возвращался, чтобы исследовать разрушенный проход, затем выбрать пропущенный коридор или вернуться на первоначальный путь. Довольно скоро все наблюдения Джерома потеряли смысл, он больше не знал, ни откуда они пришли, ни куда направлялись. Юноша призадумался, сумел бы он в одиночку вернуться по запутанным пыльным следам на свободу, и решил, что вряд ли.

Джером стиснул зубы, досадуя на собственную беспомощность. Он терялся в догадках — заслуживают ли усилия У'уена доверия? Не будь муукла'аянца — даже забравшись так далеко, они блуждали бы месяцы или годы и скорее всего в итоге безвозвратно бы заблудились. И все же Джерома терзали сомнения, что именно этого дикарь и добивался.

Расценив свои мысли как, в лучшем случае, бесполезные, Джером сосредоточился на окружающей обстановке. Признаки разрушений обнаруживали явственную последовательность событий. На каждом углу стены несли на себе не только шрамы ушедших веков, но и следы яростной битвы. Лестничные пролеты, залы и коридоры были покрыты рубцами, выбоинами и следами пожаров. Лоскуты знамен и гобеленов бессильно свисали над пустовавшими дверными проемами, выстроившимися вдоль

каждого прохода. Хотя скелетов не осталось, становилось ясно, что здесь произошла битва. В этом Джером был уверен, даже не имея представления о том, кто или почему развязал сражение в королевском дворце.

После нескольких часов путешествия по развалинам, У'уен привел искателей Меча в еще одну сводчатую залу, У Джерома дух перехватило от изумления, когда он увидел ее содержимое. Среди пыли, обломков и осколков стекла стояли скамьи и стулья. Лакированное дерево, хотя сломанное и полусгнившее, самым чудесным образом сохранилось, что указывало на непревзойденное мастерство создателей. Плюшевая материя, походившая на фетр, крепилась к деревянной поверхности с помощью медных гвоздиков. Взгляд Джерома скользнул мимо пустовавших скамеек к алтарю и статуе в дальнем углу помещения, и юноша безошибочно понял, куда они попали, не успел еще Килак заговорить.

— Часовня, — прошептал паренек, — королевская молельня. Она должна примыкать к главному собору.

— И если так? — поинтересовался Эллайен.

— Мы нашли вход в королевские катакомбы.

— Неужели все сооружения связаны вместе? — спросил Джером, которому не удавалось понять, как могли они все это время оставаться в одном и том же дворцовом комплексе.

— У властителей были свои личные ходы по всему городу, — объяснил Килак, — особенно здесь, в королевской резиденции. Вы обратили внимание на то, что мы спускались вниз, перед тем как снова подняться?

Джером кивнул. Лично он ничего не заметил, но не видел причин признаваться.

— Все эти туннели проложены под землей, чтобы избежать общения на улицах с чернью, — продолжал Килак. — Когда город оказался погребен, переходы почти полностью уцелели.

Замечание Килака произвело должное впечатление на Джерома. Без сомнения, Трак-Симбоз, как и большинство крупных городов, представлял собой нагромождение домов и лавок, парков и соборов, дворцов и построек, многие из которых были полностью отрезаны друг от друга тоннами камней и потоками грязи. Таким образом, лаз, найденный экспедицией Квингена Грола сотню лет назад, являлся действительно одним из немногих, а то и единственным входом в развалины, посредством которого через туннели и коридоры путник мог добраться до королевского дворца. Джером наивно полагал, что обнаружение города непременно приведет его к Мечу. Догадки Эллайена оказались куда более обоснованными. Джером нес на плечах

ношу печальных раздумий и сомнений и задавался одной мыслью — хватит ли самой судьбе сил справиться с задачей, которую он перед собой поставил.

У'уен провел их к нише за алтарем. Перед ними была запертая дверь, только вот дерево давно сгнило, а железные затворы, скобы и петли валялись на полу или на каменном косяке. Затем они пересекли еще несколько комнат — личных покоев священнослужителя, как заявил У'уен. Там их встретила новая, на этот раз железная дверь, запертая изнутри. Вождь показал знаком, что обожженные руки все еще болят, и Килак повернул засов, после чего муукла'аянец оттолкнул дверь плечом. В ушах зазвенело от скрежета металла о камень, и путешественники прошли внутрь.

Они двигались по узкому коридору, пока не добрались до занавеса из невиданной ткани, сдвинутого в сторону. Они проскользнули мимо изорванного мерцавшего полотна в следующее помещение, служившее королевским храмом. Спутники вышли на помост, обращенный к обширной зале, где некогда знать собиралась на молитву. Полусгнивший ковер убегал по центру пола туда, где когда-то располагалась кафедра, за которой вырастали статуи и алтари. Окна походили на увиденные ими в тронном зале — узкие цветные стекла разлетелись вдребезги под напором земли, которая лежала у боковых стен.

Когда восхищение несколько улеглось, У'уен отвел друзей к входу в дальней части часовни. От главных дверей остались лишь бесполезные железные петли, засовы и скобы, сбитые теми, кто прошел здесь раньше. За дверью ожидал новый коридор, который вел в разные комнаты. Выбрав одну, проводник велел спутникам держаться ближе.

Беспрестанно кашляя от пыли, трое друзей следовали по безликому коридору. Факел Джерома почти погас, и темнота начала подбираться вплотную. Не замедляя шага, юноша обмотал полоску ткани вокруг верхушки факела. Вспыхнувший огонь позволил ему разглядеть стены с множеством пустовавших дверных проемов, украшенных канделябрами. Джером мимоходом поглядывал в темные отверстия, пытаясь проникнуть в сокрытые там тайны. У'уен не сбавлял темпа, и вскоре Джером начал отставать от группы. И все же юноша не мог не обращать внимания на секреты, притаившиеся в какой-то паре шагов…

Он настолько увлекся, что он совершенно забыл о дороге и неожиданно врезался во что-то твердое. Подняв глаза, Джером встретил раздраженный взгляд Эллайена.

Джером поспешно пробормотал слова извинения и взглянул

через плечо друга на У'уена, который стоял перед отверстием внушительного размера. Осколки массивных железных ворот валялись неподалеку от пустой арки в конце длинного коридора. Сломанное оружие, расколотые шлемы и погнутый щит лежали на полу. На стенах виднелись трещины и следы пожара. Стало ясно, что здесь разразилась жестокая схватка. Джером сразу подумал о Квингене Гроле и его спутниках, но рассудил, что следы их давно покрылись пылью за минувший век. Юноша с любопытством осматривался вокруг, но У'уена, казалось, интересовало только то, что находилось за порталом, который так ревностно охраняли финлорианцы.

Килак подошел к вождю. После недолгого совещания он вернулся к Джерому и Эллайену и подозвал их ближе.

— Мы у цели, — чуть слышно объяснил Килак. — С этого времени мы должны действовать бесшумно и осторожно. В развалинах таится опасность. Пока неясно, откуда исходит угроза.

Джером с тревогой ожидал дальнейших объяснений, но Килак молча направился к порталу и скользнул за порог вслед за У'уеном. Джером и Эллайен удивленно переглянулись и без задержки двинулись вперед.

Неприятное предчувствие охватило Джерома. Экспедиция под предводительством деда У'уена зашла так же далеко, но никто не вернулся назад. Должно быть, приходили смельчаки и раньше. Меч Азахиля оставался сокрытым в течение долгих веков, следовательно, он был хорошо спрятан или надежно охранялся. Каким существам или ловушкам шли они навстречу?

Джерому вспомнился недавний сон, в котором он разыскал Меч и сразу же попал в лапы чудовища, погубившего его товарищей. Если это пророчество, то значение его можно считать очевидным. Следует хорошенько задуматься о собственной безопасности.

Вопрос этот не смутил Джерома, однако вызвал целую бурю опасений, от которых невозможно было просто отмахнуться. Не исключено, что Алый Меч недоступен в принципе. Тогда Джером ведет друзей в могилу лишь из-за своей слепой веры в детскую сказку. Если Меч действительно существует, что указывает на его местонахождение в этих руинах? Можно предположить, что талисман находится именно здесь. Даже в таком случае нет никаких оснований надеяться, что они сумеют разыскать его в огромном лабиринте. Допустим, Джерому удастся найти священное оружие, но кто он такой, чтобы владеть им? Если Меч обладал силами, которые приписывали ему легенды, как сможет Джером подчинить их?

Джером неожиданно ощутил свою беспомощность. Он задыхался, мокрая от пота ладонь скользила по рукоятке меча. Поздно для сомнений. Его друзья слишком поглощены поисками, чтобы остановиться на полпути. К тому же юноша чувствовал свою ответственность за то, чтобы все пережитые ими муки не прошли даром.

Это единственное утешение сочинил Джером, спускаясь по каменным ступенькам и стараясь сосредоточиться на происходящем. Если ничего иного не остается, необходимо быть внимательным.

Стены лестничного пролета оказались шероховатыми и грубыми в отличие от резного и полированного камня, до сих пор встречавшегося им в подземелье. Джером опустил меч и протянул руку к ноздреватой поверхности. Он коснулся подлинного кожного покрова горы, к сотворению которого не причастны ни люди, ни эльфы. У'уен вел путников в самые недра древнего финлорианского города, в нижние туннели, предназначавшиеся мертвым. От этой мысли по спине Джерома пробегал колючий холодок.

Лестница неожиданно закончилась грубо обработанной площадкой. Впереди открывалась арка. У'уен затормозил так неожиданно, что все трое друзей врезались в него. Муукла'аянец трясся всем телом, глаза его сощурились, будто от сильной боли. Когда все остановились, вождь протянул руку и указал обожженным пальцем на письмена, высеченные на краеугольном камне пустой арки. Он что-то произнес, и Джерому показалось, что он уже слышан это слово.

— Укус дьявола, — обернулся к друзьям Килак. Джером проглотил комок в горле. У'уен мягко защебетал, жестикулируя с невероятной скоростью, а Килак пытался за ним поспеть.

— На этом месте его дед покинул остальных. Укус дьявола… повсюду. Он отказался пройти внутрь. Другие пошли… и больше не вернулись.

Джером встрепенулся.

— Не такая уж страшная тайна. Если это все, что произошло, зачем было скрывать правду?

Джером не успел остановить Килака, и тот перевел вопрос У'уену. Вождь выслушал и с презрением посмотрел на Джерома.

— Его дед был опозорен, — заговорил Килак, передавая смысл трескотни и жестов эльфа. — Он не выполнил свой долг. Если бы он пошел вместе с ними, возможно, кого-то удалось бы спасти.

Джером почтительно поклонился, но извинения приберег на будущее.

— Значит, мы на месте, — отметил Эллайен. На его лице самым причудливым образом плясали тени от факела. — Он собирается провести нас внутрь?

Килак повторил вопрос, и У'уен, уставившись на письмена на входе, попятился к лестнице.

— Он собирался. Он рассчитывал пройти там, где остановился его дед. Но теперь он говорит, что не может. Укус дьявола слишком силен.

Джером вгляделся в гордого вождя. Стоическое и твердое лицо его исказило страдание.

— Отлично, — сделав глубокий вдох, сказал юноша. — У'уен остается. Я иду.

Эллайен незамедлительно замотал головой.

— А как же магия? Ты не имеешь представления, с чем можешь столкнуться.

— Ты хочешь, чтобы я развернулся и пошел обратно?

Друзья обменялись вызывающими взглядами.

— Тот, кто заколдовал проход, действовал не случайно, — заметил Килак.

— Чтобы защитить прах покойников, — отмахнулся Эллайен. — Не обязательно, чтобы спрятать Алый Меч.

— Есть только один способ выяснить, — отозвался Джером.

Мгновения тянулись в напряженной тишине.

— Мы впустую жжем факелы. Вы идете или нет?

— Ты не обязан сопровождать нас, — повернулся Джером к парнишке.

— А ты не обязан был подставлять спину под копье А'авари.

— Килак…

— Он прав, — отрезал Эллайен, — хватит спорить.

Джером смотрел на своего лучшего друга и ощущал боль вины, теряясь перед выбором: оставить Эллайена в относительной безопасности или отправиться с ним рука об руку навстречу неизвестному. Встретив, однако, решительный взгляд расправившего плечи охотника, юноша понял, что сейчас решать предстоит не ему.

— После вас, — пригласил Эллайен.

Джером кивнул и оглянулся на У'уена. Вождь сидел на ступеньках, обхватив руками голову. Пальцы его заметно дрожали.

Джером медлил.

— Может быть, кто-то останется с вождем?

— С ним все будет в порядке, — заверил Килак.

Джером посмотрел в глаза пареньку, надеясь, что тот не сумел прочесть его мыслей. Он тревожился не за муукла'аянца, а

за собственную шкуру. Не слишком ли опрометчиво доверились они потомку эльфов?

Килак прошел мимо Джерома и попрощался с дикарем. У'уен что-то прохрипел в ответ и помахал рукой, но перед тем как опустить голову, взглянул на Джерома и обратился прямо к нему. Джером обернулся в поисках Килака. Но паренек лишь молча похлопал его по плечу и направился к порталу.

Джером и Эллайен последовали его примеру, стараясь разглядеть хоть краешком глаза, что скрывалось внутри. Сразу за небольшой комнатой начинался поворот. Путешественники видели изгиб стены и щелку прохода за нею, но угол и расстояние не позволяли свету проникнуть дальше.

— Ну что? — усмехнулся парнишка.

Не дожидаясь ответа, Килак проскользнул в темноту. Тени расступились перед двумя факелами. В конце комнаты открылось похожее на пещеру помещение со сводом в форме купола. В воздухе повис сладковатый аромат. Джером вытаращил глаза от удивления.

Пещера была забита сокровищами, горы монет и драгоценностей сверкали в свете факелов. Блестящие доспехи, выстроившиеся вдоль стен, охраняли несметные богатства и расположенную в самом центре склепа массивную золотую плиту, усыпанную драгоценными каменьями. На плите лежал скелет в роскошных одеяниях, череп его украшала серебряная корона, костлявые пальцы сжимали…

Меч.

У Джерома перехватило дыхание. Истлевшие ладони не скрывали искусно выполненную длинную рукоять из чистого серебра. Девять сверкающих красных камней украшали замысловатую резьбу, а среди них поблескивали еще несколько зеленых самоцветов меньшего размера. От священного оружия исходил божественный алый свет, рядом с которым меркли несметные сокровища пещеры.

Никто не смел шевельнуться. Джером смотрел, затаив дыхание. Перед путешественниками, невредимый, лежал талисман, который они так долго искали. Божественное происхождение клинка не вызывало сомнений. Его окружала аура совершенства, чистой силы и мудрости. Казалось, ничто не препятствовало Джерому взять Меч. Детские фантазии воплотились в действительность. Мечты сбылись.

— Невероятно, — запинался юноша, едва дыша. Это было чудо, такое же настоящее, как солнце на небе. Друзья, стоявшие рука об руку с Джеромом, потеряли дар речи.

Меч Азахиля.

Джерому захотелось поговорить со своими спутниками. Где-то в глубине сердца казалось, что все идет не так. Неужели Меч просто лежал и ждал их прихода? Что случилось с остальными людьми, которые добрались сюда? Почему они не забрали клинок?

Но сквозь пелену тревожных мыслей Меч продолжал звать Джерома. Не словами, но чувствами, теплыми и уверенными. Он был единственным, нашептывал голос, единственным, кому предназначался Меч. Осознав это, остальные не посмели прикоснуться к сокровищу. Нужно только протянуть руку и взять.

Ослепленный прелестью Меча, зачарованный божественным голосом, Джером сделал шаг вперед и на мгновение окунулся в его сияние. Медленно протянул он дрожащую руку.

Но когда взгляд его встретился с пустыми глазницами скелета, страхи вновь нахлынули волной.

— Не могу, — прошептал он, попятившись от Меча, словно ужаленный. Он не имеет права. Меч убьет самозванца, как только почувствует его слабость.

Стряхнув тревожное оцепенение, Джером окунулся в тепло покоя и безмятежности, исходивших от Меча. Решимость возвратилась. Он уверенно протянул руку и снял безжизненные пальцы великого короля Сабаота с клинка. Мимоходом Джером отметил отсутствие пыли и паутины, которые должны были покрывать труп. Освободив талисман, юноша снова попятился, с отвращением морщась от прикосновения к холодным костям.

Теплота Меча манила его. Сердце забилось сильнее, удары отдавали в грудную клетку. Капли пота катились по лицу и рукам, кожа стала липкой. Стиснув зубы и подавив волну тошноты, Джером в очередной раз протянул руки, сжимая кулаки в дюйме от заветной рукояти.

На этот раз новый, необъяснимый трепет завладел юношей. Страх успеха. Боязнь грядущих в его жизни перемен. Он страшился последствий и не заслужил победы. Он был никем, ничем, самозванцем среди призраков и талисманов, силы которых не мог постичь. То, к чему он так долго стремился, лежало у Джерома под рукой, но он был не достоин награды.

И снова Джером малодушно отступил.

— Помни, ради этого ты пришел, — мягко проговорил Эллайен.

Голос друга испугал Джерома, и он удивленно обернулся. Но глаза охотника светились теплом и уверенностью, как и сам Меч, призывая сделать то, что необходимо — не только для себя одного, но ради многих.

— Возьми Меч, король Тории, — уговаривал Эллайен, — во

имя народа Пентании.

Джером улыбнулся, глаза его загорелись. Юноша вновь приблизился к талисману. Последние опасения смущали его сознание. Не отравлен ли Меч? А вдруг это ловушка? Но сомнения, как и прежде, разлетелись, будто сухие листья от порыва ветра. Не медля более, Джером взял рукоятку Меча и поднял его из могилы, где тот покоился три тысячелетия.

Алое сияние внезапно задрожало и погасло. Драгоценные камни на рукояти исчезли, а серебро превратилось в обмотанное кожей дерево. Джером от изумления и страха вытаращил глаза. От его прикосновения последний из Алых Мечей превратился в ржавый кусок кованого железа.

— Нет! — взвыл юноша.

Не веря своим глазам, он обернулся к друзьям.

— Не может быть! — воскликнул Эллайен, стряхнув последние следы заклятия, завладевшего ими.

Килак взял горсть блестящих драгоценных камней, но, разжав ладони, обнаружил лишь пыль да песок. Как только драгоценности исчезли, он выбросил грязь. На глазах друзей иллюзия растаяла.

Они озирались кругом, словно впервые видели пещеру. В каком-то смысле так оно и выходило. Плита была каменная, а горы сокровищ оказались землей и обломками. То, что они приняли за останки короля Сабаота, на самом деле было кучей пустых тряпок. Блеск доспехов, охранявших склеп, померк. Некоторые попросту валялись на земле. Осталась лишь пещера, просторная и обветшалая. Десятки туннелей чернели по ее периметру, словно пещера была ступицей огромного колеса. Даже запах изменился: благоухание уступило место гнилостному смраду.

Чуть слышное потрескивание, как от умирающего огня, привлекло внимание друзей к входному проему. Вместо открытой арки перед ними стояла монолитная дверь из гранита. Поверхность ее была испещрена искусными узорами и замысловатыми письменами, среди которых не было ни засова, ни кольца. Края плиты источали слабое голубое сияние.

Одетые в гниющие меха и кожи скелеты сидели по обе стороны от двери. Оружие и кошели остались висеть на костях. Один из них держал в руке потрепанный лист пергамента, как одинокий скиталец сжимает в пустыне последний бурдюк с водой.

Килак с отвращением покачал головой.

— Ребята, сдается мне, мы попали в беду.

Глава 23

Джером оцепенел. Он боролся с тошнотой, подступающей к горлу. Килак приблизился к массивной каменной плите, возникшей на месте арки и закрывшей им выход. Паренек внимательно изучил дверь, а затем попробовал надавить на нее.

Камень не поддался. Собравшись с силами, он ударил в дверь плечом. С тем же успехом можно было биться о скалу.

Килак позвал У'уена, оставшегося на противоположной стороне, щебетом, который эхом разлетелся по пещере, и приложил ухо к мерцавшей двери. У'уен молчал.

Неунывающий Килак вынул тонкие клинки и наотмашь резанул по камню. Голубые искры зажглись и погасли. Паренек нагнулся, чтобы рассмотреть след, и отошел, покачав головой.

Затем Килак занялся скелетами у двери. Он наклонился над одним и вытащил из истлевших пальцев пергамент, который крошился в руках, пока паренек его осторожно разворачивал.

— Карта.

Джером взглянул на оружие в своих руках, на ржавый щербатый клинок, на пропитавшиеся его потом кожаные обмотки рукояти. Сквозь пелену затуманенного сознания наблюдал он за движениями Килака и был застигнут врасплох, когда парень выбил оружие у него из рук.

— Забудь ты про эту проклятую железку! — бросил Килак.

Ветхое оружие раскололось об пол, и кусочки со звоном поскакали по неровному камню.

— Нельзя терять ни минуты, надо выбираться отсюда.

Джером отвернулся от разбитого клинка и посмотрел на Килака. Недоверие отступило перед осознанием и ужасом. Отвергнув многочисленные предупреждения и знаки, они оказались в ловушке, в волшебной западне, что должны были предвидеть с самого начала. Даже Килак был не на шутку встревожен.

— Что теперь делать? — спросил Эллайен. В голосе его сквозило отчаяние.

Килак с мрачным лицом рассматривал карту.

— У'уен говорил, что в катакомбы ведет только один путь.

— У'уен, — фыркнул Эллайен. — Кто сказал, что его словам вообще можно верить?

Паренек угрожающе поднял глаза на охотника.

— На карте есть что-нибудь? — спросил Джером, чтобы разрядить обстановку.

— Я не вижу. В основном, тупики. И непроверенные пути.

Килак передал Джерому карту с выцветшими знаками — план катакомб, последняя попытка пойманных в ловушку выбраться на свободу.

— Если бы наши предшественники нашли выход, они бы здесь сейчас не сидели, — язвительно заметил Эллайен.

Трудно было не согласиться. Чем дольше Джером изучал карту, тем тревожнее становилось у него на душе. Карту составили опытные первопроходцы, бывалые искатели. Если уж им не удалось найти выход, на что рассчитывать ему со своими друзьями?

— Может, попробовать пробить ход наружу? — отчаянно предложил Эллайен.

— Пробить? — с сомнением отозвался Джером.

— Сквозь стены.

— Чем? — усмехнулся Килак.

Охотник хмуро взглянул на паренька.

— Ты так гордишься своими клинками. Вот и для них найдется работа.

Килак только рассмеялся.

— Не собираюсь тратить последние деньки, как вонючая крыса, которая пытается выкарабкаться из клетки.

Джером не сомневался, что оружие Килака, бессильное против заколдованной двери, поможет прорубить ход сквозь камень. Но парень был прав. Рытье туннеля до коридора, приведшего их сюда, займет месяцы. Если повезет, путешественникам удастся протянуть без припасов от силы неделю.

— По тебе, лучше сдаться? — не унимался Эллайен.

— Если ты собрался перекопать тонну камней, — ответил Килак, показав на расколотый клинок, который еще несколько мгновений назад светился восхитительным и манящим алым светом, — не буду тебе мешать.

Взглядом Эллайена можно было плавить железо. Он, будто струну, перебирал пальцем тетиву лука, висевшего у него за спиной.

— В таком случае я с удовольствием окажу тебе услугу и избавлю от медленной и мучительной смерти.

Не опуская факела, Килак небрежно провел свободной рукой у бедра.

— Попробуй, — не отступался он. — На твоей туше я протяну достаточно, чтобы выбраться отсюда.

Джером поспешил разнять спорщиков, пока страсти не накалились до предела.

— Мы сделаем то, зачем пришли, — повторил он слова,

которые Килак произнес в джунглях Восгеса, когда стало понятно, что путников преследуют дикари. Джером взглянул на Килака, потом на Эллайена. — Мы найдем Меч.

— И ты все еще веришь, что Алый Меч здесь? — недоверчиво спросил Эллайен.

Джером не узнавал друга. Всегда спокойный и уравновешенный, в последние дни охотник стал нервным и суматошным, всего опасался. Джером же, напротив, сохранял хладнокровие. Они попали в древний город, и ничего уже не изменить. Значение имел один вопрос — способны ли они довести дело до конца.

— Я не знаю, — ответил Джером. — Но эта куча ржавчины никакого отношения к Мечу не имеет.

Глубокий вздох Эллайена выдал его крайнее раздражение. Он с негодованием посмотрел на Килака, который тоже не сводил с него глаз.

— Пойдем, — неожиданно властно скомандовал Джером. — Время не ждет.

— А у нас есть выбор? — съязвил Эллайен. — Допустим, найдем мы Меч. Как он вызволит нас отсюда?

— Над этим будем голову ломать, когда найдем Меч, — изобразил уверенность Джером и обратился к Килаку: — Пока мы не собираемся умирать.

Взгляд Килака остался непреклонным.

— Посмотрим.

Джером молчал, стиснув зубы.

— Один факел, — скомандовал Килак, воткнув огненную головешку в каменный пол. От пламени остались лишь тоненькие струйки дыма. — Другие нужно сохранить.

Джером кашлянул. Темнота сгустилась. Когда факел Килака окончательно потух, паренек еще раз посмотрел ему прямо в глаза.

Джером кивнул. Он взял в руки карту и попробовал соотнести каракули на пергаменте с множеством зиявших в стенах пещеры проходов. Как и его друзья, он понимал, что в конечном итоге все равно, с какого портала начать. Но, демонстрируя уверенность, он без колебаний выбрал коридор по правую руку и смело направился к нему. Дойдя до входа в туннель, юноша обернулся к своим спутникам.

— Вы идете или нет? — спросил Джером и нырнул в темноту.

Хотя потолок поднимался на несколько футов над головой, Джерому стало душно и тесно. В холодном затхлом воздухе витал запах самого времени, древнего, вечного. В мрачном свете пол и стены казались относительно ровными. Но более всего Джерома

поразила удушающая, давящая тишина. Выросший в благодатных лесах Кальмира, недавний Фейзон привык находиться в окружении вездесущих звуков природы, от жужжания насекомых и птичьих трелей до звона ручейков и шороха ветра. В недрах земли тишину нарушало лишь тихое дыхание и мягкие шаги. Отсутствие звуков и движений заставляло Джерома ощущать себя оторванным от мира, страшно одиноким.

Путешественники довольно быстро добрались до первого перекрестка. В поперечном туннеле рядами расположились ниши. Джером увидел выдолбленные в камне могилы и остановился на мгновение, дав огню факела прогуляться по стенам. Места погребений пустовали — ни костей, ни саванов, ни оружия — ничего, что могло бы намекнуть на присутствие некогда живых существ. Джером не стал долго раздумывать. По десяткам причин гробницы могли пустовать, и ни одна из них не выведет друзей из западни.

Юноша хотел было посоветоваться со спутниками, в каком направлении двинуться дальше, но передумал. Пусть лучше шагают и помалкивают, пока оба не остынут — остается, конечно, надеяться, что ничто по дороге не испортит настроения окончательно. Свернув из погребального коридора, Джером устремился в глубь лабиринта.

Путники шли остаток дня и весь вечер. Сеть коридоров оказалась куда шире, чем Джером рассудил по карте. Туннели тянулись на мили, пересекая кольцо за кольцом ряды эльфийских могил. Захоронения в форме полумесяцев располагались друг от друга в дюжине шагов и соединялись не только с помощью главного туннеля, но и посредством многочисленных служебных переходов. Некоторые из них занимали не более двух колец, другие же тянулись через весь комплекс, сплетаясь в сложную паутину коридоров, которую предстояло исследовать путешественникам.

По пути друзья то и дело набредали на останки несчастных, оказавшихся некогда пойманными в лабиринте. Скелеты бывших искателей сокровищ, давно признавших свое поражение, лежали группами или сидели у стен. В основном люди, хотя зачастую кости столь сильно разрушились, что определить их происхождение было трудно. Учитывая возраст катакомб, было бы не удивительно наткнуться и на останки более древних рас, представители которых могли забрести сюда в те далекие века, когда род людской еще не вытеснил их с берегов Пентании. Но в целом напрашивался грустный вывод: все, попавшие в лабиринт, погибли. И хотя таковых нашлось немного, каждый служил печальным напоминанием того, какая участь ожидала Джерома и

его спутников.

Как ни странно, все могилы пустовали, оставалось лишь предполагать, что финлорианцев хоронили без оружия и доспехов, а кости эльфов разлагались быстрее человеческих. Удивительно, но в огромном комплексе и следа не осталось от тех, кому он предназначался, пусть даже через три тысячи лет. Однако судьба давно умерших эльфов составляла не главную заботу живых обитателей лабиринта.

Иногда путешественникам встречались склепы, подобные тому, через который они вошли, с центральной плитой и полуистлевшим убранством, предназначавшиеся, по-видимому, высокопоставленным и знатным персонам. Некоторые из таких усыпальниц соединялись со смежными комнатами, хотя из этих дополнительных помещений, похоже, давно вынесли все ценности. Сети туннелей разветвлялись, и путешествие начиналось сызнова. Некоторые из коридоров действительно заканчивались тупиками, но само кладбище, выстроенное как нескончаемое переплетение окружностей и радиальных прямых, казалось безграничным.

Вечером путники остановились отдохнуть, и к этому времени Джером убедился — целой жизни не хватит, чтобы обойти катакомбы. Друзья решили сосредоточиться на тех районах, которые предшественники оставили неотмеченными на карте. И хотя они опасались пропустить то, что проглядели неудачники, не было смысла удваивать усилия, когда еще так много предстояло сделать.

Эллайен заснул, а Джером и Килак продолжали беседу. Казалось, вместо того, чтобы оградить катакомбы от бесчисленных охотников за сокровищами, которые, как они подозревали, словно стервятники, слетятся к руинам города, финлорианцы придумали такое средство, чтобы ни один из подобравшихся слишком близко смельчаков не смог поделиться своими знаниями с остальными. Как и предшественники, Джером и его спутники отрезали себе дорогу назад, когда ступили сквозь пустую арку. Никто не догадается, что произошло с ними. В результате оставшиеся позади войдут следом, ничего не подозревая, но скорее всего передумают, напуганные историей о невероятном исчезновении.

И все же искусный обман лишь укрепил веру Джерома в то, что еще оставался шанс разыскать Меч. Если только западня не была расставлена специально, чтобы отвлечь внимание от истинного места захоронения Меча где-то в недрах развалин. Но, учитывая все, что знали путешественники, они были в правильном месте и на верном пути. Оставалось лишь просчитать

дорогу, раскрыть тайну и выбраться на волю.

Усилия их, как и следовало предполагать, оказались тщетными. День за днем путники просыпались на холодной каменистой земле, чтобы возобновить поиски. Упорство их годилось лишь на то, чтобы избежать безумия. Друзья продолжали устало волочить ноги по лабиринту петляющих туннелей. Чтобы не потеряться, они отмечали пройденный путь на карте. На их вооружении были исключительная память Килака и его совершенное чувство направления. Тем не менее друзья не встретили ни одного следа, указывавшего на выход, ни единого ключика, который мог привести их к заветному сокровищу.

Каждую ночь Джером с надеждою ожидал новых снов, подобных тем, что привели его к Трак-Симбозу, видений, которые указали бы ему путь. Но сознание его оставалось таким же пустым и мрачным, как сами катакомбы, как темная, бесконечная бездна подземелий.

Факелы превратились в огарки и были выброшены. Запасы еды и воды, которые они расходовали продуманно и экономно, стремительно таяли. Они рассчитывали проводить в руинах не более дня или двух, а затем возвращаться на поверхность, чтобы пополнять резервы питья и продовольствия. От рассчитанных на две недели припасов с собой искатели взяли двухдневную норму, которую растянули на пять дней. А теперь догорал последний факел, почти опустел бурдюк с водой и на троих остался единственный кусок вяленого мяса. Терпеть дольше было невозможно.

На пятый день, когда Килак и Эллайен принесли остатки провизии в пещеру, с которой началось их путешествие по катакомбам, Джером покинул их и отправился по одному из центральных коридоров. Юноша не мог более выносить присутствия друзей, он искал уединения. Факел Килака постепенно таял вдалеке, и Джерома обняла желанная темнота. Тело покрывали царапины и ссадины от бессчетных падений, горло и глаза болели от колючей пыли. Опустошенный и измотанный после бесчисленных часов безнадежных скитаний, Джером находился на грани отчаяния. Килак сказал правду. Выхода из катакомб нет. Если Меч и находился в туннелях, то был глубоко спрятан в каменном полу или стенах. Теперь юноша начал понимать, что стоило прислушаться к предложению Эллайена и попробовать выкопать ход сквозь гору.

Джером ощущал на своих плечах тяжкую ношу вины. Именно он принимал решения и безрассудно вел друзей вперед, рассчитывая на свою силу и бесстрашие. Он заставил друзей продолжать путь, когда У'уен, Эллайен и даже Килак начали

сомневаться. Джером начал понимать, что тревоги его спутников по поводу прохождения сквозь таинственную арку и путешествия по катакомбам в поисках спасения были порождением не страха или неверия, а плодом разумных суждений. Лишь он один действовал необдуманно, тщеславно и крайне глупо.

Джером вновь задумался над вопросом, был ли причастен У'уен к их заточению. Но ведь эльф пытался предупредить спутников? И все же именно муукла'аянец привел друзей сюда и только он мог вернуться на поверхность. Наверное, так он уже и поступил. Теперь Джером перестал удивляться той легкости, с которой им удалось проникнуть в тайну древних развалин. Финлорианцам оказалось достаточно и одной преграды. Ради какой цели расставлена такая ловушка, его не заботило. Джером вынужден был признаться хотя бы себе самому, что жизнь подошла к завершению.

Юноша вдруг вспомнил о привязанных у ручья лошадях, которые скорее всего давно уже съели оставленный им овес. Животным будет нечем питаться, кроме скудного кустарника, кое-где росшего на выжженной солнцем, соленой и голой земле. Кони погибнут от голода, если им не удастся вырваться на свободу. Еще три смерти на его совести. Самых страшных, ведь беспомощным четвероногим не предоставили никакого выбора.

Образ Мариши пришел в его воображении на смену скелетам несчастных животных. Джером остановился, с болью и сожалением закрыл глаза. Воспоминания о прекрасной девушке поддерживали его на протяжении всех скитаний и мук, придавая решимости выбраться на волю. В голове Джерома звенели ее слова: никогда не сдавайся. Теперь лицо ее поблекло, очертания и краски сливались вместе в неясном тумане. Он потерял ее, как и все остальное, навсегда. Вспоминала ли Мариша о нем? Лучше бы ей обо всем забыть, подумал Джером.

Юноша открыл глаза и обнаружил на стене древнего коридора неглубокий альков с причудливым орнаментом, выложенным кирпичом. Похожие ниши встречались на всем протяжении катакомб и располагались в туннелях на равных расстояниях. На некоторых были нацарапаны послания предыдущих искателей сокровищ, последние слова родным и любимым. Кирпич и цемент, дело рук смертных, был, надо думать, податливее, чем каменное тело великой горы. Джером вспомнил, как усмехнулся, не понимая, зачем тратить силы. Это было признанием поражения, запечатлевшим тот час, когда человек, написавший послание, отступил перед отчаянием и безысходностью. Еше недавно Джером не мог представить себе чувств, приведших путешественников к такому печальному концу.

Теперь, когда впереди маячила неминуемая гибель, их поведение казалось самым логичным и естественным.

Джером опустился на колени перед пустой стеной и вынул из-за пояса кинжал. Свет далекого факела почти полностью растворился в темноте, и он начал вырезать буквы вслепую.

* * *

В соседнем склепе — который сначала казался путешественникам усыпальницей короля Сабаота, но обернулся настоящей могилой — Эллайен встрепенулся, встревоженный едва слышным скрипом, раздававшимся из коридора, куда ушел Джером.

— Мы десятки раз ходили по этому коридору, — проворчал охотник. — Что он хочет там найти?

Килак продолжал рассматривать изорванный пергамент, на котором они отмечали свое путешествие через катакомбы.

— Ты должен восхищаться силой его духа.

— Из-за него-то мы и влипли, — простонал Эллайен.

Охотник отломил последний кусочек сушеного мяса, стараясь не обращать внимания на горький привкус. Килак сделал глоток из почти опустевшего бурдюка.

* * *

Джером остановился и вытер со лба пот. Начал он медленно, раздумывая над каждым словом. Но простая могильная надпись быстро переросла в последнюю дань спутникам, в мольбу о прощении. Вспомнились все: Эллайен и Килак, отец и односельчане, по отношению к которым он вольно или невольно поступил несправедливо, кого разочаровал за свою короткую жизнь. Не пропустил он даже Эллибе, свою настоящую мать, понимая теперь, что напрасно обидел ее, отверг человека, который пожертвовал ради него всем. И хотя Джером вряд ли когда-нибудь попытался бы поправить с нею отношения, в глубине души он знал, что напрасно обидел ее. Юноша за все хотел принести извинения, и теперь, кажется, настала последняя возможность.

Поначалу Джером тщательно и аккуратно выводил буквы, но постепенно начал резать и стучать как одержимый. Куски цемента и кирпича разлетались во все стороны.

Джером набросился на стену с такой силой, что неожиданно

она просела и при очередном ударе обрушилась внутрь. От изумления юноша потерял равновесие. Отдышавшись, он подтянулся к бреши. Джером осторожно ощупал пальцами небольшой проем. Невероятно! Он начал орудовать кинжалом, и постепенно трещина превратилась в широкую дыру. Джером понял, что ниши не были простыми украшениями.

Они служили воротами.

Джером постарался унять волнение. Не было причин полагать, что новое открытие приведет к спасению. И все же в глубине сердца юноша чувствовал, что близок к победе. Не могли же финлорианцы построить столь гигантский комплекс с одним лишь входом! Каждая ниша была выходом на поверхность, дополнительным путем, по которому перемещали тела, инструменты и прочее. Когда в них более не нуждались, проходы замуровывали. Вскрыв их, друзья смогли бы выбраться на поверхность.

Джером был убежден в своей правоте, однако радость держал при себе и решил не звать на помощь спутников, пока не подтвердит свою догадку фактами. Забыв о предсмертном послании, он рубил кинжалом стену, пока не начали выпадать отдельные кирпичи. Внутри была лишь чернота, но юношу это не остановило. Вскоре, отложив кинжал в сторону, он начал расшатывать основание ослабевшей конструкции, пока сверху к его ногам не посыпались кирпичи и обломки.

Джером отпрянул, закашлявшись в облаке пыли, а потом встал на ноги рядом с образовавшимся проходом. Он уже видел себя за пределами злосчастной арки у подножия лестницы, ведущей во дворец. Решительно нахмурившись, он расширял проем плечом, сначала осторожно, а потом с большей уверенностью и напором. Камни и обломки кирпичей продолжали сыпаться, оставляя царапины и порезы на теле, но Джером не обращал на них внимания. Еще несколько ударов…

Совершенно неожиданно преграда обрушилась полностью. Джером, как и следовало ожидать, повалился вперед и побежал, отчаянно балансируя. Не ожидал он только того, что пол под резким углом пойдет вниз. Нащупать почву под ногами не удалось, он был застигнут врасплох и уже не мог предотвратить падение.

Джером с криком провалился в кромешную тьму.

* * *

— Какого черта? — прохрипел Эллайен. В голосе его

прозвучала тревога. Он уже встал на ноги, поддавшись уговорам Килака пойти проверить, что за возня творится в коридоре, когда крик Джерома разорвал мертвую тишину катакомб.

Не успело смолкнуть в лабиринте звонкое эхо, как Килак вскочил на ноги, сжимая в руке острый клинок. Эллайен вооружился кинжалом, и оба помчались по коридору к обломкам разрушенной стены. Неуверенно переглянувшись, спутники склонились к зияющему отверстию.

— Джером! — крикнул Эллайен в глубину тайного хода.

Килак опустил факел вниз, осматривая выдолбленные стены узкого туннеля. Дно колодца скрывалось в непроницаемой темноте. В дрожащем свете друзья обнаружили полоску крови, размазанную по каменистой почве.

Эллайен ринулся вперед, но Килак успел схватить его за плечо и остановить. Охотник обернулся, больше напуганный, нежели озадаченный.

Килак, сморщившись, принюхался к затхлому воздуху.

— Внизу что-то есть.

— Мы не можем бросить Джерома! — негодовал Эллайен. Он готов был растерзать своего спутника.

— Да нет, конечно, — поспешил согласиться Килак и подтвердил свои слова убедительным взглядом.

— Хорошо, — собрал чувства в кулак Эллайен, — давай достанем его.

Килак задумался, а потом покачал головой.

— Я пойду. Жди здесь, пока я не позову.

— Что? Почему?

— Я буду ориентироваться на звук твоего голоса.

Не успел Эллайен и рта раскрыть, как парнишка скользнул в отверстие и ловко спустился по отвесному склону прямо в черную пропасть.

Эллайен остался в темноте один.

Глава 24

Падение наконец прекратилось. Джером лежал неподвижно, превозмогая пронзительную боль.

Кто-то позвал его сверху. Голос показался ему знакомым. Юноша ждал, но звуки стихли. Вероятно, ему послышалось.

Джером потянулся к затылку и нащупал что-то теплое и мокрое. Он тщетно старался понять, что это значит, но вспоминал лишь удары о землю и камни.

Юноша осторожно перевернулся и привстал на руки и колени. Движение помогло ему немного оправиться, начали возвращаться обрывки воспоминаний, головокружение постепенно отступило, оставив после себя мучительный стук в затылке. Боль ритмично растекалась по телу, по конечностям, проникая в самые кончики пальцев. Некоторое время Джером не двигался, упираясь ладонями и коленями в жесткую неровную землю. Он моргал, но ничего не видел вокруг.

Вновь раздался знакомый голос. Кто-то негромко звал его.

Джером поднял голову.

— Килак? — медленно проговорил он. — Килак, это ты?

— Я.

Джером уселся на землю и разглядел приближающийся сквозь завесы мрака слабый огонек, который постепенно становился все ярче. Через мгновение за пламенем небольшого факела показалось лицо Килака. Паренек быстро подошел к Джерому и склонился над ним.

— С тобой все в порядке?

— Пока не знаю.

— Ты ранен?

Юноша еще раз потрогал липкий от крови затылок.

— Я надеялся найти здесь выход.

Они осмотрелись. Проход вел куда угодно, только не на свободу. Джером действительно обнаружил новый туннель, который не поднимался на поверхность, а опускался в нижний ярус катакомб. В обе стороны тянулся погребальный коридор с такими же точно пустыми и одинаковыми могилами, как и тысячи других.

— Где Эллайен?

— Ждет наверху, чтобы помочь выбраться наверх. Тебе нужно возвращаться.

Джером взглянул на наклонный туннель. Отверстие терялось где-то высоко в темноте.

— А тебе?

— Я хочу кое-что проверить, — ответил паренек, искоса всматриваясь в мрачный коридор. Килак принюхался, и Джером впервые почувствовал присутствие в туннеле зловонного запаха.

— Я все еще думаю…

— Тише, — прошипел Килак. Вниманием его завладел другой проход, находящийся напротив.

Джером прикусил язык. Он напрягал слух, но тревожный стук сердца заглушал любые звуки.

Через мгновение Килак нагнулся и шепнул ему на ухо:

— Слышал?

Джером покачал головой, зная, что Килак почувствует движение, даже не глядя. Паренек помог ему подняться на ноги, и Джером медленно, осторожно встал. Ему, конечно, очень не повезло, но кости были целы.

Джером отдышался и уверенно устремил взгляд вперед, забыв прошлые невзгоды и сосредоточившись на том, что ждало впереди.

Килак начал не спеша спускаться по туннелю. Джером, прихрамывая, старался держаться рядом и не давать воли своему воображению. Юноше было трудно сосредоточиться. Темнота пугала, воздух казался необычайно густым и влажным. Что ждало внизу? Джером вспомнил о бестелесном чудовище, преследовавшем его в ночном кошмаре.

Вскоре Килак остановился у небольшого отверстия в стене на уровне пола. Они опустились на колени и обнаружили очередной туннель, слишком узкий для человека. Отблески факела не достигали дна, извилистая нора тонула в темноте. Джером не имел представления, кто прорыл ход, но догадывался, что частью катакомб он не являлся. Он взглянул на Килака, и тот с сомнением покачал головой.

Друзья двинулись дальше, встречая на своем пути новые странные отверстия. Нижний ярус катакомб оказался испещрен длинными норами, которые беспорядочно пересекали коридоры, погребальные ниши и склепы. Такие ходы роют разве что черви в мягком черноземе, решил Джером и вздрогнул от мысли о встрече с особью такого размера, которая ко всему прочему с легкостью разгрызает камень.

Друзья долго шли мимо могил и усыпальниц. Джером не переставал дивиться размерам городских катакомб. Верхний уровень выглядел огромным, но теперь выходило, что они лишь смахнули пыль с поверхности погребального комплекса. Как глубоко вели туннели? Где же заканчивался лабиринт, проникавший в самое основание горы?

Спутники продолжали беспорядочное путешествие по

древнему подземелью. Хотя оба молчали и двигались бесшумно, Джерому никак не удавалось услышать звуки, насторожившие сверхчувствительного Килака. Не мог он и разобрать, приблизились ли они к источнику зловония. Килак шел то ли на звук, то ли на запах, но двигался уверенно и без колебаний, будто по свежим следам на белом снегу.

Джером не утруждал себя расспросами. Преследование некоего загадочного существа не представлялось ему самым разумным решением, но юноша рассудил, что значения это большого не имеет. Исключая неожиданный поворот событий, путешественники были обречены на гибель в течение ближайших дней. Поиски Меча закончились неудачей. Маловероятно, что они вдруг наткнутся на некий чудесный выход из подземелий, не замеченный ранее другими попавшими в ловушку людьми. Во всяком случае, они нашли себе занятие вместо того, чтобы предаваться отчаянию. Все же лучше, чем сидеть без дела в ожидании мучительной и долгой смерти.

Именно по этой причине Джером продолжал разглядывать скользившие мимо каменные стены нескончаемого подземелья, смутно надеясь, что вот-вот на глаза ему попадется ключик к тайне Алого Меча. Последнее время он и его спутники думали лишь о спасении, о необходимости отыскать выход. Но если им удастся выбраться, что делать дальше? Как поступить, если поиски Меча, приведшие его в катакомбы, окажутся тщетными?

Погруженный в печальные мысли, Джером шел вперед без надежды и сожаления. Темнота давила, тишина казалась удушающей. Что ждет его дальше? Воздух сгущался, влажность постепенно росла. После окончания земной жизни отведена ли ему вечность в Олириуме в окружении божеств Кейлхай? Или ему предначертано страдать в бездонной пропасти и терпеть муки в когтях демонов?

Адская тьма надвигалась все ближе, всеобъемлющая и неумолимая, тлеющей серой каймой окружившая слабый свет факела. Джером понимал, что тусклый огонь не способен противостоять подземному мраку. Вслед за факелом погаснут и их жизни. Тела и души поглотит вечная ночь.

Джером неожиданно вспомнил об Эллайене и пожалел, что охотника нет рядом. Что толку сторожить вход, ведущий в никуда? Если друзьям суждено умереть, сделать это надо по крайней мере вместе.

Он как раз хотел позвать Эллайена, когда свет вырвал его из пелены размышлений — не мерцающий огонек факела в руках Килака, но тусклое голубоватое сияние вдалеке. Не веря собственным глазам, Джером взглянул на Килака, который,

должно быть, тоже что-то заметил, но не подавал виду. Они медленно продвигались по коридору к помещению, которое оказалось очередным склепом. Теперь Джером был уверен. Из склепа исходило голубое сияние, очень походившее на то, которое заманило путников в ловушку. На мгновение Джерому показалось, что они и в самом деле вернулись в начало лабиринта. Оставалось только удивляться, что он этого совершенно не почувствовал.

Мысль эта рассеялась, как только они вышли из коридора в помещение, вероятно, самое большое из тех, что до сих пор встречались путешественникам. Более дюжины арок уходили в глубину, другие же вели не дальше стены небольшой смежной камеры. Одна из арок была закрыта такою же точно каменной плитой, что отрезала им путь наверх, с древними письменами и орнаментами, вырезанными на поверхности. Знакомый голубоватый свет обрамлял неприступные очертания, наполняя склеп слабым сиянием.

Джером осмотрелся медленно и неуверенно, опасаясь, что очередная иллюзия вот-вот рассеется. В душе пробудилось давно забытое чувство. Надежда? Слишком рано. Необходимо тщательно и хладнокровно изучить находку.

Или скорее слишком поздно.

Джером заметил в тусклом бледном свечении хмурое лицо Килака.

— Что не так? — спросил он.

Вместо ответа паренек отбросил факел и обнажил оружие. Джером проследил за взглядом Килака и обнаружил одно из загадочных отверстий в основании стены рядом со светящейся дверью. И тогда раздался странный звук. Неожиданно из дыры послышался скрежет, словно железо терлось о камень. Мгновением позже гигантское змееподобное существо выскользнуло из норы. Клоки жестких серых волос торчали на макушке и спине зверя. Ноздри пылали, а серые металлические глаза жадно блестели в диком предвкушении. В удивительном голубом сиянии серебряная чешуя, покрывавшая тело длиною в двенадцать футов, сверкала, словно отполированная сталь. Ряды коротких, как у ящерицы, лап прижимались к длинному туловищу, так что изогнутые острые когти торчали вверх.

— Что за зверь такой? — спросил Джером, вытаскивая меч.

— Мертвый, — с нескрываемой радостью ответил Килак.

Джером увидел жадный блеск в глазах юного воина. Наконец-то появился враг, с которым можно сразиться и на время позабыть о заточении и голоде. Джером отметил непреклонную и уверенную позицию Килака. Расчетливый взгляд, спокойная

осанка, равновесие, с которым он держал клинки — Килак сам превратился в смертельное оружие, точное и стремительное, жаждущее вырваться из ножен. Испуганный и встревоженный, Джером вместе с тем ощущал сладостное волнение в предвкушении схватки — долгожданной битвы вместо медленного разложения — бок о бок с искусным воином.

Радостное возбуждение моментально забылось. Существо испустило гортанный рык, сотрясший его внутренности и глотку. Под сводами подземелья прокатился раскат грома. Пальцы Джерома отчаянно перебирали рукоятку меча, а Килак замер на месте, готовый к удару. Словно почувствовав в пареньке противника более опасного, змей прищурился, пожирая глазами противника. Но Килак и не думал сдаваться, встретив угрожающий взгляд чудовища твердым взором.

Джерому это недвижное противостояние казалось вечным. Если бы не извивающийся хвост и огненные ноздри зверя, сцена походила бы на изображение, вырезанное из гранита. Килак ни разу не моргнул, не желая давать противнику ни мгновения преимущества. Подземное существо, похоже, соизмеряло способности врага и собственные возможности. Наконец, когда Джером уже приготовился наброситься на гнусную рептилию и разрядить напряжение, тишина разлетелась на осколки.

Зверь повернул уродливую голову прямо к нему. Джером уже находился в движении и в последний момент инстинктивно увернулся. Змей приподнялся и ринулся на него. Юноша зажмурился, увидев, как из шипящей пасти чудовища вырвалось и моментально съежилось пламя, и в тот же миг за его спиной обрушилась часть стены.

Джером так бы и погиб с закрытыми глазами, если бы не стремительные действия Килака Кронуса. Убрав меч, паренек вынул короткий кинжал и запустил вращающийся клинок в голову зверя. Джером вовремя очнулся и увидел, как чудовище развернуло все свои шестнадцать конечностей и поднялось на задние лапы, будто гигантская ящерица. Змеиный хвост ускользнул от смертоносного клинка Килака и сбил оружие на землю.

Если Килак и удивился, то ничем не выдал растерянность. Он лишь слегка согнул колени. Упрямая улыбка заиграла на юном лице.

— Посмотрим, на что ты годишься, уродливый червяк.

Зверь зарычал, вскинул голову и ринулся на противника, выпустив в Килака сверкающую огненную струю. Килак не бросился на землю по примеру Джерома, а увернулся в сторону и пропустил мимо молнию, которая врезалась в каменную стену.

Взрыв потряс склеп, пол дрогнул под ногами. Осколки скалы разлетелись во все стороны, а в стене остался небольшой дымящийся кратер. Килак уверенно стоял на ногах и готовился к защите. Джером тоже кое-как выпрямился.

Тем временем существо выбралось на середину залы, в которой, как и во многих других склепах, отсутствовала центральная плита. Килак начал продвигаться вдоль стен комнаты, подав Джерому знак следовать его примеру. Джером повиновался, успокоенный тем, что животное сосредоточило все внимание на парнишке. Несколько мгновений они не спеша двигались по кругу, следя за каждым резким движением, которое мог произвести противник. Килак внезапно сделал выпад в направлении зверя и нацелил меч в глотку врага. Атаку пришлось прервать уже в прыжке, чтобы избежать удара подобного кнуту хвоста, готового раздавить его, словно муху. Парнишка ловко приземлился на ноги, одним движением прокатился вперед и развернулся, намереваясь пустить первую кровь из незащищенного бока чудовища. Однако зверь вновь оказался проворнее, чем предполагал Килак. Змеиный хвост с силой грохнулся о землю, заставив паренька попятиться, прежде чем он успел нанести удар.

Джерому едва удавалось сдерживать себя. Зверь повернул к Килаку отвратительную морду, яростно зарычал и оскалился, раздосадованный тем, что жертве дважды удалось невредимой ускользнуть от него. Паренек же, в свою очередь, недовольно нахмурился оттого, что не смог нанести удар. Тем не менее огонь, горевший в глазах Килака не оставлял сомнений — победа будет за ним.

Настала очередь чудовища броситься в атаку. С невероятной силой и скоростью когтистые лапы понесли зверя вперед. Вновь зашипела огненная струя. Паренек подпрыгнул, уклоняясь от смертельного удара, и оказался прямо на пути хлеставшего по воздуху гигантского хвоста. Бесстрашный Килак отлетел в противоположный конец комнаты.

Джером воспользовался моментом и рубанул мечом, оставив на шее зверя неглубокую рану. Стальное лезвие зазвенело в руках, будто от удара о железо. Юноша увернулся от хвоста и снова пустил в ход меч. Клинок едва поцарапал чешуйчатую кожу. Когда Джером размахнулся для третьего удара, хвост все же угодил ему в ребра и отбросил к стене.

Пробиваясь сквозь нахлынувшую лавину тьмы, Джером сосредоточился на битве. Гигантский червь развернулся на месте и столкнулся с Килаком, который уже стоял на ногах. Огромная пасть раскрылась, обнажив ряды острых зубов. Но Килак

сосредоточился не на морде, а на хвосте, который хлестал из стороны в сторону, разгоняя затхлый влажный воздух. Джером проследил за его взглядом и понял, что любая атака на зверя сбоку обречена. Однако мясистый хвост был слишком короток и не защищал голову зверя. Чтобы провести успешный маневр, целиться необходимо было именно в это место.

Без дальнейших колебаний Килак ринулся вперед. Какой и ожидал, змей развернул тело, чтобы занести хвост для удара. Но паренек оказался быстрее. Со стремительностью дикой кошки плясал он вокруг вертящегося змея, держась перед его мордой на безопасном расстоянии от хлеставшего по воздуху хвоста. Зверь в ответ начал крутиться вперед и назад, чтобы поймать противника на неверном движении. Но танец Килака был безупречен. Ноги его реагировали на рывки и броски зверя в тот же момент, когда глаз улавливал движение, и он неизменно держался перед чудовищной головой, которая теперь выглядела вполне уязвимой.

Вихрь движений заворожил Джерома. Сверкающие лезвия резали, кололи, рубили толстую шкуру зверя с пугающей, смертельной точностью. Словно осознав, что жизнь его зависит от незамедлительной смены стратегии, зверь приготовился выпустить новую струю пламени, но, казалось, никак не мог прийти в себя от жалящих клинков и собраться с силами. Предчувствуя скорую победу, Килак усилил натиск.

В следующее мгновение исход сражения был предрешен. Зверь метался, охваченный безумной яростью, ослепленный и израненный. Змей судорожно закинул назад голову, подставив Килаку глотку. Паренек в то же мгновение воспользовался оплошностью противника, не подозревая, что случится потом.

Когда длинный меч раскроил горло чудовища, оно исторгло вверх огненный поток, который ударился в сводчатый потолок склепа. Это был отчаянный ответ на смертельную боль. Но когда молния врезалась в потолок, земля затряслась, и сотни каменных осколков градом посыпались вниз. Из своего наблюдательного пункта на безопасном расстоянии от камней Джером окликнул паренька. Килак бросился бежать, но грохочущий водопад настиг его. Через мгновение Килак неподвижно лежал на земле, наполовину погребенный под грудой катившихся камней и грязи.

Когда последний осколок отлетел в сторону и пыль осела, Джером снова увидел ящера. Его отвратительные лапы были прижаты к телу, как в самом начале. Существо не умерло, несмотря на причиненные ему увечья. В луже собственной крови, источая потоки зловонной жижи при каждом повороте тела, чудовище скользило по полу, тыча носом в голубоватое мерцание. Даже вслепую животное мгновенно обнаружило бессознательное

тело Килака. Джером увидел, как оно доползло до паренька и начало обвиваться вокруг.

Джером отчаянно закричал. Преодолевая боль, хромая и волоча за собою меч, он поднялся на ноги и бросился к другу. Ему казалось, что пещеру раскачивает из стороны в сторону, будто лодку в шторм. Он приблизился к змею, поднял меч над головой и с яростью пронзил чудовище.

Тварь угрожающе зашипела, но Джером, не обращая на нее внимания, занес меч для нового удара. Вдруг он поскользнулся на одном из камней, которые разбросало терзаемое агонией существо, выронил меч и упал на землю без чувств. Сквозь туман полуобморока наблюдал Джером, как омерзительные кольца обвились вокруг тела Килака и начали сжиматься.

Кровь густыми ручьями вытекала из ран, но змей довольно зашипел. От неожиданного давления Килак очнулся в безжалостных тисках. Он выгибал шею, сражался за каждый глоток воздуха. Джером застонал, но подняться так и не сумел.

Друзьям суждено было умереть. Ничто не могло спасти их от гибели.

Джером закрыл глаза и уже готовился встретить приговор судьбы, как вдруг раздался душераздирающий вой. Юноша открыл глаза и увидел, что стрела пробила толстую шкуру зверя. За нею вторая и третья прогудели в воздухе, со смертельной точностью поражая цель. Предсмертный рев чудовища заставил Джерома содрогнуться. Дюжина стрел, некоторые из которых были длиною с копье, торчали из его черепа. Захлебываясь и хрипя, зверь провалился в невидимую пропасть, ширившуюся под ним.

Джером улыбнулся из последних сил, а потом отправился вслед за чудищем.

* * *

Перестань трясти меня, потребовал он. *Дай поспать…*

Джером открыл глаза. Вспышки света и тьмы плясали у него перед глазами.

— Эллайен?

Встревоженный охотник облегченно вздохнул. И все же он еще раз для верности встряхнул друга.

— Что случилось… Как ты…

— У'уен, — не дослушав вопроса, ответил Эллайен. — Он проник в подземелье и привел меня сюда. И судя по всему, как раз вовремя.

Лучник отошел в сторону, и Джером сквозь туман в глазах разглядел Квингена У'уена, который склонился над Килаком Кронусом, помогая тому подняться и осмотреть раны. Рядом на земле подергивалась куча изуродованной плоти — все, что осталось от змееподобного ящера.

Отмахнувшись от Эллайена, Джером попытался подняться на ноги. Волна боли в голове и груди сопровождала каждое его движение. Джером не устоял и упал на руки своего друга охотника. Изо всех сил стараясь не обращать внимания на телесные муки, юноша побрел к своим спутникам.

Килак поднял на него глаза и с мрачным видом кивнул.

— Отлично дрался.

Джером покачал головой. Он не припоминал, чтобы хоть немного помог парнишке в битве с подземным чудищем, и только диву давался, что они так легко отделались, учитывая, с какой тварью пришлось столкнуться.

Юноша взглянул на У'уена и в знак признательности кивнул головой. Он не мог до конца оценить, что чувствовал по отношению к отважному муукла'аянцу, но присутствовало, безусловно, и ощущение собственной вины. Физически эльф казался невредимым после прохождения сквозь магическую дверь, отделявшую их от города, но глаза выдавали, какие невообразимые муки пришлось ему вытерпеть.

— Дьявол меня побери, вам обоим, кажется, досталось, — укоризненно заметил Эллайен. — Так вам и надо, нечего было бросать меня одного.

Килак небрежным жестом отверг упреки охотника, и в склепе установилась мрачная тишина. Спутники молча переглядывались и осматривались. Последний факел тлел на полу, он догорел еще во время сражения. Осталось лишь жутковатое голубое свечение.

— Дверь, — неожиданно вспомнил Джером о заколдованном портале.

— А что с ней? — с подозрением спросил Эллайен.

— Мы еще не пробовали, — ответил Джером, сделав шаг в направлении светящегося камня.

— Выглядит так же, как и наверху, — заметил Эллайен.

Джером прочитал мысли друга. Им никогда не открыть дверь. По всей видимости, охотник прав. Но путники зашли слишком далеко. Остальные дороги отрезаны. Оставалось сделать еще одну попытку.

Юноша остановился перед массивной каменной плитой. Сначала он осмотрел поверхность, а потом ощупал ее пальцами. Оглянувшись на спутников, он прочитал в их взглядах лишь сомнение и безысходность. Не обращая внимания на их унылые

лица, Джером чуть слышно пробормотал молитву и надавил плечом на неприступный камень. Как и прежде, плита отказывалась сдвинуться с места, но юноша не оставлял надежды и продолжал толкать. Усилия, действительно, оказались тщетны. Перед ними будто стояла стена, а не дверь, камень, втиснутый в подземный туннель на века самими Кейлхай. Джером выбился из сил, отпрянул и опустился на пол.

Юноша оглянулся на спутников. Эллайен покачал головой, словно упрекая друга за бессмысленное упорство. У'уен равнодушно следил за попытками Джерома. В глазах его таилась все та же тревога. Килак медленно поднялся с колен и с непроницаемым выражением лица направился к юноше.

— Эллайен прав, — вздохнул Джером, — дверь не откроется.

— Думаешь, это имеет значение? — спросил Килак.

Потому что они уже умерли, подумал Джером. Слишком поздно.

И только потом юноша догадался, что Килак смотрел вовсе не на дверь, а на дыру в основании стены, на нору, сквозь которую чудовище, теперь бездыханно лежавшее на полу, проникло в склеп. Надежды Джерома комом застряли у него в горле. Килак опустился на колени ухода, а затем вопросительно взглянул на него.

— Нора может привести в гнездо этих тварей, — предостерег Килак.

— Или станет единственной дорогой наружу.

Килак кивнул, и решение было принято. Упав на живот, он всмотрелся в глубину узкого туннеля.

— Там впереди свет.

Тогда и Эллайен не устоял на месте. Когда все трое собрались у отверстия, к ним присоединился У'уен. Первым нора поглотила Килака. Затем, вспомнив о ранах, осторожно и медленно на пол опустился Джером. Килак оказался прав. Вокруг силуэта паренька отчетливо виднелось голубое сияние — вполне возможно, новая дверь. Что бы это ни было, оно находилось совсем близко. Со своего места юноша видел противоположный конец туннеля всего в нескольких шагах. Килак уже выбирался наружу.

Джером забрался в дыру и полез вперед так быстро, насколько позволяли шрамы и царапины. В норе было мокро, отвратительно пахло, стены покрывали скользкая растительность и серебристые чешуйки. Джером полз, задержав дыхание и не обращая внимания на боль и неудобство, отталкиваясь локтями и крутясь из стороны в сторону. Через мгновение туннель закончился, и Килак помог ему выбраться наружу.

Джером не поверил своим глазам.

Новая просторная комната была около двадцати шагов в диаметре. Голубое сияние струилось не из другого портала, а с противоположной стороны той самой двери, которую они только что обогнули. Комната была явно замурована с обеих сторон, причины чего не вызывали более ни малейшего сомнения. В середине помещения располагался круглый алтарь на небольшом помосте. Таинственные письмена были вырезаны на его краях, а гладкий купол сверкал, будто огромная черная жемчужина, закрепленная на поверхности алтаря. Джером, раскрыв рот, стоял бок о бок с замершим от изумления Килаком. В центре алтаря покоился Алый Меч.

На этот раз Джером почувствовал, что обнаружил истинный талисман. Рукоятка выглядела в точности как в наваждении, которое заманило путников в ловушку несколько дней назад — серебряный узор, девять красных и множество маленьких зеленых камней. Лезвие на этот раз вместо алого оказалось черным и гладким, оно не распространяло свечения, а лишь поблескивало в тусклом мерцании запечатанной двери. Но ореол, окружавший Меч, не оставил в сердце юноши ни тени сомнения. Он купался в его тепле, словно в солнечных лучах морозным утром, ощутив силу и безмятежность, каких никогда не знал раньше. Бесконечные потоки жизни, покоя и силы окутывали тело. Одно присутствие талисмана наполняло душу восторгом и благоговением. Призрачное прикосновение его было чудесным, всемогущим, божественным. Меч Азахиля. Ничто более не обладало подобной мощью и властью. Утраченная на века реликвия заключал в себе силы самые могущественные, когда-либо созданные олирианскими руками. То была не иллюзия, а долгожданное оружие, во имя которого Джером предпринял смертельно опасное путешествие. В это мгновение юноша ощутил, что ради такой находки с радостью пожертвовал бы собственной жизнью.

И все же невероятным, невозможным казалось попасть туда, где тысячи лет покоился последний Меч Азахиля. Джером совершил этот подвиг. Преодолел все лабиринты, ловушки и сомнения. И теперь легендарный талисман находился от него на расстоянии вытянутой руки.

Бессильный противостоять его зову, Джером сделал шаг вперед, не ощущая ни страха, ни колебаний. Сердцем юноши овладело единственное желание извлечь Меч, освободить его мудрость и мощь — божественные силы, на долгий срок покинувшие мир. В восторге он поднялся на единственную ступень помоста, оказавшись рядом с алтарем. Обливаясь потом,

Джером потянулся к Мечу…

Неожиданно знакомый скрежет эхом пробежал по стенам склепа. Шум нарастал. Пробудившись от мечтаний, Джером с тревогой оглянулся и впервые заметил множество ходов, испещривших стены склепа. Из нор один за другим выскальзывали змееобразные ящеры. Десятки их, будто в кошмарном сне, заполонили помещение. Звуки и запах были невыносимы. Эллайен, У'уен и Килак попятились к заколдованной двери, обнажив клинки и приготовившись к бою. Взгляд Джерома блуждал по комнате, он выбирал тактику, оценивал шансы бойцов.

— Неужели новое наваждение? — простонал он.

Не дожидаясь дальнейших событий, Джером повернулся к Мечу и схватил усыпанную драгоценными камнями рукоять. Сила талисмана ворвалась в его тело, смешавшись с кровью, слившись с духом. Энергия пульсировала в такт сердцу, умоляя освободить, выпустить скованную мощь. Джером сделал резкий вдох и выхватил меч.

Оружие выскользнуло из оков. Купол и алтарь в то же мгновение обрушились в пропасть, разверзшуюся в центре склепа. Из провала вырвался холодный зловонный ветер, ударивший Джерому в лицо — ледяное прикосновение вековой старухи смерти.

Кишащие твари с визгом завертелись, ринувшись к норам, из которых появились. Обезумев от страха, они царапались и впивались друг в друга когтями, чтобы скорее пробраться к выходу. Спутники Джерома теснее сплотили круг, защищаясь от зловонного ветра и метавшихся ящеров.

В считанные секунды ветер стих, и последний чешуйчатый хвост скрылся с глаз. Омерзение и ужас рассеялись без следа, а освобожденный из темницы Меч загорелся алым огнем. Джером ахнул от изумления. Под гладкой поверхностью клинка сверкали сполохи негасимого пламени. Ярким светом заблистали и красные каменья, украшавшие рукоять. Алое сияние Меча наполнило пещеру и сердце его обладателя.

Джером взглянул на своих спутников. Все трое ошеломленно смотрели на него. Или, вернее, на Меч, окруженный вечным ореолом чудесного пламени. Джером с удивлением заметил, что проход за их спинами открыт, каменная плита и голубое сияние исчезли.

— Смотрите, — наконец выговорил юноша, и друзья обернулись к пустой арке.

Сразу осознать все случившееся не представлялось возможным. Тем не менее все сходилось. Сила реликвии

послужила ключом. Меч осуществил невозможное — отпугнул ящеров, отворил дверь. Оставалось только догадываться, какие еще неожиданности таит в себе талисман.

У'уен заговорил. Голос его показался удивительно резким в столь чудесный и торжественный миг. Килак второпях принялся переводить.

— Он говорит, лучше пока спрятать эту штуковину и поскорее выбираться.

Джером отказался. Позже. Когда они выберутся из развалин, он уберет клинок в ножны, а старый выбросит, как бесполезный кусок железа. А теперь ему необходимо держать Меч перед собою, чтобы чувствовать его тяжесть и видеть сияние.

Взгляд Джерома ненадолго задержался на пропасти, в которую провалился алтарь. Юноша из любопытства заглянул в шахту. У него перехватило дыхание и заныло под ложечкой. Джером заглянул в саму адскую бездну, котел смерти, страданий и грехов. Беспричинный вселенский ужас охватил его.

Отвернувшись от пропасти, он вновь окунулся в тепло и покой талисмана. Джером глубоко вздохнул и, закрыв глаза, прикоснулся лбом к сверкающему клинку. Неземная мощь наполнила душу, рассеяв страхи. Более Джером о них не думал.

Юноша поднял на своих спутников сверкающие глаза. Он дрожал всем телом, не веря собственной удаче. Друзья улыбались, только начиная осознавать величие свершившегося чуда — хотя Джером сам сомневался, что это возможно.

Улыбнувшись в ответ, Джером оглянулся и почтительно покинул склеп, сжимая в руках дивный Алый Меч.

Глава 25

Рассвет украдкой выглянул сквозь толщу облаков. Робкие солнечные отблески окрасили волны, гонимые ветрами к отвесным берегам. Прибоем вынесло на землю пену, щелки и морскую траву. Прихватив с собою эти сомнительные богатства, вода стремглав бежала по песку, но кто-то дергал невидимые нити, и волны, шипя, бурля и пенясь от досады, бросали на берегу свои сокровища.

Хотя рассвет подкрался чуть слышно, а сам он невероятно вымотался и устал, Джером пробудился и подскочил от первого невинного прикосновения нового дня. На мгновение юношу охватил страх, казалось, что все это время он только грезил во сне. Взгляд, затуманенный дремой, устремился к груди, к сокровищу. Джером помнил, как разыскал его прошлой ночью.

Дыхание мгновенно восстановилось, а восторги радость горячими потоками устремились по венам. Рукоять осталась у него в ладонях. Юноша зажмурил глаза, сжал пальцы, но талисман никуда не исчез. По телу пробежала дрожь облегчения. Меч Азахиля не сон, а реальность самая подлинная и прекрасная. Джером никак не мог поверить своему счастью. Воспоминания о недавнем путешествии, такие отчетливые и ясные, разбивались вдребезги о лезвие клинка. Находка была столь великолепна, что верилось в нее с трудом. Меч принадлежит ему? Юноша вновь коснулся Меча, чтобы ощутить кожей серебро и камни, в страхе, что талисман вот-вот растает, будто сказочная дымка, и улетит с порывом ветра.

На обратном пути из развалин Трак-Симбоза Джером ни на мгновение не расставался с Мечом. Он ни разу не смежил век и не отвел взора, сжимая талисман в руках, словно именно его воля заставляла клинок блистать. Алое сияние освещало путникам дорогу в кромешной темноте. Лишь Квинген У'уен обходился без этого источника. И даже когда путешественники поднимались один за другим по веревке к руинам города, Джером отказался убрать Меч в ножны, пристегнув клинок за спиной кожаными ремнями, чтобы можно было купаться в его лучах. Выбравшись на поверхность, юноша вновь вынул талисман, где он засверкал в свете луны и звезд еще ярче.

После возвращения из эльфийского города Джерома одолевали голод и жажда, боль и усталость, но никогда раньше не чувствовал он себя таким счастливым. Пока Эллайен и Килак спали, он не сомкнул глаз, прижимая к груди Меч. У'уен покинул спутников и направился к океану, чтобы очиститься в соленых

волнах, на этот раз, хвала небесам, предпочтя такой способ погружению в языки пламени. Оставшись наедине с безграничной ночной пустотой, с высоким черным куполом над головой и безбрежным океаном у ног, Джером продолжал тихо любоваться находкой. Он изучал причудливые и замысловатые узоры, упивался лаской жизненных потоков, струившихся в его тело, повторял себе, что все страхи и тревоги незначительны и беспричинны. Меч совершенен, божественен. Сомнений быть не могло. Алый Меч принадлежал ему.

Джером твердо решил бодрствовать до самого рассвета, пока он окончательно не убедится, что оружие не исчезнет и не изменится под лучами солнца. И хотя усталость взяла свое, опасения, по всей видимости, оказались напрасными.

Джером вскочил на ноги и тут же был сурово наказан. По израненному и покрытому шрамами телу волнами прокатилась боль. Джером ни на что не обращал внимания. Он лишь закрыл глаза и вытянул перед собою Меч. Все пережитое — и боль, и страдания, и страх — оправдывал результат. Все и гораздо больше. Юноша, одержимый легендами о Мече, в своих мечтах никогда не был так близок к истине. Знай он с самого рождения то, чему суждено случиться, он никогда бы не стал тянуть так долго. Он бы карабкался на огненные горы, вброд пересекал ледяные реки и продирался сквозь полчища людоедов, преодолевая все преграды на своем пути. Меч заключал в себе больше жизненных сил, чем кровь или дыхание, Меч и есть само воплощение бытия. Энергия совершенная и бессмертная, дарующая смысл созиданию, существованию, всему, что было, есть и будет. Сияние клинка, блеск драгоценных камней и танец огня внутри Меча заключали в себе целую вселенную. Он даровал своему обладателю спокойствие, безошибочное ощущение мощи, предвкушение силы, не знающей себе равной.

Невиданное чудо находилось в его руках.

— Все не налюбуешься?

В обычное время у Джерома сердце бы выскочило от неожиданности, но пребывая в состоянии абсолютного счастья и восторга, он едва расслышал голос и даже не обернулся.

— А ты? — переспросил юноша, не сводя глаз с клинка.

— Самая восхитительная вещь, которую мне доводилось видеть, — признал парнишка. — Можно посмотреть поближе?

Джером нахмурился. Килак и Эллайен просили об этом прошлой ночью на обратном пути из Трак-Симбоза, но Джером не согласился. Кажется, он боялся, что, если выпустит талисман из рук хоть на миг, мечта разрушится. А может быть, считал, что соблазн слишком велик и кто-то из друзей откажется вернуть

оружие, В глубине души Джером понимал, что единственной причиной была его алчность. Даже мысль о расставании с талисманом давалась нелегко. Джером ощущал, что страх и жадность вызывали разлад между ним и Мечом, будто ветер, поднимавший рябь на спокойном и безмятежном течении его божественных сил. Меч принадлежал не ему, а лишь служил орудием. Боги и аватары даровали его людям не ради покорения одного человека другим, но во имя гармонии сердец и умов, для достижения совершенной силы и мира.

— Пожалуйста, — не унимался Килак, — на одну секунду.

— Прости, — сказал Джером, поднявшись навстречу парнишке и протянув клинок с подобающим почтением. — У тебя на него столько же прав, сколько у меня. Если не больше.

— Почему ты так говоришь? — спросил Килак, приняв сверкающее оружие.

Джером с болью расстался с талисманом и с ярким сиянием.

— Видишь ли, — вымолвил юноша после продолжительного молчания, — без твоей помощи я бы давно погиб, не дождавшись никакого талисмана.

Килак увлеченно рассматривал клинок, взвешивал Меч в руках. Как всегда, в минуты волнения или смущения он начинал коверкать слова.

— Не, эт ты его нашел. Твое путешествие слишком легкое. Вряд ли судьба так учудила. Какая-то сила хотела, шоб он у тя был.

Джером внутренне улыбнулся, радуясь и одновременно страшась этой мысли.

— Судьба учудила? — повторил Эллайен, поеживаясь в одеяле. — Вот так легкое путешествие!

Килак возвратил Меч Джерому, который изо всех сил постарался скрыть нетерпение и радость от воссоединения с талисманом. Они с восхищением обменялись понимающими взглядами. Эллайен застонал.

— Вы что, забыли? Мы там чуть от голода не загнулись. Забыли, что ли, как неделю бродили в темноте, как вам досталось от тех мерзких тварей? Может, вам напомнить, что теперь без лошадей нам пешком топать до самого дома?

Джером не знал, что и думать. Находка действительно досталась дорогой иеной. Испытаний и злоключений на их долю выпало предостаточно. За каждый счастливый поворот событий они отдали причитающуюся плату, уравняв тяготы удачей. Однако рассуждать так стоит лишь до тех пор, пока не взглянешь на итог стараний, на дивную награду, за которую и жизнь отдать не жалко.

— Мы и так большую часть дороги пешком прошли, — заметил Килак.

Эллайен встал и, сладко зевнув, побрел к друзьям.

— Ну, а мне-то теперь можно Меч подержать?

Джером без промедления протянул приятелю оружие. Эллайен торжественно, но с некоторой опаской взял в руки клинок. Внимание его привлекли танцующие огни в глубине лезвия. Глаза вмиг загорелись, и он задержал дыхание.

— Кейлхай! — дрожащим голосом прошептал охотник. На какое-то время он лишился дара речи.

— Хватит, отдай Меч, — сказал Килак, опасаясь, что они простоят здесь целый день, как три столба.

Эллайен вернул талисман.

— Как он действует?

Килак взглянул на Джерома.

— Давай попробуем, — предложил паренек.

Джером нехотя согласился. Килак повел его к ближайшему валуну высотою до пояса. Паренек занял место с одной стороны, Эллайен — с другой. Присоединился к ним и У'уен, возвратившийся с берега после целой ночи очистительных омовений, призванных удалить с него грязь дьявольского укуса. Странно, но муукла'аянец, как выяснилось, совершенно не боялся Меча и даже ничуть не сторонился его. Вместе с остальными он, затаив дыхание, следил за Джеромом. Все приготовились собственными глазами лицезреть силу божественного талисмана.

Джером медлил. Ему предстояло впервые испытать — отнюдь не Меч, а свое право обладать им. Подлинность оружия не вызывала сомнений. Остался лишь осадок необъяснимого страха и недоверия. Какой бы невероятной ни была истина, но бегство подземных ящеров, исчезновение заколдованных дверей-ловушек и те чувства, которые талисман пробуждал в сердце Джерома, развеяли все сомнения.

Накопилось, однако, еще множество вопросов, на которые Джером не готов был дать ответ. Сам по себе Меч являлся сокровищем дивным и несравненным, а его обретение стало триумфом, свершившимся лишь по воле всемогущей судьбы. Оставалось лишь узнать, сумеет ли Джером распорядиться могучей силой.

Юноша продолжал стоять, словно впервые разглядывая оружие. Вновь восхищался он крупными драгоценностями — окаменевшими сердцами, как называли их легенды, — под гранями которых призывно мерцали те же языки алого пламени, что и внутри лезвия. Три камня украшали эфес, а остальные шесть размещались по всей длине рукоятки. Среди них сверкала

россыпь маленьких зеленых самоцветов, похожих на изумруды. Рукоять безупречно лежала в ладонях, и если бы пришлось, юноша готов был держать Меч без устали.

Утреннее солнце пробилось сквозь брешь в облаках и обдало теплом лицо и руки Джерома. С океана донесся клич хищной птицы, охотившейся в блистающих водах. Напряжение росло и ощущалось почти физически. Джером набрал в грудь воздуху. Так или иначе проверка необходима. Чем дольше откладывать, тем большее ждет разочарование.

Без дальнейших раздумий он всадил острие Меча в камень. Алое пламя окутало лезвие, и оно с легкостью вошло в кусок скалы. Килак ахнул, Эллайен попятился, все четверо с изумлением глядели на талисман. Джером поспешил выдернуть оружие, которое без усилий выскользнуло из камня. Защищавшие клинок языки пламени мгновенно исчезли, возвратившись к своему танцу в глубине блестящего металла.

Джером первым стряхнул с себя оцепенение. Тревога отступила, когда юноша начал обследовать лезвие. Ни царапинка, ни щербинка не изуродовали его блестящей поверхности. Оружие нисколько не нагрелось, побывав в алом пожаре. Талисман остался невредим и безупречен.

Джером посмотрел на спутников, которые так и не успели прийти в себя, и под их потрясенными взглядами полоснул Мечом сверху вниз по тому же самому валуну. Лезвие, защищенное ножнами алого пламени, во второй раз разрубило камень словно воду. Когда оружие опустилось, языки пламени исчезли, а скала распалась на две почерневшие половинки.

Еще долго после того как шипение огня и стук камней утонули в тишине, спутники стояли в полном молчании, дивясь невиданному зрелищу. Джером поднял Меч над головой и провел ладонью по гладкому лезвию. Взгляд его погрузился в бездонное бушующее пламя. Он действительно управлял силой Меча. Хотя и не совсем так: он был скорее слугой, но не хозяином. Со временем это, наверное, изменится. Изучая природу талисмана, раскрывая его тайны и возможности, он по-настоящему научится не только хранить Меч, но и повелевать им. Со временем. А до того момента он будет служить лишь орудием, средством передвижения, следующим воле талисмана, и за великое счастье почтет эту долю.

Джером нагнулся и поднял ножны, в которых все еще оставался его старый широкий меч. Переглянувшись с друзьями, он перевернул оружие, и стальной клинок со звоном упал на землю. Сравнив ширину Меча с размерами ножен, юноша осторожно вставил драгоценное лезвие. Клинок со скрипом вошел

внутрь, не повредив ножен и поместившись в них по самую рукоятку. Джером довольно ухмыльнулся. Он начинал увереннее обходиться с Мечом. Затем юноша поставил клинок в ножнах на землю и оперся на него, как на трость.

— Килак, мой юный друг, готовь свои мечи, — расплываясь в улыбке, Джером перевел взгляд на Эллайена. — Пришло время поднимать войско.

Почтительное молчание завершилось радостными поздравлениями, после чего изголодавшиеся спутники занялись ловлей из океанских пучин добычи для завтрака и начали осматривать лагерь. Как предупреждал Эллайен и с самого начала боялся Джером, лошади в какой-то момент во время своего недельного уединения сорвались с привязи, разорили их запасы и отправились на поиски пропитания, а друзьям осталось лишь собирать разворошенные пожитки. Выбрать, что из припасов взять с собой, а что оставить, оказалось делом не простым. На пути от Скуллмарских гор до Феверрута и далее до Куурии — друзья теперь направлялись с предложением к совету сплотиться вокруг Меча — могло произойти что угодно, и они решили не бросать ничего ценного.

Именно по этой причине Джером все же сохранил у себя книгу древинов. Эллайен полагал излишним таскать тяжелый том за собой, ведь они более не нуждались в книге, чтобы отыскать Уитлок или Меч. Джером вроде бы согласился, но по необъяснимой причине считал своим долгом сохранить книгу. И хотя она не помогла им в той мере, как он надеялся, а теперь и вовсе стала бесполезной, эта находка оказала огромное влияние на его решение отправиться в безумное путешествие. Если ни на что иное книга и не сгодится, то послужит замечательной памяткой. Килак, однако, привел более убедительный довод, заметив, что где-то еще бродит старик, который не слишком обрадуется безвозвратной потере. И если старик этот действительно древин, как подозревали приятели, то рано или поздно он их разыщет. В памяти Джерома и Эллайена всплыли обугленные трупы на дороге из Иртвина, и оба сразу согласились с тем, что книгу надлежит сохранить, дабы возвратить хозяину его имущество, если такая необходимость возникнет.

Итак, примерно через час друзья тронулись в путь, аккуратно уложив и забрав с собой практически все, что принесли. Джером отказался даже оставить старый меч и заявил, что за оружие можно выручить неплохие деньги на рынке. А уж за пару дней руки у него не отвалятся. Нагруженные до отказа, они быстрым шагом и с легкими сердцами отправились по горной тропинке навстречу новым свершениям и надеждам.

Джером не скрывал радости и волнения. Дорога домой, несмотря на тяготы пути и способ передвижения, обещала стать чудесным путешествием. Теперь он сможет вдоволь насладиться своим подвигом. До последнего времени Джерома пугали даже мысли о возвращении. Никак не укладывалось в сознании, что он станет победителем, вернувшим миру последний Алый Меч. Однако чудо свершилось, и юноша отыскал то, за чем пришел. На следующем этапе детские сказки заканчивались. Предстояло собрать армию, сразиться с колдуном, истребить горе и несправедливость. И все же будущее казалось Джерому безоблачным и великолепным.

Густые темные облака словно губка впитали в себя лучи утреннего солнца, на долю земли оставив лишь тусклый свет. Узкая извилистая тропа, окруженная со всех сторон обрывами и ущельями, острыми утесами и расселинами, по-прежнему таила в себе опасность. Джером не забывал об осторожности и время от времени посматривал на Меч, качавшийся на поясе в такт ритмичному шагу. Ощущая, как потоки энергии пронизывают его тело, Джером продолжал удивляться своему невероятному успеху.

До сих пор в происходящее верилось с трудом. Чем чаще юноша вспоминал пережитое приключение, тем менее реальным оно казалось. Джером не раз задумывался о том, как легко могли они потерпеть неудачу. А если бы не являлись ему сны о божественном оружии с того самого дня, как он покинул Дилн? Или Эллайен не согласился бы заехать в иртвинскую библиотеку? Если бы они заночевали на постоялом дворе? И в том, и в другом случае они никогда не наткнулись бы на книгу древина. Находка подтолкнула Джерома к решению отправиться в поисках Меча на восток. А Килак? Не встреть они Килака, Джерома давно бы и на свете не было. Убийца мог прикончить юношу на месте. Хозяин его, колдун, уж наверняка позаботился бы, не теряя времени, чтобы будущего короля утопили и четвертовали, разрубили на куски и содрали с него кожу.

Но не тут-то было. Килак спас ему жизнь, отвез к лекарям в Феверрут и в конце концов привел к Квингену У'уену. Друзья пережили плен у людоедов, а Джером выдержал испытание и переплыл озеро чудовищ. У'уен провел путников через Кальмир и Скуллмарские горы к руинам Трак-Симбоза. Никто в целом свете не сумел бы кроме эльфа-проводника так быстро разыскать катакомбы древней столицы. По чистой случайности Джером провалился в потайной ход, ведущий на нижний ярус. Но что, если бы Эллайен и У'уен опоздали хоть на мгновение? Или Килак не догадался бы пролезть сквозь змеиную нору? Что, если…

Джером закрыл глаза, запутавшись в круговороте вопросов и раздумий. Но сомнения и странные совпадения не могли повлиять на действительность. Путешественники разыскали Меч и направлялись с ним в Куурию, чтобы представить древний талисман императору Деррегу и Имперскому совету. К тому времени император, без сомнения, убедится, что над его землями нависла угроза. Сплочение освободительной армии и даже претензии на трон, если Джерому вздумается сделаться королем, оставались лишь формальностью. Ведь он единственный за три тысячелетия стал обладателем Меча Азахиля, и, увидев собственными глазами силу оружия, никто не посмеет встать на его пути. Его будут чтить и уважать, за ним пойдут, как за королями древней Финлории. Джером стал отныне посланцем небес, проводником божественной силы. Когда он до конца осознает собственное могущество, никто уже не решится противиться его воле.

Джером открыл глаза, встревоженный тем, как далеко уносила его фантазия. Он решил разумно воспользоваться своими желаниями. Вместо того чтобы погружаться в опьяняющую магию могущества, юноша займется теми, кто нуждается в его помощи. Для начала изгонит колдуна из Олсона и из своей деревни. Время и терпение помогут ему восстановить былое великолепие родного королевства. Народ призовет Джерома стать королем, и он займет трон. Джером понимал, что более не может вернуться в Дилн простым собирателем грибов и трав и даже Фейзоном. Значит, так тому и быть. Поначалу придется трудно, но страх короны, вызванный тем, что Джером сам не осмыслил своего предназначения, остался в прошлом. Мир скоро все поймет, и тогда не о чем будет тревожиться.

Несмотря на отвратительную погоду и полную опасностей дорогу Джером не мог припомнить другого столь прекрасного дня. Солнце скрылось с небес лишь за тем, чтобы озарить их сердца. Взволнованные путники непрерывно болтали, шутили и смеялись. Жду с нетерпением приезда домой, сказал Джерому Эллайен. Как замечательно будет вернуться в Дилн, какими громкими их встретят приветствиями. Но все это покажется бледным, продолжил Джером, когда примут их в Кринуолле, и толпы благодарных горожан, мужчин и женщин, будут спотыкаться и расталкивать друг друга, чтобы поблагодарить их и поклясться в своей верности. Особенно женщины, ухмыльнулся Эллайен, и Джером согласился. С этих пор им будет принадлежать все, чего бы они ни пожелали.

Джерому вспомнилась Мариша. Станет ли новый герой немного привлекательнее в ее глазах? Мысль смутила юношу. Но

красивая и загадочная ученица лекаря с ее преданностью, теплой улыбкой и нежными объятиями казалась ему самой обаятельной женщиной на свете. Когда Джером станет властителем, ему непременно понадобится королева. Что подумает Мариша о таком предложении?

Джером прогнал прочь эту смехотворную мысль. Несмотря на проведенное вместе время, они, в сущности, оставались друг другу чужими. Пожалуй, слишком рано думать о женщинах и помолвках. Предстояла война, и пока она не выиграна, нелепо тешиться фантазиями о том, что произойдет позже.

Волнение постепенно улеглось, спутники притихли, погрузившись в ритм пешего путешествия. Останавливались они лишь изредка, чтобы сделать глоток воды или перевести дыхание. Никто не хотел затягивать путешествие даже на минуту. Согнувшись под своими ношами и обливаясь потом в потрепанных одеждах, они продолжали двигаться вперед. Многочисленные раны терзали Джерома, каждым шаг давался с трудом, и хотя прикосновение к рукоятке Меча облегчало страдания, боль, будто клеш, укоренилась где-то глубоко под кожей. С угрюмым упорством тащил он пожитки. Ничто не могло сломить волю Джерома и заставить пожалеть о том, что он оказался в этом месте и вернул Алый Меч из глубин истории миру людей.

По прошествии двух дней путники увидели темный и окутанный туманами Кальмирский лес, уходивший на юго-запад. Из серых облаков сыпалась редкая морось. Усевшись прямо на сырую лесную землю, друзья с радостью приветствовали Кальмир, сменивший бледное однообразие Скуллмарских холмов.

Джером с благодарностью вдыхал прохладный вечерний воздух. Первый этап пути наконец завершен, наступил долгожданный отдых.

— Чудесный вид, — заговорил Эллайен, сбрасывая камешки с гребня, на котором они стояли.

— Пойдем, — поежился Джером, подняв глаза на грозное небо. — Спрячемся в лесу, пока дождь не начался.

— Что-то не так.

Друзья взглянули на Килака. Он напряженно смотрел на юго-запад.

— О чем ты? — спросил Джером.

Килак ответил не сразу, сперва обменявшись парой слов с У'уеном.

— Дым, — пояснил паренек.

— Я вижу только туман, — признался Эллайен. — Ты уверен?

— Там был пожар, — настаивал Килак. — И очень большой.

От его тона леденело на сердце, и спутники с возрастающей тревогой начали спускаться к лесу.

Они лишь на мгновение опередили дождь. Как только первые ветви укрыли их, буря разразилась с невиданной яростью. Небо грозно кипело, заливая землю потоками воды. К счастью Килаку удалось привести их к просеке в густом кустарнике, которую он вырубил по пути на север. Стены переплетенных сухих ветвей немного сдерживали бушевавший ветер, но он все равно неистово набрасывался на промокших до нитки Джерома и Эллайена, пробирая бедняг до костей и сводя на нет все их усилия не отставать.

И вновь Джерому оставалось лишь дивиться абсолютной невосприимчивости Килака к непогоде. Ветер хлестал сквозь туго сплетенные ветви, забрасывал паренька грязью, а он все продолжал идти, подгоняемый смутной тревогой. У'уен без труда поспевал за ним, остальные же вынуждены были замедлить шаг и отставали все больше. Но Килак не сбавлял хода, одержимый желанием как можно скорее добраться до Феверрута.

Остановились они глубокой ночью, когда ветра стихли. Будто устав биться о толстые стволы и сети ветвей, буря направилась дальше на юг. Добравшись до зеленой части леса, Килак наконец смирился с необходимостью передохнуть и улегся под высокой сосной в сравнительно сухой куче иголок. Джером и Эллайен последовали его примеру и после ужина попросили паренька поделиться своими опасениями. В ответ Килак лишь пожимал плечами, отделывался отговорками, а потом лег спать, посоветовав спутникам последовать его примеру. Порядком измотанный Джером возражать не стал, и минутку полюбовавшись Алым Мечом, уложил клинок рядом с собой.

На следующее утро Квинген У'уен исчез. Джером, привыкший с интересом разглядывать его оливковую украшенную татуировками кожу, корону из шипов и слушать пронзительный голос, сразу же заметил отсутствие дикаря, Муукла'аянец скорее всего ушел глубокой ночью, не попрощавшись ни с кем, кроме Килака. Эльф пожелал им удачи, рассказал Килак, и передал кое-что Джерому. «Оставайся сильным. Не бойся объятий темноты. Подобно звездам ночью, тень нужна нам, чтобы разглядеть свет».

Как не понимал Джером перешептываний дикарей в деревне Повайи, так и эти слова остались для него загадкой: В то же время юноша знал, что будет скучать по эльфу с его непритязательными манерами. Муукла'аянец принес в жертву и отдал все, что у него было, ничего не попросив взамен. Джером очень сомневался, что когда-либо сможет в полной мере расплатиться с вождем и народом повайи. И все же он огорчился

тому, что не удалось попрощаться.

Исчезновение У'уена обнаружилось еще до рассвета, когда Килак разбудил спутников и скомандовал собирать вещи. Джером и Эллайен не спорили, послушно выкарабкавшись из тяжелых объятий сна навстречу сырому дождливому утру. Узнав об уходе вождя повайи, они выслушали Килака, упаковали припасы и приготовились к тяжелому испытанию.

Новый день начался незамедлительно, и неутомимый Килак пустился в дорогу. Спутники его еле-еле переводили дух и втихомолку мечтали о передышке. Эта пытка казалась им бесконечной. Настроение Эллайена с каждым долгим часом портилось, и только присутствие Алого Меча оберегало Джерома от той же участи. Через некоторое время друзья из Дилна начали разделять тревогу Килака. Запах стал неприятным, в воздухе чувствовался зловещий запах дыма. По мере приближения к Феверруту все более едким и горьким становился запах гари. Тревога придавала сил, и путники ускорили шаг.

Вскоре они оказались среди почерневших стволов и еще теплившихся кое-где огней, оставшихся после лесного пожара, потушенного недавним дождем. Удушливый дым и пар поднимались от земли. Пройдя еще немного на запад, друзья вышли на участок леса, где раньше бушевал пожар. Искореженные и безжизненные пни торчали из черной тлеющей земли, усыпанной золой и обугленными ветвями, изуродованной до неузнаваемости. Ни птица, ни зверь, ни насекомое не нарушали мертвой тишины. Лес превратился в могилу.

Друзья поспешно преодолели еще несколько миль, и с каждым шагом тревога их лишь возрастала. Вероятно, обычный лесной пожар был вызван ударом молнии и быстро распространился по высохшей за лето траве. Возможно, жителям Феверрута даже пришлось покинуть деревню, чтобы избежать опасности. Добрался ли огонь так далеко на запад? Куда они ушли?

Терзаемые раздумьями Джером и его спутники через некоторое время наткнулись на картину еще более страшную и зловещую. Двигаясь с востока, путники неожиданно вышли на огромный участок выжженной и вытоптанной земли, который, будто гигантская дорога, пересекал лес в южном направлении. На изуродованной полосе в милю шириной, тянувшейся в обе стороны насколько хватало глаз, устояли лишь самые большие деревья. Судя по разрушениям, именно отсюда начался пожар.

— Здесь прошло войско. С севера.

Джером с изумлением и ужасом смотрел на изувеченную и выжженную землю, осторожно переступая через поваленные

деревья и сломанные ветви, черные от сажи и скользкие после дождя.

— Партианцы?

— Нет, — мгновенно ответил паренек. — Следы не принадлежат человеку. Видишь?

Джером и Эллайен подошли к Килаку. Он опустился на колени и рассматривал покрытую пеплом землю. Паренек указал друзьям на незнакомый след ящерицы с тремя когтистыми пальцами, только лапы были гораздо больше, чем утех рептилий, которых они до сих пор видели.

Джером встрепенулся.

— Откуда они пришли?

Килак внимательно огляделся вокруг. Джером же устремил взор на север сквозь уцелевшие деревья. Далеко за обезглавленным и безжизненным лесом различил он темные очертания Скуллмарских гор, а среди них и дымящуюся вершину Краккен.

— С гор, — объявил паренек. — С западных склонов.

— Уверен?

Килак пожал плечами.

— Придется пройти последу, чтобы убедиться. Если не оттуда, значит, из Парты. Но чужому войску не пройти Парту так быстро.

— Куда может направляться армия?

Килак на мгновение задумался, пряча под капюшоном грязное от сажи и дождя лицо. Солнце неожиданно выглянуло среди облаков и, осветив унылое пожарище, скрылось вновь.

— Не знаю, — признался Килак. — Похоже, они просто спустились с гор и движутся дальше.

— Войско марширует, не выбирая пути? — нахмурился Джером.

— Если так, — продолжал рассуждения Эллайен, — скоро они дойдут до южных болот и будут вынуждены повернуть обратно. А эта дорога образовалась, кажется, несколько дней назад.

Килак кивнул.

— Надо поторапливаться.

Джером закашлялся, пытаясь избавиться от комка в горле. Он взглянул на Эллайена, потом на Килака. Никто более не проронил ни слова. Встревоженные путники пересекли опустошенный участок, вошли в обугленный лес и направились на запад в Феверрут.

Глава 26

Сквозь густую и промозглую ночь, укрывшую мрачный изуродованный лабиринт леса, путников вели факелы. Голые деревья угрюмо клонились к земле, напоминая увядшие стебли в пустом поле. Дождь и сажа покрыли их усталые лица грязными разводами. Плечи ныли, ботинки отяжелели от мокрой золы и глины. Полная луна скрылась в облаках, спрятав серебристый лик от посторонних глаз, будто скряга монету.

Если бы путники могли понять, где находятся, усталость отступила бы перед нетерпеливым желанием узнать, что случилось с их друзьями. Но земля вокруг превратилась в одно черное пятно под покровом горелого и гниющего дерева, стала неразличимой грудой углей, золы и веток, погрузившейся в кромешную тьму. Недавний пожар уничтожил все запахи, следы и знаки. Местность была знакома Килаку не лучше, чем Джерому или Эллайену. Друзья продолжали свой унылый путь. Головы их поникли от отчаяния и сомнений. Не верилось, что кошмар когда-нибудь закончится.

Вдруг Килак обнаружил ручей. Течение пробивалось сквозь спутанные дебри, тускло поблескивая в свете факелов. Ручей сворачивал на восток. Пронзительно вскрикнув, паренек ринулся к воде. Тяжелые мысли вмиг развеялись, и все трое бросились бегом по хрустящей под ногами почве. У Джерома и Эллайена замирало дыхание, сердце рвалось из груди, но они догнали Килака, прорвавшись сквозь стену обугленных сосен и елей, и остановились у знакомой поляны. Онемев от ужаса, смотрели друзья на опустошенный и выжженный дотла Феверрут.

Ледяной ветер пронзил Джерома и, острыми когтями полоснув по лицу, с диким воем улетел прочь. От деревни остались лишь тлеющие кучи золы, кирпичей и обугленных досок, сваленных в уродливые кучи. Насколько удавалось разглядеть сквозь туман, весь лес к северу был уничтожен, выжжен и втоптан в землю, лишь самые большие деревья стояли на корню, да и те казались не более чем пустой скорлупой обугленной коры. Ни живой души вокруг. Глазам спутников предстала тягостная картина: на мили к востоку простиралась изуродованная и опустошенная земля. Тишину нарушал лишь заунывный глухой стук дождя о вязкую грязь. Неведомая и ужасающая сила стерла с лица земли Феверрут и все, что стояло у нее на пути. Только пустошь, от которой веяло тяжелым запахом гари, осталась на месте богатого и прекрасного леса.

У Джерома заныло в груди при мысли о том, что было

уничтожено. Дома, деревья, звери, люди, которые спасли ему жизнь — *Мариша!* Внезапная мысль поразила его. Кровь застыла в жилах, обжигающая волна гнева захлестнула сердце.

— Нет! — закричал Джером, выдернув из ножен Алый Меч.

Но в то мгновение, когда Меч вырвался на свободу, его умиротворяющее тепло разлилось по венам, утолив прожорливое пламя мести. Огонь Меча вспыхнул, будто почувствовав гнев хозяина, но отказываясь поддержать его безумную ярость. Окунувшись в ауру талисмана, Джером с болью в душе оглянулся вокруг.

Погрузившись в скорбное молчание, Джером и Эллайен наблюдали, как мрачный и угрюмый Килак бродил по обугленным руинам в поисках ответа. Лицо паренька скрывал опущенный капюшон, но Джером чувствовал его боль и горе, когда тот осторожно пробирался среди обломков, долго и внимательно изучая каждую деревяшку в попытке разгадать что постигло Феверрут. Окутанный туманом, в широком серо-зеленом плаще парень казался призраком.

— Смотри-ка, — сказал Эллайен.

Джером опустился на корточки рядом с охотником. Судя по следам на грязной земле, войско изменило маршрут и двигалось теперь с юга на северо-запад. Но зачем?

Наконец к друзьям бесшумно присоединился Килак.

— Никогда не видел такой разрухи, — признал паренек, и голос выдавал его напряженность. Несмотря на все усилия, он не смог понять причин свершившегося безумия.

— Колдун? — предположил Эллайен.

Джером кивнул, и ярость вновь охватила его.

— Подручные колдуна, должно быть, напали на след после нашего ухода.

— Но здесь прошло войско, — напомнил Килак, — Следы те же самые, что мы видели утром. — Паренек взглянул на Эллайена. — Здесь они повернули.

— Войско под предводительством колдуна, — продолжал настаивать Джером. — Они нелюди, ты же сам сказал.

Парень покачал головой, выражая скорее досаду, чем несогласие.

— Не знаю. Не верится мне тока, чоб человек управлял такой силой.

— Он послал убийц вслед за нами, — напомнил Эллайен.

Паренек отвернулся, разглядывая призрачный туман.

— Может быть.

Бросив беглый взгляд на Джерома, Эллайен сказал:

— Если не колдун, то кто?

Килак ничего не ответил. Он молча разглядывал безжизненную искореженную землю, которая еще недавно цвела и дышала.

— Ты… нашел кого-нибудь? — наконец выдавил Джером.

— Никого.

— Значит, они живы? — с надеждой в голосе спросил Джером.

Килак устремил на него холодный взгляд, в самой глубине которого сверкал огонь.

— Давайте выясним.

Друзья двинулись в путь, не теряя более времени на разговоры и рассуждения, позабыв вдруг и Куурию, и Имперский совет. Время аудиенций и петиций прошло. Большая война началась, и необходимо поспешить, чтобы принять в ней участие. Джером в последний раз окинул взглядом развалины Феверрута перед тем как отправиться на север. Юноша хотел запечатлеть в памяти этот образ, как неугасимый источник силы и решимости в долгом и трудном пути. Спрятав Алый Меч в ножны, он побежал вслед за друзьями, охваченный недоумением и гневом, снедаемый жаждой мести и расплаты.

Задыхаясь от ярости, друзья продолжали свой путь за полночь. Они перешли вброд северное русло Изумрудной реки и двигались по следу врага сквозь мертвый лес и ледяной дождь. Черные тучи клубились над головой, землю окутала непроглядная холодная мгла. Сверху без конца сыпалась отвратительная морось. Друзья шли без отдыха уже более двадцати часов, и если бы не твердая решимость во что бы то ни стало настичь врага, опустошившего Феверрут, давно бы свалились от смертельной усталости. После всего, что он увидел, Джером ни за что не уснул бы. Только не теперь. Мариша погибла или страдает в лапах невиданного доселе злодея. Он будет шагать без устали всю ночь, целую неделю, если понадобится.

Килак, лучше подготовленный к трудным переходам, понимал, как глупо и ошибочно закрывать глаза на потребности собственного тела. Что толку от изнуренных дорогой воинов, которые не смогут и оружия поднять, защищая друзей, когда найдут их? И хотя стоны сердца заглушали боль в ногах и легких, Джером неохотно согласился сделать привал. По оценкам Килака враг опережал их на сутки или более, и нельзя покрыть это расстояние за одну ночь. При таком раскладе они попросту отнимали часы у следующего дня.

Килак повел друзей к западному краю широкой дороги, оставленной неприятелем, где стояли ели. Все чаще попадались им участки с мокрым подлеском, а земля, хотя и опаленная, по

большей части уцелела. Вероятно, врагу надоело выжигать все живое на своем пути. Или, может быть, лес оказался чересчур влажным и сырым.

Ночь обещала быть дождливой, и спутники за несколько минут соорудили более или менее надежное укрытие из бревен и суков, накрыв их сверку мелкими ветками. Убедившись в надежности постройки, они поужинали кореньями и заплесневелым сыром и стали ожидать рассвета.

* * *

Во сне Джером продолжал путь и в предрассветные часы, но подсознательно понимал, что необходимо отдохнуть, пока есть немного времени, и заставлял тело расслабиться, прекратить борьбу хоть ненадолго. Ярость же, которая целые сутки заставляла его идти без остановки, и теперь не давала успокоиться. Образы и видения, сталкиваясь и сливаясь, закружились в лихорадочном вихре.

Наконец Джером открыл глаза. Изнуренное тело ломило. Лишь через мгновение юноша сообразил, где находится. Он лежал на боку, повернувшись к стенке шалаша. Тоненькие струйки воды бежали по краям. По крыше настойчиво стучал дождь, но земля под ним лишь слегка отсырела.

Джером сел, отбросил одеяло и вздрогнул от холода. Мышцы жалобно застонали, и только тогда юноша вспомнил, что привело его сюда. Джером усилием воли заставил замолчать свое несчастное тело и огляделся. Свернувшись калачиком у стенки, спал Эллайен. Рядом с охотником смятой кучей лежали вещи Килака, но самого паренька нигде не было видно.

Джером протер глаза, схватил Меч и одеяло и на ощупь пополз к небольшому покосившемуся отверстию, в которое уставила свои слепые глаза ночь. Порыв ветра обдал его снаружи, и юноша тут же накинул одеяло. Капли дождя били в лицо. Джером всмотрелся в темноту в поисках Килака.

Юноша обошел вокруг убежища и направился из рощицы, в которой заночевали товарищи, к искореженной и выжженной вражеским войском полосе земли. Солнце еще не пробудилось, в мутном лунном свете кипели серые облака. Голые ноги озябли на мокрой траве, зато боль в мозолях и ссадинах утихла. Осторожно ступая по острым палкам и колючим веткам, юноша подошел к упавшему дереву и увидел закутанную в плащ фигуру.

Джером хорошо знал, что для Килака не стало секретом его появление, но он не обернулся, продолжая упорно смотреть на

север, куда вела выжженная дорога.

— Похоже, они собираются идти через Баттлмонт.

Джером остановился рядом с Килаком. Взгляд его был прикован к горизонту.

— Через город?

— Аванпост, — покачал головой Килак. — Крепость построена, чтобы держать под контролем южные земли.

— Крепость? Думаешь, она устояла?

— У крепости больше шансов, чем у Феверрута. — Паренек замолчал и перевел взгляд на Джерома, а затем продолжил: — Наше путешествие этой ночью не завершится, приятель.

Джером угрюмо кивнул в знак согласия. Мысль о целом дне пути, за которым следовал другой, наводила на него тоску. Но в конце концов он оставался в долгу у Мариши и ее народа.

— Мы догоним их во что бы то ни стало, — заверил парня Джером.

Слова его, однако, прозвучали не очень убедительно. Из-под капюшона, которым он укрылся от дождя, Килак посмотрел на юношу потухшими от недосыпания глазами.

— Знаешь, я тебе завидую.

— Мне? — удивился Джером.

— Твоей целеустремленности. Уверенности в том, для чего ты рожден, в своем предназначении. Я уже три года ищу свой путь. Даже больше. И вот я стою здесь, бездельник и неудачник.

— Ты самый выдающий неудачник и бездельник из тех, что мне встречались, — усмехнулся Джером.

Паренек о чем-то задумался, но отвечать не стал. Джером нахмурился.

— Ты что-то знаешь и не говоришь?

— К сожалению, нет, — вздохнул паренек, снова подняв взгляд к горизонту. — Во всем этом есть что-то противоестественное. Знаешь, зачем я здесь? Я просто хочу разгадать тайну. Если бы мне это удалось раньше, Феверрут мог бы уцелеть.

Только теперь дошло до Джерома, что он всю дорогу рас тратил на пустые мысли о том, что могло бы случиться. Последние события развивались в мгновение ока, стремительно сменяя друг друга — от спасения королевы Эллибе в лесах Дилна до его падения на нижний ярус эльфийских катакомб, где они и обнаружили Алый Меч. И вот новое происшествие. Вчера, ослепленные ненавистью, не думая о последствиях своих действий, они пустились в погоню за неведомым врагом. И только теперь Джером в первый раз задумался, против кого они намеревались сражаться. Может быть, кроме колдуна у них

появился новый противник? Или же колдун действительно обладает невиданным могуществом и управляет войском демонов? Как бы то ни было, при каждой из этих мыслей кровь леденела в жилах. Друзья делали все, от них зависящее, и Джерому было больно видеть, как мучается Килак. Такого развития событий никто не мог предвидеть.

— Иногда лучше не слишком задумываться. — Джером напомнил Килаку его слова по пути в Восгес. — Если хочешь выжить, надо уметь вовремя реагировать.

Удивленная улыбка заиграла на лице Килака.

— Я вижу, ты прислушался.

— Мне еще многому надо научиться, — пожал плечами Джером, почесав обросший щетиной подбородок.

Килак снова вздохнул и кивнул.

— Тогда пошли. Думаю, вместе мы найдем ответ. Джером и Килак вернулись к укрытию и разбудили Эллайена, который окончательно проснулся, только когда собрал вещи. Оставив шалаш зверю, который первым вернется в опустошенный лес, друзья молча тронулись в путь, избегая тяжелых и грустных разговоров. Килак вновь гнал нещадно, и к рассвету, когда солнце залило алыми лучами восточный горизонт, путники покинули пределы Кальмира и вышли к теплым равнинам южной Парты. На севере, где земля встречается с небом, бурые облака вздымались, будто горные пики в снежных шапках, купаясь в первых серебристых солнечных лучах. Над головой открылось ясное и приветливое небо, свежий ветерок гулял над равнинами.

Путники не тратили времени на остановки, не обращали внимания на голод, промокшую одежду и усталость. Джером хорошо знал, что в движении мышцы не затекают. Поплатиться за нещадное к себе отношение предстояло в будущем, если им удастся дожить до того времени, что само по себе было сомнительным.

Жаркое солнце поднимало клубы пара из мокрой одежды, которые кружились и окутывали путников призрачной дымкой. Словно духи несчастных, которые были втоптаны в землю и сожжены вместе с нею, подумал Джером, и, поежившись, плотнее укутался в плащ.

Дневной свет не открыл ничего нового. Земля была опустошена и перерыта. Время от времени друзья останавливались в поисках хотя бы малейшего признака того, что Маришу и остальных живыми увели на север. Но несметные полчища затоптали любые следы. Земля вздымалась, будто беспокойное море, раздираемое штормами. Различить удавалось лишь знакомые уже трехпалые следы — единственное, что знали

друзья о своем таинственном враге.

Поднимаясь над землей, туман окончательно рассеялся и открыл глазам путешественников столп черного дыма, вздымавшегося над горизонтом с севера. К полудню друзья добрались до сожженного и лежавшего в руинах Баттлмонта. Гостей встретила лишь гора обломков — жуткие призрачные руины в наполненном едким дымом воздухе. Джером вдруг ощутил, что может вот-вот расстаться с завтраком. Юноша не предполагал встретить такое разорение, да и не мог никак привыкнуть к запаху разлагающейся горелой плоти. Удивительно, но нигде не было тел. Изверги, должно быть, унесли их с собой или сожрали прямо на месте. Сомнений не оставалось — погибло множество людей. Крепость лежала в руинах, воздух пропах смертью. Килак снова принялся просеивать и перебирать пепел в поисках ответа.

— Они пытались сражаться, — с трудом сдерживаясь, сказал паренек. — Оружие повсюду. — Он прервал речь и оглянулся на своих спутников, зажавших рты и носы. — Пошли.

Друзьям не терпелось поскорее миновать страшное место, и они поспешили продолжить путь. Несчастному Джерому пришлось терпеть не меньше часа, прежде чем начал улетучиваться тошнотворный едкий запах. И все же полностью избавиться от него не удалось. Баттлмонт давно остался позади, но следы бойни и опустошения виднелись повсюду. Деревенские дома сгорели дотла, на полях не осталось ни единой скотины. Заборы были разбиты и повалены, а ручейки и пруды наполнились кровью. Землю окутал призрачный саван смерти, который временами исчезал под порывами ветра, а иногда опускался такой густой пеленой, что его можно было почувствовать на вкус.

Друзья ни разу не остановились, чтобы перекусить или напиться воды. Они почти полностью израсходовали провизию, а пополнить запасы было нечем. Впрочем, задерживаться они и не собирались — желание разгадать истину безжалостно гнало их вперед, и друзья всецело повиновались ему.

Джером ни на минуту не переставал думать о Марише. Удивительно, как медленно тянулось время, когда они были вместе в Феверруте. Ему не терпелось покинуть тихое и мирное селение. Воспоминания оживали в душе, и он все больше тосковал по девушке. Если она жива, Джером разыщет ее, если мертва… Сердце заныло от боли, и Джером сжал рукоятку висевшего на плече Меча. Если Мариша погибла, он отомстит.

Джером не без удивления заметил, что совершенно не уставал под тяжестью Меча, хотя преодолел с ним не одну милю.

Зато книга древинов, ответственность за которую они разделили с Эллайеном, становилась тяжелее с каждым шагом. Меч вовсе не казался ему обузой. Древнее оружие стало для Джерома третьим товарищем, присутствие которого наполняло его сердце надеждой, поддерживало огонь его решимости.

Вскоре Джером почти перестал замечать признаки безжизненного опустения. Изуродованная земля монотонно скользила под ногами. Темная, испускающая струйки дыма почва хранила мертвое молчание. После Баттлмонта Джером более не испытывал благоговейного ужаса при виде черного ковра, на мили раскинувшегося перед ним. Спутников продолжал терзать лишь вопрос — зачем? Судя по всему, враг пробивался на север безрассудно и яростно, сметая все на пути в неистовом и слепом гневе. Останков несчастных, застигнутых зловещим ураганом, не было нигде. Их либо уничтожили, либо угнали в плен. Какое существо способно на подобное зверство, оставалось только гадать. А до тех пор, пока друзья не узнали, с каким врагом имеют дело, и зачем он вторгся в их земли, бесполезно рассуждать о его целях и намерениях.

Джером вновь начал сомневаться в искренности Килака. В конце концов паренек не впервые скрывал свои подозрения. Странным казалось и то, что Килак настойчиво отвергал все заявления Джерома о том, что демоническое войско было очередной проделкой колдуна, не предлагая взамен иного объяснения. Не единожды Джером замечал, как парень оглядывался в сторону Скуллмарских гор и призрачного алого сияния, залившего горизонт с востока — вершины Краккен. На все расспросы Килак неизменно пожимал плечами и рассказывал, что лишь пытается собрать осколки воедино, а догадок у него не больше, чем у Эллайена или Джерома. Отговорки казались Джерому слишком наивными, и Эллайен, несомненно, подозревал то же самое. Тем не менее давить на Килака представлялось совершенно бесполезным занятием. Если ему и есть, что сказать, сделает он это, только когда сам посчитает нужным.

А до тех пор пускай в одиночку таскает за собой свои тайны, решил Джером. Следуя по выжженному пути, они и без того скоро узнают правду.

Остаток дня прошел под знаком боли и усталости, гнева и отчаяния. Дорога уходила на север, глубоким шрамом разрезав поля и деревни, города и баронства. Казалось, гигантское чудовище пережевало и перемололо мягкую землю в крошки, а потом выплюнуло ее обратно. Путешественники поднимались на холмы и спускались к заливным лугам, пока ноги не начинали неметь. Небо заслоняли назойливые тучи, ежеминутно грозящие

пролиться дождем. Говорили друзья мало, стараясь сосредоточиться на единственной цели.

К полуночи они миновали развалины города Диррка и остановились перед разбитыми воротами Крилага. Друзьям многое довелось повидать, но к такому зрелищу не был готов никто. Доселе невиданная сила, которой, казалось, не было предела, сравняла с землей мощную крепость. Джером онемел от изумления и ужаса. «Не может быть». Юноша шептал эти слова снова и снова, словно произносил заклинание против неведомого зла. Он беспомощно замер перед разрушенными до основания стенами, не веря собственным глазам.

Ведь даже он, родившийся и выросший на востоке, знал о двух городах — Крилаге и Морийале. Единственным занятием их жителей была бесконечная война друг против друга. Именно здесь разворачивались ожесточенные сражения народов Парты и Мензо. Полдня пути по равнинам Равакоста разделяли две крепости, всегда полные оружия и воинов. Не проходило и месяца, чтобы один из противников не выходил в новый поход против ненавистного врага. Более трех столетий назад объявил о своей независимости Мензо. С тех пор противостояние двух народов — в частности двух цитаделей — продолжалось исключительно ради взаимного уничтожения.

Теперь Крилаг пал, крепости его, расколотые и обугленные, втоптаны в землю, как и все на пути чудовищного войска. Обходя руины, Джером едва не задохнулся от едкого дыма и вони. Юноша начал подозревать, что даже Алый Меч не сможет противостоять этому кошмару.

— Да кто же сотворил такое? — с горечью выговорил Эллайен.

Килак повел друзей на восток, свернув с пути смертоносного черного потока, продолжавшего свое течение на север.

— Надеюсь, скоро что-нибудь узнаем.

Не ожидая объяснений, Джером вопросительно взглянул на паренька.

— В Ливене, — пояснил Килак. — Похоже, войско обошло его стороной.

— Но мы свернули с дороги, — напомнил Джером, не желая оставлять то, ради чего они так решительно и самозабвенно проделали долгий и трудный путь. — Что насчет Мариши и остальных?

— Оглянись вокруг, приятель. Это одна из самых неприступных крепостей Пентании, а враг прошел через нее, не замедляя шага. — Килак покачал головой. — Пора узнать, за кем мы пустились в погоню, иначе не сносить нам головы.

Джером не обращал внимания на слова паренька, напряженно всматриваясь в мертвую дорогу сквозь темноту ночи, словно его отчаянный взгляд мог вызволить Маришу из-под ее мрачного полога.

Эллайен, однако, поддержал Килака.

— Нет смысла соваться в волчье логово.

— Кто-нибудь в Ливене расскажет, с кем мы решили сражаться. В любом случае нам понадобятся кони, чтобы догнать войско.

Джером медленно вздохнул. Он не мог пересилить себя и отвести тоскливый взгляд от черной дороги. В словах Килака есть резон. Почему же Джерому все равно?

— Думаю, ты прав.

Килак что-то буркнул и повел Эллайена вперед. С немой клятвой на устах Джером в последний раз остановил взгляд на останках крепости и последовал за друзьями.

Глава 27

Джером и его спутники подошли к Ливену перед рассветом. Они ни разу не остановились за ночь и несказанно обрадовались блеснувшим издали огням сторожевых башен. Однако тревога неотступно сопровождала друзей. Их встретила голая и опустевшая земля, лишь изредка грызуны опасливо поглядывали на путников с обочины, да ночные птицы кружили над головами. Даже в такой ранний час луга и поля пробуждаются к новому дню. Ливен слыл одним из самых больших и населенных городов Пентании, и тишина его окрестностей казалась зловещей.

Спутники достигли подножия холма и направились по широкой дороге к главным городским воротам. Тонкий серп луны проглядывал сквозь брешь в облаках. Город уютно расположился в долине к востоку от Уистлкрагских гор. Горбатые скалы молчаливой и неприступной стеною стерегли его покой. Холодные и неприветливые каменные великаны высились над его домами и рынками, улицами и садами. Друзья рассчитывали, что их сразу встретит патруль, приняв за вестников недавней битвы или по крайней мере за беженцев. Однако на пути не повстречалось ни живой души. Потому-то друзей нисколько не удивили накрепко запертые ворота. Ливен, будто великан затворник, забился в свое убежище, подозрительно и враждебно оглядывая окрестности. И если бы не светили огни на башнях по обе стороны ворот, могло показаться, что город опустел.

Тесной группой друзья поднялись на холм, настороженно оглядываясь вокруг. Они остановились перед огромными створками в глубокой нише городских ворот. После многих часов пути без передышки у Джерома закружилась голова. Юноша закрыл глаза и покачнулся.

— Похоже, хозяева и не заметили, как пожаловали гости, — пробормотал Эллайен.

Джером кивнул, с трудом разомкнув отяжелевшие веки.

— Может быть, на страже нет никого. Мы могли бы… — Он вдруг замолк, удивленно осмотревшись. — Килак?

Эллайен поглядел через плечо и повернулся к Джерому.

— Куда он подевался?

Джером надеялся, что его тревога не так бросается в глаза, как испуг Эллайена. Если ему не изменяла память, паренек всю дорогу шагал с ним бок о бок.

— Эй, там! — раздался сверху грубый голос. — Зачем пожаловали?

Джером оглядел крепостные стены, откуда ясно слышалась

возня лучников, приготовлявших оружие. Юноша вдруг ощутил себя голым перед сотней любопытных глаз.

— Мы пришли с юга, из Феверрута, — начал юноша, всматриваясь в темноту и стараясь различить силуэт привратника. Он не хотел ни лгать, ни выкладывать всю правду. Никто не ответил, и Джером продолжил:

— Мы шли по пустошам. Ищем вестей о неприятеле, который увел наших друзей.

— Феверрут? Где этот Феверрут?

Джером не успел ответить, как отворилась дверь в основании одной из башен. Не сомневаясь, что одно неверное движение приведет к печальному концу, друзья покорно встретили отряд вооруженных стражников, которые со звоном и лязгом окружили гостей, отняли оружие и скрутили руки веревками.

— Что-то многовато оружия для беженцев, — заметил здоровяк стражник.

— Задержать для допроса, — приказал офицер.

— Мы не враги, — попытался объяснить Эллайен.

— Расскажешь генералу, — отрезал стражник.

Ни один из пленников не стал перечить. У Джерома по спине пробежал холодок, когда у него забирали Алый Меч, но юноша смолчал, потупив взгляд. Прикусив губу, чтобы не сорваться, он поспешил убедить себя, что это лишь временная неудача.

Килак Кронус оставался на свободе.

Пленников провели через сторожку по освещенным факелами улочкам, где разместился военный лагерь. На пути встретились им сотни солдат, которые разучивали приемы или мастерили оружие для обороны города, и мало внимания обращали на связанных незнакомцев. Лишь немногие встретились с Джеромом суровыми взглядами. Оставалось только гадать, сколько еще солдат дремали в теплоте бараков.

Пленников вели по узким дорожкам среди темных аллей и между грязных каменных стен. Видимо, горожане, еще оставшиеся в Ливене, спрятались подальше для пущей надежности.

Компания довольно быстро подошла к двухэтажной каменной постройке, которая, судя по единственному окну на уровне пола, служила тюрьмой. Заметив их приближение, стражник у входа дважды стукнул копьем в дверь, из которой минутой позже появился коренастый мужичина с огромным вздутым брюхом. В одной руке он держал потемневшую от времени дубину, а в другой позвякивали ключи на связке.

— Утро доброе, — буркнул брюхастый, — первая добыча, да?

— Да, пялились на ворота, — пробормотал один солдат, —

Генералу уже отправили сообщение.

Тюремщик зевнул.

— Дай-ка мне с ними поговорить. Кажется, безобидные бродяги.

— Строгий приказ генерала. Он лично будет допрашивать каждого пленника.

Тюремщик громко рыгнул.

— Ну и ладно. — Толстяк заметил недоверчивый взгляд Джерома и одарил гостя беззубой улыбкой. — Не беда. На порядки в моей гостинице еще никто не жаловался.

Офицер с отрядом удалились, а Джером и Эллайен остались на попечении толстобрюхого тюремщика и одинокого стражника с копьем.

— Значит, так, — буркнул толстяк, глядя вслед удалявшимся солдатам. Запах дыхания мог поспорить только со зловонием его потной туши. — Сюда пожалуйте, господа. — Грязная дубинка указывала на раскрытую дверь.

Джером и Эллайен повиновались, и тюремщик, кивнув стражнику, двинулся за ними.

Они вошли в крошечную приемную с единственным столом и стулом в небольшой нише. На столе расположился бочонок с какой-то вонючей жижей, а в его тени примостилась большая кружка, наполненная тем же содержимым. Компанию им составляли масляный фонарь и кипа бумаг.

Тюремщик сладко зевнул и отпер вторую дверь.

— Сюда.

Джером и Эллайен все так же послушно исполнили волю тюремщика. Они прошли втемную комнатушку, в центре которой стояли стол и четыре стула. Небольшая лестница вела налево к запертой на засов двери, а ступеньки справа поднимались на второй этаж. Единственное окошко находилось высоко на противоположной стене. Грязные стекла за решеткой почти не пропускали и без того тусклый лунный свет.

— Присаживайтесь.

Без дальнейших церемоний тюремщик усадил гостей на стулья. Под каждым из закрепленных на полу сидений имелось ржавое кольцо, к которому толстяк приковал пленников кандалами, а лотом для надежности лишний раз проверил веревки, стянувшие им руки.

— Тихо сидите, понятно? Не то отправитесь на прокорм крысам.

Тюремщик повернулся к друзьям спиной и, почесав мясистую шею, вывалился из комнаты. Дверь затворилась, скрипнул ключ. За толстой дверью раздался печальный скрип стула, когда на него

приземлился тюремщик.

— Мог и предупредить, — буркнул Эллайен.

Джером не сразу сообразил, что охотник имеет в виду Килака.

— Наверное, не захотел выслушивать наши препирательства.

Эллайен хотел было ответить, но только покачал головой. Время проходило в неспешном разговоре. Несмотря на отвратительные условия, Джером радовался, что спокойно сидит в темноте, хотя и связанный как преступник. Его одолевали жажда, голод и боль, но он наконец получил возможность передохнуть после бесконечного марша по изуродованным равнинам. Как никак перемена долгожданная.

Вскоре мысли Джерома поплыли в далекие и туманные земли. Голова потяжелела и начала опускаться. Разговор постепенно затих, и Джером уснул.

* * *

Юношу пробудил щелчок замка. Джером очнулся разбитым и больным и, только пытаясь встать со стула, почувствовал вес кандалов на ногах и вспомнил, что с ним произошло. Он моментально выпрямился, уверенный, что сейчас в комнату проскользнет Килак. Но дверь широко распахнулась, и в глаза ударил ослепительный свет фонаря. Джером зажмурился и отвернулся, успев только различить силуэт и запах неряхи-тюремщика.

— Просыпайтесь, ребята, — закряхтел толстяк, снова демонстрируя гостям беззубый рот.

Глаза Джерома немного привыкли к свету, и он заставил себя посмотреть на дверь. Пока тюремщик возился с ключом в замке, в комнату вошел второй человек с фонарем. Этот был, очевидно, высокопоставленный офицер в зеленой накидке и брюках, в тонкой бронзовой кольчуге с нарукавниками. Незнакомец посматривал на друзей небольшими карими глазками.

Щегольская шевелюра его была самым тщательным образом уложена. Под мышкой он держал оружие — лук и охотничий нож Эллайена, кинжалы Джерома и Алый Меч в потертых кожаных ножнах.

— Все забери и ожидай за дверью, — приказал офицер, передавая толстяку оружие. В его голосе, глубоком и властном, Джером не заметил, однако, хрипоты, присущей старым воякам, которые встречались юноше до сих пор.

Тюремщик принял оружие пленников на сохранение.

— Если что, зовите, — попрощался толстяк и удалился, оставив Джерома и Эллайена наедине с нарядным незнакомцем.

Офицер ненадолго задержался на пороге, рассматривая друзей в свете фонаря. Джером спокойно выдержал его оценивающий взгляд, хотя еще не до конца привык к яркому свету. Офицер уверенной походкой направился к столу, поставил на него фонарь, а сам опустился на стул напротив пленников.

— Мы пока не знакомы, — заговорил он, хмурясь. — Надеюсь, скоро это изменится.

Джером промолчал, а Эллайен только поглядывал на друга, предоставляя ему право вести беседу.

— Мне доложили, что вы беженцы с юга.

Джером молча наблюдал за незнакомцем.

— Итак, что вы скрываете?

Неожиданно офицер замер, едва ахнув, когда тонкий клинок прижался к его горлу.

— Чоб они не сказали, тя эт не касается, Коратэль.

Лицо офицера неожиданно оттаяло, и он расплылся в улыбке.

— Килак Кронус!

Одна из теней за спиной Коратэля приняла различимые очертания. Килак удобно устроился на стуле рядом с ним и спрятал клинок, оставивший на шее офицера едва заметную полосу.

— Вот так встреча, — хитро улыбнулся Килак.

— Верно сказано, — согласился Коратэль, потирая шею. — Вечность не виделись.

Парень пожал протянутую ему руку.

— Так эта парочка с тобой?

— Он с нами, да, — вмешался Джером, немало озадаченный развернувшейся перед ним сценой.

— Неужели? — усмехнулся Коратэль и вопрошающе поглядел на Килака. Паренек чуть заметно пожал плечами.

— Не хотелось бы мешать счастливой встрече, — заметил Эллайен, — но, может быть, нас кто-нибудь развяжет?

— Прошу прощения. — Килак поднялся с кинжалом в руке. Через мгновение Джером почувствовал, как веревки соскользнули, и принялся растирать затекшие запястья.

— Придется тюремщика позвать с ключами от кандалов, — заметил Коратэль.

— Нет нужды, — заверил его Килак, пряча кинжал и извлекая из ножен длинный меч. — Подвиньтесь-ка, ребята.

Джером поспешил посторониться и растянул на полу цепь. Он зажмурился, когда Килак нанес удар, без сомнения, нацелившись отрубить ему ногу. Открыв глаза, он обнаружил, что

приковавшая его к полу цепь аккуратно перерезана, и лишь железное кольцо осталось висеть на лодыжке. Паренек освободил таким же способом Эллайена и подмигнул друзьям.

Коратэль со смехом откинулся на спинку стула и захлопал в ладоши.

— Мастерская работа, мой юный друг. Не волнуйся насчет кандалов. Я из своего кармана возмещу ущерб городской казне.

Килак с легким поклоном опустился на свой стул.

— Итак, — заговорил Коратэль насмешливо и удивленно, — не начать ли нам допрос заново? Мне бы искренне хотелось познакомиться с этой парочкой.

— Джером и Эллайен из Олсона, — объявил Килак, поочередно представив своих друзей.

— Весьма польщен. Любой друг Килака — мой друг.

Джером оценил твердое и уверенное рукопожатие нового знакомого.

— Главнокомандующий западного партианского легиона Коратэль.

— Главнокомандующий? Вот это да! — отозвался Килак и присвистнул. — Во время нашей последней встречи ты был каким-то полевым капралом.

— Да, знаешь, продвижение по службе — дело не долгое, когда твои начальники каждый день воюют на равнинах Равакоста. Войско редко возвращается без потерь.

— Как вы познакомились? — полюбопытствовал Джером, воспользовавшись поводом вступить в разговор, чтобы разведать кое-что о своем загадочном спутнике.

— Дай-ка вспомнить, — ответил Коратэль, задумчиво постукивая пальцем по столу. — Когда это было? Три или четыре года назад?

— Не помню, — пожал плечами Килак.

— Ну, не важно. Я тогда был приписан к отряду, расквартированному в Диррке. Мы патрулировали участок и наткнулись на мальчонку лет двенадцати-тринадцати. — Коратэль усмехнулся. — Как сейчас помню. Мы как раз занялись припасами одной торговки — дорожный налог, сами знаете. Вдруг объявляется Килак. Маленький засранец потребовал вернуть все торговке, а когда страсти накалились, приказал отряду сдаваться. Десять здоровенных солдат! Командир наш приказал мальчишке проваливать и играть в другом месте, а он отказался. Стало ясно, что парень не шутит, и мы получили приказ научить молокососа хорошим манерам. Мы атаковали, и готов голову отдать на отсечение, если мальчишка не уложил семерых, пока мы его не скрутили. Семерых!

Джером и Эллайен понимающе переглянулись.

— Сами можете себе представить — командир пришел в ярость. Притащил Килака в Диррк, назначил публичную казнь. Городской магистрат тоже не желал, чтобы по городу орудовала банда малолетних грабителей. Мне стало жаль мальчика. К тому же меня здорово удивило его мастерство. В общем, я его выпустил. Тут такое началось… В подробности вдаваться не буду, добавлю только, что вскоре благодаря Килаку я получил первое значительное повышение.

Джером бросил взгляд на Килака, который иронически усмехался, будто отрицал всю историю от начала до конца.

— Мы подружились. В знак благодарности он научил меня кое-каким приемам — что, вероятно, и объясняет, почему я здесь, а не гнию где-нибудь под кучей камней. Но спустя несколько недель мальчишка вдруг исчез. С тех пор и до сегодняшнего дня я его не видел.

— Замечательная история, — сказал Килак. — Хотя, по-моему, с памятью у тебя неважно. Видно, битвы не прошли даром.

— Обижаешь, — рассмеялся Коратэль.

Через некоторое время генерал вдруг вспомнил, зачем пришел. Улыбка исчезла, и радушие как-то улетучилось.

— Но хватит о пустяках. Расскажите о себе, и вернемся к насущным делам. Обстановка сейчас, надо признаться, довольно мрачная.

Генерал посмотрел на Килака. Тот в свою очередь перевел взгляд на Джерома. Не успел он сказать и слова, как все взоры устремились на него. Джером неловко заерзал на стуле. Ему вспомнился совет старейшин, где ему стала известна горькая правда, ставшая причиной всей невероятной истории.

Джером немного подождал, не будучи до конца уверен в надежности главнокомандующего Коратэля. Наконец Килак кивнул ему, и он прокашлялся.

— Все началось несколько недель тому назад, когда нашу деревню в Калгренском лесу посетила Эллибе, королева Олсона…

* * *

В соседней комнате, откинувшись на спинку стула и скрестив за головой мясистые пальцы, равнодушно слушал приглушенный гул разговора толстобрюхий тюремшик. Он потянулся за кружкой эля, и на глаза ему попалась куча оружия на столе. Порывшись в ней, он нечаянно заметил драгоценную рукоятку, торчавшую из неприглядных ножен. Поднеся клинок поближе к глазам, он

принялся разглядывать удивительные камешки, особенно зачарованный теми, в глубине которых, казалось, кружатся огни.

Тюремщик глотнул эля. Что за горящий камень? Он прищурился и с опаской поглядел на тяжелую дубовую дверь, отгородившую его от генерала и пленников.

Джером постарался как можно короче изложить свои похождения со времени прибытия в Дилн королевы Эллибе, а Эллайен и Килак наперебой вмешивались, описывая подробности событий, которые ускользнули от рассказчика. Джером сам удивлялся, как много всего произошло за столь короткое время. Он набрался смелости и поведал о талисмане, об Алом Мече, который им посчастливилось разыскать. К тому времени, как друзья покончили с рассказом о путешествии в Трак-Симбоз, Коратэль уже опустился на стул, зачарованно слушая рассказчиков.

— Так этот… Алый Меч, — наконец заговорил Коратэль, — находится у тебя?

— Да. То есть у тюрем шика.

— Надо сейчас же его принести, — объявил Коратэль, поднимаясь со стула. — Уж очень мне хочется на него посмотреть.

Джером с готовностью согласился, и все четверо во главе с Коратэлем направились к двери.

К удивлению и досаде Джерома, глазам их предстал тюремщик, ковырявший ножом один из камней на рукоятке Алого Меча. Он сидел за столом и трудился, высунув язык от усердия. Негодяй поднял глаза и побагровел, от неожиданности с силой ткнув ножом в камень. Джером нахмурился, но не успел ничего предпринять. Ножны лопнули. Меч окутали языки алого пламени. Тюремщик беспомощно взвыл, но огонь уже поглотил его, обратив в пепел плоть и кости. На крик в тюрьму прибежал стражник, но застал лишь последние вспышки пламени, оставившего кучку праха от незадачливого грабителя. В следующее мгновение и она растворилась в горячем воздухе. Тюремщик исчез вместе со своим кинжалом и ножнами Джерома.

Свидетели этого жуткого явления застыли в оцепенении. В дрожащем воздухе повисла мертвая тишина. Наконец Джером взял себя в руки и поднял Меч с обугленного стола. При этом не было никакой уверенности в том, что Меч не испепелит и его. Но, как и прежде, талисман даже не нагрелся и ничуть не пострадал от огня. Джером завороженно любовался таинственным танцем в глубине клинка.

— Доложи городским властям, — сказал Коратэль разинувшему рот стражнику. Говорил он сдавленным шепотом, не

сводя глаз с таинственного оружия.

Солдат даже не шелохнулся, и генерал, оправившись от волнения, гневно обернулся к нему.

— Пошел вон! И ни слова про Меч! Я сам поговорю с губернатором.

С искаженным от ужаса лицом стражник бросился выполнять приказ генерала.

— И дверь оставь открытой! — вслед ему добавил Коратэль, закашлявшись от невыносимого запаха.

Беспомощные и изумленные зрители не двигались с места, словно ожидая свершения новых чудес.

— Сдается мне, — буркнул главнокомандующий, — вам лучше знать, как обращаться с этой штукой.

Эллайен кивнул.

— Я знаю ровно столько, чтобы держать руки подальше от камешков.

— Меч защищался.

Джером даже не заметил, что произнес эти слова вслух, но сразу ощутил на себе недоуменные взгляды спутников. Никто, однако, не стал оспаривать его предположения.

— Идем, — позвал Коратэль. — Надо еще рассказать о полчищах, которые безнаказанно разоряют наши земли.

Пока Джером и Эллайен собирали свои пожитки, генерал вытащил связку ключей из стола. Повозившись немного, он освободил друзей от разбитых кандалов, так и висевших у них на ногах. Затем Коратэль вывел их из тюрьмы навстречу серому и унылому утру.

Главнокомандующий повел спутников по пустой дороге прочь от едкого запаха гари — единственного, что осталось от несчастного толстяка. По пути он отвечал на вопросы Джерома о призрачном опустевшем Ливене и пояснил, что войска прибыли всего тридцать два часа назад. Горожане в срочном порядке покинули свои дома и были высланы в Лолк — город-близнец Ливена по другую сторону Уистлкрагских гор.

— Вы вывезли всех? — восхищался Джером.

— Кого-то пришлось выпроводить силой. Самых упрямых еще придется выкурить из города. Мы позволили остаться губернатору и его чиновникам. Но сейчас город полностью передан военным.

Джером задумался. Вопросы массового исхода населения его тревожили меньше, чем двести тысяч человек, высланные на подконтрольную неприятелю территорию.

— Но колдун…

— Засел в своей крепости, как докладывают наши

лазутчики, — заверил юношу Коратэль. — Почти с самого начала своего вторжения. Не стоит тревожиться о нем. Нам угрожает куда более серьезная опасность.

Джером начал было спорить и хотел напомнить главнокомандующему, с какой легкостью колдун овладел Кринуоллом. Он полагал, что именно колдун стоял за новой таинственной силой, пришедшей с востока, но придержал свои возражения, сообразив, что слишком долго отсутствовал и мало знал о существующем положении дел. Разумнее подождать и послушать, чем гадать попусту о генеральских решениях.

— Вы говорите так, будто уже обречены, — заметил Эллайен. — Зачем бороться, если надежды нет?

— Отчаяние, — ответил генерал. — До сих пор мы только бежали. Силы небесные, мы оставили Крилаг — Крилаг! Город, который процветал столетиями и выстоял в бесчисленных нашествиях. Мы попросту бросили его на поругание! — Коратэль замолк, сгорая от стыда. Заговорил он вновь гневно и решительно. — Я прекрасно понимаю — нельзя бесконечно отступать. И мы скорее погибнем в битве, чем позволим загнать себя, будто трусливых зайцев.

Джером не нашел ни успокоения, ни надежды в словах генерала, но ощутил уважение к его боевому духу.

— Почему враг не преследовал вас?

— Я направил отвлекающий отряд на север. Мы увели врага к равнинам Равакоста. Они принялись атаковать мензойцев, а мы ускользнули.

— Так что это за звери? — спросил Джером, намереваясь наконец получить ответ на мучивший всех вопрос.

Но генерал только вздохнул. Спутники подошли к пустовавшему постоялому двору, превратившемуся в военный склад после того, как город заняло войско. Коратэль завел их внутрь и усадил за грязный стол, налив каждому по кружке холодного эля. Генерал помедлил и присоединился к ним, предостерегающе поглядев на Джерома.

— Драконы.

Джером смутился. Правильно ли он расслышал слова Коратэля? Верилось с трудом. Джером переглянулся с товарищами. Эллайен побледнел. Килак нахмурился. *Драконы?*

— Не те твари, что в легендах, — поспешил добавить генерал, — но другого названия я придумать не могу. Войско огнедышащих змеев, черных тварей в чешуе, которые не летают, а ходят, выпрямив спину, будто люди. Их число не так велико, но каждый стоит полдюжины бойцов. Шкура у них твердая, как самый прочный доспех, и на моих глазах они солдатам сносили

головы без всякого оружия!

Джером был вне себя. Слова Коратэля поразили его в самое сердце. Рука сдавила рукоять Меча, покоившегося у него на коленях так, что камни врезались в ладонь. После зрелища разрушенного Крилага он мог с легкостью представить себе, как разворачивалась беспощадная битва. Войско человекообразных ящеров, как описывал их Коратэль, прорывалось сквозь ряды людей подобно хищным львам, прыгая, разрывая зубами и когтями беззащитную жертву. Юноша ощущал ужас тех, чье оружие едва царапало шкуру врага, а головы летели с плеч в следующий миг. Он почти чувствовал страшный запах гари, когда полыхал город с его жителями, а Коратэль и его офицеры пытались организовать отступление…

— Откуда они пришли? — спросил Джером, стараясь отогнать кошмарные видения. Колдун нашел их? Создал их? Какого они роста? Как противостоять такому войску?

— Мы пока не знаем, — признался главнокомандующий, глядя на друзей потускневшими, усталыми глазами. Должен, кстати, добавить, что ваши рассказы о демонах не первые слухи, что дошли до моих ушей. Эти сказки пугают людей не меньше, чем ящеры — драконовы отродья, так мы их прозвали. Не берусь утверждать, служат ли они кому-нибудь. Может статься, виною всему действительно ваш колдун.

— Мы был и в Крилаге, — задумчиво сказал Килак. — Тел не нашли.

Джером поразился спокойствию паренька. Пока они с Эллайеном боролись со страхами и недоверием, Килак оставался невозмутим и практичен, как всегда.

— Они пожирают павших, своих и наших, — кивнул Коратэль.

Джером побледнел, будто пропасть разверзлась перед ним.

— Вам удалось кого-то уничтожить?

— Совсем немногих, — признался генерал. — Честно говоря, у нас не хватало времени даже на попытку дать отпор. Я, может быть, один из дюжины счастливчиков, которые попробовали оказать сопротивление и сейчас рассказывают об этом. Те, кто бежал слишком медленно, погибли. — Коратэль опустил голову. — Нас никто не успел предупредить. Эти твари передвигаются быстрее самого резвого гонца. Если бы у нас была возможность приготовиться к атаке, предвидеть…

— Значит, вы знаете про южные земли? — спросил Килак.

— Я послал разведчиков по вражеским следам, как только мы прибыли в Ливен. Первые известия только начали поступать.

— Они сравняли с землей Диррк и Баттлмонт, — рассказал

Килак, — и все остальные поселения к югу от этой линии и до глубины Кальмирского леса. У нас оставались там друзья. Похоже, их угнали в плен.

Генерал провел рукой по бороде.

— Не уверен насчет пленников, хотя вряд ли мирные люди могли оказаться на передовой. В любом случае, радует то, что нападение на Крилаг случилось в разгар войны с Мензо, когда гражданского населения мало.

— Мы должны спасти их, — настаивал Килак.

Морщины на лбу Коратэля сделались глубже.

— Я понимаю ваши чувства. Здесь мои сограждане, которых я поклялся защищать. Посмотрите правде в глаза. Скорее всего ваши друзья погибли. И вы тоже умрете, если попытаетесь…

— Мы здесь не для того, чтобы спорить, — резко вмешайся Джером. Он взглянул на Килака и твердо продолжал: — Мы пойдем за неприятелем, пока не сделаем все, чтобы спасти друзей.

Коратэль смотрел юноше прямо в глаза.

— Слишком опасная затея.

— По сравнению с чем? Сидеть и ждать, пока они не нападут на вас здесь? Скажите, что творится с вашими землями, пока вы отсиживаетесь за стенами Ливена?

Генерал сурово глянул на Джерома.

— Что ты сказал?

— Пора выступать в поход, — выпалил Килак. — Всем нам.

Коратэль не верил своим ушам.

— Вы хотите, чтобы мы атаковали?

— А что вам остается делать?

Какое-то время главнокомандующий, казалось, не мог подобрать слов, а те, что нашлись, прозвучали неубедительно.

— Мы ищем шансы выжить, укрепляем город и готовимся к нападению.

— Да чтоб я провалился, если так, — спокойно отозвался Килак. — Вы бежали из Крилага и потеряли лучшую позицию для обороны.

— Боже мой, это совсем другое. Мы никогда не сражались с войском чудовищ. Признаю, мы бежали, как трусы, но в следующий раз подготовимся и не упустим преимущества.

Невозмутимость Килака охладила пыл охваченного возбуждением Коратэля. Твердые и решительные слова его были полны уверенности.

— Однажды твари уже прошли мимо Ливена. Кто сказал, что так не случится снова? Они не преследуют никакой определенной цели, а идут через всю Пентанию. Вы им пока не мешаете. Они

загребут весь свет, пока вы отсиживаетесь в этой вонючей дыре, а потом раздавят.

Коратэль молчал, и Килак продолжил.

— Джером прав. Допустим, в Ливене сейчас безопасно, но вы не делаете ничего, чтобы защитить остальные земли или уничтожить врага. Горожане ушли, а вы охраняете пустые дома.

Джером был согласен с соображениями Килака. Так он действительно и подумал, когда генерал усомнился в его намерении спасти друзей. Хотя он вовсе не рассчитывал приглашать Коратэля со всем его войском присоединиться к походу. По его мнению, с большим успехом можно было выкапывать трюфели киркой. Внимательно выслушав генерала, юноша усомнился в разумности его стратегии. Пламя войны распространялось со скоростью лесного пожара, который нельзя повернуть вспять.

Генерал вздохнул и потер кулаком глаза.

— Я, пожалуй, согласился бы, — ответил Коратэль, — если бы мы сражались с обычным войском. Но, проклятие, эти твари совсем не смертные люди! От мысли встретиться с ними в бою у меня душа в пятки уходит. Отсутствие инициативы у нас превращается в их преимущество — нет надежды на победу.

— Главная ваша беда — страх. Надеюсь, твои люди взбодрятся после марша и перестанут ждать расправы, как звери в клетке.

Коратэль глотнул эля.

— Я и сам знаю, как бьется солдатское сердце, приятель. Но поверь мне, одним боевым духом этой войны не выиграть. Надо что-то больше.

— А как насчет Алого Меча?

Коратэль перевел взгляд на талисман, который слабо, но верно горел на коленях у Джерома. На минуту воцарилась тишина. Джером с замиранием сердца ждал ответа главнокомандующего.

— Не знаю, — наконец проворчал Коратэль. — Я бы лучше предоставил мензойцам разбираться с неприятелем.

— Драконы вернутся, — заверил его Килак. — Мы оба знаем, что мензойцу не устоять там, где пал партианец.

Коратэль нахмурился, и стало понятно, что слова Джерома и Килака задели за живое храброго генерала.

— Вы всерьез полагаете, что мы можем одолеть чудовищ?

— Я тока сказал, чо никто не пытался, а я и сам лучше умру в битве, чем позволю загнать и раздавить себя, как червяка. К тому ж, — добавил паренек, вынув кинжал и проведя по лезвию кончиком пальца, — ты ж знаешь, чо я думаю о враге.

Коратэль расплылся в улыбке, будто тяжелая ноша свалилась у него с плеч.

— Килак Кронус, мой неугомонный друг, с тобой мы обязательно выиграем эту маленькую войну.

Килак кивнул, хотя Джером, удрученный и подавленный, не разделял уверенности своего юного товарища.

Глава 28

Джером успел немного отдохнуть и теперь старался бодро шагать рядом с Эллайеном и Килаком по улицам Ливена. Лето возвратилось, чтобы украсть один последний денек у приближавшейся зимы. Предрассветный туман испарился на утреннем солнце, которое сверкало, отражаясь от оружия солдат. Затхлый и несвежий ветер — старый бродяжка и обитатель городских переулков — по-мальчишески задорно гонялся с друзьями наперегонки. Город звенел от цокота копыт и топота сапог, скрипа колес и стука молотов, от криков, толкотни и прочей солдатской суматохи.

Несмотря на перемену погоды и окружения — наконец спутники покинули опустошенные и разоренные войною равнины западной Парты, — Джером постоянно оставался начеку. Юношу не только озадачил и встревожил рассказ Коратэля о невиданном доселе противнике, но и само присутствие его в городе, казалось, привлекало чересчур много внимания. Насколько Джером мог вспомнить, сразу после прибытия он и Эллайен встречали лишь холодное безразличие к собственным персонам. А теперь во всем Ливене едва нашелся бы хоть один солдат, настолько занятый делом, чтобы не бросить работу и не окинуть троицу незнакомцев подозрительным, недоверчивым взглядом и не шепнуть что-то на ухо соседу. Без сомнения, история о гибели незадачливого тюремщика просочилась сквозь стены темницы, и теперь, куда бы ни пошел Джером, люди опасливо косились на серебряную украшенную каменьями рукоять оружия на поясе Джерома.

— Не нравится мне это, — признался он, когда спутники проходили мимо большой компании солдат. Краешком глаза юноша наблюдал, как их взгляды потянулись за ним следом, будто он прошел сквозь сеть липкой назойливой паутины.

Коратэль покинул друзей на пару часов, чтобы провести предварительное совещание с офицерами по поводу предложенной Килаком атаки на драконье войско. Провожая генерала с постоялого двора, где усталые путники нашли завтрак, чистую одежду и воду, они настойчиво просили Коратэля не торопиться. И вот сейчас, когда друзья направлялись к зданию совета, готовые предоставить любую помощь и поддержку в этом сомнительном предприятии, они оказались окружении встревоженных и враждебно настроенных солдат. Джером не переставал удивляться, как ему удалось в очередной раз поддаться на авантюру.

— Не обращай внимания, — заверил его Килак, — ни один из

этих остолопов и пальцем тебя не тронет. — Паренек распахнул плащ, показав Джерому обернутые кожей рукоятки клинков. — Сомневаюсь, что кто-нибудь рискнет сгореть живьем ради того, чтобы проверить действенность твоего талисмана.

Килак подмигнул, напомнив Джерому о неслыханной силе Меча, и тот вздохнул с облегчением.

Джером постарался выбросить из головы недружелюбный прием и занялся изучением окрестностей. Не считая Кринуолла, где юноша бывал лишь несколько раз, Ливен был самым крупным городом, который ему доводилось видеть, и вызывал при этом смешанные чувства. Ливен занимал площадь раз в пять большую, чем Иртвин. Дома теснились один подле другого, и устремлялись к небу, закрывая солнце. Жилые районы разделяли каменные стены и увенчанные шипами заборы. Великолепные здания и сады, парки и мостовые соседствовали с неказистыми полуразрушенными постройками. В целом Джерому Ливен показался вонючей и загаженной норой, где природным красотам не было места. Люди бежали, оставив после себя многочисленные следы своего пребывания. На широких мостовых и в узких переулках, заваленных отходами, юноша из лесного Дилна видел лишь грязь и мусор. Подходящие декорации для историй о смерти и болезнях, преступлениях, разврате и продажности, которыми славились крупные города. За крепкими стенами, которые защищали Ливен от опасностей внешнего мира, расцветали и плодились эти рукотворные кошмары. Несмотря на пышное великолепие, город оставлял впечатление заурядной помойной ямы. Как мог человек привыкнуть к подобному существованию, особенно когда вокруг беспрестанно бушевала война, лежало за пределами понимания Джерома.

Спутники пересекли открытую площадь, окруженную высокими, но запущенными и облупленными домами с множеством сдававшихся внаем квартир, которые Джером узнал по описанию Коратэля. Цветочные горшки, белье и всевозможные безделушки загромождали крошечные балкончики, выходившие на ухабистую площадь, в центре которой расположился пересохший фонтан со статуей, неузнаваемой подслоем грязи и птичьего помета. Коратэль упомянул о каком-то памятнике, но так и не смог вспомнить точнее — дань человеку, чьи история и заслуги были давно забыты. Проходя мимо, Джером всмотрелся в растрескавшееся лицо и безжизненные глаза и невольно задумался, как же мало времени требуется человеку, чтобы опуститься в пропасть запыленной истории вместе со всеми своими подвигами.

Две улицы уходили от дальней стороны площади. Друзья

отправились налево к югу и через несколько минут оказались у ворот укрепленного комплекса зданий. Стражник издали завидел гостей и поспешно распахнул перед ними дверцу в кованых воротах, молча попятившись как можно дальше. Его темные глаза были прикованы к рукоятке Меча. Джером только покачал головой, и поплелся дальше.

За оградой широкая дорога, уставленная каменными скамейками, вела мимо садов и тенистых деревьев к зданию, где заседал военный совет. Стражники, охранявшие высокие двустворчатые двери, мгновенно расступились в стороны, позволив гостям беспрепятственно пройти внутрь.

Не оглядываясь по сторонам, Джером прошел в залу и поднялся по лестнице, добравшись до обитых медью внушительных ворот. Нестройный хор голосов, раздававшийся за дверью, заставил юношу замедлить шаг. Килак же без колебаний распахнул дверь и провел спутников внутрь.

Коратэль и пятеро военных, сидевших вокруг широкого стола, обернулись на друзей. Три стула, приготовленные для гостей совета, пустовали. Последовав примеру Килака, Джером и Эллайен заняли места за столом. Джером втиснулся между великаном со спокойным и безразличным выражением лица и плотным бородатым офицером со шрамами на лице, который неприветливо посматривал на гостя. Возня быстро прекратилась, и Джером заметил, что взгляды собравшихся обращены на него. Каким-то чудом юноше удалось устоять под напором оценивающих взоров, хотя в голову сразу же полезли мысли о том, как бы поскорее завершить собрание.

Первым заговорил Коратэль. Голос главнокомандующего звучал несколько растерянно:

— Полагаю, не помешало бы кратко представиться. Господа, — обратился он к вновь прибывшим, — перед вами командующие моих дивизий, все до одного генерал-лейтенанты. — Он указывал рукою, поочередно представляя своих соотечественников.

— Четвертый генерал Лар, — начал главнокомандующий, показав на широкоплечего крепыша, сидевшего рядом с Джеромом. Рыжеватые волосы торчали непослушными завитками, а щетина на щеках и подбородке свидетельствовала о том, что он забыл с утра побриться. Здоровяк вежливо кивнул новичкам.

— Третий генерал Мальтик. — Офицер с детским лицом, озорными голубыми глазами и коротко подстриженной золотистой бородой реагировал, казалось, совершенно равнодушно.

— Второй генерал Джейзин, — продолжал Коратэль,

представляя черноволосого, сухого и жилистого с веснушчатым лицом человека. Рубаха без рукавов открывала бицепсы и мускулистый торс, на котором отчетливо проступала каждая мышца. Генерал-лейтенант обезоруживающе улыбнулся.

— Пятый генерал Райнар, главный стратег и инженер… — Невысокий человек с растрепанной прической и осунувшимся лицом напряженно кивнул.

— … И первый генерал Ледрик, — вздохнул главнокомандующий, указав на дюжего мужичину, который закипал от ярости, сидя рядом с Джеромом.

Джером даже не надеялся запомнить их имен, но был поражен возрастом собравшихся, каждый из которых казался лишь немногим старше его самого. Джейзин с веснушчатыми щеками и Мальтик с его щеголеватой бородкой выглядели ровесниками Джерома. Деревенского Фейзона заинтриговало и озадачило, что столь молодые люди сумели успешно продвинуться по службе. Это одновременно казалось странным, грустным и пугающим. Как и главнокомандующий, который пребывал в самом расцвете лет, вряд ли офицеры эти получили звание лишь за мастерство и заслуги. Джером не знал, кого ему жалеть больше: старых воинов, что освободили дорогу молодым, либо же новичков, чья жизнь оказалась заложницей войны.

— Что касается остальных, — продолжал Коратэль, без паузы обратившись к своим советникам, — это Джером, хранитель деревни Дилн — и, если верить его словам, Торин, сын короля Сорла и наследник трона Олсона.

Джером побагровел от неожиданности и обвел взглядом сидящих за столом, стараясь понять, какое впечатление произвели на них слова главнокомандующего. Громкое заявление, однако, не вызвало на лицах присутствующих никаких изменений. Очевидно, Коратэль уже поведал генерал-лейтенантам невероятную историю Джерома и дал им время как следует переварить услышанное. Хотя, может статься, до Джерома никому попросту не было дела.

— Прочие — его друзья. Килак Кронус и…

— Да, да, — прорычал Ледрик, прервав генерала. — Давайте вернемся к срочным делам.

— Полегче, Ледрик, — простонал Райнар. — Если только ты не придумал ничего нового, пощади мои бедные уши.

Ледрик впился в худощавого Райнара испепеляющим взглядом, но тот даже не дрогнул.

— А как насчет этого типа? — проревел великан, нависая над серединой стола и размахивая толстенными ручищами, каких Джером еще никогда не видел. — Взгляните-ка, кто все это затеял

— мальчишка! — Толстый палец угрожающе протянулся к Килаку, который равнодушно сидел на месте.

— Какая разница? Даже если этот план придумал младенец. Идея здравая.

— А ты, — выплюнул Ледрик, горящими от ярости глазами впившись в Джерома, — от чего ты там деревню охранял? От сусликов?

— Ледрик, — нахмурился Коратэль.

— У нас недостаточно сил, чтобы одолеть их в открытом бою! — проревел первый генерал, подкрепив свой довод ударом кулака по столу.

— Я тоже разделяю сомнения Ледрика, — сознался Джейзин, но быстро добавил. — Хотя и не столь горячо.

— Я не услышал ничего, — кивнул Мальтик, — что убедило бы меня в действенности нового плана. Сражение на открытой равнине — самоубийство.

— Вероятно, настала череда Джерома из Олсона высказать свое мнение, — пригласил юношу Лар. Мягкий тон речи контрастировал с низким раскатистым голосом.

И снова Джерому пришлось окунуться в волны чужих ожиданий. Юноша напомнил себе, что в подобной ситуации важна уверенность в себе, та самая решимость, которая позволила ему добыть Алый Меч. Промедление выдавало его собственные страхи и сомнения, а этого он себе позволить не мог. Именно для того Фейзона и призвали на помощь — чтобы он собрал войско, которое одолеет чуму, поразившую его родину. Жизни Мариши Валур и других людей зависели от его силы. Оставалось только надеяться, что не все они погибли, не дождавшись помощи.

Отбросив в сторону все сомнения, Джером поднялся со стула с намерением произвести впечатление непреклонной твердости. С напускной уверенностью юноша обнажил Алый Меч. Комнату наполнило сияние. Впервые увидевшие Меч партианцы онемели от изумления. Тем же, кто успел привыкнуть к талисману, оставалось лишь вновь восхищаться его совершенством.

— Выглядит неплохо, — раздраженно признал Ледрик. — А как насчет боевых качеств?

— Спроси у ливенского тюремщика, — сухо предложил Килак.

Ледрик нахмурился, всем своим видом показывая, что не просил парня раскрывать рот.

— Коратэль говорит, что кроме тюремщика никто не пострадал от этого огня, — возразил Ледрик, возвращаясь к своим сомнениям. Тон его и жесты должны были означать, что генерал обращался только к своим соотечественникам

партианцам. — Позвольте мне поставить вопрос по-другому. Обладает ли он силой, которой можно воспользоваться?

Вместо того чтобы разбрасываться словами, Джером поднял Меч над головой и вонзил его в стол. В тот миг, когда острие коснулось столешницы, языки алого пламени окутали клинок, и оружие без усилий скользнуло сквозь толстое дерево. Огонь исчез. Единственным свидетельством его присутствия осталась дымящаяся дыра в столе там, где прошел клинок.

Несмотря на восхищенные возгласы зрителей, Джером более не испытывал благоговейного ужаса от этого представления. Он торжествовал, упиваясь способностью вызывать по собственному желанию силы древнего талисмана и приводить в изумление тех, кто лицезрел могущество в его руках. Довольный произведенным впечатлением, Джером посмотрел на Ледрика и остальных, готовых бросить ему вызов.

— Забавное представление, но…

— Перестань, Ледрик! — вмешался Лар. — С такой силой нам не страшен никакой противник!

— Я не боюсь врагов! — похвастался Ледрик. — Но и не стану рисковать жизнями своих людей ради пустой затеи. Была б у меня сотня таких мечей, я бы еще поверил в наши шансы. Но чего стоит один клинок против кучи драконов?

— Меч разрубит напополам любую из этих тварей. Он даст нам всем надежду, веру, — неожиданно поддержал Джерома Джейзин. — Поднимет боевой дух солдат и в конце концов приведет нас к победе. — Глаза генерал-лейтенанта сверкали, грудь вздымалась.

— Хватит спорить, — решил Коратэль, вставая рядом с Джеромом. — Чем дольше мы тянем с ответным ударом, тем более рискованным становится положение. Наши люди разрозненны или убиты. Ничего о противнике мы не знаем. Будем исходить из того, что новые вражеские силы на подходе. Поэтому я выношу вопрос на голосование. Кто за то, чтобы выступить и уничтожить гадину, пока она не добралась до нас?

Килак, Эллайен и Джейзин как один встали со стульев. Вскоре выпрямился во весь свой гигантский рост Лар. Немного погодя к ним присоединился Мальтик. Сидеть остался лишь Ледрик.

— На совете большинством решено выступить, Ледрик, — объявил Коратэль. — Ты обязан подчиниться.

Ледрик гневно и неодобрительно нахмурился, но все же кивнул.

— Выступаем, — нехотя согласился он, искоса взглянув на Джерома и его Меч.

* * *

Остаток дня прошел в подготовке к военному походу. Коратэль и его офицеры единодушно решили собрать войска на рассвете. Сначала главнокомандующий встретился с губернатором Ливена и убедил его покинуть город вместе с помощниками и отправиться на запад вслед за горожанами. Затем он выступил перед солдатами.

Намереваясь по совету Джейзина разжечь в сердцах огонь, Коратэль собрал дивизии, обратился к воинам с крепостной стены и призвал их подняться на борьбу за освобождение родины. Главнокомандующий назвал предстоящую войну ключевым моментом человеческой истории, предрекая воинам великую славу, которой еще не видел свет. Он объявил, что божества Кейлхай призвали их к битве и вызвали из небытия легендарный Алый Меч. Коратэль попросил Джерома выставить древний талисман на всеобщее обозрение.

Судя по всему, партианские легионы действительно рвались в бой. Воодушевленные речью главнокомандующего и магической силой Меча солдаты победили страх и неуверенность. Воины горели надеждой и жаждой битвы. Собрание закончилось неистовой бурей ликования. Тридцать тысяч бойцов поклялись до последней капли крови сражаться против драконова отродья. Когда же шум стих, главнокомандующий приказал воинам разойтись и готовиться к походу.

— Слава богам, — напряженно выдохнул Коратэль, когда все завершилось. — Прошло удачнее, чем я надеялся.

Джером кивнул. Итог был поразительный. Невероятное воздействие Меча на тысячи людей казалось Джерому волшебным.

— Что-то не так? — спросил Коратэль. — Ты выглядишь растерянным.

— Вовсе нет, — заверил его Джером. — Просто устал.

Главнокомандующего его слова не убедили. Он недоверчиво посмотрел на юношу.

— Ну, — нехотя признал Джером, — немного беспокоюсь. Это не важно, но… Я волнуюсь насчет Ледрика.

Коратэль молча слушал Джерома.

— Просто… Кажется, он недоволен. Можно ли ему доверять?

— Полностью, — заверил Джерома главнокомандующий. — Дурной характер не помеха в бою. Он верный союзник и храбрый воин на поле битвы. Еще увидишь. Ледрик возглавил дивизию и получил звание генерала не за красивые глаза. Придет время, и вы подружитесь.

Пришла очередь Джерома усомниться.

— Но на совещании, — упрямо продолжал Джером, — он яростно возражал.

— На войне невозможно предложить стратегию и не встретить сопротивления. Кто-то обязательно с тобой не согласится. Отрезвляющие споры помогают выявить недостатки плана. Без разумных возражений командование армии рискует совершить непоправимую ошибку. Никто так не улавливает все просчеты, как Ледрик. Не стоит ругать его за это. Да, порой он бывает невыносимым, но его придирчивость спасает жизнь многим солдатам.

— Но… — начал было возражать Джером.

— Смею тебя заверить, — недвусмысленно подытожил главнокомандующий, — когда выбор сделан, нет более преданного и надежного человека.

В этом Джером убедился очень скоро. Армия покинула Ливен без парадов и шествий. В городе остался небольшой гарнизон. Во время марша на север по опустошенной дороге, пролегавшей через равнины Равакоста до мертвых руин Морийала, Ледрик неустанно подбадривал своих бойцов громким голосом, следя, чтобы ни один не пал духом. Было заметно, что солдаты дивизии Ледрика отличались идеальной дисциплиной и выучкой. Словом, главнокомандующий мог всецело полагаться на своего первого генерала.

Войско походило на хорошо отлаженную машину. Джером никогда бы не поверил, пока не увидел собственными глазами, как громадная процессия людей, обозов и орудий стройно двигалась в едином порыве. Коратэль показал себя непревзойденным лидером, порази в деревенского юношу способностью управлять огромной боевой силой с невероятной точностью и мастерством. Каждый воин, от командующего легионом до простого рядового знал свое место и задачу, которую выполнял беспрекословно и точно. Внедрить систему правил и следить за ее выполнением — дело нехитрое, как выразился сам Коратэль. Вырастить в душе каждого солдата чувство гордости и сопричастности к чему-то большему — задача посложнее. Но самое главное — окружить себя сильными лидерами, будь то капитаны отрядов или командующие легионов. Люди повинуются приказам, объяснил Коратэль, но следуют примерам.

Джерому хватило ума понять, что на самом деле все происходит не так просто и гладко, как рассказывал генерал. Но формула Коратэля работала. Джером и сам объезжал полки, поддерживал дух бойцов, стараясь придать им решимости и твердости. Занятие это помогало юноше отвлечься от

предстоящего сражения — первого в его жизни. Сомнения и страхи поминутно терзали его. Готов ли он в должной мере? Какие задачи придется ему решать? Хватит ли сил управлять Мечом?

Неоценимую услугу в борьбе со страхами ему оказали генералы. Наблюдая за бывалыми офицерами в действии, Джером скоро осознал — у них есть чему поучиться.

Ростом в шесть с половиною футов и весом в триста фунтов, Лар казался самым огромным человеком, которого доводилось встречать Джерому. Здоровяк был сильнее жеребца и работал без остановок и жалоб, принимаясь за дело с молчаливой решимостью. Превосходя всех окружающих ростом и силой, он держался скромно и дружелюбно.

Джейзин быстро сходился с людьми и с Джеромом вел себя будто с лучшим приятелем за кружкой эля в таверне. Веселый и общительный, он был необыкновенно увлечен собственной персоной, громогласно расписывая многочисленные победы, одержанные им во времена славной молодости. Рассказы звучали весьма занимательно, особенно когда Джером узнал от других, что все они правдивы. Второй генерал говорил без умолку, пока у Джерома не начинали болеть уши, и только его искренняя доброжелательность помогали юноше вытерпеть эту пытку.

Мальтик легко и в любой ситуации находил повод для шутки. В компании с Джейзином они смешили Джерома до слез. Вместе генерал-лейтенанты второй и третьей дивизий составляли уморительную пару. Если бы не тысячи марширующих солдат и опустошенная, сожженная земля, могло показаться, что Джером путешествует в компании шутов и менестрелей, а не с громадным войском движется навстречу кровавой битве.

От Джейзина и Мальтика резко отличался всегда сосредоточенный Райнар, обладающий всеобъемлющими познаниями. От всевозможных наук, включая алхимию, до военной тактики и стратегии — он знал все и разбирался во всем. За короткое время Райнар поделился с Джеромом множеством сведений, в особенности в области инженерного искусства. Этот зачастую остающийся без внимания аспект военного дела захватил Джерома, который уже начинал понимать, как работают сложнейшие механизмы, и не переставал восхищаться их создателями.

К сожалению, времени всерьез заняться военные приспособлениями не хватало. К полудню второго дня пешего перехода армия пересекла вброд бушующие воды Краагмальской реки. До столицы Мензо оставались сутки пути. Как и раньше, они шли по изрытой и перекопанной земле, выжженной врагом и

лишенной признаков жизни. Джером был неприятно удивлен поведению партианцев при виде опустошенных земель давнего противника. Жители Парты не признавали независимости Мензо и предъявляли претензии на соседние территории. Джерому хватило ума не поднимать больную тему в компании пристрастных спутников. И тем не менее юноше казалась неуместной радость по поводу разорения соседских земель, когда народам угрожал общий враг.

Но партианцы готовились к любым неожиданностям. При войске действовала целая сеть лазутчиков и специальных отрядов. Одни контролировали окрестности на случай появления ненавистных мензойцев. Другие должны были удостовериться, что полчища драконьих выродков, по следам которых они шли, не сменили курс и не развернулись вновь на юг. Терять время на прочесывание всех просторов восточной Пентании не хотелось. До сих пор все донесения сходились в одном: никаких признаков того, что вражеские полчища свернули с северного пути, не обнаружено.

Когда эти новости прибыли накануне второго дня похода, Коратэль созвал своих офицеров, Килака, Джерома и Эллайена.

— Похоже, что мензойцы, — с пренебрежением произнес он ненавистное слово, — отлично поработали против драконова отродья и отважно сражались за каждую милю своей земли. Разведчики докладывают, что следам не более дня, так что, вполне возможно, твари и сейчас еще в столице Крааген Кипе.

Райнар кивнул. Остальные не шевелились. Джером отчетливо видел тени беспокойства на лицах собравшихся.

— Завтра мы присоединимся к ним, — наконец прорычал Ледрик, — и прольем драконью кровь.

— Но если хоть один мензоец попадется на дороге… — добавил Мальтик, оставив многозначительную угрозу незаконченной.

Партианские генералы хрипло расхохотались, а Джером бросил взгляд на Килака, лицо которого оставалось бесстрастным, и на Эллайена, встревоженного, как и сам он. Внутри похолодело, и юноша инстинктивно потянулся к спасительному Мечу.

— Глотните-ка, ребята, — пригласил Коратэль, поднимая кружку, — завтра нам предстоит сплясать с самим дьяволом.

Пока другие беззаботно предавались веселью, Джером разглядывал дно кружки, ломая голову над тем, как сделать так, чтобы завтрашний день не стал для него последним.

Глава 29

Каменные ноги Грейвлита тяжело ступали по гранитному полу. Плитка крошилась под огромной тяжестью, осколки разлетались во все стороны, а на граните оставались глубокие вмятины. Демон не обращал на это внимания.

Маленький и тесный коридор был заполнен грязными ящерами. Большинству тварей хватало сообразительности убраться с дороги, вжавшись в одну из многочисленных стенных ниш между колоннами, откуда они почтительно кланялись генералу королевы. Лишь немногие так увлеклись собственными делами, что не заметили его приближения и поплатились за оплошность. В конце коридора Грейвлит наткнулся на тесное сборище драконов, призванных охранять выход, а теперь обступивших пару гадов, которые, будто бойцовые псы, вцепились друг другу в глотки.

Не замедляя шага, Грейвлит прошел сквозь кольцо чешуйчатых тел так же легко, как летящий булыжник прорывает лист бумаги. Несколько ящеров зашипели и зарычали, разлетевшись в стороны, но ни один не посмел бросить ему вызов, и Грейвлит миновал их, не обращая на возню чешуйчатых тел никакого внимания. Только сцепившиеся в схватке ящеры остались у демона на пути. Приближалась опасность, один из них попытался вырваться, но второй с яростью бросился на противника, предвкушая скорую победу. Однако, сделав выпад, он сам наткнулся на каменное колено Грейвлита, поднявшееся для следующего шага. От столкновения змей перевернулся в воздухе и кинулся на обидчика.

Такой необдуманный шаг ящер никогда не совершил бы в здравом уме. Грейвлиту было все равно. Осознав собственную ошибку, взбешенный зверь оторопел от страха и принялся царапать когтями каменный пол в попытке отступления. Слишком поздно. Гигантская рука схватила змея за морду. Пальцы стиснули голову ото лба до затылка. Грейвлит без усилия сжал кулак, и череп ящера треснул. Струйки мутной крови потекли сквозь каменные пальцы. Существо издало приглушенный хрип. Генерал разжал кулак, и извивающееся тело упало на гранит.

Грейвлит прошел через открытую арку, задевая головой свод.

У входа великан осмотрелся, не обращая внимания на возню драконов, жадно набросившихся на останки собрата. Наконец он разглядел очерченный призрачным звездным светом силуэт на подоконнике в дальнем конце просторной купальни. Крошечное существо прятало голову под крыло, копаясь клювом в мягкой

шерсти, покрывавшей пурпурного цвета кожу. Грейвлит незамедлительно направился к окну.

При появлении генерала крошечный демон завершил процедуру и поднял голову, с тревогой вглядываясь в непроницаемый каменный лик. Уродец в любую секунду готов был взлететь. Грейвлит, однако же, не дал ему повода, спокойной и размеренной походкой обойдя вокруг бассейна и поднявшись на две ступеньки, которые просели под его ногами. Через мгновение он пересек комнату и оказался рядом со своим беспокойным товарищем. Блестящее слюдяное тело казалось чернее собственной тени.

Мицб.

Бесенок кивнул, отвечая на немое приветствие, и прижал крошечные ушки к черепу, напоминавшему голову летучей мыши. Зеленые глаза блестели в лунном свете.

Укрытие безопасно. Мы ждем ее.

Мицб снова кивнул. Маленький демон расправил крылья и оголил мокрую шерсть там, где он успел себя вылизать. Резко хлопнув крыльями и обнажив острые, как иголки, зубы, он соскользнул с каменного подоконника и скрылся в темноте. Перегнувшись через подоконник, Грейвлит наблюдал, как с высоты башни зверек долго планировал вниз, затем поймал поток воздуха, взмыл в высоту и полетел на север, унося с собою послание.

Великан убедился, что крылатый гонец на верном пути, отвернулся от окна и направился к выходу, гадая, задавит ли он еще кого-нибудь на обратном пути. Теперь предстояло заняться приготовлениями.

* * *

— Крепость пала, — бесстрастно объявил разведчик, — но драконы еще остались.

Джером собрался было лечь спать, уже не надеясь, что кто-нибудь из лазутчиков вернется до рассвета. Хотя ему безумно хотелось присутствовать на докладе и последующем собрании стратегов, юноша совершенно вымотался и устал. Западный партианский легион под командованием Коратэля совершал по восемнадцатичасовому переходу в каждый из двух прошедших дней. Джерому и его спутникам предоставили коней, но утомление сказывалось, ведь они провели в дороге двое суток. Джером упорно сидел с остальными у костра, ловя обрывки разговоров и стараясь отвлечься от ледяной тяжести в желудке.

Глаза щипало, веки отяжелели. Слушая мирное потрескивание костра и приглушенный говор товарищей, он прилагал все силы, чтобы не заснуть на месте.

После прибытия гонца он оживился, придвинулся ближе и забыл об усталости, которая уступила место тревожному ожиданию. Джером чувствовал себя преступником, ожидающим оглашения приговора.

— Сколько их? — спросил Коратэль. Его бронзовая кожа казалась в лунном свете бледной и бесцветной.

Лазутчик, мальчишка лет пятнадцати, покачал головой. Он оглядел собравшихся и снова обратился к главнокомандующему.

— Мы насчитали около четырех или пяти тысяч тварей вокруг стен. Внутри, похоже, еще тысяча или больше.

— Что с пленниками? — Джерому не удалось скрыть отчаяния в голосе. Коратэль бросил на него недовольный взгляд, прежде чем вернуться к разговору с лазутчиком.

Мальчишка покачал головой.

— Мы ничего не заметили. Правда, они могут находиться в самом городе.

— Почему войска не идут дальше? — проговорил генерал Джейзин, не обращаясь ни к кому конкретно.

Коратэль отмахнулся от вопроса, продолжая допрос лазутчика.

— Ты говоришь, город уцелел?

— Практически, да, — подтвердил мальчишка. — По сравнению с остальными крепостями, которые мы видели. Они как будто решили там поселиться.

— Но зачем? — негодовал Джейзин.

— И надолго ли? — добавил Мальтик.

— Не имеет значения, — прорычал Ледрик. — Они остановились. Зашли так далеко на север, как смогли. Теперь они прямо перед нами, и если мы нанесем удар…

— Возможно, они что-то замышляют, — нахмурился Лар.

— Ледрик прав, — вмешался Коратэль, поддерживая общий курс совещания. — Некогда рассуждать. Если мы решились, надо действовать немедленно.

— Ты же не предлагаешь начать осаду? — язвительно заметил Райнар. — Битва в открытом поле и без того вызов достаточно смелый.

Коратэль сделал вил, что не расслышал, и задумчиво почесал подбородок. Джером разволновался не на шутку. Главнокомандующий вновь обратился к разведчику.

— Ты говоришь, они расположились в основном вокруг города?

— Да, генерал.

— А ущелье?

— Свободно. На холмах тоже никого нет.

Генерал Джейзин снова нахмурился.

— Они не заняли высоты?

— А зачем? — сообразил Райнар. — У них нет артиллерии, нет возможности атаковать с расстояния.

— И все же, отказаться от такого преимущества… — Джейзин позволил слушателям самостоятельно завершить его мысль.

— Никто не знает, что мы здесь, — напомнил Килак. Паренек удобно разлегся на бревне, скрестив вытянутые ноги и сложив перед собою руки. Он низко опустил капюшон и лежал так неподвижно, что казался спящим. — У них определенно нет ни одной причины опасаться нападения.

Некоторые из генералов натянуто улыбнулись. Напряжение несколько рассеялось, кое-кто даже уселся поудобнее. Как всегда, чувствуя, что ему чего-то не хватает, Джером поглядел на Эллайена. Судя по лицу охотника, он понимал не больше самого Джерома.

Коратэль наклонился вперед, глаза его грозно сверкнули.

— Начнем на рассвете.

* * *

Сонное солнце поднялось на востоке. Джером занял место между главнокомандующим Коратэлем и Килаком Кронусом у входа в зубастую пасть Гиблого ущелья. Тени наконец отделились от предметов. В трех милях на севере показались остроконечные силуэты строений Крааген Кипа. Сердце поселения считалось неприступной цитаделью. Город расположился на плато среди бесконечных холмов северо-восточной Пентании. Единственная дорога вела к высокой площадке в дальнем конце ущелья. Ее называли Аркой Хаакона. Над глубоким каньоном нависал природный скальный вырост — остаток более прочной породы, чем известняк, размытый за бесчисленные столетия течением реки. Джерому рассказали, что насчитывалось множество подобных природных мостов, вроде возвышавшейся впереди арки. Но они были уничтожены и сброшены в пропасть, их редкою красотой пожертвовали ради нужд обороны. И теперь, разглядывая открывшийся перед ним пейзаж, Джером без труда понял, почему так поступили местные обитатели.

Сохранив только Арку Хаакона, защитники города оставили единственный проход к Крааген Кипу. Путь этот лежал через

Гиблое ущелье между двумя холмами, сплошь поросшими густым и колючим кустарником. На отвесных склонах поджидали бесчисленные ловушки. Глубокие расселины были присыпаны камнями, готовыми покатиться от малейшего шороха или движения. Изрытый за века землетрясениями, оползнями и ветрами, ландшафт этот представлял собой природное оборонительное сооружение. Войско неприятеля неизбежно попадало к Даггерскому каньону, который пролегал под Аркой Хаакона. Сам каньон — глубокое и отвесное ущелье — некогда был руслом древнего притока реки Ллорнел, которое пересохло много столетий назад, когда течение изменилось после череды ужасных землетрясений. Единственным путем через непроходимый каньон оставалась Арка Хаакона и ведущее к ней ущелье.

Поход через ущелье грозил верной смертью. Название его пошло со времен гибели Айскина, напоминая о первых днях отделения Мензо, за девяносто лет до формального признания его независимости Лигой людей. Тогда, три столетия назад, партианский король Айскин повел войско на северные земли, намереваясь отвоевать их у Хаакона, короля Мензо. Его армии успешно продвигались, пока не дошли до ущелья, оказавшись на пороге молодой крепости Крааген Кип. Решив прорваться вперед и осадить столицу Мензо, король Айскин воевал три лютых зимних месяца, но так и не сумел преодолеть узкого ущелья. Под беспощадным обстрелом укрепившихся на высоких склонах мензойских бойцов, вынужденный пробираться по враждебной и незнакомой земле и одновременно защищать подводы с продовольствием от противника на юге, воинственный король с самого начала был обречен на поражение. В конце концов, продвинувшись не более чем на сотню шагов по трехмильному ущелью и потеряв половину войска, он отказался от попытки и отправился обратно. Айскин поклялся вернуться весной, но умер от ранений по дороге домой. В последующие годы партианские войска никогда не подходили к ущелью ближе, чем на двадцать миль.

Очень обнадеживающая история, как раз к случаю, заметил Коратэль. Вся штука состояла в том, чтобы правильно использовать особенности рельефа. Главнокомандующий разработал план успешной операции, потому как драконы, несмотря на свою хитрость, пренебрегли необходимостью обезопасить рискованный участок земли и занять высоты. Склоны ущелья со всеми траншеями и канавами оказались в распоряжении партианцев. На этот раз именно они, а не противник, займут позицию бесспорного превосходства. Только

это преимущество, очевидно, мало помогло мензойцам в борьбе с драконовым отродьем, угрюмо заметил Джером. Коратэль поспешил дать пояснения.

Базовая стратегия партианцев оттачивалась веками, пока не стала привычной практикой. Несмотря на численное превосходство более чем в четыре раза, драконово войско было менее дисциплинированной силой. Скорее всего, драконы потеряют преимущество, если армия их растянется по всему ущелью. Когда это произойдет, дивизии Коратэля, закрепив за собою позиции на склонах, ринутся вниз из укрытий и окружат противника с обеих сторон. Лучники будут использоваться исключительно для прикрытия. Стрелы вряд ли причинят серьезный вред драконам, только разозлят и отвлекут их внимание от пехоты. Судя по количеству сломанных стрел и копий, усыпавших перевал, в этом и состояла ошибка мензойцев. Необходимо было не дать вражеским силам компактно сосредоточиться и, нападая, не упустить фактора неожиданности. При благоприятном стечении обстоятельств, заявил Коратэль, войско его одолеет тварей, так что те и опомниться не успеют.

Следовательно, у них появлялся шанс.

Тщательно выверенный и просчитанный план, встреченный в основном положительно, не вызвал возражений даже у первого генерала Ледрика. Проект казался здравым и многообещающим настолько, что Джером спокойно проспал те несколько часов, что оставались до утра. Однако теперь, окутанный холодным туманным рассветом, оценивая не карту или схему, а истинное положение вещей, юноша растерял уверенность. Грозные черные тучи нависли над Крааген Кипом. Ни один солнечный луч не проникал в ущелье. И хотя драконы давно сожрали мертвых — а, может быть, и живых — земля была багровой от пролитой крови. Каньон утонул в глубокой и горестной тишине, недвижимой, словно стоячая вода. Джером невольно задумался об истории бесконечной резни и бойни, давнишней и вчерашней. Видно, место это не зря прозвали гиблым.

Когда свет стал ярче, Джерому удалось разглядеть движение на плато. Драконово отродье, догадался юноша. Город кишел множеством отвратительных черных гадов, которые походили на мух, облепивших разложившийся труп. В воздухе укоренилась тошнотворная вонь слизистых чешуйчатых тел, напоминавшая запах гниющей человеческой плоти. Джером сморщился от омерзения и потянулся к Мечу в поисках поддержки и силы.

— Расслабься, приятель, — прозвучал голос сзади. Джером обернулся. Килак пристально смотрел на него. Потом он подмигнул и улыбнулся. — Я буду рядом.

Джером напустил на себя решительный вид, хотя внутри у него все переворачивалось.

— Полковник!

Джером чуть не подпрыгнул от звуков голоса главнокомандующего. Коратэль обращался к командиру кавалерийского батальона, который должен был вести первую атаку через Арку Хаакона и заманить противника на юг в Гиблое ущелье. Полковник, бывалый солдат с редеющими волосами и сединой в бороде, один из тех, кто оставался безымянным для Джерома, пришпорил коня.

— Слушаюсь, генерал.

— Действуйте по моему сигналу.

Полковник кивнул. Джером старательно всматривался в профиль солдата, пытаясь разгадать хоть какие-нибудь чувства на его лице, но так и не уловил признаков волнения.

Они продолжали наблюдать за северным склоном с относительно безопасной позиции у входа в каньон. Пятая дивизия скрылась за их спинами в скалах и деревьях заросшего холма, приготовив отлаженные машины к бою. Джером всматривался в склоны ущелья в поисках четвертой дивизии, но ничего не обнаружил. Обманчивая тишина тревожила юношу. Наконец первые солнечные лучи озарили гребни восточного холма и осветили ущелье. Коратэль дал приказ к началу первого этапа атаки.

Полковник повиновался команде, призвав свои отряды к наступлению. Всадники различного возраста и званий размеренным шагом проехали мимо Джерома — отряд более двенадцати сотен, довольно внушительный, чтобы выманить врага, но достаточно компактный и быстрый, чтобы уйти от преследования. Воины рядами двигались по ущелью, сохраняя строй, несмотря на многочисленные препятствия и ухабистую землю. Обычно ровная и людная дорога на перевале оказалась завалена обломками с холмов, осколками валунов и деревьями, с помощью которых мензойцы пытались остановить атаку драконов. Девятый кавалерийский батальон перемещался, однако, легко и беспрепятственно. Закашлявшись в поднятом всадниками облаке пыли, Джером обернулся на Коратэля, который с нескрываемой гордостью смотрел вслед своим солдатам.

Не успел батальон преодолеть и половину ущелья, как драконы встретили нежданных гостей удивленным и голодным визгом, предвкушая скорую добычу. Шипение и вой наполнили воздух, эхом промчавшись по Даггерскому каньону. Ящеры стряхнули оцепенение и жадно устремились навстречу

противнику.

К ужасу и изумлению Джерома девятый кавалерийский батальон не повернул назад и не нарушил размеренного шага, когда на него покатилась яростная черная волна. Драконы ринулись на Арку Хаакона, будто поток сквозь трещину в плотине. Волна кипела и бурлила у входа в ущелье, набирая силу и скорость. Языки пламени вырывались из отвратительных глоток, обдавая огнем и без того выжженную траву, кустарник и почерневшие камни. В небо устремились струи дыма — дыхание сотен живых костров. Оставалось только надеяться, что не разразится большой пожар. И хотя легенды и песни поэтов и менестрелей часто звучали фальшиво и преувеличенно, Джером не мог отрицать, что надвигающая армия огнедышащих драконов имела невероятное сходство с бушующим морем — чешуйчатые тела извивались и сталкивались, будто прибой под черными грозовыми тучами.

Подобно стайке муравьев, девятый батальон продолжал двигаться навстречу готовой обрушиться волне. Казалось, солдаты не замечали угрозы, не видели тени вздымавшегося потока, не слышали его рева. Джерому захотелось крикнуть, замахать над головою руками, остановить и повернуть их назад, пока не стало слишком поздно. И только невозмутимое спокойствие окружающих — Коратэля, Райнара, их подчиненных, Килака Кронуса — удержало его от отчаянных действий. Юноша справился с нахлынувшими чувствами и застыл в седле, словно каменная статуя, внутренне содрогаясь от ненависти.

Когда полчища драконов настигли всадников, и Джером уверился, что возможность спастись безвозвратно потеряна, полковник и его солдаты пришпорили коней и устремились прямо навстречу врагу с устрашающим боевым кличем, сравнимым с ревом драконов. Зов этот наполнил сердце Джерома гневом и решимостью. Две волны столкнулись с оглушительным грохотом, будто скалы разверзлись, и если бы ужасающее и невероятное зрелище не приковало взора Джерома, юноша наверняка бы обернулся в поисках трещины в земной коре. Он прижался к седлу. Каждая мышца и каждая жилка в его теле напряглись.

Крики боли и смерти, человеческие и драконьи, поразили слух Джерома. Неизвестно, какие из них были страшнее. Одного такого крика оказалось бы достаточно, но, однажды начавшись, стоны и вопли сотрясали утренний воздух, пока не переросли в оглушительный и неразличимый шум. Каждая молния, словно стремительная колесница, уносила новую душу в поля Олириума или в подземные недра. От ужасающего грохота и рева

содрогалась земля. Не было спасения от черной бури, грозившей уничтожить все на своем пути и искалечить тех, кто дерзнет противостоять ее силе.

Джером беспомощно наблюдал за сражением в ожидании встречи с бушующим штормом. Казалось, это вот-вот случится. Партианский батальон уже отбросили назад. Джером опешил. Плотно окруженное склонами Гиблого ущелья, драконье войско оказалось не по зубам мечам и копьям девятого кавалерийского батальона. Под когтистыми лапами собственных сородичей погибло не меньше ящеров, чем от оружия партианцев. Всадники, казалось, тоже поняли это. Фланги разворачивались, а задние ряды начинали отступать, о чем тихо умолял их Джером, мечтая встретиться с врагом лицом к лицу.

Когда первое потрясение прошло и Джером ясно осознал, где находится, он вспомнил, с какой миссией он появился он здесь.

Все шло точно по плану.

— Приготовьтесь, ребята.

Удивительно, но на этот раз голос главнокомандующего успокоил его. Джером отвлекся от битвы и взглянул на Коратэля. Ни его поза, ни выражение лица не изменились с той минуты, как началось сражение. Будто неприступная скала, подумал Джером, готовая встретить шторм, безжалостные ветра и молнии. Юноша посмотрел на Килака, который, подобно Коратэлю, неотрывно следил за угрожающим развитием событий. Даже в такой момент на его мальчишеском лице не было и следа напряжения или беспокойства. Их с Коратэлем объединяла врожденная невосприимчивость или, может быть, холодный и верный расчет. Как бы то ни было, Джером восхищался их силой и целеустремленностью, за которыми, как за непробиваемым щитом, исчезали все страхи и неуверенность.

Джером вновь обернулся к полю бит вы, закрыв глаза и сосредоточившись на силе Меча. Крепко сжав рукоять, он ощутил потоки энергии, кружившиеся алым пламенем и жаждущие вырваться на свободу. Если остальные были готовы встретить весь этот кошмар без всякой поддержки, как мог он оправдать собственное малодушие, обладая магической силой?

Джером открыл глаза. Всадники девятого батальона отступали. Люди и кони в ужасе неслись по Гиблому ущелью. Часть авангарда, теперь оказавшаяся в последних рядах, атаковала врага, чтобы остановить преследование. Вся процессия преодолела уже около половины пути и быстро приближалась. Как и рассчитывал Коратэль, драконы, ослепленные яростью и не замечавшие опасности, поневоле выстроились в одну линию. Генерал Райнар и его артиллерийский батальон подвезли

баллисты, чтобы закрыть южный выход и запереть противника в ущелье, где передовые дивизии готовились уничтожить врагов. Каждый должен был сыграть отведенную ему роль, в том числе и неприятель.

Взяв себя в руки и убедившись в твердости своего духа, Джером ждал врага.

* * *

Грейвлит стоял на крепостной стене цитадели, которую приготовил для своей королевы, и осматривал близлежащие земли. Сплоченность людей в борьбе против драконов едва ли могла удивить. Первый этап плана и был рассчитан именно на то, чтобы слабая и беззащитная цивилизация напрягла все свои силы, загодя предупредив о возможной опасности королеву и союзников, которых она поведет за собою. Прошла целая неделя безжалостного и поголовного истребления людей, но Грейвлит пока не увидел ни одной стоящей причины для беспокойства.

Странным казалось лишь то, что удар решила нанести такая крошечная и жалкая армия. Встревоженный первой атакой и ответом собственного войска, Грейвлит незамедлительно поднялся на стену, чтобы определить источник опасности. Генерал королевы заметил людей в ущелье, которое разрезало южные холмы за каньоном. Охваченные страхом, они повернули коней и бросились прочь, преследуемые драконами. Возможно, просто отчаянная попытка. Но по опыту Грейвлит знал, что разъяренный зверь вряд ли с легкостью обратится в бегство. Отступление или борьба — это обычный выбор. А тут, казалось, неестественная смесь того и другого, что и насторожило Грейвлита.

Еще мгновение генерал наблюдал за так называемой битвой. Драконы королевы устремились на юг, преследуя людей, будто бешеные волки, гнавшиеся за добычей. Всадники, однако же, отступали совсем не так проворно, как могли бы. Многие вообще останавливались и давали отпор, не представляя, впрочем, настоящей угрозы войску драконов. Несмотря на могущество и разум своих создателей ящеры руководствовались самыми примитивными потребностями и инстинктами, которыми даже Грейвлиту временами нелегко было управлять. Теперь у него возникло подозрение, что драконов попросту водят за нос.

Невиданная сила и жестокость Грейвлита не мешали ему оставаться существом куда более смышленым и хитрым, чем камень, которым он казался. Великан редко позволял инстинктам

затмить суждения разума. Грейвлит всматривался в высокие холмы в поисках притаившейся угрозы, но так ничего и не увидел. Однако же там, куда стремительно продвигалась битва, он разглядел движение в скалах и деревьях южного выхода из ущелья, до которого оставалось еще несколько миль. Не заметив ничего определенного, Грейвлит все же убедился, что войско его вели в западню. Опасна ловушка или нет, ясно не было, но генерал, ожидавший, что королева вот-вот получит от него вести о благополучном положении дел, не намеревался рисковать.

Стой же легкостью, с которой люди пользовались языком гортанью, Грейвлит сосредоточился и отдал мысленный приказ драконам вернуться.

* * *

— Что случилось? — спросил Джером.

Неожиданно ящеры замедлили погоню, а потом и вовсе остановились в миле от южного края ущелья.

Джером ожидал ответа Коратэля на мучивший каждого вопрос.

— Почему они остановились?

Но главнокомандующий лишь нахмурился. Драконы не зашли достаточно далеко, чтобы отправлять в бой дивизии. Вражеское войско остановилось без какой-либо видимой причины пли объяснения, однако же последствия не оставляли сомнений. Ряды противника становились плотнее. Подкрепление заполняло бреши, оставшиеся после яростного и слепого броска. Черные тела стояли сплошной стеной. Новые драконы дружно подтягивались к основным силам, не мешая своим сородичам и держась за спинами тех, кто оказался на передовой линии.

Пока Джером терялся в догадках, драконы начали поспешно отступать, шипя и рыча от гнева, скорее пятясь, чем поворачивая назад. Лишь несколько тварей, не обращая внимания на остальных, ринулись в атаку на бойцов девятого батальона. Всадники набросились на врагов, рубя и круша чешуйчатые тела. Но вражеские полчища уже отхлынули назад, будто волна, пойманная на бегу отливом. План Коратэля закончился неудачей, не успев принести ожидаемые плоды.

Выжившие всадники девятого кавалерийского батальона обменивались растерянными, непонимающими взглядами. Предчувствуя угрозу, они развернули отряды, намереваясь вновь атаковать противника. Но драконов не удалось затянуть в погоню. Чудища спокойно отбивались, удерживая людей на расстоянии.

— Должно быть, что-то пронюхали, — предположил Коратэль, не отрываясь от подзорной трубы. — Боюсь, они ускользнут от нас.

Килак нахмурился.

— И все-таки почему они отступили?

В этот момент несколько ящеров вскарабкались вверх по склонам холмов. Они явно что-то разыскивали. Сердце Джерома бешено застучало в груди.

— Если они обнаружат передовые дивизии, нам конец, — язвительно заметил Килак.

— Генерал! — резко воскликнул Коратэль, обращаясь к Райнару. — Можем мы ударить сейчас?

— С расстояния в милю? — возмутился пятый генерал. — С такими-то машинами? Ни единого шанса.

Коратэль зарычал, признавая поражение своего кавалерийского батальона в попытке выманить драконье войско из укрытия.

— Необходимо привлечь их внимание. Чем угодно заманить дальше в ущелье!

— Может быть, это сработает.

Слова слетели с губ Джерома раньше, чем выраженная в них мысль успела принять четкие очертания. Когда главнокомандующий взглянул на юношу, тот уже держал высоко над головой Меч, купаясь в алом сиянии.

Коратэль казалось, не очень обрадовался.

— Это оружие должно служить нам знаменем. Мы не можем позволить тебе ввязаться в бой и нарваться на верную гибель.

Джером упрямо устремил взгляд на север вслед удалявшейся буре.

— Послушайте, я — единственная приманка, которая у вас осталась.

За стальным и непроницаемым взглядом Коратэля скрывался вихрь мыслей. Он также посмотрел на север, оценивая расстояние между рыскавшими по склонам драконами и позициями своих дивизий.

— Пойдем вместе, — наконец согласился главнокомандующий. — Килак?

— Только прикажите, генерал, — ответил паренек. Глаза его горели.

Коратэль обратился к Райнару:

— Прежнее распоряжение остается в силе. Приготовить батальоны для прикрытия нашего отступления. — Главнокомандующий обернулся к своему личному кавалерийскому батальону из двухсот пятидесяти всадников. —

Сержант, жди моего сигнала.

Командир беспрекословно передал приказ бойцам. Сердце Джерома немного успокоилось, но он продолжал ощущать дрожь и волнение. Даже с Мечом в руках юноше никак не удавалось взять верх над страхом и недобрым предчувствием. Он хотел видеть Эллайена рядом, а не на вершине восточного холма, в засаде отряда лучников. Более никто не мог предостеречь его от неразумного решения.

Коратэль, должно быть, усомнился в Джероме. Он повернулся к юноше и сурово спросил:

— Ты готов?

Джером изобразил самую грозную гримасу, на которую был способен. Тело его казалось марионеткой, которая плясала по чужой воле.

— Мы тратим время, генерал.

— Тогда приведем сюда этих тварей, — пробормотал Коратэль. — Крюк и лебедку! — раздался громогласный командирский клич. — Слушай мою команду. — Главнокомандующий обернулся на сержанта и незамедлительно получил знак готовности. Тогда он поднял меч, набрал в легкие воздуху и издал громкий и нескончаемый крик:

— Партианцы, вперед!!!

Коратэль пришпорил коня, увлекая за собою остальных. В какой-то момент Джером чуть не затерялся в волне всадников, хлынувшей из-за спины. Юноша удержался в седле и ударил в бока своего коня, который, как стрела с натянутой тетивы, сорвался с места и помчался навстречу судьбе.

Глава 30

Следующие несколько минут показались Джерому кошмарным сном, от которого он мог и не проснуться. Юноша вцепился побелевшими пальцами в поводья. Лошадь во весь опор летела по ущелью, стремительно и резко уворачиваясь от рытвин и обломков. Мир вокруг проносился бесцветными и туманными полосами. Каким-то чудом конь вынес Джерома на передовую, остановившись рядом с главнокомандующим. Восстановив равновесие, юноша выпрямился в седле. Его вынесло вперед, словно пену на гребень вздымавшейся волны. Алый Меч ярко горел в его руке, будто чувствуя страсть и желание Джерома, проникаясь силой его чувств, насыщаясь ими. Свет Меча разрезал темноту. И тени, укрывшиеся в ущелье, и тучи сомнений, затуманившие его разум, отступили. Джером более не ощущал ничего кроме жаркого сияния.

Перед юношей возникла шипящая, огнедышащая черная стена. Джером закричал, и эхо его клича переросло в оглушительный рев сотен глоток, придавая ему сил и решимости. Туман перед глазами рассеялся, на черной стене сверкнула блестящая чешуя, бесчисленные когти и клыки…

Не успев толком понять, что делает, Джером ворвался в ряды противника. Твари завизжали, и только тогда юноша заметил, что размахивает и рубит Мечом. Языки пламени каждый раз окутывали клинок, когда он проникал сквозь панцирь противника, уничтожая скрывающуюся в нем жизнь. Джером вел солдат далеко вглубь вражеских рядов, и ящеры разбегались и пятились, будто тараканы, напуганные ярким светом. Джером рвался вперед, ослепленный волнением и страстью, которых никогда не знал прежде.

Странная тишина воцарилась в ущелье. Несмотря на визг, крики и грохот битвы, Джером оказался в глухой безмолвной яме, голова звенела от ужасного и тревожного предчувствия. Ощущение это продолжалось лишь мгновение, а затем невидимые титанические силы сдвинулись, словно с треском лопнула плотина.

Драконы обступили Джерома, окружив его высокой монолитной стеной. Чудовища набросились так неожиданно и стремительно, что Джером оцепенел от ужаса и прижался к седлу, не в силах сообразить, что сейчас произойдет.

Конь заржал и встал на дыбы, отбиваясь копытами от черных ящеров. Одной рукой Джером вцепился в поводья, а другая двигалась самостоятельно, словно по собственной воле. Он

разрубил напополам одного дракона, потом второго, и сам не понимал, как ему это удалось. Инстинкт или, вероятно, сказались годы тренировок. Врожденная или приобретенная, но реакция спасла Джерома. Конь его развернулся, приготовившись к бегству.

Внезапно Джером понял, что обратный путь отрезан. Коратэль и другие воины остались за чешуйчатой черной стеной. Джером слишком поздно вспомнил, что они должны были увести противника за собой, а он в азарте боя прорвался дальше, чем требовалось, и оказался отрезанным от товарищей. Он остался в одиночестве на крошечном острове, на который надвигалась смертоносная волна.

Инстинкт вновь возобладал над разумом, и Джером, пришпорив коня, ринулся в сторону Килака и остальных, яростно расчищая путь Мечом. Драконы прорывались, но так и не смогли приблизиться к нему. Огнедышащее дыхание наполняло воздух едким серным дымом. Ящеры толпами набрасывались на юношу и погибали мгновенно.

Джером пробился сквозь отрезавшую ему путь стену и тут же увидел удивленное мальчишеское лицо. Не говоря ни единого слова, Килак развернулся, и они погнали коней через ущелье.

Драконы устремились вслед за Мечом, как мухи, учуявшие падаль. Джером на ходу оглянулся на всадников Коратэля. Остатки девятого кавалерийского атаковали с флангов. Бледные лица солдат блестели от пота. Драконы посыпались с холмов, бросив поиски передовых дивизий и обратив весь гнев на обладателя Меча. Джерома все случившееся вполне устраивало — Алый Меч, судя по всему, оказался именно той приманкой, которую они искали. Первое потрясение от встречи с древним оружием прошло, и драконы вновь пустились в погоню, растянувшись по ущелью. План Коратэля сработал.

Доживут ли они до главного сражения, оставалось под вопросом. Джером чувствовал, что конь слабеет под тяжестью седока, слышал, как чудовища нагоняют его. Скорость их броска была невероятной. Ящеры мчались за Джеромом и его товарищами вдвое быстрее, чем за кавалерийским батальоном. Правда, тогда всадники отступали беспорядочно, периодически останавливаясь, чтобы убедиться, следует ли за ними враг.

Сейчас же Джером летел сломя голову, но с каждым мгновением расстояние между ним и ящерами неумолимо сокращалось.

Джером низко пригнулся к конской шее, поднявшись на стременах и наклоняясь вперед. Только бы удалось добраться до выхода из ущелья, тогда он окажется под защитой пятой дивизии. Достаточно времени, чтобы спокойно перестроиться и

подготовить…

Мысли о спасении мгновенно улетучились. Конь подвернул ногу в глубокой канаве и рухнул на землю. Джером перелетел через голову и врезался в спину другого всадника. Алый Меч выскользнул из его рук. Юноша бросился за оружием, задыхаясь в туче пыли. Конь заржал от боли и ужаса, но драконы уже настигли несчастное животное и моментально разорвали его на куски. Отвратительное и завораживающее зрелище чуть было не стоило Джерому жизни. Пока он в оцепенении смотрел на кровавое побоище, ящеры бросили обреченного коня и направились к юноше. Джером заметил Меч, но талисман лежал слишком далеко…

Джером ринулся к клинку, понимая, что не успеет, что он обречен. И вдруг рядом появился вездесущий Килак, сжимающий в руках два меча — длинный и короткий. Пока драконы пытались понять, что происходит, грозное оружие впилось в их тела, выпустив струи черной крови.

Однако гибель сородичей лишь раздразнила тех, кто последовал за ними. Джером ясно понимал, что это означало. Килак заслонит его от опасности, даже ценой собственной жизни. Так же, как однажды закрыл его Джером.

Не готовый принять такую жертву, он с криком схватил Меч и через мгновение оказался на ногах. Огонь талисмана устремился по его венам. Стоя плечом к плечу, друзья приготовились вместе встретить гибель.

Внезапно над их головами пронесся ветер, и земля содрогнулась от оглушительного взрыва. Джером отпрянул перед тучей пыли и обломков. В то же мгновение раздался новый взрыв, а за ним следующий. Перед каждым ударом над головою пролетали порывы ветра. Опешившие драконы медлили.

— Бежим! — выкрикнул Килак.

Лицо его оставалось невозмутимым, лишь блеск глаз выдавал волнение. Джером поднял голову к небу, где проносились огромные камни и невероятного размера копья, безжалостно сокрушавшие ряды драконов. В южной части ущелья выросли грозные боевые машины пятой дивизии. Джером живо представил себе довольную улыбку, которая, должно быть, сейчас расплывалась на суровом лице генерала Райнара.

Не успели Джером и Килак пробежать и десяти шагов, как Коратэль с колонной всадников встали стеной между ними и ящерами. Все смешалось и закружилось. Откуда ни возьмись, возникла пара лошадей, потерявших седоков, и друзья вскарабкались в седла. Большинство же солдат присоединились к ожидавшим у входа в ущелье батальонам и приготовились

встретить атаку. Джером и Килак подошли к Коратэлю. Главнокомандующий, торжествуя, выкрикнул:

— Теперь посмотрим!

Он взмахнул рукой, и войска пришли в движение. Передовые дивизии, покинув укрытия, устремились в атаку. Артиллерийский удар Райнара послужил сигналом, и солдаты ринулись со склонов четырьмя клиньями, как зубья гигантского медвежьего капкана. К удивлению юноши клинья вели в бой командующие дивизий — Ледрик и Мальтик с запада, Джейзин и Лар с востока. Пятая дивизия расположилась на северном фланге, а четвертая на юге, где и находился Джером.

Коратэль, должно быть, заметил выражение его лица.

— Люди следуют примеру, помнишь?

Джером кивнул, хотя едва расслышал слова главнокомандующего. Мыслил и чувствовал он до сих пор лишь благодаря Мечу, который даже в такую минуту успокаивал и придавал ему сил. Без талисмана Джером скорее всего давно бы поддался минутному порыву и совершил бы роковую ошибку. Было совершенно ясно, от чего зависело его чудесное спасение.

Однако поразмышлять о невероятных событиях Джерому не пришлось. Коратэль уже раздавал команды, пятая дивизия двинулась вперед, батальоны авангарда атаковали с высот. Драконье войско, растянувшееся по узкому ущелью, оказалось в ловушке. Времени на раздумья и на поздравления с отлично проделанной работой не было.

Битва за Крааген Кип началась.

* * *

Грейвлит сперва подумал, что Меч ему померещился. Мечи Азахиля был легендой. Последний из них, как предполагалось, исчез вместе с финлорианскими эльфами более трех тысячелетий назад. Даже во время первого пришествия королевы за тысячу лет до ее нынешнего пробуждения, талисманы считались забытым прошлым, древней историей. Людской род заметно ослаб и поглупел за прошедшие столетия, а ведь именно человеческая сила в свое время заставила королеву отправиться в изгнание. Совершенно невероятным казалось, чтобы представитель вырождающейся расы завладел драгоценной реликвией, а верные слуги Спитахеры не узнали об этом раньше.

Однако мотивы поведения драконов, которые бросились вслед за талисманом, не оставляли сомнений. Даже Грейвлит не сумел справиться с ослепленными врожденной ненавистью

чудовищами. Разрывая цепи его мысленных приказов, звери вновь пустились в безрассудную погоню, на подсознательном уровне узнав в Мече свое родовое проклятие. Генералу пришлось приложить все силы к тому, чтобы удержать тех немногих, что остались в городе.

С крепостной стены Грейвлит бесстрастно следил за тем, как разворачивались события. Поначалу казалось, что драконы разорвут на куски обладателя Меча, но тому необъяснимым образом удалось выскользнуть из их могучих лап. И вот капкан сработал. Не успели ящеры сообразить, что произошло, как оказались в окружении под смертоносным градом камней и копий, которым безжалостно осыпали их похожие на громадных чудовищ машины. Напуганные и взбешенные взрывами, змеи метались и ревели. Грейвлит давно подозревал, что отряды людей укрылись на вершинах. Теперь же они покинули укрытия, пещеры и ущелья. Солдаты потоками хлынули в каньон с восточного и западного холмов. Драконы попали в безнадежную ловушку.

Но взгляд Грейвлита был прикован лишь к Мечу. Наконец появилась сила, способная противостоять королеве, а вместе с нею и трофей, которым она непременно захочет обладать. Если Грейвлит принесет ей Меч Азахиля, королева, вероятно, простит своему генералу падение города и потерю пленников. Она, может статься, не посмотрит даже на то, что он позволил людишкам истребить ее драконов.

Действовать необходимо быстро. И все же Грейвлит оставался на месте, наблюдал за битвой и не отдавал новых приказов своему войску. Драконы теперь и сами догадались, куда завело их безрассудство. Единственным путем к спасению была лишь сила, а не тактические маневры. Да и Грейвлита судьба ящеров заботила гораздо меньше, чем личность таинственного обладателя Меча Азахиля. Из увиденного пока демоном можно было предположить, что человек даже отдаленно не сознавал всей мощи божественного талисмана. Будь иначе, от драконова войска давно бы мокрого места не осталось. Как это свойственно людям, он играл с силами, которых не мог постичь своим разумом.

Грейвлит увидел достаточно много. И хотя генерал уже ко всему приготовился, он не намеревался сдавать ни своих армий, ни пленников, ни крепости, тщательно выбранной в качестве нового оплота власти королевы. Он мог доверить дело драконам и лично проследить за его выполнением.

Грейвлит собрался в путь. Отшвырнув в сторону горстку драконов, стоявших на страже, великан направился к ближайшей лестнице. Камень и цемент крошились в песок под его тяжелыми шагами.

* * *

Через несколько минут стало очевидно, что пятая дивизия, несмотря на свою численность и мощь боевых орудий, не сможет долго сдерживать натиск противника. Оправившись от удивления и замешательства, драконы вновь начали ожесточенно сражаться. Урон был вовсе не столь значительным, как поначалу показалось Джерому. Катапульты и баллисты — партианцы называли их «пращами» и «стрелами» — были довольно эффективным оружием. Камни и копья давили и протыкали ящеров, словно жуков. Но драконы, как и насекомые, проявляли удивительную ловкость, разбегаясь при приближении опасности и демонстрируя молниеносную реакцию. Райнар и его батальоны нанесли несколько точных ударов, и шквал огня не стихал с тех пор ни на мгновение. Но Джером ясно начинал понимать, что этого будет недостаточно.

К счастью, пятая дивизия с самого начала должна была действовать в качестве приманки, чтобы отвлекать яростные полчища достаточно долго, пока в бой не вступят остальные отряды, укрывшиеся на склонах. В этом отношении Райнар мастерски исполнил свою роль, полностью завладев вниманием врага. Джером со злорадным предвкушением наблюдал, как под прикрытием артиллерии и лучников на холмах передовые дивизии Западного партианского легиона ворвались в бой. Их сверкающие мечи жаждали драконьей крови.

Каждый дюйм земли на холмах достался солдатам потом и кровью. Кавалерия и пехота одновременно ударили по поредевшему строю противника. Земля дрогнула. Небо разрывалось от оглушительных криков и рева. Джером, захваченный вихрем и стремительным ритмом сражения, едва замечал, что происходило вокруг. Он сидел на коне у самого края смерча, готовый встретиться с опасностью. Казалось, нагнись он чуть ближе, и его засосет в бешеный и безжалостный круговорот.

Не желая рисковать партианскими солдатами, Райнар остановил массированную артиллерийскую атаку и приказал своим людям сосредоточиться на обороне южного фланга. Основной же удар нанесли передовые дивизии. Идея состояла в том, что клинья должны были врезаться острием в строй неприятеля и, двигаясь дальше, разделить его на части. Если зубьям капкана удастся сохранить форму, то к тому моменту, когда сомкнутся западные и восточные дивизии, от врага не останется мокрого места, потому как пути для отступления с севера и юга отрезаны. Тактика была незамысловатая. В бой шли опытные солдаты, отточившие мастерство за годы

непрекращающихся войн с Мензо.

Но на этот раз противостояли им не мензойцы.

Поначалу стало казаться, что все действительно идет по плану. Жажда битвы, охватившая сердца воинов несколько дней назад во время выступления из Ливена, не угасла до сих пор и сыграла решающее знамение, изгнав страх и сомнения. Партианцы имели несомненное стратегическое преимущество, как позиционное, так и техническое. Легкие мечи, цепы и кинжалы уступили место пикам, булавам и топорам — оружию достаточно тяжелому, чтобы прорубить чешуйчатую драконью шкуру. Прочные стальные панцири заменили кольчугу и кожаные доспехи, которые не могли спасти от острых когтей. Практически во всех отношениях войска пожертвовали мобильностью ради боевой мощи, и риск, судя по всему, себя оправдывал.

Но первое впечатление было обманчивым. Сперва опешившие от неожиданного удара с обеих сторон, драконы скоро оправились. Все чаще зубья боевых клиньев редели и теряли остроту, наткнувшись на неистовое сопротивление. Те, кто не погиб на месте, вынуждены были остановиться и отступить к более плотному строю позади. В считанные мгновения наступление, которое стоило им таких трудов, захлебнулось в безудержной драконьей ярости.

Джером находился на относительно безопасной позиции командного состава Коратэля. Поглощенные жестокой битвой драконы больше не вспоминали о Мече. Те немногие, кому удалось прорваться вслед за юношей, были разрублены на куски или уничтожены боевыми орудиями Райнара. Находясь далеко от основного места сражения, Джером с его отсутствием боевого опыта с трудом понимал, что происходит. Поэтому он следил за меняющимся выражением лица Коратэля. Еще недавно глаза его горели непреклонной уверенностью. Теперь же главнокомандующий Легиона побледнел, предвидя неизбежное поражение.

Капкан не выдержал. Несмотря на численное преимущество, передовые дивизии несли тяжелые потери. Только отряды Ледрика на северном конце ущелья достигли первоначальной цели, прорвавшись в самое сердце кишащего роя. Но, вынужденные противостоять подкреплению из города, они лишились малейшего шанса. Остальные же клинья были разбиты и задавлены мощными потоками драконов. Считанные мгновения назад партианские дивизии вступили в бой стройными рядами, которыми искусно дирижировали опытные командиры, теперь же они захлебнулись, растворились в бессмысленном хаосе неистовой бойни.

— Генерал! — рявкнул на Райнара Коратэль.

— Сэр!

— Огневое прикрытие только по моей команде. Всем войскам приготовиться к наступлению.

Офицеры немедленно передали распоряжение главнокомандующего по цепочке. Звоном мечей и лязгом доспехов встретили солдаты новый приказ, приготовившись вступить в бой.

— Пора и вашему оружию сказать свое слово, — сказал Коратэль.

Джером проглотил сухой ком в горле, но с удивлением заметил, что совершенно не испытывает страха. Меч защитит юношу, как и раньше. Разве не для битвы освободил он древний талисман из подземной могилы? Ради этого момента Джером пережил все опасности и невзгоды. Судьба уже помогла ему преодолеть столько препятствий и добиться многого. Неужели в решающий час он потерпит неудачу?

Джером наблюдал, как заградительные артиллерийские отряды Райнара расступились, открыв дорогу наступлению Коратэля. Пятый генерал плевался и рассылал во все стороны проклятия. Его боевые орудия прекратили огонь, а пусковые механизмы были сняты с взвода при заряженных стволах. Райнара никак не устраивала роль наблюдателя, он рвался в бой — полная противоположность тому, что чувствовал Джером. Но и для того, и для другого было слишком поздно что-то менять.

В следующее мгновение прозвучала команда, и Джером помчался навстречу битве. На этот раз не осталось ни секунды на замешательство. Юноша получил четкий приказ: ворваться в ряды противника, уничтожить как можно больше неприятелей и сплотить дрогнувшие сердца воинов. Дать им надежду, силу. Принести победу.

Стиснув зубы, Джером беспрекословно ринулся выполнять задание. Он окунулся в бурлящий поток врагов, встретивший его появление в ущелье ревом. Драконы устремились навстречу обладателю Меча. Где-то в отдаленном уголке сознания, где разум укрылся от испепеляющего пламени гнева, Джером надеялся, что это даст войскам Коратэля шанс. Он отвлечет внимание чудищ от передовых дивизий и вызовет огонь на себя, пусть даже и ценой жизни.

Конь почти сразу повалился на землю под ударами безжалостных когтей, но на этот раз Джером крепко держал Меч в руках. Он быстро поднялся на ноги, размахивая оружием и расчищая площадку вокруг себя. Ручьями полилась кровь тварей, которые осмелились подойти слишком близко. Джером

неуклонно продвигался вперед, без устали орудуя Мечом, божественный огонь которого звенел в его венах. Лихорадочная спешка не затуманила, однако, его сознания. Он упреждал атаки неприятеля раньше, чем они совершались, реагируя на выпады драконов со скоростью мысли. Молодой Фейзон вновь ощутил, как сам становится орудием Меча, словно талисман чувствовал цель и лучше всех знал, как ее достичь. Джером теперь ясно понимал, что именно силы талисмана, а не годы упражнений, вели его сквозь ряды неприятеля. Он с легкостью наносил точные удары в любом направлении, защищался от самых молниеносных атак. В какой-то момент юноша поскользнулся и упал, но, не задумываясь, перевернулся и насквозь пронзил устремившегося на него дракона. Помимо его собственной воли Меч вел Джерома сквозь тьму чудовищ с точностью и рассудительностью, которых юноша и представить себе не мог.

Неоценимой была и помощь Килака. Вооруженный необычайной ловкостью и смертоносными клинками, неподражаемый боец обратился в ураган, сметавший все на своем пути. Одновременно атакуя троих драконов, он успевал увернуться от когтей и зубов и неизменно поражал цель. Разъяренные, но медлительные драконы наносили десятки неимоверных по силе ударов, которые прикончили бы любого смертного, что превращало танец Килака в тяжелую и опасную работу. И все же, сжимая в руке Меч Азахиля и укрывшись за Килаком как за щитом, Джером без промедления и страха двигался вперед, желая в душе, чтобы враги подошли ближе.

Вслед за Джеромом шел Коратэль и его воины, методично разрушавшие ряды противника. И хотя Коратэль не мог сравниться с Килаком в скорости и ловкости, он ни на миг не прекращал движение. Остановиться и перевести дух означало дать врагу возможность нанести тебе удар сзади. Командующий и его бойцы непрерывно рубили и резали, кололи и били, защищаясь от ударов противника. Собрав в кулак всю мощь своих тел и сердец, они сохраняли собственные жизни и жестоко карали неприятеля.

Бесстрашные воины впервые встретились с врагом, которого нельзя обратить в бегство, только уничтожить. Джером тревожился за своих товарищей. В конце концов, ни один человек не может бесконечно размахивать оружием.

За исключением самого Джерома. Рука его не уставала наносить безжалостные удары. Меч вновь и вновь впивался в чешуйчатые тела с той же неистовой силой, что и в первый раз. Плечи не болели от усилий. Легкие не горели от нехватки воздуха. Джером разделил с талисманом его чудесное

могущество, сосредоточившись лишь на мастерстве, обладателем которого вдруг стал, введя в бой магическое оружие и следуя за Мечом, уничтожавшим врага с непостижимой и смертоносной точностью.

Толстая чешуя не защитила драконов от огненных ударов древнего клинка. Ярость Джерома была сравнима лишь с мощью самого Меча. Будто ураган кружился он среди полчищ драконов. Тела падших чудовищ горами росли вокруг него. Лицо и руки Джерома были забрызганы черной кровью, от которой почернела земля. Но алое пламя после каждого удара сжигало остатки плоти и крови на лезвии. Джером надеялся, что его блеск станет для воинов лучом света, пробившимся сквозь свинцовые облака. Сверкающий во мраке древний талисман укрепит их сердца и дух, суля победу над злом.

Утреннее солнце поднялось над небосводом. Призрачные тени ущелья растаяли в ярких лучах света, но в воздухе еще кружились густые облака пыли и дыма. Догорали последние пожары. Огненное дыхание драконов, как узнал Джером, не представляло серьезной опасности. Прежде всего, языки пламени, вырывавшиеся из зловонных пастей, оказались вовсе не так велики, как юноша ожидал, и не причиняли заметного вреда солдатам в доспехах и шлемах с забралами. А во-вторых, когда дракон пятился и набирал воздуху, чтобы полыхнуть огнем, противник, как правило, успевал нанести смертельный удар. Разоренные земли и поселения Джерому уже довелось увидеть, и он ожидал самого худшего. Но, как это обычно и бывает с мародерами, действия их оказывались куда более разрушительными, когда они не встречали сопротивления, а те, кого они преследовали, давно бежали.

Джером не устал, но глаза уже начинало колоть от пота. Под его предводительством батальон прорвался достаточно далеко, встретился с рассеянными силами четвертой дивизии и уже практически добрался до третьей. Джером пока не встретил ни Лара, ни Мальтика и не знал, как обстояли у них дела. Кто выживет из тех, кому его представили перед битвой?

Оставалось только пробиваться вперед. Различая среди воя драконов человеческие крики, можно было догадаться, что отрядам на севере приходилось туго. Джерому хотелось как можно скорее добраться до них, но воины двигались все медленнее. Можно пойти самому, но какой смысл оставлять один отряд ради другого? Джером терпеливо останется с бойцами Коратэля и поведет их на север, пока они не завладеют городом и не истребят драконов, всех до одного.

Но решать обе задачи — оставаться с отрядом Коратэля и

вести его вперед — вскоре оказалось невозможным. Чудовища продолжали упорно атаковать обладателя Меча. Джером отражал нападения, но постепенно его начали отрезать от остальных войск. Следуя приказу главнокомандующего, он отступил. Отряд Коратэля старался сохранить строй и не упустить возможности продвинуться вперед.

Силы воинов таяли, вероятность успешного наступления становилась все призрачнее, пока в конце концов продвижение не прекратилось. Спутники Джерома понемногу отставали и в итоге были вынуждены остановиться. И хотя солдаты Западного легиона сражались яростно и неистово, Джером начал понимать, как малы их шансы на выживание, не говоря уже о победе. Враг попросту был значительно сильнее. Они согласились сражаться до последнего, поверив, что несколько подразделений хорошо вооруженных солдат разгромят тысячное войско драконов. Но смерть одного чудовища обходилась десятком человеческих жизней. Если не произойдет кардинальной перемены, они обречены на гибель.

Джером оглядывался вокруг в поисках нового решения, того, что могло бы сдвинуть чашу весов в их пользу. Но повсюду он видел лишь смерть и отчаяние. Враг наступал свирепо и неумолимо, и партианским войскам оставалось сражаться лишь за выживание. Джером видел это в глазах каждого солдата, наступившего на отрубленную голову или изуродованное тело соратника. Бывалые воины в ужасе пятились, когда перед ними дракон хватал за глотку товарища, зубами отрывал ему руки и ноги и с остервенением разбрасывал внутренности. Страх коварно пробрался за неприступные стены их сердец, а мысль о поражении закралась в умы.

* * *

Пятый генерал Райнар со своей позиции у южного входа в ущелье, в стороне от основной битвы ясно видел, что дух войска стремительно падает. Он более не представлял, как сумеют они перегруппироваться и начать новую атаку. Но вместе с тем не мог просто стоять и наблюдать, как его соотечественники гинут в кипящем котле смерти. Он закрыл глаза, до сих пор не веря случившемуся, но повинуясь голосу разума, поднес к губам рог.

* * *

Джером услышал печальный зов рога и мгновенно понял, что день потерян. Необходимо прорываться назад, иного пути не было.

Но Джером мечтал о другом. Сигнал лишь подтвердил то, что юноша и сам ясно видел. Он полностью доверял суждениям Коратэля и его генерал-лейтенантов, но в уме не укладывалось, что после долгих приготовлений, вопреки боевому настрою и желанию сражаться попытка их оказалась безуспешной. День не мог быть так безвозвратно потерян. Они должны победить, доказать свирепым тварям и тому, кто привел их, что не отдадут так просто своей земли. Если они признают поражение сейчас, война закончится, даже не начавшись.

Джером закричал и ринулся вперед, не обращая внимания на призыв рога. И многие последовали его примеру, с новой силой устремившись в бой. Неожиданный и дружный натиск заставил драконов отойти.

На время сражение разгорелось с новой яростью. Партианцы попытались сомкнуть ряды. Меч вспыхнул алым огнем, и спутники Джерома последовали за ним. Но драконы не уступали. Атака партианских войск захлебнулась, сил осталось недостаточно, чтобы поддержать прорыв Джерома.

Они проиграли.

Несмотря на тепло, исходившее от Меча, кровь застыла в жилах Джерома. Горло перехватило, слезы отчаяния затуманили глаза. Он остался в одиночестве. Он мог прорубать дорогу вперед, насколько хватит сил, пока черная смерть не накроет его, и в тот момент собственная судьба Джерома мало заботила. Но юноша знал, что за ним пойдут другие, и не мог хладнокровно вести их к тому же концу. С горечью в сердце Джером решил отступить.

Внезапно грохот конских копыт заглушил шум битвы. Джером остановился, не понимая, в чем дело. Он обернулся на удивленные возгласы тех, кто стоял позади, и увидел, как с юга приближалась еще одна армия. Юноша не знал, кто перед ними. Во всяком случае, войско было настроено враждебно. Изготовив копья, неизвестные всадники устремились с тыла на пятую дивизию. Новый противник отрезал все пути к отступлению.

Джером отказывался верить собственным глазам. Юноша оцепенел и опустил Меч. Он даже не заметил, как его накрыла огромная тень. Сила, равная удару кузнечного молота, отбросила его на землю. Теряя сознание, Джером увидел, как Меч выпал у него из рук и упал в грязь. Алое сияние потускло. В тот же миг целый рой драконов налетел на талисман, будто муравьи на брошенный кусочек пиши. В безнадежной попытке остановить их Джером перевернулся и увидел перед собой огромный камень. Но

скала не стояла на месте, а неотвратимо приближалась. Юноша разглядел в камне гигантское существо, будто высеченное из куска черной вулканической породы.

Огромное слюдяное чудище с блестящими зелеными глазами протянуло к нему руку. Гигантское тело его заслоняло небо. Джером беспомощно распростерся на земле, не в силах отразить нападения. Свет перед глазами померк, и он почувствовал, как каменная рука сдавила ему голову.

Джером перестал дышать, и мир исчез перед его глазами.

Глава 31

Единственный факел горел на стене. Едкий и вездесущий дым наполнял воздух. Языки пламени дерзко прорывались сквозь густую тьму, будто назойливый зверек, пристававший к громадному чудовищу. Упрямый огонек освещал коридор — толстые каменные стены и растрескавшийся пол — и бросал призрачные лучи на железные прутья камеры.

Джером зачарованно глядел на робкий танец огня. Сознание покинуло его, он не понимал, где находится. Измученное тело покрывал толстый слой грязи. С трех сторон его окружали такие же каменные плиты, как и на полу, а на месте четвертой стены виднелись массивные металлические прутья, покрытые ржавчиной. Мрачный пустой коридор освещало лишь яркое пятно факела. Джером был совершенно один.

Не чувствуя сиюминутной опасности, он с трудом поднялся и сел. В голове пронзительно и свирепо застучала боль, распространяясь по всему телу до самых кончиков пальцев. Каждая косточка заныла, раны и порезы покрывали кожу, проникали в мышцы, но Джером не мог вспомнить, когда заработал шрамы. Юноша осторожно осмотрел себя, боясь обнаружить перелом или вывих, нащупал кровь на голове, в уголке рта и огромный синяк, темным пятном разлившийся по груди. Но, несмотря на плачевное самочувствие, серьезных ранений не было.

Понемногу он пришел в себя, и в сознании возникло последнее воспоминание — Меч! Он потерял Алый Меч! Очнувшись от кошмара, Джером принялся шарить руками по грязному полу в поисках оружия. Через мгновение он закрыл глаза. Страшная мысль терзала, будто кусок стекла, застрявший в горле. Как мог он оказаться таким глупцом? Он нарушил первое правило поединка, позволив себя отвлечь, и повернулся спиной к смертельной опасности. Тяжелый урок, который дорого ему обойдется.

Платить придется и всем, кто положился на него. Семье. Друзьям. Эллайену. Килаку. Марише.

Сердце сжалось при мысли о том, что стало с каждым из них. Все погибли? Или кому-то удалось спастись? Попытаются ли оставшиеся в живых помочь, или его давно считают мертвецом? Возможно, зная правду, решили бросить его, наказать за поражение и оставить в лапах врага?

Несчастный разум Джерома захлебнулся в потоке безутешных дум. Пленник не имел представления, сколько времени он провел

в темнице и что ему делать дальше. Нельзя вырваться из застенка, не зная даже, где находится тюрьма. Скорее всего бывшего обладателя талисмана бросили в подземелья Крааген Кипа, но кто это подтвердит? Не имея возможности вырваться на свободу, что вообще остается делать?

Джером уткнулся лицом в грязные ладони. *Ты и так уже достаточно натворил,* презрительно усмехнулся юноша. Душевная пустота острым кинжалом впилась в сердце. Друзья покинули его — это самое меньшее, чего он заслуживал. Меч находится в руках драконова отродья. Джером не только попусту растратил силы древнего талисмана, но и подвел тех, кого обязан был защищать, без боя уступив священное оружие врагу.

Джером отбросил тягостные мысли. Незачем думать о худшем. Лучше понять причины происшедшего. Почему он здесь? Оказаться в плену не великое утешение, но какая участь постигла других? Слабая надежда, что тех, кого он считал погибшими, заточены в темнице, согрела его сердце. Возможно, Мариша еще жива.

Вряд ли это что-то меняло.

Размышления о потере стали самыми мучительными для Джерома. Все его прошлые победы потеряли смысл. Одно-единственное поражение уничтожило все, чего удалось с таким трудом добиться, все, чем он гордился. Возвращение Меча, казавшееся чудом, обернулось пустой и ничего не значащей победой прошлого. Жестокая проказница судьба подняла его на такую головокружительную высоту лишь для того, чтобы в итоге оставить в одиночестве.

Мучимый голодом и жаждой, доведенный до грани безумия, Джером решил не отказывать себе в единственном удовольствии выспаться. Может статься, именно во сне к нему придет какое-то решение.

Джером улегся на спину на холодном каменном полу, положив руки под голову и закрыв глаза, но его уже поджидали обрывки воспоминания о безжалостном и утомительном сражении, нескончаемые образы драконов, друзей, потерянного клинка. Все произошло так стремительно, что он не успел осознать ужас своего нового положения. Сердце разрывалось от криков боли и ужаса, от едкого запаха пота и крови, от яростного и беспощадного натиска врага, который жаждал его смерти, от бесконечной битвы — непрекращающейся кровавой бойни. Джером только теперь понял, что Алый Меч устранил все чувства и переживания, защищая его. Сжимая в руках талисман, он ощущал лишь то, что было необходимо для ведения боя. Хотя, может быть, это был вовсе не Меч, а его собственная кровь,

бешено проносившаяся по венам в те мгновения. Он только сейчас полностью оценил силу первого столкновения с войной, которая, будто разрушительный вихрь, вырвавшейся из преисподней, проносилась над землей. Она рвала его тело, словно сумасшедший неистовый ветер, ураган боли и горя, злобы и отрицания, надежды и отчаяния — и, в конце концов, смерти. Война опустошала разум и душу, высасывая из нее остатки всего человеческого.

Как люди вроде Коратэля могли заниматься подобным ремеслом? Почему заставляли себя идти в бой снова и снова, зная, какие ужасы и страдания ждут впереди? Вопрос необходимости, решил для себя Джером, непреложного исполнения долга. Бойцы закаляли твердость духа в бесконечных схватках, переставая чувствовать страдания. Положи он на это достаточно времени, и Джером рано или поздно научился бы прятать свои шрамы и раны под маской безразличия. Но в тот момент свежие раны ныли и стонали.

Джером не мог расслабиться даже на мгновение. Его преследовали кошмары. Отказавшись от дальнейших усилий, он поднялся и начал растирать затекшие мышцы. Затем пленник подошел к железным прутьям. Дыхание бледным облаком клубилось в холодном и влажном воздухе подземелья.

Что теперь? Джером обнаружил, что его противники даже не удосужились забрать у него кинжал. Что делать? Процарапать ход из подземелья, выскочить наружу и перерезать драконов? Или враги ушли, оставив пленника гнить под землей? В любом случае, слишком самонадеянно полагать, что неудачливого обладателя Меча Азахиля держат взаперти ради допроса или какой-то иной цели. Что могло им понадобиться от него, от неумелого юнца, который и без того отдал им талисман? Какой еще от него прок?

Мысли унесли Джерома в прошлое, домой, где хранитель деревни был счастливым и заслуженным человеком. Его уважали. Ему даже завидовали. Но только глупец мог подумать, что влиятельное положение в маленькой деревушке будет хоть что-либо значить в большом мире. Теперь же он был никем, другом бедного простолюдина, да и другом, собственно говоря, никудышным.

Джером страдал от одиночества. Покончив с самобичеванием, он ужаснулся тому, что скоро погибнет, так и не узнав, что стало с друзьями. Юноша покачал головой. Мысли в голове кружились каруселью, вновь возвращаясь к тому, чего он старался избежать. Лучше ему и в самом деле не знать. Теперь, когда к силе драконов прибавилась мощь Алого Меча, о каком мире могла идти речь?

Резкий скрежет железа о каменный выступ прервал его горькие раздумья. Джером отпрянул от металлической решетки. В коридоре послышался хрип или кашель, по полу заскрипели когти. В густой непроглядной тьме с грохотом захлопнулась дверь.

Сверкая масляной чешуей, из черноты возник дракон. Шестифутовый гигант выглядел еще более устрашающе в узком коридоре. Воздух наполнился мерзким зловонием. Остановившись перед камерой Джерома, ящер указал на него когтистым пальцем, повернул морду в конец коридора и зарычал.

Джером услышал мерные неспешные шаги. Все внутри похолодело.

— Оставь нас, — прошипел голос, от которого мурашки побежали по спине.

Драконьи глаза зловеще сверкнули, и ящер попятился по коридору, сверкая скользкой чешуей в золотистом свете факела. На пленника он даже не взглянул. Дверь вновь со скрипом отворилась и закрылась. Подземелье окутала тишина.

— Кто здесь? — наконец выговорил Джером больше для того, чтобы снять собственное напряжение.

Так и не получив ответа, пленник решил, что незнакомец, должно быть, последовал за драконом. Джером уже собирался вновь усесться на каменный пол, когда из темноты выплыла фигура в темных одеждах. Капюшон был откинут назад, растрепанные пряди длинных черных волос свисали на плечи, узкие желтые глаза светились в темноте. Увидев незнакомца впервые, Джером безошибочно понял, кто стоит перед ним.

Колдун.

Джером отпрянул, не успев как следует собраться с духом под пронзительным взглядом. Он и раньше представлял себе колдуна, зловещего и могущественного, с глазами, полными ненависти, сулившими лишь страдание. Но воображаемый образ теперь казался бледным отражением истины. Джером был не готов встретиться с тенью, оставшейся от человека, пустой и иссохшей, словно скорлупа. Глаза его походили на огненные бездны, глядящие из преисподней. Оцепенев от ужаса, Джером смотрел на существо, ставшее первопричиной всех его мук и страданий, которое навсегда изменило его жизнь. Перед ним стоял тот, чье вторжение заставило его отправиться в безнадежное путешествие, ведущее, в конечном счете, к погибели.

— Подойди ближе, — раздался шепот, — здесь слишком темно.

Джером и при желании не смог бы сдвинуться с места. Скованный страхом юноша не смел даже моргнуть.

Внезапно змеиная голова на посохе колдуна вспыхнула огнем. Джером вздрогнул, но устоял на ногах. Темнота отступила, и камера наполнилась жутким и неестественным сиянием.

Тонкие губы расползлись в угрожающей улыбке.

— Мой брат.

Испуганные тени бились о стены. Черные духи отчаянно искали выход. Джером едва сообразил, что значили слова колдуна, но сердце его замерло от ужаса. Юноше захотелось выкрикнуть, что это неправда, но он не смог. Подсознательно Джером понял, что колдун не лжет.

— Кто ты? — наконец удалось выговорить пленнику.

— Твой старший брат Сорик, первенец Сорла и Эллибе, наследный принц и в настоящее время — король Олсона.

Слова колдуна звучали вызывающе. Джером зачарованно глядел на Сорика, как на огромного хищника, пожиравшего добычу. Постепенно он начал осознавать и другую, ужасную, скрытую до сих пор истину, которая сводила на нет все, чего ему удалось добиться.

— Значит ты все-таки король. — Джером опустил глаза. Он был вынужден признаться хотя бы себе самому в собственных заблуждениях.

— А ты — Торин, любимчик матери, рожденный после моего отъезда. Зачатый лишь для того, чтобы стереть память обо мне. Молокосос, который должен был занять мой трон.

Джером поднял глаза. Презрительная улыбка не исчезла с губ колдуна даже теперь, когда воздух задрожал, наполнившись его гневом.

— Мне твой трон не нужен. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Если бы ты пришел ко мне раньше, — сказал колдун, — я, может быть, и пощадил бы тебя. Признал бы наше родство и взял тебя под свою защиту.

Не зная, что и думать, Джером изучал мрачную фигуру. Враг он или нет?

Колдун посмотрел ему в глаза, и Джерома обдало холодом.

— Увы, решение теперь за королевой демонов. Пощадить тебя или уничтожить, равно как и всех остальных, будет решать она.

Несмотря на бурю чувств, бушевавших у него в душе, Джером удивился появлению нового действующего лица.

— Королева демонов?

— Повелитель демонов, братец. Правительница Вечной Бездны. Порождение огня, существо из древних времен.

Джером растерянно молчал.

— Вот мы и ожидаем прибытия ее божественного величества. Во мне найдет она преданного слугу, достойного награды. А те, кто противился неизбежному исходу, познают ужас ее гнева.

Вихрь беспорядочных мыслей утих, и ответы, которые Джером искал с тех пор, как обнаружил развалины Феверрута, стали очевидными. Полчища драконов возглавлял вовсе не колдун, а некая королева демонов, чье могущество, судя по всему, было столь велико, что заставило даже такого сильного противника, как Сорик, сдаться без боя. Войска колдуна атаковали Гиблое ущелье с юга, отрезав Западному легиону путь к отступлению. Он сделал это для того, чтобы выказать свою преданность той, которая вряд ли потерпит само его существование.

— И ты станешь служить такому чудовищу? — огрызнулся Джером, обретя второе дыхание.

— Ты сам видел войско. Это малая часть сил королевы. Драконы лишь корм для ее слуг — демонов, которые беспрекословно повинуются ей. Ты даже и представить себе не можешь степень того могущества, которым обладает сама королева, божественной энергии, которой мир не видел много столетий!

Джером отпрянул от сияющего посоха. Тревога нарастала. Колдун лжет? Его слова казались безумной фантазией. Демон, возникший вдруг из прошлого и намеревавшийся пожрать весь мир и людей? Все это больше походило на ночной кошмар, на сказку, которой пугают непослушных детей. Несмотря на ужасы, которые ему довелось увидеть в последние несколько недель, Джером никак не мог поверить, что подобные чудовища действительно существуют. Но ведь ему же удалось разыскать мифический Меч Азахиля. Чем же новая история отличалась от той, которая привела его к талисману?

Меч, внезапно вспомнил Джером. Колдун ни словом не обмолвился о Мече! Огонек надежды вспыхнул в непроглядной тьме. Неужели оружие каким-то чудесным образом не попало в лапы драконов? Этим объяснялось и его заточение. Джером подивился собственному оптимизму. И что с того? Выходило, что первый генерал Ледрик оказался самым дальновидным из всех: будь у них сотня Алых Мечей, появился бы шанс одолеть врага. Но они обладали лишь одним.

— С такими возможностями, — голос Джерома невольно дрогнул, — почему она раньше не завладела миром?

Колдун усмехнулся в ответ.

— Еще успеет, братец, не сомневайся. Но знай одно. Лучше бы тебе было погибнуть от рук ее генерала. Когда прибудет

королева, ты познаешь полную меру страдания, как учил меня наш отец. Ты уже мертв, братец. Большего тебе знать не нужно.

Джером мог бы еше долго пререкаться, хотя бы для того, чтобы вы ведать у колдуна еще какие-нибудь сведения. Но новоявленный брат завершил беседу.

— Я должен идти, — прошипел колдун. — Просто хотел повидаться и заверить тебя, братец, что все твои усилия бесполезны. Мы могли бы подружиться, но ты пошел за остальными, посчитав меня жалким червем, а не законным королем. За это я тебя презираю. Ты — гнилое семя. Если бы королева не желала сделать это сама, я давно бы тебя уничтожил.

Пламя посоха дрогнуло и погасло так же внезапно, как и загорелось. Колдун — брат Джерома Сорик — тихо покинул коридор темницы.

Джером хотел окликнуть его, но передумал. Язвительные слова колдуна только подтвердили ужасную истину, которую Джером начинал осознавать. Его друзья и мир, в котором они жили, погибли, порабощенные первобытным злом. Не важно, кто вел его за собой — человек, отравленный колдовством, или королева демонов. Все усилия и победы Джерома тщетны. О чем теперь беспокоиться?

Джером с печалью наблюдай за удаляющейся фигурой колдуна. Смерть стала лишь первым шагом для этого зловещего создания, некогда бывшего его братом. Теперь он обитатель преисподней. Несмотря на страх и гнев, Джером пожалел Сорика.

Колдун скрылся из виду. Железная дверь вновь скрипнула, и Джером остался наедине с мерцающим факелом.

* * *

Она слышала, как мерзкие существа скребутся в непроглядной темноте, словно крысы. Отвратительная вонь перебивала запахи пота и испражнений тех, кто разделил с нею заточение. Густая и склизкая грязь ощущалась даже языком. Она до сих пор чувствовала прикосновения сальных лап и острых ледяных когтей на своей коже, просто она не видела их. В остальном же она не переставала ощущать постоянное присутствие своих похитителей, неустанно следивших за пленниками, — лишнее напоминание, что пути к спасению нет.

Люди сидели взаперти уже более суток без пищи. Однажды им на головы вывернули обед — корзину черной вонючей жижи с горьким запахом желчи и грязную воду. Она ела то, что смогла отскрести от своей одежды и кожи, от пола и прутьев на потолке

темницы только чтобы остаться в живых и подкрепить слабую, но негасимую надежду на спасение. Еще несколько человек попробовали сделать то же самое, но не смогли. Их тошнило. Большинство же и не пытались.

Она была одной из немногих, кто протянул так долго. Она попала в плен одной из первых и видела, как тысячами гибли невинные люди, не выдержав условий перехода. Молодым и старым приходилось шагать без отдыха, останавливаясь лишь на время, пока драконы разоряли очередной город. Есть и пить приходилось то, что было под ногами на изуродованной и выжженной драконами земле. Многим просто не хватало сил, и они отступали перед голодом, смертельной усталостью и болью.

Погибших в пути пожирали драконы. Пожирали и живых, когда те, споткнувшись, не могли подняться, или какого-нибудь ящера одолевал голод. Удивительно, но некоторые пленники до сих пор оставались живы. С каждой новой победой чудовищного войска на смену истребленным приходили новые люди. И все же общее их число постепенно, но неуклонно сокращалось.

Девушка осмотрелась, заглядывая в чужие лица. Ее знакомые давно исчезли в ненасытных глотках, и только она выжила, наблюдая, как приходили и пропадали люди. Сначала партианцы, потом мензойцы. В конце концов пленников пригнали сюда, в Крааген Кип — город, который девушка с детства знала по рассказам. Будто стадо овец, попавшее в лапы к волкам, они оказались запертыми в темной норе — в ямах для рабов и преступников. По дюжине человек сидели в камерах, которые, судя по имевшимся там кандалам, предназначались для троих. Тех, кому не хватило места, убили сразу. Для остальных же поход закончился, только легче никому не стало. Всех, без сомнения, ждала одна участь.

Она увидела грязного и обтрепанного мальчишку лет двенадцати. В его глазах угадывалась сломленная душа, лишенная последней надежды. От такой раны нет лекарства. Она постаралась напустить на себя уверенность и подбодрить мальчишку, но тут же почувствовала себя глупо, представив, как жалко это, должно быть, смотрится со стороны. Но в сердце ее продолжал теплиться огонь. Она решила выжить во что бы то ни стало и облегчить страдания людей. Знать бы только, с чего начать. Может быть, с мальчика? Найти способ унять его боль, если и не залечить, то хотя бы перевязать его раны…

Мальчик отвернулся. Пропащая душа.

Сердце Мариши Валур сжалось. Многие уходили от реальности, прятались в глубине призрачных грез в поисках фальшивого утешения. А она никак не могла укрыться от

кошмарных образов и почему-то чувствовала себя виноватой. Ее учили врачевать, и она не могла смотреть спокойно, как страдают люди. Девушка думала, что успела повидать любые телесные ранения и увечья, которые только способен вынести человек. Но никто не подготовил ее к самому страшному. Это казалось непостижимым. Она твердила себе, что это просто сон. Но кошмар не рассеивался, и Мариша вновь и вновь оказывалась в аду.

Девушка сопротивлялась желанию залезть рукой под одежду. Она не могла решиться открыть людям, откуда черпала силы, чтобы остаться в живых. Даже тем, кто уже считал себя мертвецами, хотя легкие их все втягивали мерзкий воздух.

Несчастные не перешептывались между собой из страха привлечь драконов. Они надеялись умереть раньше, верили, что когда зубы и когти начнут рвать плоть, тела их уже остынут. Единственное, на что оставалось уповать — не быть съеденным заживо и не чувствовать, как рвутся твои мышцы и хрустят кости.

Девушка притянула к груди колени и обхватила их руками, будто напуганный ребенок. Люди в темной мрачной камере точно так же прижимались друг к другу, но совсем не из-за холода. Вокруг сгустился мрак.

Внезапно темнота отступила в углы камеры, вслед за слабым лучом света послышался шорох шагов. Сощурившись, Мариша подняла глаза. Остальные замерли от страха.

Драконьи морды показались за решеткой, и люди отпрянули в испуге. Драконы остановились. Свет стал ярче, и вслед за ящерами появился человек. Посох в его руках удивительным образом сиял, не испуская дыма. Мариша изумленно смотрела на незнакомца. Что делал этот человек среди драконов?

Незнакомец некоторое время разглядывал пленников. На его бледном лице не отражалось ни единого чувства.

— Уведите.

Драконы сняли засов, открыли тяжелую железную решетку и потянули лапы за теми, кто, затаив дыхание, вжался в пол темницы. Люди тихо стонали, но позволяли драконом поднять себя на ноги и шли по невысоким земляным ступенькам.

Мариша отказалась. Она забилась в угол, притворившись, будто не слышит гневного шипения ящеров. Желтые глаза незнакомца впились в нее. Что-то в его взгляде подсказало Марише, что пришла смерть. Но раз уж спасения больше нет, девушка решила по крайней мере не идти покорно навстречу гибели.

Один из драконов прыгнул в камеру. Мариша вскрикнула, когда ящер схватил ее за руку и одним рывком поднял на ноги.

Пленница сопротивлялась, и чудовище угрожающе подняло когтистую лапу.

— Стой!

Голос незнакомца, уверенный и сильный, остановил дракона. Мариша не верила собственным глазам — невиданные чудища повиновались человеку. Глаза дракона гневно сверкнули, лапа его нависла над девушкой, словно топор палача. Дракон отвернул зловонную морду и зарычал.

Мариша взглянула на человека, повелевавшего драконами. Незнакомец улыбался, удивленный непокорностью пленницы. Девушка начала сомневаться, что перед ней стоит человек.

— Оставь ее.

Дракон зашипел и зарычал, злобно разбрызгивая слюни.

— Мы готовим пиршество. Оставим ее на десерт.

Дракон зарычал прямо в лицо Марише. Девушка уже пережила все страхи, но от тошнотворного дыхания и вида острых клыков попятилась. Ящер выпустил ее руку и, одним прыжком перемахнув через ступеньки, покинул камеру. Мариша пришла в себя, когда решетка на потолке захлопнулась.

Звон железа еще долго стоял в ушах. Она подняла голову на незнакомца, временно избавившего ее от смерти.

— Что вы сделаете с людьми? — спросила пленница. Голос ее, слабый и робкий, отразился от стен подземелья.

Незнакомец криво ухмыльнулся и исчез. Драконы последовали за ним.

Мариша глядела вслед удалявшемуся шару света, стараясь не думать о тех, кого увели прочь, о любимых, которых давно не стало. Но девушка так и не забыла единственный образ — глаза мальчика, в которых, будто сквозь открытые окна, она увидела разбитую душу.

Уверенность оставила ее, и Мариша рухнула на земляной пол. Слезы отчаяния и боли, безнадежности и горя потекли по ее щекам. *Пожалуйста, пусть это закончится,* взмолилась Мариша.

Пленница подняла глаза и прислушалась, однако не услышала возни стражников, охранявших ямы. Ее оставили одну в мрачной холодной темнице.

Медленно и осторожно она нащупала рукой цепочку на шее. Захлебываясь от слез, девушка вытащила из-под одежды то, что дало ей смелости и сил дожить до этого дня. Она почувствовала тепло на груди, и наконец в темноте загорелся комочек тусклого красного света.

Мариша быстро спрятала в руке рубиновый кулон, внутри которого мерцали языки алого пламени.

Сидя в темноте и сжимая в руках камень, одинокая пленница

плакала.

Глава 32

Не открывая глаз, Спитахера улыбнулась. Она поднялась из бурлящих вод озера и почувствовала свет на своем лице. Нет, не колдовское сияние, а свет мира, который ей так давно пришлось покинуть и отправиться в изгнание. Королева наслаждалась нежным прикосновением луны и звезд, сулившим много побед. Когда волны утихли и портал закрылся, королева продолжала лежать в их холодных объятиях, чувствуя, как колышется водная гладь и ласкает ее обнаженное тело.

Королева открыла глаза, и улыбка покинула ее лицо. Перед бассейном, как и следовало ожидать, стоял Грейвлит с кучкой драконов. Спитахера с удивлением увидела рядом с генералом человека. Мужчину. Его призрачная наружность, однако, не испугала ее. Королева знала, что Грейвлит не допустит опасности. Тем не менее Спитахера не любила неожиданностей.

Королева демонов грациозно поднялась над водной гладью бассейна. Купальня была чистой и просторной. Лучи небесных светил падали в помещение сквозь крышу и окна, отражаясь от мрамора. Новые покои оказались гораздо удобнее, чем пещера, где она провела в заточении почти тысячу лет.

Спитахера вышла из ванны по мозаичным ступенькам, повернувшись спиной к Грейвлиту и остальным. Вода, стекавшая с ее тела, собралась в лужицы на гладком мраморе. Дракон приблизился к своей королеве, подобострастно опустил голову и преклонил колени, протягивая шелковое платье. Не обращая на него внимания, обнаженная королева переступила через край бассейна, повернулась к своим слугам и остановила суровый взгляд на человеке.

— Кто этот смертный?

Человек изо всех сил старался не глядеть на королеву, но на мгновение не смог совладать с собой, удивленный волшебством, которое сделало понятным ее древнее наречие.

«Один из правителей, моя королева. Чародей с запада».

Спитахера взглянула на генерала, давшего ей бессловесный ответ. Она могла бы и догадаться. Демоны давно рассказывали о нем. Колдун, чье могущество и желания были сродни ее собственным. Один из немногих, кто представлял потенциальную угрозу ее владычеству.

— Мицб ни слова не говорил о нем.

«Он прибыл только сегодня утром, моя королева. Его армии помогли уничтожить небольшое войско, напавшее на нас».

— Значит, он ищет нашей благосклонности, — решила

Спитахера. Королева подошла к колдуну так близко, что он чувствовал ее дыхание кожей. — Но верный ли он союзник? Или же втирается в доверие, чтобы предать меня?

За ее спокойным и ровным тоном скрывалась угроза, и королева с удовольствием наблюдала смятение на лице колдуна.

Королева приблизилась вплотную.

— Слушаю тебя.

Колдун заговорил, не поднимая глаз на Спитахеру.

— Я хочу лишь служить вам.

— Разве ты не тот, кто зовет себя повелителем Олсона?

— Я рожден, чтобы стать королем. Теперь же я отрекаюсь от престола ради служения вам. — Колдун покорно и почтительно склонил голову.

Спитахера лукаво улыбнулась. Колдун говорил красиво, но никто не мог заслужить ее доверия лишь словами.

— А как же твоя победа?

— Мое право по рождению, не более. По крайней мере так я верил. Но теперь все изменилось. Мое призвание — очистить дорогу пред вашими ногами, дать миру почувствовать, что ожидает его, когда придет время вашего царствования.

Спитахера продолжала улыбаться, показывая острые зубы. Уже лучше. Даже слишком хорошо, пожалуй. Надежнее всего избавиться от него прямо сейчас, до того как у него появится шанс проявить свое лукавство. Но королева не хотела принимать поспешных решений. Колдун, без сомнения, не лишен способностей. Королева демонов всерьез удивилась, что ему удалось не только вы жить, но и прочно занять не последнее место в ее войсках. Грейвлит предпочел сохранить жизнь колдуну до тех пор, пока она сама не решит его судьбу. Вероятно, и ей следует быть сдержанной.

Первая стадия завоевания заняла всего несколько недель. Почти вся восточная часть материка была в ее власти. В темницах новой крепости томились рабы, плененные за время первого вторжения. Те, кого не успели пожрать ее детки, послужат ей самой. Половина царства теперь в ее руках, а достойного сопротивления никто не оказал. Скоро королева объявит во всеуслышание о своем пришествии. Пришло время купаться в лучах этого царства, свободного от тьмы, в которой Спитахера провела целое тысячелетие. Колдун должен доказать свою преданность, такой человек может оказаться ценным союзником, его не стоит упускать сгоряча.

«Моя королева».

— Да, Грейвлит.

«Есть другой человек, с которым вы, может быть, захотите

поговорить».

— И кто же он?

«Этот человек участвовал в битве».

— Ты сказал, войско было небольшое. Армия, которой наш колдун воспользовался, чтобы осуществить некий хитроумный план. — Королева с удовольствием наблюдала, как колдун напрягся, покрывшись потом под ее пронизывающим взглядом. — Почему кто-то другой должен интересовать меня?

«Моя королева, у него был Меч Азахиля».

Спитахера мгновенно обернулась и впилась глазами в генерала. Колдун с его коварными и предательскими замыслами был забыт. Некоторое время королева смотрела на демона, сомневаясь, не ошибся ли тот. Она со скрипом стиснула острые как бритва зубы.

— Покажи.

* * *

Джером не знал, сколько времени он провел в подземелье. Он безуспешно пытался задремать, надеясь, что, когда проснется, кошмар рассеется. Джером теребил в руках кинжал, который уже порядком затупился о камни стен, ржавые прутья и замок. Он скоро понял, что больше не будет никаких потайных ходов и зачарованных порталов. И даже если ему чудом удастся вырваться из камеры, спастись от драконов нельзя. Он в ловушке.

Факел в коридоре еще теплился, хотя огонек горел совсем низко. Должно быть, прошло несколько часов, решил Джером. Приходилось смириться с тем, что безжалостный колдун — его старший брат и наследник олсонского престола. Изгнание и лишение прав на королевскую корону, без сомнения, мало сказались на амбициях брата. Впрочем, для Джерома это не имело значения. Не будь Сорик столь безжалостен и жесток, военное столкновение удалось бы предотвратить. Сорик остался бы королем, а Джером вернулся к своей обычной жизни в Дилне. Глупо принимать желаемое за действительное. Можно с тем же успехом рассуждать, что хорошо было бы брату вовсе избежать ссылки. Или же Джерому-Торину никогда не жить в Дилне. А лучше всего вообще не родиться. И поскольку эта мысль на данный момент более остальных соответствовала душевному состоянию Джерома, он ясно понимал, насколько тщетны попытки вернуть прошлое. Выдерни одну нитку, и полотно расползется.

Скрип двери нарушил ход мыслей одинокого пленника.

Джером поднял голову, спрятав кинжал в ногах. Затаив дыхание, он ждал, кто же наведается к нему. В любом случае, гость нежеланный. Подойдет слишком близко, решил Джером, запачкает пол своей кровью.

Длинная тень скользнула по коридору. Джером выпрямился, прислонившись спиной к холодной каменной стене. Сердце забилось чаще, а рука потянулась к спрятанному кинжалу.

Но в следующее мгновение напряжение покинуло его тело, уступив место изумлению. Он увидел высокую и стройную женщину. Ее зеленые глаза сверкали, словно изумруды.

Королева демонов, догадался Джером. Она выглядела иначе, чем он ее себе представлял. Вместо чудища из глубины преисподней перед ним предстало хрупкое существо несравненной красоты. Запретная мечта, соблазнительная и манящая, облаченная в меха и шелка.

Джером не смел вздохнуть под сверкающим взглядом.

— Какой сладенький… — сладострастно улыбнулась она, — смертный…

Джером слушал слова, слетавшие с ее прекрасных, несравненных губ — и с удивлением замечал, что понимает их. Как, он не знал, потому что язык был незнакомым. Наверное, волшебство. Джером недоумевал. Как только что назвали его? Вкусным кусочком?

— Мне сказали, у тебя был меч. Особенный меч. Правда?

Джером постарался отвлечься отзвуков и сосредоточился на словах, звеневших в его сознании. Когда женщина договорила, пленник повторил ее слова еще раз, дабы убедиться, что все правильно понял.

— Говори.

Это он понял. Глотнув воздуху, Джером заставил язык сдвинуться с места.

— Я потерял его.

— Так это правда! Меч Азахиля!

Мгновение Джером не мог понять, гнев или радость охватила королеву. Спитахера приблизилась к решетке.

— Дай его мне.

Она говорила так, словно хотела утолить смертельную жажду. Джером был поражен силой ее желания и, запинаясь, едва выговорил в ответ:

— Но у меня его больше нет.

— Ты завладеешь Мечом. Ты совершил это раньше и сделаешь опять. Я буду обладать Мечом и тобой.

Джером не понимал ее. Да и не хотел. В поисках ответа пленник задумался, и его взгляд нечаянно скользнул по груди

королевы. Почему существо, не имеющее ничего общего с человеком, выглядит так соблазнительно? Джером проглотил сухой ком в горле и заставил себя взглянуть в глаза женщине.

— Нет.

— Нет?

— Я не буду тебе служить.

— Ты завладел силой, неведомой тысячи лет, могуществом самих Ха'Раша, сотворивших эту землю! — Она приблизилась к пленнику, но решетка остановила ее. — Раздели тайну со мной. Расскажи мне все. Сделай это и получишь все, чего пожелаешь.

Джером растерялся и не очень твердо представлял, как ему вести себя. Юноша только что узнал ошеломляющую новость — враг так и не завладел Мечом. У него возникло подозрение, что некий совсем юный воин приложил руку к исчезновению древнего талисмана. Если, конечно, мальчишка еше жив. Или, может статься, слуги королевы скрывали от нее божественное оружие. Джером мог только гадать, что произошло.

Королева, должно быть, приняла его продолжительное молчание за отказ и, тихо вздохнув, отстранилась от решетки. Улыбка, теплая и манящая, не сходила с ее губ, но холодный взгляд сковал юношу.

— Отказывать мне — опасно, — промурлыкал нежный голос. — Подумай об этом.

Королева повернулась, увлекая за собою струи темного шелка, и покинула темницу, оставив пленника наедине со своими мыслями. Даже после ее ухода нежный смех, влекущий и сулящий наслаждение, звенел в ушах Джерома. Он почти хотел вернуть ее. После нее остались пустота и аромат цветущего весеннего леса. Благоухание наполнило влажную и зловонную темницу, и у Джерома закружилась голова. Юноша подивился тому, что королева демонов не уничтожила его на месте, а предложила выбор — будущее вместо смерти.

Страх отступил. Забыв о брате колдуне, Джером снова погрузился в размышления, прикидывая, как правильно поступить, учитывая неожиданный поворот событий.

* * *

В коридоре снова раздался пронзительный скрежет металлической двери. Джером поднялся на ноги. За те несколько часов, которые прошли после визита королевы, юноша принял решение. Это было сложно, но теперь он знал, что делать. Осталось только собраться с духом.

Однако вскоре юноше показалось, что слух подвел его. Он так и продолжал стоять в одиночестве. Факел давно догорел, сгустилась тьма. Ни свет, ни шаги не нарушали его уединения. Пленник прислушался, не закроется ли дверь за таинственным посетителем, но ничего не происходило.

Он уже собирался занять свое привычное место, когда сверкнул слабый луч света и начал медленно приближаться. Замерев на месте, Джером прищурился и закрыл глаза рукой. За прутьями темницы появилась маленькая горящая головешка. Закутанная в плащ фигура казалась практически невидимой.

Вдруг капюшон исчез, и перед Джеромом возникло знакомое лицо.

— Килак? — От удивления юноша попятился и стукнулся затылком в стену.

— Нуты ж не подумал, чо я тя брошу, а? — довольно улыбнулся паренек.

Джером недоверчиво потирал ушибленный затылок. Килак оглянулся через плечо и, вынув связку ключей, принялся за замок камеры.

— Что ты здесь делаешь? — наконец выговорил Джером.

— Выполняю обещание, — ответил паренек. Проворные пальцы отбрасывали один ключ за другим.

— Я думал, ты погиб.

Килак усмехнулся.

— Эт вряд ли. Хоть тя найти нелегко.

— Что произошло?

Паренек укоризненно посмотрел на Джерома.

— Наши войска оказались разделены. Горн был знаком к отступлению, ты знаешь.

Джером вспомнил последние мгновения битвы, когда он, вопреки призыву Райнара, продолжал отчаянное наступление. И вновь он попал в беду исключительно по собственной вине.

Килак не стал распространяться на тему его неосмотрительности.

— Появился каменный человек и напал на тя. Еси б он хотел тя убить, ты давно б умер. Я б и подбежать не успел. — Килак снова посмотрел в глаза Джерому и убедился, что тот правильно понимает его. — Поэтому я бросился за Мечом. Подумал, ты захошь, чоб я именно так и сделал. Подумал, чо без Меча они, мож быть, оставят те жизнь.

— Значит, Меч у тебя? — Джерому едва верилось в такую удачу.

— Он у Коратэля. Не стал тащить Меч в волчье логово.

Джером кивнул. Все происшедшее до сих пор казалось сном,

слишком замечательным, чтобы быть правдивым.

— Значит, Коратэлю удалось спастись?

— Эллайену тож. Они ждут нас… а, потом расскажу.

Наконец замок, щелкнув, уступил, и лязг решетки нарушил тишину темницы.

Выходя, Джером покачал головой.

— Я подумал, что ты — королева демонов.

— Кто?

— Повелительница драконов, — объяснил Джером. Движение немного развеяло туман в его голове. — Она…

— Позже, — не дал ему договорить Килак, показывая, что надо уходить. — Нам эт без разницы, еси мы отсюдава не выберемся. — Паренек вывел Джерома из камеры и закрыл за ним дверь. — Давай, уходить надо быстро.

Джером послушно последовал за другом по мрачному коридору подземелья. Подойдя к двери, Джером заметил, что Килак подпер открытую створку тушей убитого дракона.

— Со стражниками были неприятности? — шепнул Джером.

Резко повернувшись и жестом приказав Джерому помалкивать, паренек зловеще ухмыльнулся.

Они миновали открытую дверь и начали спускаться потускло освещенному туннелю. Килак двигался бесшумно, Джером старался следовать его примеру. Сворачивая то в один, то в другой коридор лабиринта под звуки рычания драконов, которое разносилось по вентиляционным шахтам, друзья постепенно поднимались из подземелья на верхние этажи. Наконец они добрались до основной шахты, через которую в крепость поступал свежий воздух. Ширины прохода едва хватало одному человеку, и Джером по требованию Килака полез первым.

Стальная решетка, преграждавшая путь к свободе, была мастерски перепилена опытной рукой — и закаленным клинком.

Джером, не медля ни секунды, высунул голову навстречу сверкающей ночи. Юноша догадался, что туннель выходил прямиком в Даггерский каньон. Они оказались на краю плато, где-то под городом. Джером закрыл глаза и вдохнул ночной прохлады, забыв о королеве демонов и предложенном ему выборе, о брате колдуне, думая лишь о долгожданной и бесценной свободе. Джером улыбнулся. Судьба все-таки не оставила его.

— Надо опуститься на дно каньона, а потом подняться с другой стороны, — раздался за спиной шепот Килака.

Джером кивнул и осторожными шагами начал спускаться от вентиляционной шахты по поросшему сорняком обрыву.

— Не останавливайся, — скомандовал паренек, неотступно

следовавший за другом. — У нас в запасе несколько часов, иначе Коратэль и остальные уйдут без нас.

Джерому не нужно было лишний раз повторять. Забыв о ранах и ушибах, он вскоре начал двигаться по узкой, усыпанной камешками тропинке тем же скользящим быстрым шагом, что и Килак.

— Вот Эллайен обрадуется, когда тя увидит. Он бы тож пошел, еси б я ему не запретил.

— А что с войском? Многие уцелели?

— Нам не все известно, — признался Килак. Похоже, он немного успокоился и начал изъясняться понятнее. — Приказ был отступать врассыпную и двигаться на юг. Многие пойдут в Атарван.

— Кто остался с генералом?

— Было человек сорок, когда я уходил. Теперь, наверное, больше. В основном командиры. Кроме них никто не знал о месте встречи.

Сорок? Зловещая цифра зазвенела в ушах Джером. От двадцати семи тысяч осталось сорок человек. Остальные разлетелись, будто стая перепуганных птиц, погибли, оказались в плену или…

Джером внезапно остановился. Он был так занят собственным побегом, что совершенно забыл, зачем пустился в погоню за драконами.

— Опять что-то не так? — спросил Килак.

— Что с пленниками? В городе, должно быть, держат и остальных.

Паренек горько и виновато покачал головой.

— Как мы и подозревали. Но сейчас не до них.

— Мы не можем бросить людей! Мы пришли за ними!

— Думаешь, я не понимаю? — Паренек сделал шаг навстречу Джерому и сурово посмотрел на него. — Остается придумать, как сделать тысячу людей невидимыми… — Килак умолк, покачав головой. — Благодари небо, что я тебя нашел.

Джером хотел было возразить, но понял, что Килак прав. Им еще очень повезло, что обоим удалось уцелеть. Но юноша почувствовал, что готов расплакаться, думая о Марише Валур, о том, что случится с ней.

— При малейшей возможности я бы первый пошел за ними. Прости.

Джером беспомощно оглянулся на темную громадину Крааген Кипа, чувствуя поднимавшийся в сердце гнев.

— Пока еще мы не готовы. Придется пройти сквозь огонь. И в другой раз у нас может не получиться. Лучшее, что ты можешь

сделать — спрячь свои чувства и убереги их на потом. Мы в самом начале пути, приятель.

Джером старался не смотреть в глаза пареньку, боясь потерять над собой контроль. Образ Мариши появлялся и ускользал всякий раз, когда он пытался протянуть к нему руку. Удивительно, что человек, с которым он едва успел познакомиться и не видел целую вечность, так много значил для него. Образ Мариши начинал бледнеть, цвета тускнели, а очертания размывались и теряли форму. Только гнев не давал Джерому расплакаться.

— Вот, может, это тебя развеселит.

Паренек вынул сверток, который прятал под плащом. Поначалу Джером не придал ему внимания, решив, что это колчан. Теперь же юноша точно знал, что находится перед ним.

— Узнаешь?

Под тряпками Джером увидел алый свет. Джером затаил дыхание, когда Килак протянул ему Меч. Юноша осторожно взял клинок, чувствуя спокойствие и тепло его прикосновения.

— Ты же сказал, что Меч у Коратэля.

— Соврал. Не хотелось, чтобы тебе глупые мысли в голову полезли.

— Забери Меч, — вдруг решил Джером, возненавидев себя и все, что с ним произошло. — Я его опять потеряю.

— Я бы с радостью, — пошутил Килак, — но широкий меч — самая неудобная вещь на свете. — Шутка, однако, не повлияла на мрачное настроение Джерома, и паренек нахмурился. — Ты недооцениваешь свою силу. Это неправильно, — заговорил он серьезно. — Подумай о тех, кто тебе дорог.

Нечто в словах Килака задержало внимание Джерома, и он с подозрением взглянул на паренька, который, без сомнения, готов был что-то поведать другу, но никак не решался.

— Мариша, — понял Джером. Сердце его замерло. Она умерла. Он знал. Но должен был спросить. — Что с Маришей?

Килак покачал головой.

— Если она выдержала до сих пор, подождет еще чуть-чуть.

— Она жива? — Сердце Джерома затрепетало.

Паренек нерешительно медлил, хотя взгляд его оставался твердым и расчетливым.

— Если пойдешь за ней сейчас — ты мертвец.

— Ты знаешь, где она, — укоризненно произнес Джером.

Но Килак не сдавался.

— Мариша в камере вместе с другими. Тюрьма надежно охраняется. Там слишком много…

— Покажи.

Паренек вновь покачал головой.

— Джером, нет…

Джером не собирался спорить. Килак замолк на полуслове, повернулся и направился вверх по тропинке.

— Времени больше нет.

* * *

Он стоял перед ней, мерцающий в темноте призрак из прошлого. В усталых глазах скрывалось еще больше чувства, еще больше мудрости. Она протянула тонкие руки, перебирая пальцами черную бороду, прикасаясь к лицу.

Она вспомнила себя, девочку лет гнести, сидевшую на коленях отца с круглыми от любопытства глазами. Она будто смотрела на себя со стороны.

«Почему я должна хранить тайну, отец?

Это только для тебя, малышка.

Но почему?

Потому что, малышка, он стоит дороже, чем целый берег, усыпанный сокровищами. Многие в нашем мире готовы на любое преступление ради него.

Но он такой красивый. Как я могу его ото всех прятать?

Никогда никому не показывай. Потайной ключ я доверяю тебе. Я делаю это, чтобы ты всегда меня помнила. Но ради твоей безопасности и счастья твоей мамы, никто кроме вас двоих не должен его видеть. Поняла?»

Девочка торжественно кивнула. Большая ответственность для такой крошки. Отец улыбнулся и вложил талисман в ее ручонку. Она почтительно и осторожно сжала его в ладошках, тихонько ахнув, когда тепло разлилось по ее телу. Отец соединил цепочку на шее у девочки, а она продолжала сжимать в руках горящий камень, пока он не забрал его и не спрятал под платье. Девочка нащупала камень через складки одежды. Она посмотрела на отца большими детскими глазами и крепко обняла его за шею. Ей так хотелось, чтобы это объятие длилось вечно…

Мариша проснулась. Девушка лежала, свернувшись калачиком в углу камеры. В одной руке она крепко сжимала кулон. Камень Азахиля, как называл его отец, в свою очередь переданный ему родителями. Дар финлорианских эльфов, кулон из камня, который, по слухам, украшал некогда один из великих Мечей. Бесценная реликвия, принадлежавшая ее семье.

Мариша отвлеклась от воспоминаний. Она много раз переживала эту сцену из детства в последние дни. За прошедшие

годы некоторые детали стерлись из памяти, заставляя воображение заполнять пустоты, но в целом воспоминание оставалось живым и неизменным. Зачастую ее преследовали кошмары. Тогда она в последний раз видела любимого отца.

С того самого момента Маришу постоянно мучили вопросы, ответы на которые ей не разрешалось искать.

Отец передал Марише камень, когда девочка вместе с матерью покинула его. Талисман, который должен напоминать об отце, охранять ее. В шесть лет она это плохо понимала. Мариша до сих пор не знала, как камень появился на свет и как он попал к ее семье, и имела лишь смутное представление о силе талисмана, о спокойствии и уверенности, которые он дарил ей. Она знала лишь легенду о Мечах по рассказам отца и помнила о своем обещании. Охранять тайну талисмана как зеницу ока, словно от этого зависела ее собственная жизнь.

Мать, которая могла бы рассказать Марише о камне, наотрез отказывалась отвечать на вопросы. Девушка не знала, почему мать оставила отца. Кажется, ей открылась какая-то страшная тайна, с которой она не смогла справиться, и Мариша догадывалась, что камень сыграл здесь свою роль. В любом случае, кулон напоминал стареющей женщине о пережитой боли, связанной с отцом или причиненной им. Все, что Марише удавалось вытянуть из матери, было напоминание о данной однажды клятве, предостережение держаться подальше от всего, что могло помешать сохранению тайны.

Марише и в голову не приходило нарушить обет. Обязательство свято хранить тайну потребовало от девушки уединенной и замкнутой жизни. Мариша свято чтила отца, а ее нежная детская любовь становилась лишь крепче за годы разлуки. Дочь ни за что на свете не предала бы память о нем, поступив против его желания, даже если тем самым обрекала себя на жизнь, полную неразрешимых загадок.

Несколько недель назад преданность Мариши впервые подверглась испытанию. Узнав о приключении Джерома и заглянув сквозь пелену беззаботных бесед в самую глубину его души, девушка чуть было не сдалась и не показала камень незнакомцу, который показался ее самоотверженным и добрым юношей. Он стремился к благородной цели — спасти людей от безжалостного тирана, разорявшего их родину. Мать умерла два года назад, и Мариша, находясь в окружении друзей и добрых соседей маленького лесного поселения, чувствовала свое одиночество и начинала сомневаться в справедливости прежних ценностей и целей. Встретив Джерома, она задумалась, не принесет ли ее молчание больше вреда, нежели пользы. Стоит ли

показать юноше камень и рассказать о его силе хотя бы за тем, чтобы поддержать его на трудном пути?

Хотела бы Мариша знать, где теперь странствует отважный молодой человек, который так же неожиданно исчез из ее жизни, как и появился. Победил ли там, где потерпели поражение все остальные? Не верилось. И все же Джером твердо верил в свою судьбу. Именно беззаветное стремление пожертвовать всем ради цели, в которую он свято верил, так зачаровывало Маришу. Мимоходом она вспомнила о Килаке, и на губах ее заиграла улыбка.

Как странно вспоминать родных и близких, зная, что никогда не встретишься с ними. Чтобы ни сталось с ее друзьями, на выручку они уже не придут. Оставалось только умирать в одиночку, погрузившись в раздумья о том, как могло бы все обернуться.

Пленница выпрямилась и снова поглядела на нежное сияние сжатого в ладони камня. Что делать теперь с талисманом? Только чудом удалось девушке до сих пор прятать его. Но когда драконы начнут сдирать с нее кожу и рвать на части… Больше всего она боялась, что волшебный дар отца окажется в лапах гадких и немыслимых чудищ. Для себя спасения она не видела. Но если удастся сохранить кулон, Мариша встретит неизбежную гибель со спокойной душой.

Мариша оглядела стены и пол темницы в поисках подходящей щели. В вырытой в земле яме не оказалось ни одного кирпича, за которым можно было спрятать кулон. Ни трещин, ни других углублений. Оставалось закопать камень в куче испражнений. Или проглотить его и надеяться, что голодные драконы съедят ее и не обнаружат, что лежит внутри. Ни то, ни другое решение не сулило особого успеха. К тому же у Мариши не хватало сил освободить камень от цепочки, а поэтому талисман приходилось прятать целиком. Пленница почти отчаялась что-нибудь придумать.

Над головой послышалась возня, и один из драконов глухо взвизгнул. Испуганная Мариша дрожащими руками спрятала кулон под платье. Камень упал на грудь под складками ткани. Она напряженно прислушалась. Однако в тишине лишь стучало перепуганное сердце и шелестело прерывистое дыхание. Внезапно послышались быстрые и осторожные шаги. Звук не походил на топот чешуйчатых лап и стальных когтей.

Что ожидало ее впереди? Страшная гибель? Чудесное спасение?

Откуда-то появился свет. Ровное сияние повисло в темноте. Это не был ни один из факелов, висевших над темницей. При

виде красноватого огонька Мариша подумала, что слишком долго смотрела на талисман, и глаза обманули ее. Потом пленнице показалось, что она расслышала приглушенный шепот. Девушка сжалась в комочек, не отрывая глаз от источника света.

Через мгновение Мариша изумленно ахнула. Должно быть, она лишилась рассудка. В темной пелене за стальными прутьями решетки появилось знакомое лицо. Она почти забыла эти черты, которые всеми силами старалась сохранить в памяти, но больше не надеялась увидеть снова. Несчастная девушка лепетала какие-то бессвязные слова.

Мариша чуть не нарушила клятву ради него, ради юноши с темными волосами и голубыми глазами, который едва не испустил дух при их первой встрече. Тогда Марише удалось вылечить незнакомца. Те, кто слышал его историю, могли бы назвать его Торином, принцем Олсона. Она же знала его, как Джерома.

* * *

Сорик решительно шагал мерной неторопливой походкой по освещенному факелами коридору. Многое случилось за последние несколько недель. Некоторые события произошли неожиданно. Колдуну требовалось время, чтобы обдумать и переоценить уроки прошлого и сделать прогноз на будущее.

Он не жалел о том, что повел наемное войско на восток и сдался на милость королевы демонов. Она в любом случае представляла самую серьезную угрозу. Останься колдун в Олсоне и попытайся противостоять королеве, он давно бы погиб. Но после того как он покорно склонил голову и заверил ее в своей преданности, оставалось опасаться лишь того, что королева усомнится в честности его поступка. Королева насторожилась, что-то заподозрила, но колдуна не уничтожила. Именно поэтому Сорик поверил, что сделал правильный выбор. Как бы ни повернулись события дальше, колдун выиграл время.

Однако же Сорик оставался уязвим. Войско более не принадлежало ему, и приходилось полагаться только на собственные силы. Могущество его было велико, но смертному никогда не сравниться с существом, который рожден повелевать великими силами, и делает это с такою же легкостью, как он дышит. Спитахера поглощает энергию природы, заключая ее в пределах собственного могущества. Колдун не питал глупых иллюзий, что в случае столкновения волшебные чары спасут его. Нет, настоящее испытание выпало на долю умения умилостивить

королеву, угодить ей, сделаться незаменимым и занять в ее свите подобающее место. Время его не пугало. Он ждал более двадцати лет, получил то, что по праву принадлежало ему, мог потерпеть и еще. Если Сорик протянет неделю, все будет в порядке. Но, учитывая, как приняла его королева, колдун очень сомневайся, что это ему удастся.

Сорику по-настоящему повезло: он прибыл со своим войском как раз вовремя и подавил людское сопротивление. Удалось легко завоевать относительное доверие слуг королевы. Наемники, конечно же, были немало напуганы, не подозревая о его истинных намерениях. Те из них, которые решились расспросить его по дороге, дорого поплатились за свое любопытство. К тому моменту, когда они оказались рука об руку с драконами в сражении против партианцев, было уже слишком поздно отступать. Теперь же наемники стали очередной игрушкой для королевы демонов.

Колдун спустился по ступенькам и свернул в коридор. Несмотря на свое участие в подготовке королевского пиршества, на него Сорик приглашения не получил. Откровенно говоря, он еше не привык к подобным торжествам, разве что появлялась возможность лишний раз выказать королеве свою преданность. Он предпочел держаться в тени задних комнат, прекрасно понимая, что на сегодняшний день это лучший способ остаться в живых и надеясь, что завтра он отыщет другой.

Присутствие Сорика не прошло совершенно незамеченным. Генерал королевы — каменный демон по имени Грейвлит — подозвал его и приказал привести девчонку, которую оставили в темнице. Она до сих пор сопротивлялась. Сама королева намеревалась потешиться убийством. Но драконы, посланные за пленницей, так и не вернулись. Прекрасно понимая, что придется держать ответ за промедление, Сорик поспешил отправиться в темницу и собственноручно разобраться, в чем дело. По всей вероятности, тупоголовые ящерицы попросту забыли, в какой яме сидит девчонка.

Он шагал, задумавшись о своем рискованном положении при дворе королевы демонов, как вдруг наткнулся на дракона-стражника. Чудище сидело на корточках, прислонившись спиной к стене, и никак не реагировало на появление колдуна. Сорик уже порядком привык к рыку и горящим змеиным взглядам. Он ожидал по меньшей мере услышать грубый гортанный хрип, походивший на кашель. Но дракон, судя по всему, спал.

Сорик прошел мимо, искоса бросив на ящера взгляд из-под низко опущенного капюшона. Что-то неправильно. Чудище казалось удивительно неподвижным. Даже грудь не вздымалась,

всасывая воздух. К тому же колдуну до сих пор не приходилось видеть, чтобы драконы спали, особенно те, что стояли на страже. Если бы Грейвлит или Спитахера увидели, змея давно бы…

Внезапно Сорик увидел полосу под шеей дракона, из которой на грудь стекала черная жижа.

Крепко сжав посох и подхватив полы длинного плаща, Сорик поспешил вперед по пустому коридору.

* * *

Джером глядел сквозь решетку в яму, и в душе его огнем и холодом проносились непонятные чувства. Отвращение при виде загаженной канавы, где держали Маришу. Ярость при мысли о ранах и порезах на ее шелковистой коже. Но радость встречи заслонила тревожные мысли. Джером не забыл того чувства, которое охватывало все его тело, когда он смотрел в прекрасные голубые глаза. Все это время он не переставал повторять себе, что Мариша жива, и не оставлял надежды найти ее. Наконец после всего пережитого они вновь встретились.

Мариша не сводила с него испуганных глаз, словно перед нею возник призрак. Джером и сам был так поражен, что лишь через минуту обрел дар речи.

— Держись, — шепнул юноша, широко улыбаясь. — Килак тебя сейчас вызволит.

Пленница продолжала молча смотреть на Джерома, пока перед ней бесшумно не возник Килак.

— Килак!

— Тихо! — зашипел паренек.

Мариша поднялась на ноги, слегка согнувшись под низким потолком.

— Я не надеялась увидеть вас снова.

Килак упал на корточки.

— Где остальные?

— Их увели. Вы как раз вовремя. Думаю, меня бы тоже скоро забрали.

Джером укоризненно посмотрел в глаза Килаку.

— Осторожнее, — напомнил паренек Джерому.

Джером оглянулся, высматривая змеев, а Килак выдернул большой штырь, запиравший дверь темницы Мариши. Огромная пещера была освещена факелами, закрепленными на потолке. Многочисленные ямы вроде той, перед которой стоял Килак, были закрыты металлическими решетками. Паренек сосредоточился на пустом туннеле, ведущем к темницам. Он

заранее обошел весь периметр, отправив на тот свет с полдюжины чешуйчатых стражников. По словам Килака они заняли посты около часа назад. Об остальных он ничего не мог сказать. Хотя юный воин сработал так скоро и бесшумно, что Джером не видел опасности и в двух десятках драконов.

Засов скрипнул, ржавые петли застонали, и Килак поднял решетку. Джером тут же оказался у выхода и протянул Марише руку, за которую та ухватилась, выбираясь из ямы. Джером немало удивился, когда девушка бросилась ему на шею и прижалась к нему. Он крепко сжимал ее в объятиях, не рискуя отпустить.

Через мгновение Мариша отстранилась, продолжая обнимать его, и взглянула на Меч.

— Что это? — зачарованно произнесла она, и слова застыли в воздухе.

Джером кивнул.

— Если выберемся, я тебе все расскажу.

— Значит, драконы все еще в городе?

— Да, — ответил Джером. — У нас мало времени. Где Нимбрус и остальные?

— Погибли. Одна я осталась в живых. — По лицу девушки текли слезы.

— Мариша, мне жаль. — Джером снова притянул ее к себе, и девушка послушно покорилась.

— Вас только двое? — Девушка оглянулась, будто отвечая на собственный вопрос.

— Да, — сказал Джером.

Мариша оставила Джерома, чтобы обнять Килака.

— Пойдемте. — Она шмыгнула носом, чтобы остановить набежавшие слезы. — Еще многих надо освободить.

Но паренек покачал головой.

— Не время, Мариша. Нам всем не уйти незаметно из города. Прости.

— Они же умирают!

— Тогда умрут и те, у кого еще есть шанс спастись.

Мариша глядела так, словно паренек влепил ей пощечину.

— Не понимаю. Вы пришли за мной?

— Это его затея, — признался Килак, кивнув на Джерома. — Я пытался отговаривать.

Джером проглотил ком в горле. Мариша обернулась к нему. В глазах ее застыл вопрос.

— Почему?

— Я обязан тебе жизнью. Тебе и твоему народу.

— А ты? — девушка набросилась на Килака. — Зачем ты

здесь, если считаешь, что все напрасно?

— А я обязан жизнью ему. — Паренек бросил взгляд на Джерома. — Хотя теперь, по-моему, мы квиты.

Мариша поглядела на обоих.

— Тогда уходите отсюда, — решительно сказала она наконец, — а я не оставлю этих несчастных.

— Мариша… — покачал головой Килак.

— Иди, Килак, — сказал Джером. — Она права.

— Нет. И если ты решил остаться с ней, боюсь, я должен попросить тебя вернуть Меч.

Джером несколько помедлил, затем перевернул клинок и протянул рукоятку другу.

— Что ты делаешь? — воскликнула Мариша.

— Я слишком далеко зашел, чтобы оставить тебя умирать одну в этой яме, — сказал ей юноша. — Но Меч должен быть там, где он сможет послужить доброму делу.

Полину Мариши было видно, как боль и нерешительность боролись в ее сердце. Джером ясно представлял себе затруднительность ее положения. Подобное чувство мучило его самого и, как догадывался Джером, несмотря на твердую решимость паренька, Килака тоже. Попытайся они спасти тысячи пленников, их уже бы схватили и бросили в темницу. Но как можно обречь беспомощных людей на страдания? Мариша видела их впервые, но ее душило чувство вины от одной мысли о предательстве. Она не представляла себе будущей жизни с тяжелым камнем вины на шее. Джером понимал ее и готов был последовать за нею.

Джером в глубине души сознавал, что вернулся за Маришей лишь из собственных эгоистических побуждений. Даже Килак, его верный друг, не хотел рисковать и поднимать шум, вызволяя на свободу дюжину пленников, без чего, как он считал, не обошлось бы. Джером и сам бы остался в одиночестве, если бы паренек не освободил его. Им еще очень повезло, что Мариша оказалась в яме одна. Расчетливый Килак заявил, что удача сопутствует им до тех пор, пока они ведут себя разумно. Стоя рядом с Маришей, Джером был готов согласиться. Но самые здравые рассуждения не снимали с него ответственности за жизни других людей. Поэтому он и позволил Марише принять решение.

— Удачи вам, — проронил Килак, забрав у Джерома Меч. — Я еше вернусь, если получится.

— Погоди, — мягко проговорила Мариша. Она окинула взглядом черные разверзшиеся отверстия и задержалась на сияющем в руках Килака талисмане. Она поняла, подумал Джером, что такое Меч. Поняла, что значил он для всех, и как

нелегко Джерому расставаться с древним оружием. Девушка подняла на Джерома блестящие глаза. — Я не могу позволить тебе этого.

— Мариша, — успокоил ее Джером, — мы сделаем, как ты захочешь.

— Послушайте, — вмешался Килак, — не путайте глупость с храбростью. Ваша гибель не спасет пленников.

Мариша вытерла глаза грязным рукавом.

— Война не закончилась. У нас еще есть время потушить пожар, направить оружие прямо в сердце врагу. Но если мы сейчас не уйдем, все надежды рухнут.

Холодные доводы Килака звучали убедительно, подумал Джером, но особого восхищения они не вызывали.

Мариша наградила юного воина негодующим взглядом, а затем в поисках поддержки посмотрела на Джерома.

— Тогда обещай, что мы не остановимся, пока не издохнет последний дракон.

Джером почувствовал в горле колючий ком. Одетая в лохмотья, перемазанная сажей и грязью, Мариша была неотразима.

— Обещаю.

— Следующей ночью, — прошептал Килак, возвращая Джерому Меч.

Мариша кивнула, а Килак уже шагал бесшумным кошачьим шагом к ближайшему туннелю. Мариша вцепилась в руку Джерома, и они на пару последовали за пареньком. Джером оглядывался налево и направо, боясь, как бы их не обнаружили. Юноше казалось, что за ними следят, но он никак не мог обнаружить источник необъяснимого беспокойства. Мариша же смотрела прямо перед собою, страшась даже повернуть голову и увидеть свернувшуюся на дне ямы фигуру. Она прижалась к Джерому. Ее горячее тело сливалось с теплом Меча. Но даже тогда Джером ощущал на себе чей-то холодный и пронизывающий взгляд.

* * *

Колдун замедлил шаг, завернув за угол, и чуть не споткнулся о тушу второго дракона, валявшуюся в черной липкой луже крови. Ничто не нарушало тишину, и Сорик, переступив через мертвого дракона, вгляделся в коридор, который выходил в подземелье.

Колдун не очень удивился открывшемуся зрелищу. Еще

несколько кровоточащих чешуйчатых махин неподвижно лежали в пещере. Меньше, чем следовало ожидать, заметил колдун. Остальные, должно быть, решили не пропускать королевского пира. В центре пещеры стоял человек, сжимавший в руках меч, окутанный пеленою алого света. Незнакомец повернулся к Сорику спиной, и колдун не мог толком разглядеть его лица. Потом он сделал шаг в сторону и вдруг посмотрел прямо на Сорика.

Торин! Колдун скрипнул зубами. Так значит, братцу удалось выбраться из подземелья, и теперь он искал… Чего? Зачем ему приходить сюда? На глазах колдуна клетку, у которой стоял Торин, открыл второй едва различимый в темноте незнакомец. Преграда исчезла, и Торин протянул руку, чтобы вызволить из темницы пленников.

Широкая улыбка заплясала на губах колдуна, когда та самая девчонка, за которой он пришел, поднялась из ямы и обхватила шею Торина. Надо же, какое совпадение, подумал Сорик, девушка, которую он неумышленно пощадил, возлюбленная его брата. Как жаль, что им не придется быть вместе.

Колдун сделал шаг вперед, но передумал, предчувствуя возможность разузнать, что же задумал его дражайший братец. Несколько мгновений трое спорили, сбившись в темноте в тесный клубок. На какой-то момент Меч оказался в руках незнакомца, но потом снова вернулся к его брату, после чего все трое быстро устремились через пещеру к отдаленному туннелю.

Сорик глядел им в спины, не предпринимая никаких действий, чтобы остановить беглецов. Выбор, о котором он мог с лихвою пожалеть уже завтра. Но что-то подсказывало ему держаться в стороне. Колдун был наслышан о том, как жадно хотела королева заполучить Меч Азахиля и Торина, который, по слухам, принял участие в нападении на Крааген Кип. Захватив беглеца, он, без сомнения, добился бы ее милости. Но вместе с тем Сорик отлично понимал, что, получив свое, королева скорее всего избавится от него. Пусть лучше ждет и думает, что именно в его руках звенит ключик от двери, за которой спрятано желанное сокровище. Он станет незаменимым слугой, первым советником.

А придет время — и победителем.

Глава 33

— Что случилось, мой дорогой? — спросила Спитахера, нежно поглаживая чешуйчатую щеку дракона острыми и красными, будто окровавленные кинжалы, ногтями.

Существо пыталось ответить, трясясь всем своим громадным телом и выпучив глаза. Онемевший от страха язык неуклюже болтался во рту. В конце концов, щелкая и брызгая слюной, на своем драконьем языке ящер пересказал то, что ему велели доложить.

— Бежали, — эхом повторила королева демонов.

Она сидела в мягком бархатном кресле в своей приемной, слегка склонившись вперед. Рано утром Спитахеру разбудили стражники, доложившие о срочном деле. Она задержалась лишь на мгновение, накинув на тело шелковое платье, и направилась к посланнику, скулившему у подножия ее трона.

Несмотря на заикания и потоки слюны, сообщение звучало ясно. Однако же новость казалась такой невероятной, что королева заставила трясущуюся от страха гадину повторить еще раз. Ее охватил приступ гнева.

— Понятно. И что теперь от тебя проку?

Отзвуков раскатистого и низкого голоса жалкая туша дракона затряслась, казалось, он вот-вот развалится. Острые ногти продолжали свое спокойное и ровное движение, соскользнув со щеки к шее.

Внезапно когти вытянулись и насквозь проткнули горло несчастной жертвы. Зверь захрипел, глаза вылезли из орбит. Вытянутое тело содрогалось в руках королевы. Через мгновение когти сами втянулись, и бессильно боровшаяся со смертью туша повалилась на пол.

Королева вскочила с трона, щелкнув острыми зубами и зловеще сверкнув изумрудными глазами. Открытое широкое платье развевалось, лаская ее стройное обнаженное тело. Спитахера металась по залу, словно заточенный в клетку зверь. Внезапно она устремила гневный взгляд на стражников у дверей, и те затряслись так же, как и их несчастный товарищ.

— Привести ко мне колдуна! — прозвучал звонкий голос.

Эллайен напряженно вглядывался в кружево листвы, стараясь разглядеть приближающиеся фигуры. Охотник еще издали слышал, как они крадучись шагали по подлеску, укрытые густым пологом ветвей и листьев, где глаз не мог различить их. Эллайен не думал, что это драконы, которые бы не постеснялись объявить о своем прибытии. Скорее отряд наемников из тех, что вступили в

бой в ущелье, отрезав Западному легиону путь к отступлению. Наверное, они прочесывали лес в поисках уцелевших после резни.

Эллайен поднял с колен лук и приладил стрелу. Кем бы эти люди ни были, обратно они не вернутся и не расскажут никому о лесной встрече.

Первые солнечные лучи пробивались сквозь густой серый туман. Охотник обрадовался их робкому прикосновению. Полночи он простоял на карауле и до костей промерз под кожаной одеждой. Эллайен сам вызвался в дозорные, чтобы первым встретить Килака или других бойцов Западного легиона. Но последние воины вернулись уже несколько часов назад с рассказами о судьбе своих товарищей. К настоящему моменту вести прибыли ото всех дивизий кроме первой, и охотник получил довольно четкую картину хаотичного отступления партианской армии. Хотелось верить в лучшее, но в сердце Эллайен знал, что на этом месте войску больше не собраться.

Шаги, осторожные и неспешные, приближались. Эллайен приподнялся из-за густой стены иголок и листьев. Внезапно люди, встревоженные его неосторожным движением, замерли. Охотник задержал дыхание и натянул тетиву, целясь за мшистый ствол.

Эллайен чуть не повалился навзничь, когда перед ним возникло лицо Килака Кронуса. Мальчишка подпирал одно из ближайших деревьев, театрально изображая скуку. Эллайен плюнул, едва не выпустив стрелу в довольную физиономию паренька.

— Расслабься, приятель. Это я.

— Сам вижу, — прокряхтел Эллайен, немного придя в себя. — Знаешь, я тебя чуть не подстрелил.

Килак пожал плечами и направился к ближайшим кустам.

— Выходите.

Эллайен не видел, с кем говорил паренек, но снова услышал движение. Килак расплылся в улыбке, когда на узкой тропинке появились знакомые фигуры — золотоволосая девушка держала за руку смуглого юношу.

— Джером! — взвыл Эллайен.

Буря радостных приветствий и теплых объятий сменилась сияющими улыбками.

— Я боялся, что все обернется хуже, — признался Эллайен.

— Тогда ты оказался прав, — ответил Джером.

Охотник немного нахмурился, не зная, как понять замечание друга, но он был слишком обрадован, чтобы придать ему значение.

— Где Коратэль? — спросил Килак.

— Лагерь перевели ближе к реке. Пойдемте, я отведу вас.

* * *

Джером не верил собственным глазам. Из тумана выплыли жавшиеся друг к другу фигуры заспанных солдат, укрывшихся в лесных зарослях. Пятьдесят три человека, по последним подсчетам Эллайена. Немного больше, чем в последний раз, когда Килак был в лагере. Пятьдесят пять, включая Маришу и его самого. По крайней мере, большинство избежали тяжелых увечий. Раненые попросту не перенесли тяжелого отступления.

Джером старался не думать о павших, как и о пленниках, которые остались в ямах и темницах Крааген Кипа. Мариша держалась рядом, но почти не разговаривала и выглядела озабоченной. Хотел бы Джером знать, что она думала о нем и о Килаке. Конечно же, Мариша понимала, что друзья сделали все, что смогли. Попытка атаковать подземелье стоила бы им свободы. А их участие в борьбе было необходимо. Иногда Джером собирался заговорить с нею, но каждый раз менял решение, не желая расстраивать Маришу. Девушка и сама поделится с ним своими переживаниями, когда будет готова.

Спутники продвигались через лагерь, следуя за Эллайеном и сдержанно отвечая на приветствия. Джером не вполне разобрался, обрадовались ли солдаты его появлению. Он так и остался обладателем Алого Меча, но в первую очередь он же и убедил их сражаться. Юноше ясно вспомнилось всеобщее собрание перед выступлением из Ливена. Один лишь грозный вид Меча обещал так много. Но пока он принес им лишь смерть и разочарование.

Они дошли до берега реки, Краагмаля или Ллорнела — Джером не мог сказать точно. Кони стояли, привязанные к веревке, натянутой между двумя стволами. Рядом с животными были навалены мешки с продовольствием и амуницией. Джером приметил знакомую кожаную сумку, в которой лежала книга, найденная друзьями недалеко от Иртвина. Охотник, должно быть, пронес ее через всю битву, потому как в последний раз она оставалась у Эллайена. Из всех вещей, которые он захватил с собой при отступлении — воды, еды, лекарств, снаряжения, — он выбрал именно книгу, не забыв о просьбе друга. Джером снова потряс головой. Почему эта нелепая и громоздкая находка сделалась для них такой бесценной? Когда столько жизней было поставлено на карту, что стало им дороже всего?

Друзья прошли мимо сонных коней и спустились по берегу вслед за Эллайеном туда, где совещались Коратэль и его генерал-

лейтенанты. Забинтованная рука Джейзина висела на перевязи. Тоже раненный в руку генерал Мальтик сидел, оттопырив до смешного раздувшееся колено. И остальные офицеры не пропустили совещания. Великан Лар щеголял бесчисленными шрамами, синяками и ссадинами, а хмурый Райнар, похоже, остался невредим.

Беседа замерла, когда приблизились новички, и главнокомандующий быстро поднялся на ноги, чтобы приветствовать их.

— Рад встрече, — заговорил Коратэль, пожав руку Килаку. — А мы уже не рассчитывали свидеться.

Главнокомандующий обратился к Джерому, и тот увидел в глазах Коратэля горячую решимость и никаких следов отчаяния и страха.

— Вижу, ты стал разборчивее в знакомствах, — проговорил Коратэль, бросив взгляд на Маришу. От Джерома не ускользнул румянец, заливший бледные щеки девушки.

Не успел он и рта раскрыть, как к нему подступили командиры дивизий.

— По крайней мере ты выбрался, — громыхнул Лар, хлопнув юношу по спине могучей рукой.

— А я было пригорюнился, когда тебя тут не оказалось, — согласился Райнар.

— А я и того больше, — заверил его Джером, оборачиваясь к Джейзину.

— Вывих, — сказал тот, покосившись на перевязанное плечо. — Скоро буду в строю.

Юноша поглядел на Мальтика — единственного, кто остался сидеть.

— Трудно ходить. Все никак не заживет.

Джером оглянулся.

— Ледрик? — спросил он, заметив отсутствие первого генерала.

Коратэль покачал головой.

— Ни весточки. Думаю, если мы отсюда выберемся, некоторых ждут продвижения по службе.

Джером вдруг ощутил острое чувство утраты, будто колкий шип вонзился в тело.

— Мы многих потеряли, — напомнил Коратэль. — Не время скорбеть.

— Я вернусь на пост, — объявил Эллайен. — Встретимся позже, приятель.

Джером слабо кивнул, охотник развернулся и поднялся по берегу.

— Уходим через час, — крикнул вслед Коратэль.

Эллайен подал знак, что понял приказ, и быстро скрылся за деревьями.

— А вы, — пригласил Коратэль, — присоединяйтесь к нам.

Главнокомандующий опустился на грязную траву. Джером, Килак и Мариша, скрестив ноги, уселись рядом. Юноша почувствовал, как она прижалась к нему и взяла его за руку. Он сжал тоненькие пальцы. В очередной раз посмотрев ей в глаза, он поблагодарил судьбу, которая, несмотря на все потери и лишения, была так щедра к нему.

— Итак, — начал Коратэль, сурово глядя на прибывших, — что вам удалось узнать?

* * *

Спитахера продолжала расхаживать по зале. Драконы вернулись. За ними шел колдун.

— Вон, — зарычала она на ящеров, и те в страхе попятились прочь.

Она намеревалась убить человека, кланявшегося перед нею несколько часов назад и обещавшего Грейвлиту позабавить королеву девушкой, не желавшей расставаться с жизнью без боя. Но вместо того ей привели очередную покорную рабыню, которая едва набралась храбрости пискнуть перед смертью. Несколько раздосадованная, королева все-таки пребывала в добром расположении духа на праздновании своего триумфального пришествия и решила пощадить колдуна. Теперь же, когда стало известно о побеге смертного, обладателя Меча Азахиля, настроение ее переменилось.

Спитахера остановилась прямо перед Сориком, не обращая внимания на распахнутое шелковое платье.

— Что скажешь в свою защиту?

Колдун, не моргая, посмотрел ей в глаза. Преданный слуга, он весь дрожал от восхищения.

— Моя королева?

— Я встречала и раньше людей с твоими претензиями и запросами, — заговорила королева с отвращением. — Не будь меня, ты поработил бы весь свет так же, как ты захватил свою землю.

Голос ее замер. У колдуна появилась возможность оправдаться. Тот молчал.

— Поэтому, колдун, я решила покончить с тобой.

Спитахера щелкнула пальцами, и из внутренних палат вышел

Грейвлит. Скала, не замедляя шага, направилась к Сорику.

— Только не спеши, чтобы он успел взмолиться о пощаде.

Колдун не дрогнул и не вскрикнул, а неподвижно стоял в центре залы. Тяжелая рука Грейвлита ухватила его шею, подняла в воздух и начала душить.

— Моя королева, — хрипел колдун, выдавливая слова из стиснутого горла, — моя жизнь и смерть принадлежат вам.

Спитахера откинулась на троне и заложила ногу за ногу. Она всем видом давала понять, что слова Сорика не произвели должного впечатления.

— Я брат того человека, которого ты ищешь.

Слова колдуна заинтересовали ее. Королева задумчиво опустила подбородок на ладонь.

— Я знаю, как заманить его…

Последние слова потонули в глухом визге, когда остатки воздуха вырвались из легких Сорика. Спитахера с любопытством наблюдала за его муками. Тело колдуна сотрясала дрожь, его бледная кожа побагровела.

Наконец королева снова щелкнула пальцами, и каменный великан с покорностью марионетки выпустил хрупкое тельце смертного, которое тряпичной кучей рухнуло на пол.

— Что ж, придется подумать, где применить твои таланты.

— Как прикажете, — прохрипел колдун, потирая израненную шею. — Я выполню каждое ваше желание, моя королева.

Спитахера угрожающе сверкнула глазами и вышла вон из комнаты в вихре шелковых струй. Демоны, будто послушные псы, следовали за ней по пятам.

* * *

Время тянулось медленно. Все ждали ответа Коратэля. Джером тихо сидел, слушая торопливый говор воды и щебет леса, чувствуя сквозь тонкую кожу, как бьется сердце Мариши. Ее ладонь лежала в его руке. Лицо командующего легионом оставалось спокойным.

— Мы уже отправили гонца к королю Галдрику, — сказал Коратэль. — Он ждет нас.

— Пошлите другого, — возразил Джером.

Потребовалось некоторое время, чтобы рассказать Коратэлю и генералам о том, что он узнал в Крааген Кипе. Разговор в итоге свелся к одной проблеме — что делать дальше. Главнокомандующий был убежден, что необходимо соединиться с силами Восточного легиона и перегруппироваться в Атарване, его

родном городе и юго-восточной столице Парты. Джером же нашел совершенно иной выход и спешил поделиться своим замыслом.

— Ты уверен, что эта «королева демонов» погонится за тобой и пройдет мимо Атарвана? — нахмурившись, спросил Коратэль.

Джером не сомневался.

— Ей нужен Меч. Только его сила страшит королеву. Если не ошибаюсь, ее шпионы ищут нас повсюду.

Главнокомандующий тяжело вздохнул.

— Ты просишь меня оставить людей на произвол судьбы. — Голос его звучал устало и печально.

— Я не генерал, — признал Джером, — но я не представляю себе, как остатки войска смогут защитить Атарван от нападения. Лучший способ спасти королевскую столицу — отвлечь от нее драконов.

Коратэль предостерегающе взглянул на юношу.

— Император будет недоволен, что мы навлекли на него неприятеля.

Джером только пожал плечами.

— Драконы рано или поздно нападут на Атарван. Император должен радоваться, что мы готовы сражаться на его стороне.

Главнокомандующий покачал головой и предложил высказаться командирам.

— Выбор невелик, — отрезал Райнар. — Олсоном завладел колдун. Наши земли разорены. Мензо лежит в руинах. Кажется, Куурия — наш последний рубеж.

Джейзин согласился.

— Императору давно известно об угрозе, но он до сих пор отказывается прийти нам на помощь. Боюсь, ему не удастся вечно прятаться за высокими стенами.

— Я бы предпочел воевать на его землях, — вмешался Мальтик. — Пускай подбираются, когда все закончится.

Лар просто кивнул.

Коратэль обратился к Килаку, который все это время хранил молчание.

— Что скажешь?

— Мой последний план не удался. Хочешь выслушать мое мнение?

— Иначе бы не спрашивал.

— При всем уважении, генерал, по-моему, вы опять позволяете чувствам затуманить рассудок. План Джерома самый разумный.

Главнокомандующий нахмурился, но в ответ проскрипел сквозь зубы:

— Так тому и быть. Перейдем реку и двинемся вдоль

западного берега прямо на Гейперон.

Никто не решился возразить, и совещание закончилось.

— Готовьте людей. Выступаем до восхода.

Совет разошелся. Джером обменялся рукопожатиями с командирами, которые отправлялись заниматься необходимыми приготовлениями. Он не посмел сказать, что колдун — его старший брат. Наверное, такое родство бросало тень на него самого. К тому же вряд ли это имело особое значение теперь, когда все знали, что главный противник — королева демонов. Скорее всего Сорик давно уже распрощался с жизнью.

— Пошли, — сказал Марише Килак, когда они остались втроем. — Тебе надо умыться.

Мариша отпустила руку Джерома, и Килак увел ее.

— Тебе не мешало бы сделать то же самое, — предложил паренек.

Джером рассеянно кивнул, мысленно ощущая тепло ее пальцев в своей ладони. Мариша ушла, оставив в его сердце такую же боль, как при расставании с родной деревней в самом начале его приключений. Как странно… В течение кратких недель его жизнь стала сложной и запутанной. Джером многое пережил и сильно изменился. Он до сих пор тосковал по простоте, безмятежности и уверенности прошлого, но будущее сулило ему совсем другое.

Повороты судьбы непредсказуемы. Джером задумчиво поплелся по берегу реки. Обнаружив относительно уединенное местечко, юноша сбросил грязную одежду, которую не снимал со времени сражения за Крааген Кип, и побрел в воду. Дыхание замерло от ледяного прикосновения, но постепенно холод, до самых костей пронизывая тело, заглушил боль ран и развеял слабость бессонных ночей. Меч остался с ним. Божественная сталь сияла, не требуя ни чистки, ни полировки, но Джером боялся утратить талисман даже на мгновение. Он не забыл безграничной пустоты и отчаяния, охвативших его, когда он потерял Меч. Чувство безнадежности до сих пор тяжелым и мутным осадком лежало на дне его душ и. С тех пор мало что переменилось. Несмотря на невероятное освобождение и спасение Мариши, на деле они потерпели полное поражение в попытке отвоевать свои земли. Сколько еще шансов подарит им судьба?

Приветливый возглас солдата, проходившего мимо кучи тряпок на берегу, отвлек Джерома от раздумий. Джером благодарно кивнул, когда тот предложил подыскать ему платье посвежее. Даже будь у него время постирать одежду, она навсегда пропахла едким запахом смерти и поражения.

Джером закончил умываться к тому времени, когда солдат вновь появился на берегу с чистыми штанами и рубахой в руках. Обычная форма партианской пехоты, пояснил солдат, как правило, черная. Новая одежда оказалась маловата, но движений не стесняла, и Джером горячо поблагодарил солдата.

Вместе они отправились к лагерю, где в куче всевозможных вещей Джером обнаружил свои ножны, после чего почувствовал себя неизмеримо лучше. Юноша помог погрузить на лошадей запасы, которые решено было взять с собою, и утопить в реке ненужное старье. Неразумно оставлять подсказки приспешникам королевы.

Когда они были готовы тронуться в путь, к ним присоединилась Мариша, чистая и сияющая. От нее пахло нежным ароматом фруктов. Девушка облачилась в легкую форму партианского лучника, только без оружия. Растрепанная, в мешковатой одежде, Мариша была очаровательна, и Джером остановился, чтобы подождать ее.

Они двинулись в путь вдвоем, позже к ним присоединились Эллайен и Килак. Несмотря на печальные обстоятельства путешествия, друзья были счастливы снова оказаться вместе.

Радость, однако, недолго шагала с ними рядом. От съестных припасов сохранить удалось совсем немного, и питаться приходилось тем, что попадалось по дороге. Повсеместное опустение привело к тому, что пища стала редким удовольствием. Голод повлек за собою усталость. Люди, которым едва удалось поспать со времени отчаянного отступления в Гиблом ущелье, вынуждены были путешествовать пешком. Джером наблюдал, как решимость партианцев таяла на глазах, а горе и сомнения начинали подтачивать души изнутри.

Джером всеми силами боролся с унынием и отчаянием, и Меч помог ему на первых порах. Вскоре, однако, и Джерома охватили сомнения. Стоит ли бездумно полагаться на талисман? Меч подвел его один раз, это может случиться снова. Но без веры в Меч, где взять сил идти дальше?

Наблюдательная Мариша первой заметила его состояние. Подбадривая его словами и действиями, она приступила к задаче вернуть Джерому уверенность в себе. В ее ласковом голосе, нежных прикосновениях и любящих глазах Джером нашел понимание и непритворное сочувствие. Свинцовые тучи, накрывшие мир тяжелым пологом, жестокие и безжалостные враги не вселяли больше страх в его душу. Один взгляд на Маришу, будто лучик солнца, рассеивал мрак и согревал надеждой. Благодаря девушке, долгая и утомительная дорога в Куурию казалась лишь временной неприятностью.

Мариша много расспрашивала юношу о Мече — где он нашел талисман, как научился действовать им в бою и прочее. Не удивительно, если вспомнить, сколько любопытства она проявляла еще в Феверруте. Ее зачарованность легендой напоминала Джерому себя самого, и он с удовольствием отвечал на вопросы. Мариша осмелилась взять Меч в руки и долго восхищалась его совершенством и волшебным сиянием. Джером поведал все, что узнал о Мече с самого начала и до того момента, как потерял его в бою. Юноша заметил, что это помогло ему лучше понять, как управлять силой Меча. Ни Мариша, ни Килак не оспаривали утверждения Джерома, что именно Алый Меч вел его в битве. Паренек, не теряя времени, пояснил, где Джером действовал правильно, а где допустил ошибку, но ничего определенного сказать не сумел и только предположил, что пока Меч у Джерома, с ним все будет в порядке.

— И он никогда не кажется тебе тяжелым? — полюбопытствовала Мариша.

— Никогда, — утвердительно ответил Джером. — Даже в бою с драконами я совсем не устал. И все же…

— Да?

Джером оглянулся и, убедившись, что никто посторонний его не слышит, смущенно понизил голос.

— Меч подвел меня. В Гиблом ущелье враг превосходил нас числом. Почти всех перебили, и я не мог этому помешать. Что проку от Меча, если он подводит в тот самый момент, когда более всего нужен?

Мариша ласково и грустно взглянула на него.

— Меч не подвел тебя, Джером. Ты стал уязвим, когда позабыл о своей цели. Меч — продолжение воли владельца. Только твои решительность и стремление, страсть и желание определяют его силу.

Джером задумался над словами Мариши. Кажется, именно так и происходило. Мариша права. Юноша вновь с восхищением взглянул на девушку, державшую в руках Меч, и изумился ее проницательности.

— Что ты имела в виду, когда сказала еще в Феверруте, что Меч существует?

Вопрос застал девушку врасплох.

— Я тебе уже говорила. Просто хотела поддержать твою веру…

— Нет, — не унимался Джером. — Ты имела в виду нечто другое. Речь шла о твоей тайне. Разве не так?

Неожиданно Мариша растерялась и начала озираться по сторонам, будто в поисках укрытия.

— Отец, — наконец ответила девушка, — рассказывал мне много сказок в детстве. Легенда о Мечах нравилась мне больше всех.

— Ты впервые вспомнила отца, — заметил Джером.

— Мама оставила его, когда я была еще маленькой. Я его едва помню.

— Прости, — смутился Джером. — Я не хотел тебя расстроить.

Улыбка Мариши подсказала ему, что все уже прощено и забыто.

— Просто не приставай больше со своими сомнениями.

Джером неуверенно кивнул. Юноша был немало озадачен и удивлен необычайной силой воли Мариши.

День тянулся медленно. Угроза преследования нависла над путниками, будто тяжелая туча. До сих пор им не встретилось ни одного признака драконов или демонов, о которых говорил колдун. Солдаты перешептывались приглушенными голосами и тихо ступали по земле, растянувшись длинными вереницами, чтобы скрыть следы. До границ Куурии оставалась неделя пути. Рано чувствовать себя в безопасности. Четверо конных разведчиков отправились в разные стороны. На восток ускакал всадник, который должен был сообщить королю Галдрику, куда направлялся Коратэль, чтобы тот мог выслать подкрепление. Остальные разведчики получили приказ каждый час возвращаться с докладом о действиях противника. Пока все было тихо.

Ближе к вечеру погода раскапризничалась, потоки дождя заливали промокших до нитки людей, пробиравшихся по поросшим лесом и кустарником берегам. В довершение всех неприятностей подул холодный восточный ветер. Путники продрогли до костей. Джером и Мариша к тому времени оказались в хвосте процессии, где слушали, как Эллайен делился с Килаком премудростями стрельбы из лука. Парнишка, который давно уже сравнялся с охотником в мастерстве, внимательно слушал, пока вдруг не замер на месте, скомандовав остальным не шевелиться.

— Что такое?

Вместо ответа Килак неподвижно застыл на месте. Джером наблюдал за ним, пытаясь расслышать звук, так привлекший его внимание. Но любой шум заглушали речные воды и без устали барабанивший по промокшей земле дождь.

— Там.

Джером посмотрел на разбухшие от дождя тени противоположного берега, куда был устремлен взгляд Килака. Поначалу виднелись лишь промокшая листва и качавшаяся на

ветру стена ветвей и прутьев, окутанная белесой пеленою. И вдруг дыхание Джерома прервалось. В промозглом сумраке сверкали два зеленых глаза.

— О боги, — испуганно ахнула Мариша.

Джером заморит, чтобы убедиться, не обманулся ли он. Зверь сидел на задних лапах и смотрел на них изумрудными глазами. Это был гигантский волк. Лоснящаяся черная шкура резко выделялась на фоне зеленого леса. Черные шипы торчали вдоль позвоночника. Зверь сидел недвижно и изучал юношу, не отрывая от него взгляда.

И вдруг волк поднял голову и издал жуткий вой. Страх сдавил сердце Джерома. Он узнал зов демонов.

— Убей его! — резко приказал Килак.

Джером вынул из ножен Алый Меч. Волк одним мощным прыжком перемахнул через реку, приземлившись на отмель у самого берега. Бегущие воды проглотили зверя, но через мгновение тот поднялся из реки. Поток доходил ему до груди. Охваченный ненасытным голодом, волк шел к ним сквозь воду, рыча и разбрызгивая речную пену.

Стрела ударила волка прямо в грудь. Вслед за нею еще двенадцать стрел впились в жилистое тело зверя. Но волк продолжал наступать. Внезапно он взвизгнул и исчез в бурлящем потоке.

Люди в ужасе, затаив дыхание, наблюдали за картиной. Мариша испуганно посмотрела на Джерома.

— Что это?..

Зверь вынырнул из воды прямо у их ног и вцепился когтями в берег. Мариша вскрикнула, и Джером заслонил ее собою, подняв Меч. Задние лапы волка не двигались, демон еще не выбрался на сушу, когда глаза его потухли, и изумрудные огни превратились в тусклые красные угли. Зверь вытянул когтистую лапу и совершенно затих, словно игольная подушка для стрел, источавшая черную густую жижу.

Туша вздрагивала еще несколько мгновений. Почти вся группа собралась у берега, привлеченная непонятным шумом. Одним из последних к зрителям присоединился Коратэль. Зверь окончательно замер и начал разлагаться у них на глазах. Шкура и кости, клыки и когти растаяли, превратившись в мокрую землю, а вода у берега закипела. За считанные мгновения туша исчезла, и все стихло.

Джером ничуть не удивился, когда увидел бледного, словно смерть Эллайена, не выпускавшего из рук лука.

— Тебе это тоже что-то напомнило?

Охотник кивнул.

— Похоже, мы уже встречались со слугами королевы.

— Появятся и другие, — обратился к Коратэлю Килак.

Главнокомандующий медлил с ответом.

— Тяжеловато будет спрятать столько народу, если эти твари начнут за нами охотится. Я думаю, нам лучше разделиться на небольшие отряды.

— Что, если нападения повторятся? — спросил Эллайен. — Малыми силами мы с чудищами вряд ли справимся.

В толпе ободрительно загудели.

— Придется рискнуть, — сказал Килак. — Наша цель теперь отступление, а не битва.

— Пять отрядов, — решил Коратэль, — не меньше десяти человек каждый. Тронемся с интервалом в десять минут. Будем передвигаться незаметно. А в случае чего успеем быстро собраться вместе.

— А как королева узнает, куда мы идем? — полюбопытствовал Эллайен. — Ведь мы же надеялись заманить драконов за собой?

Коратэль покачал головой.

— Мы должны раскрыть только общий план. Если королеве станет известно наше точное местонахождение, нам конец.

— Они будут следить, — заверил всех Килак. — Нет смысла сознательно привлекать к себе внимание.

— Каждый из генералов будет командовать отрядом. Я поведу последний, — обратился главнокомандующий к офицерам, собравшимся у него за спиной. — Кроме Мальтика, — добавил он, поглядев на его распухшую ногу.

— Я в порядке, — буркнул генерал.

— Достаточно с тебя. — Коратэль резко оборвал спор. — Ты нам еще пригодишься.

— Дай мне посмотреть, — предложила Мариша. — Я с радостью пойду вместе с тобой.

— Мне нужен кто-то, чтобы вести пятую команду. Килак, ты не против?

— Пускай Джером поведет, — предложил парнишка. — Мне хотелось бы прочесать лес в одиночку.

Джером встретился взглядом с Коратэлем и, не мешкая, согласился.

— Считайте, уже сделано.

— Тогда вперед, — приказал своим командирам генерал. Солдаты начали разбиваться по отрядам, а Коратэль, шагая рядом с Джеромом, тихо пробормотал: — Может, хоть один из нас доберется до Куурии живым.

* * *

Огромный черный зверь лежал на полу пещеры. Много веков проспал он в своем каменном царстве, не тревожась о мире за его пределами. За это время он вырос до шестидесяти шагов в длину, а крылья были еще вдвое больше. Чешуя тверже камня защищала его тело, а вдоль спины от затылка до кончика хвоста росли огромные шипы в человеческий рост. Клоки жесткой и спутанной черной шерсти торчали на голове, свисали на морду, липли к лапам, словно неопровержимое свидетельство его древнего происхождения.

Ленивый взгляд его не обманул Спитахеру. Он притворялся как хищный скорпион, поджидающий неосторожную жертву. Чтобы понять, что за существо перед нею, Спитахере не нужно было вглядываться в усмешку на его губах или пересчитывать устлавшие пол кости тех, кто опрометчиво пришел сюда в поисках невиданной поживы. Достаточно было лишь вспомнить, как в первый раз королева, одна из немногих, заглянула в глаза великому зверю и встретила сердце, подобное своему. Ошибка исключалась. Он был едва ли не старше самого страха и ужасен не меньше. Подобное создание вызывало трепет даже в сердцах таких существ как Спитахера.

Ведь он был одним из последних.

Спитахера еще мгновение тихо разглядывала дракона, а затем нежно позвала:

— Килланграторˊ.

Уши огромного дракона затрепетали, гигантское веко приоткрылось над огненным глазом. Черная чешуя мерцала в тусклом свете лавы, которая шипела и бурлила позади него, где неспешная огненная река вытекала из земной коры и собиралась в пылающее озеро. Дракон фыркнул, взглянув на гостью, и Спитахера поморщилась от его зловонного дыхания.

— Мне нужны воины.

В ответ сквозь искривленные губы вырвался гортанный рык. Так бессловесно выразил он свою досаду и раздражение. Гигантские легкие и глотка не способны были исторгнуть речи, понятной мелкому созданию.

— Не смей говорить со мною таким тоном, грязный зверь, — бросила Спитахера. — Они нашли Меч Азахиля.

Королеве демонов было известно об уязвимости дракона, но она не на шутку испугалась, когда чудовище поднесло к ней голову, словно гигантская кобра. Огромные глаза, полыхающие ненавистью, уставились на нее. Горячие ноздри дышали огнем, губы дрожали. Гигантское тело сотрясалось. Неожиданно для себя

Спитахера обнаружила, что прикидывает свои шансы одолеть дракона вместо того, чтобы задуматься о побеге.

— Прости меня, могучий Киллангратор. Я думала, ты знаешь.

Огромная пещера вдруг стала крошечной, когда Киллангратор поднялся на ноги и ударил крыльями. Грудь его раздулась, а шипы на спине зашевелились. Дракон запрокинул голову и испустил такой рев, что гора задрожала. Струи огня и дыма вырвались из ноздрей и устремились к потолку в сотнях шагов от земли. Огненное озеро злобно зашипело, выплевывая жгучую жижу. Спитахера заметила волшебный осадок, который кружился в горячих потоках расплавленного камня, будто масло на воде.

Проклятие дракона звенело в ее голове, как заблудившийся в пещере гром. Мечи Азахиля. Проклятое оружие истребило весь род и загнало его самого в недра горы более семи тысяч лет назад. Киллангратор ненавидел талисманы, принадлежавшие финлорианцам во времена древних войн с драконами. Огонь горы Краккен, поклялся он, будет бушевать с неслыханной яростью. Спитахера пол учит свое войско, опустошит эту землю и уничтожит всех, кто спрятался за силой Меча Азахиля.

Спитахера с облегчением выпрямилась. Опасность миновала. Киллангратор уже вцепился каменными когтями в гору, вырывая куски скалы, чтобы умножить драконье войско Спитахеры. Если судить по его гневу, скоро она получит солдат больше, чем надо. Достаточно, чтобы вырвать Меч силой, если не помогли колдовские чары. Бойцов хватит, чтобы раз и навсегда обезопасить этот мир для себя и своих детей.

Королева не скрывала ликования и позволила себе ухмыльнуться. Улыбалась она до тех пор, пока у ног не упал огромный кусок камня, от которого во все стороны брызнули острые осколки.

Спитахера развернулась и покинула логово дракона, оставив огромного змея заниматься пополнением войска.

Глава 34

Утро рано закралось на беспокойное черно-серое небо. Джером вел свой отряд из одиннадцати человек на юг вдоль берега темной реки Ллорнел. За прошедшие два дня буря только усилилась, и тяжелые тучи преградили путь бледным солнечным лучам, проливая на землю потоки дождя. Жадные до плоти ветры хватали путников холодными пальцами, срывая с них промокшую одежду, и те мечтали лишь об огне, сухой одежде и горячей пище.

Главнокомандующий Коратэль с самого начала решил, что отряды должны достичь южной оконечности вздымающего серые волны озера приблизительно через два дня с того момента, как они разделились. Там они встретятся и решат, менять ли стратегию перед тем, как отправиться на запад через скалистые равнины. А до того момента, согласились все, они не остановятся ни на минуту, несмотря на неприветливую и злую ночь.

Нечего удивляться, решил Джером, что природа решила добавить им неприятностей. Все вокруг рушилось на части, размытые потоками грязной воды. Как клубящиеся над головой грозовые тучи, неясное и неотвратимое будущее нависло над ними. Земли опустошены, жизнь выкорчевана, истреблена. Мир казался безрадостным и нелепым отражением уныния и горечи их сердец.

Джерому до боли надоели холодные и тоскливые сумерки. Он шел уже три дня со времени последней встречи своей с Коратэлем и возглавлял отряд. Именно он отвечал за боевой дух партианцев — задача, которая становилась все труднее по мере того, как усталость и голод одолевали людей.

Юноша сказал себе, что другого пути нет, надо идти вперед. Но он невольно возвращался к мысли, что упустил нечто очень важное, что изменило бы положение к лучшему. Несмотря на поддержку Мариши, он боялся, что подведет всех, если не сообразит вовремя, что делать. Иначе будет слишком поздно.

Настойчиво сражаясь с яростной бурей, зажмурив глаза, Джером шел сквозь сумрак. Он чуть не споткнулся и только потом разглядел под ногами человеческое тело, изуродованное до неузнаваемости, завернутое в остатки кольчуги и в знакомую накидку партианского солдата.

Джером приказал отряду остановиться. От жуткого зрелища все внутри заныло, даже голод отступил. Он опустился на колени и перевернул труп, чтобы заглянуть ему в лицо. Половина черепа ввалилась внутрь, разбитая плоть и раздробленные кости перемешались, кусок челюсти без зубов выступал наружу. На

остатках лица застыло выражение ужаса. Кровь больше не струилась из тела, но была еще теплой.

Джером отвернулся, едва сдерживая рвоту. К счастью желудок его был пустым. Не успел юноша что-то сказать, как Мальтик, хромая, выступил вперед и приказал своему маленькому отряду прочесать окрестности. Они обнаружили еще девять тел, так же изуродованных, как и первое, и выброшенных, будто мусор. Бесполезное оружие валялось на земле или осталось в окоченевших руках. Отряд генерала Джейзина шел прямо перед командой Джерома. Судьба самого генерала осталась неизвестной, и Мальтик незамедлительно приказал разыскать его тело и следы отрядов, которые прошли раньше.

— Посмотрите на отпечатки! — воскликнул Джером, присев с Мальтиком и Эллайеном около небольшого углубления в земле длиною в две человеческих ноги и такой же ширины. Такие же следы, наполненные водой, были повсюду.

— Это не волк, — угрюмо заметил Эллайен.

— Мы нашли следы, которые ведут к воде, — доложил молодой полковник. — Это может быть генерал Джейзин.

— Что с остальными? — спросил Джером, чувствуя, как холодные капли дождя стекают по щекам. — Где те, что прошли раньше?

— Нет свидетельств, что на них напали. Похоже, пострадали только люди генерала Джейзина.

— Но идут за остальными, — добавил Джером.

— Или ждут тех, кто придет следом, — поглядел на друга Эллайен.

Джером тревожно огляделся, всматриваясь в туман, клубами катившийся с озера. Молча прислушивался он к стуку дождя и неустанному рокоту волн, омывавших берега, искал невидимую опасность, которая укрылась совсем близко. Джером поглядел на Маришу. Она осматривала тела в поисках еще живых, затем обернулся к Мальтику.

— Лучше здесь не останавливаться. Думаю, надо догнать Лара и Райнара.

Мальтик положил руку на опухшее перевязанное колено и поморщился.

— Со мной не получится. Я останусь и предупрежу Коратэля.

Люди, онемев, смотрели, как из темноты бесшумно возникла фигура. Джером вскочил на ноги, выдернул Меч из ножен.

Навстречу им вышел настоящий призрак. Лицо его скрывал капюшон серо-зеленого плаща:

— Я об этом позаботился.

Джером облегченно вздохнул.

— Килак, рад тебя видеть.

— Лар и Райнар уже знают, — сообщил Килак. Струи воды бежали по его капюшону и лицу. — И ждут вас. Я скажу Коратэлю.

— Следов Джейзина нет? — спросил Мальтик.

Килак махнул рукой.

— Ему повезло. Я вам потом расскажу. История не очень приятная.

— Хорошо, — сказал Джером, — давайте собираться…

Ночь содрогнулась от внезапного крика, и слова застряли у него в горле. Все, как один, обернулись на шум, изготовив оружие. На этот раз не пришлось напрягать зрение, слепо таращась в темноту. Перед ними вырос высеченный из камня великан. Джером сразу же узнал его. Восьми футов ростом, он высился над головами самых рослых солдат, размахивая толстенными руками и квадратной головой. Глаза горели изумрудным светом. Как такая громадина смогла незаметно подкрасться к ним, даже в тумане, было непостижимо, невероятно. И все же великан подобрался совсем близко, сжимая в каменных кулаках извивающуюся в агонии жертву.

Пока остальные стояли, разинув рты, Килак выступил перед демоном. Его плащ распахнулся, и пара тонких клинков медленно покачнулись, словно движимые ветром. Поначалу каменный великан не замечал паренька, разглядывая собравшихся людей. Взгляд его остановился на Джероме и сверкающем Мече, хотя каменные черты лица не выдали ни единого чувства или мысли. Затем он обратил внимание на мальчишку, зарычал, раздавил жертву и, отшвырнув ее в сторону, двинулся навстречу Килаку.

Со стремительностью, не свойственной такому гиганту, каменный демон обрушил мощный кулак на Килака. Но паренек оказался проворнее и одним прыжком опередил своего противника. Клинки, не медля ни мгновения, принялись за дело, врезавшись в каменные колонны-ноги. Искры словно бабочки полетели оттуда, где лезвия кусали камень. Невредимый, каменный великан обернулся. Нападение Килака не оставило на нем ни царапины.

Парнишка ни мгновения не колебался. Увернувшись от второй атаки, он скользнул у демона под рукой и нанес сокрушительный и безжалостный удар. Джером с возрастающим ужасом наблюдал, как новая попытка завершилась неудачей. Клинки Килака, сравниться с которым мог разве только Алый Меч, даже не оцарапали гранитной тверди.

— Не могу его зацепить! — выкрикнул Килак. Даже если открытие и поразило юного воина, голос его этого не выдал. —

Уходите на юг! Я его задержу!

Джером недоумевал. Такая храбрость — вещь, безусловно, замечательная, но если паренек не мог демона даже зацепить, тем более убить, для великана он — надоедливая муха.

Джером бросился на помощь другу и атаковал демона сзади, намереваясь в куски разрубить его. Алый Меч сверкнул высоко над его головой. Но в самый последний момент навстречу взметнулся каменный кулак, и юноша вынужден был опустить оружие. Камень и сталь столкнулись, вспыхнул фонтан искр, и одним движением Джером отсек гигантскую руку толщиною в человеческое тело. Из раны хлынула кровь. Поток лавы брызнул на траву, мгновенно обратив ее в пепел.

Но демон не выказал боли и не замедлил ничуть смертоносного движения. Сжатый кулак врезался в Джерома и сбил его с ног. Юноша отлетел назад. В глазах потемнело. Вновь вспомнилось поражение от рук того же самого великана при Крааген Кипе. Только теперь он не выпустил из рук оружия, с плеском рухнув в жидкую грязь на краю озера. Мир вокруг закружился.

Джером перевернулся и попытался подняться на локти. На этот раз он не имел права провалиться в обморок, как тогда, под развалинами Трак-Симбоза в битве с ящером, или позже, в Гиблом ущелье. Обморок означал верную смерть. Сквозь туман он услышал отчаянный голос Мариши и увидел бросившуюся к нему девушку. Джером искал глазами, куда делись Килак и каменный демон.

Неустрашимый мальчишка в третий раз атаковал великана, нацелив мечи на обрубок руки. Удар был точным, и тонкие лезвия один за другим впились в открытую рану. Но усилия Килака вновь оказались тщетными, его клинки не смогли поразить наполненных кипящей лавой вен. Невероятным было уже то, что оружие его выдержало жар демонической крови, натыкаясь на непроницаемую каменную плоть.

Килак в самый последний миг увернулся от испепеляющей струи. Солдаты вступили в бой. Рой стрел налетел на великана, жаля лицо, глаза и отвлекая внимание от паренька. Но стрелы отскакивали в стороны со сломанными наконечниками и падали к ногам демона, словно птичьи кости на королевском празднестве. Обстрел прекратился, и первые трое солдат приблизились к каменной глыбе.

С боевым кличем они устремились на врага, держа привычный строй и разрезая воздух мечами. Двое атаковали демона с боков, высоко подняв клинки, третий же целился в каменные колени. Первый рухнул на землю мгновенно, когда

череп его проломил гигантский кулак. Другой успел нанести удар, но мощный локоть смял ему грудную клетку, и солдат попятился назад. Третий повалился на спину в лужу кипя шей крови. Крик несчастного замер скоро: горячая жижа выжгла позвоночник и проделала дыру в легких.

Первая волна атаки захлебнулась, и еще одна группа солдат вступила в бой. Несмотря на все, что они уже успели перевидать, воины направили на неприступного противника стальное оружие. Мариша помогла Джерому подняться на колени и наспех осмотрела его. Юноша старался не обращать на Маришу внимания, но не находил сил оттолкнуть ее. Он видел, как воины, близко подобравшиеся к врагу, были сметены гигантским кулаком или брызжущим лавой обрубком. Усилия тех, кому удалось нанести удар, оказывались бесполезными. Лишь перед Алым Мечом, который теперь лежал в руках Джерома, не мог устоять каменный демон.

Сделав наконец глубокий вдох и собравшись с силами, Джером освободился от Мариши и устремился туда, где разгорелась битва. Друзья гибли, и только Джером был способен спасти их. Ничто не могло остановить его, думал юноша.

Он ошибался.

Крик Мариши заставил его замереть на месте и обернуться. Девушка лежала на спине, а в ногу ее вцепилось усеянное рядами крючков щупальце. Над бурлящей водой поднялась огромная и уродливая, накрытая костяной раковиной пиявка. Второй демон впился крючьями в ногу девушки, и она скользнула по грязи навстречу чудищу, беспомощно хватаясь пальцами за мокрую землю.

Джером бросился на помощь. Там, где начиналось щупальце, Джером разглядел отвратительную пасть. Нижняя челюсть раздвоилась, открыв слизистую пленку, покрывавшую целую нору, набитую извивающимися языками и острыми зубьями. Юноша выкинул из головы тошнотворное видение и остановился около Мариши, чтобы перерубить смертоносное щупальце.

Водяной демон издал жуткий вой. Джером бросил взгляд на чудовище, которое отшвырнуло в сторону перерубленную конечность, и помог Марише подняться на ноги. Двое солдат спешили на помощь по скользкому берегу. Джером не успел и рта открыть, как чудище со скоростью вихря вырвалось из воды.

Дюжина щупалец взметнулись в воздух, словно пойманные ветром флаги, каждое увенчано было собственной пастью, которая жадно щелкала игольчатыми зубами. Джером вовремя успел поднять Меч и отразить удар щупальца. Партианским солдатам повезло меньше. Принимая на себя основной удар, они

размахивали тяжелыми топорами, чтобы защитить товарищей. С тем же успехом они могли рубиться с тараканами в черной комнате. Рассекавшие воздух длиннющие конечности двигались с невероятной скоростью. Один воин успел лишь задеть щупальце, и оружие было выбито у него из рук. Остальным спастись не удалось. Чудище разорвало их надвое. В довершение ужасающего действа, пиявка ударила по телам несколько раз мощными щупальцами, а затем начала пожирать свои жертвы, но не подобно льву, который зубами разрывает добычу, а как стая крыс вцепилась она щупальцами в тела поверженных. Люди кричали, но быстро исчезли в алом фонтане, который обдал Джерома и Маришу, карабкавшихся прочь от берега. Джером обернулся и увидел, что от партианцев остались лишь окровавленные скелеты, обглоданные и разорванные на куски так, что человека узнать было невозможно.

Смерть соратников поразила Джерома, напомнив что-то знакомое. Джером поскользнулся, и они вместе с Маришей полетели в грязь. Пиявка бросилась за ними, выбравшись из воды, и Джером вдруг вспомнил. Трупы напомнили ему Ниитена! То самое чудище, которое должно было сожрать его в болотах Восгеса. Юноше вспомнилось, как люди из племени Повайи обнаружили гигантский остов, обглоданный стаей острозубых хищных рыб. Теперь ясно, что спасло его тогда.

Времени на раздумья не было. То же самое чудовище теперь пришло за его жизнью.

— Вперед! — крикнул он Марише. Нога, за которую схватил ее демон, кровоточила. Девушка поднялась, но снова поскользнулась на неровной почве и упала. Джером обернулся навстречу урагану острозубых щупалец.

Внезапно в самом центре вихря возник неугомонный Килак.

— Нет! — заорал Джером, чувствуя, как глаза его выскакивают из орбит, а рот раскрывается от удивления. Еще ни разу не видел он, чтобы паренек двигался так быстро. Направо и налево, назад и вперед он перелетал, будто ветер. Он казался пляшущей куклой, каждый член которой двигался независимо. Но бессвязный и отчаянный его танец был на самом деле стремительным круговоротом просчитанных и точных движений. Каким-то удивительным образом паренек уцелел посреди бушевавшего урагана щупалец и клыков. И до Джерома наконец дошло, что Килак побеждает. Тело пиявки было заковано в броню панциря, но мягкие щупальца не могли противостоять острым клинкам. Куски отрубленного мяса падали на землю и гневно шипели, попадая в грязные лужи. Пиявка выла от боли. Чудище с бешенством устремилось в атаку, но паренек, как и всегда, стоял

твердо. Брызги черной крови фонтанами летели в воздух, а водяной демон бесновался, размахивая обрубками конечностей. Одна задругой извивающиеся его руки становились короче и короче, пока пиявка невероятным для Джерома образом не начала отступать.

Джером не без труда поднялся на ноги.

— Сзади! — закричал. Килак.

Джером стремительно обернулся. Навстречу двигалась каменная глыба. Тяжесть шагов скрадывала размокшая земля. Не обращая внимания на жалкие попытки солдат остановить его, великан приближался к Джерому и к Алому Мечу.

Мариша снова отходила к берегу у него за спиной, сжимая в руке кинжал. Уверенный, что Килак сумеет защитить ее от водяного чудища, Джером приготовился к схватке с каменным великаном. Эллайен непрерывно забрасывал демона стрелами, но безрезультатно. Никто не мог остановить его. Только Джером.

Хватит бежать и скрываться, сказал себе Джером, почувствовав тепло Меча. Он сжался подобно пружине и приготовился броситься в бой с демоном.

Внезапно яркий, ослепительный свет заставил его зажмуриться и повернуть голову. Громовой удар чуть не сшиб юношу с ног. Подняв глаза, он увидел, как гранитный великан замер на полпути, и столп света с треском пролился с неба на огромное тело. Ослепленный огнем, Джером в недоумении оглядывался. Яркие белые лучи продолжали сыпаться из черных туч на каменного монстра, заставив его опуститься на колени. И тогда Джером заметил высокого старика в длинных темных одеждах. Лица разглядеть было невозможно. Старик напряженно и сосредоточенно склонил голову. Джером увидел только костлявые скрюченные пальцы, протянутые к тучам, призывающие на землю ослепительные лучи.

Старик упал на колено.

— Меч! — зарычал незнакомец. — Я не могу сдерживать его вечно.

Джером, словно по команде, бросился вперед. Движения его казались путаными и нелепыми. Юноша остановился прямо перед парализованным демоном, который, несмотря ни на что, пытался достать его. Не колеблясь, Джером проткнул каменную глыбу клинком, вспыхнувшим алым пламенем. Когда он выдернул Меч, горячая кровь потоком хлынула из груди великана, заставив Джерома отпрянуть. Сейчас же поток небесного огня иссяк и освободил демона от сверкающих оков. Джером приготовился встретить удар, но враг рухнул лицом в лужу собственной крови. Не испустив более ни звука и не вздрогнув, великан растаял,

превратившись в облако пара, которое унеслось с порывом ветра.

Но звуки битвы не стихали, и Джером обернулся в сторону озера, готовый помочь Килаку одолеть водяного демона. Он опоздал. Килак, несмотря на необузданную ярость чудища, нашел нужный ритм, и теперь танцевал, нанося удары с возрастающей скоростью и неотвратимой точностью. На глазах друзей мечи его проткнули защищенную панцирем голову, обнажив жидкий мозг. Оружие на мгновение отпустило жертву, только чтобы вновь впиться в нее. Щупальца отчаянно отбивались, а Килак кромсал их на куски. Чудище подалось обратно в воду, но отступать было некуда. Тонкие клинки наконец замерли. Зеленые глаза померкли, и безжизненное чудовищное тело скрылось под водой.

Килак еще немного задержался на берегу. Его грудь лихорадочно вздымалась после изнурительного сражения. Джером подошел к Марише и обнял ее.

— Я в порядке, — сказала девушка. — Пойду посмотрю, как там остальные.

Они обернулись к партианцам, но навстречу шел чернобородый старик.

— Мы обязаны вам жизнью, — приветствовал незнакомца Килак.

— Тогда мы в расчете, — ответил тот. — Где книга?

Джером посмотрел сначала на одного, потом на другого, но взгляд старца остановился на нем.

— Как?.. — Речь его пресеклась, когда осколки разбитого зеркала вдруг собрались воедино. — Древин? Древин из Уитлока?

— Ума у тебя не меньше, чем везенья, — отрезал старик. — Книга у вас или нет?

— Она у меня, — раздался голос Эллайена, который тащил за собой грязную кожаную сумку. — Это большая честь…

Древин взревел, выхватил у Эллайена сумку и вынул оттуда тяжелую книгу. Его пальцы нежно пробежали по переплету.

Джером ощутил прилив радости — старания его и Эллайена сохранить книгу все-таки оправдались. Юноша обменялся взглядом с охотником, который весь светился от удовольствия.

— Знаете, — сказал старцу Эллайен, — вам здорово повезло, что книга еще у нас.

Древин хмуро поглядел на Эллайена, но лицо его прояснилось, как только он открыл книгу и начал перелистывать страницы. Со своего места Джером едва мог разглядеть, как таинственные письмена начали возвращаться, пробужденные прикосновением старческой руки.

— Как вы нашли нас? — осмелился спросить юноша.

— Я искал, — резко ответил тот и захлопнул книгу. —

Пошли.

— Куда? — нахмурился Джером.

— Пора почтить и тех, кто помог тебе отыскать Меч.

Джером вновь поглядел на Эллайена, не веря собственным ушам.

— Так вот кто стоял за всем этим?

— Винить меня не смей, — горько ответил старец, пряча древний том в свою сумку. — Без сомнения, не предпочтешь ты теперь призрачного понятия о предопределенности вселенной, чтобы объяснить неведомое.

Джерому оставалось только таращиться с разинутым ртом на незнакомца. Он больше не знал, во что верить.

Старец презрительно фыркнул.

— Мне можешь верить. То, что ты зовешь судьбой, я зову кознями дряхлых стариков. Тем не менее мои соратники жаждут собственными глазами увидеть Алый Меч и в свою очередь поведают тебе, как одолеть королеву демонов — если это вообще возможно.

Джером так и не собрался с ответом и остался под дождем и ветром, наблюдая, как старик перекинул сумку через плечо и направился к ожидавшему его коню. Стоны раненых и искалеченных демонами раздирали ночной воздух и отвлекали внимание Джерома. Юноша оглянулся. Мариша была занята ранеными.

— Пострадали люди, — проговорил Джером.

— Кто-нибудь из тех, что помогли тебе разыскать Меч?

— Нет. Но…

— Без всяких но. Это твоя война, не моя. Если хочешь узнать, как одержать победу, следуй за мною. Но не проси меня ждать. И без того я потратил уже много времени попусту.

Джером взглянул на Маришу, которая перевязывала руку солдату.

— Иди, — сказала девушка, — я нужна здесь.

— Я тебя не брошу, — по-детски упрямо возразил он.

— Иди, — твердо повторила Мариша. — Узнай все, что необходимо. Я буду ждать тебя в Куурии.

— Похоже, выбора нет, — хрипло отозвался Мальтик и, прихрамывая, направился к Марише. Третий генерал кивнул в сторону древина, который приторочил к тому времени сумку с книгой к седлу и уже поставил ногу в стремя.

Джером оглянулся на Маришу и Мальтика. Вся правая сторона лица генерала была залита кровью.

— Мы дождемся Коратэля, а потом встретимся с остальными, — заверил его Мальтик. — Девушка будет в

безопасности.

— С ранеными или без, — бесцеремонно вмешался древин, ерзая в седле, — советую вам убираться сейчас. По крайней мере отойдите подальше от воды. Неужели вы не догадались, что именно так демоны королевы перемещаются в пространстве.

С этими словами старик хлестнул поводьями и отправился навстречу ночи.

— Все слишком скоро случилось, — взмолился о помощи Джером.

— Еще одна причина пошевеливаться, — вставил Килак, глядя вслед древину, который уже начинал исчезать в сумрачном тумане.

Джерому казалось, что его рвут в разные стороны или четвертуют. С одной стороны он знал, что должен отправиться за древином, чтобы узнать больше о королеве демонов и обрести так тревожащую его правду о собственной жизни. Но оставить Маришу, когда они только-только встретились вновь…

Он готов был высказать несчетное число других предложений. Но события встали плотной стеной против любых мыслимых возражений. Да он и сам понимал нелепость своих протестов. Время пустых слов прошло.

Джером снова с тоской посмотрел на Маришу. Что-то во взгляде девушки подсказало Джерому — она переживает те же мучительные чувства, что и он. Но вместе с тем он разглядел в глазах ее непоколебимую твердость. Однажды он уже попросил ее оставить других. Больше она этого не сделает.

Джером шагнул было в сторону Мариши, но глухой стон раненого отвлек ее внимание. Джером покорился Килаку и Эллайену, которые уже тащили его вслед за удалявшимся древином.

Глава 35

Опустив голову, Джером ехал по пустынному склону. Грязные тропы давно уступили место Аспадельским скалам. Холодный и прозрачный воздух царапал кожу, словно осколками битого стекла. Беспокойные небеса кипели и вздымались, черные тучи извергали на головы путешественников потоки темной воды. Путники поднялись гораздо выше на горную гряду, чем Джером и Эллайен несколько недель назад, когда они пытались разыскать город древинов. Джером не знал, сколько еще осталось идти, но уже ясно понимал, как глупо было с его стороны надеяться, что он отыщет город самостоятельно.

Храня скорбное молчание, юноша наблюдал, как в лунном свете облаком серебрилось его дыхание. Волнение при мысли об Уитлоке и о встрече с таинственными древинами давно оставило его. Путешествие было долгим и изнурительным для тела и разума. Постепенно в озерных туманах скрылись Мариша и партианцы, а звуки их голосов сменились неспешной поступью коней. Голова Джерома раскалывалась от неразрешимых загадок. Поначалу он старался выстроить систему, но вопросы плясали перед глазами беспорядочным хороводом снежных хлопьев, а он с каждым шагом выдумывал все новые. Наконец Джером сдался, оставив попытки придать своим мыслям разумную организацию, и начал задавать вопросы один за другим, отчего самоуверенность его таяла на глазах.

— Многие из твоих вопросов ответа никогда не найдут, — буркнул древин. — На прочие же ответ ждет тебя в Уитлоке и не раньше.

Такая отповедь показалась Джерому безосновательно грубой, но ему хватило ума придержать эту мысль при себе. Он немного отстал и присоединился к своим друзьям, бредущим за проводником по грязной и вязкой дороге. Обидчивому старику ни на что не хватало времени. Он уже отказался ненадолго остановиться и объясниться с генералами, которые, должно быть, начинали не на шутку волноваться из-за позднего возвращения отряда Джерома.

— Пускай себе волнуются. Правду они и так скоро узнают. Нет смысла тратить попусту чужое время.

Именно тогда Джерому окончательно расхотелось расспрашивать древина. Он боялся пропустить что-нибудь, не успевал выложить все вопросы и надеялся осторожно выманить старого чудака из его панциря. Увы, с тем же успехом можно уговаривать рыбу вылезти из воды или сову вылететь на охоту

днем.

Путь их продолжался до самой полуночи. Древин порядком удивил своих сопровождающих, позволив им остановиться на ночлег. Приют они нашли на заброшенной ферме, хозяева которой бросили после себя целый табун изголодавшихся лошадей. Древин, который до сих пор оставался безымянным для своих спутников, казалось, не испытывал усталости. Уснул он последним, а разбудил всех еще до восхода солнца, грубо и без единого слова тряхнув каждого за плечо.

Трех лошадей они увели с собой, остальных освободили из голодной темницы. Уже по дороге позавтракали кореньями и ягодами, которыми угостил их древин. Таких растений друзья до сих пор не видели и съели их в полной тишине. Старец не только сам отказывался говорить, но и предпочитал, чтобы остальные помалкивали. Спутники, отдавая дань уважения его желаниям, предавались размышлениям о будущем. Хотя, задумался Джером, если другие древины хоть вполовину так же сварливы, как этот, общаться с ними будет нелегко.

Верхом они довольно быстро пересекли сырые от дождей равнины южной Парты. С юга чернел Кальмирский лес — таинственный лабиринт в облаках белых туманов. А сверху нависали Аспадельские горы. Отвесные вершины их напоминали складки огромного плата, брошенного на дороге великаном. Когда на западе в тяжелых облаках мрачно замерцал закат, путешественники выбрались из промокших насквозь лугов на скалистые земли.

Там они и остановились. Джером устал и окончательно продрог. Поминутно вспоминал он о Марише, о ее судьбе. Случись новое нападение, что будет с ними без Джерома и Килака? Джером оставил их. И причины тому, вроде бы ясные и разумные, теперь казались натянутыми и незначительными.

Джером боялся новых сведений о королеве демонов, но больше всего о себе самом. Храбрость его и решимость опирались на твердую веру в судьбу, которая распорядилась так, чтобы он разыскал Меч и теперь с его помощью встал на защиту народа. Но если древин прав и успехом его распорядилась не судьба, а тайное мистическое сообщество, то какой цели оно добивалось?

Может быть, судьба и древины действуют заодно, но кто-то играет главенствующую роль. В любом случае выбор пал на Джерома, и ему ничего не оставалось, как согласиться, что тому были причины. А пока Джером не получил опровержений, вера станет ему щитом. Старик сказал правду, ждать ответа осталось недолго.

Путь продолжался после наступления ночи. Путешественники

ехали медленно, чтобы лошади не поскользнулись на мокрых каменных тропах, поднимавшихся высоко над макушками деревьев. Джерому казалось, что укрытия искать следовало бы внизу, в лесах, но допекать старика вопросами он не собирался, особенно теперь, когда так долго держал язык за зубами. Если они все замерзнут, это станет упрямцу отличным уроком.

Но так же неожиданно, как и возник, древин остановился. Перед путешественниками возвышалась неприметная каменная стена, увитая гибкой лозой и колючим кустарником. Джером неуверенно оглянулся на друзей, а старец спешился и приблизился к скале. Рука его поднялась из вороха мокрых одежд и прикоснулась к камню, голова сосредоточенно склонилась. Через мгновение он обернулся на своих спутников, не отнимая руки от скалы.

— Проход открыт.

Джером скептически посмотрел на скалу, затем на старика, не заметив в камне ни малейшей перемены.

— Пошевеливайтесь? Я не собираюсь держать дверь открытой весь день напролет!

Друзья обменялись неуверенными взглядами. Килак спустился с седла, Эллайен последовал за ним. Джером поймал на себе взгляд древина и неохотно сделал то же самое.

Вперед выступил Килак, для пущей уверенности расправив плечи. Он медлил и посмотрел на древина перед тем как пройти сквозь стену и раствориться.

У Джерома и Эллайена глаза полезли на лоб, но древин не дал им времени на обсуждение.

— Пошли, — проревел он, — или оставайтесь здесь.

Друзья из Дилна набрались храбрости и переступили порог волшебного портала. Будто облако дыма, стена не препятствовала их движениям. Они присоединились к Килаку и оказались в узком, высеченном в скале коридоре, освещенном факелами. Металлические арки, как гигантские ребра, поддерживали высокий каменный потолок. В конце коридора прямо перед ними выросли окованные железом двери, преградившие дальнейший путь. Другие двери закрывали боковые туннели. Все выглядело просто и сугубо практично, без всяких лишних украшений. Даже воздух был затхлым и неприветливым, хотя более теплым и сухим, чем снаружи.

Скромный вид коридора не смутил Джерома. Его охватило чувство благоговения. Уитлок, легендарный город древинов. Место, в существование которого верили лишь немногие. И все же он и его друзья получили приглашение в святая святых забытого мира.

— А что с лошадьми? — поинтересовался Килак, когда к ним присоединился сварливый хозяин.

— За ними присмотрят.

Дальнейших разъяснений не последовало. Времени осмотреться друзьям предложено не было. В круговороте летящих темных одежд высокий провожатый понесся по темному коридору. Не доходя до высоких двустворчатых дверей, он повернул направо и приложил ладонь к камню, вмурованному в стену, который тут же раскрылся без единого звука и шороха.

— Идем.

Пришельцы повиновались, стряхивая капли воды с плащей и шаркая по полу мокрыми ботинками. Древин стоял у открытой двери, указывая друзьям дорогу внутрь. Его высокая фигура закрывала все остальные проходы. Джером наблюдал, как Килак и Эллайен послушно проскользнули вперед, но когда пришла его очередь, он невольно вытянул шею, чтобы взглянуть на высокие железные двери, гадая, что за тайны скрывались за ними.

— Ты испытываешь мое терпение, юный обладатель Меча.

Джером заглянул в суровое лицо древина и, опустив голову, продолжил путь под хмурым взглядом провожатого.

Джером присоединился к ожидавшим его друзьям. В помещении двенадцать высоких фигур в белых одеждах собрались у стола, скрытого под горами свитков и книг. Как и коридор, комната без окон казалась пустой и голой, наполненной затхлым от времени воздухом.

— А-а, наконец-то и вы прибыли.

Книги закрылись, стол расчистили от свитков. Джером и его приятели стояли молча. Все древины поразительно походили друг на друга — высокие, в длинных одеждах с седыми бородами и волосами. Их продолговатые лица покрывали морщины — шрамы, оставленные безжалостными столетиями. Но кристально-голубые глаза их сияли ярким неземным светом.

— Приветствую, друзья мои, — заговорил древин, расположившийся во главе стола. Пока остальные работали, старец этот сидел спокойно и недвижно с легкой улыбкой на морщинистом лице. — Надеюсь, Ранункулус не испортил вашего путешествия окончательно.

Джером оглянулся на сопровождавшего его в Уитлок древина, который с его пепельной бородой казался довольно молодым по сравнению с другими старцами. Вместо ответа он бросил на старшего собрата язвительный взгляд.

— Не беспокойся, друг мой. Ты вновь дома.

Ранункулус буркнул что-то себе под нос и развернулся.

— Ты не хочешь увидеть Меч? — позвал его седобородый,

который первым приветствовал гостей.

— Я уже видел, — пробормотал Ранункулус, выходя из комнаты.

— Но остальные не видели.

Джерома поразили сверкающие глаза старца с белой бородой.

— Смелее, мой юный друг. Позвольте же и нам взглянуть на осколок божественной силы.

Железная дверь захлопнулась за спиной Ранункулуса.

* * *

Килланграторр работал без устали. Он швырнул осколок скалы в кипящую реку магмы, пробившую себе путь через горное логово. Мгновение держал он камень в реке, пока вершилось колдовство творения, и внутренние энергии направляли жгучую кровь горы Краккен в каменную твердь. Завершив дело, он вынул и отложил гранитное яйцо в сторону. Нестерпимый жар расплавленной земли не оставил ни отметины на чешуйчатой руке.

Почти в тот же миг внешний слой яйца откололся, выпустив на волю нового дракона. Тварь шипела и кричала, вышвыривая осколки скорлупы в лаву, вскормившую ее. Килланграторр помог новорожденному созданию освободиться от остатков оков, которые растаяли и ручьем маслянисто-голубой жижи стекли в реку, унесшую отходы в дальнее озеро. Само озеро кипело и выплевывало брызги, сделавшись почти полностью голубого цвета от волшебной примеси.

Дракон отскреб от скалы горсть камней. В это время последний его детеныш, покачиваясь, добрел до берега. Он уже полностью оформился, но первые шаги выглядели неуклюжими и неуверенными. Не успев повернуть к пещере, где ожидали старшие братья, он потерял равновесие и рухнул в горячий поток. Килланграторр обернулся, но не сделал ни единого движения, чтобы спасти бесполезную тварь, которая барахталась и уносилась вслед за потоком. Лава была ему нипочем, но волшебный осадок прожег горло и грудь, будто раскаленное лезвие. Килланграторр наблюдал, как его тело вынесло в озеро, где оно растаяло, разъеденное кислотой.

Когда от дракона не осталось и следа, Килланграторр опустил в лаву осколок, держась подальше от голубого осадка, и подарил жизнь новому семени.

* * *

— Выкованный на заре времен Меч, — рассказывал старец по имени Мавентроу, — озарен божественным могуществом и мудростью самих Кейлхай, чтобы стать орудием рождения земли.

Вздохнув, Джером спрятал оружие в ножны. Вот уже час провел он в окружении древинов, а ему еще только предстояло узнать, зачем его разлучили с Маришей и друзьями. Один за другим древины называли свои имена, долгий и заунывный список, который Джером даже не пытался запомнить. Были только два исключения: дружелюбный серобородый Хтома и другой с белой бородою, к которому прислушивались прочие древины, по имени Мавентроу. После этого они торжественно потребовали предъявить Меч, приказав Джерому на время придержать свои вопросы. Джером повиновался и наблюдал, как талисман передают из рук в руки вокруг стола. Каждый древин поочередно брал оружие с восторженным и приглушенным возгласом, восхищаясь его совершенством.

Затем Джерому пришлось поведать, когда и где в точности он обнаружил Меч. Чувствуя себя чужим и незначительным среди существ, обитавших где-то между царствами богов и людей, Джером в сотый раз пересказал историю своих приключений в развалинах Трак-Симбоза. Он описал погибший город. Голос Джерома выдавал чувства восторга и радости, охвативших его при виде эльфийской столицы. Юноша поведал о проводнике Квингене У'уене, о приключении в катакомбах, о битве с невероятным и смертоносным ящером, о гробнице, где покоился Меч, о заколдованных дверях, которые отворились, когда друзья завладели талисманом, и потом выпустили их на свободу.

Древины терпеливо и внимательно слушали, но не торопили рассказчика. Они не перебивали, не задавали вопросов, не выражали никаких чувств. Древины сосредоточенно запоминали каждую деталь повествования, многие из которых, как догадывался Джером, были им известны. Если его повествование и проливало хоть лучик света на тайны, окутывавшие Меч и падение древнего финлорианского города, то древины оставили это при себе.

Когда повествование завершилось, Мавентроу возвратил рассказчику талисман и позволил ему задать первый вопрос. Случись это раньше, Джером не знал бы, с чего начать. Но теперь все его мысли обратились к Мечу. От глаз Джерома не ускользнуло, как засверкал талисман от прикосновения старцев, залив залу своим сиянием по их немому велению. И он горел желанием немедленно узнать все о Мече и его силе.

— Мечи никогда не предназначались для рук смертных, — продолжал Мавентроу. — Немногим более семи тысячелетий

назад, когда дети Бога Дракона решили под его предводительством покорить землю, аватарам, обладателям Мечей, не осталось иного выбора, как передать талисманы жившим в те времена эльфам. В противном случае финлорианцы и прочие обитатели земли обречены были на гибель.

Джером терпеливо кивнул. Он пришел не для того, чтобы слушать пересказ легенд, которые и без того знал назубок.

— Конечно, финлорианцы одержали победу и заслужили доверие и честь стать хранителями Мечей. Время шло, талисманы были украдены и проданы, и вновь украдены, пока наконец окончательно не исчезли в водовороте смертей и войн. Меч, которым обладаешь ты теперь, передавался в финлорианской королевской семье со времени войн драконов, и был погребен много веков назад вместе с величайшим городом, отступившим перед силами природы. Несмотря на старания бесчисленных похитителей, охотников за сокровищами и просто глупцов, свет так никогда более не увидел Меча.

— Вы назвали его орудием мира и порядка, — подсказал Джером. — Как направить его силу против хаоса, который грозит поглотить всех нас?

— Тайны его силы исчезли еще до финлорианских эльфов, — с грустью отвечал Мавентроу, — их только предстоит раскрыть. Пойми меня правильно, силы Меча имеют божественное происхождение. Они безграничны, за исключением тех пределов, в которые мы, смертные, сковываем их. Реальную силу Меча определяет его обладатель.

Джером пришел в ужас, хотя и пытался сохранить достойный вид. Юноша искренне верил, что здесь, среди древинов, он получит все необходимое для высвобождения того могущества Меча, о котором слагали легенды. Невозможным казалось, что самопровозглашенные аватары из людей, занятия которых непостижимы для смертных, знали не более того, что он и так давно для себя открыл. А если так, то зачем он пришел? Или его действительно пригласили лишь для того, чтобы закрыть черные пятна в истории?

Он склонился над деревянным столом. По обе стороны стояли Килак и Эллайен.

— Тогда скажите, почему выбрали меня?

— Выбрали? — озадаченно переспросил древин. — Прошло много лет. Никто уже не верит в Мечи Азахиля или в тот мир, который существовал до прихода людей. В тебе нашли мы упорство и непреклонное желание разыскать легендарное оружие. Ты сам давно избрал этот путь. Возвращение Меча — твое личное свершение. Мы лишь по мере сил помогали тебе.

— Книга, — заговорил Эллайен. — Вы послали ее вместе с одним из ваших приятелей в Иртвин, чтобы передать нам?

Мавентроу кивнул.

— Но если она предназначалась нам, — спросил охотник, — почему она была заколдована?

— Наши книги защищены от прикосновения любого, кроме древинов, — разъяснил Мавентроу. — Общее правило. Ранункулус должен был встретиться с вами в библиотеке под видом ученого и рассказать все, что могло понадобиться в пути — в основном, о местонахождении Трак-Симбоза. Вышло же, — добавил он, искоса поглядев на Хтому, — не совсем так, как мы рассчитывали. И тем не менее наша вера в твою преданность, судя по всему, оправдалась.

— Почему вы не захотели встретиться раньше? — спросил Джером. — До путешествия на восток мы искали вас в тех самых горах. И вы об этом, без сомнения, знали. Если вы действительно надеялись на успех, почему не ответили на мои вопросы с самого начала?

В голосе Джерома звучала горечь. Как юноша и подозревал, древины с легкостью манипулировали им. Чем дальше заходил разговор, тем явственнее ощущал он враждебность к этим назойливым старикам, которые были, вероятно, отчасти виновны в его бедах.

Мавентроу вздохнул.

— Мы собирались устроить встречу, но решили, что ты знаешь все и без наших рассказов. Единственное, что мы могли дать тебе, так это надежные сведения о существовании Меча. — Старец остановился, и в его кристальных глазах сверкнула озорная искорка. — Но вера твоя в Меч и без того была непоколебима. Предайся ты отчаянию, нашли бы другого на твое место.

— Что? — прохрипел Джером. От неожиданности у него перехватило дыхание.

— До тебя, в прошлых столетиях, были и другие. На этот раз наш выбор пал на тебя. Ты оказался лучшим, но не единственным, к кому намеревались мы обратиться. Ему, может быть, и не достает твоей целеустремленности, но юный воин Кронус казался достойной заменой, поэтому-то мы и свели вас.

Килак недоверчиво глянул на старца.

— Свели? Это еще как?

— Небольшие подсказки, — отмахнулся от вопроса древин. — Сны, мысли, направление ветра. Ты бы и не заметил. Ты бродишь по свету, зачастую сам не зная, куда идешь. Некоторые усомнились в твоей пригодности, но зато мы легко

указали нужный путь.

Джером едва слышал слова старца. На юношу обрушилась горькая правда, от которой он так хотел скрыться. Все последнее время Джером действовал исходя из ошибочного убеждения, что именно для него была уготована эта доля. Укрывшись, будто щитом, верою в несомненное могущество судьбы, он пустился в безумное, немыслимое приключение. Хуже того, он увлек за собою друзей, подверг их жизни опасности лишь из-за своей убежденности в неизменном течении судьбы, которая несет его судно. И вдруг корабль разбился о подводный риф, обшивка лопнула и мачты преломились под ударами суровых волн действительности.

— А Ниитен? — спросил он, заранее зная ответ.

— Ловко, не правда ли? — с улыбкой отвечал Мавентроу. — Один из шпионов Спитахеры невольно расчистил тебе дорогу к талисману, которого так жаждет королева.

Очередная насмешка судьбы. Как и жизнь, которую он всегда считал своею, путешествие оказалось ложью. Он был пешкой. Игрушкой в руках Кейлхай и созданий, восседавших ступенью ниже. Меч попал к нему по ошибке. Так выпал жребий. Ни оружие, ни его силы не принадлежали ему. Джером не знал ничего о них раньше и впредь останется в неведении. Не будет внезапного откровения, восторга и осознания, что он повелевает Мечом и исполнит свое предназначение. Звезды не предсказывали ему торжества над силами тьмы. Была лишь голая, жалящая правда, которую наконец выпустили на волю. История его расы на землях Пентании обречена на гибель только потому, что он — трусливый недотепа, поверивший в великие силы, которых никогда не существовало — решил, что способен победить.

— Я не могу этого сделать. — Тошнота подступила к самому горлу, живот скрутило. Как такое могло случиться? Кто ввел его в заблуждение? Боги милостивые, каким наивным слепцом он оказался!

— Меч принадлежит тебе, — сквозь пелену терзаний расслышал он голос Мавентроу. — Ты уже одержал великую победу. Наше скромное вмешательство ни в коей мере не приуменьшает твоих свершений.

Но Джером не находил утешения в словах старца.

— Я искал Меч только потому, что…

— Ты обязан был выполнить долг, возвратить покой своего прошлого.

— Да. И я думал… Мне казалось, судьба распорядилась…

— Судьба находится в твоих руках. Вера в ее силу подарила

тебе редкую решительность, но остерегайся, ей не защитить тебя от ужасов, с которыми предстоит еще столкнуться. Подобно Мечу: только тебе выбирать его слабые и сильные стороны. Итак, на чьи плечи готов ты взвалить эту ношу?

Усталый и смущенный юноша растерянно молчал. Огонек дрожал на середине стола, стучась в стеклянные стенки лампы, словно бабочка в паутине. Джером точно так же оказался в ловушке таинственной комнаты. Он стал жертвой собственного выбора и козней дряхлых стариков.

Мавентроу был прав. Он не мог изменить того, что сделано. Джером не знал, как поступить дальше. Вера в судьбу разлетелась на осколки, и уповать оставалось только на собственные силы. Но если он сдастся и отступит, кто возьмет на себя его бремя? Юноша поглядел на Килака и Эллайена — ради него друзья рисковали жизнями. Наконец на глаза ему попался Меч. Он дотрагивался пальцами до каменьев, гладил прихотливый узор на серебряной поверхности, тщетно ища утешения.

Джером беспомощно и покорно поднял глаза.

— Как же мне сражаться оружием, о котором я ничего не знаю, с самой королевой демонов?

— Волшебные силы, которые однажды помогли одолеть королеву, покинули мир, — признал Мавентроу. Старец говорил неторопливо и без суеты, словно вел самую обычную беседу. — Спитахере это известно. Но ты и сам уже видел, что одно лишь присутствие Алого Меча заставляет ее держаться на расстоянии.

— Она не рискует прямо противостоять Мечу, пока не знает ничего о его обладателе, — добавил древин по имени Хтома.

Мавентроу продолжал так, будто Хтома и не раскрывал рта.

— Сейчас она, опираясь на свои войска, постарается укрепить позиции. Временное замешательство врага — единственная возможность ослабить его, пока не стало слишком поздно.

— Вы должны одолеть ее армии, — пояснил Хтома, — и только потом сумеете бросить вызов королеве. Одержите победу, и присутствия Меча окажется достаточно, чтобы загнать ее в укрытие, может статься, еще на тысячу лет.

— Остается главный вопрос, — сказал Джером, вспомнив поражение при Крааген Кипе. — Как нам их одолеть?

Мавентроу покачал головой, и великолепная его снежная шевелюра всколыхнулась.

— Вы сражаетесь на износ с драконовым отродьем — кстати, удачное прозвище. В открытой войне вам не победить. Пока мы ведем беседу, число врагов растет.

— Растет? — вытаращил глаза Джером.

— Воины королевы — отнюдь не порождение живых сил

природы. Они дети Килланграторa — могучего черного дракона, живущего в глубине горы Краккен со времен Войн Драконов.

— Ни одно существо в мире не сравнится с ним в магической мощи, — добавил Хтома. — Драконово отродье рождено чарами колдовства.

Мавентроу с мрачной улыбкой оглядел гостей.

— Как я уже заметил, вы, люди, выбрали правильное прозвище. Килланграторсилою огня горы Краккен создаст чудовищ. Десятки превращаются в сотни, а сотни в легионы. Чем долее тянется война, тем больше врагов будет противостоять вам.

Джером глядел на рассказчиков, не веря собственным ушам.

— Выходит, дракон тоже служит королеве демонов?

— Килланграторне служит никому. Но ненависть заставляет его помогать королеве в борьбе с людским племенем. И гнев его лишь усилится, когда он узнает о Мече, который однажды рассеял и пресек его род.

У Джерома голова шла кругом от всего услышанного.

— Значит, надо убить дракона, чтобы вражье войско перестало расти?

Мавентроу поднял морщинистую руку.

— Убьете Килланграторa, и порожденные им силы сгинут. На время в зале установилась тишина. Джером переглянулся с друзьями. В глазах Килака, как в зеркале, отразился его скептицизм.

— А вы уверены, что сила Меча одолеет дракона? — нерешительно спросил Джером.

Мавентроу и Хтома задумались. Остальные древины продолжали сидеть с каменными лицами.

— Тщательно поразмыслив, — признался Хтома, — мы предостерегаем вас от охоты на Килланграторa с Мечом Азахиля.

— Почему? — Услышанное снова казалось Джерому невероятным.

— Спитахера следит за вами и за Мечом. Она пронюхает о вашем намерении и предупредит Килланграторa. Страх перед Мечом может заставить дракона покинуть Краккен.

— Но…

— Это приведет к катастрофе. В лучшем случае он улетит и отыщет новое укрытие. Может быть, он перестанет творить чудовищ, ноте, которых он уже создал для королевы, уничтожат вас.

— А в худшем случае? Мавентроу только покачал головой.

— Я не понимаю, — вставил Эллайен. — Такой могучий зверь боится Алого Меча?

— Вы не используете всю силу талисмана. Килланграторa

этого не знает. Он видел в полной мере ярость священного оружия и не позабудет ее никогда. Именно она держала его в укрытии столько лет.

— Где же выход? — с отчаянием спросил Джером. — Мы не сумеем одолеть его с помощью Меча, а войско королевы способно истребить всех наших людей, так на что нам надеяться?

Кристально-голубые глаза древина блеснули. — Килланграторa может ранить достаточно сильное оружие. Проблема в том, чтобы подобраться к зверю.

Джером пытался сообразить, куда клонят древины. Юноша был уже по горло сыт их невеселыми сказками. Ответ нашелся через мгновение, когда глаза седобородых старцев, как по приказу, обратились на Килака.

— Я? — возмутился Килак. Впервые с тех пор как знал его Джером, мальчишка всерьез удивился.

— Оружие твое победит Килланграторa. Мы видели это.

Килак фыркнул. Изумление его росло с каждым мгновением. Он начал заикаться и с трудом подбирал слова.

— А я б вам сказал, еще разок поглядеть. Я чо, дурак какой, чоб на такова чудища нападать?

— Можешь предложить другую кандидатуру?

— Ну, типа того, кто б у ся в сарае повесился б, — последовал незамедлительный ответ. — Я б не повесился.

— Но ты должен, — настаивал Хтома, чуть привстав. — Иначе некому.

Килак молча посмотрел в глаза старцу. Остальные следили за ними в полной тиши не. Джером покачал головой. Нечестно было требовать от паренька невозможного. Килак Кронус — единственный человек, кто сумел бы подобраться к дракону достаточно близко. А если и существовало оружие кроме Алого Меча, способное проколоть шкуру дракона — так это клинки Килака. Но смешно заявлять, что только поэтому он должен отправиться на верную смерть. Так же глупо, как называть Джерома королем только потому, что Эллибе, которую он никогда и не знал — его мать. Если древины получили какое-то послание с небес и взялись гарантировать исход — это одно дело. Но не они ли только что изобличали предопределенность судьбы?

Атмосфера в комнате накалилась до предела. Мавентроу приказал своим собратьям успокоиться.

— Выбор ваш, — сказал старец Джерому и его друзьям. — Вы, конечно, можете оставить Килланграторa в покое и продолжать вечно сражаться с драконовым отродьем. Наш совет вы слышали. Дальше поступайте так, как сочтете нужным.

Вот он опять, абсолютно спокойный, простой и неоспоримый

ответ. Джером чуть не начал рвать на голове волосы.

— Почему? — требовал он. — Почему все мы должны решать? Это и ваш мир. Почему вы не помогаете нам?

Черты Мавентроу сделались напряженными, густые заросшие брови нахмурились. Но древина, казалось, нимало не беспокоил гнев гостя. Он с жалостью поглядел на него.

— Мы принесли в жертву гораздо большее, чем вы способны оценить. Можете нам верить или выбирать собственный путь. Чтобы вы ни решили, советую действовать быстро.

Джером откашлялся и мрачно оглядел товарищей.

— Что еще вас интересует?

Джером взял себя в руки и принялся расспрашивать о королеве демонов и ее появлении в мире людей, о причинах ее возвращения, надеясь, что какие-то подробности окажутся полезными. В ответ он услышал краткий рассказ о временах тысячелетней давности, когда в далекой земле Секулон правили воинственные секты колдунов. Совет необдуманно призвал королеву демонов, чтобы заручиться помощью, и вскоре оказался под ее властью. В результате развязалась жестокая двадцатилетняя война между противниками королевы и теми, кто подчинился ей. Как и теперь, в конфликт вмешались древины, и чаши весов покачнулись. Спасаясь от гибели, Спитахера предпочла скрыться и оставить орды людей и гоблинов, которые были быстро рассеяны. Многие считали королеву побежденной, однако Мавентроу и его собратья получили предупреждение от своих предшественников и предвидели ее возвращение, Магические силы помогли людскому роду выжить, но с окончанием войны завершился и век, в котором царило колдовство. Отвернувшись от тайных искусств, человек обратился к покорению морей и диких земель. Не прошло и двух десятков лет со времени бегства Спитахеры, как первые поселенцы прибыли на берега Пентании, не подозревая, что королева уже избрала это место для себя. Случилось так, что людям пришлось заново бороться с демоническими мечтами Спитахеры о господстве. При участии Киллангратора и отсутствии противостоящих королеве магических сил осуществление ее планов представлялось сравнительно легкой задачей.

О воскрешении королевы древинам удалось узнать немногое: разбудили ее двое детей, чье любопытство стоило им жизней. Джером не вдавался в детали, давно потеряв интерес к тому, чем древины решили поделиться с ним. Разочарованию не было предела. Прошло то время, когда юноша питал надежды относительно собственной персоны и легендарных старцев. Встреча не принесла ничего, кроме разочарования.

Совет вскоре закончился, и Мавентроу поздравил друзей с успешным завершением опасного приключения и поблагодарил за то, что гости позволили ему и его братьям взглянуть на Меч Азахиля. Джером приложил все силы, чтобы держаться вежливо и любезно. Затем перед гостями извинились и проводили их в комнаты прямо напротив залы, где проходил совет. В маленьких пустых помещениях их ждали теплые и мягкие постели и вдоволь горячей воды. За ужином гости не проронили ни слова. Друзья не решились даже между собою обсуждать услышанное. Может быть к утру, после нескольких часов отдыха, в этом появится какой-то смысл.

Джером поел, умылся, забрался под одеяло и уставился в потолок, на котором немую пьесу разыгрывали отбрасываемые одинокой свечкой тени. И думал он не о драконах, демонах и мечах, а о своем старом чердаке, где он вот так же валялся в постели, мечтая о будущем, которое однажды наступит.

Наконец Джером закрыл глаза, но не в тщетной попытке задремать, а в бесполезном отрицании этого будущего, теша себя мыслю, что если сильно захотеть, оно пропадет ко всем чертям.

* * *

На рассвете Джером стоял вместе с друзьями в том самом коридоре, через который вошел, и ожидал, когда он вновь пересечет потайной проход в скале и покинет Уитлок.

— Спешите, — предупредил Хтома. — Судьба всех людей зависит от вас.

— И помните, — добавил Мавентроу, — вы готовы к этому лучше, чем думаете.

Джером с сомнением поглядел на обоих, но ответил кивком. Древины так и остались загадкой, клубком противоречий, не подвластных разуму. С одной стороны, старцы Уитлока казались добрыми и человеколюбивыми созданиями высшего порядка. Однако, с другой стороны, что могло быть важнее, чем война, угрожавшая гибелью всему людскому роду? Пожелав ему успеха и оказав помощь, которая не по силам была никому иному, они все же отказались дать ответы, в которых более прочего нуждался Джером. Все его приключение шло, кажется, по их задумке, но они признавали за собою лишь первый толчок и отрицали дальнейшее свое участие.

Впрочем, Джером и не должен был понимать. Наверное, старцы правы, и он просто не мог постичь своим смертным разумом идей и побуждений этих непостижимых существ. На

самом деле и они были смертны. О том, по крайней мере, свидетельствовало нападение на Ранункулуса неподалеку от Иртвина. И все же деяния их были, несомненно, высшей природы. Вот тебе и новое противоречие. И так без конца.

Мавентроу протянул руку и дотронулся до камня. По сигналу гости попрощались и скрылись за стеной.

Снаружи их встретили холодный ветер и рассветные лучи, которые едва пробивались сквозь гряду темных туч на востоке. Лошади, сытые и отдохнувшие, уже ждали седоков. Вычищенные шкуры блестели и лоснились. Животные были оседланы и нагружены мешками с провизией.

Джером оглянулся и положил руку на поверхность твердой горной породы. Он очень устал. Короткий, но крепкий сон не нарушали на этот раз ни жажда, ни голод, ни видения. Наутро тело не ныло, не болело. Джером позавтракал и еще раз умылся. Он уже и запамятовал, когда в последний раз ему было так тепло и уютно.

А теперь все прошло. Действительность отрезвляла не хуже ледяной воды. Взгляд скользнул по горизонту, и он подумал, что сможет разглядеть через пятьдесят миль, сквозь пелену дождей и туманов зарево горы Краккен.

— Пойдем, — нарушил молчание Килак. — Надо о многом поболтать по дороге.

Джером забрался в седло. Мысль о встрече с Маришей согревала сердце. Если все прошло без помех, отряд Коратэля должен был добраться до Гейперона к следующей ночи. Если поспешить, догнать их будет не сложно. Может быть, к тому времени друзья сообразят, что теперь делать.

Джером пришпорил коня и легким галопом последовал за Килаком по горной тропинке, оставив позади таинственных древинов и их город.

Юноша не оглядывался.

* * *

По пустому коридору они возвращались к своим прерванным изысканиям. Хтома не сдержался.

— Мог бы и рассказать Кронусу о его мечах.

— Значения это не имеет, — ответил Мавентроу. — Килланграторне будет противостоять наследию собственного бога, даже если тот давно повержен.

— Знание не помешает Кронусу исполнить долг. Но если он откажется идти или отступит слишком скоро…

Мавентроу отмахнулся от причитаний Хтомы.

— Молодой воин Кронус за всю жизнь ни разу не отступил перед врагом. Нет причины сомневаться в нем теперь.

Кованые двери в дальнем конце коридора распахнулись.

Хтома медлил.

— А Торин?

На тонких губах Мавентроу появилась едва уловимая улыбка.

— Посмотрим.

Глава 36

Земля как-то странно умолкла. Коратэль вел отряд своих командиров к северному выходу Гейперона. На время показалось, что они в безопасности. Но, находясь вдалеке от знакомых мест, генерал не собирался распускать караул.

Выжившие из тех, кто бежал на юг от Крааген Кипа, присоединились к ним, как и было договорено, на южных берегах Ллорнела. Далее путь изможденных партианцев, в любой момент ожидавших нападения прислужников королевы, лежат через равнины на юго-запад. Тем, кто идти не мог, отдали вьючных лошадей, а самые необходимые припасы взвалили на свои плечи люди. Часть же вещей попросту бросили. Главнокомандующий старался скрыть свою подавленность после отъезда Джерома, Килака и Эллайена. Оставалось только надеяться, что встреча с древинами будет не напрасной.

Трое суток пути привели их к воротам Куурии — каждый тяжелый день по шестнадцати часов ходу с небольшим перерывом на сон и еду. К тому времени их осталось меньше четырех десятков. Один солдат умер по дороге от ран и был наскоро похоронен в неглубокой могиле. Лекарское искусство Мариши помогло сохранить жизни еще двоим или троим безнадежно больным воинам. Осматривая раненых, генерал не раз задумывался, зачем она спасала их.

Благодаря удаче или по божьей милости, на пути их больше не тревожили демоны. По совету старца отряд держался подальше от открытой воды. Вот только что теперь с этой удачей делать, никому не было известно.

Коратэль поглядел на ведущего отряд проводника — потрепанного солдата в измятом, перекошенном шлеме. Личный посланец генерала не вернулся и отправился к куурианской границе после встречи с патрульным постом, выставленным на северном выходе ущелья. По крайней мере так заявлял проводник, посланный навстречу партианцам офицером местного отряда. Коратэлю он показался скорее разбойником, чем солдатом, который, вероятно, вел их к засаде. Он заявил о верности не Куурии, а Дракмару, барону Олсона, более не тратя слов на партианцев, и, похоже, устал от них не меньше, чем они от него. В противном случае лазутчик показался бы еще подозрительнее.

Главнокомандующий среагировал на внезапное движение и заметил белку, которая пронеслась по сучковатому стволу и исчезла в кроне дерева. Его поразила зловещая тишина, толстым

пологом укрывшая вечно беспокойную и шумную дорогу. Свежие следы довольно большого отряда изрыли ее незадолго до прохода партианцев. Обычно сухая и плотно примятая дорога после недавних дождей покрылась коркой грязи. Впереди в скалах Коратэль унюхал запах пепла, костра и жареного мяса. Вполне возможно, сторожевой патруль, если верить заявлениям провожатого. Но с той же долей вероятности логово разбойников, которые перерезали партианских разведчиков и притаились в ожидании основного отряда.

Коратэль замедлил шаг, отстал от проводника и подал сигнал Джейзину и Лару подтянуть фланги. Раненые оказались в центре колонны. Ряды плотно выстроились в подобие боевого порядка. Солдаты выглядели сурово.

Провожатый остановился. Рука Коратэля соскользнула на рукоятку меча. Партианцы последовали примеру командира. Отряд остановился по сигналу герольда Дракмара.

Через мгновение трое в запыленных кольчугах выступили из-за валуна и преградили Коратэлю путь. Главарь, невысокий и коренастый, вышел вперед. Облепленная грязью борода давно нуждалась в стрижке. За спиной висела тяжелая булава. Сопровождавшие его солдаты с угрожающими лицами размахивали широкими мечами.

Коратэль не двинулся с места, оставив меч в ножнах. Троица двинулась навстречу незнакомцам и остановилась в дюжине шагов от них.

— Ты Коратэль? — спросил коренастый. Голос, глубокий и низкий, все же выдавал в нем довольно юного человека, которому было не по себе в такой ситуации. Коратэль поначалу молчал, следя за главарем, осматривавшим пришельцев. Главнокомандующий еле сдержал улыбку, когда глаза незнакомцев остановились на внушительной фигуре Лара.

— Главнокомандующий Западного паргианского легиона, — представился он. — С кем имею честь?

Коренастый, стараясь не показаться поспешным, с достоинством отвечал:

— Невик, барон Дракмара. Мои люди и я охраняем тех, кто ушел на юг.

— Так сказал ваш гонец. А мой?

— Смею заверить, он доставит вести о ваших бедах до границы.

Коратэль нахмурился.

— Значит, граница до сих пор закрыта?

— И охраняет ее целый батальон, — подтвердил Невик. Настроение его изменилось. Общее отвращение к куурианским

властям немного разрядило напряженную обстановку обоюдного недоверия.

— Должны были появиться и другие посланники из Ливена и Лолка.

Бородач кивнул, быстро подав знак рукой. По команде из-за укрытий в скалах и деревьях начали появляться воины. Они медленно выдвинулись вперед и собрались за спиной своего командира.

— Всем мы позволили идти на юг, — заверил партианцев Невик, но потом покачал головой. — Но пропустили ли их через границу, сказать не могу.

Коратэль задумался. Император вправе не пропустить гонцов в свои земли — решение, которое может оказаться роковым для всех.

— Поступили вести о страшных расправах, учиненных драконами, — добавил Невик. — Ваш гонец рассказал о неудавшейся осаде и о том, что темные силы движутся сюда.

Смешанные чувства отразились на лице собеседника Коратэля — страх и гнев, усталость и печаль, отчаяние и боль. Он пожалел, что нечем утешить молодого воина. Увы, поведать он мог только горькую правду.

Коратэль поглядел на небо в мешанине сумерек и облаков — и рука его соскользнула с рукоятки.

— Пойдемте, — сказал он. — Людям нужен ужин и отдых, а мы пока побеседуем. Попробуем вместе найти способ убедить императора спастись самому и уберечь нас от гибели.

Оставив капитана Имза командовать патрульным отрядом, молодой барон повел партианцев к своему лагерю в миле от ущелья. Невик рассказал, что под дракмарским флагом осталось чуть менее трехсот человек. Остальные, включая отца, погибли во время неудачной осады покоренного Кринуолла или дезертировали во время отступления. Остальные же с семьями и соседями отправились в Куурию и теперь ждали, словно овцы в загоне, пока имперский совет обсуждал, предоставлять ли беженцам укрытие. Гражданские нашли приют во временных лагерях и дожидались благоприятного решения совета, а Невик взял на себя обязанность охранять тыл и повел остатки своих армий к северному выходу Гейперона.

Дракмарский лагерь представлял собой скопление палаток и навесов, защищавшее от стихии ровно настолько, чтобы оставаться в живых. Коратэль вежливо похвалил обустройство стоянки. Армия была поделена на трети, дежурные трудились посменно. Каждому солдату полагались восемь часов караула на передовой, восемь часов работ в лагере и восемь часов отдыха. За

три недели дракмарцы постепенно привыкли к такому распорядку. Невик рассказал, что, хотя трудности только множились, терпение, достигло предела, а дух пал, они, по большей части, справлялись.

Коратэль хорошо понимал барона. Его собственные солдаты пребывали в таком унынии, что нападі на них королева демонов со всеми своими армиями сейчас, они бы и глаз на нее не подняли.

Партианцев угостили переспелыми фруктами, скисшей медовухой и мясом, приправленным так, чтобы перебить несвежий запах. Ни Коратэль, ни его спутники не жаловались. Может быть, судьба дала им последний шанс размять кости, перекусить и поболтать друг с другом. И этот шанс они принимали как нечто само собой разумеющееся. Несмотря на общие невзгоды и опасности, лагерь сотрясался от смеха. На короткое время все забыли о пережитых ужасах.

К самому Коратэлю это, однако, не относилось. Главнокомандующий вынужден был погрузиться в страшные воспоминания и поведать Невику обо всем, что знал. Кое-какие сведения молодой барон уже и сам собрал по кусочкам и обрывкам рассказов беженцев. Большинство историй он отметал, как преувеличенные и раздутые слухи. Коратэлю оставалось только подтвердить самые жуткие подозрения барона и проследить, как скептическое выражение его лица сменилось гневом и негодованием.

Особое внимание барона и его советников привлекла история Джерома, который не только вернул легендарный Алый Меч, но и объявил себя Торином, потерянным наследником трона Олсона. В сложившейся ситуации Невик привык считать себя одним из претендентов на корону, если к концу войны вообще останется хоть один кандидат на престол. Узнав об этом, Коратэль как можно мягче обошел тему стороной, не желая вмешиваться в дела Олсонского королевства и становиться причиной междоусобиц. Тем не менее от главнокомандующего не ускользнуло, что, хотя советники и посмеялись над рассказом о возвращении пропавшего в малолетстве принца, сам молодой барон вздохнул почти с облегчением.

Время бежало быстро. На небе уже появились луна и звезды, а командиры продолжали делиться рассказами о постигших их несчастьях. О Лолке Невик практически ничего не слышал, Насколько он знал, жители отдаленного поселения остались в своем городе, и нападения на них пока не произошло. Все тонны Коратэля, посланные туда из Крилага, Ливена и прочих городов, надо полагать, находились в безопасности.

Обмен отчетами завершился, и разговор перешел к обсуждению личности императора Куурии. Интересовали Невика и планы Коратэля на завтрашний день.

— Желаю удачи. Попробуйте заставить старого дурня прислушаться, — горько заметил Невик. — Он бросил наших детей замерзать на холоде — не говоря уже о постоянных отказах предоставить нам военное подкрепление.

Коратэль глотнул горячей, чуть пахнущей медом воды.

— Опасность угрожает его собственным землям. На это он не может закрывать глаза.

Барон уныло пожал плечами.

— Полагаю, мы все скоро узнаем.

Коратэль не мог не заметить, что барон смирился с неизбежным. Он хотел найти слова утешения, но сказать было нечего. Даже Меч, яркий луч надежды, теперь светил едва приметно. Талисман не принес им победы при Крааген Кипе, и не сыграл решающей роли в борьбе. Лишь две сотни солдат готовы были воевать за два в прошлом великих народа Одеона и Парты. Исход противостояния очевиден. Изменят ли ситуацию армии Куурии? Вряд ли, признался себе Коратэль.

* * *

Джером присоединился к ним вскоре после полуночи. Лазутчик с передовой опередил юношу, так что ко времени, когда друзья в сопровождении солдат прибыли в лагерь, Коратэль и остальные уже ждали их. Приветствовали прибывших без особой радости. У Джерома тоже совсем не было настроения садиться за праздничный стол.

Друзья спешились, оставив усталых коней на попечение солдат. Последовали представления.

— Слышал я, ты сын Сорла, — сказал Невик, барон Дракмара, пожимая руку Джерома.

— Надеюсь, от слухов мне скоро удастся отделаться, — ответил Джером.

Барон улыбнулся.

— Может быть, а пока, надеюсь, ты попробуешь разобраться с этим беспорядком.

— Небеса скрылись за тучами моих молитв, — вздохнув, заверил его Джером.

— Тогда послушай меня, — заговорил Невик уже серьезно. — Приведи нас к победе, и я собственными руками водружу корону на твою голову.

Джером не знал, что ответить. Бессмысленно обсуждать детали навязанного ему права на престол. По сути, именно так и надо было начать разговор — с одним из благороднейших представителей олсонской знати. Но на тот момент перед ним стоял лишь один из воинов, сражавшихся за свое будущее.

Джером начал рассказывать, что не претендовал и не искал поддержки в борьбе за трон, но прочитал мольбу в глазах Невика. Юный барон, как и все прочие, искал неожиданной надежды, посланной богами — непобедимого героя, который придет и спасет их. Джером испытывал искреннюю жалость к каждому, кто верил в него, и не мог попросту отмахнуться от людских надежд и ожиданий. И юноша кивнул с натянутой улыбкой.

Вернувшись к остальным, Джером встретился с Джейзином и Мальтиком. Оба широко улыбались. Он и сам понял почему, когда вдруг обернулся и поймал в объятия Маришу.

— Доставлена в полной сохранности, как обещано, — заметил Мальтик, махнув рукой.

— Обещай, что больше не оставишь меня наедине с этими грубиянами, — засмеялась Мариша. Она отстранилась и подарила Джерому прекрасную улыбку. — Как прошла встреча?

И они вновь собрались вокруг огонька: Джером, Мариша, Эллайен и Килак, Коратэль и выжившие командиры его легиона — Джейзин, Мальтик, Лар и Райнар. Барон и его советники присоединились к ним. Все уселись, и вновь прибывшие поведали о встрече с древинами. Говорил по большей части Килак, причем на безупречном и всем понятном языке, за что Джером был ему несказанно благодарен. Поглядев на заинтересованные лица, паренек решил рассказывать только о том, что может подарить хоть слабую, но надежду. Он поведал о Киллангграторе и истинной природе драконов, перечислил способы борьбы с ними. Отчет получился сухим и деловым. Ни словом, ни тоном паренек не выдал страха или волнения. Повествование завершилось быстро, и Джером заметил, что мало кто воодушевился после выступления Килака. На одних лицах проглядывало уныние, другие сидели со скептическими минами.

— Сведения достоверные? — переспросил Коратэль. — Я имею в виду дракона.

— Я прожил большую часть жизни в тени Краккен, — признался Джейзин, — и никогда ничего не слышал о драконах.

Килак развел руками.

— Стоит прислушаться к словам древинов. Больше положиться не на кого.

— По мне лучше воевать с армией солдат, людей или колдунов, чем с драконом, — пробормотал Невик.

— Вы еще не понимаете, насколько опасно драконово отродье, — возразил Коратэль. — А если они еще и пополняют свои ряды… — Голос его замер.

— Не беда, — равнодушно сказал Килак, — Он еще насмотрится на чудовищ, пока идет война. Ну, а мы решили последовать совету стариков.

— Ты о чем? — нахмурился Коратэль.

— Эллайен и я пойдем за драконом, а вы займетесь войском.

Джером поймал на себе взгляд Мариши, но не предпринял попытки ответить на ее немой вопрос. Он уже сделал все, чтобы отговорить друзей от безумной затеи, целых два дня не закрывая рта.

Коратэль возмущенно воскликнул:

— Вы двое? Против Скуллмарских гор и настоящего дракона? — генерал презрительно фыркнул. — Да вы несколько месяцев только дорогу до Краккен искать будете!

Килак отверг упреки и тревоги Коратэля.

— Двинемся по следам драконов в горы. Когда Килланграторa и его полчища будут уничтожены, вместе подумаем о королеве демонов.

— А что, если еще одна армия драконов пойдет той же дорогой? Насколько я знаю Скуллмарские горы, прятаться там негде.

— Поэтому и отправятся двое. Мы с Эллайеном сумеем проскользнуть. А вооруженный отряд — никогда.

Генерал выслушал замечание со стиснутыми зубами.

— Как же вы думаете атаковать? — спросил он.

— Подойдем как можно ближе и выколем твари глаза.

Паренек выдернул блестящий клинок и проткнул им пламя, словно упражняясь в движении, которым он поразит Килланграторa. Скорость и внезапность броска так поразили Невика и его советников, которые до сих пор не имели возможности познакомиться с Килаком, что они чуть не попадали с бревен. Джером почувствовал, что и Мариша вздрогнула.

— Не нравится мне все это, — настаивал Коратэль, неодобрительно мотая головой. Он тоже поглядел на Джерома, надеясь обрести в нем союзника, который придет на помощь, пока не поздно.

Но Килак поймал его взгляд и вмешался, чтобы предотвратить дальнейшие споры.

— Другого способа нет, и Джером это знает. Бессмысленно сначала следовать совету стариков, а потом делать все по-своему. Здесь останется Джером с Мечом. Надеюсь, вам будет сопутствовать удача.

Коратэль вздохнул. Генерал понял — решение давно принято.

— Эй, слушай, — улыбнулся Килак, и кинжал зашипел, заползая в ножны, — ты ж стратег. Еси предложишь, как нам быть, чоб мне не маячить перед мордой у дракона, я тя с удовольствием послушаю.

Главнокомандующий хмуро поглядел на мальчишку. Остальные же, подобно Джерому, замолчали. Они слушали хруст костра, треск угольев и свист горячего воздуха. Усмешки и перешептывания разлетались по лагерю от компаний солдат, которые давно чувствовали себя у границы, как дома.

Джером замечал, как время от времени некоторые поглядывали на них, но в основном солдаты занимались своими делами и мало интересовались затеями командиров. Джером вспомнил о древинах, которые хладнокровно играли судьбами людей.

— А если у вас ничего не получится? — наконец заговорил Невик, нарушив неловкую тишину.

Килак усмехнулся.

— Я тада помру, а чо случиться после меня — не мое дело.

На том беседа для Джерома завершилась. Оста вались только стратегические расчеты, заниматься которыми предоставили Коратэлю, Невику и прочим военным, набившим руку в составлении планов нападения и обороны. Килак и Эллайен покинули совет. Джером вскоре последовал за ними.

Перед тем как уйти, он по желанию Невика устроил ставшее уже традиционным представление с Алым Мечом. Это немного подбодрило барона, но не Джерома. Невик хлопнул юношу по плечу и подозвал солдата, убедившись, что все готово для Коратэля и его отряда. Он приказал проводить Джерома и его друзей на ночь в свой собственный шатер. Юноша выразил благодарность и последовал за приятелями, покинув теплое лоно костра в поисках долгожданного отдыха.

Сон не шел. Лагерь давно затих, последние командиры улеглись, а Джером все ворочался и разглядывал холщовый потолок, прислушиваясь к ритмичному дыханию друзей. Он обдумывал действия, связанные с новым поворотом событий. Время от времени юноша поглядывал на Эллайена и Килака, дремавших под одеялами, и не мог отделаться от мысли, что проводит вместе с ними последние часы.

Покончив с будущим, он начал размышлять о прошлом. Интересно, вспоминают ли о нем отец и друзья, и как им живется теперь. Джерому хотелось повидать их в последний раз и рассказать, что все у него хорошо. Он решил обратиться к Невику с просьбой отправить гонца на север и предупредить людей о

необходимости покинуть Дилн, пока есть время. От этой мысли ему стало грустно. Дилн и окрестные леса в осеннем уборе вставали перед глазами.

— Тебе надо поспать.

Мариша отдернула занавеску личной спальни барона, которая была теперь отведена ей. Девушка сидела в куче шерстяных одеял, подперев голову рукой. Волосы водопадом падали на плечи.

— Не хотел тебя будить, — прошептал Джером.

— Скажи, — продолжала Мариша приглушенным голосом, чтобы не тревожить спящих, — почему ты до сих нор не принял настоящее имя?

Джером растерялся.

— Торин, — объяснила Мариша, и Джерому сделалось неловко. — Ты чуть ли не отрекся от него, когда сегодня говорил с бароном.

— Даже не знаю, что сказать.

— Это всего лишь имя.

Джером медленно и протяжно вздохнул.

— Может быть. Но мне дороже собственное имя. К тому же на Торине висит должок, который меня совершенно не заботит.

— Твой долг всегда останется с тобой, как бы тебя ни звали. — Глаза Мариши блеснули в тусклом ночном свете, струившемся сквозь открытое окошко. — Бояться этого не стоит.

— А я и не боюсь, — возразил Джером, удивившись, что сказал правду. — Да и имя мне безразлично.

— Тогда почему бы не принять его?

Джером отвел глаза и снова уставился в потолок.

— Ну, просто… Я ничего не сделал, чтобы заслужить его. Сомневаюсь, что такое время наступит.

— Мы не всегда заслуживаем самого лучшего, — улыбнувшись, сказала Мариша. — Выпадают на нашу долю и страдания. Некоторые вещи просто случаются. Мы должны бороться с бедами и дорожить удачей.

— Пока мне не очень везет, — буркнул Джером.

— Прими это как должное. В любом случае прятаться — не ответ. Учись. Узнавай. Есть болезни, которые случаются только раз в жизни. Мы легко переносим их в детстве, а взрослыми умираем от них. То, что мы переживем теперь, возможно, защитит нас от больших бед в будущем.

Джером нехотя согласился.

— Ложись спать, — сказала Мариша и задернула занавеску.

Джером послушно улегся и крепко заснул.

* * *

Рассвет пришел стремительно, словно гонимый с запада следующей ночью. Джером проснулся усталым и разбитым. Он позже всех выбрался из палатки и с тоской взирал на новый день. Восточный небосклон за зубцами Аспадельских гор казался вулканом, где солнце изрыгало потоки раскаленной лавы на черные валуны туч. Джером отвернулся с таким же мрачным настроением, как и приветствовавший его день.

Дракмарские солдаты уже убирали лагерь. Не было смысла оставлять за собой патрульный отряд и обрекать его на верную гибель. Мобильные группы будут следить за приближением темных полчищ, а основная часть армии Невика отправится с Коратэлем, если повезет, в Куурию и в Моритил, где они обсудят с императором Деррегом, как лучше защитить земли от неминуемого нападения.

Джером пробирался среди толпы солдат в поисках Килака или Эллайена, которые должны были уйти рано утром. Времени оставалось совсем мало, а они и так задержались, сопровождая его до Гейперона и решая, следовать или нет совету древинов. Отправься они на восток от Уитлока, были бы уже на полпути к Скуллмарам.

Первым юноша обнаружил Килака, обменивавшегося последними словами с Коратэлем. Джером подошел ближе, и паренек повернулся к нему, чтобы попрощаться. Генерал мрачно кивнул и удалился в противоположном направлении.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал пареньку Джером. — Все зависит теперь от тебя.

Килак весело рассмеялся.

— Ну уж нет. Ты так легко не выкрутишься. Займись всерьез своими проблемами, а обо мне не беспокойся.

Джером хмыкнул, уклоняясь от ответа и пожимая протянутую руку. Но Килак не отпускал, глядя другу прямо в глаза.

— Ну ладно. Обещаю.

Джером заметил Эллайена, который, по словам Килака, готовил лошадей. Охотник шагнул ему навстречу и слабо улыбнулся. В то же мгновение Джером ощутил ужасное, отвратительное чувство на самом дне желудка, которое никак не мог подавить. И хотя вера его в предзнаменования давно пошатнулась, Джером посчитал это дурным сигналом: либо он сам, либо Эллайен погибнет до окончания войны. В любом случае, он прощался с другом, которого знал с тех пор, как помнил себя.

— Возьми Меч, — прошептал Джером, заглянув через плечо и

убедившись, что Килак отошел в сторону. — Мне плевать, что сказали древины. Меч нужен тебе.

Эллайен жестом остановил его.

— Мы об этом уже говорили, Джером. Килак убьет меня, если узнает, что я взял у тебя Меч.

— Не убьет.

— Ну, так он мне сказал, — поделился Эллайен, поправляя подпругу. — Я бы не стал проверять.

Джером оглянулся в поисках Килака.

— Он меня так хорошо знает?

— Думаю, да.

— Но ты же не боишься какого-то мальчишки?

Смущенный взгляд Эллайена заставил обоих рассмеяться.

— Да, похоже, ты прав, — признал поражение Джером.

— Не унывай, — посоветовал Эллайен, изображая веселость. — Тебе есть, для чего жить, когда все закончится. Ты же король, не забыл? С замком, сокровищницей и прочими причиндалами. И вот еще что, — продолжил Эллайен, понизив голос и оглядываясь с видом заговорщика, — сдается мне, нравишься ты этой левеллинской красотке.

Джером почувствовал, как заливается краской.

— Мы готовы?

Оба посмотрели на озабоченного Килака.

— Тебя ждем, — небрежно ответил Эллайен и ближе пригнулся к Джерому. — Присматривай за ней, — добавил охотник, потрепав его по плечу, — и за собой. Расквитайся с этими тварями за нас. Встретимся в Дилне или в Кринуолле, когда война закончится.

Джером молча переживал горькое чувство расставания.

Друзья покинули лагерь и отправились на север, а потом на восток к Скуллмарским вершинам и горе Краккен, к логову дракона. Джером двинулся в противоположном направлении: на юг, в Куурию, где он еще за несколько недель до того, как началось все это безумие, намеревался заручиться поддержкой Имперского совета, чтобы выступить против темных сил, угрожавших его родине. Он выполнит обещание, данное Килаку, и разбудит божественную мощь Алого Меча. Ради тех, кто последует в бой за ним, он сыграет роль предводителя, героя и спасителя рода людского.

Джером ни на секунду не забывал, что настоящая надежда Пентании на востоке. Там отважным воинам предстояло уничтожить могущественного дракона.

Глава 37

Загородившись от солнца рукой, Джером разглядывал, как метались на ветру пестрые имперские флаги. Непонятно, что сверкало ярче: безоблачное небо или узоры и краски бесчисленных штандартов, танцевавших на вершинах блестящих башен и парапетах. Среди прочих юноша разглядел бело-голубые цвета Куурии, красно-зеленые — Моритила и рубиново-золотые — императорского дома: они сверкали среди дюжин полотнищ и лент, расшитых гербами, кажется, каждого барона и лорда, когда-либо поклявшегося в верности куурианскому владыке. Звонкие фанфары прославляли величие императора.

Объявить о своем прибытии с такою же помпой Джером не мог, и ему пришлось довольствоваться эскортом всадников с угрюмыми лицами — свитой императора, посланной ему навстречу. Джерому такая вежливость показалась несколько принужденной, скорее знаком императорского недовольства или любопытства, нежели уважения. Капитан эскорта Лоррон. Верховный хранитель Моритила, был достаточно любезен, однако, скованность в голосе давала повод подозревать, что присутствие незваных гостей не совсем желательно. Император, однако, немедля назначил аудиенцию.

Гости двигались по дороге к главным городским воротам с двойной решеткой и распахнутыми чугунными створками. Самые большие ворота из тех, которые Джерому до сих пор доводилось видеть, были раза в два меньше. По настоянию Коратэля, Джером остался в седле, а большинство его спутников шли пешим строем. Как единственный представитель королевского рода, он теперь должен был стать предводителем, а конь неплохо помогал справиться с этой ролью. Поначалу Джером отказался, напомнив главнокомандующему о женщинах, детях и раненых. Но Коратэль был непреклонен. В императорских делах ни в коем случае нельзя пренебрегать этикетом. Если будущий король будет топать по той же грязи, что и орава простолюдинов, это может принизить его персону в глазах императора, и тогда придется забыть обо всем, чего они надеялись добиться.

До сих пор это работало. Перейти куурианскую границу несколько южнее оказалось легче, чем предполагалось. Джерому навсегда запомнилось лицо командира пограничников, едва оперившегося полковника, когда тот ехал верхом во главе армии сквозь расступившееся море беженцев, наводнившее южный Генперон. Офицер ниже рангом пытался остановить его тем же указом, с которым Джером познакомился, когда в первый раз

пытался преодолеть границу. Вместо этого он послал за батальонным командиром, и когда тот объявился, вынул из ножен Алый Меч.

— Если ваши люди дорожат жизнью, соблаговолите спрятать оружие и последовать за мной.

Джером мог только догадываться, что произвело большее впечатление — твердые слова, Меч или его суровый вид, — во всяком случае, полковник сдался без боя. Не исключено, что решающую роль сыграли слухи и вести, которые летели впереди них. Большинство из стоявших на границе солдат были встревожены тем, чего наслушались за последнее время. А когда Джером и Коратэль начали подтверждать эти слухи, они были готовы покинуть пост и двинуться в сторону дома.

Вот так открылась плотина, и люди севера из своих временных лагерей хлынули в Куурию. Джером продолжил путь во главе войска, а Коратэль, Невик и эскорт куурианских солдат сопровождали его. Остатки пограничного отряда задержались, чтобы следить за движением людского моря числом по меньшей мере в сотню тысяч душ. Полковник предупредил, что император будет недоволен, повторив замечание Коратэля. Но теперь это мало кого заботило.

Позади остались тучи и дожди северных провинций, окруженных горными вершинами. Плодородная земля и теплое солнце приветствовали путешественников. Для тех, кому пришлось пережить страшные события, это стало знаком самих небес — началом и возрождением надежды. Джером воодушевился, но виду не подал. Победители не знают сомнений и не пренебрегают знаками удачи — их принимают как должное.

Они прошли маршем полтора дня до самого Моритила, опередив многих, о ком трубили разосланные по дороге герольды, чтобы заблаговременно возвестить о прибытии высокопоставленных особ. Они еще не успели выступить утром, когда получили весть, что властитель готов принять их. Император желал больше узнать об обладателе Алого Меча и нависшей над его империей угрозе. Будто у него есть выбор, сухо подумал Джером.

Джером вошел со своим пестрым и разношерстным войском в Моритил, столицу Куурии, резиденцию могущественного Имперского совета и самый большой город всех королевств. Джером и раньше много слышал о Моритиле. Бессчетные башни и надстройки поднимались к самому небу. Стены из гладкого мрамора и гранита сверкали на солнце. Куурия была особенным королевством Пентании — старейшим и самым могущественным, самым цивилизованным — а император Деррег посвятил всю

свою жизнь возвеличиванию города, который должен был стать бриллиантом в его короне. Работы начались немногим меньше полувека назад и продолжались до сих пор. Моритил считался одним из самых богатых городов и щеголял чудесами, невиданными ни в одном из пяти королевств. Граждане Куурии гордились своей столицей.

Лоррон любезно делился с Джеромом впечатлениями, пока императорские войска двигались навстречу гостям под тенью гигантских ворот. Планировка города напоминала мишень, разделенную высокими каменными стенами на четыре концентрические кольца. Императорский дворец и сады расположились в самом центре и были прозваны сердцем империи. Чтобы добраться до них, необходимо преодолеть оборонительное кольцо, кольцо торговое и жилое, что и обещал им Лоррон. Новичкам надолго должен был запомниться славный город.

Джером воздержался от замечания, что при данных обстоятельствах он и гроша не дал бы за очередной город, обреченный превратиться в кучу мусора.

Однако внушительное зрелище не могло оставить его равнодушным. У внешнего кольца юноша чуть не свернул шею, разглядывая вершины стен. Оборонительное кольцо, по словам Лоррона, было непробиваемым щитом, способным сдержать любую атаку. Толщина камня внешних стен составляла двадцать футов. Внутри расположился сорокатысячный гарнизон, снабженный вооружением и провизией. Бараки, арсеналы, тренировочные площадки, конюшни — все военное оборудование и снаряжение присутствовало здесь. Тюрьмы, отметил Лоррон, также находились у внешних стен или под ними, так что заключенные были отделены от населения. В Моритиле даже ходила поговорка, что нападi на город неприятель, преступники погибнут первыми.

Вопрос по поводу действий на случай падения внешнего кольца вызвал смех хранителя. Войска могли, конечно, отступить и защищать каждое внутреннее кольцо по отдельности, хотя ни одно из них не было построено так, чтобы противостоять полномасштабному вторжению. В этом отношении город полностью полагался на оборонительное кольцо, которое, по заверениям Лоррона, полностью подходило для отражения осады.

Они свернули с главной дороги и направились вдоль внешнего кольца. Главный хранитель неожиданно остановился и передал приглашение императора гостям перекусить и умыться перед аудиенцией. Джером отклонил предложение раньше, чем Коратэль и Невик успели что-либо возразить своему молодому

спутнику. Юноша заверил эскорт, что необходимости задерживаться нет, время имеет решающее значение, и чем скорее они попадут во дворец, тем лучше. Главный хранитель выразил искреннюю тревогу по поводу паники, которую может вызвать в городе их присутствие, по какой причине он не намерен позволять их воинству маршировать по улицам, не говоря уже о посещении имперского дворца. Если они желают, хранитель проводит тех, кто должен встретиться с императором сейчас, но остальные должны остаться.

Джером неохотно согласился и последовал за Лорроном в просторную трапезную. Здесь он на время попрощался с Маришей, офицерами Коратэля и остальными тремя сотнями солдат, оставшимися от дракмарского войска и практически истребленного Западного партианского легиона. Многие искренне обрадовались возможности остаться и плотно пообедать. Джером немного успокоился и вместе с Коратэлем и Невиком последовал за Лорроном.

Ехали быстро. Невику и Коратэлю предоставили лошадей, чтобы пешие не задерживали конных. Пройдя под аркой очередных гигантских ворот, гости перешли из оборонительного кольца в торговое. Оно, пояснил Лоррон, было самым большим из всех. Здесь расположились рынки, таверны, литейные цеха, амбары, склады — все, что имело отношение к частному или имперскому капиталу. Джером невольно дивился порядку и чистоте мощеных улиц, выкрашенных домов и новеньких вывесок — даже свежему воздуху. Весь Моритил, хвастал Лоррон, до последнего камешка выскребался специальными бригадами дворников, которые работали день и ночь. Деловые обычаи и кодексы чести соблюдались со всей строгостью. Купцы и ростовщики со всех концов Пентании регулярно съезжались в самое безопасное и чистое скопище рынков во всех королевствах, чтобы почерпнуть горсть из этого безбрежного океана возможностей.

Джерома поразило, что большинство из тех, кто встречался им на улицах и в переулках, казалось, занимались своим привычным делом. Если бы жители славного города имели хоть малейшее представление о том, что ожидало их, они давно бы бежали, куда глаза глядят. Ему хотелось закричать, предупредить, пока не поздно. Но люди Лоррона обступили гостей так, чтобы загородить их от любопытных глаз, будто знали, что от Джерома можно ожидать любой выходки. Юноша стиснул зубы. Он понимал, что император опасался всеобщей паники, но намеренно скрывать от народа надвигавшееся на него бедствие казалось сродни убийству.

Присмотревшись внимательнее, Джером понял, что слово сказано, но не услышано. Прорицатели облепили каждый угол, предостерегая жителей Моритила. Люди, занятые бренными и практическими заботами не обращали на них внимания, предоставляя городским патрулям прислушиваться к угрозам. Один старый горбун так разнервничался при их появлении, что успокаивать его пришлось императорской страже. Джером переглянулся со своими спутниками, но промолчал.

Целый час они двигались по главной дороге, ведущей к городскому центру, и наконец вошли в жилое кольцо. Кроме тех ворот, которые открыли гостям, еще дюжина порталов соединяли торговый и жилой районы. На Джерома в очередной раз увиденное произвело должное впечатление. Функциональность и чистота торгового кольца уступили место той самой безмятежной красоте, которой юноша наслаждался в идеалистических видениях в бытность свою в Дилне. В этом районе городскими властями разрешалось зарабатывать только садоводством или присмотром за детьми. Общественные парки и частные дома уютно расположились вдоль узких улочек, выстроенных стройными, изящными рядами. Деревья и цветы всевозможных сортов украшали газоны и улицы. Наполненный благоуханиями воздух напоминал Джерому о лучших временах его жизни. Наблюдая за горожанами, которые был и заняты в своих садах, за детьми, которые беззаботно резвились и играли, юноша на какой-то миг совершенно позабыл об опасности, нависшей над спокойным и благополучным существованием.

Джером приблизился к центру столицы, и сердце захлестнула новая волна горечи и тревоги. Если весь город был столь великолепен, то самая его сердцевина родилась будто из дивных песен. Первыми гостей встретили чудесные сады, кланяясь им пышными кружевами листьев и цветов, искусно сотканных умелыми руками мастеров. Среди этой пестрой красоты проглядывали бесподобные фонтаны, украшенные статуями и выбрасывавшие хрустальные струи на головокружительную высоту, черпая силы у несчетных водопадов, бегущих по холмам. Будь у него время, Джером не пожалел бы его на то, чтобы вдоль и поперек исходить весь этот диковинный лес. Но вместо того он был вынужден довольствоваться видом, который открывался с главной дороги. Он заметил птаху, кормившую птенцов, парочку любовников, обедавших на траве и одинокого художника, решившего запечатлеть очередной пейзаж на своем холсте.

Посреди дворцов и фонтанов вырос дворец, при виде которого захватывало дух. Джером не раз видел Кринуоллский дворец, когда приезжал в столицу Олсона с товаром. Раньше он

казался ему верхом совершенства. Здание обслуживающего персонала императорского двора выглядело чище и ухоженнее, нежели весь королевский дворец Кринуолла. Поражали великолепием башни, отведенные высокопоставленным гостям, Императорский собор и, конечно же, сам дворец, где жил с семьей император и откуда руководил государственными делами. Весь дворцовый комплекс казался сплошною стеной башен и витражей, которые тянулись к небу, насколько хватало глаз, и блистали несравненной чистотой и изяществом. Джером разглядывал эти чудеса, и его одолевала зависть. Даже если он в один прекрасный день займет трон, его столица покажется бледной пародией по сравнению с великолепием, которое он видел в Моритиле.

По дороге гости заметили прислугу и работников всевозможных профессий и занятий — посыльных, сторожей, смотрителей, распорядителей и, конечно же, солдат императорской стражи. Все они уступали дорогу Лоррону и его спутникам, кланялись или отдавали честь в зависимости от своего положения. Джером без конца вертел головой, стараясь ничего не пропустить. Каждый раз, когда он задерживал взгляд на чем-то одном, то непременно упускал из виду другое.

В конце концов гости прибыли на большой двор, похожий на королевский, который Лоррон, однако, назван черным входом. Стражники в бархатных накидках поверх сверкающих кольчуг стояли перед высокими украшенными императорским гербом воротами. Стражники застыли, будто статуи, глядя строго вперед. Ни одной распустившейся петельки, ни одного лопнувшего стежка, ни единого кривого шва. Начищенные алебарды ослепительно сверкали, и Джером догадывался, что ежели приглядеться, то и отпечатка пальца на них не отыщешь.

Лоррон кивнул, и статуи в кольчугах ожили. Один из стражников направился к коню Главного хранителя, а двое других отставили в стороны алебарды и потянули за огромные металлические кольца на дверях. Гостям предложили спешиться. Джером не колебался, и через мгновение его примеру последовали друзья, Лоррон и сопровождающие хранителя люди. По сверкающим мраморным ступеням они поднялись в Императорский дворец. Проходя мимо стражника, Джером поздоровался, но молодой солдат и не взглянул в его сторону.

За дверьми раскрылась самая дивная зала, которую доводилось видеть Джерому. Огромные, расшитые шелком гобелены украшали ее. Белокаменные стены взлетали к невероятно высокому потолку. Витражи разбивали солнечный свет на мириады цветных лучей, которые в точности изображали на полу герб Моритилского императорского дома.

Не смея перевести дух, Джером вспомнил, что вошел только с черного входа.

Юноша молча следовал за Лорроном, чувствуя, что оказался в священном месте. Эхо шагов наполняло прозрачный эфир залы и медленно умирало, скрадываемое пространством и пойманное в сети куполов. По сторонам выстроилась императорская стража, и солдаты вновь, по мановению руки Главного хранителя отворили перед гостями двери.

Сам древний Трак-Симбоз в годы своего расцвета не мог бы сравниться в величии с Моритилом, подумал Джером. Зала за запой открывал дворец свои несметные богатства. Вот зала, увешанная живописью и гобеленами. Вот другая, с оружием и доспехами искусной работы. Вот и третья с колоннами, скульптурами и дивными украшениями. Мягкие и глубокие, словно трава, ковры, устилали им путь. Остановились спутники лишь в пышно убранной гостиной с полыхающим камином и высокими окнами, за которыми открывался несравненный вид на сады. Как и все прочие помещения, гостиная показалась Джерому вдвое больше, чем было необходимо, но он решил держать язык за зубами. Лоррон сообщил, что вынужден покинуть гостей, дабы известить императора об их прибытии, и оставил с ними шестерых человек, чтобы удовлетворить любые их пожелания. Вскоре появился слуга и предложил гостям напитки, холодные и горячие, и попросил располагаться как можно удобнее. Джером попросил холодной воды и, бросив взгляд на стражников на входе, опустился в кресло в ожидании императора.

Через час снова появился Лоррон. К тому времени Коратэль и Невик готовы были лезть на стены от злости, а Джером растерялся и не знал, как их успокоить. Он и сам досадовал по поводу столь непростительной задержки, но не хотел давать волю чувствам.

— Император готов принять вас.

Вот и все. Ни единого извинения. Не обращая внимания на испепеляющие взгляды Коратэля и Невика, Главный хранитель Моритила развернулся на каблуках и повел гостей за собой.

Спутники прошли еще ряд коридоров и приблизились к украшенным золотом дверям. При их приближении стражник повернулся и дважды ударил по роскошным золотым узорам. Двери распахнулись.

— Слава его величеству, отцу Моритила, императору Куурии, — объявил следующий стражник, когда гости вошли в залу.

Джером быстро осмотрелся и сразу решил, что их привели не в тронную залу, хотя помещение было гораздо больше и богаче,

чем все предыдущие. Вся зала была разделена на две половины: одна выше, другая ниже. Сначала две ступени спускались в галерею, где перед императорским подиумом на полу лежали коврики под колени. Стены украшали зеркала, которые зрительно увеличивали пространство и зачаровывали заглянувшего в их глубину посетителя бессчетным множеством двойников. В конце залы находилось возвышение, к которому вели широкие ступени. По обе стороны сверкавшего драгоценными каменьями и золотом трона стояли большие купели, а за ним выросла прозрачная стена окон и изумительная по красоте и размаху панорама города. Глядя в окна и повернувшись спиной к пришельцам, стоял сам император.

Император не успел еще обернуться, а Джером уже знал, что перед ним стоит старейший из всех смертных на земле. Тончайшие белые волосы лишь намекали на когда-то роскошную шевелюру. На скрещенных за спиной морщинистых и худых руках выступали вздутые сосуды. Шелковые одежды ниспадали со сгорбленных плеч. Одно из них было выше другого.

Двенадцать членов Императорского совета выстроились на ступенях перед троном. Один из них подал сигнал стражнику, стоявшему у входа, тот закрыл двери и заслонил их спиной. Ни один из советников не ответил на взгляд Джерома, все хладнокровно продолжали исполнять свои обязанности.

Когда дверь затворилась, император отвернулся от окна. Лоррон опустился на колено. Коратэль и Невик нехотя последовали его примеру. Джером же в соответствии с этикетом, о котором по случаю получил краткий урок от Коратэля, всего лишь учтиво поклонился.

В свете окон император казался видением, таявшим и покидающим на глазах гостей этот бренный мир. Пугающе бледное и впалое лицо украшала белоснежная борода. Старческое тело бесконтрольно дрожало. Император направился к трону, опираясь на руку юного слуги. Нигде, однако, не было видно необходимой в столь почтенном возрасте трости.

Старик опустился на трон, плечи ссутулились, а иссохшие пальцы обхватили специально изготовленные подлокотники, будто без них немощные кости посыпались бы на пол. Слуга бесшумно скользнул в сторону и замер. Впалые серые глаза остановились на Джероме и сощурились.

— Поднимитесь, — повелел император. Голос его казался шепотом умирающего.

Лоррон повиновался императору, за ним последовали Коратэль и Невик.

— Ваше величество, имею честь представить Торина, короля

Олсона.

Представление сопровождалось поклоном и величественным жестом. Лоррон не подал ни малейшего намека, что собирается упомянуть о спутниках Джерома.

— Можешь подойти, — прошептал император. Слова еще сильнее сотрясали старческое тело, нежели движения, и Джером почувствовал себя неловко.

Тем не менее юноша повиновался. Ковер мягко пружинил под его ногами. Джером двигался неспешно и уверенно, держа руки подальше от Меча на поясе, который заблаговременно сдвинул назад. Придворные стражники стояли с безмятежным видом, будто не замечали его вовсе, однако Джером был уверен, что при любом резком движении его изрубят на кусочки и выбросят императорским псам.

Гость остановился у первой ступени и послушно ждал, пока император изучал его.

— Взгляд у тебя, как у деда, — наконец поделился наблюдениями император, вздыхая после каждого слова, — Замечательный был человек. Чего не скажешь о твоем отце.

Джером кивнул, полагаясь на суждения императора в семейных делах, в которых не имел возможности принять участия.

— Завидное здоровье у тебя, надо полагать, для человека, похороненного лет двадцать тому назад.

Джером не проронил ни слова, пока император хрипло посмеивался над собственной шуткой. Судя по всему, старик во всех подробностях был знаком с его историей — ее поведали гонцы еще до прибытия Джерома. Собственно, Джером давно догадывался, что все придется пересказывать с самого начала, чтобы избежать неточности толкований. Казалось все же, что старик давно принял решение, довольствуясь тем, что ему доложили.

— Я хотел бы взглянуть на Меч. — Смех прекратился. Лицо императора превратилось в упрямую сморщенную маску.

Джером потянулся за Мечом, и стражники незамедлительно взяли оружие на изготовку. Джером старался не думать о них, преподнеся императору Меч на вытянутых руках. Император пригласил юношу подняться, и тот остановился у подножия трона.

Старик нагнулся вперед. Глаза его широко раскрылись. Он не сделал попытки дотронуться до клинка, но бледное лицо оказалось так близко от лезвия, что его сияние отразилось в прозрачной коже. Через мгновение он жестом приказал убрать талисман и подозвал слугу.

Джером спрятал Меч в ножны, а слуга помог императору подняться и подойти к ряду высоких окон. Старик повелел Джерому следовать за ним.

— Твои подданные вступили в мой город, — заметил император.

Джером не заметил ни горечи в словах, ни беспокойства во взгляде, когда император глядел на стены Моритила. Скорее всего первые беженцы из Северной Пентании уже прибыли, и теперь их встречали и вносили в списки солдаты армии.

— Я опасаюсь, что их присутствие вызовет панику на наших улицах.

— Должен заметить, ваше величество, что тревога оправдана. — Коратэль научил Джерома не только как вести себя, но и что говорить. Юноша получил возможность произнести первый вызубренный им ответ.

Император поглядел на собеседника и в очередной раз вздрогнул.

— Что скажешь нового о демонах и их войске?

Император вновь ссылался на известия, доставленные гонцом. Не зная, какое в точности послание было передано его величеству, Джером не мог дать исчерпывающий ответ. Судя потому, что и он, и бесчисленные беженцы, к мольбам которых так долго оставались глухи во дворце, теперь оказались приняты в Моритиле, император все знал и готов был принять истину.

Оставались два важных момента, не известных императору, и которые Джером хотел бы сохранить в тайне. Первый относился к колдуну — его старшему брату. Излишняя откровенность, по его мнению, могла только усугубить положение. Второй же относился к Килланграторy. Еще раньше решено было, что все попытки углубиться в магические связи между неприятельским войском и легендарным чудовищем могли только навредить сомнительной их истории, а путешествие в логово великого дракона обещало стать мишенью для насмешек и лишним поводом отказаться от вступления в войну. Перед Джеромом стояла задача убедить совет в том, что лишь объединенные силы способны защитить королевства. Необходимо было представить сложившееся положение в самом мрачном свете, а план их преподнести в безупречном виде.

— Все именно так, как довелось слышать вашему величеству, — с поклоном подтвердил Джером. — Или Куурия противостоит злу, или мы все будем повержены.

Император посмотрел на юношу призрачным, мертвым взглядом. Джером не стал углубляться в тайны этих глаз.

— И как же вы предлагаете одолеть зло?

— Мы должны собрать все силы и немедленно направиться к Гейперону. Узкое ущелье защитит нас от сокрушительного удара, который может нанести противник.

В ответе императора прозвучала насмешка.

— Я лично выставил там боевой батальон. Именно вы вынудили солдат покинуть пост в нарушение моего приказа.

— Вините только меня, ваше величество. Командиры здесь ни при чем. Силы были неравны, противостояние стоило бы им жизни. Мы должны объединиться…

— И оставить наши города? — с угрозой прошептал старик.

Джером не сразу нашелся, что ответить.

— Защищая Гейперон, мы спасем и города. Так у нас появится больше шансов…

— Шансы появятся, если мы останемся за стенами, специально выстроенными для обороны. Успешно защищаться в открытом поле невозможно, — сухо ответил император.

Заранее подготовленные доводы быстро иссякали.

— Что касается Моритила, такое суждение отчасти справедливо. Но ваши силы будут разбиты на гарнизоны Суариса, Стролька и других, а земли окажутся во власти королевы демонов.

Император долго не давал ответа.

— Нравится ли тебе город? — спросил наконец император, подняв слабую руку и вглядываясь в широкую панораму за окном. — Мое дорогое детище. Мое наследие. Все годы жизни наблюдал я, как из крохотного семени расцветает сад, которым ты можешь любоваться теперь. Я не покину Моритил. — Голос его стал холодным и жестким. — Скорее я зарою свои кости в землю, чем оставлю город без боя.

Император нахмурился при виде голодных толп, ломившихся в дальние ворота, а потом посмотрел прямо в глаза собеседнику.

— Ты придумаешь новый план.

Джером в смятении обернулся на Коратэля. Такой поворот они явно не предусмотрели. Полное и бесповоротное отрицание всех доводов. Старик вообще слушал только себя.

Император поймал взгляд юноши и хмуро посмотрел на партианского главнокомандующего.

— Я буду говорить с советом, — смягчился он, — вас уведомят о наших намерениях.

— Мы могли бы присоединиться, — предложил Джером.

— Совет не допускает присутствия посторонних ушей и языков, — отрезал император с такой силой, которой Джером никак от него не ожидал. — Мы встретимся снова перед ужином. А сейчас, ради общего блага, предлагаю вам разумно

распорядиться своим временем.

— Ваше величество…

— Можете удалиться.

— Но…

Джером успел сделать один-единственный шаг вслед императору и оказался со скрученными руками в окружении охранников. Коратэль сделал предупреждающий знак. Джером расслабился, и через минуту императорская стража вывела его из залы аудиенций.

В гостиную спутники вернулись в сопровождении отряда в четыре раза большего, чем прежде. Покидая гостей, Лоррон выразил сочувствие и обещал замолвить за них словечко на совете.

Главный хранитель ушел, и Джером обернулся к своим спутникам. Невик опустился в кресло, а Коратэль нервничал и сжимал кулаки. Джером перевел взгляд на сады за окнами. Солнце садилось, день клонился к сумеркам.

— Удачи, Килак, — пробормотал юноша. — Все зависит от тебя, приятель.

* * *

Тварь выглянула в небольшое отверстие в своем укрытии — глубоком дупле в стволе старого дуба, которое осталось на месте ветви, давно вырванной молнией. Ливень не унимался целый день, барабаня по земле сквозь решето лесного полога. Гроза и заставила звереныша спрятаться прошлой ночью и присвоить себе заброшенное гнездо большой совы. По крайней мере тварь посчитала жилище пустым. Рано утром сова вернулась с ночной охоты и задумала отбить гнездо.

Сгодилась на завтрак.

Глаза Мицба слезились от непрерывного дождя. Демон потерял много времени, но никак не мог заставить себя выбраться из убежища в такую мерзкую погоду. Королева поймет. Она так же нежна со своим любимцем, как и он с нею. Она не станет мучить его.

Крошечные ушки насторожились, уловив движение. Не порхание птички, не шуршание грызуна, а твердый и тяжелый звук, прокатившийся по земле. Шум приближался, и Мицб осторожно высунулся наружу.

Маленькие глазки остановились на паре всадников, скакавших по лесу. Оба завернулись в плащи, спасаясь от непогоды. Направлялись они на восток, вглубь чащи, где землю в

этот дневной час окутала тьма.

Один из всадников окликнул своего спутника:

— Думаешь, он знает, что мы идем? Второй оглянулся.

— Киллангратор? Будем надеяться, нет.

Бесенок чуть не упал с насеста. Синюшная кожа сделалась коричневато-зеленой, скрывая его от посторонних глаз. Но он все равно осторожно отступил в тень дупла, раздвинув острые косточки и совиные перья.

— Неужели всю дорогу до Скуллмаров будет лить дождь? — снова заговорил второй всадник, вздрагивая от холода. — В такую погоду нам никогда не добраться до места.

— У нас выбора нет, приятель, — мрачно заметил первый. Оба замолчали, переключив внимание на узкую тропу, но демон услышал достаточно много. Дождь, ветер и холод были забыты. Королева должна узнать о таинственных путешественниках.

Тем не менее Мицб выждал немного, пока всадники не проехали. Он заметил длинный лук за спиной второго путника и не хотел рисковать. До поры до времени лучше не попадаться никому на глаза.

Когда все, кроме стука дождя, затихло, бесенок выбрался на край дупла и злобно пискнул. Острые, как иголки, зубы щелкнули, кожистые крылья распахнулись, и зверек вынырнул из укрытия.

* * *

Вошедшего представили как принца Девена, старшего из оставшихся в живых сыновей императора Деррега и будущего владыку Моритила. Джерому он показался скорее не наследником, а тем, кто уже собирается передать трон потомкам — почтенный возраст принца не могли скрыть ни модная одежда, ни наигранная улыбка, ни крашеные волосы.

Коратэля не остановил бы сам дьявол. Он набросился на коронованного принца, не обращая внимания на присутствие Лоррона и угрожающие взгляды стражников.

— Где, чтоб мне в Краккене жариться, тебя носило? — заревел Коратэль, когда к его горлу прижалась дюжина клинков.

Гостям вновь пришлось ждать несколько часов, пока закат не залил комнату алым огнем, будто расплавленными реками, которые в гневе и помянул главнокомандующий. Джером выразил надежду, что Лоррон и другие члены Императорского совета могли бы убедиться в необходимости предложенных ими действий. Однако Коратэль, не мешкая, отверг эти глупости,

объяснив, что Императорский совет, хотя и состоял из представителей крупных куурианских городов, являлся всего лишь игрушкой в руках императора и предназначался лишь для того, чтобы навязать его волю баронствам и городским властям. Даже если бы члены совета и захотели, они все равно не сломили бы волю старика. А поскольку все оборонительные планы против драконова отродья, которые они могли выдумать, были совершенно абсурдны — и требовали времени, которого не имелось в наличии, — Коратэль становился злее с каждой минутой.

— Осторожнее, господин! — Лоррон предпринял попытку утихомирить главнокомандующего. — Мы все теперь на одной стороне.

— Да?! — фыркнул Коратэль. — Тогда как вы объясните такую задержку? Мы теряем жизни людей с каждой минутой.

— Начнем с вашей собственной, — предостерег Лоррон, — если не успокоитесь.

Коратэль пожирал противника глазами, однако неохотно отступил. Охранники последовали его примеру, но остались настороже.

Принц Девен был не на шутку ошеломлен такой встречей.

— Простите мое запоздалое появление. О многом пришлось позаботиться. Кто из вас король Торин?

Джером сделал шаг вперед и поклонился принцу.

— Я, господин.

— Мне поручено обсудить ваш план атаки, — заговорил Девен тоном человека, который никогда в жизни собственными глазами не видел сражения. Не обращая внимания на партианского главнокомандующего, принц подошел к Джерому.

Но Коратэлю давно наскучило притворное соблюдение протокола.

— Больше спорить не о чем.

Девен неохотно обернулся на извергающего клубы пара генерала.

— Значит, вы изобрели новый план?

Коратэль испепеляющим взглядом смотрел на принца.

— Вот именно. Объявить вашего отца недееспособным по такому удобному случаю. Убедить совет передать вам его голос, и положить конец этому сумасшествию без дальнейших промедлений.

Принц ужаснулся.

— Нет, — выдохнул он. — Мой отец в здравом уме. Вы не найдете…

— Тогда мои войска отправляются в Суарис, — отрезал

Коратэль, — и будем надеяться, что король Тэлин прислушается к голосу разума.

Девен напрягся.

— Король Тэлин подчиняется решениям Имперского совета. Не думайте, что с такой легкостью сможете разрушить союз.

— Но именно это и делает ваш отец! Он вынуждает каждый город защищаться в одиночку и обрекает их на гибель!

— Не нужно недооценивать наших шансов, — возразил принц. — Моритил надежно защищен…

— Будь проклят ваш Моритил! — заревел Коратэль, после чего в гостиной воцарилась мертвая тишина. Он продолжал сквозь стиснутые зубы: — Допустим, что Моритил, Суарис и горстка других городов протянут неделю, месяц, год. Без торговли, без земледелия как долго простоят эти крепости?

Принц Девен погладил седеющую бородку.

— Мой отец предположил, что те из нас, кто не станет провоцировать демона и ее слуг, вероятно, не пострадают. Если мы будем собирать войска, это лишь подстегнет войну.

У Джерома был готов собственный ответ на такую околесицу, но Коратэль покачал головой.

— Сплошная романтика, — вздохнул главнокомандующий. — Боюсь, вам предстоит скорая и страшная гибель.

— Таково желание совета, — повторил Девен. Принц очень напоминал не способную мыслить самостоятельно куклу.

— В таком случае прошу разрешения удалиться, — в заключение произнес Коратэль с театральным поклоном и оглянулся на Джерома и Невика перед тем как направиться к выходу.

Джером собирался было последовать за главнокомандующим, но императорская стража ожила, и двое солдат преградили Коратэлю путь, а остальные окружили его плотным кольцом.

— Сожалею, — заговорил Девен, обращаясь к Джерому, — но мой отец отдал строгий приказ. Ни при каких обстоятельствах вы и Алый Меч не должны покидать город.

— Пожалуйста, генерал, — добавил Лоррон, — не предпринимайте необдуманных действий.

Коратэль остановился, осознав свое положение.

— Вот зачем он подослал своего сына. Никакое это не совещание. Это арест.

— Что с остальными? — спросил Джером.

— Вашим солдатам и гражданским лицам предоставлен кров. За стенами города все будут в безопасности, если вы этому не воспрепятствуете.

Джером глядел на напыщенного принца и чувствовал, как в

нем закипает гнев. Что пользы от принца, который потеряет трон, не успев унаследовать его?

— А если я откажусь?

— Вас арестуют как самозванца, выдающего себя за короля, а ваши люди будут искать укрытия в чистом поле.

Джером посмотрел на принца и Лоррона. Ни один из них, казалось, не упивался ролью, которую вынужден был играть.

Коратэль неподвижно стоял в окружении вооруженных солдат.

— К черту весь мир, пока император Моритила продолжает здравствовать, — усмехнулся он. — Должно быть, я ошибся насчет умственных способностей его величества.

— Поосторожнее со словами, — ответил Девен. — Гонцы отправлены с вестями о предложенной вами стратегии. Совет дал разрешение другим городам действовать так, как они сочтут нужным.

Коратэль плюнул.

— Еще лучше. Посылаем других вперед, а сами сидим у них за спиной в своей конуре. Вы, трусливые… — Речь его прервали охранники.

— Поберегите свою досаду до боя, — заметил Лоррон. По его команде двое стражников скрутили главнокомандующему руки. — Проводить их в покои и выставить охрану.

Ни Джером, ни Невик не оказали сопротивления. В гостиную вошли новые стражники и заняли позиции с обеих сторон.

Коратэль был надежно связан. Лоррон приказал поднять его, и взгляд главнокомандующего мгновенно устремился на хранителя.

— Жду с нетерпением, когда буду драться с тобой бок о бок, — прорычал он, пока его выводили из комнаты. Лоррон вопросительно поднял бровь.

— Чтобы попробовать твоей крови, когда дракон оторвет тебе башку, — добавил Коратэль.

Лицо Лоррона исказилось от гнева, а Джером впервые за много дней увидел, как на губах Коратэля сверкнула улыбка.

Глава 38

Задача требовала мастерского исполнения. Силы быстрой и жадной. Мощи, не знавшей поражения. Задача для Ракета.

Она сразу все поняла. Спитахера прохаживалась по набитой демонами пещере, оценивая силы и слабости своих слуг поодиночке и вместе. Пару раз она остановилась, полагая, что нашла подходящее решение. Но чем сильнее ей хотелось действовать самостоятельно, тем яснее становилась необходимость, перед которой королева наконец отступила.

На первый взгляд фигура мало чем отличалась от остальных. Вытянутый силуэт напоминал человеческое тело, драконью морду украшали длинные клыки. Он прекрасен в своей простоте, подумала королева. Сидя на корточках, зверь немного сгорбился, изящный и сильный, с широкими плечами и узкой талией. О его силе можно было судить по длинным мускулистым рукам. Когти впились в землю. Демон напоминал нечто среднее между обезьяной и волком. В свирепости ему не было равных.

Спитахера протянула руку и хотела дотронуться до него, но снова остановилась. Она узнала смертных, которых совсем недавно выследил Мицб, сравнив описание бесенка с рассказами Грейвлита, Чила, Рвома и Лобака. Чил, как и Рвом несколько недель назад, был изрублен мальчишкой на такие мелкие куски, что только чудом удалось собрать их вместе. А Лобака уже два раза одолел лучник.

Спитахера покачала головой. Больше никого не осталось. Но Ракет справится. Он опаснее, чем целая свора демонов. Ракет давно уничтожил бы дружков новоявленного братца колдуна — какого-то Торина. Пусть идет один. Этого будет достаточно.

Спитахера решительно вздохнула, и обняв статую изящными руками, подняла ее из ряда других фигур. Опустив камень в мерцающие воды купальни, она отступила и в последний раз задумалась. Раньше она считала его самым незаменимым слугой. Тогда она еще надеялась, что сможет контролировать монстра. В итоге Спитахера отступила, решив, что он слишком опасен. Это делало Ракета практически бесполезным, годным только для крайних и исключительных случаев.

Напомнив себе о том, что поставлено на карту, Спитахера сделала шаг вперед.

— *Хик лар ротэ крайн олдрайнэ…* — зазвенело заклинание и оборвалось. Надо же было так сглупить и позабыть о собственной безопасности. Статуя начала излучать зеленоватое свечение. Королева собрала свои чародейные силы. Повсюду закружились

сияющие нити. Рука ее засветилась, накапливая защитную энергию.

— *Ратрок!*

Пепельно-серая рука выстрелила вперед быстрее, чем она могла предполагать. Спитахера увернулась и выпустила огненный луч. Обернувшись, она увидела застывшего перед прыжком демона.

— Будь ты проклят, Ракет!

Спитахера взглянула на свою руку, на которой когти зверя оставили кровавый след. Гнев, однако же, быстро растаял без следа, уступив место коварной улыбке.

— Ракет, дорогой, мой безупречный победитель.

Зеленые глаза неподвижного демона горели от ярости.

— У меня есть для тебя работа. Нужно выйти из вод Изумрудной реки южнее Скуллмарских гор. Там ты встретишь людей, которые направляются к горе Краккен. Уничтожь их, Ракет.

Спитахера открыла портал, и демон начал погружаться в кипящие воды. Когда на поверхности осталась только голова, королева сняла огненные путы с тела слуги. Ракет рявкнул в ответ и щелкнул зубами.

Когда зверь исчез, а воды успокоились, Спитахера облегченно вздохнула. Она ненавидела любой риск, но не сомневалась в правоте своего выбора. Целая армия мальчишек и лучников — рой досадных мух для могучего Килланграторa, но Ракет не даст этой парочке добраться до дракона. Скорее всего демон вернется через час и принесет их кровь и обломки костей на своих когтистых лапах.

Спитахера усмехнулась, неожиданно почувствовав облегчение и уверенность. Более не волнуясь о судьбе драконьего войска, она устремила свои мысленные силы на более страшную угрозу — молодого Торина и Алый Меч.

* * *

Сидя верхом на коне, Эллайен угрюмо разглядывал грязный берег под ногами и бегущую перед ним реку.

— Готов? — спросил Килак.

— После тебя, — проглотив ком в горле, отвечал охотник. Поход через Кальмир друзья продолжили на рассвете и прошли уже немногим больше половины пути. Они держались под покровом леса и избегали многочисленных притоков Изумрудной реки, что помогло им до сих пор уберечься от встречи с

демонами. Если бы они пошли к горе Краккен по выжженной драконами земле, пришлось бы дважды пересечь Изумрудную реку, которая разделялась на два русла и убегала прочь от гор на север. Путешественники оттягивали этот переход до последнего, но теперь настало время совершить его.

Килак едва заметно пожал плечами и направил коня в ледяную воду. Друзья долго искали достаточно узкий и неглубокий участок реки. Дождь продолжал лить, река раздувалась и угрожающе бурлила. Но Эллайена больше страшила встреча с войском демонов, от которой их не могли уберечь никакие предосторожности.

До сих пор опасения не подтвердились. Лошадь и седока быстро сносило вниз по течению. Килак преодолел уже половину пути. Перед Эллайеном возникла необходимость лезть в воду самому или же оказаться брошенным на западном берегу.

Задержав дыхание, охотник ударил босыми пятками в лошадиные бока. Плащ и сапоги он скрутил в узел и держал перед собой. Зачем, трудно сказать. Путники и так промокли до нитки. Но это дало ему повод немного отсрочить неприятную процедуру, чему он только обрадовался.

Лошадь, судя по всему, чувствовала, с какой неохотой хозяин лез в воду, и ее пришлось дважды подстегнуть, перед тем как она начала движение. Первый шаг, а за ним второй утонули в вязкой илистой грязи. Ступив копытами в воду, лошадь остановилась, замотала головой и недовольно захрапела.

Третий удар хлыстом наконец заставил животное тронуться с места. Стиснув зубы, Эллайен окунулся в ледяной поток. Не сезон, досадовал охотник, купаться в студеной воде. Не говоря уже о том, что они направлялись на север, а течение с каждым мгновением относило их все дальше на юг. Но уже ничего нельзя было поделать. Эллайен зажмурился и ощутил напряженное тело лошади, стараясь не вспоминать, как однажды пересекал такую же реку и вез больного Джерома в Феверрут. Именно тогда невиданное чудище выросло из воды прямо у него под ногами.

Эллайен открыл глаза, когда конь выбрался из воды на противоположном берегу. Крепко ухватившись за поводья и вытягиваясь в седле, охотник незамедлительно принялся искать Килака, которого заметил в нескольких шагах выше по течению. Эллайен развернул лошадь. На этот раз ее не пришлось упрашивать. Видно, она успела соскучиться по своему четвероногому спутнику. Вскоре приятели углубились в лес и вновь возобновили путь на юг. Эллайен, несмотря на страхи, пробиравший до костей холод и унылую дорогу, вздохнул с облегчением.

Отъехав подальше от воды, они остановились и отжали промокшую одежду, надели сапоги и плащи. К тому времени Эллайен чувствовал себя значительно лучше.

Друзья ехали в тишине, прислушиваясь к звукам леса. Чувства притупились от несмолкающего шума дождя, который охотник находил успокаивающим, как и раньше, когда целые дни проводил на охоте, чтобы помочь прокормиться односельчанам. Вот бы посмотреть, как они сейчас живут. Он скучал по родным местам больше, чем хотел это признать. Скучал по матери и отцу, даже по несносным братьям и сестрам. Он скучал по шуточным схваткам с деревенской ребятней, которая с раскрытыми ртами слушала его россказни, даривше немного радости их обыденной жизни. Эллайен скучал по ленивым денькам, когда они с Джеромом бездельничали и валялись на берегу лесного ручья, провозгласив его своей собственностью. Грустно было сознавать, что ему никогда больше не доведется пожить такой беззаботной и довольной жизнью, чем бы ни обернулись грядущие события.

Через некоторое время друзья набрели на следы, которые Эллайен принял за отпечатки лап демона. Килак его разуверил и сказал, что это следы медведя редкой породы, обитавшего исключительно на острове Ниввия у залива на побережье Восгеса. По словам Килака, медведь слыл людоедом и, по всей видимости, проголодался, если забрел так далеко на север в поисках добычи. Если он и что-то унюхает, добавил Килак, они могут без лишних сомнений ждать его в гости.

Эллайену пришлось поверить пареньку на слово. В его лесу, в Калгрене, самыми страшными хищниками считались волки и некоторые разновидности мелких диких кошек. Ни одно из этих плотоядных не оставляло на земле даже вдвое меньшие следы.

— Свежие, — заметил Эллайен, примеряясь к когтям длиною с его пальцы. — Он близко?

— Слишком, — ответил Килак, разглядывая деревья, за которыми обрывались следы. — Сдается мне, надо самому поглядеть.

— Думаешь, удачная мысль?

— Нас не должны застать врасплох. Драка с такой гадиной половину леса на уши поставит.

— А он опасен? — полюбопытствовал Эллайен, не скрывая скептического настроя. Не то что бы он не верил парню или его многочисленным рассказам, но после встреч с демонами и огнедышащими ящерами начинал сомневаться, что мать природа могла предложить нечто, способное доставить им серьезные неприятности.

Килак был лаконичен.

— Забери мою лошадь и продолжай идти на север. Я догоню.

— Надеюсь, ты хорошо подумал?

На лице паренька появилась подозрительно широкая улыбка.

— А зверь неплохо сгодится на ужин, — ответил Килак и добавил, поймав на себе хмурый взгляд Эллайена. — Я хочу выяснить, где он, и сбить его с нашего следа. Через час вернусь.

Но Килак не вернулся. Прошел час, а за ним другой. Эллайен не поддавался волнению. Ему не впервой было оказаться в одиночку в лесу. Но на этот раз местность была чужая, и охотнику стало не по себе. Холодный и тихий лес почернел от дождя. В дюжине шагов уже ничего нельзя было разглядеть, и Эллайену приходилось полагаться на чутье. То, что он мог попробовать на вкус, потрогать, понюхать и услышать, опасений не вызывало, но тревога по-прежнему нарастала. К приметам такого рода учишься прислушиваться, если проводишь немало времени наедине с дикой природой. Охотник старался убедить себя, что просто беспокоится из-за отсутствия Килака.

Эллайен вышел на разоренный участок леса, по которому на север в Парту двигались драконьи полчища. Второй путь располагался восточнее и вел на юг. Им-то и рассчитывали воспользоваться Эллайен и Килак на обратной дороге, если паренек, конечно, вообще вернется.

Охотник остановился на краю выжженного леса и внимательно посмотрел на север и на юг. Стояла могильная тишина. Несколько недель не успели вернуть лесу зелень и заманить его обитателей в покинутые норы и гнезда. Эллайен заметил одинокую птицу на почерневшем пне, которая жадно разглядывала опустошенную землю, вероятно, охотясь за червями, когда те высовывались из золы. Из-за дождей не видно было даже насекомых.

Эллайен никогда не чувствовал себя так одиноко.

Охотник собирался было двинуться дальше, но его остановил внезапный жуткий вопль, от которого он чуть не упал с лошади. Из-за эха трудно было понять, откуда донесся звук. Крик раздавался на расстоянии мили или дальше, если боги, которых родители всегда учили его почитать, были милостивы. Такого рева, глубокого и свирепого, Эллайену никогда еще не доводилось слышать. На какое-то мгновение ему показалось, что сам Киллангратор спустился с горы, чтобы истребить их. Одной мысли было достаточно, чтобы мурашки побежали по спине.

Но свирепый рев столь же быстро превратился в крик боли. Лошадь Эллайена попятилась, а конь Килака тянул за веревку, которой был привязан к седлу охотника. С лошадьми Эллайену справиться удалось, чего он не мог сказать о себе. Сердце

колотилось бешено и не хватало воздуха.

Тогда Эллайен вспомнил, что Килак говорил о неизбежной шумихе в случае, если им придется столкнуться со зверем, следы которого они обнаружили в лесу. Судя по звукам, Килак был вынужден пойти на схватку. Оставалось утешаться тем, что паренек быстро сделал свое дело.

Эллайен не решался двигаться дальше. Он стал искать глазами птицу и не нашел. Она улетела, и ему скорее всего следовало сделать то же самое.

Эллайен выехал из лесного укрытия на выжженную и разбитую землю. Кони не жаловались и бодро топали копытами среди обломанных ветвей и поваленных стволов. Охотник немного беспокоился за их ноги, но решил не неволить животных. Оставалось только надеяться, что Килак скоро догонит его.

Когда паренек вернулся получасом позже, лицо его было пепельно-бледным. Эллайен никогда еще не видел своего юного приятеля таким испуганным. Килак не проронил ни слова, запрыгнул в седло и приказал Эллайену отвязать его коня.

— Что случилось? — спросил охотник, чувствуя, как все его бесстрашие забивается в щель, как крыса под лучами солнца. — Ты его не убил?

Килак мотнул головой.

— Нет, — ответил он тоном, которому явно не доставало обычной уверенности. — Зато видел, что убило.

Эллайен даже не спрашивал, что это было. Выражение физиономии Килака говорило лучше всяких слов.

Приятели быстро тронулись в путь. Килак возглавлял процессию, Эллайен держался как можно ближе. Мокрые ветки и листья хлестали и всадников, и лошадей. Стало ясно, что их единственным преимуществом была скорость, потому что паренек не прилагал ни малейших усилий, чтобы скрыть следы их движения. Эллайен не видел, не слышал демона, но знал о его присутствии. Он это чувствовал затылком. То, что убило гигантского медведя, теперь искало их.

Тревога Эллайена постепенно росла, пока не достигла предела. Глаза беспокойно разглядывали листву. Чудища мерещились повсюду, в ближайшем дереве, за каждым кустом. Сердце стучало как самый ретивый конь копытами, а вены раздулись и чуть не лопались от напряжения.

Внезапно он услышал: далекий и едва уловимый звук. Треск веток и шорох листвы, писк вспугнутых зверей.

— Нас догоняют! — закричал Эллайен.

Килак, не оглядываясь, пришпорил коня. Спутники и без того неслись так быстро, как только позволяла узкая и извилистая

звериная тропа. Если не выбраться на широкую дорогу немедленно, преследователь скоро догонит их.

Долгий и протяжный рев раздался впереди. Эллайен так напряженно следил за тем, кто гнался за ними, что опомнился слишком поздно.

Эллайен вырвался из цепких деревьев и резко затормозил коня. Река пенилась и кипела перед ним. Противоположный берег виднелся в каких-то тридцати шагах, но у Эллайена от ужаса перехватило дыхание, когда он взглянул на бесновавшиеся воды. В пятидесяти шагах вниз по течению они обрушивались крутыми порогами и с диким свистом, наполнявшим каньон, уносились прочь. Эллайен в ужасе обернулся на Килака.

Они попали в западню.

Килак спрыгнул с коня.

— Твой лук, — потребовал он, — и стрелу.

— Что ты делаешь? — удалось выдавить Эллайену, пока он выхватывал непослушными пальцами оружие.

— Надо перебраться на другой берег.

— Что? — вскрикнул охотник. — Да этого никто не сможет.

— Надеюсь, ты прав, — ответил паренек, прилаживая к стреле тонкую шелковую веревку. Килак привязал шнур под наконечником, поднял стрелу и натянул тетиву.

— Тебе придется… — начал Эллайен, но договорить не успел. Килак выпустил стрелу на противоположный берег. Она засвистела, прорываясь сквозь пелену дождя и утягивая за собою веревку. С глухим ударом стрела впилась в поросшее мхом бревно.

Эллайен нахмурился.

— Ей нас ни за что не выдержать.

— Выдержит, — возразил Килак, поднял коней веревки и дал его в руки Эллайену. — Держи крепче.

— А лошади?

— Придется оставить. По горам все равно пешком идти.

Из лесу донесся грохот, будто целое дерево рванули с корнем и разбили в щепки. Кусты закачались.

— Пошел! — скомандовал паренек.

Эллайен взглянул на противоположный берег и приготовился к прыжку.

— Подожди, — сказал охотник, поворачиваясь к Килаку. — Что ты…

Не дослушав, паренек развернулся и толкнул болтуна в грудь ногой. Эллайен попятился и несколько мгновений балансировал на берегу, стараясь удержать равновесие. Перед тем как упасть в воду, он успел заметить, что Килак, отбросив лук, обнажил свое

оружие и всматривался в край леса.

Эллайен превратился в беспомощный комок, который яростное течение увлекало за собой. Повинуясь инстинкту, он держался за тонкую веревку, которую обмотал вокруг запястья и так сильно сжимал, что отнялись пальцы. Внезапно веревка резко натянулась и остановила его отчаянный полет вслед за течением. Эллайена прибило к берегу, и он начал выбираться на сушу один, без коня и оружия. Он поднял глаза в тот самый момент, когда из лесу выскочил демон.

Охотник успел лишь вскользь заметить мощные конечности и кривые клыки перед тем, как зверь бросился на Килака. Он крикнул и захлебнулся речной водой. Поток вздымался и бушевал, мешая Эллайену следить за сражением. Ему оставалось только держаться.

Внезапно его якорь сломался, не выдержав напряжения. Сердце Эллайена бешено застучало, он почувствовал, как течение уносит его. Свисавшие с берега коренья цеплялись за него, и несчастному наконец удалось ухватиться за достаточно крепкий отросток, который согнулся, но выдержал и спас его.

Вниманием Эллайена снова завладела схватка. Противникам приходилось сражаться на маленьком клочке земли. Килак танцевал перед рычащим зверем. Эллайен слышал, как клинки врезались в тело чудища, будто топоры в дерево. Но демон, казалось, не замечал ударов, он ревел и в исступления рвал когтями воздух. Ни капли крови не пролилось из ран, и зверь не выказывал ни усталости, ни слабости.

За движениями противников невозможно было уследить. Они дрались, как коты, нанося удары в прыжках. Охотник не мог понять, кто берет верх. Оставалось только наблюдать, ожидая исхода. Он уже готов был вернуться к собственной борьбе со стихией, когда схватка внезапно прервалась.

Килак нашел лазейку и нанес смертельный удар. Тонкий клинок впился в шею зверя, войдя до самого позвонка. Но бескровная рана и на этот раз не остановила демона. Моментально оправившись от сокрушительного удара, зверь отбросил Килака и ринулся в атаку. Мечи полетели на землю, а Килак и демон с фонтаном брызг упали в воду.

Обоих мгновенно подхватило течение. Эллайен не смел вздохнуть — если паренек не выберется, то окажется на порогах. Килак и сам все понял и уже нацелился на старый дуб, росший на берегу у самых водопадов. Дерево нависло над водой, окутанное тучей брызг от бушевавшего внизу круговорота. Половина корней крепко держались в земле, а остальные склонялись к воде. Если бы только Килак дотянулся…

Паренек почти достиг цели, но зверь вцепился ему в ногу. Отбиваться времени не было. Между противниками вырос острый камень и разбил цепкую хватку зверя. Его закрутило, закружило и унесло на пороги. Килак из последних сил потянулся к корням…

Пальцы скользнули по слизистым отросткам, и Килак тоже скрылся под водой.

* * *

Немного погодя Эллайен выбрался на берег. Он стоял на коленях и трясся от холода. Он не помнил, сколько времени провел в воде, держась за сучья и вглядываясь в течение в ожидании Килака. Эллайен верил, что еще не все потеряно. Килак Кронус не погиб. Только не теперь, когда им столько пришлось пережить, и еще больше надо было сделать.

В конце концов, бурная река напомнила охотнику о его собственном незавидном положении. Дрожа от холода, он все же сумел выбраться по веткам и скользкой грязи в безопасное место. Он упал на землю и тяжело дышал, отхаркивая из легких воду. В тот момент для Эллайена не существовало ничего, кроме мягкой земли под его телом. Он с трудом приподнялся и сел лицом к водопадам, не в силах поднять глаза на бушующие пороги.

Конский храп привлек его внимание к противоположному берегу. Животные, а вместе с ними оружие и припасы были недосягаемы, а значит, бесполезны. У Эллайена остался только охотничий нож да веревка Килака, до сих пор намотанная на руку. Да пожалуй, еще обломки стрелы. Вот и все для охоты на драконов.

Килланграторжив, драконье войско пополняется, а королева демонов гуляет на свободе. Выходит, жертва его друга была напрасной. Охотник не мог этого допустить.

Эллайен решительно поднялся на ноги. Он поднимется вверх по реке, отыщет брод и вернется на юг за оружием. Если повезет, и лошадь не успеет далеко уйти, ему достанется провизия и полный колчан стрел. Он вздрогнул при мысли о тех невиданных и жутких демонах, которых мог встретить у воды, но еще раз напомнил себе, что выбора нет.

Эллайен вспомнил о потере. Он еще раз остановился и посмотрел на водопад.

Прощай, приятель. Пусть твои приключения продолжатся в лучшем из миров.

Эллайен внезапно почувствовал, как закипает гнев, как он жжет его тело. На глаза наворачивались слезы. Охотник побежал

на север вдоль берега, сматывая тонкую веревку. На ней он собственноручно подвесит Киллангратора. Глупо, он и сам знал, но это не мешало ему складывать петлю, достаточно просторную для драконьей шеи.

* * *

Килак очнулся от грохота. Он сразу открыл глаза, ища ответы на вопросы, которые уже не надеялся задать. Он запутался в корнях, которые сплелись в настоящее гнездо и повисли над самым обрывом водопада с кучей бревен, сучьев, камней и прочего хлама. Как рыбацкие сети, коренья выловили случайную рыбешку и спасли ей этим жизнь.

Килак сел и замотал головой, пытаясь избавиться от головокружения. Кровь виднелась только на камне, на котором он лежал, как на подушке. Странно, но и на этот раз он уцелел.

Демон исчез. Несомненно, его тело, разбитое острыми камнями и струями воды, отнесло к основанию водопадов. Килак вглядывался в туман, но видел лишь безжизненную гладь и тихое течение. Скорее всего зверь давно вернулся к своей матери королеве. Оставалось только надеяться, что она дважды подумает перед тем, как снова посылать его на охоту.

Килак вернулся к делам насущным: пора выбираться на берег и посмотреть, что стало с Эллайеном. Не стоило надеяться, что охотник будет дожидаться друга после того, как увидел его падение с водопада. Ему придется трудно без оружия и припасов, какую бы дорогу он ни выбрал. Килак хотел защитить Эллайена от демона, что и сделал. Но надо было спешить, пока охотник не попал в какую-нибудь другую беду. Бросив последний взгляд в кипящий котел внизу, Килак выкарабкался из спасительного гнезда.

Глава 39

Порывистый ветер бушевал в стенах Моритила. Джером призвал на помощь все свое терпение и неотрывно смотрел на север, наблюдая за наступлением врага.

Рядом гнусавил принц Девен, обращаясь с речью к своим солдатам. Джером едва обращал внимание на эту патриотическую дребедень. Он не видел причин отказаться и поэтому последовал за принцем. Императорские солдаты собрались у крепостной стены под тенью парапета городских ворот и с взволнованными лицами слушали речь наследника Моритила. Другие остановились в зоне оборонительного кольца по пути на свои позиции. Джерому казалось, что целый мир взирает на них. Он старался разглядеть знакомые лица, самые дорогие, которых ему будет больше всего не хватать, если день завершится поражением.

Первыми он заметил Коратэля и его офицеров — Джейзина и Мальтика, Райнара и Лара. Они сосредоточенно совещались. Раздосадованный безнадежной глупостью императора, главнокомандующий не собирался упускать ни малейшего шанса даже в столь сложном положении. В место того чтобы терять время и силы на планы побега, решено было считать Моритил последним оплотом обороны. С этого момента Коратэль, казалось, совершенно забыл, что его людей удерживали в стенах города силой. Главнокомандующий успел наладить отношения с Лорроном, хранителем города, и с коронованным принцем Девеном. Коратэль провел за последние три дня ряд серьезных военных советов, воспользовавшись своим знанием противника. Результатом стали изменения в обороне города, которые, по словам Коратэля, предоставляли им возможность выжить.

Невик стоял у основания лестницы, ведущей на парапет. За последние несколько дней Джером сдружился с юным бароном. Невик был готов постоять за любое благородное дело. Как Джейзин или Мальтик, он обладал редким чувством юмора и особенным даром заставлять Джерома смеяться, когда он более всего в этом нуждался. И самое важное, Невик, как никто другой, знал чувства, с которыми боролся Джером, потому как много раз сталкивался с ними сам. Оба лишились отцов: одного отняла война, второго — дворцовые интриги. В результате обоим пришлось занять места предводителей, о чем ни один из них не просил, и нести ответственность за людей, которых каждый день поджидала смерть. Это едва ли казалось справедливым, но ничто так не сближает людей, как общая беда.

И, наконец, самое дорогое лицо в многолюдной толпе —

Мариша. Со своего места Джером ее не видел, но легко мог представить белоснежную кожу, ясные глаза и нежную улыбку. Еще недавно они были вместе в тихом уголке торгового кольца, где нашли временный приют многие из беженцев. День и ночь она помогала больным и раненым, не зная отдыха. Когда Джером пришел проведать девушку, она отвела его в сторону. Джером увидел тревогу в ее глазах.

— Ты в порядке? — спросил он. — Кажется, тебе не помешало бы выспаться.

— Не больше, чем тебе, — с едва заметной улыбкой отвечала Мариша.

Джером не возражал. Не нужно было обладать мастерством левеллинских целителей, чтобы понять — он отнюдь не наслаждался безмятежным сном всю ночь напролет.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — смущенно призналась девушка. — Понимаешь, я поклялась молчать. Но это может оказаться важным в нашей войне.

Сбитый с толку, он все же поддержал собеседницу ободряющей улыбкой.

— Наверное, это не заслуживает внимания… Я надеялась, ты поможешь мне разгадать тайну. Я подумала, что ты знаешь больше других.

— Слушаю тебя, — сказал юноша, взяв Маришу за руки. Девушка была загадочна и прекрасна, такая же завораживающая, как луч света, пробившийся сквозь толщу грозовых туч.

Она еще некоторое время раздумывала, хмуря брови. Мариша встретилась взглядом с Джеромом, но их беседу прервало появление принца Девена и его свиты.

— Король Торин, — обратился принц. На лице его проступила мертвенная бледность. — Враг приближается. Отец повелел мне обратиться с речью к войскам. Имею честь просить вас сопровождать меня.

— Я присоединюсь к вам через мгновение, принц, — ответил Джером и снова обратился к Марише. — Что ты говорила?

Но Мариша, казалось, была только рада неожиданной помехе.

— Позже, когда все закончится. Тебе и так есть, о чем думать.

Джером смотрел на нее со смешанным чувством беспокойства и непонимания.

— Король Торин… — настойчиво повторил Девен.

— Слишком поздно, это нам больше не поможет, — заверила его Мариша. Голос ее звучал загадочно, обезоруживающе.

— Мы должны использовать каждый шанс.

— Нет, — ответила девушка, прильнула к Джерому, и на мгновение все его тревоги рассеялись. — Иди.

Джером ушел, чтобы принять участие в последнем собрании. Он протискивался между рядами солдат, поднимался на крепость, но не переставал думать о Марише. Удивительно, что такой заботливый и открытый человек уходил в себя, когда дело доходило до серьезных вопросов. Как же мало Джером знал о своей спутнице. Мариша росла в Феверруте с матерью, которая умерла несколько лет назад. И только теперь Джером узнал, что отец, на самом деле, никогда и не был частью ее жизни. А кроме этого, уверяла девушка, рассказывать было нечего. Обычные истории о детских приключениях и шалостях. Джером и не требовал от нее большего. Зато, если переживет этот день, потребует обязательно.

Порыв ветра горстью дождевых капель хлестнул Джерома по глазам. Он вновь обратил внимание на грохот надвигавшейся битвы.

— … и мы одержим триумфальную победу! — голосил Девен. — Ради себя и наших семей, ради всего человечества отразим мы гнусный сей бич и навсегда завоюем себе славное место в истории!

Толпа разразилась ликованием.

— Узрите собственными глазами милостивое участие богов в нашей борьбе. Перед вами беспредельное могущество и величие Алого Меча!

Настала очередь Джерома, и он заученным движением освободил из ножен талисман и поднял его над головой. Толпа ахнула, вздрогнула, и вновь взревела, когда он неторопливо взмахнул несколько раз Мечом для пущего впечатления. У Джерома все переворачивалось внутри от мысли, что он каким-то образом должен привести армию к победе, ведь на него полагались пятьсот тысяч человек за стенами Моритила. Одного этого было достаточно, чтобы Джером раз и навсегда пожалел, что вообще разыскал Меч.

Людей охватило всеобщее ликование. Внимание же Джерома было приковано к северному горизонту. Никто не заметил, как с потемневших небес стремительно спустилась тень. Джером поднял глаза, посмотрел на Меч, но было уже поздно. Над ним парила сама королева демонов верхом на гигантском крылатом льве. Она зловеще улыбнулась, показав острые зубы, и поток света с треском вырвался из ее протянутой руки.

Издевательский смех Спитахеры заглушил все панические крики. Императорские стражники в страхе разбежались. Джером остался на месте и инстинктивно поднял Меч, укрывшись под сияющим клинком. В следующее мгновение вся жизнь пронеслась у него перед глазами.

Молнии ударили, но вместо боли по телу разлилось приятное и нежное чувство. Он продолжал слышать приглушенные звуки — крики ужаса обратились в изумленные возгласы, молнии трещали, ревел огонь…

Джером открыл глаза, и увидел, что его тело, будто кокон, окутало пламя Меча. Жар наполнил его жилы, но не трогал кожи. Молнии яростно трещали, отскакивая от стены огня, и не могли достать его.

Стоя среди пожара, Джером едва верил собственным глазам. Меч по собственной воле противостоял королеве и защищал своего хозяина. Огни Меча метнулись вперед по следам молний, пожирая их, будто пролитое масло, и устремились к источнику. Спитахера в страхе отступила. Колдовские энергии погасли, а вместе с ними и алое пламя растворилось в воздухе. Джером спокойно рассматривал королеву демонов, которая кружила у него над головой на безопасном расстоянии.

Оглушительный смех потряс темные небеса.

— Узри свою силу! — кричала королева. — Ты достоин большего!

Джером твердо сжимал в руках Меч.

— Посмотри на мусор, который ты защищаешь, на мерзких тварей, которым ты взялся служить.

Джером не сводил с королевы глаз, но чувствовал, как поднимаются на ноги те, кто был рядом с ним.

— Не будь пленником ничтожеств. Пойдем со мной, и я подарю тебе неземные наслаждения! — Королеву окутывали клубы развивающегося шелка, а прекрасное тело обтягивали узкие кожаные одежды. Даже издалека красота ее была несомненна. Убийца, но все же прекрасная, как сама жизнь.

— Покорись сейчас, пока еще не поздно. Пощади тех, кого ты любишь. Или сражайся и тогда ты увидишь, как погибнет все, что тебе дорого.

После этих слов крылатый зверь взмыл и растворился в небесах. Джером глядел вслед и изумленно понимал, что ее не в чем винить. Такому существу люди должны казаться насекомыми, которых терпишь, когда они на что-нибудь годятся, а обычно просто давишь.

Через мгновения от Спитахеры остался лишь смех, катившийся по небу, будто раскаты грома.

— Боится вступить в открытую битву, да?

Джером обернулся и заметил рядом с собой хранителя Лоррона.

— Будем надеяться, — ответил Джером. Несмотря на исход столкновения, он был не на шутку встревожен такой дерзостью. К

черту древинов с их советами. Они решили, что Спитахера не посмеет бросить вызов. В чем еще они ошиблись?

Вновь послышались торжествующие возгласы, сначала тихо и нестройно, а потом уверенно и громко. Джером еще раз поднял Меч под оглушительные крики солдат. Император не мог пожелать более впечатляющего зрелища. Один вид могущественного Меча, изгоняющего прочь врага, глубоко тронул солдатские сердца.

Однако радость длилась недолго. Бойцы разошлись и заняли свои позиции. Грохот наступающего войска становился все громче, предвещая грозную опасность. Армия двигалась без барабанов и рогов, без фанфар или труб. Ни единого знамени или штандарта не пестрело в черном море. В них не было необходимости. Земля стонала под стальными когтями, а шипение и вой ящеров наполняли сердца ужасом. Забыв, кущ ему идти, Джером остановился на вершине крепости и в оцепенении следил за приближением врага.

— С тобой все в порядке?

Невик внимательно взглянул на Джерома.

Джером встрепенулся.

— Да.

— Ты неважно выглядишь.

Джером кивнул. При других обстоятельствах он бы улыбнулся.

— Ты научился управлять огнем, — заметил Невик, осторожно поглядывая на Меч. — Думаю, это хорошо.

— Да вовсе не я, — признался Джером. — Мне опять повезло, и ничего больше.

— А с моего места все виделось по-другому.

— Должно быть. Меч защищался, как в Ливене от тюремщика. — Джером задумчиво поглядел на талисман. — Мне кажется, Меч просто решил меня прикрыть.

— Молнии и колдуны, берегитесь!

Джерому было не до шуток. Он обернулся к горизонту, и Невик присоединился к нему. На всех уровнях крепости выстроились наблюдатели. Насколько хватало глаз, равнины и луга затопило черное море. Оно неотвратимо надвигалось. Артиллерийские отряды, гонцы и солдаты внизу не могли собственными глазами видеть смертоносные орды, но им был понятен ужас на лицах даже самых храбрых своих товарищей, стоявших на крепости.

— Тысяч двадцать, — выдохнул Невик.

Джерому не приходило в голову заниматься подсчетами. Если барон не ошибался, им предстояло сразиться с войском в

четыре раза большим, чем в Гиблом ущелье. Объединенные войска вдвое превосходили противника числом. Но если перевес четыре к одному при Крааген Кипе оказался недостаточен, что говорить о существующем положении дел?

А ведь их армия могла бы насчитывать сто тысяч бойцов и вместо одного города занять Гейперон и защищать всю Куурию. Стратегически драконы могли просто пройти мимо Моритила, как и мимо Ливена, оставив солдат Деррега гнить, пока они сами не выползут из своего убежища. И если произойдет именно так…

— Кажется, они готовятся к атаке, — заметил Невик, словно прочитав мысли Джерома.

Юноша думал о своем. Ливен не представлял угрозы могуществу королевы демонов, и она попросту обошла его своим вниманием. А в Моритиле находился Меч, которым она желала обладать и намеревалась заполучить в свои руки. Несомненно, королева решила опустошить город, и если Джерому удастся убежать, она станет преследовать его повсюду.

— Император поступил бы разумнее, если бы выгнал нас из города, — заметил он с мрачной улыбкой. Вместо того Деррег разослал гонцов во все концы Куурии, чтобы вести о местонахождении Меча достигли ушей королевы, разубедили ее осаждать Моритил и отвлекли на какой-нибудь другой, более безобидный город. Старый глупец привел ее прямо в Моритил.

— Король Торин, ваше войско готово.

Джером подумал было, что известие принес гонец, а не генерал Западного паргианского легиона. Джейзин докладывал, картинно отдавая честь.

— Вольно, — вздохнул Джером. Его первое имя даже среди близких друзей вдруг сделалось символом. Все подливало масла в огонь всеобщих ожиданий. — Кажется, я уже просил не называть меня так.

— Прошу прощения, милорд, — ответил тот с кривой усмешкой.

— Веди, — приказал Джером.

Дождь полил сильнее. Джером и Невик вслед за генералом спустились из башни к главному крепостному валу. Пока они проходили мимо, Девен успел пожелать им удачи и храбрости. Коронованный принц стоял с видом человека, страдающего желудочным расстройством. Джером враждебно взглянул на него.

Все пришло в движение. За спиной Джерома хранитель Лоррон сопроводил наследного принца к башне верховного командования и приказал императорской страже следить за небом на случай, если вернется королева демонов. Повсюду, словно растревоженные муравьи, суетились и бегали солдаты.

Генерал Джейзин возглавлял процессию, поспешно пробираясь сквозь ряды хмурых бойцов.

— Волнуетесь, да?

Генерал-лейтенант широко улыбнулся, выставив напоказ зубы.

— Настал день расплаты. Вам должно понравиться.

Джером всегда считал его немного сумасшедшим. Он хорошо помнил слова генерала в Крааген Кипе: никогда не чувствуешь себя таким живым, как за секунду до боя. Джером еще тогда подумал, что солдат терпит тяготы войны только из чувства долга. С тех пор он понял, что так бывает не всегда. Некоторые, вроде Джейзина, жили ради каждого мгновения битвы.

Где-то справа Коратэль хриплым голосом раздавал приказы. Джером хотел отыскать его, но голос главнокомандующего потонул в криках глашатаев, передававших его приказы по рядам солдат. Стояла холодная и сырая погода, но мурашки по спине Джерома бегали отнюдь не из-за промозглого воздуха. Возможно, это и было то самое упоение битвой, о котором говорил Джейзин.

Джером увидел лишь несколько знакомых лиц, но его приветствовали все без исключения. Он высоко поднял Меч, что вызвано бурю восторга в возбужденной толпе. Джером не сразу добрался до своей позиции у северных городских ворот. По существу его войском командовал бывалый офицер императорской армии, который подчинялся напрямую Лоррону или самому принцу. Участие Джерома было по большей части символическим. Он выступал в роли своего рода знаменосца, носителя символа победы, и надеялся, что так и будет впредь.

— Держись бодрее, — предостерег Джейзин, — иначе не сносить тебе головы.

На прощание Джером пожал Джейзину и Невику руки.

— Увидимся за ужином.

— Не забудь умыться, — ответил юный барон. — Работа будет грязная.

Оба вернулись к своим частям. По приказу императора каждому чужаку офицеру было предписано командовать отдельными отрядами из опасения заговора в случае их объединения. Словно они воевали не за общее дело. Коратэль не стал спорить. Джейзин отправился к восточным воротам, а Невик присоединился к дракмарским трем сотням, которые остались в резерве. На западе стоял Мальтик, на юге — великан Лар. По крайней мере рядом находился генерал Райнар, отвечавший со своими боевыми машинами за оборону главных ворот, и Коратэль, расположившийся с восточной стороны. Перед Джеромом и главнокомандующим открывался внушительный вид

на поле предстоящей битвы.

Драконы с оглушительным ревом устремились на Моритил. Как только первые волны оказались в пределах досягаемости, в воздух с пронзительным свистом устремились тучи стрел. К ним присоединилась протяжная музыка баллист, выстроившихся за зубцами крепостных стен и выпускавших по дюжине копий за один прием. Джером, стиснув зубы, наблюдал за сокрушительным градом. Такого он и представить себе не мог. Вражеский авангард не устоял под напором безжалостной атаки.

Но новые волны накатывали, драконы продолжали продвигаться вперед, многие с торчавшими из спин копьями и стрелами. Павших и раненых безжалостно затаптывали. Полетела следующая туча стрел. Отряды солдат слаженно работали, заряжая мощные машины. Огромные камни сбрасывали в подготовленные в стенах шахты, и они катились, оставляя широкие полосы среди черных полчищ. Оборону вели безукоризненно, но, как и предупреждал Коратэль, такая тактика могла только задержать противника. Через мгновение черные волны ударили в стены Моритила, и осада началась.

Драконы атаковали исступленно и неистово. Без башен, лестниц и веревок враги запрыгивали на стены, карабкаясь и цепляясь за голые камни. Некоторые ударялись о мраморные преграды, пытаясь пробить их собственными телами. Ящеры шипели, рычали и выплевывали струи огня. Конечная цель нападавших не вызывала сомнений — стереть город с лица земли.

Используя свою стратегию, драконы уничтожили все города и крепости, встретившиеся им на родине Коратэля. Рано или поздно пожары разгорались, стены рушились, драконы пробирались внутрь и покоряли города. На этот раз были все основания ожидать того же исхода.

Но поначалу Джером надеялся, что Моритил в отличие от других городов выстоит. Внешние стены были выше и прочнее тех, с которыми до сих пор доводилось сталкиваться драконам. Им придется разбиться в лепешку, чтобы проделать брешь в основании крепости. Не могли они и ухватиться когтями за гладкие стены. Чтобы взобраться на вершину понадобилось бы выстроить гору из тел. Под дождем же огнедышащее дыхание оставляло лишь подпалины на белокаменных стенах.

И все же время играло не на руку защитникам Моритила. Драконово отродье было многочисленно, как стая саранчи. Они действительно лезли по головам своих сородичей, бездумно круша и уничтожая все вокруг. Запасы и силы обороняющихся были не беспредельны. Город не мог производить бесконечно оружие и продовольствие в необходимом количестве. Пускай они

продержатся день, неделю, месяц, но рано ли поздно их ждет неминуемый коней. Если Килак и Эллайен не справятся с немыслимым заданием древинов, сама мысль о победе покажется смехотворной.

Свои рассуждения Джером, естественно, держал при себе. Даже если офицеры императорской армии разделяли его точку зрения, они не поддавались унынию и помалкивали. Коратэль позаботился о том, чтобы солдаты были готовы лицом к лицу встретиться с любым кошмаром. Он до такой степени расписал жуткие свойства драконов, что истина на многих не произвела впечатления. Хотя, может быть, излишняя самоуверенность мешала им осознать катастрофическое положение. В любом случае решимость воинов не уступала ярости противника, и они засыпали драконов остроконечными стрелами, тяжелыми камнями, выливали на них котлы с кипящей водой.

Если даже они верили в победу, то Джерому и подавно следовало отбросить сомнения.

Но юноша никак не мог преодолеть неотвязного и гнетущего предчувствия. По ходу битвы он начал приходить к определенным выводам. По сведениям Коратэля, когда драконы завладели Крилагом, они сначала окружили город, не только зажав его в тиски, но и перерезав любой путь к отступлению. Но сейчас они не совершили ни малейшей попытки повторить тот же тактический ход.

Не хватает численности войск, быстро сообразил Джером. Городские стены были так велики в периметре, что растянись драконье войско вокруг города, их редкие шеренги стали бы легкой мишенью для защитников крепости. Враги смогли бы отрезать главные пути, но не захватить город. Джером снова и снова обдумывал ситуацию. Суждение казалось здравым. Тогда почему его не покидала тревога?

Он понял через мгновение.

Джером увидел демона — каменного великана, которого встречал в Гиблом ущелье и на берегах Ллорнелского озера. Шипящие ряды драконов расступились перед гигантом. За ним верхом на черном облаке-коне ехал колдун.

Джером напряг зрение и подошел ближе к краю крепостной стены. Стоя между заостренными зубцами, он безошибочно разглядел темные волосы и горящие ненавистью глаза старшего брата, облаченного в черные одежды. Каким-то образом Сорик выжил. Он размеренным шагом двигался вслед за демоном в сторону главных городских ворот Моритила. Драконы поспешно освобождали им дорогу.

— Колдун! — закричал Джером. На прочие предостережения

времени не было.

Глашатаи подхватили его возглас. Через мгновение крепость наполнилась криками.

Немедленно последовал приказ к действию. Боевые машины нацелили на колдуна. Джером представил, как стрелы раздирают тело брата, и остался совершенно равнодушен.

— Огонь!

Снаряды полетели, но, к досаде Джерома, не достигли цели. Их отбросила невидимая стена. Наконечники копий и стрел затупились, древки разлетелись на куски. Колдун продолжал путь.

Раздался новый залп, за ним следующий. Бесстрашные защитники Моритила не сдавались. Однако чары колдуна ничуть не слабели. Подойдя к воротам на тридцать шагов, колдун остановился, а волшебный конь растворился в воздухе.

Его губы медленно зашевелились.

Джером не слышал слов, но видел зловещее выражение лица брата. Колдун стоял под городскими воротами, недоступный для дождя и стрел, сжимая в руках украшенный змеей посох. Прошло несколько страшных мгновений, и посох ударился о землю.

Стена задрожала под ногами Джерома. Ему пришлось ухватиться за край каменной кладки. Грохот стих, и следом раздался оглушительный скрип. Сначала никто не понял, что произошло. Потом до Джерома донеслись крики, и он наклонился вниз. Холодный ужас охватил его.

Городские ворота отворялись.

И первая, и вторая решетка были заблаговременно опущены. Внешние и внутренние ворота запирались на засовы и крепились массивными кольями так, что никакая сила, даже колдовская, не справилась бы с прочной конструкцией. Джером не верил собственным глазам, даже когда решетки поползли вверх, державшие их цепи оборвались, а ворота прогнулись.

Лучники усилили атаку. Солдаты работали, как заведенные, пытаясь укрепить ворота. Ничто не помогало. Засовы и скобы гнулись и ломались в щепки, пока гигантские двери не распахнулись.

Для Джерома время остановилось. Вот почему драконы не стали окружать Моритил. Они просто ждал и, когда откроются ворота. Все очень просто — пока защитники не пробили ощутимую брешь в рядах захватчиков, драконы могли уничтожить город изнутри. — Приготовиться!

Джером узнал пронзительный голос Райнара, прорвавшийся сквозь гул и грохот. Пятый генерал стоял у огромной боевой машины, которую подкатили на место внутри крепости. Орудие

было заряжено огромными заостренными на концах бревнами, каждое с человека толщиной. Площадку перед машиной расчистили, и между ней и колдуном остались только развалины ворот и ряды острых кольев.

Управляющий машиной солдат потянул за рычаг спускного механизма. Ничего не произошло. Через мгновение драконы хлынули в брешь, неистово давя своих сородичей. Задние ряды напирали так сильно, что первых ящеров попросту насадили на колья. Они не успевали издохнуть, а по ним уже ползли следующие.

Джером не сводил глаз с гигантской машины.

— Веревка разбухла от дождя! — кричал Райнар. — Режь!

— Где? — беспомощно вопрошал солдат.

Райнар бросился вперед. В руке его сверкнул кинжал. Веревки защелкали, а бревна с гулом полетели на врага, сметая первые ряды.

Но колдун остался невредим.

Времени рассуждать об упущенной возможности не было. С пронзительным воем по обломкам и телам своих раненых собратьев наступали драконы. Вооруженные пиками отряды устремились на противника. Все силы были брошены, чтобы остановить наступление. Коратэль и остальные вели свои отряды вниз с крепостных стен на помощь войскам на земле. Лучники продолжали обстрел. Душераздирающий гул, который Джером впервые услышал в Гиблом ущелье, наполнил хваленое оборонительное кольцо Моритила.

Не теряя ни мгновения, Джером устремился вниз по ближайшей лестнице, размахивая Алым Мечом. За считанные секунды необходимо было отбросить противника, от этого зависел исход битвы.

Сквозь туманную и темную пелену дождя движения воинов казались призрачными. Драконы прорывали ряды солдат, сея вокруг себя смерть и разрушение. Люди кричали от боли и ужаса. Джером почти физически ощутил, как отступает дух защитников Моритила перед невиданной мощью врага.

В следующее мгновение Джером оказался посреди пенящегося и бушующего моря битвы. Он не думал о предосторожности, просто позволил Мечу вести себя, и божественная энергия наполнила его тело горячими волнами, неиссякаемым потоком храбрости и силы. Внешне он оставался спокоен и рассудителен. Одним за другим под ударами Джерома падали покрытые чешуей драконы. Сквозь гул поднялись крики ликования, и солдаты выстроились за его спиной. Джером решительно прокладывал себе путь к главным воротам, надеясь

встретиться с Коратэлем и сражаться бок о бок с другом.

В гуще схватки Джером не нашел генерала. Он не мог предвидеть случившегося — так стремительно развивался бой. В попытке закрыть брешь императорские солдаты во главе с куурианским главнокомандующим бросились вперед и оставили открытым северный фланг. Повинуясь инстинкту, хитрости или по простой случайности вереница драконов внезапно прорвала ряды защитников Моритила. Фланг пал, и вражеский клин оказался между полком Коратэля и крепостной стеной. С каждым мгновением пропасть между ними росла, поток драконов петлей обвивал Коратэля, и чудища начинали карабкаться наверх.

Джером рубил кишащих тварей, оставляя за собою мертвое пространство. Драконы бросались на него со всех сторон, влекомые силой Меча. Но стоило врагу приблизиться, как его черная душа возвращалась в то магическое пламя, которое даровало ему жизнь. Все это время возвышавшийся над гулом битвы голос Коратэля служил юноше маяком. Он продвинулся вперед и следующим порывом расчистил ряды драконов, выросшие между ними.

Однако торжествовать было рано.

— Полковник, держите позицию, — ревел Коратэль. — Торин, крепость!

Никто не оспаривал его приказов. Вместе с Коратэлем Джером повел солдат сквозь свирепую черную реку, которая захлестнула крепость и подбиралась к парапету. Джером заметил, что Лоррон отправил императорскую стражу на защиту принца Девена, оказавшегося в западне на командном пункте. Драконы, без сомнения, рвались туда по его душу.

Джером бежал по ступенькам, держась ближе к стене и подальше от края. Сверху градом сыпались обломки оружия и трупы. Куски человеческих тел валялись на скользкой от крови лестнице. Воздух раздирали крики. Юноша был глух ко всему, он прислушивался лишь к огням Меча, которые требовали выпустить их на свободу. И он повиновался их зову, не зная усталости, не чувствуя ран, словно наполнял сосуд божественной мощи и знания. Ничто не могло противостоять его беспримерной отваге.

Драконы, сцепившиеся с защитниками крепости, были легкой мишенью. Джером забрался на верхнюю площадку и устремился к цели. Коратэль и его бойцы остались позади. Драконы визжали под ударами Меча. Змеиные глаза щурились, ослепленные сиянием клинка. За считанные минуты дорога к верховному командованию Моритила была расчищена.

С высоты парапета Джером бросил взгляд на происходящее внизу. На многих участках драконы прорвали оборонительные

линии и преодолели фланговые заграждения. Внутренний двор превратился в безумное месиво. Иногда отдельной группе людей удавалось завалить дракона, но в следующий момент перед ними вырастал следующий. Только резервные отряды императорских солдат, подходившие с востока и запада, помогали сдерживать поток драконьих полчищ. Но река прибывала, угрожая утолить все в своих черных водах.

— Девен! — выкрикнул Коратэль, не теряя времени на титулы. — Немедленно дайте приказ к отступлению. Кольцо падет!

Принц оглянулся на Лоррона, который отгонял слугу, пытавшегося осмотреть рану на его голове. Джером, затаив дыхание, ждал ответа Главного хранителя.

— Боюсь, он прав, сударь. Если нам не удастся закрыть ворота, это лишь дело времени.

От удивления Джером вытаращил глаза. Его тело покрылось потом, хотя он не ощущал ни малейшей усталости.

— Мы запремся в торговом кольце, — решил Девен, — и на этот раз не позволим открыть ворота!

Коратэль покачал головой.

— Вы знаете, что внутренние кольца не остановят врага. Войска попадут в окружение. Ваши люди должны уходить немедленно.

Девен был в ужасе.

— Мой отец никогда не позволит!

— По-вашему, их лучше перебить? Отдавайте приказ к эвакуации. Отправьте их на запад, пока мы не окружены. Другого выхода нет.

Джером проклинал горькую правду. Ослепленный собственным тщеславием, император Деррег воздвиг город без запасных ходов, не построил ни единого подземного коридора, чтобы жители могли покинуть поверженную столицу. Существовал лабиринт канализации, непроходимые трубы с заграждениями на каждом повороте, чтобы обезопасить город от незаконного вторжения. И ни единой реальной возможности для пяти тысяч человек быстро покинуть капкан. За последние несколько дней на военных советах Коратэль не раз призывал моритилское командование начать строительство такого маршрута или по крайней мере позволить всем желающим покинуть город и отправиться на запад или на юг. Но Девен ничего не желал слышать и продолжал настаивать, что самым безопасным местом является Моритил, защищенный надежными стенами, прочными воротами и могущественным Алым Мечом.

Некоторое время принц обдумывал требование

главнокомандующего.

— Нет, — наконец ответил он, покраснев от злости. — Этим тварям не отобрать у меня дома!

— Отберут! — отрезал Коратэль. — И тебя прибьют рано или поздно?

Девен и Коратэль повернулись к Лоррону. Не обращая внимания на их взгляды, хранитель смотрел на безмятежную панораму внутреннего города. Многие горожане забрались на крыши и стены и следили за приливами и отливами бушующего и пока далекого моря. Хранитель перевел взгляд на одного из своих людей.

— Передай приказ городской страже. Всем горожанам немедленно эвакуироваться.

— Вы не смеете! Я отменяю приказ, сержант!

— Простите, принц, но это мой первейший долг как Главного хранителя перед гражданами Моритила, — настаивал Лоррон, раздираемый внутренними противоречиями. Он решительно посмотрел на растерявшегося стражника. — Я отдал приказ, сержант. Исполняйте.

Девен побагровел от гнева.

— Как наследный принц и будущий император я отменяю приказ и тем самым лишаю Главного хранителя всех полномочий.

— Вы действительно можете вынести свое предложение на рассмотрение совета. А до тех пор я выполняю свои обязанности. Сержант, выполняйте приказ.

Сержант, не мешкая, отправился к выходу. Сверкнул стальной клинок, и не успел несчастный солдат сделать и двух шагов, как повалился на пол. Кинжал Девена оставил на его шее глубокий след, из которого хлестала кровь.

Императорская стража кинулась усмирять обезумевшего принца. Девен опередил их и набросился на Лоррона. Главный хранитель не стал обнажать оружие. Он отступил в сторону, принц не успел затормозить, перевалился через стену и с пронзительным воплем сорвался в черное бушующее море. Когда Джером заглянул вниз, драконы уже рвали Девена в клочья.

После гибели принца Лоррон поднял глаза и прямо посмотрел на Джерома.

— Понадобится некоторое время, чтобы вывести людей.

— Будем сдерживать врага, сколько потребуется, — подтвердил Джером. — Поспешите.

Обещание нужно было выполнять. Лоррон удалился незамедлительно, чтобы уведомить императора, организовать массовую эвакуацию и собрать отряд для защиты жителей на время отступления. Вести бой он доверил Коратэлю, приказав

высшим моритилским офицерам беспрекословно выполнять распоряжения партианца. Джером послал Невику сообщение об отходе беженцев и попросил присмотреть за Маришей. Сражение бушевало с новой силой, и Джером бросился в гущу схватки.

Следующие несколько часов Джером помогал Коратэлю вести безнадежную битву, перемещаясь из одной точки в другую туда, где шел самый тяжелый бой. Время от времени генерал использовал юношу как приманку, чтобы отвести драконов в определенное место. По его приказу Джером возглавлял атаки и спасательные маневры. Коратэль привык действовать в критической ситуации. Генерал, посвятивший целую жизнь военному искусству, чувствовал себя в пылу битвы как рыба в воде. И хотя враг постепенно усиливал свои позиции, Джером ясно понимал, что без военной смекалки Коратэля город бы сдался — как и все прочие под натиском драконов — еще до того, как они успели бы поднять мечи.

Колдуна и каменного гиганта почему-то не было видно. Джером опасался, что они обойдут город и откроют другие ворота. Но наблюдатели ничего подобного не заметили. Драконье войско обрушило всю свою мощь на штурм открытых северных ворот, а его предводители попросту исчезли. Джерома очень тревожила мысль о том, что бы это могло значить. Он был уверен, что коварная королева и ее приспешники не упустят ни малейшей лазейки. Они, безусловно, замыслили новую хитрость, но Джерому пока не удавалось разгадать их план.

Гонцы приходили и уходили. Они приносили вести от Лоррона и расспрашивали об успехах. Эвакуация проходила даже более гладко, чем ожидал Джером. Западные, южные и восточные ворота были открыты, и жители покидали город пешком, верхом или на телегах. Помогали солдаты резерва — они выносили вещи из домов, направляли движение, гасили панику и были всегда наготове на тот случай, если прорвется враг. Тревога не покидала Джерома, но у него не было время для раздумий.

Как и следовало ожидать, удача отвернулась от них. Это случилось, когда они защищали ворота между оборонительным и торговым кольцом. Драконы держались в основном на главной площади и немного продвинулись на восток, заняв незначительный участок крепости. Городским защитникам удалось полностью закрыть от противника внутреннюю стену. Раздосадованные неудачей, драконы предприняли внезапную атаку внутреннего кольца в самом незащищенном месте. Джером и Коратэль отразили нападение, но потеряли связь с основными силами и остались с отрядом в полсотни солдат против многочисленных противников. Чувствуя их уязвимость,

жаждущие крови драконы окружили их.

— Мы не удержимся! — выкрикнул Коратэль.

— Прикончим их! — воскликнул Джером. Он широко взмахнул Мечом, и отвратительная голова отлетела в сторону. — Вперед!

Но куда бы он ни повернулся, не было ни единой щели между черными чешуйчатыми телами. Джером и Коратэль оказались в ловушке, число их соратников неуклонно сокращалось.

С востока послышались воинственные кличи. Наступление драконов захлебнулось, их внимание привлекла новая угроза. Джерому все стало ясно, когда над головой бросившегося на него ящера сверкнуло лезвие огромного боевого топора. Извивающаяся туша повалилась на землю, и над Джеромом нависла громадная фигура Лара. Солдаты закрывали командира-великана живым щитом.

— Лар, приятель! — воскликнул Джером. — Как я рад тебя видеть!

— Отличная работа, — согласился Коратэль, переводя дыхание и пожимая ручищу генерала. Они промокли от дождя и пота, оба выплевывали кровь — свою и чужую, черную драконью и кровь людей, погибших рядом. О полученных ранениях никто не думал.

— Да вот услышали, вы тут на пару воюете, — прозвучал еще один знакомый голос, и к ним присоединился Джейзин с кинжалом в руках.

Страшный треск раздался с левого фланга. Джером резко повернулся. Драконам удалось обрушить часть внутренних ворот и прорваться в торговое кольцо. Навстречу им устремились резервные части, составленные в основном из солдат с дракмарскими гербами на доспехах. Набег завершился. В город проникла лишь горстка ящеров. Через мгновение ворота закрылись, и живой шит вновь сомкнулся перед ними.

Группа солдат устремилась вслед за спасавшимися бегством драконами, а Джером бросился к Невику.

— Что ты до сих пор здесь делаешь?

— Я пытался послать гонца, — отвечал барон. — Народ ушел, но твоя Мариша отказывалась до последнего. Я возражал, но она такая упрямая. Мы решили остаться с ней.

Джером пришел в ужас. Надо было догадаться, что Мариша не уйдет, пока люди в опасности.

— Генерал, город обречен. — В устах обычно невозмутимого Лара слова звучали зловеще.

Коратэль кивнул.

— Пора и нам начать отступление.

— Нет! — возмутился Джером. — Рано!

— Мы сделали все, что могли. Деррег устроил заварушку, пускай теперь расхлебывает.

— Я не могу этого допустить! — Джером был непреклонен.

— У нас нет выбора, — настаивал главнокомандующий. — Отступаем сейчас или никогда.

Джером принялся возражать и остановился на полуслове. Он впервые обратил внимание на жалкое и незавидное состояние защитников Моритила. Люди дрались около четырех часов и уже совершили невозможное. Сам Джером не чувствовал ни телесной, ни душевной усталости, но по единственной причине — в окровавленных руках он сжимал сияющий Меч. Солдатам сражаться помогала лишь малая толика божественной силы талисмана. Как требовать от людей большего, чем они уже сделали?

Джером не имел права подвергать опасности соратников. Мариша или Невик могли пострадать от его безрассудства. Необходимо искать другой способ.

— Нужно их отвлечь, — решил он.

Коратэль с сомнением посмотрел на Джерома.

— О чем ты?

— Выманим драконов из города, как раньше. Это сработало в Ливене и Атарване.

— Поздно.

— У нас найдется, чем их раздразнить.

Сообразив, о чем говорит Джером, Коратэль нахмурился.

— Без Меча победы нам не видать.

— Я не сдамся без боя.

— В одиночку у тебя ничего не получится. А пойти с тобой согласится только сумасшедший.

Джером ухмыльнулся.

— Не знаешь, где мне такого найти?

Коратэль задумался и посмотрел через плечо своего собеседника в ту сторону, откуда доносились звуки битвы. Он снова перевел взгляд на Джерома и крепче сжал рукоятку меча.

— Нас будут вспоминать как героев, если, конечно, мы не сваляем дурака, — пробормотал главнокомандующий, после чего прокричал командирам: — Идем на Суарис, друзья мои, через северные ворота.

Джейзин побледнел, но быстро оправился и с суровым выражением лица приказал:

— Отправить гонцов.

— Где Мальтик?

— Помогает Лоррону. Пускай предупредит…

Когда решения были приняты и приказы разосланы, Джером обратился к Невику:

— Бери своих солдат и уходи немедленно. Уводи Маришу, даже если будет кричать и отбиваться. Я догоню вас по дороге на Суарис.

Юный барон хотел было возразить, но все же согласился.

— Будет сделано, милорд.

Все началось по плану. Войска отступили к внутренней стене, позволив врагу пройти на восток и на запад вдоль оборонительного кольца. Маневр должен был заманить как можно больше драконов в город и на время отвлечь их от внутренних районов Моритила. Ослепленные яростью черные драконы бездумно накинулись на брошенный им кусок. Когда площадка перед северными воротами оказалась практически расчищена, Джером возглавил атаку.

План был отчаянный и безнадежный. Джером устремился на вражеские полчища. Он рубил направо и налево, кружась в языках пламени. Остальные клином выстроились за ним. Рядом сражались Коратэль, Джейзин и Лар, остальные две сотни человек были ему незнакомы. Клин пробился к главной площади, вступая в бой только с теми, кто вставал у них на пути. Начался пожар. Сажа и пепел резали глаза и жгли горло. Боевые машины и припасы полыхали, несмотря на дождь. Сквозь удушливую и едкую дымку виднелись остатки главных городских ворот — горы искореженного железа и горящих угольев, зиявшие, словно драконья пасть. Прорвавшись сквозь последние ряды ящеров, преграждавших путь, Джером провел свой отряд через ворота.

Дорогу залило водой и кровью. Отражая очередной удар, Джером поскользнулся и чуть не упал, что, без сомнения, погубило бы его. Но рядом оказался Лар, он подхватил Джерома и вытолкнул его вперед. Огромный топор генерала со свистом описывал в воздухе широченные дуги. Другим повезло меньше. Джером слышал, как люди с криком падали в грязь и больше не вставали.

Джером оглянулся, опасаясь, что драконы могут перекрыть северные ворота и отрезать путь тем, кто двигался за ним. Но ящеры были слишком увлечены преследованием. Сокрушив горящие остатки ворот, они устремились за Джеромом и его отрядом. Драконы сообразили, что произошло, и сотнями присоединялись к погоне. Город был забыт. Джером унес сокровище, за которым они пришли.

В конечном итоге прорыв через северные ворота должен был позволить уйти оставшимся моритилским войскам. Основная их часть отправилась к западным, восточным и южным воротам

вслед за гражданскими беженцами. Именно на это рассчитывал Коратэль и надеялся Джером: один отвлекающий маневр за другим. Они намеревались поводить противника за нос. В общем, предприятие обещало стать успешным.

Но не для Джерома и двух сотен его соратников.

Перед ними простирались луга. Предстояла кошмарная погоня, по поводу которой Джером не питал никаких иллюзий. Хотя Меч дарил ему — и в меньшей степени другим — силу и выносливость, драконы все равно были мощнее, быстрее и, казалось, никогда не знали усталости. Вступить с ними в открытый бой было бы самоубийством. Верхом они еще могли бы на что-то рассчитывать.

Они бежали изо всех сил, уводя врага подальше от города и его защитников. Джером старался не замечать криков тех, кто оступился или попал в лапы к драконам. Многие, чувствуя, что сил больше нет, разворачивались, чтобы встретить смерть лицом к лицу и выиграть хоть минуту времени. Джером поступил так же. Благодаря талисману он не чувствовал усталости, но и не мог смотреть, как люди гибли в страданиях, потому что он отказывался отдать противнику Меч. Многие из тех, кто последовал за ним, наверняка предпочли бы жизнь в рабстве смерти. Какое право имел он лишать их свободы выбора?

Но товарищи схватили его под руки и потащили вперед. Внезапно, будто оазис среди песчаных барханов, прямо перед ними на холме появилась шеренга всадников. Джером заподозрил, что повторяется история с Гиблым ущельем, когда войско колдуна отрезало им путь к отступлению. Но уверенный голос Коратэля разубедил его.

— Суарис! — воскликнул главнокомандующий, указывая на знамена. — Суарис!

Колонны солдат с опушенными забралами и с копьями наперевес пронеслись мимо. Тяжелые подкованные копыта с грохотом рвали землю. Командир остановил коня перед Джеромом. Он не носил шлема, светлые волосы развевались на ветру.

— Король Торин, — поздоровался всадник и лукаво улыбнулся. — Мне сообщили, что вы ждете подкрепления.

От удивления Джером даже не стал пререкаться по поводу имени.

— Продолжайте двигаться на север. Мои люди перевезут вас через реку. За долиной ждут запряженные лошади и телеги.

Незнакомец резко отдал честь и поскакал вслед за своими товарищами. Стремительные атаки всадников уже начинали отвлекать драконов от отступавшего отряда Джерома.

Джером остался на месте, призывая солдат двигаться дальше. Трое партианцев присоединились к нему. Никто не мог поверить в чудесное спасение. Наконец взоры обратились к картине страшного разрушения. Моритил тлел, как догоревший костер, окутанный бурой пеленой дыма и облаков.

— Пора уходить, — скомандовал Коратэль. — Даже отряд в тысячу всадников ненадолго задержит драконов. Сегодня хорошо поработали.

Но Джером сгорал от стыда. С его точки зрения они проиграли дважды: сначала при Крааген Кипе, а теперь сдали Моритил меньше чем задень. Придется сделать гораздо больше, чтобы выиграть время для Килака и Эллайена.

Однако в тот день все было закончено.

С высоты своей башни император Деррег наблюдал в подзорную трубу за отступлением защитников Моритила вслед за Алым Мечом. Старик проклинал их трусость. Не забыл он при этом и Главного хранителя, которого считал предателем. И все же судьба, казалось, была милосердна к трусам. Многие полегли, носам Торин сбежал, пользуясь поддержкой подлых иноземных псов из Суариса. Император никогда не доверял Кульмарильскому клану. Их гордыне и напыщенности не было предела. Давно следовало отобрать у них и землю, и титул, а самих высечь на городской площади.

Скоро он получит их головы. Он украсит ими каждый зубец моритилских крепостей.

Император обратился к слуге:

— Отведи меня в опочивальню.

Мальчик послушно подошел к нему. Император заметил, как бледны его щеки. Моритил опустел. Остались только старики вроде него, горстка верных до конца слуг да преступники, заключенные в городских тюрьмах. Удивительно, что предатель Лоррон и их не выпустил.

Император и мальчишка остались одни в башне. Несколько стражников еще охраняли вход снаружи, остальные же ушли вместе с Лорроном, бросив на произвол судьбы своего императора. Клятвопреступники. Нет, не висеть вашим головам на городских стенах. Император не станет марать моритилских камней вашей подлой кровью.

Мальчик усадил старика в его любимое кресло и вышел за кувшином эля. Теперь это только дело времени. В конце концов они вернутся. Нет, не императорские войска и подданные, а драконы, мерзкие твари, которые спалили его славный город. Теперь, когда Алый Меч ускользнул от них, драконы завершат начатое и сравняют Моритил с землей. Он видел, как черная река

устремилась на запад вглубь Куурии, не вокруг города, а напрямую через его кольца, разрушая все, что он когда-то создал.

Грудь сдавило. Город станет погребальным костром для своего императора. Наверное, подумал старик, так и должно было случиться.

Когда мальчик вернулся с кувшином, Деррег, император Куурии, владыка Моритила, был мертв.

Глава 40

Лагерь лежал в ночной темноте. Он укутался в плащ, накрылся капюшоном, так что видно было только лицо. Люди, одетые точно так же, тесными группами сидели вокруг почти погасших от непрерывного дождя костров. Никто не взглянул на него, никто не подошел. Именно этого он хотел.

— Торин!

Он обернулся. На плаще окликнувшего его мужчины красовалась брошь с кабаньей головой — герб Дракмара.

— Караульные, наверное, тебя не заметили, — сказал юный барон, не скрывая своей радости. — С тобой все в порядке? Как остальные?

Он пожал протянутую руку.

— Я пришел первым. Где она?

— Мариша? Да все хорошо. Раненых лечит, где ей еще быть.

— Мне нужно увидеть ее.

Барон был несколько озадачен таким поведением, но, махнув рукой, позвал его за собой.

— Тише. Не хочу привлекать внимания.

— А, понимаю, — согласился барон. — Пошли.

Вместе они прошли между группами беженцев, которые только сегодня пришли из Моритила. Многие не спали и сидели молча наедине со своими переживаниями. Любимые прижимались друг к другу, матери успокаивали детей. Кто-то лечил царапины и ссадины. Путешествие у них выдалось невеселое, и конца ему видно не было.

— Что случилось? Командующий Трой встретился с вами?

Собеседник покачал головой.

— Позже, приятель.

Барон тревожно взглянул на него и замолчал.

Проводник завел его вглубь лагеря, где не было ни палаток, ни шатров. Раненых для безопасности собрали в центре. Многие лежали под грубо сколоченными навесами. Из-под одного такого навеса и вышла Мариша. Ее лицо было таким же ясным и красивым, каким он его запомнил.

— Мариша! — окликнул ее барон.

Она оглянулась и, заметив Джерома, бросилась ему на шею.

— Я уже не надеялась, — прошептала она, крепко прижавшись к его плечу. Через мгновение она отстранилась. — Что-то не так? Ты ранен?

— Мариша, — сказал он и улыбнулся, — нам нужно поговорить. Наедине.

Девушка посмотрела ему в глаза.

— О чем?

Он взял ее за руку и оглянулся на барона.

— Пожалуйста, проследи, чтобы нам не мешали.

Барон кивнул.

— Я буду неподалеку, а потом заступлю на караул. — Невик нахмурился, что-то тревожило его. — Да помогут нам боги.

Джером не ответил и увел Маришу за собой.

Вместе они прошли той же дорогой, по которой барон и привел его, а потом отправились дальше на восток, прочь от лагеря. Никто, даже караульные, не обратили на пару внимания. Солдаты всматривались в горизонт в поисках всадников, которые могли принести вести о приближении врага. Мариша крепко держала Джерома за руку, но не нарушала молчания.

Добравшись до беженцев, он повернул на север и повел Маришу через невысокие холмы к роще. Они отошли на сотню шагов. Когда огни лагеря исчезли из виду, он остановился на окруженной елями поляне.

— Джером, ты меня пугаешь, — сказала девушка, оглядываясь вокруг.

Ветви задрожали, и из деревьев вышли солдаты. Одетые в черное наемники обнажили оружие.

Мариша ахнула от испуга и повернулась к Джерому. Колдун расхохотался. Лицо Джерома начало таять и на глазах приняло первоначальные свои очертания.

Огромная каменная рука зажала девушке рот, заглушив крик.

* * *

Невик уселся у костра рядом с оставшимися в живых командирами, взял свою долю черствого хлеба и подгоревшего мяса и, поморщившись, откусил кусок. Скорее всего до Суариса лучшей пищи все равно не будет.

— Капитан Имз умер, сэр.

Невик поднял глаза на своего горбоносого лейтенанта Хемана, который сам в этот день потерял три пальца на левой руке. Имзу повезло меньше — ему полностью раздробило бедро. После перевязки капитан протянул довольно долго и покинул город вместе с остальными, отказавшись даже от повозки. Но, навестив его час назад, Невик сразу все понял.

— Оставим насыпь в его память. Других тоже надо похоронить. Не хочу, чтобы мои люди достались куурианским стервятникам.

— Как прикажете, барон. Я займусь этим.

— Не беспокойтесь, лейтенант, — сказал Невик, заметив, как поморщился от боли Хеман, поднимаясь на ноги. — Вы ранены. Я сам обо всем позабочусь.

Барон как раз покончил с ужином, когда спешно подъехал караульный. Парнишка соскочил с коня и быстро отдал честь.

— Господин, прибыл король Торин.

— Да, капрал. Я уже видел его.

— Господин?

— Я отвел его к даме. Они вместе.

Караульный озадаченно поглядел на барона.

— Господин, я встретил его за восточным постом и поскакал вперед, чтобы предупредить вас.

Невик с недоумением посмотрел на парнишку.

— Он ехал верхом?

— Да, господин. В сопровождении двух сотен солдат. Они остановились, и генерал Мальтик доложил о положении арьергарда.

Пришла очередь Невика смутиться.

— Но, если он еще не доехал… — Барон замолчал, и ужас медленно овладел им. — Ты уверен, что Торин остался со своими людьми?

— Да, господин.

— Объявить тревогу.

— Господин?

— Объявить тревогу! — заревел Невик и помчался через лагерь.

* * *

Двести бойцов. Все, что осталось от двух тысяч. Каждый старался поздравить его с успешным маневром, который позволил завершить эвакуацию людей из города. У Джерома же из головы не выходили восемнадцать сотен человек, которые остались лежать на грязных и промокших холмах восточной Куурии — и еще жены, родители и дети, перед каждым из которых ему предстояло держать ответ.

Безумие, вот что это. Они все погибли, и Меч давно оказался бы в руках врага, если бы не Трой и его кавалерия из Суариса. Белокурый командующий догнал их некоторое время назад и сообщил, что драконы вновь повернули на юг к Моритилу. Собирались они занять город или превратить его в руины было неизвестно, но Моритил уже опустел.

Оказалось, что Невик сообщил Трою о незавидном положении Джерома. Трой со своими кавалерийскими батальонами уже несколько дней охранял дорогу между Суарисом и Моритилом с тех самых пор, как его король получил известие от Имперского совета о положении дел. Когда появились первые беженцы, они оказали помощь охранявшим их с тыла отрядам. Услышав позже от барона Дракмара об отчаянном маневре Джерома, он немедленно отправился со своими всадниками к нему на выручку.

Ночь пройдет спокойно, заверил их Трой. Лазутчики сообщат о любых передвижениях врага, и до рассвета судьба Моритила станет известна. Всех рады были принять в Суарисе, до которого, учитывая численность беженцев и прочие условия, оставалось два дня пути. На этот раз не стоит страшиться новой трагедии. За пять сотен лет своего существования город ни разу не сдался неприятелю. За его стенами все будут в безопасности.

Джером поблагодарил Троя, хотя его передернуло от упоминания еще одного неприступного города. Командующий имел право гордиться родной твердыней и уверять, что она непременно выстоит. Но Джером уже имел печальный опыт.

Опередив Троя и его кавалерию, Джером отправился вслед за беженцами со своим отрядом из двухсот человек. После наступления ночи они встретили одного из караульных Невика, а вскоре догнали и охранявший беженцев арьергард. Джером отправил к Невику гонца, а сам остановился, чтобы переговорить с Мальтиком. Третий генерал обрадовался встрече, но был сильно озабочен. По его сведениям войска потеряли за один день до половины солдат и теперь насчитывали около двадцати тысяч. И число это еще сократилось, когда несколько часов назад Лоррон со своим отрядом стражников отправился на юг за императором. До сих пор они не возвратились и, принимая во внимание сообщение Троя о том, что драконы вошли в Моритил, вряд ли когда-либо вернутся. Больше всего партианского командира беспокоило отсутствие Райнара. Ходили слухи, что генерал затерялся среди толп беженцев, и Мальтик разослал солдат по всему лагерю. Но известий пока не было.

В общем, положение складывалось неблагоприятное. Но выбора не оставалось. Обменявшись новостями с генералом, Джером извинился и отправился в лагерь, намереваясь встретиться с Невиком и Маришей. Коратэль, его офицеры и две сотни из двух тысяч солдат присоединились к Мальтику и остаткам моритилского войска.

Армейские подразделения, охранявшие моритилцев с тыла, расположились на расстоянии более мили от гражданского

лагеря. Джером преодолел две трети пути, когда услышал лязг оружия и крики. Звуки раздавались с севера и эхом разносились по пустому пространству между лагерями военных и беженцев. Юноша точно определил направление, пришпорил лошадь и перешел на галоп.

Сердце неровно стучало. Чем ближе он подъезжал к лагерю, тем сильнее крепло ощущение, что произошло нечто ужасное. Враг обнаружил их? Но звуки не похожи на рев драконов. Да и вряд ли могли они пройти незамеченными мимо отрядов Троя и разведчиков. Во всяком случае, произошло что-то непредвиденное, а от этого становилось еще тревожнее.

Джером скакал в темноте по склонам и ущельям, не обращая внимания на опасность. Вокруг вырос лес безлистого сухостоя и высоких стройных елей. Шум сделался громче. Джером был совсем близко.

Неожиданно под ноги его коня вылетел безоружный солдат, зажавший рукой глубокую рану на плече. Все произошло так неожиданно, что всадник не успел осадить коня и сбил раненого с ног. Оглянувшись, Джером краем глаза успел заметить одеяние распростертого на земле солдата — черно-серебряное, как у наемников, от которых он много недель назад спасал королеву Эллибе. Конь стремглав пронесся сквозь стену деревьев, откуда выбежал вражеский солдат.

Бой в рощице подходил к концу. Десятки убитых и раненых лежали на земле. Среди них были и дракмарские постовые. Но в основном это оказались черно-серебряные наемники колдуна Сорика. Джером увидел Невика, направо и налево орудовавшего булавой. У его противника половину лица залило кровью, и он с трудом отбивался от барона. Отчаявшись, наемник поднял руку, чтобы вытереть кровь, и Невик, воспользовавшись моментом, раскроил череп врагу.

— Мариша! — выкрикнул Невик, заметив Джерома и принимаясь за следующего наемника. — Ее увели на восток!

Джером не спрашивал, кто. Даже среди хаоса человеческих тел и залитых дождями следов он разглядел глубокие рытвины, оставленные ногами каменного колосса. А с демоном, несомненно, был и колдун.

Меч так и остался висеть у Джерома на поясе. Колдун и демон ушли, оставив за собой наемников для прикрытия. Он бросился последам великана.

— Торин, подожди!

Крик утонул в топоте копыт. Джером спешил на северо-восток, к подножию горы Тенстрок. Войска уже на ногах, но Джером сомневался, что они смогут остановить похитителей.

Враги обогнут их с северного фланга тем же путем, что и подобрались к лагерю. Хотя, вполне вероятно, неуязвимый для железа и стали демон и защищенный заклятьями колдун пройдут прямо через их ряды. Он один мог спасти Маришу, при условии, что ему удастся догнать беглецов.

Ослепленный гневом, Джером едва не сбился со следа. Он вырвался из рощи на открытое пространство, и в мрачном лунном сиянии вдалеке перед ним вырос сам великан. С его плеча безжизненно свисало человеческое тело, вздрагивающее при каждом шаге каменного истукана.

Джером успел сообразить, что это и есть Мариша, и она еще жива. Тем временем демон со своей ношей на плече поднялся на вершину холма и исчез из виду. Не помня себя, Джером погнал коня вперед.

Чуть позже он заметил колдуна, ехавшего верхом на призрачном коне за великаном. Ветер рвал струи черного тумана, по которым ступал конь, увозя седока вверх по холму, где мгновение назад исчез демон.

Перед тем как последовать за своим спутником, колдун обернулся и заметил погоню. Сорик остановился и окинул взглядом невысокие холмы, опоясавшие равнину с обеих сторон. В клубах волшебного тумана он ожидал приближения Джерома.

Джером не знал и не хотел знать, что затевает колдун. Оказавшись у подножия холма, юноша выдернул из ножен Алый Меч и стиснул зубы. Безумная ярость его начала гаснуть, утопая в божественной теплоте талисмана. Не обращая внимания на недовольство коня, он гнал животное вверх по склону.

Но Джером не добрался до вершины. Оказавшись в пятидесяти шагах от колдуна, Джером заметил, как бледные губы произносят заклятье. Затем Сорик описал змеиной головой посоха широкую дугу сверху донизу. И земля ответила, расколовшись на две половины. Черная щель разделила долину у ног колдуна, протянувшись с севера на юг и отрезав Джерому путь. Земля задрожала, посыпавшиеся валуны и деревья заставили Джерома резко остановиться. Перепуганный конь заржал и поднялся на дыбы, но устоял на ногах. По земле молниями поползли трещины, градом покатились камни.

Когда гул затих и осела пыль, Джером с удивлением заметил, что колдун остался на том же месте. Маленькое чудо, подумал он, и поехал вперед сквозь удушливую завесу. Пропасть оказалась двадцати шагов в ширину и вдвое глубже. Перебраться через нее можно было не иначе, как обогнув всю долину. Остановившись на краю пропасти, Джером увидел ненавистную улыбку Сорика.

— Удивлен, братец? — зашипел колдун. — Королева демонов

знала, что ты улизнешь из Моритила так же, как сбежал из Крааген Кипа. Но юная дева, которая тебе так дорога, обречена была погибнуть в бойне. Мы позволили красотке уйти. Это был наилучший способ сохранить ей жизнь.

— Нет, — ответил Джером. — Ты лжешь. — Он не мог смириться с горькой правдой.

— Нет? — эхом отозвался колдун. — А зачем еще позволили бы мы сбежать этому стаду? Они ничто, братец. В свое время королева разделается с ними по своему усмотрению. Но девушка особенная, не правда ли? Она — ключик к тебе, братец. И теперь, когда девушка у нас, ты без борьбы отдашь Меч.

— Верни ее немедленно, — ответил Джером, — и я позволю тебе дожить остаток дней в ссылке, куда отправил тебя отец.

Колдун рассмеялся, ничуть, казалось, не удивившись.

— Угрожаешь, братец? Меня не пугает твоя краденая сила. Если бы не королева, я уничтожил бы тебя прямо сейчас.

Джером ни на секунду не поверил Сорику. Вряд ли старший брат действительно мог убить его и забрать себе Меч. В противном случае Джерома давно бы уже не было в живых.

— Тогда есть смысл поговорить, — отвечал Джером, вспомнив их первую встречу в Крааген Кипе. — Ты когда-то рассуждал о нашем родстве, так давай сражаться вместе, а споры уладим потом.

Сорик усмехнулся.

— Слишком поздно, братец. Я сделал тебе предложение, ноты убежал как вор. Объединиться с тобой теперь — все равно, что сражаться вместе с мышонком против змеи.

Джером негодовал, но не нашел ответа. Сорик думал только о том, как бы спасти свою шкуру и не собирался бороться с королевой демонов. А Джером в свою очередь не мог оставить Маришу. Пропасть не преодолеть, он оказался в тупике.

— А вот и твои друзья.

Джером обернулся и заметил, как Невик и дракмарские воины выехали из рощи в четверти мили от него.

— Надеются спасти тебя, — с издевкой шипел колдун. — Они везут послание. Жизнь Мариши зависит теперь только от тебя.

Колдун провел ладонью над головой призрачного коня, и тот послушно повернулся.

— Скачи, как ветер, брат, — выкрикнул Джером ему вслед, — и пусть твои демоны убираются. Я иду за тобой!

Не оборачиваясь на его слова, колдун поднялся на уцелевшую вершину и скрылся за холмом.

Джером с силой дернул поводья. Он спустился к подножию холма и остановился перед Невиком и запыхавшимися

солдатами.

— Колдун говорил о послании, — не теряя времени, потребовал Джером.

Невик, обливаясь потом, переглянулся со своими спутниками.

— Люди колдуна, — настойчиво продолжал юноша, — что они сказали?

Барон перевел дыхание.

— Демон унес Маришу в Моритил. Она останется в городе в обмен на Меч. — Невик медлил, сделав еще один вдох. — Они сказали, что чем скорее ты придешь, тем больше останется у нее шансов.

— Как это случилось?

— Прости меня, господин, колдун…

— Забудь, — бросил Джером. — Сообщите главнокомандующему Коратэлю. Я отправился в погоню на восток.

— Мой господин?

— Выполняйте, барон. Продолжайте путь на восток на рассвете. Меня не ждите.

Джером собирался ударить поводьями, но не успел. Его остановила ручища Невика. Взмыленная лошадь поднялась на дыбы.

— Простите, господин, но я не позволю вам совершить ошибку.

Джером изумленно глядел на Невика.

— Отпусти коня.

Барон покачал головой.

— Невик!

— Приятель, послушай меня. Тебе ничего не добиться. Ты идешь у них на поводу. Подумай.

Но мысли Джерома были обращены только к Марише. Он помнил их недавний разговор и обещание, что он не станет последним. А теперь перед его глазами было ее беззащитное тело на плече каменного демона. Он любил ее, сейчас это стало ему ясно. Из всех ужасов Джером лишь одного не мог вынести — жизни без Мариши.

Он смотрел на друга, и гнев постепенно сменился жгучей болью.

— Они не посмеют причинить вред Марише, — заверил Джерома Невик, — пока уверены в своем преимуществе. Но если нам предстоит противостоять врагам, время и место должны выбирать мы, а не они.

Слова Невика звучали убедительно. Но имели ли они

значение для Джерома? Юноша сомневался. От него, однако же, не ускользнуло слово «мы» вместо «ты», которым барон подчеркнул, что каков бы ни был выбор Джерома, он не одинок.

Безмятежное тепло талисмана окутало Джерома и на миг растопило ненависть. Нужно все обдумать. Его импульсивный порыв можно было в лучшем случае назвать безрассудным. Юноша вспомнил об отвлекающем маневре, который совершил утром, чтобы помочь жителям Моритила — обманчивая победа, которая стоила им почти две тысячи жизней. Джером поклялся, что ни за что больше не совершит подобной ошибки.

Джером посмотрел на север, откуда к ним уже неслись солдаты, услышавшие шум и грохот. С ним произошла перемена, он ощутил холод столь же сильный и волнующий, как тепло Меча. Это была решимость, возникшая лишь теперь, когда он принял правду. Время отрицаний и неуверенности прошло. Нравится ему или нет, но жизнь расставляла все на свои места, не важно, какие отговорки он выдумывал. Король, герой, спаситель — пускай поэты выбирают ему имя. Но это бремя придется нести именно ему, и вовсе не по причине таинственной воли судьбы или предопределения, а по простой необходимости. И Джером не собирался отказаться от исполнения долга из одного только страха перед неизвестностью.

— Мой господин?

Джером повернулся к Невику, храброму юному барону, который давно примирился и справился с нежданными переменами своей судьбы. Если бы боги даровали ему такую же силу…

— Мой господин? — повторил Невик.

— Отправляемся в Суарис, — согласился Джером. — Только знай одно. Сегодня мы терпим последнее поражение. Когда демоны или драконы попадутся нам на пути в следующий раз, их крики полетят к небесам с мольбами о пощаде.

Барон отпустил поводья Джерома и молча глядел, как тот вынул из ножен Алый Меч и поехал навстречу своему войску. Невик успел заметить, как гордо и яростно сверкнули глаза Джерома, и блеск этот мог сравниться только с его непреклонной решимостью.

Глава 41

Эллайен наслаждался освежающей прохладой стекавшей по лицу ледяной воды. Заходящее солнце слепило глаза, и охотник зажмурился, греясь в теплых лучах. Отмывшись наконец от грязи и отдохнув, Эллайен почувствовал себя гораздо лучше.

Прошло три дня со времени трагедии на водопадах, которая унесла Килака и оставила самому охотнику только нож, кусок веревки да собственную голову, с которой некоторое время творилось что-то неладное. Решившись продолжать путь к логову Килланграторa, он ни на мгновение не переставал сомневаться. Древины ни словом не упомянули о его участии. Он сопровождал Килака, и не более того, но после гибели товарища ни на что уже не годился. Полагать, что ему, изнуренному, оголодавшему, безоружному, удастся заменить Килака, было равносильно попранию всякой памяти о юном и храбром воине.

И тем не менее Эллайен не возвращался, собираясь по крайней мере разыскать коня, припасы и оружие до того, как окончательно примет решение. Задачка оказалась не такой простой. Раздутая дождями река неслась по крутым склонам, обернувшись непобедимым врагом. И хотя он удалялся от горы Краккен, Эллайен рискнул поискать безопасный брод вниз по течению от того места, где произошло нападение демона. Конь, может быть, и справился бы с течением, бушевавшим в горах, а вот он — точно нет. Итак, Эллайен вынужден был час за часом продолжать изнурительный путь по продуваемому ветрами северному Кальмиру со страхом и печалью, но без всякой надежды, что путь его завершится успешно.

Утром третьего дня буря унеслась на запад. Несколько часов спустя у подножия Скуллмарских холмов он набрел на место, где берега Изумрудной реки прильнули друг к другу, нависая над могучим потоком, уходившим под почву. Землю с востока на запад пересекало глубокое ущелье, откуда вырывались воды, и где скрывался исток великой реки. Эллайен ползком перебрался на противоположную сторону по самому краю грота.

Умывшись, Эллайен уселся на клочок жесткой травы и вытянул ноги. Впереди было еще по меньшей мере три дня пути, на этот раз на юг по западному берегу. С тех пор, как он остался один, Эллайен спал лишь урывками, и силы его порядком истощились. Он должен был отдохнуть, и немедленно.

Однако это вовсе не означало, что можно забыть о собственной безопасности. Разлечься открыто на берегу все равно, что пригласить в гости новую напасть. Да и не заснуть ему

спокойно, пока он не соорудит какого-нибудь сторожевого приспособления. Эллайен пересмотрел оставшиеся вещи, и в голове его созрел подходящий план.

Охотник спустился вниз по течению реки в поисках укрытия в лесу. Бродил он долго, но наконец нашел идеальное место в небольшой рощице. Стоявшие близко деревья крепко сплелись ветвями над ковром из хвои. С трех сторон поднимались холмы, оставляя единственный вход.

Сооружение капкана заняло еще около часа, но, покончив с ним, Эллайен остался доволен собой. Из одного куска веревки он умудрился сделать и петлю, и спусковой механизм, а противовесом послужило тяжелое бревно. Тщательно спрятанная ловушка напоминала те, которые Эллайен ставил на мелких зверьков еще в детстве. Не стоило надеяться, что в ней запутается демон, но по крайней мере он вовремя узнает о непрошенном госте.

Довольный работой, охотник протиснулся между деревьями в самую середину убежища. Эллайен едва успел опустить голову, как провалился в черную пустоту без снов и видений.

* * *

Он очнулся от глухого удара и пугающего хруста. В первые мгновения охотник не понимал, где он и кто он. Очнувшись, он лежал и вслушивался, как что-то тяжелое раскачивается между деревьями. Через минуту на него посыпались листья и иголки.

Ловушка сработала.

Эллайен резким движением выдернул охотничий нож. В темноте едва было видно. В сумерках погасли последние солнечные лучи. В бледном сиянии ночных светил, которое проливалось сквозь лесной полог, охотник видел лишь узкую щелку из своего укрытия.

Первой мыслью было бежать, вскарабкаться вверх по холму и лететь со всех ног прочь от опасности. Но мгновения шли без единого звука или движения, и Эллайен передумал. Может быть, в капкан попал вовсе не демон, а зверь, который сгодится на завтрак. Если никто не угрожал и не отбивался, зачем бежать?

Эллайен осторожно высунулся из укрытия, не смея сделать вздоха. Сердце неровно застучало, но унять его он не мог. Деревья больше не шумели, и ночную тишину нарушали только журчание воды и скрип толстых сучьев, над которыми теперь болталась его жертва.

Медленно и осторожно он приблизился к капкану. Сквозь

узкую щель в листве на фоне мутного неба виднелся черный силуэт. Эллайен надеялся, что попалось какое-то лесное существо размером с курицу, но необычно длинное и тощее. Подвешенное за ноги, оно продолжало тихо покачиваться. Как бы то ни было, вреда неведомое существо ему причинить не могло.

Эллайен встряхнулся и вышел из укрытия, чтобы поближе рассмотреть добычу. Подойдя к капкану, он в растерянности остановился. Между деревьями болтался всего лишь кривой замшелый сук. Эллайен не успел и оглянуться, как ему скрутили руки, а к горлу прижалось ледяное лезвие.

— Вот мы и встретились, — прошипел ему на ухо хриплый голос.

Эллайен узнал человека, которого он надеялся никогда более не увидеть. Он был напуган и удивлен встрече с подручным колдуна в таком неожиданном месте.

— Что тебе нужно, Тализар? — нетерпеливо прорычал Эллайен. Если убийца собирался прикончить его, пускай, черт побери, сделает это.

В ответ убийца рассмеялся.

— Да ну, неужели от меня так воняет?

Эллайен нахмурился, начиная что-то подозревать.

— Кто ты?

Лезвие убрали от его шеи, и Эллайен обернулся. Перед ним стоял, сверкая широкой улыбкой, пропавший Килак Кронус.

Охотник зажмурился и схватил паренька за руку, чтобы лишний раз убедиться, что не сошел с ума.

— Килак! Живой!

Эллайен набросился на парнишку и крепко обнял его. Килак только смеялся.

— Не может быть! Я же видел, как ты утонул в водопаде. Парень пожал плечами.

— Похоже, даже боги не могут устоять перед моим обаянием.

Эллайен еще некоторое время не спускал с паренька глаз, боясь, что тот растворится в воздухе, но потом вспомнил о злом розыгрыше.

— Ты всегда так встречаешь друзей? — полюбопытствовал он, припомнив к случаю их встречу в ливенской тюрьме, когда он и Джером познакомились с генералом Коратэлем.

— Да ты же меня помирать оставил. И потом, кто это из нас подвешивает друзей за ноги?

Эллайен усмехнулся, подумав о капкане, но потом вспомнил о его назначении.

— А демон?

Килак покачал головой.

— Не знаю. По-моему, мы его видели в последний раз.

В улыбке охотника отразились все его надежды.

Вместе они отправились туда, где Килак оставил лошадей перед встречей с Эллайеном. Паренек объяснил, что животных придется отпустить утром. От коней мало пользы на коварных горных тропах, к тому же они должны остаться незамеченными. Лучше выпустить их в лесу, чем на выжженных солнцем пустынных склонах.

Эллайен кивнул. Тяжелых грузов у них с собою не было. Если Килак принял решение, значит, он все продумал.

— Бьюсь об заклад, ты рад получить его обратно, — заметил Килак, когда Эллайен взялся проверять тетиву своего лука.

Охотник серьезно поглядел на него.

— Обещай, что ты больше такого не устроишь.

— Чего? Жизнь тебе не спасать?

— Ну, если, по-твоему, это так называется.

Паренек расплылся в улыбке.

— И пускай не говорят, чо я пообещал таво, чево не мог сделать.

Друзья вернулись к укрытию Эллайена и привязали коней к молодой елке недалеко от входа. Вполне разумно продержать животных еще ночь на случай, если придется быстро отступать. В любом случае, чуткие кони отлично постоят на карауле.

На этом они и сошлись, решив не тратить времени на починку ловушки, а спать по очереди. Паренек согласился дежурить первым, и Эллайен не стал спорить.

Однако охотнику понадобилось немало времени, чтобы улечься и уснуть. Он провел еще пару часов, посмеиваясь и перешептываясь со вновь обретенным товарищем. Эллайен был так потрясен неожиданным возвращением Килака, что без умолку расспрашивал, радуясь уже тому, что слышит его голос. Килак не возражал и охотно рассказывал о своих скитаниях. Некоторое время Эллайен старался направить разговор на жизнь паренька в гильдии убийц, но ему так и не удалось разузнать что-либо определенное о его прошлом. Килак ловко уклонялся от вопросов охотника, и тот сам не замечал, как начинал делиться детскими воспоминаниями, которые не обходились без историй о Джероме. Имя лучшего друга звучало с оттенком горечи. Без сомнения, Джером теперь сражался с королевой демонов и ее войсками на пути в западную Пентанию — через Куурию или даже Олсон. Загрустив, Эллайен умолк и заснул.

Килак разбудил его уже на рассвете. Охотник не стал тратить времени и слов на бесполезные упреки в том, что парнишка позволил ему проспать свое дежурство. Он просто последовал

примеру Килака, отвязал от дерева своего коня и погрузил на собственную спину все, что намеревался взять с собой. Передохнуть можно и потом, если, конечно, они выживут или, что вероятнее, сгинут в горах. Собравшись в дорогу, он хлопнул коня по крупу и отправился в путь пешком.

Друзья вернулись по следам Эллайена на восток и пересекли реку над устьем. Далее путь их лежал в том же направлении между изрезавшими землю ущельями и холмами. Путники преодолели не более двух или трех миль и набрели на тропу, которую искали — след, оставленный драконами на пути от горы Краккен на юг. Они немного передохнули, оглядывая изрытую и искореженную полосу земли. Ни Эллайен, ни Килак не проронили ни слова о другом следе, который оставило гораздо большее войско, сражавшееся с ними при Крааген Кипе. Здесь они повернули на север.

Узкая тропа петляла по коварным и пустынным Скуллмарским предгорьям. Дорога давалась трудно. Дождя не предвиделось, и жара измучила путников.

Весь этот и следующий день они поднимались с неизменным упорством, останавливаясь, чтобы вздремнуть или, при необходимости, пополнить запасы. Ели мало и только на ходу. Ночью налетал холодный пронизывающий ветер, а днем возвращался удушливый зной. Скоро Эллайен начал сомневаться, что они переживут дорогу, не говоря уже о битве с чудовищем. Он изо всех сил старался выкинуть из головы эти мысли, но пустынные пейзажи предлагали скудный выбор.

Идти стало еще тяжелее, когда путники поднялись выше в горы. Коварные обрывы и расселины подстерегали их на каждом шагу. А вдали дрожала и ревела гора Краккен, изрытая клубы раскаленного пепла. Дыхание вулкана закрыло серой пеленой северный горизонт и вслед за ветрами тянулось на восток. Повернись ветра в их сторону, им и вовсе нечем стало бы дышать.

На второй день пути после полудня Эллайен и Килак поднялись на крутой холм и обнаружили, что путь их заканчивается тупиком.

Под ногами раскинулась просторная долина, кишевшая хрипящими и шипящими тварями, будто котел, в котором кипела вонючая черная жижа. Опасения Коратэля оказались пророческими. Вся эта сила двигалась на юг, прямо к ним. Друзья не могли долго оставаться на месте.

— Что теперь? — спросил Эллайен, с трудом ворочая распухшим языком.

Охотник взглянул на Килака и заметил, что тот внимательно изучает окрестности.

— Нам придется обогнуть утесы.

Эллайен поднял глаза на отвесные каменные стены, опоясавшие долину.

— С ума сошел? Там пройти вообще негде! Думаешь, я повисну как червяк на крючке? А если нас заметят? А если упадем?

Килак глядел хмуро. Судя по всему, даже ему не по душе приходились такие маневры.

— Обдумаем наш выбор.

— Какой еще выбор?

Паренек подмигнул и начал осторожно спускаться вдоль восточного склона. Эллайен нахмурился и неохотно последовал за своим ловким товарищем. Через мгновение он радовался, что поступил именно так. Друзья едва успели спрятаться за валунами и кустарником, как на покинутую ими вершину, принюхиваясь, забрался дракон.

— Тихо! — зашипел Килак, толкнув Эллайена.

Но Эллайен знал, что они опоздали. Ящер учуял запах. Оставались считанные мгновения до того, как он сообразит, где укрылись люди.

Эллайен потянулся за луком, но Килак остановил его и указал на дракона, который занят был вовсе не людьми, а тем существом, что приближалось с юга. Дракон съежился, змеиные глаза сузились в щелки. Сквозь стиснутую пасть выкатилось злобное рычание.

Серый демон возник на склоне, тот самый, которого унесла река. Не замедляя шага, зверь набросился на дракона и схватил челюстями его голову. Сила столкновения сбила обоих, и они, сцепившись, полетели вниз в долину, где более слабое существо не успело даже пискнуть, и мгновенно было разорвано в клочья.

Однако его собратья отреагировали на угрозу, и к тому моменту, когда Килак и Эллайен вытянули шеи, чтобы поглядеть, место падения кипело бесновавшимися тварями. Ящеры роями набрасывались на противника, впиваясь клыками и когтями в бескровную плоть. Демон выглядел осой в пчелином улье. Когти на длинных конечностях рвали чешую и мышцы, откушенные драконьи головы разлетались в стороны. Демон прорывался сквозь черное море, сбрасывая ящеров со своего тела.

— Не могу поверить, что эта тварь жива, — выдохнул Эллайен.

Живой, непобежденный, возродившийся, как и демонический волк, который напал на Джерома и Эллайена в Аспадельских горах, и во второй раз — на берегах Ллорнелского озера. Он сам видел открытые раны на шкуре зверя, когда тот пронесся мимо —

открытые, не затянувшиеся — в том числе и глубокий порез на шее, оставленный клинком Килака.

Рев и вой, рык и хрип наполнили долину, эхом отражаясь от каменных утесов. Хотя исход схватки был очевиден, охотник завороженно следил за битвой. Несмотря на силу и неуязвимость, демонический зверь скоро оказался погребен под массой черных тел.

— Теперь нет, — отозвался Килак на недавний вопрос и продолжал карабкаться по краю долины.

* * *

Главная зала Дворца королей совершенно не такой представлялась Джерому. Огромное холодное помещение пропахло сыростью и тленом. Юноша ожидал увидеть прекрасные убранства, пьедесталы и статуи, ковры, картины и гобелены, которые могли бы согреть залу. Но в ней не было даже окон, и свет исходил лишь от многочисленных свечей и факелов, коптевших в канделябрах и люстрах. Вокруг царили железо, гранит и известняк, без прикрас и полировок. Со стен свисали полотнища — память о королях прошлых веков, но и те выцвели и износились, покрылись пылью столетий. Не бросались в глаза мерцания золота и бронзы, блеск драгоценных камней. Все было просто и практично, без единой вычурной или бесполезной детали.

Именно здесь сотни лет назад собралась Лига людей, разделив земли Тритоса к востоку и западу на первые народы Парты и Куурии и провозгласив грядущую эру. Еще задолго до того сам город и эта зала считались престолом рода людского, откуда управлялись все его дела. Если не вдаваться в подробности, именно здесь человек впервые осознал собственное превосходство над диким миром и назвал своими земли, оставшиеся после падения Финлорианской империи три тысячи лет назад. Здесь возмужал человек. Символично, что именно сюда человек пришел встретить свою гибель.

— Сколько у нас времени?

— Несколько дней, — отвечал Джером, — или часов.

Командующий Трой рассказывал ему о Тэлине Кульмариле, как о властителе с терпением и волей, выкованными из стали. Ни того, ни другого не заметил Джером в человеке, сидевшем на пьедестале перед ним. Король выглядел молодым и сильным для своих пятидесяти лет. Густые, слегка поседевшие волосы словно и не знали возраста. Но его выдавали глаза. Свет в них угас, а без

него все остальное не имело значения.

Трой объяснил Джерому еще до того, как они успели подойти к городским воротам, что весь город до сих пор носил траур по юным наследникам, принцу Гаретту и принцессе Эльвониссе. Дети пропали во время очередного путешествия по лабиринту туннелей и пещер внутри горы — семейная традиция. И хотя брат и сестра всегда оставляли за собою метки, потребовались недели, чтобы разыскать и поднять со дна пропасти их останки. Удалось обнаружить лишь тело Лиссы. Ретта так и не нашли, но считали погибшим, а тело его — потерянным в глубинах, куда никто не смел опуститься. На прошедшей неделе сама королева Луисса умоляла мужа прекратить поиски, не в силах переносить более мук лживых надежд.

И все же, без сомнения, удрученный потерей детей, король должен был собрать все силы, если хотел, чтобы его город и народ выстояли в сражении с королевой демонов и ее драконьим войском. А они это сделать обязаны, потому что от них теперь зависит судьба всего рода людского.

Некоторое время Тэлин молча восседал на своем троне — грубо выдолбленной куче выцветших от времени гранитных плит. Джером, как и остальные, терпеливо ждал слов короля. Коратэль и Невик были с ним, а также представитель моритилского войска, который занял место Лоррона. Вооруженные алебардами солдаты выстроились вдоль стен залы, а командующий армией Трой занял свое место по правую руку от короля.

— Так и быть. Вы получите место среди высшего командования. Трой ознакомит вас с оборонительными стратегиями.

Лицо короля ни разу не дрогнуло, все его чувства скрывались под тяжелым пологом печали. Джером ответил низким поклоном. — Благодарю, ваше величество.

Этикет не требовал от Джерома такой вежливости. Суарис, как и любой другой город кроме Моритила, считался баронством, правитель которого одаривался — или ограничивался — полномочиями и привилегиями в его пределах. Из уважения к славному прошлому и традициям Суариса, восходившим ко времени Лиги людей. Имперский совет признавал королевский дом Суариса. И еще потому, хвастал Трой, что никто не смог бы отнять у него престол, даже если бы захотел. Но когда дело доходило до власти, Тэлин ограничивался единственным городом, а высокий его титул оставался по сути церемониальным.

Для Джерома все выглядело совершенно иначе. Когда он стоял посреди старинной залы, а человек перед ним держал в руках судьбы тысяч людей, юный король Олсона считал

единственно возможным выказать в полной мере свое уважение.

— Командующий, проследите затем, чтобы были исполнены все пожелания короля Торина.

Как и раньше, с Невиком или императором Деррегом, вопрос о правомерности его королевского титула не обсуждался. Удивительно, но никто даже не пытался оспаривать историю Эллибе о его происхождении, принимая ее за чистую монету. Может быть, потому что на поясе у Джерома красовался Меч Азахиля. Впрочем, кроме него на Олсонский престол претендовал лишь колдун, прославившийся своей жестокостью. Да все это и не имело ни малейшего значения в свете настоящих событий. Самому же Джерому казалось, что заберись он не только на трон Олсона, а на трон Суариса, его хозяин только промычал бы в ответ.

Король встал, и ряды вооруженных солдат приветствовали его. Не обращая внимания на торжественные возгласы, он оглянулся на уютное с мягкой обивкой кресло. Говорили, что сам Тэлин приказал поставить его в главной зале — единственный кусочек тепла во всем ее громадном пространстве. Сделал он этого для того, чтобы его супруга могла присутствовать на собраниях и принимать участие в решениях с подобающего ей почетного места. Он вновь извинился за отсутствие королевы. Ей нездоровилось.

Волоча за собою меховую мантию, словно непомерную тяжесть, король удалился через занавешенную арку за троном.

После его ухода вперед выступил высокий и гордый командующий Трой.

— Король Торин, соблаговолите ли вы и ваши советники последовать за мною?

Джером кивнул. Даже теперь он неловко поеживался, отзываясь на это имя. Он решил позволить другим принимать или отрицать его, следуя совету Мариши и более не отрекаясь от него.

— Мы в вашем распоряжении, командующий. Ведите.

* * *

Луна высоко поднялась на небосклоне, когда Эллайен и Килак остановились у подножия горы Краккен.

Поразительно, но отчаянный план паренька обогнуть долину по краю утеса удался. Занятые маршем на юг и сражением с демоном, драконы не обращали внимания на крошечные фигурки, ползущие по склонам. К счастью, им не пришлось провести много времени в скалах. Оказавшись за спинами ничего

не заподозривших ящеров, друзья спустились в долину и продолжали свой путь, оставив драконов позади.

Ободранные руки и плечи горели и саднили. Эллайен шел за Килаком, не страшась преследования. Путь, однако, оказался нелегким. Огромное пространство долины, изрытой канавами и трещинами, простиралось, насколько хватало глаз, до самого подножия горы Краккен. Над вершиной вулкана кружились облака пепла, поднимались клубы едкого серного дыма и языки пламени. Черная от золы земля дрожала, с высоты катились валуны и камни, и даже ледяной ночью жара стояла невыносимая.

И все же они дошли. Несмотря на все испытания, они находились у входа к сердцу горы и логову Киллангратора. Черная трещина поднималась перед ними на головокружительную высоту. Именно из этой дыры легионы драконов выходили на свет. Гора выпускала зловонный обжигающий пар, от которого дрожал воздух. Вместе с паром из каменных недр вырывалось зловещее эхо — треск камней и шипение лавы, дрожь и скрежет земли. Эллайен подумал, что если на свете и существует пропасть, куда падали все приспешники зла, вход в нее, без сомнения, располагался в горе Краккен.

Каким бы смешным это ни казалось, но Килак решил выспаться перед тем, как войти в туннель. Отыскав место на небольших и гладких скалах подальше от опасных склонов, охотник и его товарищ развернули одеяла и улеглись, чтобы отдохнуть несколько часов.

— Значит, так готовятся к бою с драконами? — спросил Эллайен и закашлялся, вглядываясь в серое ночное небо.

Килак не спешил с ответом.

— Ну, я победил их не больше тя. Но сначала попробуй тока представить самое могучее, самое ужасное существо, которое ты када-нибудь встречал. У тя мало получится, еси ты забежишь внутрь и остолбенеешь от страха.

— Никто еще не напугал меня так, чтобы я от ужаса двинуться не мог, — усмехнулся охотник.

Килак упрямо заглянул в глаза Эллайену.

— Лучше те поменять свое мнение, пока не поздно. А то я-то буду слишком занят, чобы подбирать твой пепел.

Эллайен в очередной раз прочистил горло.

— Что еще скажешь?

— Больше ничего. Могу тока сказать, чо еси мы не готовы, то скоро эт узнаем.

— Но как?

— Увидим наш мир с того света.

Далее продолжать разговор Эллайен не пытался, и сосредоточился на последних тревожных часах отдыха. Гул вулкана гремел у него в голове, а его дыхание жгло тело. Время от времени ему удавалось забыться, но он снова просыпался от очередного кошмара. Эллайен молился, чтобы рассвет не наступил никогда. Воображаемые страхи не причиняли вреда, но с восходом солнца ему придется столкнуться с самым настоящим ужасом, который не знает пощады.

* * *

Джером рассматривал пейзаж с высокой террасы. По-своему Суарис был столь же впечатляющим и великолепным городом, как и Моритил. Он стоял сегодня такой же, как и всегда: гордый и непокорный, первый город людей.

И, возможно, последний.

Тщеславие императора Деррега и недальновидность Имперского совета привели к тому, что Райнар, Лоррон и еще двадцать тысяч солдат погибли, Мариша оказалась в плену у королевы демонов, остальные, спасаясь из Моритила, бежали с семьями в другой город. Но бежать из Суариса больше некуда. Здесь человек обрел могущество. Именно здесь ему и предстоит пасть. В случае поражения выжившим придется укрыться в горных пещерах и рудниках, их загонят под землю, будто крыс. Другого пути нет. Если не выстоит Суарис, все погибнет.

Посвятив часы изучению обороны города, Джером полностью согласился с оценками командующего Троя. Суарис неприступен. Город расположился в объятиях Тенстрокских гор. Крепостные стены разделяли группы жилых домов, торговых и прочих построек, которые ступенями поднимались по горному склону. Всего город защищали пять стен. Каждая, толщиною в двадцать шагов, была сооружена из огромных каменных блоков, добытых в горных шахтах и укрепленных железом. Серые и покореженные, они были испещрены бесчисленными шрамами и рубцами, полученными в сражениях. Но эти самые стены половину тысячелетия сдерживали натиск дикого и необузданного мира. Они могли справиться и сейчас.

Моритил и прочие города позаимствовали кое-что у Суариса, но ни один не располагал таким оборонительным потенциалом. Джером был поражен количеством и состоянием городских арсеналов, от боевых машин и военных припасов до чанов для кипящего масла. Гигантские валуны выстроились в ряд, готовые

остановить врага на подходе, а все ведущие в город пути и дороги простреливались с башен и стен. Джерома заинтересовал особенный механизм, с помощью которого защитники города могли быстро отступить на уровень выше, если одна из крепостей оказывалась во власти противника. Джером с трудом представлял себе, как суарские архитекторы придумали такую систему, не говоря уже о том, где достали они деньги, время и людей для грандиозных работ. На что Трой лишь усмехнулся. Красота и блеск, бесспорно, хороши, но что за польза от прекрасного и чистого города, если враг сравняет его с землей?

Джером уловил движение на нижнем городском ярусе, который готовился к надвигающейся осаде. Второй, третий и четвертый ярусы, залитые светом луны, звезд и тысяч ламп и факелов, видны были намного лучше. Именно там двести тысяч горожан Суариса в ожидании нашествия делили свои жилища с полумиллионом беженцев из Моритила и других земель. Самому же Джерому были отведены покои в левом крыле Дворца королей на плато, выступающем над последним ярусом Суариса. Юноше рассказали, что за всю историю города четвертая крепость подверглась нападению лишь однажды, а на пятой не красовалось ни единого шрама. Если верить последним сообщением о передвижении вражеских сил, завтра им предстояло узнать, не придется ли переписать историю.

Неожиданно раздался стук в дверь. Джером обернулся и увидел у выхода на террасу Невика.

— Простите, господин. Не хотел вас беспокоить.

Джером покачал головой.

— Никто не отвечал. Стражник впустил меня. Я зайду позже.

— Все в порядке, друг мой. Присядь, пожалуйста.

Юный барон присоединился к Джерому на террасе.

— Великолепное зрелище, — начал разговор Невик после минутного молчания. — Перед тобой весь мир как на ладони.

Джером не ответил.

— Все в порядке, господин?

— Коратэль и Трой получили мой приказ?

— Не знаю, господин. Я сразу ушел, — пояснил Невик.

— Невик, пожалуйста, зови меня Джеромом. Ну, Торином, если тебе больше нравится. Ты мне в верности не клялся.

— Вы мой король.

— Тогда я разрешаю обращаться ко мне без почестей. Прошу тебя.

— Послать за генералом и главнокомандующим?

Джером задумался. Взгляд его был прикован к городской панораме.

— Нет. Встречусь с ними позже. Я хочу тебе кое-что сказать.

— Мой господин? — Недовольный взгляд Джерома заставил его поправиться. — Прости. Торин, друг мой. Я слушаю тебя.

Джером помедлил, вновь взвешивая свое решение, и направился к скамье и столу между горшками с растениями в углу террасы. На столе лежала гора свитков — чертежей оборонительных сооружений Суариса, которые он взялся изучать. Невик сел напротив.

— Завтра против армий королевы вы будете сражаться одни. Меня не будете вами.

Невик округлил глаза.

— Господин…

— Я собираюсь разыскать логово Спитахеры. Барон растерянно смотрел на собеседника.

— Логово? Как?

— Если верить рассказу древинов, ее разбудили двое детей.

— Королевских детей?

— Древины не говорили, но после беседы с Паладиусом я уверен в этом.

— С кем?

— Со слугой. Он сопровождал юных принца и принцессу в тот день, когда они исчезли. Они убежали от старика, чтобы пробраться в новый лабиринт. Раньше они проделывали похожие фокусы, но всегда возвращались. Думаю, что их след приведет меня к Спитахере.

Невик нахмурился.

— Если логово под городом, почему поисковые отряды не обнаружили его?

— Видишь ли, — сказал Джером, — они ничего не искали, кроме останков детей.

Невик недоверчиво смотрел на Джерома.

— Ты сам сказал, что я должен выбрать время и место битвы.

Взгляд Невика сделался подозрительным.

— Ты собираешься спасать Маришу.

Этого Джером отрицать не стал.

— Она — все, ради чего стоит жить. Я не для того зашел так далеко, чтобы принести такую жертву.

— Вспомни о долге короля перед его народом. Если падет Суарис, тогда и Парта, и Олсон…

Джером в отчаянии стукнул рукой по развернутому плану.

— Вы с Коратэлем — тактики. Помогите Трою командовать нашими силами против драконова отродья. Я останусь до тех пор, пока не развернется сражение. Надеюсь, пройдет некоторое время, пока враг сообразит, что меня нет.

Юный барон задумался над словами Джерома.

— Я пойду с тобой.

Джером отрицательно покачал головой.

— Люди берут с тебя пример, набираются силы и храбрости. Этого я у них отнимать не стану.

— Но мы все глядим на тебя для того же.

— И я изо всех сил стараюсь, — вздохнул Джером, — как умею. Не важно, что станет с Киллангратором. Если останется жива Спитахера, наша битва проиграна.

— Погоня за королевой не входила в планы древинов, — напомнил Невик.

Джером долго размышлял над сокрушившим его веру уроком Уитлока. По словам древинов, человек рождается на свет не ради предопределенной цели, а живет по собственной воле — используя возможности, которые преподносят ему обстоятельства. Пусть так и будет. Он сделает все ради тех, кто пошел за ним, реагируя на ситуацию, как учил его Килак. В конце концов этого должно быть достаточно.

— Я больше не игрушка в руках древинов, — ответил Джером с угрюмой улыбкой. — Планы поменялись.

Глава 42

Драконы пришли, как и прежде: черная нескончаемая волна ударилась о крепостные стены Суариса. Ящеры принесли на своих плечах свирепую бурю, будто рвалось на куски само небо. Защитники Суариса ожидали противника. Город возвышался над землей, как скала, на которой он был построен. Глядя на врага через узкую бойницу нижней крепости, Джером дал себе обещание, что на этот раз все обернется иначе.

— Я не вижу королевы, — заметил стоявший подле него Коратэль. Главнокомандующий опустил подзорную трубу. — Пожалуй, тебе пора.

Но Джером сомневался. Прошлой ночью план был ясен: отыскать королеву, любым способом заманить ее обратно в логово и решить дело один на один. Коратэль поддержал его, полагая, что это может дать им шанс изменить ход войны. Командующий Трой предложил отряд сопровождения, который покажет дорогу. Но теперь, когда к городу подошли драконы, этот план более походил на бегство, чем на сражение. А Джером менее всего хотел покидать своих людей в войне, на которую обрек их.

— Поторопись, — обернулся к юноше Коратэль, — ты еще успеешь вернуться.

Джером кивнул. Он чувствовал, как земля и скалы дрожали от топота драконов. Ему хотелось покинуть крепость и встретиться с ними в открытом бою, отомстить за прошлые поражения, за каждого, кого он любил и потерял. Как и раньше, он всем существом чувствовал приближение боя, но на этот раз ему не делалось дурно от этого ощущения. Джерому казалось, он начал понимать генерала Джейзина, который с нетерпением встречал каждое сражение. Он по-настоящему оживал в такие мгновения…

Но лучшее, что Джером мог сделать — держаться своей дороги. Будучи легионом императорской армии, суарский гарнизон прежде всего защищал собственный город. Тридцать тысяч воинов, гордых и непокорных — седьмая часть населения города — взяли в руки оружие. Рядом с ними встали двадцать тысяч уроженцев Моритила и беженцев из северных земель, которым больше некуда было возвращаться. Все приготовились сражаться до последней капли крови. Если Джером действительно собирался спасти как можно больше жизней, у него не осталось другого выбора.

— Я вернусь до заката, — сказал Джером, сжимая руку Коратэля, До сих пор ни один из них не заговаривал о том, как

может все обернуться в случае неудачи Джерома. — Да помогут нам боги.

На изможденном лице Коратэля появилась улыбка.

— Прощай.

Джером в последний раз осмотрел поле предстоящей битвы. Он хотел убедиться, что королева не затеяла никакой хитрости, которая потребует его вмешательства. Не заметив ничего подозрительного, он последовал призыву Коратэля и направился к ступенькам, ведущим вниз. Даже теперь, когда решение было принято, Джером плохо представлял себе, что ему предстояло совершить. Как и прежде, под Крааген Кипом, он пришел к определенному выводу. Тревожило то, что приходилось скрывать истину от Коратэля и остальных, но они бы начали отговаривать его. Он не мог этого допустить. Он должен быть сильным.

К тому времени, как Джером спустился по ступеням во двор, битва началась. Раздался первый залп из оборонительных орудий. А за крепостной стеной в исступлении ревели и выли драконы.

Джерома уже ждал конь. Едва кивнув слуге, он запрыгнул в седло и пришпорил коня. С неба полился дождь.

* * *

Занявший позицию рядом с командующим Троем у главных ворот барон Невик сжимал в кулаке рукоять булавы. Барон жалел, что не мог сопровождать Джерома, который отправился по следу Гаретта и Эльвониссы. Лучше так, чем стоять на крепостной стене и ждать, когда враг придет по его душу. Но пока ворота удерживают натиск противника, булава его останется без дела.

Невик здраво оценивал ситуацию. Командующий Трой был во всех подробностях ознакомлен с оборонительной тактикой, которая привела к падению Моритила, но все же просил одного из командиров той битвы сопровождать его в качестве советника. Джером уехал, и эта роль досталась Невику. Коратэль командовал защитниками крепости с восточной стороны ворот, Трой — с западной. Когда Трой попросил его присоединиться к нему, Невик не нашел причин отказаться.

Оглушительный рев терзал слух Невика. Дождь барабанил о его шлем. Этот звук всегда сводил его с ума. Как и отец, он редко надевал доспехи, в доказательство чего мог предъявить многочисленные шрамы. Однако в предстоящем сражении он собирался быть в первых рядах и поэтому решил изменить давней привычке.

— Твари разгулялись, — с недоброй улыбкой заметил

Трой. — Я дам им то, чего они просят.

Драконы карабкались по стенам в тщетных попытках взобраться на вершину крепости. Многие понапрасну бились в железные ворота. Несмотря на исступленную ярость атаки, стало ясно, что их примитивные наскоки обречены на неудачу. Стены Суариса оставались неприступными.

— Где колдун, о котором вы говорили? — спросил Трой.

— Стал жертвой змеи, перед которой он пресмыкается, если, конечно, на свете еще есть справедливость, — прорычал Невик.

Но вскоре колдун возник перед воротами Суариса, словно призванный неосторожным замечанием. Глаза барона вспыхнули ненавистью, когда перед колдуном и его спутником демоном расступилось драконье море. Невик не забыл, кто развязал войну, которая унесла жизнь отца, а его заставила покинуть родину. Именно колдуна, а не королеву демонов, хотел он увидеть на плахе за все преступления. Невик крепко сжал рукоять булавы.

На этот раз юный барон сам стал свидетелем тому, о чем только слышал ранее — призрачный щит спасал колдуна от стрел и снарядов, а посох заставил землю рокотать и сотрясать городские ворота. Защитники Суариса сделали все, что успели за столь короткое время. Главные ворота были укреплены камнями, деревянными и стальными брусьями. Но, как и прежде, старания не дали результата. Чем крепче держали брусья, тем сильнее становились чары колдуна, и неизбежно в воротах образовывалась брешь.

Внизу уже ожидали суарские войска. Именно от них теперь зависела судьба города. Заранее зная неизбежный исход, на этот раз лишь малая часть воинов заняла позиции на крепости для того, чтобы драконы не сумели вскарабкаться на стены. Основное же войско приготовилось встретить врага на земле. К тому времени, когда первому дракону удалось протиснуться внутрь, Трой и Невик спустились к своим полкам и повели их в атаку.

Они остановились на краю глубокого рва, который перерезал ведущую в город дорогу. Саперы копали целую ночь, чтобы претворить в жизнь замысел Коратэля, и готовились к решающему моменту. Хотя капкан и не спрятали, но обходного пути не было. Первые волны драконов хлынули в ворота и сорвались вниз, где на глубине тридцати футов их ждали острые металлические колья.

Яма поглотила лишь несколько первых рядов и заполнилась с поразительной быстротой. Вскоре над ловушкой образовался мост из чешуйчатых тел, по которому в город хлынули драконьи полчища. Невик приготовился встретить бой. Драконы устремились в сторону полка Троя. При приближении врага

командующий подал сигнал, и ряды вооруженных пиками воинов сомкнулись с обеих сторон, протыкая драконьи бока. Драконов манило открытое пространство улиц, где на них обрушивались тяжелые топоры и копья, приспособленные для разрушения любой брони. Такая уловка не принесла бы успеха против более осторожного и осмотрительного противника. Но для драконов она обернулась настоящей бойней.

В течение нескольких часов равномерное перемещение войск позволяло осуществлять успешную тактику. Во время небольших передышек Невик присоединялся к командующему Трою, чтобы оценить ход битвы. В бою же юный барон непременно оказывался на передовой, одного за другим сокрушая ненавистных ящеров. Битва разворачивалась все быстрее. Полчища драконов непрерывным потоком лились сквозь брешь в крепости, и ее защитники рубили и кололи наотмашь в отчаянной попытке остановить атаку. Невик старался черпать силы в каждой капле ненависти и человеческой страсти, которую только мог отыскать в своем сердце загнанного зверя.

Но они были лишь людьми, слабыми и медлительными по сравнению со свирепыми тварями. Терпение, хитрость и численное превосходство помогали выиграть время, но не приносили победы. Драконы вновь брали верх. Десятками ящеры прорывали ряды защитников города, создавая пробоины, в которые засасывало все новых и новых тварей. Строй нарушался, и люди гибли.

Постепенно Невика начала одолевать усталость, за которой следом накатило отчаяние. На онемевших ногах, перемазанный кровью, он приготовился к новому бою, зная, что он может стать последним.

Неожиданно Невик услышал звон колокола.

Оглушенный грохотом, в котором привык различать лишь голос командира, Невик не сразу узнал этот звук. Но в следующее мгновение был отдан приказ, и в сердце его загорелась надежда. Колокола находились в башнях городских крепостей. Главный же колокол находился во дворце и звонил в него сам король, когда битва выходила из-под контроля. И теперь его низкий голос, подхваченный перезвоном других колоколов, наполнил город. Сигнал к отступлению.

Дальше события разворачивались стремительно и невероятно. Как один, солдаты на земле устремились к скатам, которые должны были доставить их к воротам второго яруса. Над их головами воины с вершины одной крепости перебирались на другую по навесным железным переходам. Как только последний из них достигал цели, солдаты выбивали болты и штыри,

державшие воздушные мосты, и те обрушивались на драконов. Путь преследователям был отрезан. Лучники и машины прикрывали отступление наземных войск.

Будто щепка, захваченная волной, Невик, сам того не заметив, промчался по металлическому скату под аркой ворот второго яруса. Следуя отданным ранее распоряжениям, он немедленно занял позицию, чтобы прикрыть отступление тех, кто следовал за ним. Драконы остались за спиной. Последние солдаты оказались за воротами. В то же мгновение звоном залились колокола, и заработали ловушки.

Дракмарский барон не видел тех, кто стоял за лебедками и рычагами, но перед его собственными глазами развернулась впечатляющая картина: подпорки вылетели, и, издав пронзительный стон, от которого дрожь продирала по спине, стальная балка выскользнула из опорного гнезда и понеслась вниз, потащив за собою забравшихся на нее тварей и давя черное болото, которое бешено закружилось, почувствовав опасность.

Ящеры, которым удалось пробраться во вторую крепость вслед за защитниками, скоро об этом пожалели. Опустилась стальная решетка, ворота накрепко затворились. Через считанные мгновения Невик глядел с вершины второй крепости на потерянный первый ярус Суариса. Отступление прошло успешно. Драконам оставалось только таращиться на отвесную скалу и выросшую над нею крепость. Чтобы добраться до второго яруса, врагу пришлось бы взлететь в воздух.

Изнуренные солдаты получили наконец возможность перевести дух, но Невик не находил утешения. Скрытое пеленою свинцовых туч, полуденное солнце достигло высшей своей точки, а нижний ярус Суариса, легендарного Города людей, уже был занят драконами.

Эллайен в очередной раз оступился и упал на неровный пол туннеля. Он с досадой выругался. Камни расцарапали ему пальцы и колени, оставив дыры на штанах. Он глотнул воздуху и закашлялся от удушливого, обжигающего пара.

Килак протянул руку, чтобы помочь товарищу подняться.

— Не могу больше, — прохрипел охотник, повиснув на руке Килака.

Он сам стыдился своих слов, но положения дел это не меняло. Все утро Эллайен следовал за Килаком по бесконечному темному туннелю, куда привел их след драконов. Переходы и коридоры пересекали все тело горы. Охотник ни слова не говорил об усталости, страхах или о невыносимой жаре, решив пройти весь путь. Но часы тянулись, а дорога в ад и не думала заканчиваться. Больше он терпеть не мог.

Килак в нерешительности застыл на месте. Эллайен дышал с трудом, голова его поникла. Интересно, нашел бы паренек слова, чтобы подбодрить его?

— Я понимаю.

Охотник удивленно поднял на друга глаза.

— Возьми факел, — сказал паренек и зажег огонь. — Отдохни немного и выбирайся обратно в долину.

Эллайен не отвечал. Струйки лота щекотали ему лоб и капали на землю. Он перевернулся и сел.

— Долго здесь не задерживайся, — предостерег паренек. — В воздухе яд.

— Килак… — начал Эллайен, но не нашел нужных слов. — Прости.

Килак вовсе не винил его.

— Выпьем еще с тобой, када дельце закончим. Хоть эт я те задолжал за компанию.

На прощание Килак сжал Эллайену руку. В этот момент охотник подумал было сделать последнее усилие и подняться, но пока он успел сообразить, Килак исчез в темноте каменного коридора.

* * *

Две фигуры склонились нал пропастью, словно приготовившись к полету. Два плачущих ангела. Дар одного из скорбящих горожан, пояснил Трой. Памятник стоял на том самом месте, откуда, как предполагали, сорвались брат и сестра. Другой монумент пока не достроили, и Джерому необходимо было разыскать именно ангелов.

Джером долго разглядывал их. В алом сиянии Меча глаза их горели огнем, а слезы казались кровью. Мальчик и девочка взялись за руки, взлетая над черной бездной.

Джером оторвал взгляд от скульптуры, чтобы осмотреться. Он отказался от сопровождения под предлогом того, что намеревался двигаться как можно быстрее и незаметнее. Недавние экспедиции должны были оставить четкий след, а вооруженный отряд только привлек бы внимание королевы демонов. Командующий Трой нахмурился, но спорить не стал. К счастью, он не заметил, что Джером не сказал практически ни слова правды.

Отыскать петлявший по заброшенным рудникам путь не составило труда. Недавние следы вели к цели. Джером зашел довольно далеко. Поразительно, что дети смогли так глубоко забраться под землю. Час за часом и милю за милей Джером шел

в пустоте и мраке. Путь ему освещало алое сияние божественного талисмана.

Над самым узким выступом, ведущим к площадке, на которой остановился Джером, виднелись деревянные мостки. Если бы не следы, найденные на противоположной стороне пропасти, все сошлись бы во мнении, что дети сорвались именно с выступа. Так и могло случиться. Но следы нашли повсюду. Похоже, Гаретт и Эльвонисса, легкие и проворные, сумели преодолеть пропасть.

Еще более странными казались сами отпечатки. Говорили, что по выступу к скале у площадки вели следы обоих детей, но в обратную сторону — только следы Эльвониссы. И обрывались они на краю пропасти. Останки девочки обнаружили внизу, и на этом самом месте теперь роняли каменные слезы ангелы. Следы же Гаретта остались перед каменной стеной, а тела его так и не нашли.

За последние несколько недель на площадке побывало так много людей, что отпечатки детских ног совершенно стерлись с тонкого слоя пещерной пыли. Искатели вполне могли ошибаться насчет следов Гаретта. Но Джерому оставалось полагаться только на их рассказ. А поскольку пропасть превращала площадку в тупик, для поисков ему оставалось весьма ограниченное пространство.

Юноша наскоро осмотрел снаряжение, которое использовалось для спуска в пропасть и поднятия останков принцессы. Сколько возни. Даже теперь в полной пустоте было легко представить себе работу поисковых отрядов, стук молотков, скрип лебедок и разносимые эхом голоса. Королева не могла не слышать их, и, видимо, укрылась в глубине пещер. Но где же она пряталась?

Сначала Джером хотел воспользоваться канатом и спуститься в пропасть. Но стоять у лебедки было некому, и от этого замысла отказаться пришлось сразу. К тому же отряды давно обыскали каждый камешек и не заметили ничего подозрительного.

Джером стоял на краю пропасти. Ее называли бездонной. Хотя на стенах пещеры находилось множество выступов и утесов, самое дно ее оставалось окутано тайной. Может быть, рабочие попросту не спустились на достаточную глубину.

Джером покачал головой. Все неправильно. По словам древинов, дети разбудили королеву демонов. Спитахера спала и не поднималась из пропасти, чтобы убить их. Выходит, брат и сестра намеренно спустились на дно, причем без всякого снаряжения. Будь они столь глупы и неосторожны, они давно погибли бы в своих походах. Гаретт и Эльвонисса были опытными путешественниками. Несмотря на юный возраст, они отлично

знали, что делали. Возможно, сейчас королева скрывается на дне пещеры, но дети обнаружили ее в другом месте. И все-таки Джером упустил что-то еще…

Джером повернулся к каменной стене, у которой оканчивались следы Гаретта, и задумался, что же случилось с мальчиком. Кажется, он догадывался. Что-то заставило его сестру броситься прямо в бездну. Если бы они потерялись, или у них закончился огонь, они просто стали бы ожидать помощи. Случилось нечто ужасное. Кто-то уничтожил мальчика и заставил Эльнониссу в страхе бежать. Если подозрения Джерома верны…

Юноша вплотную приблизился к стене и принялся изучать ее поверхность в поисках трещин или швов. Дрожащие от волнения пальцы двигались быстро. Он прав. Иначе и быть не может. Только это имело хоть какой-то смысл.

«Выходи, демон, — думал он. — Где ты?»

* * *

С вершины крепости Невик глядел, как бушевало и раздувалось черное море драконьих тел. Дождь лился ручьями на осажденный город. Невику казалось, что его выбросило на остров посреди разъяренного океана.

Черные волны вновь расступились перед колдуном и демоном. Невик неотрывно следил за ними, как и все воины, не занятые ожесточенной битвой. Защитники Суариса затаили дыхание.

— Пускай поломают голову над нашей задачкой, — ехидно усмехнулся Трой.

Уверенности соратника Невик не разделял, но кое с чем вынужден был согласиться. Даже если колдовские чары и открыли бы ворота, драконам оставалось еще добраться до них. К тому же оставалась еще одна слабая надежда. Если верить мудрецам, знакомым с такими вещами по книгам, чары не подействуют, потому что колдун стоит на ровной земле далеко от ворот, которые он пытается открыть. Но с другой стороны, выхода из города не было. В лучшем случае, решил барон, их ждала изнурительная осада. Незавидное положение.

Невик оглянулся на многочисленные дома, призраками выстроившиеся вдоль улиц и аллей и возвышавшиеся над крепостными стенами. Второй ярус теперь полностью достался военным. Горожане, выученные не хуже солдат, как отступать, давно укрылись на третьем и четвертом ярусах вместе с беженцами из дальних земель. Оставалось только надеяться, что

выше им идти не придется.

Во второй раз задрожала земля, отвлекая внимание Невика. Он моментально обернулся, приготовившись к худшему. Посох крепко впился в землю, а бледное лицо колдуна покраснело от напряжения. Но ворота едва скрипнули и устояли перед чарами.

— Ха! — торжествующе воскликнул Трой. — А злодей-то наш не всесильный!

Ропот надежды пробежал по крепостным стенам. Во дворе уже приготовились к битве войска. Наконец-то судьба, кажется, улыбалась им.

Когда колдун остановился, ропот перерос в ликование такое громкое, что в нем утонул и рев драконов, и свист стрел. Пока остальные торжествовали, Невик не сводил глаз с колдуна и демона. Казалось, они что-то обсуждали, хотя у каменного истукана вовсе не было рта, и он ни разу не пошевелился. Невик перегнулся через край стены. Ничего хорошего эти переговоры не сулили.

Трой отдавал приказания войскам. В этот момент колдун и демон разошлись. Невик, не отрывая от Сорика взгляда, схватил командующего за плечо и потянул к стене. Колдун поднял над головой широко разведенные руки.

— Что такое? — нахмурился Трой.

Колдун произносил заклинания, размахивая посохом над головой. Над упавшей балкой начал клубиться черный туман, постепенно принимавший четкие очертания. На глазах защитников Суариса он сгустился до твердой формы и превратился в мост к воротам второго яруса.

Демон сделал шаг, и туман устоял под его ногами. Уверенной и тяжелой поступью он поднялся по волшебному мосту и принялся стучать каменными кулаками в ворота. Железные двери прогибались под его ударами, а толстенные деревянные брусья разлетались в щепки.

— Силища невероятная! — выдохнул Трой.

Охранявшие ворота солдаты подняли тревогу, а отряды на крепости сосредоточились на новой угрозе. Камни и стрелы посыпались градом на великана, полилось кипящее масло. В конце концов сами котлы сбросили с крепостных стен. Но ничто не могло остановить каменную глыбу или разрушить колдовской мост. Равномерно и неотвратимо сыпались удары, и скоро исход атаки стал ясен.

Драконы, обезумевшие от долгого ожидания, устремились на мост, позабыв и свары меж собою, и тела убитых, которые они пожирали. Черный туман не дрогнул под их тяжестью. Когтистые лапы снова принялись рвать и царапать крепость Суариса.

— Пойдем, — с отвращением проговорил Трой, направляясь во двор, где уже собрались войска. — Попробуем во второй раз.

Бросив последний взгляд на колдуна, который продолжал неподвижно стоять среди пролетавших мимо и не замечавших его драконов, Невик поднял свою булаву и отправился за командующим.

* * *

Скользя и спотыкаясь, Эллайен бежал по нескончаемому каменному туннелю. Горло пересохло, легкие разрывались от боли. Пот и дым разъедали глаза. Но он упорно отказывался сдаваться, твердо решив дойти до конца, преодолеть и боль, и усталость.

Немного передохнув, охотник хотел уже последовать совету Килака и выбираться в долину. Но, поднимаясь на ноги, он вдруг вспомнил о тысячах драконов, которые обезумевшим потоком неслись вперед, чтобы присоединиться к бесчисленному войску своих собратьев. Если не предпринять ничего здесь и сейчас, Джерому в одиночку придется сражаться с ними. Эллайен не мог допустить этого.

Килак ушел один. Однажды паренек уже оставил его в катакомбах Трак-Симбоза, и не подоспей тогда они с Квингеном У'уеном вовремя, оба, и Килак, и Джером, погибли бы. Все-таки двое лучше одного, в особенности против такого создания, как Килланграторе.

И охотник, собрав остатки воли, помчался вслед за другом, не думая больше о себе, и с одной надеждой — чтобы друзьям и родным не пришлось страдать из-за его слабости. Эллайен бежал в обжигающей и душной жаре вулканического лабиринта, пытаясь догнать Килака. В конце концов, несмотря на свою отчаянную смелость, в одиночку встретиться с драконом он не хотел.

Путь тянулся целую вечность. Прошли минуты, а может быть, часы, и вдали сверкнул луч света. Оставленный у стены на повороте факел еще горел. Сердце Эллайена замерло, и он устремился дальше.

Достигнув поворота, он осторожно заглянул за угол. Слабое красноватое сияние осветило окончание коридора примерно в полусотне шагов от него. У черного края круглого отверстия съежилась едва различимая тень. Килак Кронус.

Со смешанным чувством облегчения и ужаса Эллайен опустил факел, чтобы дым и свет, едва заметные в серной темноте пещеры, не выдали их присутствия. Охотник двигался на

ощупь по острым обломкам камней, не отрывая взгляда от огненного полумрака. Его окатила волна удушливого зловония, он с трудом сдерживал тошноту, подступившую к горлу. Тело вулкана наполнилось рокотом, мягким и ровным, повторявшимся ритмично и делавшимся громче с каждым шагом.

Когда Эллайен проделал половину пути до выхода из туннеля, Килак обернулся и жестом приказал держаться тише. Эллайен послушно замедлил шаг, продвигаясь вперед с терпеливостью улитки, пока не добрался до Килака. Паренек дернул его вниз и спрятал за кучу камней, посмотрев на него угрожающим взглядом.

Охотник не издал ни звука, выглядывая из-за зазубренного края пещеры. Он почувствовал, как все, что он знал о себе самом и своем мире, отступило. Посреди громадной пещеры выросла огромная гора. Он увидел самое ужасающее создание на свете. Широкие ноздри горели тусклым огнем, выпуская наружу рокочущий храп.

* * *

Джером опустился на землю, прислонившись к каменной стене. Все усилия его в очередной раз ни к чему не привели. Он ощупывал и обыскивал каждый дюйм шероховатой каменной поверхности. Ничего.

Скорее всего Джером ошибся с самого начала. Гибель юных наследников была несчастным случаем и ничего общего не имела с пробуждением королевы демонов. Оба события произошли в одно и то же время по чистой случайности.

По крайней мере такая мысль нравилась Джерому гораздо больше, чем идея о собственной неспособности разгадать тайну. Юноше не хотелось верить, что от убежища королевы его отделяла потайная дверь, найти которую ему не удавалось. Но ведь дети каким-то образом проникли в логово.

Джером называл себя ничтожным слабаком и трусом, не способным перед собственным носом разглядеть истину и выполнить свой долг. Вот и теперь он спрятался под землей. Люди умирали из-за решений, которые однажды принял Джером. И вместо того, чтобы стоять с ними плечом к плечу, он убедил себя и остальных, что цель его не менее важна, хотя на деле он попросту бежал от ответственности.

Юноша поднял Алый Меч и всмотрелся в блестящую сталь клинка. Из кристального зеркала на него глядело собственное отражение — юноша, повзрослевший раньше срока,

обманувшийся во всем, даже в собственных победах. Все, о чем он мечтал, лежало на расстоянии протянутой руки. Победи королеву, и перед тобой откроется новая жизнь в радости и достатке, которые перевесят все страдания и лишения. Никогда еще Джером не был так близок к осуществлению своей мечты.

Джером поднес Меч к лицу и хотел посмотреть в собственные глаза. Может быть, в них пряталось то, что притягивало невезение и беды, какая-то часть души, которую можно убрать, и тогда…

Трудно что-то разглядеть, когда под блестящей гладью кружится хоровод огней. Он покачал клинок, подбирая угол, и не поверил собственным глазам. Вот же оно, прямо посередине каменной стены.

Отверстие.

Джером хлопнул по стене рукой. Камень такой же ледяной и шероховатый, такой же неприступный, как и прежде. Но в клинке он увидел, как хватается пальцами за пустое пространство, разверзшееся в скале.

Джером вскочил на ноги и встал перед скрытым от глаз отверстием. Ему мгновенно вспомнился утес, на котором находился вход в Уитлок. Было нечто общее. И древины, и королева — аватары своих родов. И те, и другие использовали магические чары. Но мог ли Джером противостоять им?

Юноша вновь подверг камень изучению, сначала с помощью физических ощущений, затем посредством Меча. Без сомнения, прав Меч. Талисман не обмануть с помощью колдовства.

Но победит ли Меч силу, которая угрожает ему? На это оставалось только надеяться. Самому Джерому не доставало ни знаний, ни умений. Ему не удалось ни отворить потайного замка, ни пройти сквозь зачарованную дверь. Если Меч не рассеет чары, не поможет ничто.

Джером занес клинок над головой. Замешкавшись на мгновение перед ударом и зажмурив глаза, юноша напомнил себе, что это единственный способ спасти Маришу и закончить войну. Его страстное желание смешалось, закружилось вместе с энергией Меча, слившись в единое целое.

Юноша нанес удар.

Потайная дверь вспыхнула огнем. Меч рассекал пустое пространство. Джерома закружило на месте.

Юноша быстро оправился и увидел темный туннель, уходящий вглубь. Джером не задумывался над тем, что скрывалось в нем. Он знал наверняка.

Стиснув зубы, юноша осторожно вошел в туннель.

Глава 43

Колокола били отступление.

Звон разливался уже некоторое время. Но в отличие от падения первой крепости, на этот раз Невик был не в резерве, а на первых позициях и не мог немедленно отозваться на призыв. Вырваться из гущи боя никак не удавалось.

Вокруг бушевало сражение. Оставалось только развернуться и бежать, но повернуться к врагу спиной хоть на мгновение означало верную гибель. И Невик продолжал бой вместе с остальными воинами, медленно отходя в тень третьей крепости в надежде, что отряды на стенах и мостах прикроют их и задержат наступление драконов. Он молился о спасительном чуде.

Ящер бросился на барона, но, занятый схваткой с другим драконом, тот не сумел отразить нападение. Зверя перехватил другой воин, проткнув тому горло пикой. Дракон отбивался и визжал, соскальзывая по древку. Невик помог солдату прикончить гадину. Булава обрушилась на драконий череп, и сопротивление прекратилось.

Прежний противник прорвался мимо двух вооруженных пиками бойцов и вновь нацелился на его горло. Невик отпрянул в самое последнее мгновение, иначе его голова полетела бы с плеч. Но когти задели плечо, разорвав кольчугу и оставив кровоточащую рану. Невик попятился назад, оступился о драконье тело, упал на спину и увидел перед собою свинцовое небо.

На счастье, Трой оказался неподалеку. Тело дракона без лапы и с пробитой грудью придавило Невика. Двое воинов добили зверя, а командующий помог Невику подняться.

Невик едва передвигал ноги, а Трой толкал его вперед к воротам, отбиваясь по пути от драконов. Перед отступавшими выросла стена защитников Суариса, в которую ударилась черная волна. Зазвонили колокола. Невик почувствовал, как ужас овладевает им.

Они бежали из последних сил, за ними неслись драконы. Последний бросок, и они едва успели вскочить на третий ярус до того, как подпорки убрали, и скат сорвался. Драконы, пробившиеся вместе с последними из людей, были моментально окружены и уничтожены. Ворота с грохотом затворились.

— Вы ранены?

Невик медленно поднял голову на солдата, не понимая, почему тот кричит на него.

— Барон, вы ранены?

Невик не отвечал. Солдат, подбиравший раненых и убитых, подозвал отряде носилками.

— Он в порядке, сержант, — заявил Трой, поднимая Невика.

Юный сержант нахмурился, покачал головой и вернулся к своему делу.

На дрожащих, неверных ногах Невик поднялся вслед за Троем на третью крепость Суариса. Горожане, спешившие на четвертый ярус, еще попадались на улицах. Битва за второй ярус не продлилась и четверти часа. Только чудом смогут они теперь, изнуренные сражением, удержать третью крепость.

— Надо остановить колдуна и демона, — прорычал Трой.

Невик кивнул. Это была единственная возможность отбить новую атаку. Но они уже испробовали весь свой арсенал вооружений и хитростей. Нечего и думать о том, чтобы прорваться сквозь строй драконов и вступить в схватку с колдуном и демоном. К тому же оба их противника казались неуязвимыми перед любым оружием. Положение было безнадежным.

Враги, по всей видимости, также осознавали это. Колдун и демон, не теряя времени, прошли сквозь драконье море, чтобы проложить ящерам дорогу к третьей крепости. Как и прежде, защитники бросили все силы и вооружение против колдовских чар и каменных кулаков.

Слушая стук камня в ворота, жадный рев и визг драконов, собравшихся на волшебном мосту, Невик заметил поразительную покорность, которая появилась в лице Троя. От лучезарной гордости и решимости не осталось ничего. Невик не смел глянуть в другие лица, боясь встретить в них то же самое.

Командующий Трой вздохнул.

— Как там Торин? — пробормотал он. — Заканчивал бы он поскорее.

С этими словами Трой устремился навстречу неприятелю, призывая товарищей к бою. Невик только подивился силе его духа.

* * *

Скованный страхом, Эллайен стоял на краю пещеры, ведущей в логово дракона. Даже во сне чудовище было неуязвимо. В сотне шагов от его укрытия оно разлеглось на горе камней и костей существ, забытых многие столетия назад. Губы скривились, открыв стену клыков, каждый из которых был больше человеческого предплечья. На чудовищной морде застыла маска

ненависти. Свернувшееся во сне, закованное в броню тело казалось воплощением чистой силы и мощи. Перед Эллайеном лежало самое уродливое — и одновременно самое прекрасное создание из тех, что ему доводилось видеть. Создание, которое могло раздавить его, как он — надоедливую блоху. Салю существование такого зверя…

Толчок вбок прервал череду его благоговейных раздумий. Однако Эллайен оторвал от чудовища взгляд, только когда паренек больно скрутил ему руку. Если раньше мысль об убийстве дракона казалась нереальной, то теперь она стала просто смехотворной. И об этом Килаку поведал взгляд Эллайена.

Но Килак уже все решил. Он указал на ближайший выступ справа от входа в туннель. Когда Эллайен раскрыл рот, паренек скомандовал ему замолчать и продолжал раздавать указания жестами. Пробраться на выступ, к которому вела покатая тропинка, труда не составляло. Килак хотел, чтобы с этого выступа охотник прикрыл его.

Эллайен вновь попытался возражать, а Килак от него в очередной раз отмахнулся. Паренек прав, согласился Эллайен. Они зашли слишком далеко, чтобы отступать. Они могли попытать удачу, следуя указаниям древинов, или потратить неделю на обратный путь только для того, чтобы погибнуть в безнадежной борьбе с нескончаемыми полчищами чудовищ. Эллайен долго не раздумывал. Лучше покончить со всем здесь и сейчас.

Охотник снял с плеча лук и пожал руку Килаку. На короткий миг взгляды их встретились. Каждый готовился к предстоящему бою, желал другому удачи и молился об успехе. Затем паренек мгновенно исчез, и в пещеру скользнула бесшумная тень.

Эллайен пристроил колчан среди камней своего укрытия и вынул дюжину стрел со стальными наконечниками. Крепко сжав стрелы, чтобы они не зазвенели, Эллайен сделал шаг в огромную пещеру, собрав в кулак остатки храбрости, хотя все тело его тряслось от страха. В последний раз он подумал о том, чтобы пуститься наутек по туннелю, но вдруг заметил Килака, пробиравшегося навстречу чудовищу. Парень намеревался встретиться лицом к лицу с ужасом — с помощью Эллайена или без него.

Охотник зажмурился, призывая на помощь богов. Тихо, как только можно, он занял свое место.

* * *

Над Джеромом нависла волчья морда демона. Он был гораздо больше лесного зверя, его вытянутое тело опиралось на задние лапы. Позвоночник ощетинился шипами, а когтистые пальцы рвали воздух. Ряды зубов, подобно каменным выростам родной его пещеры, торчали из разинутой пасти. Губы застыли, готовясь издать леденящий душу рык.

Даже неподвижный, зверь вселял страх. Но Джером разглядывал статую скорее с любопытством. Срезы и острые углы освещал мягкий зеленоватый свет, лившийся из озера за его спиной. Волк был лишь одной из статуй, выстроившихся вдоль стен пещеры и обращенных лицами к каменному обрамлению водоема. Но этого зверя Джером узнал. Он выследил логово своего ночного кошмара.

Джером разглядывал бесконечные рубцы и шрамы, изрезавшие каменное тело. Пальцы его пробежали по глубокой борозде на холодной и твердой волчьей шее.

Джером отступил от волка и снова огляделся. Ряды чудовищ стояли вдоль стен огромной пещеры, приютившей их. Некоторых не доставало, и тогда зверь, вырезанный на стене колодца, глядел на пустой пьедестал напротив. Войско демонов, застывших в вечной покорности.

Самой королевы нигде не было видно.

Джером чувствовал, как по его телу разливалось тепло Меча. Он повернулся к статуе демона и мрачно улыбнулся.

Меч взлетел в воздух и перерубил каменную шею. Еще голова не успела коснуться земли, а он уже надвое разрезал звериное тело. Со следующим ударом ноги переломились, и демон рухнул на пол.

Джером отступил назад, торжествующе оглядывая безжизненные осколки у своих ног. Не дожидаясь, пока опустится пыль, он принялся за соседнюю статую.

* * *

Невик поморщился от едкого запаха чеснока. Он с трудом открыл глаза, и туман перед ним постепенно принял очертания женского лица, покрытого оспинами и рубцами. Женщина одета была в коричневое платье. Сначала он ничего не слышал, а затем его поглотила грохочущая волна треска и лязга.

— Что случилось? — прохрипел он.

Женщина отложила в сторону пахучие снадобья и принялась вытирать лоскутом ткани его лицо и лоб.

— Третий ярус пал. Тебя принесли сюда. Не двигайся.

Невик сел, подняв голову с колен женщины. Под навесом временного госпиталя его окружали мертвые и раненые. Повсюду он видел корчившихся от боли людей в лужах крови, с отрубленными конечностями или такими глубокими ранами, что видны были кости и внутренности. Стайки лекарей летали над ними со своими бинтами, жгутами и заглушающими боль снадобьями, помогая тем, кто еще стонал. Они могли лишь облегчить последние страдания умирающих.

— Рана загноится, если вы не позволите ее обработать.

Сознание вернулось к нему мгновенно. Битва за третью крепость была страшнее любого другого сражения. Ослепленные близостью победы, драконы столкнулись с людьми. Упорство защитников сравнялось с яростью драконов, но солдаты вновь были вынуждены отступить, когда неприятель прорвался в крепость. Теперь они оказались на четвертом ярусе. Остался только один, самый верхний. Они понесли страшные потери, и этот день грозил стать для них последним.

Барон устало прижал ко лбу руку, отгоняя и женщину, и боль, которая в любой момент могла погасить свет перед его глазами.

— Командующий Трой? Я видел, как он упал.

— Временная неудача, — раздался голос Троя.

Невик обернулся. Трой ковылял к нему на перевязанной ноге. Несмотря на смертельную бледность и кровь, сочившуюся сквозь одежду, командующий не выпускал из рук свой широкий меч.

— Командующий, — облегченно приветствовал его Невик, но потом нахмурился. — Что вы делаете?

— Хочу увидеть все до конца.

Барон хотел было поспорить, но что-то в глазах Троя заставило его замолчать.

— Им придется убить меня.

Трой попросил женщину выйти.

— Господин, этот человек…

— От горячки не умрет. Обещаю. Идите дальше.

Женщина поклонилась и собрала свои повязки и лекарства. К Невику и Трою подошел солдат. Его бронзовые латы были забрызганы черной драконьей кровью.

— Еще не наступило время для победного салюта? Я и не знал, что мы выиграли.

— Генерал! — воскликнул Невик.

Коратэль и Трой пожали друг другу руки.

Коратэль улыбнулся.

— Рад видеть, что вы пока с нами. Что вас заставило покинуть передовую?

— Так, царапина, — заверил его Коратэль. Присмотревшись,

Невик обнаружил, что левая рука Коратэля залита кровью из перевязанной раны. — Значит, нам пора собираться в рудники?

Трой поднял глаза на верхний город, куда тянулись вереницы женщин, детей и стариков в поисках последнего укрытия.

— Лагерь на верхнем ярусе не разбить, — согласился он. — Но у нас остались еще две крепости.

— Но кто будет командовать ими?

Трой оглядел себя и товарищей.

— От каждого из нас осталось не больше половины. Так что придется командовать вместе.

Трое воинов переглянулись.

— Первый, кто окажется внизу, останется вечным должником, когда встретимся на небесах в Олириуме, — предложил Коратэль.

— Тогда давайте поднимем барона на ноги, и пусть идет первым.

Они улыбнулись, скрывая за смехом, как за маской, страх и отчаяние. Веселье прекратилось, когда крики дозорных объявили о приближении колдуна, а ворота задрожали от мощных ударов. Контуженный и хромой, Невик в сопровождении товарищей двинулся навстречу неприятелю.

* * *

Эллайен рассматривал логово Килланграторa из своего укрытия на выступе, держа наготове лук и положив перед собою стрелы. Сама пещера внушала благоговение и ужас. Стены были испещрены рытвинами и ходами, трещины кровоточили испепеляющей лавой. Пещеру разрезала огненная река, впадавшая в озеро расплавленной породы. Пещера освещалась огненными потоками, тогда как само озеро, по размерам большее, чем все горячие сосуды Краккен, покрыто было волшебной голубой жижей, которая шипела и пузырилась. Хотя жара и дым были невыносимы, дрожь земли казалась здесь слабее, а гневный рев вулкана отзывался лишь слабым эхом да трепетом под ногами. Эта пещера была, без сомнения, одним из немногих воздушных карманов в теле горы Краккен, но находилась в самом сердце бури или в пасти самого дьявола.

Килак бесшумно крался к спящему чудовищу — хозяину горы. Тонкие мечи притаились в ножнах. Эллайен видел из своего укрытия, как по лицу паренька беспрепятственно текли струн пота. Думал ли Килак о костях, по которым шел, об останках тех, кто приходил до него? Охотники за драконом, искавшие славы и смерти Килланграторa. Гоблины и великаны, людоеды и тролли,

эльфы и карлики, и, может быть, даже люди. Несметное войско, собравшееся в логове дракона за многие столетия, испепеленное, разбитое в щепки, перемолотое в пыль.

А теперь Эллайен и Килак пришли присоединиться к ним.

Парень медленно и уверенно ступал по куче скользких камней, подбираясь все ближе к голове спящего дракона. Эллайен непременно завопил бы, увидев своего друга рядом с громадными челюстями, если бы не сковавший его страх. Он задержал дыхание и постарался унять бьющееся сердце, уверенный, что оно своим стуком может выдать их в любую минуту.

Пока охотник справлялся с биением собственного пульса, Килак поднялся на горку и оказался в опасной близости от закрытого веками глаза. Трясущимися руками Эллайен нащупал оперение стрелы и стал ждать сигнала.

Килак обернулся на него.

Эллайен побелел. Парнишка, должно быть, разглядел ужас в лице друга, или вдруг понял, что храп прекратился. Теперь и он обнаружил то, что уже видел Эллайен.

Открытый немигающий глаз смотрел прямо на него.

Следующие события произошли в одно мгновение. Драконья голова с невероятной быстротой переместилась назад. Килак не успел обнажить мечи. Движение Килланграторa разворошило кучу камней и костей, на которых он стоял, и парню пришлось приложить все усилия, чтобы удержаться на ногах. К ногам Эллайена подкатился беззубый череп. Охотник выстрелил и промахнулся. Пока он вновь готовил лук, дракон набрал воздуху, будто хотел высосать все содержимое пещеры. Килаку не достать было чудовище, и, не тратя времени на мечи, он нырнул в укрытие за ближайшими валунами.

Огромная голова молниеносно устремилась за ним, изрытая пламя.

* * *

Джером рубил направо и налево, вихрем алого огня проносясь по логову королевы. Половина каменных демонов превратилась в бесполезные осколки. В воздухе повисла густая и удушливая пелена пыли, на которую юноша не обращал внимания.

Он не знал, чего еще ожидать в норе Спитахеры, но догадывался, что самое страшное впереди. Возможность представилась великолепная. Конечно же, чтобы остановить гибельную для человечества войну ему придется встретиться с

самой королевой. Спитахера может и не выйти из укрытия. Но Джерому становилось куда лучше от сознания, что, несмотря на исход событий, прольется и кровь ее слуг.

И Джером рубил статую за статуей, черпая силы в собственном гневе и веря, что обращенные в осколки демоны не причинят больше вреда людям.

Размашистый удар расколол очередное безымянное и невиданное чудище. В тот момент, когда разделились две половины, в стену прямо над его головой врезался сверкающий луч. Джером увернулся от посыпавшихся на него осколков и обернулся, приготовившись к встрече с врагом.

Над мерцающей гладью озера поднималась Спитахера. Возле нее по пояс в пенящейся воде стояла Мариша. Девушка опустилась на колени, и волосы ее сжал железный кулак королевы. Спитахера взмахнула рукой, и вокруг с треском заискрился свет.

Глаза Спитахеры блеснули. Джером ощущал гнев, скрывавшийся за ее улыбкой. В сознании его эхом прозвучали слова, процеженные сквозь стиснутые зубы.

— Мы ждали тебя.

Глава 44

Рев труб утонул в оглушительном шуме — грохочущие удары в ворота, разъяренные вопли драконов, сумятица на крепостных стенах и топот пехоты смешались с неустанной дробью проливного дожди. У Невика звенело в ушах. Он скорее ощущал гром битвы, чем слышал его. Он обернулся, почувствовав неожиданное движение за спиной. К своему удивлению он увидел, как задние ряды расступились, чтобы дать дорогу отряду всадников, в центре которого король Тэлин ехал верхом на белом жеребце. Со стягами и фанфарами процессия продвигалась к воротам четвертой крепости. Воины приветствовали короля.

Трой, казалось, был не слишком доволен.

— Ваше величество, — поклоном приветствовал короля командующий. — Вы, конечно же, не собираетесь принимать участие в бойне.

Король нахмурил брови. На нем была простая кольчуга, по которой стекали струи дождя.

— Прошу прощения, командующий, но я не намерен сидеть, сложа руки, пока гибнет город, достояние моих отцов.

— Но…

— Если кому-то и следует покинуть сражение, так это командующему, который едва держится на ногах. — Тэлин многозначительно взглянул на окровавленные бинты Троя. — Вы в силах выполнять свои обязанности?

Трой начал было спорить, но передумал и ответил поклоном.

— Мы почтем за честь сражаться рядом с вами.

Король кивнул. Взгляд его метнулся поверх голов на крепостные ворота, которые в этот миг разорвались, не выдержав ударов.

— С божьей помощью, — прошептал король.

Драконы устремились в ворота. Бой начался. Барон поднял булаву, приготовившись встретить неприятеля. В следующее мгновение его сбили с ног.

* * *

Вырвавшееся из драконьей пасти пламя докрасна раскалило камни и превратило их в серые угли. Даже издалека Эллайена обдало жаром, будто от плавильной печи, и он отпрянул. Он не мог заставить себя смотреть в сторону Килака. Без сомнения, паренек погиб.

Мальчишка оказался проворнее, чем он думал. Килак неожиданно выкатился из-за груды валунов неподалеку от входа в пещеру. Удивительно, но на нем не было ни царапинки, за исключением разве что единственной струйки дыма от одежды. Парень поднялся на ноги и встряхнул головой.

Киллангратор обернулся. Его змеиная шея зловеще пульсировала. На секунду дракон замер и принюхался. Эллайен проследил за взглядом чудовища, который был устремлен не на Килака, а в сторону, к выходу из пещеры. Паренек не шелохнулся и стоял спиной к туннелю, приготовившись к нападению дракона.

Из прохода вылетел серый демон, которого друзья оставили в долине. Расцарапанная безволосая кожа была перемазана драконьей кровью. Эллайен обомлел от ужаса и не успел предостеречь друга. В любом случае, при его человеческой медлительности предупреждение было бесполезно. В самый последний момент Килак все же попробовал увернуться от дракона. Слишком поздно. Демон налетел на него раньше, чем он успел вырвать из ножен клинок. Сцепившись, они покатились по земле.

Киллангратор принялся во второй раз втягивать воздух.

— Нет! — заорал Эллайен.

Он поднял лук. Дракон повернул голову, и две стрелы ударились о покрытую чешуей шею. Третья попала в глаз — безобидное насекомое.

Киллангратор заревел. Хвост пронесся через всю пещеру, ударил рядом с Эллайеном, но обрушил каменный выступ. Вместе с обломками охотник рухнул вниз.

Эллайен ни на мгновение не упускал из виду врага, даже теряя сознание от ударов об острые камни. Дракон забыл о нем, вернувшись к Килаку и демону. Чудовище в один миг обнаружило свои жертвы и гневно направилось к ним, тяжелыми шагами сотрясая пещеру, поднимая облака костяной пыли. На этот раз у Килака не было шанса спастись. Вопрос был скорее в том, кто прикончит его первым. В тот самый момент, когда демон почти одолел его и собирался откусить голову, обоих поглотил пламенный поток из пасти дракона.

* * *

Джером замер на месте, подняв перед собою Алый Меч, словно щит. Смертельно прекрасная, в прозрачных шелковых одеждах, Спитахера осматривала воцарившееся в пещере разрушение. Должно быть, ею овладел гнев, но она искусно

скрывала его. Снова раздался нежный и пленительный голос.

— А я-то думала, что ты вернешься к нам в Моритил. Ты, смертный, не перестаешь удивлять меня.

Мариша тихо стонала. Безжалостная рука королевы сдавила ей шею.

— Отпусти девушку, — инстинктивно произнес Джером. Даже ему самому такая просьба показалась смехотворной.

Спитахера улыбнулась, показав ему свободную руку. На ладони мерцала и потрескивала волшебная энергия. Медленно, вытянув пальцы, поднесла она руку к щеке Мариши. Нити света жадно затрещали.

— Твой последний шанс, дорогой мой Торин. Ты можешь владеть миром или остаться ни с чем. Выбор за тобой.

* * *

Он тонул в криках, не различая, были ли то вопли живых, или стенания мертвецов. Он больше не чувствовал разницы. Он лежал среди горы тел, не в силах стряхнуть с себя сковавшую его тяжесть.

Король верхом на белом жеребце размахивал тяжелым мечом. Тэлин пытался вновь объединить своих людей. Трой, Коратэль и бесчисленное множество воинов дрались не на жизнь, а на смерть. Но для Невика битва прекратилась в тот самый момент, когда он упал, с такой силой ударившись затылком о мостовую, что булава вылетела из его бесчувственных пальцев. Оставалось лишь дожидаться зубов и когтей, когда придет его черед.

Враг бился с той же непреклонной силой, подгоняемый близостью победы, словно стая акул, почуявших запах крови. И хотя оставался еще пятый ярус, защитники дрались насмерть. Четвертая крепость не была последней, но все знали, как мало значит всего одна стена. Они решили биться до конца. Многие уже не могли поднять меч, и тела их служили щитом для оставшихся в строю. Битва превратилась в бессмысленную и кровавую бойню, последнюю, из которой выйдет лишь один победитель.

Невик не мог двинуться с места, сознание его терялось в бреду. Даже смерть отказалась облегчить его муки. Тело не слушалось разума, и лишь боковым зрением он улавливал отдельные эпизоды сражения. В конце концов затуманенный взгляд его остановился на зиявшей в стене бреши, сквозь которую лились потоками черные чешуйчатые звери. Над черным неспокойным морем высились голова и плечи каменного

великана. Невик знал, что рядом с ним стоит колдун. Юный барон жалел лишь о том, что не увидит смерти выродка, который упивался смертью и страданием, даже если ничего не выигрывал от этого. Ему бы еще достало силы поднять булаву и прикончить колдуна, отомстить за отца и умереть счастливым человеком.

Невик закрыл глаза, по которым хлестал дождь. Скоро дух отца придет за ним, чтобы забрать домой.

* * *

Боль накатывала волнами и жгла сломанную ногу, грозя потерей сознания. Эллайен прикусил язык, чтобы не вскрикнуть. Не время вопить о своих страданиях, злиться и горевать. На этот раз сомневаться не приходилось, Килак мертв. Израненный и заваленный камнями, охотник метался, как пойманная рыба с крючком во рту. Его отчаявшийся разум отказывался принимать поражение.

Он шарил руками и искал лук, но языки пламени вдруг погасли. Охотник не верил собственным глазам. Должно быть, слишком сильно он ударился головой — единственное объяснение тому, что он увидел.

Полоса раскаленного камня осталась там, где пролетела огненная струя из пасти дракона. Демон сгорел, и прах его развеяло ветром, пронесшимся вслед за пламенем.

Среди облака пепла на коленях стоял Килак Кронус, живой и невредимый.

Паренек глядел на череп демона, который растаял и превратился в уголья у него на глазах. Вокруг него почерневшая, обожженная земля испускала струи дыма и пара. Он огляделся удивленно, не понимая сам, как получилось, что он все еще жив.

Килланграторо оцепенел от неожиданности — дракон был изумлен не меньше своей жертвы.

Быстро оправившись, зверь оскалился и, впиваясь когтями в землю, устремился на Килака.

Килак решительно поднялся на ноги. На это раз он не бежал, и пара клинков блеснули у него в руках.

Килланграторо остановился. Дракон выпучил глаза, потом сощурился, попятившись и съежившись, словно ослепленный солнцем. Эллайен смотрел на Килака, не понимая, что могло так испугать древнее чудовище. Паренек не шевелился. Ничто не изменилось, ничто, кроме…

Охотник перевел взгляд на мечи в руках Килака, и забытые слова зазвенели у него в ушах.

Твои клинки поразят Киллангратора.

Так обещали древины.

Твои клинки…

Дракон попятился, лапами и крыльями отражая невидимое сияние мечей в руках Килака. Став свидетелем тому, как Килак выжил в огненном дыхании Киллангратора, Эллайен думал, что его уже ничем не удивить. Он ошибался. Килак не сделал ни единого шага, а дракон сбился в клубок как пришибленная собака, медленно отступая и прижимаясь к земле.

За спиной дракона залитое голубой жижей озеро лавы шипело, будто живое существо.

Эллайен вновь посмотрел на Килака. Парень стоял неподвижно, пораженный сценой, которая развернулась перед ним.

Конвульсии сотрясали тело дракона. Глаза его закатились, крылья протянулись к своду пещеры. Издав жалобный вой, чудище погрузилось в кипящее озеро.

Киллангратор взвыл, и гора задрожала до самого основания. Эллайен затаил дыхание, осознав, что произошло. Горячая лава не причиняла дракону вреда, но голубая жижа пожирала его плоть, словно кислота. А дракон погружался все глубже. Похоже, он предпочел растаять заживо, лишь бы не встречаться с таинственной силой клинков.

Вонь горелой плоти заполнила пещеру. Гора задрожала, и в темноте с потолка посыпались тяжелые камни. Они разбивались об пол на тысячи осколков. Эллайен съежился и закрылся руками, он оказался в ловушке под грудой камней. Охотник был уверен, что гора обрушится и похоронит его в одной могиле с Киллангратором.

Но вой затих. Тело дракона скрылось под вязким покровом лавы, а голова упала на каменный пол. Огромные глаза погасли. Крылья опустились, будто паруса переломленной мачты. Вулкан вздрогнул и замер, и огонь горы Краккен начал остывать.

* * *

Он пришел спасти Маришу от верной гибели. Он обещал освободить народы от гнета королевы демонов. Он отправился один, потому что собирался совершить это единственным способом, который был ему известен.

Он пришел сдаться.

Он не считал себя трусом. Напротив, храбрости на это требовалось больше, чем на что-либо другое. Если ценой

собственной жизни он мог повернуть ход событий, то с радостью согласился бы пожертвовать собой. Но одной его смерти не достаточно было для спасения Мариши, друзей и народа Пентании. В действительности королева желала лишь одного — завладеть Мечом. Подчинение ей не обещало людскому роду даже кратчайшей передышки. У них оставалась единственная надежда.

Почему же тогда его не оставляло чувство, что расставание с Мечом станет предательством всего, за что он сражался? Это был единственно правильный выход, последнее средство повлиять на исход войны в их пользу. Подобное решение он принимал уже однажды, в заточении в Крааген Кипе. Погибнуть в бессмысленном сопротивлении или дать королеве то, чего она хочет и выиграть для людей хотя бы шанс отсрочить гибель. Только собственное тщеславие могло внушить ему, что он способен одолеть такое создание — неуместная вера в значение своей судьбы. Великими предводителями были те, кто умел сражаться и знал, когда сложить оружие. Даже Килак поступил так, когда в джунглях Восгеса на них напали А'авари. Если он собирался вести людей за собой, то настало время показать, что он усвоил урок.

Невик бы стал возражать. Как и Коратэль, и Трой, и другие. Даже Мариша, казалось, чувствовала, какое решение он принял, и не одобряла его. Все были против. Но что принесла борьба? Боль, смерть и горе. Сдайся они с самого начала, тысячи людей остались бы жить.

Джером дрожал, опуская Меч. Глаза Спитахеры раскрылись от удовольствия. Джером посмотрел на Маришу, умоляя ее о прошении. По ее щекам текли горькие слезы. На девушке висела разодранная в клочья одежда. Она глядела на него с укором. Джером колебался.

— Они ничто для нас, мой Торин. Разве ты не видишь? Мы высшие создания, ты и я. Это нарушение природного порядка — ястребу жить подобно воробью. Взлети со мною, и я покажу тебе славу, о которой ты не мог и мечтать.

Джерому не хотелось верить в посулы королевы. Но в чем-то она была права. Юноша не мог отрицать, что его влекла и манила ее темная красота. Кажется, он сам обманывал себя.

Может быть, он на самом деле был лучше тех, которых пытался спасти. Наверное, ему следует уделять меньше внимания их нуждам и больше — своим.

Джером сразу же отбросил эту мысль. Ничем он не лучше своих товарищей. Все, о чем ему надо было подумать — это Мариша, с ее непоколебимой силой и состраданием — и

искушение отступало.

И все же, что теперь делать? Дать девушке умереть? Пожертвовать ею ради призрачной возможности спасти людей, многих из которых Джером не знал вовсе. Несомненно, именно этого Мариша и хотела от него. Но ее жизнь была Джерому дороже всего на свете.

Как и раньше, когда девушку впервые похитили колдун и демон, Джером не мог думать ясно. Несмотря на долгие и тщательные рассуждения о том, почему он должен сдаться, юноша чувствовал, что без Меча и он сам, и Мариша погибнут, а все остальные вскоре последуют за ними. Но перед его глазами сверкали лучи, угрожая спалить ее нежную кожу…

Внезапно какой-то блеск, знакомое красноватое свечение под разорванным платьем Мариши привлекло его внимание. Джером удивился. Наверное, игра воображения. Юноша вновь взглянул на королеву, которая, похоже, неправильно поняла причину его замешательства. Глаза ее сверкнули изумрудным светом.

— Пользуйся ею, как хочешь, если таково твое желание, но не становись рабом своей слабости!

Подчеркивая свои слова, королева встряхнула несчастную пленницу. Мариша зажмурилась и вскрикнула, ожидая, что в любой момент ее настигнет последний удар. Из-под одежды выпал рубиновый кулон и повис на груди девушки. Джером ясно видел его, но никак не мог поверить. Под блестящей гладью камня горели и вились огни Меча Азахиля.

Джером моментально скрыл удивление, взглянув на свою противницу. Он видел камень, а королева — нет. Мариша закрыла талисман от ее глаз, а все внимание Спитахеры было приковано к нему. Джером лихорадочно обдумывал ситуацию. Откуда возник такой камень? Как оказался он у Мариши? И почему она до сих пор не показала камня ему?

И все же появление талисмана объясняло многое, что приводило Джерома в недоумение раньше. Искренний интерес девушки к легендам о Мече, ее заверения, что реликвия существует, глубокое ощущение таинственной и волшебной его силы, ее секреты, включая тот, перед сражением в Моритиле…

Пот заливал глаза, но Джером не смел шевельнуться и вытереть его — это означало привлечь внимание королевы к тому, что только что открылось его взору. Пока он стоял в нерешительности, волшебные лучи вместе с рукою Спитахеры все ближе и ближе подбирались к лицу Мариши…

Внезапно Джерома осенила мысль, отчаянная надежда, от которой радостно забилось сердце — и так же быстро заставило его замереть от страха. Что, если он ошибся насчет камня? Может

быть, это очередная уловка королевы? Но что подсказывали ему чувства? Рискнуть или остеречься?

— Судьба отделяет слабого от сильного, — призывала королева. — Не противься своему предназначению.

Джером съежился. Снова мысль о предопределенности судьбы, о неизбежности исхода битвы. Ему стало еще больше не по себе, пока взгляд его метался между молниями у щеки Мариши и алым сиянием ее кулона.

— У тебя мало времени. Выбирай.

Невозможно. Джером не мог принять такого решения. Вероятные последствия были ужасны.

Впервые за все то время, что он владел Мечом, плечи его заныли от тяжести оружия. Руки снова опустились, и он поглядел на Маришу с немой мольбой.

Но когда их глаза встретились, по жилам Джерома хлынула новая сила. Сквозь боль и страх на ее лице светились неизменные твердость и спокойствие. Даже теперь, когда не осталось ни малейшей надежды на спасение, девушка отказывалась покориться. Об одном она просила — пусть он сам выберет себе судьбу, а не доверяется королеве демонов. Что бы ни случилось, она с легким сердцем встретит грядущее.

Джерому казалось, что он заблудился в этом взгляде. И когда мгновение прошло, душу его согрело не божественное прикосновение Меча, а уверенность в том, что Мариша навсегда останется с ним. Нужно отбросить страхи. Пора действовать.

Улыбка медленно расцвела на губах Спитахеры. Она с облегчением следила, как оружие Джерома медленно опускалось. Эта улыбка исчезла, когда Джером, проглотив собравшийся в горле ком, поднял Меч и сурово поглядел на королеву.

— Да будет так, — согласился он. — Пусть судьба нас рассудит.

И он бросился вперед, занеся над головой Меч. Лицо Спитахеры исказилось в гневной гримасе. В следующее мгновение она освободила волшебство, скованное в ее пальцах, и молнии устремились в лицо Марише.

Лучи не достигли цели. Пламенные языки вырвались из камня на шее Мариши, заключив ее в алый кокон. Сияние окутало руку королевы, преследуя колдовскую энергию и пожирая ее, будто масло.

Спитахера закричала от боли и выпустила Маришу. Джером вскочил на каменное кольцо вокруг озера и остановился. Он не ошибся насчет камня и заключенной в нем божественной силы, но алый огонь не остановился, уничтожив магические лучи. Королева не успела вовремя прекратить свою атаку как в

прошлый раз, на крепости Моритила. И алый огонь устремился по ее венам, наполняя тело. Она обратила к Джерому лицо, искаженное ненавистью и ужасом, и ее изумрудные глаза лопнули под давлением алых языков пламени.

Мариша бросилась к краю озера, подальше от бушующего водоворота. Ослепшая королева демонов устремилась следом, но Джером встал между ними, живым щитом загородив девушку. Не удержав равновесия, Спитахера напоролось на Меч, который с легкостью прошел сквозь ее тело.

Спитахера снова взвыла. Охваченная пламенем, она еще выплевывала молнии. Смуглое тело побагровело, а затем затлело и загорелось, будто лист пергамента. Джером крепко сжимал в руках Меч, отступая назад. Воды озера вскипали, но не могли погасить пожиравшего Спитахеру пламени. Вокруг королевы стремительно вырос огненный столп, и крики ее скоро слились в задушенный визг.

Дымная пелена расступилась и растаяла в воздухе, а от королевы демонов не осталось и следа, кроме строя разбитых статуй, каменного кольца вокруг озера и неспешного водоворота в том месте, где мгновение назад она исчезла.

* * *

Невик рано причислил себя к сонму мертвецов. Привлеченный переменой звуков, он все же открыл глаза. Короля Тэлина он увидел рядом с собою в лапах дракона. Трой и Коратэль бились с толпой ящеров, но не могли ничем помочь королю. Куда бы ни глянул юный барон, защитники Суариса отступали.

Но вдруг он заметил, что атака драконов захлебнулась, а ящеры скорчились от невыносимой боли. Сотнями они извивались и валились на землю. Наверное, иллюзия, но оглушенному Невику казалось, что твари съеживались и высыхали, превращаясь в комья вулканической породы.

— Чтоб мне провалиться на этом месте, похоже, их поджарил сам вулкан!

Невик не слышал, кто сказал это первым, но ропот вырос, подобно волне, и распространился со скоростью пожара в сухом лесу. Внизу, под стенами четвертой крепости у основания волшебного моста стоял колдун, который тоже наблюдал таинственную сцену и, очевидно, насмотрелся достаточно. По молчаливому приказанию под его ногами вырос из черного тумана конь, и колдун стремительно помчался к нижней

крепости, окруженный лавиной катившихся валунов.

Его провожала набиравшая силу волна ликования. Защитники города оправились от потрясения. Скоро даже грохот валунов утонул в их криках, а город задрожал, сотрясаемый оглушительным шумом.

Чьи-то сильные руки подняли Невика и помогли встать на ноги. Двое солдат бережно подвели его к Трою. Командующий приветствовал барона победным кличем и сердечным дружеским объятием.

Повсюду воины следовали их примеру, вздымая руки, воздавая хвалу небу и помогая раненым. На крепостных стенах целые батальоны плясали, высоко вскинув над головами оружие. Вскоре Невик оказался в окружении генерала Коратэля, короля Тэлина и своих товарищей, которые собрались у ворот, чтобы лучше видеть то, что разворачивалось внизу.

— Божества Кейлхай смотрят на нас, — сказал король Тэлин, и слова его утонули в море торжествующих криков.

Неожиданный взрыв привлек их внимание к одной из темных ниш крепостных ворот четвертого яруса. Там стоял забытый всеми каменный демон. Голову его оторвало огненным гейзером. До того как люди успели отреагировать на его появление, он повалился на землю, охваченный языками алого пламени.

— Смотрят в оба, — согласился Коратэль, опуская меч и с улыбкою наблюдая за догоравшим демоном. — Еще как смотрят.

Невик молчал. Он запрокинул голову и подставил лицо небу, где сквозь щель в свинцовых тучах на него лились солнечные лучи вперемешку с потоками дождя.

Глава 45

Джером сидел в мягком кресле перед камином, глядя на танец огней и стараясь отыскать хотя бы единственный островок прочной почвы среди мятежного океана чувств. Война с королевой демонов закончилась, но столько еще предстояло сделать. Тихие минуты вроде этой стали редкостью после возвращения из Суариса, а память дарила мало утешения. Как только ему удавалось принять одно горе, за ним возникало следующее, не менее печальное. Джерому начинало казаться, что череда тяжелых известий и открытий никогда не закончится.

В Суарисе Джером провел всего три дня после падения драконьего войска, о котором он узнал по возвращении вместе с Маришей из пещер. Расчистка земель и празднования затянулись, но Джерому не хотелось расставаться с друзьями. Он согласился ненадолго задержаться вместе с Невиком и его людьми, распрощавшись с Коратэлем, Джейзином, Мальтиком и Ларом и горсткой оставшихся от Западного партианского легиона воинов, которые отправились на востоке наступлением следующего утра. Он надеялся на возвращение Килака и Эллайена, если им, конечно, удалось пережить встречу с Киллангратором. Время требовалось и для того, чтобы выступить вместе с командующим Троем и двадцатью тысячами солдат в собственные земли, чтобы освободить их от гнета колдуна. А до наступления этого дня Джерома просили не беспокоиться, отдыхать и принять сердечную благодарность куурианского народа.

Три дня истекли, и прибыли вести из Дилна.

Джером выехал немедленно в сопровождении Невика, Мариши и отряда суарских всадников. Четыре дня заняла дорога с остановками в Моритиле, в ущелье Гейперон и в Иртвине, пока не привела его в родное село, где он долгие три дня разгребал золу и угли, хороня друзей и близких. Даже рядом с Маришей это испытание стало для него самым тяжелым. Разрушение родного дома, чего он опасался с самого начала, принять оказалось гораздо тяжелее, чем он себе представлял. Деревенский центр, окраины и сам лес были разорены или уничтожены. Выжили лишь те, кто бежали на север в Глендон или другие земли. Это все, что удалось выяснить гонцам. Среди развалин самой деревни не обнаруживалось никаких признаков жизни.

Джерому не давала покоя мысль, что гибели Дилна можно было избежать, поступи он иначе. Если бы он не поддался собственному упрямому желанию отправиться за Мечом, Дилн, скорее всего и не пострадал бы. Несмотря даже на то, что Меч

помог отвратить угрозу куда более страшную, Джером не переставал укорять себя за решения, удержавшие его на пути к древнему талисману и уведшие далеко от сородичей и друзей. А то обстоятельство, что, вернувшись чуть раньше, он вряд ли смог бы предотвратить катастрофу, казалось ему спорным аргументом. Его народ и родина заплатили слишком высокую цену. Несмотря на все извинения и оправдания, ему всю жизнь придется нести бремя вины.

На третий день его пребывания среди развалин Дилна из Глендона вернулись гонцы и привели с собою группу сельчан, среди которых были старейшины Оленн и Бэнон и отец Эллайена. Семья лучника чудом пережила резню. После встречи Джерому стало легче на сердце. Вечер друзья провели в рассказах о том, что принесли им месяцы, последовавшие за отъездом юноши. Отец Эллайена был огорчен таинственным исчезновением сына, но слезы печали смешались со слезами гордости, когда он узнал о его роли в войне. Милостивые Кейлхай не дадут его сыну пропасть по дороге домой, заверил Джерома старик. Юноша только кивнул, оставив все сомнения при себе.

Следующим утром Джером отправился в Кринуолл, получив вести о том, что колдун и его войска покинули столицу Олсона. Ушедшие в леса люди уже начинали возвращаться и присоединялись к тем, кто еще оставался в городе. Пока что это были отбросы, мародеры и грабители. Однако разведчики заверили его, что отряд в кратчайшие сроки восстановит порядок. Опасаться было нечего.

И Джером отправился в путь, считая своим долгом обезопасить столицу для тех десяти тысяч горожан, которые рано или поздно найдут дорогу домой. К его удивлению множество жителей уже возвращались в столицу. Длинные вереницы людей тянулись по дорогам, и каждый приветствовал его. Неожиданное и всеобщее признание застигло Джерома врасплох, но не повлияло на гнетущее настроение. Пока все праздновали победу над колдуном, Джером понимал, что брат его оставался где-то поблизости. Поражение сделает его только более опасным, если суждено им будет столкнуться вновь. И Джером не будет рад этой встрече.

Но, увидев воочию последствия вторжения колдуна, Джером почувствовал, как отступает это желание. Трепет сменился гневом, когда он собственными глазами увидел истерзанный гордый город, которым восхищался в юности, не забывая, что первую искру в этом пожаре зажег их кровный отец, Сорл. Но то, что при старом короле ослабело от расточительства и запустения, было обращено в руины колдуном и его наемниками, которые

разграбили и выжгли, отравили все варварскими знаками смерти и насилия. И среди них на самом высоком парапете дворца оставались всеми забытые останки королевы Эллибе. Мать, загубленная собственным сыном за преступление, не известное никому. После этой находки ледяной огонь дотла выжег все опасения и страхи в сердце Джерома. Он будет ждать возвращения Сорика.

С тех пор прошло уже более двух недель. В это время занимали его по большей части дела, в которых не имел он ни знания, ни опыта — а именно, восстановление порядка в столице и во всем королевстве. Так много необходимо было сделать, что Джером и не знал, за что взяться в первую очередь. Собственно говоря, если бы не Невик, он давно бы схватился за голову и с воплями убежал в лес. Но юный дракмарский барон остался при нем и помогал назначать городских управляющих, устраивать советы, проводить в жизнь замыслы, начиная с отстройки городских домов и рыночных площадей и заканчивая помощью отдаленным от столицы окраинам. Дел было множество, вроде установления налогов, введения воинской повинности и тысячи прочих задач — достаточно, чтобы сделать головную боль постоянной приятельницей, а сон — позабытой мечтою. Но Невик трудился неустанно, вынуждая и Джерома следовать своему примеру.

Откровенно говоря, Джером был рад работе, которая отвлекала его от тяжких раздумий. Однако мысли его непременно уносились на восток, следуя по пятам двух товарищей, которые, как он надеялся, остались в живых. Очевидно, что Эллайен и Килак выполнили свою задачу, но чем закончилась битва с драконом, и одолеют ли они дорогу дом ой — никто не мог быть уверен. Дни проходили, и множились тревоги Джерома. Со дня своего прибытия он отправил четырех гонцов, выставил посты на всех больших дорогах. До сих пор не было никаких вестей, а зима быстро приближалась. Если друзья не вернутся до первого снега, Джером намеревался отправиться им навстречу и дойти хоть до самых Скуллмарских гор, если появится необходимость, лишь бы Эллайен и Килак добрались до дома.

По крайней мере он был обязан разыскать их останки.

Джером поднялся с кресел и подошел к окну, вид из которого открывался на двор. Сам дворец пребывал в лучшем состоянии, чем он рассчитывал. Ходили слухи, что ужасное колдовство превратило королевскую резиденцию в настоящий вертеп. Даже если и так, то после бегства колдуна здание приняло свой первоначальный облик. И пускай не доставало ему белокаменной красоты Моритила или суровой величественности Суариса, с

лихвой хватало Джерому и его друзьям в нем места и роскоши, на которых они и не настаивали.

Он поднял глаза на небо, где бледно-розовая полоса очертила вечерний горизонт над вершинами деревьев. Он погладил примостившегося на подоконнике одноглазого кота — животное, которого никакая сила не смогла выдворить из дворцовых покоев. Хотя кот больше не шипел на него, как в самом начале, но все равно съежился от прикосновения, и Джером оставил его в покое.

Но руку с кошачьей спины он убрал только когда раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Джером, не отрывая взгляда от кромки леса.

Вошла Мариша, увлекая за собою летящие полы красивого платья. Джером не сумел скрыть своей радости.

Она подошла и остановилась перед ним.

— Тебе нравится?

Тончайший шелк великолепно обнимал ее изящную фигуру. Нежный лазурный цвет подчеркивал блеск голубых глаз.

— Очень милое. — Запах ее духов дурманил голову, но более всего Джерома завораживала улыбка Мариши. — Откуда оно у тебя?

— Один юный портной сшил его для меня — подарок другу короля.

Вот он, витает повсюду, навис надо всеми — призрак того, кем он должен стать. До приезда в Кринуолл Джером еще тешил себя надеждой, что народ может и не принять его. В конце концов история о подстроенной смерти и неожиданном воскрешении принца Торина до сих пор казалась сомнительной. Однако большинство людей пришли к выводу, что в свете последних событий она была не такой уж немыслимой. К тому же лишь Невик мог кроме него претендовать на трон, а юный барон за счастье почел уступить Джерому, помогая ему во всем и советом, и делом, завоевывая доверие народа.

Конечно, Джером подозревал, что ничто не имело решающего значения — ни его происхождение, ни отсутствие серьезных соперников, ни поддержка благороднейшего из переживших вторжение колдуна вельмож. Он владел Алым Мечом. Джером уже стал легендой среди народа, отчего ему нередко делалось не по себе. Люди хотели, чтобы он занял трон, потому что видели в нем спасителя. А то, что победные деяния никоим образом не подготовили его к рутинным делам управления королевством, прошло мимо них. Он стал не просто человеком, а героем, идолом, кумиром. Именно этого они хотели и ждали.

Тем не менее Джером приложил все усилия, чтобы оттянуть

любую форму коронации. Народ Олсона уже начинал требовать. Короли и правители с востока и запада открыто поддерживали его. Несомненно, были партии и в столице и за ее пределами, которые жаждали захватить власть в свои руки, но не смели бросить ему вызов, страшась последствий. В конце концов Джером начал подозревать, что церемония неизбежна. Он тянул время, но больше не хватало фантазии выдумать причины для отсрочки. Кому доверял он кроме Невика? И если оставить все, куда ему идти? Что еще делать? Друзья уверяли его, что лучшее из того, что мог сделать он для своей родины, это занять престол Олсона. В любом случае, откладывать решение нельзя.

Словно чувствуя тревогу Джерома, Мариша подошла и обняла его. Где бы он сейчас был без ее верной поддержки? Несмотря на разговоры о возвращении в Парту, она согласилась дождаться Килака и Эллайена. Джером, конечно же, хотел, чтобы Мариша осталась дольше, но никак не мог набраться смелости попросить.

Его взгляд скользнул по шее девушки, и Джером нащупал цепочку пол платьем, но Мариша успела взять кулон раньше, чем он его вытянул.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила девушка, отвлекая его от талисмана. Она все еще не хотела поделиться с миром своей сокровенной тайной.

— Сам не знаю, — признался Джером.

Он попытался объяснить, выразить словами то, чего не понимал.

— Когда все началось, — заговорил он, — мне не хотелось делиться со своими чувствами ни с кем. Ты не представляешь, как был я счастлив. Я с самого детства мечтал о возвращении Меча Азахиля. Потом я нашел его и встретил тебя…

Он остановился, неожиданно смешавшись.

— Продолжай, — улыбнулась Мариша.

Джером осторожно подбирал подходящие слова.

— Наверное, я ошибся, и счастье прошло мимо.

— Так что же случилось? — еще ярче блеснула улыбка Мариши.

Джером смутился, и неожиданно все, чему он так упорно противился, вылилось наружу.

— Что случилось? Мариша, наши дома разрушены, друзья, родные погибли. Мать умерла, пытаясь защитить меня, а убийца скрылся без следа. Уже прошел месяц, и до сих пор ни единого известия об Эллайене и Килаке…

— Я тоже помню о них, — нежно сказала Мариша, прижав палец к его губам. — Но я уверена, у них все в порядке и они

скоро будут с нами.

Джером поймал ее пальцы на своих губах и задержал в ладонях.

— Я только хотел сказать, — продолжал Джером. — Все могло сложиться иначе, если бы я меньше думал о себе.

Мариша погрустнела.

— Не вини себя в том, что видишь в жизни что-то хорошее. И не думай о прошлом.

— Мариша…

— Мы все страдали. Все боролись. С невзгодами надо учиться справляться.

Джером покачал головой и отвернулся.

— То, что казалось мне судьбой, оказалось чем-то совершенно иным.

— Да вот же она, здесь, сейчас, созданная твоими собственными руками.

Джером грустно потупил глаза, но Мариша не сдавалась.

— Твоя вера, твоя решимость освободил и наши земли. Ты подарил мир людям. Что же тебе еще нужно для счастья?

Джером не сводил с нее взгляда.

— Выходи за меня.

— Что?

— Стань королевой Олсона, правь государством вместе со мной.

Мариша молча глядела на него, и Джером ожидал, что получит немедленный отказ. Но улыбка неспешно вернулась и осветила лицо девушки.

— Не отдать ли приказ глашатаям возвестить о свадьбе, мой господин?

Джером едва верил своим ушам, и слова выговорить не мог. Впервые за много дней он почувствовал настоящую радость.

Он собирался обнять Маришу, но покой их был нарушен. В палату без стука влетел мальчишка глашатай с такой стремительностью и грохотом, что спугнул кота с подоконника. Джером и Мариша встревоженно обернулись на него. Герольд запыхался и тяжело дышал.

— Прошу… прощения… госпожа, — поклонился гонец.

— Что случилось? — выступил к нему Джером.

— Мой король, — выдохнул мальчишка. — Прибыли господа Эллайен и Килак… требуют аудиенции.

Джером, разинув рот, глядел на вестника, пока смысл слов не дошел до него. С биением сердца он посмотрел на Маришу.

— Где же ты оставил их?

— Да нигде не оставил, — за мальчишку ответил Эллайен,

заходя в приемную. Он заметно прихрамывал на примотанную к деревяшке ногу. — Бегает он быстрее меня.

Джером бросился навстречу другу, Мариша за ним. Следом за Эллайеном вошел Килак. Друзья крепко обнялись.

— Где вы пропадали так долго? — спросил Джером, разглядывая забинтованную ногу охотника.

— За меня не беспокойся. Дракону больше досталось.

Джером улыбнулся. Все это время он внимательно изучал Килака на предмет телесных повреждений, но таковых не обнаружилось.

— Мы останавливались в Дилне, — опечаленно рассказал Эллайен. — Встретили Оленна. Он сказал, что ты тоже побывал там.

Джером кивнул.

— Моя семья здесь?

— Мы ждем их со дня на день. Они будут счастливы увидеть тебя.

— Я тоже, — слегка улыбнулся Эллайен. — У нас общее горе, приятель.

— Так что же случилось? — спросила Мариша.

— Не поверите, — воскликнул Эллайен, поглядывая на Килака. — Нам самим-то едва верится.

Джером и Мариша сгорали от любопытства.

— Скажем так, древины задолжали нам еще одну историю.

— Так выслушаем вас с начала и до конца, — объявил Джером. — Сегодня же объявляется королевский пир по поводу возвращения победителей драконов.

— Как же наша помолвка? — с притворным негодованием отозвалась Мариша. — Чем не случай и ее отпраздновать?

Килак поперхнулся.

— Вот уж не думал, что до этого дойдет. — Паренек лукаво подмигнул Джерому и еще раз обнял Маришу.

— Счастлив за вас! — Эллайен по очереди расцеловал их.

— Ура! — взвизгнул позабытый всеми глашатай. — Немедленно оповещу город!

Не успел никто опомниться, как мальчишка полетел по дворцу, голося во всю глотку.

Эпилог

В глубине коридоров Хтома склонился перед хрустальным зеркалом и нетерпеливо вглядывался в сияющую глубину. Недели провел древин за тяжелой работой, старательно отслеживая путь Джерома и его друзей, по которому те отправились, покинув руины Трак-Симбоза. Трудно выследить живую душу, а смотреть за опустевшей землей — почти бесполезное занятие. Несмотря на подробный отчет, который удалось составить за это время, иногда древину казалось, что гораздо проще было бы шагать вслед за ними в телесном обличье.

В основном, все случилось по его вине. Он прилежно наблюдал за друзьями на всем протяжении их пути, но сдался во время бесконечных их блужданий в катакомбах. Когда Хтома вернулся к наблюдениям, его подопечные, вооруженные Мечом, уже покинули развалины. Тогда все усилия устремились к тому, чтобы оценить успехи юного Торина и доставить его в Уитлок. Молодой человек должен был представить глазам древинов Меч и поведать свою историю. Только услышав его рассказ — и позже, после удивительного поражения королевы и неожиданного появления камня на шее девушки, — Хтома решил, что таинственный склеп, приютивший Алый Меч на многие века, заслуживал большего внимания. Некоторые, однако, опасались, что для этого уже слишком поздно.

Но теперь Хтома почти нашел святилище. Сквозь развалины собора двигался его взгляд вслед за едва уловимым дыханием друзей. На нижний ярус катакомб нашел Хтома ход по пятнышкам высохшей крови Торина. Немногочисленные следы друзей за прошедшие дни стали практически незаметными. Но не ускользнули от древина. Струйка пота стекала на сосредоточенно хмурую бровь наблюдателя. Хтома ощущал невероятное напряжение во всем теле, но ни за что не остановился бы, только не теперь, когда он так близко…

Вот оно. Краски и очертания слились в мутном тумане. Склеп с пробитым потолком, гниющий остов василиска, просторная палата за исчезнувшей каменной плитою, внутри — колодец…

Хтома улыбнулся. Здесь нашел юноша Меч Азахиля. Наконец после неустанных трудов и разочарований древины собственными глазами видели то, что предстало очам Торина. Склеп был таким же, как и описывал его юноша — темным и безмолвным, с возвышением в центре и разрушенным алтарем, окруженным норами василисков. От самых зверей не осталось и следа. Их прогнали прочь…

Внезапное движение испугало древина, и он отпрянул. Образ моментально исчез, а хрустальное зеркало потемнело и погасло. Хтома изумленно моргал глазами и только через некоторое время вспомнил, что надо отдышаться. Он больше ничего не видел. Просто устал, вот и все. Перетрудился за день. Пускай следы Торина и его спутников таяли с каждой минутой, он нашел верную дорогу, и завтра с легкостью отыщет ее снова.

А до тех пор, пока он окончательно не убедится сам, Хтома сохранит свое открытие втайне. Мавентроу и остальные и без того считают его чересчур сердобольным. Насмешки он терпел, но не мог допустить, чтобы древины не обратили внимания на его предостережения.

А пока ему было о чем побеспокоиться. В первую очередь его интересовала Мариша Валур — обычная девушка, которая в итоге оказалась не такой уж простушкой.

Хтома покинул залу и не увидел главного: в центре склепа, откуда Торин унес Меч, из колодца высунулся черный коготь и впился в его каменный край.